„ПРАВДА О ВОЙНЕ 1914—1918 гг.“

ВВ255
Л 536

ЛИДДЕЛЬ-ГАРТ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1935

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

в труде Лиддель-Гарта „Правда о мировой войне"

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
52	9 сверху	развивалось	развивалась
52	7 снизу	Биртон	Виртон
55	3 сверху	Гьюи	Гиз
55	9 „	Гьюи	Гиз
66	19 снизу	Сих	Кукс (Сих)
203	4 сверху	строку поставить на место 6-й строки.	

117

THE REAL WAR
1914—1918

BY

B. H. LIDDELL HART

LONDON
FABER & FABER LIMITED
24 RUSSELL SQUARE
First published in MCMXXX

[illegible]

„ПРАВДА О ВОЙНЕ 1914—1918 гг.“

ЛИДДЕЛЬ-ГАРТ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО О. ТРИЭЛЬ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. М. ЛАНДА

2экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935

1966
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

ЛИДДЕЛЬ-ГАРТ „Правда о войне 1914—1918 гг.“ Перевод с английского О. Триэль. С предисловием М. М. Ланда.

В небольшом предисловии автор высказывает мысль, что „правдивую“ историю мировой войны можно написать только теперь, пока еще живы те, кто может личными показаниями подтвердить или опровергнуть сведения, заключающиеся в появившемся после войны „потоке документов, дневников и мемуаров“. Пользуясь именно этими данными, автор последовательно, в хронологическом порядке, рассматривает наиболее интересные и наиболее важные моменты мировой войны, с целью выявить „истинную“ подоплеку разбираемых им событий. При этом Лиддель-Гарт со свойственным ему задором не стесняется в характеристиках и в оценках наиболее видных „деятелей“ мировой войны, что местами придает его труду остро-полемический характер.

Книга представляет интерес для всех изучающих вопросы мировой войны как в целом, так и в наиболее ярких ее проявлениях.

ВВ255
Л536

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К. В.К.П.(б)

195
35
181857

Подготовили к печати:

Редактор *Н. М. Потапов.*
Техн. редактор *А. Бабочкин.*
Корректор *О. Люлько.*
Выпускающий *Ф. Виноградов.*

Сдано в набор 27/VII 1934 г.
Подписано к печати 14/III 1935 г.
Форм. 62×94 1/16. 25,75 п. л. (32,28 авт. л.).
Ленгорлит № 33103.
Бумажных листов — 13. 99840 зн. в бум. листе.
Огиз № 191. Заказ 3309. Тираж 10.000 экз.

Цена 6 р. 25 к., переплет 1 р. 25 к.

ЛОЦТ Наркомобороны Союза ССР им. Клима Ворошилова (Ленинград, ул. Герцена, 1).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

«И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» (Ленин, т. XVIII, стр. 193).

«И если, несмотря на опыт первой империалистской войны буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть» (Сталин, Из доклада на XVII съезде партии).

«Правда о войне 1914—1918» — так Лиддель-Гарт назвал свою книгу. Автор решил дать «правдивую» историю мировой войны 1914—1918 гг.

Правда о мировой войне! Это звучит претенциозно. Лиддель-Гарт хочет очистить историю мировой войны от «кустарной мифологии». Я вижу, читатель, на твоем лице знак изумления и недоверчивую гримасу. Не верится, чтобы это мог сделать человек, воспринимающий войну и мир только сквозь шоферские «консервы». Не верится, чтобы это мог сделать человек, предлагающий в дни военного потопа превратить Ноев ковчег в гараж. Не верится, чтобы это мог сделать человек, сажающий человеческую историю на гусеничную тягу не для ускорения социального прогресса, а для подвижности армий в бою.

Правда о мировой войне! Это звучит гордо. Шутка ли, разве не заманчива роль оракула, изрекающего «только правду», да еще в вопросах войны, которая всегда была пределом обострения противоречий. Непосильную ношу взвалил на свои плечи Лиддель-Гарт как историк. И он неоднократно спотыкается под тяжестью этой ноши, будучи совершенно придавлен ею, когда встает вопрос об истоках войны, о подлинных причинах, приведших к мировой бойне. Горизонт Лиддель-Гарта не расширяется дальше дипломатической стряпни и династических трений. Далеко не в первом ряду причин войны были распри между дядей и племянником — Эдуардом VII и Вильгельмом II, как далеко не в первом ряду причин были отношения «Вилли-Никки». Как и всякий буржуазный историк, Лиддель-Гарт непомерно много внимания и места уделяет поездкам королей и речам дипломатов, не будучи в состоянии подняться до понимания истинных пружин войны в эпоху империализма. Социально-политические и эконо-

мические факторы остаются вне его поля зрения. Уже этот один факт лишает историю Лиддель-Гарта правдивости.

Лиддель-Гарт принадлежит к тому типу военных историков, которых Ленин называл обывателями.

...Обыватель не понимает, что война есть продолжение политики, и потому ограничивается тем, что «де, неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая из-за чего ведется война, какими классами, ради какой политической цели...

...Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. Для марксиста важно, из-за чего ведется данная война (Ленин, т. XIII, стр. 344). Никакого следа в человеческом сознании не оставляют подобные историки. Уделом их всегда было и будет забвение «грядущих поколений». Предчувствие не обманывает Лиддель-Гарта. Мы разделяем его опасения, что «историк окажется беспочвенным оптимистом, если он будет думать, что грядущие поколения потрудятся внять его предостережениям». Но такова судьба историка-идеалиста, у которого обывательский, а не марксистский анализ войны является исторической канвой.

Заранее отказываясь от изучения того, как заготовлялись подрывные средства, приведшие к взрыву Европы, Лиддель-Гарт определяет основные причины мировой трагедии тремя словами: «страх, голод, честолюбие». Формула эта никак не вскрывает сущности войны. Империалистский характер мировой войны остается за скобками этой формулы, но отнюдь не за скобками сознания автора.

Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая в XX в. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах. Он настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены картелями, синдикатами, трестами и почти весь земной шар оказался поделенным между «владыками капитала», в форме ли колоний или посредством финансовой эксплоатации. Стремления монополистического капитала к захвату чужих земель для новых рынков сбыта и новых источников сырья для вывоза капитала стали типичнейшей чертой империалистской эпохи. «Закон неравномерности развития,— говорит т. Сталин,— в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф...»

В этом причина причин империалистических войн.

С опозданием выступивший на историческую арену капитализм Германии хотел на полях сражений наверстать упущенное историей. К дележу мировой добычи он прибежал после свистка паровоза. Он пришел, по выражению Ленина, «к столу капиталистических яств, когда места были заняты».

Лиддель-Гарт правильно говорит о «бронированном кулаке Германии», как о методе ее международных отношений накануне войны. Но политическая близорукость или патриотическая ограниченность мешает ему разглядеть другой бронированный кулак...

Для Лиддель-Гарта характерно непонимание того, что англо-германский антагонизм был решающим в ряду причин мировой войны. Разрешение англо-германского спора о мировом господстве силой оружия было неизбежно. Как это ни странно, то, что было очевидным для немцев, не всегда было ясно британцам. Именно это обстоятельство дало повод Вильгельму в его знаменитом интервью, опубликованном в 1909 г. в «Дейли телеграф», сказать, что «британцы полоумны, как зайцы в марте». Лиддель-Гарт правильно напоминает, что наиболее замечательной чертой прошлого в отношениях этих стран надо признать «то количество пинков», которое потребовалось, чтобы отогнать Британию от Германии и бросить ее в объятия двойственного союза. Эти пинки встречали столь слабое сопротивление, что это дало Шлиффену основание занести свой меч над головой Франции, а немцам право надеяться на нейтралитет Англии... почти вплоть до часа роковой развязки. Немцы «проглядели» своего главного врага — британский империализм. И в этом смысле днем их поражения надо считать не 11 ноября 1918 г., когда в лесу Компьен в вагоне Фоша было подписано перемирие и опущен занавес мировой трагедии, а 2 августа 1914 г., когда Британия объявила о мобилизации своих сил. Но потребовалось 4 года 3 месяца и 26 дней войны, чтобы это стало очевидным для них.

Действительная сущность мировой войны, как писал Ленин, заключалась в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении правящих классов царской России к захвату новых земель. Как известно, одна коалиция империалистских стран разгромила другую, прибавив к старым противоречиям много новых, еще более острых и непримиримых, а в России победила пролетарская революция.

Лиддель-Гарт, несмотря на обещание дать «правдивую» историю, бессилен раскрыть тайну, в которой рождается война. Оперируя как историк всей гигантской мощью армий капитализма, он сам совершенно безоружен перед лицом марксистско-ленинского метода исследований и марксистско-ленинского анализа войны. В этом секрет его бессилия и причина недосказанной «правды».

Империалист даже в зеркале войны не узнает своего империалистского лица. Природа войны у Лиддель-Гарта сводится к биологическим, психологическим и этическим мотивам. Вечность войны — основа этой реакционной философии. «Законом жизни является война», говорит Фуллер, учитель Лиддель-Гарта. А ген. Гровс — сторонник усиления британских воздушных сил — даже утверждает, что «нормальное состояние человечества — не мир, а война». При этом он ссылается на автора книги «Доблесть неведения», американского генерала, ныне умершего, Гомер Ли, который удивил мир подсчетом, что «за последние 3 400 лет (?!) было меньше чем 234 мирных года». Герберт Уэльс, «властитель дум» новаторов английской военной школы — тот самый, который выступает против «инсуррекционного социализма» и призывает к повиновению полиции,— тоже говорит о «противоестественности упразднения войны» (в книге «Спасение цивилизации»).

Так ниспровергатели старых принципов ведения войны возводят самую войну в вечный принцип.

Военное «кредо» Лиддель-Гарта достаточно известно советскому читателю. Крупный представитель современной английской военной мысли, новатор в области военного дела, певец малых механизированных армий, ученик Фуллера, превзошедший своего учителя силой пропаганды своих воззрений. Свою систему взглядов он изложил в книге «Новые пути современных армий», появившейся почти одновременно с книгой Фуллера «О войне будущего» в 1928 г. Основная мысль этой книги, как ее определяет сам автор, это — требование подвижности, подвижности во всем — в передвижениях, в тактических действиях, в организации, в оперативном мышлении. «Умственная подвижность обусловливает оригинальность в планировании и внезапность в исполнении — две существенные особенности и характерные черты великих полководцев, которые отличают художника от ремесленника войны». Война 1914—1918 гг. привела к застою, потому что средства защиты получили материальное превосходство перед средствами атаки. Пулемет и проволочные заграждения создали «ужас окопной войны». Имя Хирама Максима — американского конструктора тяжелого пулемета — было на войне популярнее имен генералов. И вот, «подобно сказочной птице Феникс, из пепла оборонительной силы возрождается новая наступательная сила — владычица поля сражения...» Это был танк.

Но танку не суждено было стать «владыкой поля сражения» в мировой войне, он скорее маячил как якорь спасения от застывших линий фронта.

Для новаторов типа Лиддель-Гарта характерно то, что они больше правы в критике прошлого, чем в построении армии будущего. В этой критике прошлого немало гиперболического, а в порыве к стилистическим красотам и шаржированного, но главное и основное подмечено правильно: военное искусство эпохи мировой войны привело к параличу гигантских армий на обширных фронтах. Странно и достойно удивления, как это бесспорное положение могло навеять идею малой механизированной армии. И надо признать, что эта идея была подсказана соображениями не столько тактического, сколько политического порядка. Мировая война в полной мере вскрыла глубокие противоречия, присущие буржуазной военной системе, противоречия между необходимостью иметь массовые армии и вместе с тем ненадежностью этих армий для буржуазии. Отсюда родилась фашистская идея малой армии «рыцарей в бронированных латах» и скоротечной, одноактной войны. Лиддель-Гарт — один из ярких носителей этой идеологии, один из наиболее ретивых ее проповедников.

Послевоенные годы показали, что буржуазии не избежать этих противоречий в силу прежде всего тех условий, которые коренятся в массовом характере самой военной техники будущей войны. Буржуазия идет навстречу новым войнам попрежнему с массовыми армиями, внедряя надежные фашистские элементы во все звенья военной организации. Именно этот факт имел

в виду т. Ворошилов, когда в своей речи на XVI съезде партии он сказал: «...Невзирая на весьма как будто веские доводы школы «молодых» о механизированной армии, буржуазия остается еще все же на позиции массовых армий, конечно высоко технически оснащенных. В то же время изыскиваются пути, как сделать эти армии своим верным орудием во всех отношениях».

Так на смену старым обанкротившимся с точки зрения автора принципам мировой войны Лиддель-Гарт и его школа выдвинули новые, заранее обреченные на банкротство, принципы войны. Все, что уцелело от их шаткого теоретического здания, сводится к серьезному пониманию и тщательной разработке вопросов оперативно-тактического использования механизированных сил. Но ни грамма больше.

Марксизм-ленинизм учит, что нет непреложных, раз навсегда годных принципов войны. Наоборот, эти принципы всегда зависят от конкретных условий, от общественных отношений, от уровня производительных сил. Вся история военного искусства это подтверждает. Наполеон не указывал никаких принципов и только говорил: «Принципы войны — это те, которыми руководились великие полководцы ,чьи подвиги нам сообщила история». Жомини держался того же мнения. Клаузевиц указывает 6 принципов. Фош в своих «Принципах войны» приводит 4. Фуллер в своей «Реформации войны» удвоил это число и указал 8. Ген. Гендерсон в «Науке о войне» скромно перечисляет только 3. Стоит только заглянуть в полевые уставы современных буржуазных армий, чтобы убедиться в такой же пестроте мнений. Пестрота эта свидетельствует не только о преходящем значении этих принципов на различных ступенях исторической лестницы, но и о большой их зависимости от уровня военной теории, от умения обобщить накопленный военный опыт, в соответствии с новыми требованиями каждой эпохи. Но это не значит, что современная буржуазная военная теория представляет собой неразгаданный сфинкс. Ничуть не бывало. Это может лишь означать, что разнобой в умах всегда сопутствовал капиталистической анархии производства, а современные конвульсии военно-теоретической мысли лишь отражают глубочайшие внутренние противоречия империализма.

Красная армия, первая армия первого пролетарского государства, идет в своем развитии своей дорогой. Эта дорога роста и расцвета была намечена гениальными стратегами пролетарской революции Лениным и Сталиным. Великие идеи великой большевистской партии всегда освещали этот путь. «Мы имеем на сегодня вполне современную, преданную делу социализма, крепкую, словом, хорошую армию» (Ворошилов, Речь на XVII съезде партии). Как никогда раньше, теперь созрели условия, для того чтобы ставить и решать вопросы нового пролетарского искусства ведения войны. Но именно Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали всю важность и значение военной теории для организации победы пролетариата и необходимость критического восприятия буржуазного военного наследства. Не только потому, что знать своего врага —значит снять повязку

с своих собственных глаз. Но прежде всего потому, что «революции придется с современными военными средствами и современным военным искусством бороться против современных военных средств и современного военного искусства» (Энгельс).

С этой точки зрения нужно ли доказывать, что изучение опыта мировой войны, несмотря на прошедшие два десятилетия, существенно перекроившие мир политически и экономически, все же имеет крупное значение. В свое время М. Н. Покровский писал, что история, как таковая, не в почете в наши дни, как никогда не бывает она в почете на фоне победоносной революции. Старое сожжено до тла: стоит ли вспоминать, из чего была сделана сгоревшая постройка?

Если бы мировой империализм выгорел так же чисто, как сгорел империализм русский, война 1914 г. нашла бы свое скромное место в учебнике наряду, быть может, с пуническими или наполеоновскими войнами, как памятник печального прошлого. Но в том-то и дело, что мировой империализм, хоть и крепко расшатанный, еще жив и собирается снова «железом и кровью» решать вопросы своей империалистской политики. «Дело явным образом идет к новой войне» (Сталин). Мы подходим к второму туру революций и войн, и тем лучше мы должны знать опыт первого тура. «Война 1914—1918 гг. как она есть» Лиддель-Гарта буржуазная, фашистская «правда» о войне. И конечно только с военной стороны и только при условии критического подхода даже к этой военной стороне, эта книга может представлять для нас интерес.

* * *

Общеизвестно, что мировая война характеризуется «бешенством числа» в отношении людей, железа и стали. Теперь, спустя 20 лет, мы вправе это «бешенство числа» распространить и на литературу о мировой войне. Поток литературы о войне так обилен, что он грозит захлестнуть настоящую правду. Если раньше победители и побежденные различно оценивали смысл и ход войны, то теперь каждый из победителей и каждый из побежденных творит свою легенду о войне. Тем настоятельнее необходимость разобраться во всем этом калейдоскопе картин.

Книга Лиддель-Гарта «Правда о мировой войне 1914—1918 гг.» является в сущности британской историей войны. Действия британских сил в Европе, Азии и Африке — ее главная тема, а Джон Френч и Дуглас Хейг — британские главнокомандующие — ее главные действующие лица. Мировой фон событий не оспаривает того факта, что именно интересы Британии и боевые действия ее армии и флота — лейтмотив этой книги. Основная идея книги заключается в том, чтобы показать, как «военная машина оказалась бессильной привести к победе», пока в муках рожденное новое боевое средство — танк — не позволил «постучаться в наглухо закрытые ворота германского фронта». Лиддель-Гарт рисует потрясающую картину оцепенения двух великанов — армий воюющих коалиций. Он не жалеет румян, чтобы окрашивать ужас застоя и ужас начальников, беспомощных в поисках вы-

хода. Он описывает все крупные операции, которые были вехами мировой войны. В оценке людей и в критике их действий он не щадит никого, называя Френча «военным флюгером» и упрекая Хейга в «бульдожьей настойчивости». Нельзя ему отказать в меткости характеристик Жоффра и Фоша, а также Мольтке-младшего, Фалькенгайна, Гинденбурга и Людендорфа. Но все же интерес этой книги сводится главным образом к показу тех новых боевых средств, которые родились в мировой войне, чтобы достигнуть зрелости в войне будущего.

Танк как сочетание трех качеств — огневой мощи, движения и защиты — должен был изменить лицо войны. 15 сентября 1916 г. в сражении на Сомме новый инструмент войны получил свое первое боевое крещение. «День этот знаменателен был и тем, что тень его легла на все будущее войны. И подобно тому как день этот стал скорее вехой в истории войны, чем в истории операции на Сомме, — он и в будущем останется яркой вехой в истории войн вообще». Лиддель-Гарт правильно критикует ошибки в тактическом применении танков в этой операции, как и правильно бичует «глупость применения танков» в болотах Пашендаля. «Танковый сюрприз под Камбрэ» стал фактически первым его триумфом, а в Амьенской операции 1918 г. этот триумф уже был прочно завоеван. Подробно описывая «грустное детство» танка, Лиддель-Гарт умалчивает об одном существенном для истории факте. Ирония судьбы: родиной идеи танка была не Британия, а Австро-Венгрия, хотя Британия первая осуществила эту идею. Первый макет танка был спроектирован в 1911—1912 гг. офицером австро-венгерского железнодорожного полка Бурстыном. Но этот проект был похоронен в Австро-Венгрии, чтобы через 3 года воскреснуть в Британии уже в качестве нового боевого оружия. Так история мстит за пренебрежение к новым идеям...

Самолет проделал не менее «тернистый» путь к сознанию генеральных штабов. Еще за несколько лет до мировой войны общая точка зрения военных кругов на авиацию точно определялась словами ген. Фоша: «Это хороший спорт, но для армии самолет ни к чему». Даже в 1914 г. процент военной авиации был крайне низок, а боевое применение ее — еще ограниченнее. Лиддель-Гарт не развертывает детальной картины боевого использования авиации, «так как она применялась как вспомогательное средство во всех операциях, оказывая на ход военных действий значительное влияние, но и не придавая им какого-либо особого, присущего свойствам авиации, стратегического оттенка». Это была разведывательная и истребительная авиация. Только к концу войны появились бомбардировщики с более или менее широким радиусом действий, которые собственно и ввели третье измерение в оперативное искусство. Налеты на Лондон и на промышленные центры Рура и Рейна, хотя самый большой налет на Лондон совершен был всего 40 бомбовозами и бомба самых больших размеров, сброшенная над Лондоном, весила только 672 фунта, окончательно закрепили за самолетом признание — да еще какое! — в обоих лагерях воевавших коалиций.

Газы возникли как противоядие против пулеметного огня и проволочных заграждений. Немцы изобрели свой ключ, чтобы отпереть наглухо запертые ворота фронта. Газовое облако над Ипром показало всю эффективность этого нового боевого средства. Как эхо перекликаясь с Фуллером, Лиддель-Гарт повторяет (и который уж раз!), что «газовая война — самая гуманная война». Он даже не утруждает себя доказательствами. Он считает, очевидно, достаточно убедительной «арифметику» Фуллера: от газов погибло людей меньше, чем от снарядов и пуль. Цинизм, который кроется в самом сочетании слов «гуманная война», возводится по крайней мере в квадрат этой «арифметикой», которая сбрасывает со счетов, во-первых, то, что газы сравнительно редко применялись в широком масштабе и, во-вторых, то, что к концу войны уже были готовы химические сюрпризы. То ли потому, что изобретатель ОВ — еврей Габер не был «арийского происхождения», то ли мешала большая зависимость от ветра, но факт остается фактом, что немцы недоверчиво относились к своему детищу и сравнительно редко пускали газовое облако. Неоспорим и достаточно теперь известен другой факт, что для 1919 г. союзники и центральные державы готовили химические сюрпризы. Немцы в силу Версальского договора должны были даже огласить состав всех своих ОВ, однако этого не было сделано. Густой покров тайны скрыл химические формулы...

Подводные лодки правильно характеризуются Лиддель-Гартом как преимущественно экономическое оружие, которое «едва не остановило биения сердца Англии». Наступательная подводная кампания достигла своего апогея весной 1917 г. Из каждых четырех судов, покидавших острова Британии, одно наверняка не возвращалось назад. За короткий срок союзники в общем потеряли около миллиона тонн водоизмещения, причем 60% из них были британские суда. Было совершенно ясно, что если бы потери продолжались тем же темпом, они обрекли бы на голодную смерть население Англии. Дело дошло до того, что запас продовольствия в Британии ограничивался шестинедельной потребностью. Самый мощный в мире флот, казалось, не мог устоять против подводных «уколов». Но как всегда бывает, каждое оружие рождает антагонистическое боевое средство; система конвоирования транспортов была основным фактором, приведшим к спасению Англии. Немцы потеряли во время войны 199 подводных лодок, но впечатление, которое они оставили, было поистине ошеломляющим.

Пропаганду Лиддель-Гарт называет «психологическим оружием». Причем размах и возможность применения этого оружия, как он утверждает, поняли лишь тогда, когда Нортклиф — этот газетный король Англии — был назначен «руководителем пропаганды во враждебных странах». Замечательнее всего то, что пропаганда действительно не знала географических границ, демаркационных линий и боевых фронтов; она проникла в нейтральные и враждебные страны. Но смешно и нелепо Лиддель-Гарт объясняет «многообещавшую попытку к восстанию» в январе 1918 г., когда свыше миллиона германских рабочих объявили всеобщую

стачку империалистской пропагандой Нортклифа. К этому времени германский рабочий класс имел уже наглядный исторический пример как вырваться из кровавых объятий войны. Это была победоносная пролетарская революция в России.

Мировая война 1914—1918 гг. показала широкий материальный размах. Она выявила гигантскую способность современной военной машины втягивать в сферу войны все людские и материальные ресурсы воюющих стран.

Все послевоенные годы развитие военного дела в капиталистических странах в основном шло по линии следующих проблем:

Усовершенствование огневых средств и повышение огневой мощи современных армий.

Усовершенствование средств оперативной и тактической подвижности в особенности путем развития моторизации и механизации.

Мощное развитие воздушных сил как фактора, пригодного не только к выполнению вспомогательных задач вместе с армией и флотом, но и к самостоятельным действиям.

Развитие химических и бактериальных средств войны и поиски новых технических факторов и «сюрпризов», могущих изменить условия ведения войны.

Поиски новых организационных форм, которые должны усовершенствовать мобилизационную систему капиталистических государств и устранить те огромные недочеты в этой системе, в особенности по линии мобилизации промышленности, которые выявила война 1914—1918 гг.

Так опыт мировой войны в огромной степени определил все последующее развитие военного дела...

* * *

Как была одержана победа? На этот вопрос Лиддель-Гарт не дает ответа. Ему всего важнее доказать, как трудно было добиться успеха на поле боя при том уровне военного искусства, который характерен для войны 1914—1918 гг. Он ограничивается указанием, «что в этой борьбе народов победа являлась совокупностью многих факторов, где свое дело сделало оружие всякого рода — военное, экономическое и психологическое». Западный фронт, балканский фронт, танк, блокада, пропаганда — все сыграло свою роль в достижении победы, и ни одна из причин, взятая в отдельности, не может считаться решающей.

Но любопытно, что даже Лиддель-Гарт не может пройти мимо значения «внутреннего фронта», когда красный отблеск восставшего тыла Германии озарил всю безнадежность для нее продолжения войны. Для Лиддель-Гарта «внутренний фронт» — это прежде всего сфера действия «психологического оружия». Для него существует «бессмертный урок истории»:

«...Основной целью действий на войне является решающее влияние на психику командования и правительства противника, а не пушечное мясо его армий. Равновесие между победой и поражением зависит от психических и моральных впечатлений и только косвенно от физических поражений».

Моральный фактор заложен в каждом шаге войны. Каждый бой и любая операция имеют то или иное моральное значение. С этой точки зрения внезапная атака четырех союзных армий у Амьена 8 августа была крупным моральным ударом по Германии. Недаром этот день Людендорф назвал «черным днем в истории германской армии». И капитуляция Болгарии, открывшей настежь «черный ход» в Австрию, а через Австрию в Германию, опять-таки имела крупнейшее моральное значение. Именно тогда с Людендорфом случился «эпилептический удар», а германский канцлер «лежал в беспамятстве». Но Лиддель-Гарт глух и нем, когда речь идет о такого рода решающем моральном факторе, когда на сцену выступают миллионные массы для борьбы за превращение империалистской войны в гражданскую.

Лиддель-Гарт дал нам яркий пример того, как обесценивается «правда» буржуазной истории, лишенной классового анализа и уж конечно совершенно игнорирующей тот основной принцип, который Маркс клал в основу своего отношения к проблемам войны и мира:

«В Европе,— писал Маркс еще в 1854 г. в статье «Европейская война»,— существует еще шестая держава, которая в известные моменты утверждает свое господство над всеми пятью так называемыми «великими державами», и каждую из них приводит в трепет. Эта держава — революция».

За неделю до перемирия под напором масс рухнули полуфеодальные монархии в Германии и Австрии. Революционная волна смыла фронты и заставила немцев искать мира. «Внутренний фронт» привел к неминуемому исходу империалистской войны.

Теперь, через 20 лет, германский фашизм на путях подготовки к войне прилагает все силы, чтобы обезопасить себя от классово-враждебных сил «внутреннего фронта». Путем открытой террористической диктатуры самых реакционных и самых шовинистических элементов буржуазия стремится подготовить к войне свой собственный тыл. Фашистам никогда не понять, что чем туже ими стягивается петля на шее широких масс, тем неизбежно сильнее будет революционный взрыв этих масс. Здесь сказывается тот диалектический процесс, о котором с такой гениальной ясностью говорил т. Сталин в своем докладе на XVII съезде партии:

«...победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны».

Исход империалистической войны был решен на западе, где одна группа империалистов разгромила другую и завязала новый узел острейших противоречий, и на востоке, где восторжество-

вала величайшая в истории человечества победоносная пролетарская революция.

Если вдуматься и до конца понять смысл и взаимосвязь событий мировой войны, то нетрудно увидеть, что исход империалистской войны был решен не столько на западе, сколько на востоке, где все шире и глубже развертывалась гражданская война, война между фронтом победоносного пролетарского восстания и фронтом империализма. Здесь, на востоке, началось разложение германской армии, которое перекинулось на запад и предрешило судьбу империалистской войны. В конечном счете одержала победу гениальная стратегия Ленина и Сталина, стратегия превращения войны империалистской в гражданскую.

* * *

Мировая война 1914—1918 гг. ввергла трудящиеся массы всего мира в полосу самых жестоких истребительных войн, самого разнузданного и беспощадного колониального грабежа и самого глубокого насилия над рабочим классом. Эта война потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса. На службу Молоху войны она поставила все народное хозяйство воюющих стран. Она уничтожила огромное количество средств производства и живой рабочей силы, разорила широкие народные массы, взвалила на их плечи непосильные тяготы. Она неизбежно обострила классовую борьбу, переросшую в открытое революционное выступление масс и в гражданскую войну.

Лучше всего определяет сущность общего кризиса капитализма т. Сталин:

«Это означает прежде всего, что империалистская война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает далее, что империалистская война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает, наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных,

превратившихся из резервных в постоянные армии безработных, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса, и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса» («Вопросы ленинизма» изд. 9-е, доп., Партиздат, стр. 493—494).

Такова подлинная правда об исторических последствиях мировой войны! Эта война была грабительской, империалистской, угнетательской. Она вскрыла с исчерпывающей полнотой крах II Интернационала, и таким естественным кажется его дальнейший путь — от предательства во время мировой войны к пресмыкательству перед фашизмом, подготовляющим новую войну.

Мировая война 1914—1918 гг. была историческим ускорителем величайшей пролетарской революции на одной шестой части земного шара. Октябрьская революция в 1917 г. показала пролетариям всего мира единственный выход из мировой бойни. Это был всемирно-исторического значения урок, который взят на вооружение пролетариатом всех стран.

В обстановке непосредственной опасности новой войны, когда «не видеть приближения новой войны — значит закрывать глаза на главную опасность». (М о л о т о в), чрезвычайно важно всесторонне знать историю первой мировой войны.

Для пролетариата всего мира и для страны победившего социализма очень и очень важно знать об особенностях подготовляемой империалистами войны, о ее характере и «маршруте», о ее неизбежных результатах. Все мы хорошо помним — вещие слова т. С т а л и н а в его историческом докладе на XVII съезде партии о четырех планах империалистской войны, которые вынашиваются современной буржуазией. Эти указания т. С т а л и н а имеют огромное практическое и теоретическое значение. Они выясняют пролетариату всех стран его тактические задачи в борьбе против опасности войны, исходя из той новой исторической расстановки сил, которая создалась к новому туру революций и войн. Они прозвучали решительным предостережением по адресу зачинщиков войны. Они прозвучали как символ мощи, силы и непобедимости великой страны торжествующего социализма.

М. Ланда.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

Я не желаю скрывать недостатки этой книги, так же как и скрывать недостатки тех, о ком говорится на ее страницах. Стремясь к правде, я не пытался прибегать к гипокрифическим румянам, чтобы скрашивать все с целью удовлетворить тому, что считается «хорошим тоном».

В моей оценке тех или иных моментов мне важнее было дать материал для верного суждения, чем кудахтать над «объективными причинами и реальными возможностями» для сохранения репутации отдельных личностей, чтобы дать им возможность и в будущем вновь губить людей. Вооружась перспективой истории, я не могу расценивать репутации этих личностей выше судеб целого народа или одного из его поколений.

С другой стороны, у меня также нет охоты преувеличивать недостатки отдельных лиц для оправдания общераспространенных, часто ошибочных выводов, либо приписывать этим лицам все те ошибки и безумства, за которые должен расплачиваться народ в целом.

Настоящей задачей историка является выявление опыта, постановка на основании этого опыта диагноза и предостережение будущих поколений, но никак не составление патентованных лекарств. Конечно, историк окажется беспочвенным оптимистом, если он будет думать, что грядущие поколения потрудятся внять его предостережениям.

Заглавие этой книги [1], имеющее двоякий смысл, требует короткого пояснения. Некоторые могут сказать, что война, нарисованная здесь, не есть «настоящая» война и что «настоящую» войну надо искать в исковерканных телах и в психике отдельных индивидуумов. Я совершенно не собираюсь игнорировать или оспаривать эту правильную, но одностороннюю точку зрения. Для каждого, кто пытается, как я это делаю здесь, смотреть на войну как на эпизод в истории человечества, эта точка зрения не так важна. Хотя война и влияет сильнейшим образом на отдельных индивидуумов, но индивидуумы эти насчитываются миллионами, а корни их судеб теряются в весьма далеком прошлом. Поэтому безусловно необходимо оценивать войну в перспективе и отделять главные ее нити от клубка человеческих несчастий и страданий — от личных переживаний участников войны.

[1] В подлиннике книга называется «The real war 1914—1918», что означает: «Война 1914—1918 гг., какой она была в действительности».

Попытка сделать это является тем более желательной, что нахлынувшая на нас за последнее время литература о войне не просто индивидуалистична, но фиксирует все внимание на мыслях и чувствах некоторых отдельных пешек войны.

Правда, война велась и решалась скорее психикой индивидуумов, чем столкновением физических сил. Но это происходило в кабинетах и в военных штабах, а не в рядах пехоты или в уединении разоренных войной домов.

Другой преднамеренный смысл заглавия заключается в том, что уже настало время, когда можно писать «правдивую» историю войны. Правительства с беспримерным самоотвержением раскрыли свои архивы, а государственные мужи и генералы — свои сердца. Можно смело сказать, что в настоящее время большинство свидетельств о войне или уже опубликовано, или доступно для изучения.

Но эти свидетельства пока еще недостаточно комментированы.

Появление до сих пор в обильном количестве документов, дневников и мемуаров о войне хорошо в том отношении, что их возможно еще проверить личными показаниями тех, кто участвовал в критических периодах войны и кто принимает участие в обсуждении опыта войны. В подобных «очных ставках» заключается для историка отличная возможность установить истину.

Чем больше историк является свидетелем описываемых им событий или чем ближе он соприкасался с участниками этих событий, тем сильнее он приходит к убеждению, что история, основанная исключительно на официальных документах,— искусственная история. К тому же нередко история невольно попадает и во власть кустарной «мифологии» — легенд о войне.

ГЛАВА I

ИСТОКИ ВОЙНЫ

Пятьдесят лет были затрачены на подготовку Европы к взрыву, и пяти дней оказалось достаточным, чтобы взорвать ее. Изучение того, как заготовлялись подрывные средства, явившиеся основной причиной конфликта, лежит за пределами кругозора и объема краткой истории мировой войны. Иначе нам пришлось бы обрисовать влияние Пруссии на создание германского государства, политические концепции Бисмарка, философские тенденции Германии и ее экономическое положение, т. е. совокупность факторов, превративших естественное стремление Германии к коммерческим целям в погоню за мировым господством. Нам пришлось бы также проанализировать тот пережиток средневековья, каким являлась Австро-Венгрия, понять ее сложную национальную проблему, искусственность ее правящих учреждений и то безграничное тщеславие, которое в своем безумии пыталось отсрочить неизбежный конец.

Нам пришлось бы исследовать необычную смесь самомнения и идеализма, руководивших политикой России и возбуждавших опасения за границей, главным образом среди германских соседей России,— смесь, которая была может быть наиболее смертоносной составной частью мешанины, приведшей к конечному взрыву. Нам пришлось бы уяснить себе постоянную тревогу Франции от непрерывных агрессий, которым она подвергалась с 1870 г., изучить возрождение доверия, которое помогло ей противостоять дальнейшим оскорблениям и в глубине души затаить тяжкую обиду за раны, нанесенные ее телу Германией хирургическим отсечением Эльзас-Лотарингии.

Наконец, нам пришлось бы показать постепенный переход Британии от политики изоляции к политике, сделавшей ее одним

из равноправных членов европейской системы, и медленное распознавание ею истинных чувств к ней со стороны Германии.

Но и обобщения, сделанные на основе такого исследования истории Европы за полвека, могут быть не менее точными, чем даже подробное изложение событий.

Основные причины конфликта можно сформулировать тремя словами: страх, голод, честолюбие.

Вне этого «международные инциденты», имевшие место между 1871 и 1914 гг., являются только симптомами.

Все, что в данном случае возможно и разумно, это—обрисовать наиболее значительные вехи в цепи причин, приведших к воспламенению Европы.

Цепь эта проходит через структуру союзов, которые Бисмарк создал после 1871 г. Ирония судьбы: Бисмарк мыслил их как щит, за которым будет мирно расти его детище — германская империя, на деле же они оказались складом взрывчатых веществ! Хотя философия Бисмарка увековечена в 1868 г. его же словами: «Слабый существует, чтобы быть поглощенным сильным», Бисмарк не был кровожадным, и его аппетит удовлетворился тремя блюдами, поданными войной 1870—1871 гг. Нельзя обвинить его и в обжорстве: чувствуя, что Германия была теперь, как он говорил, государством, «насыщенным энергией», он сделал своей руководящей идеей не расширение, а укрепление Германской империи. А чтобы выиграть необходимые для этого укрепления время и спокойствие, он поставил себе целью держать Францию в состоянии постоянной беспомощности, которая не позволила бы ей ради реванша решиться на войну. Однако, события показали, что двух ошибочных суждений недостаточно, чтобы сколотить государство.

Помимо частых непосредственных угроз Франции Бисмарк думал помешать ее назойливо быстрому возрождению косвенными мерами: изоляцией ее от друзей или помощников.

Первая его попытка — это стремление сблизить Австрию с Россией, выковывая одновременно и общее звено с Германией, и обеспечение мира на Балканах, как средство для предотвращения опасного перенапряжения этого звена. В течение нескольких лет политика его была политикой «честного маклера» в дипломатической купле-продаже Европы, не компрометируя его принадлежностью к какой-либо группировке. Однако, трения с русским канцлером Горчаковым и осложнения, вызванные русско-турецкой войной 1877 г., заставили его заключить в 1879 г. оборонительный союз с Австрией, несмотря на возражения старика императора Вильгельма I, который рассматривал это как «предательство» по отношению к России и грозил отречением. Этот союз имел огромные последствия.

Бисмарк временно вернул Германии руководящее положение в Европе благодаря своему мастерскому дипломатическому удару 1881 г., известному под названием «Союза трех императоров», когда Россия, Австрия и Германия обязались выступать совместно во всех балканских делах. Хотя союз этот и распался в 1887 г., тем не менее отношения Германии и России укрепились, а компен-

сацией явился секретный договор — так называемый «договор взаимного страхования», по которому обе державы соглашались в случае войны каждой из них с третьей державой добровольно сохранять нейтралитет по отношению друг к другу.

Однако, соглашение это теряло силу в случае нападения Германии на Францию или России на Австрию.

Этим вторым мастерским ударом, проведенным с большим искусством, Бисмарк предупредил нависшую тогда над Германией опасность союза России и Франции.

Между тем союз Германии с Австрией был расширен присоединением к нему в 1882 г. Италии. Целью союза было предохранение Австрии от удара в спину в случае войны с Россией. С другой стороны, новые союзники Италии должны были оказать ей помощь на случай нападения на нее Франции. Однако из-за старой дружбы с Англией и ради собственной безопасности Италия внесла в соглашение особый пункт, в котором устанавливалось, что договор никоим образом не может быть использован против Англии.

К этому новому тройственному союзу присоединилась в 1883 г. Румыния по секретному и личному указу короля. Даже Сербия была временно включена в этот союз отдельным договором с Австрией, а Испания — соглашением с Италией.

Что касается Британии, то, повидимому, устремления Бисмарка сводились к желанию держать ее в дружеской изоляции от Германии и недружеской — от Франции. Его чувства к Британии колебались между дружбой и презрением, а осью для этого служила система политических партий. «Старого еврея» Дизраэли он уважал, но не мог понять точки зрения либералов, сторонников Гладстона; он презирал их действия. Хотя Дизраэли всецело подпал под влияние Бисмарка и последний забавлялся мыслью, что он на поводу приведет Британию к цепи союзов, а королева Виктория ясно «отдавала себе отчет, что Германия будет во всех отношениях наиболее надежным союзником», тем не менее она меньше была уверена в надежности самого Бисмарка как представителя этого политического треста, и Дизраэли разделял с ней эти сомнения. Поэтому Бисмарку ничего более не оставалось делать, как с равным удовлетворением продолжать свою политику науськивания Британии поочередно то против России, то против Франции.

С тонким дьявольским расчетом он поддержал захват Британией Египта, ибо это вносило разлад между ней и Францией, и противодействовал растущим в Германии требованиям захвата колоний. «Алчность наших колониальных шовинистов,— говорил он,— больше, чем нам нужна или чем мы можем ее использовать», ибо такие устремления угрожали в дальнейшем склокой с Британией, а поддержка Бисмарком Британии в Египте являлась средством извлечения «заморских» концессий — крох, которыми он мог приглушить колониальный голод Германии. Голод же этот был слишком явным, чтобы можно было им пренебречь. Возврат в Англии консерваторов к власти и увеличивавшиеся трения с Францией привели к новому усилению связей Британии с Герма-

нией, в результате чего предложение Бисмарка о союзе с большим удовлетворением было встречено кабинетом лорда Салисбери. Повидимому, последний воздержался от союза только из боязни, что парламент будет возражать против соглашения с иностранными державами. Тем не менее Бисмарк использовал эти первоначальные, хотя и не официальные, хорошие отношения с Британией, чтобы за бесценок обеспечить уступку Англией Германии Гельголанда, столь необходимого следующему поколению терманцев для морских операций.

Таким образом к концу 80-х годов грандиозная работа Бисмарка казалась законченной. Германия была подкреплена тройственным союзом, а дружелюбная позиция России и Британии по отношению к Германии приносила ей пользу, не причиняя в то же время излишних хлопот. Опираясь на эту надежную базу, Германия была готова развивать свое экономическое могущество, а Францию Бисмарк связал не только политической опекой, но и совершенной изоляцией.

Однако, с началом 90-х годов в этом здании вскоре после отставки его строителя стали появляться первые трещины. Восшествие на престол в 1888 г. молодого императора Вильгельма II было неприятно царю Александру III, который не любил его «навязчивую любезность» и не доверял ему. Но брешь в творении Бисмарка образовалась не по вине Александра, а по вине Вильгельма. Контроль Бисмарка надоедал Вильгельму и его генеральному штабу, а у солдат, среди которых Вильгельм вырос, он так просто и легко нашел союзников, что, связавшись с ними, он позабыл, что этим самым он кует для себя новые цепи.

Первым результатом после отставки «руссофила» канцлера был отказ его преемника возобновить с Россией «секретный договор» 1887 г. Вторым действием (естественным следствием первого) было то, что царь поборол свое отвращение к республиканизму и в 1891 г. заключил соглашение с Францией, которое год спустя было развито в военную конвенцию для взаимной поддержки друг друга в случае нападения третьей державы. В этой конвенции был один чрезвычайно серьезный пункт, а именно: если кто-либо из членов тройственного союза мобилизует свои вооруженные силы, то Франция и Россия немедленно мобилизуются. Царь не мог жаловаться, что он не понимает значения этого обязательства, так как французский генерал Буадефр, который вел переговоры с Россией, позаботился объяснить царю, что «мобилизация означает объявление войны».

Царь проглотил эту пилюлю из боязни, что Британия вот-вот заключит союз с Германией, но пилюлей этой испортил себе желудок, так как утекло много воды прежде, чем сближение это предоставило Франции ощутимые дипломатические выгоды.

Тем не менее Франция заключением этого соглашения выходила из «карантина». С тех пор в Европе стали существовать две политических группировки. Хотя одна из них была хрупкой, а другая прочной, все же обе группировки представляли собой известного рода равновесие сил, хотя фактически силы их еще не были уравновешены.

Интересно пролить свет на отказ Германии от секретного договора с Россией: рассматривавший это дело Совет в Берлине отклонил договор как нелойяльный по отношению к Австрии и Британии...

Каковы бы ни были недостатки кайзера, он все же был искреннее Бисмарка; внешняя же неискренность его противоречивых суждений была повидимому скорее обязана сочетанию в нем исключительной прямоты со способностью быстро менять свои решения.

Основным различием между обоими этими людьми было то, что один стремился обеспечить стране безопасность путем постоянной нечестности, а второй нарывался на опасности благодаря болезненной честности. Заключение, вынесенное Советом в пользу Британии и Австрии, отвечало точке зрения кайзера. Хотя он и изменил поведение Бисмарка по отношению к России, но поддерживал дружескую политику Бисмарка по отношению к Британии, стремясь к этому быть может ради более искренних и менее политичных убеждений.

Личным источником «спайки» была взаимная неприязнь кайзера и его дяди, принца Уэльского, позднее короля Эдуарда VII. И как ни странно, семья Бисмарка работала как раз над расширением этой бреши в личных отношениях монархов.

Но все это не могло бы привести к спайке наций, если бы здесь не играли роли другие, более серьезные причины. Вернее — значение имела одна и та же причина, но с различными оттенками. Корни ее лежали в перемене направления германской политики от роста внутреннего к росту внешнему. Рост торговли Германии и влияние ее на рынке в международном масштабе неизбежно привели к столкновению во многих местах интересов Германии и Англии. При искусном, подчас вероломном, руководстве Бисмарка эти столкновения не привели бы к таким трениям, при которых уже летели искры, грозившие пожаром войны, так как британские государственные мужи были до крайности толстокожи, почему их легко можно было провести. Партия, отдававшая себе наибольший отчет в государственных делах Британии, была, по случайному стечению обстоятельств, партией наиболее приятной для императорской Германии. Но Бисмарка не было, и искусства его также не было. Как обычно бывает, последователи великого человека забыли его принципы и помнили только его железную волю (кулак).

К счастью, сам кайзер умел очаровывать. Благодаря этому, несмотря на неоднократные трения, ему удалось не только сохранить популярность в Англии, но и крепко забрать в руки нового русского царя, слабого и мягкого Николая II. Некоторое время кайзер пользовался выгодами этого влияния, не неся сам никаких обязательств.

Первое обострение с Британией, набросившее роковую тень и на будущее, возникло из-за Турции. В 1892 г. у власти в Англии вновь оказалось либеральное правительство. Как рассказывает Грей, «внезапно из Берлина было прислано нечто вроде «ультиматума» с требованием прекратить конкуренцию с Германией «в отношении железнодорожных концессий в Турции». В после-

дующие годы кайзер не терял случая доказать, что в центре ткавшейся паутины германской внешней торговли сидел злой паук. В 1895 г. его вмешательство позволило России лишить Японию ее добычи как результата ее войны с Китаем [1].

В 1896 г. произошло второе, еще более серьезное обострение отношений с Британией. По иронии судьбы источником этого обострения явилось слишком пламенное восхищение англичан империализмом Бисмарка и подражание ему. Кайзер все более и более раздражался самолюбованием Сесиля Родса. Схема Родса о распространении Британии в Южной Африке подрывала его собственные планы. После нескольких глухих жалоб и «милой» поддержки буров в Трансваале он нашел заманчивый предлог для демонстрации при рейде Джемсона в Трансваале [2].

На Совете 3 января 1896 г. кайзер требовал, чтобы Германия приняла протекторат над Трансваалем и послала туда войска. Когда канцлер Каприви возразил, что «это вызовет войну с Англией», кайзер скромно заметил: «Да, но только на суше». Кайзеру посоветовали менее сильное средство — послать поздравительную телеграмму президенту Крюгеру, составленную в таких выражениях, чтобы не только оскорбить Британию, но и подчеркнуть отрицание ее суверенитета над Трансваалем.

В обеих странах закипели народные страсти. В одном случае это вызвало плохо замаскированную зависть, в другом — обиду, когда в старом друге неожиданно увидели нового соперника.

Немцы совершенно естественно досадовали, что Британия, имея уже много колоний, хочет получить их в той части света, где пришедший позже рискует натолкнуться на неприятности.

Англичане так привыкли к колонизации, что они слепо уверились, будто это дело лишь «Джона Буля», и не могли понять, как могут возникать такие же стремления у кого-либо другого, кроме традиционных соперников — Франции и России. Это хладнокровное убеждение, хотя и бессознательно, явилось лекарством при возникшем кризисе. Ему, главным образом, были обязаны спасением положения. Германия приняла ряд мер военного характера. Она предложила Франции и России участвовать в коалиции против Британии. Но отсутствие ответа от этих стран, спокойствие правительства лорда Салисбери и чувство собственного бес-

---

[1] В 1894 г. конфликт между Японией и Китаем из-за Кореи повлек за собой между ними войну. Китай был побежден и на основании мирного договора, заключенного 17 апреля 1895 г. в Симоносеки, Япония получила Формозу, но вследствие совместного вмешательства России и Франции Япония в интересах Китая должна была отказаться от уступленных ей по тому же договору Ляодунского полуострова и Кореи.— Прим. ред.

[2] Требование проживавших в Трансваале англичан об уравнении их в политических правах с гражданами Трансвааля было поддержано премьером Капланда Сесилем Родсом, который организовал вооруженное нападение на республику буров, осуществленное в конце декабря 1895 г. Джемсоном. Набег Джемсона не удался, буры окружили его вместе с отрядом и взяли в плен. Вильгельм 3 мая 1896 г. послал по этому случаю президенту Трансвааля Крюгеру телеграмму, поздравляя его с победой. Это вызвало в Англии сильное негодование против Вильгельма.— Прим. ред.

силия на море предотвратили на этот раз неминуемую, как казалось, угрозу миру.

Все же опасность, предупрежденную из-за недостатка сил, нельзя было считать миновавшей опасностью. С этого момента и начался действительный рост германского морского честолюбия, выразившийся в 1897 г. в словах кайзера: «Трезубец должен быть в нашем кулаке» и в действиях императора, поручившего адмиралу Тирпицу создать этот «трезубец». В этот же год увидела свет первая большая морская программа Германии и раздались слова кайзера, лично объявившего себя во время посещения Дамаска [1] защитником всех магометан во всем мире, что было прямой провокацией по отношению Британии и Франции. И даже не только для них: открытое признание за собой роли священного покровителя Турции стало фатальным и для его добрых отношений с Россией. Тень кайзера легла на пути устремлений России к Константинополю, цели всех ее мечтаний.

Кайзер проиграл в политике, так как он «видел слишком многое за раз и заставлял другие державы (которых Бисмарк надувал, натравливая друг на друга) видеть повсюду, куда бы они ни смотрели, только одно — бронированный кулак Германии».

Тем не менее за обидой Британии в Южной Африке в 1898 г. последовало предложение Британией именно того союза, которого тщетно добивался Бисмарк. Но теперь настала очередь Германии сомневаться в предложении. С британской стороны это предложение было вызвано новым и неприятным чувством англичан в своей изолированности и слабости, а основывалось оно на старом сознании естественного родства с Германией. На деле же это выглядело как признание своей слабости, а слабость не была чувством, вызывавшим симпатии в новой Германии, тем более, что одним из немногих заветов Бисмарка его преемникам была склонность недооценивать мощь Британии и переоценивать возможности России.

В повторных отказах Германии между 1898 и 1901 гг. от предложений Чемберлена доминирующим фактором были интриги незаметного, но сварливого, подозрительного и жалкого чиновника министерства иностранных дел Гольштейна, который любил темноту, так как она благоприятствовала его действиям в преследовании «настоящей политики». На этого чиновника, который не хотел покупать себе новый костюм, хотя не гнушался использованием официальных данных для личных спекуляций и который интриговал за отставку своего учителя, выдавая себя затем

---

[1] Осенью 1898 г. Вильгельм совершил поездку в Иерусалим и в Константинополь. Он возложил венок на могилу султана Саладина, современника третьего крестового похода, и на банкете в Дамаске произнес речь, в которой назвал себя другом 300 миллионов мусульман. Поездка имела большое политическое значение для Германии, сблизив ее с Турцией и укрепив немецкое влияние на Босфоре. Ближайшим результатом поездки Вильгельма явилось благоприятное для Германии разрешение Турцией вопроса о Багдадской железной дороге, тогда как раньше германский проект этой линии тормозился Англией, экономические интересы которой нарушались этим проектом.— Прим. ред.

за его ученика, теперь смотрели с благоговением как на духовного наследника Бисмарка. Фактически же он унаследовал только безнравственные методы последнего. Помимо всего он не пользовался тем доверием императора, которым пользовался Бисмарк.

В конечном счете Гольштейн хотя и был склонен принять предложение Британии, но в последний момент отказался от него, испугавшись, что Англия хочет прикрыться Германией и что Германия будет служить для Англии буфером против России.

С другой стороны, Гольштейн понимал, что слабость Британии может быть теперь использована в интересах Германии: можно заигрывать с Британией, держа ее все время в надежде на более тесный союз и выманивая у нее концессии. В этом по крайней мере его поддерживали канцлер Бюлов и кайзер. Взгляды последнего подытожены в словах, сказанных им Бюлову: «Я теперь сделал с британцами, несмотря на их сопротивление, то, что хотел».

А германский флот, вновь расширенный в 1900 г., был средством еще жестче наложить свою руку на Англию.

В течение нескольких последующих лет, главным образом в период южноафриканского кризиса и войны [1], британское правительство должно было дорого платить не за поддержку Германии, а лишь за то, чтобы германские оскорбления и угрозы не превратились в действия. В вопросе португальских колоний, в вопросе Самоа и в китайском вопросе правительство лорда Салисбери проявило такую достойную сожаления слабость, что вполне оправдывается оценка, данная этому правительству кайзером — «Круглые дураки!». Грустно читать дипломатические архивы тех лет. По ним легко можно проследить косвенную ответственность за последующий конфликт, так как вполне естественно, что кайзер и его советники убедились в правильности своих методов действий — угрозы «бронированным кулаком». Можно понять желание кайзера довести эту систему до предела, до войны, не только вследствие очевидной нелюбви к этой системе, но и вследствие его тенденции к искусственным решениям. Пользование ограниченной угрозой давало явные преимущества перед войной со всеми ее случайностями, но из двух этих возможностей первая была ближе складу ума кайзера.

Его ответственность за войну имеет свои корни уже в этих годах. И эта ответственность — весьма большая, быть может даже наиболее тяжелая. Недоверие и тревога, которые вызывались повсюду его воинственными суждениями и поведением, начиняли Европу порохом. Неразумно всю тяжесть вины перекладывать на тех, кто выбил последнюю искру, приведшую к пожару. Столь же неправильно все исследования вопроса корней войны сосредоточивать на том коротком месяце, который предшествовал возникновению пожара.

В противовес лжеисторической пропаганде, которая рисует кайзера жаждавшим войны или даже подготовлявшим войну, маят-

---

[1] См. стр. 8.

ник истории качнулся слишком сильно в другую сторону. Признание ошибочными хороших намерений кайзера не должно вести нас к недооценке дурных последствий этих намерений. Последствия эти, главным образом, вытекали из того, что кайзер слишком любовался и результатами своих действий и самим собой. Он видел себя одетым «в блестящие латы», когда фактически он был одет в рубище. Он доказал лишь то, что, сея раздор, порождают войну.

Оттягивая согласие на предложение Британии, кайзер и Бюлов чувствовали себя в безопасности. Они недооценили влияний обоюдной неловкости от слишком поспешной случайной близости. С чрезмерной уверенностью они говорили, что не может быть действительного союза «между китом и медведем», хотя стремились к этому союзу всем своим поведением. Бросая взгляд в прошлое, надо признать наиболее замечательной чертой этого прошлого то количество пинков, которое потребовалось для того, чтобы отогнать Британию от Германии и бросить ее в неловкие объятия двойственного союза. Нельзя говорить, что для Германии это явилось неожиданностью. Она была ясно предупреждена, так как Чемберлен говорил ей в 1898 г. и затем вновь в 1901 г., что «период блестящей изолированности Англии миновал... мы предпочитали бы примкнуть к Германии и тройственному союзу. Если же это окажется невозможным, мы будем иметь в виду сближение с Францией и Россией».

Убеждение Германии в неприемлемости для нее союза с Англией оказалось ошибкой. Убеждение это подытожено словами Гольштейна: «Угроза взаимного соглашения с Россией и Францией является просто английской уловкой... Разумное соглашение с Англией, по моему мнению, может быть достигнуто лишь тогда, когда чувство принуждения станет там более сильным». Он не был дураком: под своим «разумным соглашением» он подразумевал не союз равных, а взаимоотношения господина и вассала. Как бы ни было беспомощно и бессильно в своих деяниях британское правительство и каким бы беспомощным оно ни могло казаться человеку, пропитанному философией «крови и железа»,— все же этого недостаточно, чтобы объяснить удивительную самонадеянность и устремления Гольштейна. Это показывает, что действительные заботы Германии и причины этих забот лежали не в каких-либо достойных Макиавелли дьявольских замыслах. Корни этого надо искать скорее в ослеплении — в таком состоянии, которое правильно выражается хотя бы словами школьника, уверяющего, что у него «голова пухнет».

Первой попыткой Британии укрепить свои позиции в другом направлении был заключенный ею в 1902 г. союз с Японией [1]. Европейское значение этого союза заключается не в том, что он

[1] Обеспокоенные активной политикой и усилением России на Дальнем Востоке, Англия и Япония заключили между собой в 1902 г. в Лондоне союзный договор, обеспечивавший целость и неприкосновенность Китая и Кореи. Военная помощь по договору 1902 г. предусматривалась только в случае ведения войны или враждебного образа действия против союзника со стороны не одной, а двух держав.— Прим. ред.

отвел Британию от Германии, а в том, что он пытался создать новый барьер между Британией и двойственным союзом. Союз этот вырос из оригинального предложения Чемберлена о договоре между Британией, Германией и Японией в тесном содружестве с США. Германия на это не пошла, отстранилась и Япония. Японский государственный муж, маркиз Ито, предпочитал искать союз с Россией и отошел от этого намерения только потому, что приезд его в Петербург был отсрочен успехом переговоров в Лондоне между бароном Хайаши—японским послом—и лордом Ленсдоун — министром иностранных дел. Но и тогда совет японских государственных деятелей, несмотря на давление Ито, колебался и не хотел согласиться на союз с Британией. Косвенным результатом этого союза явилось ускорение русско-японской войны, исход которой оказался мало желательным и мало приятным для Британии.

Дело в том, что в 1904 г. в европейской обстановке произошла трагическая перемена. Всего пять лет назад Франция была так сердита на Британию за Фашоду [1], что она почти забыла про Эльзас-Лотарингию. Но боязнь Германии была глубже; это позволило государственным деятелям Франции пойти легче в 1901 г. на предложение Чемберлена, когда последний осуществил свою угрозу, высказанную им Германии. Первый шаг в переговорах между Ленсдоуном и Полем Камбоном — французским послом, должен был урегулировать трения в наиболее чувствительной области — в вопросе колоний. Наиболее крупным препятствием был Египет — все еще лелеемый объект французского честолюбия Надо считать безусловным дипломатическим подвигом то, что признание фактического господства Британии в Египте было куплено ценою обмена на признание прав Франции занять, если это ей удастся, Марокко. Соглашение было подписано в апреле 1904 г. [2].

Распространенное убеждение, что честь заключения этого соглашения принадлежит королю Эдуарду VII, является легендой. Тем более неверно весьма популярное в Германии мнение о нем как о человеке, ткущем макиавеллевскую паутину вокруг Германии, и о том, что поезда его в Париж создала атмосферу, при которой соглашение стало возможным. На деле вначале ему был оказан холодный прием, но его такт и понимание французов, вместе с чисто республиканской любовью последних к «величествам»,

---

1 Одновременно с походом англичан в Судан, французская экспедиция под начальством капитана Маршана, пройдя от берегов Конго через всю Африку, достигла Нила и овладела 10 июля 1898 г. гор. Фашдоой. Английский генерал Китченер, разбив туземцев в сентябре того же года, подошел к Фашоде. Англия заявила, что удержание Фашоды Францией будет рассматриваться как «казус белли» и потребовала очищения Фашоды. Франция уступила. Конфликт был разрешен англо-французской конвенцией от 21 марта 1899 г., определившей границы обоих государств в Судане, Сахаре и в долинах Нила и Конго.—Прим. ред.

2 8 апреля 1904 г. было заключено соглашение между Францией и Англией, урегулировавшее спорные вопросы между обоими государствами на всем пространстве земного шара. Главным пунктом соглашения являлось предоставление Англии свободы действий.—Прим. ред.

растопили первоначальный лед, а при последующих визитах был найден и общий язык. Поэтому, хотя и неверно, что Эдуард VII создал это новое соглашение, он все же ему косвенно посодействовал.

Но сильнее помог этому кайзер. Глубоко уязвленный, что любовница, намеки которой Германия отвергла, осмелилась отдать свое сердце другому, кайзер усилил свою работу, вносящую раздор. Усилия его были направлены к тому, чтобы сломать франко-британское соглашение, а совпавшая по времени русско-японская война явила и удобный для этого случай.

Первый шаг кайзера потерпел неудачу, так как царь, любивший спокойствие, отклонил его совет послать черноморскую эскадру в Дарданеллы, чтобы обезопасить себя со стороны Британии. Но когда Балтийская эскадра, последний морской козырь России, отправилась на Дальний Восток, она в пути получила ложную информацию (русские впоследствии и говорили, что информация эта шла из немецких источников), что японские миноносцы поджидают русскую эскадру в Северном море. Вследствие панической ошибки русские открыли огонь по британским тральщикам, и затем ничего не сделали, чтобы загладить свою ошибку. Это едва не привело Россию и Британию к войне [1]. В течение нескольких дней британская эскадра следовала по пятам за русской. Наконец, напряжение разрядилось получением сообщения царя с выражением сожалений, посланного им против воли партии в России, стоявшей за войну. При этих обстоятельствах царь, обиженный своим унижением, предложил к восторгу кайзера коалицию России, Германии и Франции, «чтобы уничтожить высокомерие и наглость Англии и Японии».

Кайзер срочно отправил по телеграфу проект договора между Россией и Германией, но настаивал, чтобы царь не сообщал о нем Франции, мотивируя, что «как только русско-германский договор станет совершившимся фактом, германские соединенные силы окажут на Францию сильное влияние», и добавляя, что «прекрасным средством охладить британское нахальство было бы произвести несколько военных демонстраций на персидско-афганской границе»...

Но царь, подумав, остыл.

Второй шаг Германии был до странности неискусным, и за него кайзер не несет ответственности. Теперь, когда было уже слишком поздно, кайзер попытался пленить Францию, вместо того чтобы угрозами постараться разлучить ее с Британией. Но Бюловым и Гольштейном кайзер был послан в Танжер, чтобы там

---

[1] Во время русско-японской войны эскадра адмирала Рождественского, шедшая на Дальний Восток, обстреляла в Северном море вблизи Доггербанка рыболовные суда тульских рыбаков, приняв их в тумане за миноносцы противника. Инцидент был встречен в Англии с негодованием и едва не привел к войне с Россией. На основании первой конвенции Гаагского заключительного акта 1899 г. расследование случая было передано в международную следственную комиссию, имевшую место в Париже в феврале 1905 г. Дело закончилось компенсацией, заплаченной русским правительством Англии через русского посла в Лондоне (65 тыс. ф. стер.).— Прим. ред.

речью, которая била по притязаниям Франции в Марокко, «бросить ей вызов» [1]. Бюлов продолжал итти по той же дороге, требуя созыва конференции для обсуждения будущего Марокко. Вызов этот был брошен в неудачный для Франции момент. Французская армия тяжело переживала один из ее периодических кризисов. Россия была скована Японией, а французский премьер-министр Рувье сомневался как в надежности, так и в ценности поддержки Британии. В конечном счете в жертву был принесен французский министр иностранных дел Делькассе, а Франция согласилась на требования Германии. Бронированный кулак нанес ей новую ссадину, но это теснее спаяло Британию и Францию.

Третьим шагом Германия обязана личной инициативе кайзера. В июле 1905 г. на борту царской яхты в Бьорке кайзер внезапно вытащил из кармана проект договора и на своем смешанном «Вилли-Никки» английском языке спросил: «Хотели бы вы подписать это? Это было бы очень милым воспоминанием о нашем «intervue».

Кайзер рассказывает, что когда Николай ответил: «Да, хочу!», «слезы радости показались на моих глазах мурашки побежали по спине...», и он почувствовал, что все его предки, включая grand-papa и «старого прусского бога» давали ему свое благословение [2]. Эта царственная дипломатия, как бы серьезны ни были ее последствия, имела и обратную — смешную сторону. Одно из писем кайзера к его «любимому Никки» носит восхитительный коммерческий оттенок: «Теперь, когда программа обновления вашего флота опубликована, я надеюсь, вы не забудете напомнить вашим, чтобы они не оставили в стороне наших крупных фирм в Штеттине, Киле и т. д. Фирмы эти, я уверен, доставят вам великолепные экземпляры линейных боевых судов».

Мелодрамой отмечено его огорченное письмо Бюлову, который угрожал отставкой, так как договор шел вразрез с его личными антифранцузскими настроениями в Марокко:

«В то утро, когда ваша отставка будет мной получена, император перестанет существовать на этом свете. Подумайте о моей бедной жене и детях!».

---

[1] Соглашение по вопросу о Марокко вызвало протест в Германии, заявившей о нарушении ее прав, обусловленных договором, заключенным в Мадриде в 1880 г. Вильгельм совершил поездку в Танжер, где он торжественно заявил 18 марта 1905 г. о неприкосновенности прав марокканского султана. Положение сделалось грозным. Франция пошла на уступки. Делькассе подал в отставку, а новый министр иностранных дел Рувье начал переговоры с Германией, потребовавшей созыва международной конференции. Конференция в Алжезирасе (16/1—13/III 1906 г.) установила неприкосновенность Марокко и его суверенитет.— Прим. ред.

[2] 23—24 июля 1905 г. состоялось свидание Николая с Вильгельмом в море у острова Бьорке, напротив Кронштадта. Неожиданность свидания и его таинственность возбудили в Европе сильное любопытство, а во Франции и Англии эта встреча вызвала тревогу и недовольство. Без ведома русского министра иностранных дел Ламсдорфа Вильгельмом и Николаем 24 июля был подписан союзный оборонительный договор, по которому в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся империй другая должна была ей оказать помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. Договор этот должен был вступить в силу тотчас же по заключении Россией мира с Японией.— Прим. ред.

Но когда царские министры увидели договор, они возразили, что договор этот идет вразрез с союзом с Францией и что достаточно простого намека о нем, чтобы вызвать резкие протесты Франции. Таким образом «это произведение искусства» спокойно попало в обширную дипломатическую корзину для бумаг.

В оправдание кайзера необходимо сказать, что в это время у него были некоторые причины для личной неприязни к Британии, хотя неприязнь эта родилась, главным образом, вследствие его постоянной привычки приходить к цели посредством угроз. Его импульсивный напор нашел отпор в Джоне Фишере, только что назначенном морским министром, который говорил все время о «предупредительной войне» и свободно высказывался, что, если Германия не ограничит свое морское развитие, флот ее будет уничтожен по системе Нельсона.

Эти дикие утверждения производили естественно большое впечатление в Берлине и... меньшее впечатление в Лондоне. Участие короля Эдуарда VII как причины трений было скорее личным, чем политическим. Немножко больше терпимости к «шалостям» племянника, и отношения были бы смягчены. Лорд Ленсдоун сообщает, что «кайзер говорит и пишет о своем брате-короле в выражениях, которые заставляют краснеть».

Эта личная антипатия и взаимные уколы, имевшие небольшое значение для Британии, где король был конституционным правителем и обладал чувством юмора, производили более сильное впечатление на германском побережьи Северного моря, где монарх мог решающе влиять на политику и не понимал шуток. Подстрекании кайзера к дальнейшим, вносившим раздор интригам и угрозам находило определенный отголосок и в Англии, где даже новое либеральное правительство Кэмпбеля-Беннермана не могло не замечать их и против своей воли крепче прижималось к Франции.

Правительство отказалось заключить формальный союз Британии с Францией, но все же выразило надежду, что общественное мнение Британии одобрит интервенцию, если Франции будет угрожать опасность. А когда французы логично возразили, что раз методы применения помощи заранее не продуманы, то случайная помощь может оказаться бесполезной, Кэмпбель-Беннерман одобрил дискуссию и соглашения на этот счет обоих генеральных штабов. Хотя дискуссия эта и не имела никакого значения для принятия решений на случай войны, тем не менее она должна была сильно повлиять на ведение самой войны. Знаменательно также, что в 1905 г. новый германский план войны учитывал появление английской экспедиционной армии в 100 000 человек (т. е. как раз столько, сколько просили французы) и считался с ее действиями на стороне Франции.

Потерпев неудачу с планом втянуть Францию вместе с Россией в труппировку против Британии, кайзер вернулся к мысли действовать против Франции в Марокко. Однако, он решил, что «с чисто военной точки зрения» обстановка для этого неблагоприятна, а необходимой предпосылкой для интриг против Франции является союз с Турцией, «который в самых широких разме-

рах отдаст силы магометан в его распоряжение», и надежная обстановка внутри Германии (спокойствие внутри самой страны). Этот яркий пример неуравновешенности мышления кайзера запечатлен в его письме от 31 декабря к Бюлову. Письмо это заканчивается следующими словами: «Раньше расстреляй социалистов, подави их, сделай их бессильными, если нужно, кровавой баней, а затем — война за границей! Но не раньше, и без поспешности».

Однако, ближайшая перемена в обстановке Европы не только не усилила Германии, но даже ее ослабила, уменьшив влияние кайзера в России, проводимое им через царя. Перемена произошла самая невероятная: новое британское правительство сблизилось, казалось, с непримиримым врагом — деспотической Россией. Либеральное правительство, подстрекаемое отчасти своим пацифизмом, отчасти — естественной реакцией на угрозы Германии, продолжало работу, начатую Ленсдоуном, стремясь уничтожить традиционные источники трений с Россией.

В 1907 г. удалось соглашением урегулировать спорные вопросы и общие интересы [1]. Хотя соглашение это не носило окончательного характера, но все же оно облегчало путь к взаимным выступлениям в Европе. Британия не была связана ни с Францией, ни с Россией какими-либо формальными договорами; она связывалась с ними узами лойяльности и отныне не могла больше плутовать в дипломатической игре против них, ибо это было бы уже нечестным.

Таким образом, возможность ее прежнего независимого влияния в случае кризиса была упущена ею.

Дилемма эта была понята и правильно оценена секретарем министерства иностранных дел сэром Эдуардом Греем в меморандуме от 20 февраля 1906 г.: «Я думаю, во всех странах создастся общее впечатление, что мы поступили скверно и покинули Францию в беде. Соединенные штаты будут презирать нас, Россия не будет считать нужным заключить с нами дружеское соглашение по азиатскому вопросу, Япония будет готовиться вступить в союз с кем-либо другим. Мы останемся без друзей и не сможем их иметь, а Германия с радостью использует эту обстановку во вред нам... С другой стороны, перспектива европейской войны и нашего участия в ней ужасна».

---

1 18/31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано соглашение между Россией и Англией, урегулировавшее спорные вопросы их политики в центральной Азии. Россия признавала Афганистан вне сферы русского влияния и обязалась сноситься с афганским правительством только при посредстве Англии. В свою очередь Англия отказалась от вмешательства во внутренние дела Афганистана и признала неприкосновенность его территории. Обе державы подтвердили сюзеренные права Китая над Тибетом, обязались не посылать своих представителей в Лхассу и сноситься с Тибетом только через китайское правительство, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела Тибета. В Персии Россия и Англия разграничили сферу своего влияния, установив три зоны: южная зона вошла в область английских интересов, северная — предоставлена России, а третья зона осталась между ними нейтральной. — Прим. ред.

С тех пор великие державы, хотя и не официально, оказались разделенными на две соперничавших группы. В течение нескольких последующих лет Германия, приведшая своей агрессивной грубой политикой к созданию этой любопытно подобравшейся противоестественной группировки, помогала укреплению ее (а Германии в этом отношении помогала и Австрия). Это напоминало собой, как из рыхлого снега можно скатать твердый комок, постепенно сжимая его в кулаке. Германии суждено было впоследствии пострадать от творения своих же рук.

Присоединение Британии к новой группировке ослабило старую, сделав Италию малонадежным партнером. Поэтому Германия была вынуждена крепче держаться за своего второго партнера — Австрию, которой она прежде руководила. Если Германия хотела войны, то создавшиеся группировки были для нее выгодны, но если она желала мира, то сама создала себе помеху в этом.

Новая группировка Европы не давала старого равновесия сил, а была скорее барьером между этими силами. Более того, барьер этот был начинен взрывчатыми веществами. Различные страны, подгоняемые теперь скорее страхом, чем честолюбием, поспешно увеличивали свои вооружения. Неблагоприятным обстоятельством было и то, что опасение внезапного взрыва заставило — по крайней мере монархические страны — предоставить военным стражам этих вооружений слишком большую самостоятельность распоряжаться ими. Задолго до июля 1914 г. страх заслонил разум.

Первая искра была выбита на Балканах в 1908 г. Революцией в Турции воспользовались, с одной стороны, Болгария, чтобы сбросить суверенитет Турции, а с другой — Австрия, чтобы аннексировать Боснию и Герцеговину, которыми она управляла с 1879 г. [1]. Аннексия эта обсуждалась австрийским и русским министрами иностранных дел — Эренталем и Извольским. Извольский согласился поддержать аннексию при условии, если Австрия взамен поддержит требования России — открыть Дарданеллы. Но прежде чем Извольский успел позондировать на этот счет Францию и Британию, Австрия объявила об аннексии. Италия восприняла это как оскорбление, а Сербия — как угрозу. В России эффект этого объявления был усугублен настойчивым требованием германского посла признать действия Австрии правильными; посол угрожал объединенным выступлением Австрии и Германии.

Россия, пойманная врасплох и поставленная перед угрозой объединенной группы, уступила, глубоко затаив злобу. Обида эта усугублялась еще чувством горечи от потери своих позиций на

---

[1] 5 октября (22 сентября) 1908 г. болгарский князь Фердинанд по предварительному соглашению с Австро-Венгрией, решившей аннексировать Боснию и Герцеговину, провозгласил манифестом независимость Болгарии и принял титул царя. Турция немедленно обратилась с протестом к великим державам по поводу произведенного нарушения Берлинского трактата, но вскоре согласилась получить денежную компенсацию от Болгарии. Россия поддержала Болгарию. 27 апреля 1909 г. державы признали независимость Болгарии. 19 августа 1909 г. Турция также официально признала независимость [illegible] государства.— Прим. ред.

ИМЭЛ при Ц.К. В.К.П.(б)

Балканах. Извольский почувствовал, что он не только побит, но и обманут, и вскоре, сложив свои полномочия, отправился посланником в Париж — ярым врагом германского союза. Это — другой немаловажный личный фактор. Австрия же, упоенная своим первым успехом в подражании германскому методу политики — действию бронированным кулаком,— продолжала и дальше применять этот метод.

Обман Эренталя с Боснией ярко выделяется среди прямых причин, приведших к войне. Конфликт этот лишь усложнил обстановку, потому что в период 1906—1914 гг. наблюдалось улучшение официальных отношений Германии по крайней мере с Францией и Британией. Отношения эти были бы еще лучше, если бы не непрестанный, чрезмерный рост германского флота. Теперь легко видеть, что поддержка кайзером антибританских морских амбиций Тирпица вызывалась тогда, главным образом, бахвальством, но тогда это выглядело скорее как постоянная преднамеренная угроза. И даже когда кайзер пытался исправить положение, методы его действий были неудачны. Способ расположить к себе чувства Англии выразился в его знаменитом интервью, опубликованном в 1909 г. в «Дейли Телеграф». Он говорил в нем, что британцы «полоумны, как зайцы в марте», не признают его дружбы и что «он сам является исключением в своей стране, в общем недружелюбно расположенной к Англии». Заявление это, не смягчив опасений Британии, вызвало громкий протест в Германии и привело к публичному опровержению Бюлова. Таким образом, это только ослабило возможность кайзера крепко держать в руках германские партии, стоявшие за войну.

Это все привело к тому, что кайзер заменил Бюлова на должности канцлера Бетманом-Гольвегом, человеком, жаждавшим мира, но мало способным сохранить его. Он поспешно начал переговоры об англо-германском соглашении и нашел у либерального правительства (полномочия которого были продлены выборами 1910 г.) горячий отклик. Однако, на пути к практическим результатам этих стремлений встали препятствия: во-первых — оппозиция Тирпица какому бы то ни было соглашению в морских вопросах; во-вторых — просьба Германии так сформулировать соглашение, что исключалась всякая возможность выступления Британии на поддержку Франции. Это было слишком очевидным стратегическим ходом, и сэр Эдуард Грей дал единственно возможный ответ на это: «Нельзя искать новых друзей за счет отказа от старых».

Тем не менее атмосфера несколько разрядилась. Как говорят документы, германская пресса и кайзер все еще страдали англофобией. Англофобия эта была обязана главным образом чувству разрушенных надежд и широко пропагандируемой мысли, что король Эдуард VII задумал широкий враждебный охват Германии. Едва ли не самым ярким подтверждением этой мысли было мнение, что посещение в 1908 г. британским королем австрийского императора Франца-Иосифа было шагом к тому, чтобы оттолкнуть Австрию от Германии. Теперь из австрийских архивов нам известно, что король фактически просил помощи Франца-Иоси-

фа, чтобы сгладить трения между Британией и Германией, и расценивал германо-австрийский союз как естественную связь. Все же переговоры помогли установлению несколько лучших отношений между британским и германским министерствами иностранных дел и привели их к обоюдному урегулированию различных спорных вопросов. Взаимоотношениям помогла также договоренность Франции и Германии относительно Марокко [1].

Характерно, что вслед за этим, правда небольшим, урегулированием международной обстановки возник новый кризис.

Кризис этот, как ни странно, был вызван миролюбиво настроенным министром иностранных дел Кидерлен-Вехтер, против которого выступил кайзер (новое проявление нерасчетливой двойственности, опасной характерной черты политики Германии). В июне 1911 г. Кидерлен-Вехтер отправил подводную лодку в Агадир с целью подтолкнуть Францию к уступке Германии концессий в Африке. В ответ на это Ллойд-Джордж, ранее противник бурской войны и вождь пацифистов в британском кабинете, выступил публично с речью, в которой предостерегал Германию об опасности подобной угрозы миру. Эффект этой речи вместе с решительным подчеркиванием готовности поддержать Францию потушил искру, которая вот-вот могла привести к мировому пожару.

Чувство обиды сильнее, чем когда-либо, подогрело общественное мнение Германии, и страна с энтузиазмом приветствовала новое увеличение германского флота. Однако, последовавшая вскоре договоренность относительно Марокко отмела серьезный источник трений между Францией и Германией. Это косвенно помогло созданию лучшей официальной атмосферы, в результате которой в 1912 г. смогла работать в Германии миссия Хальдана. Но и Хальдан должен был сознаться, что его «духовная родина» стала «пороховым складом», хотя он поделился своими опасениями только с товарищами по кабинету. Все же рост партии войны в Германии сопровождался сплочением и тех элементов, которые стояли за мир, причем больше всего их было среди социалистов. Миролюбие германского канцлера оставляло открытой дорогу для дальнейших переговоров и соглашений.

В это самое время на Балканах вновь запахло порохом. Бессилие Турции и пример Италии, занявшей Триполи, подтолкнули Болгарию, Сербию и Грецию выступить с требованием автономии для Македонии как средства изгнать Турцию из Европы. Турки быстро потерпели поражение [2].

[1] На основании заключенного между Францией и Германией договора от 4 ноября 1911 г. Германия признала за Францией свободу действий в Марокко, получив от Франции часть территории во французском Конго. Франция 30 марта 1912 г. установила свой протекторат над Марокко.—Прим. ред.

[2] Пользуясь затрудненным положением Турции, еще не закончившей войну с Италией, балканские государства (Черногория, Болгария, Сербия и Греция) объявили ей войну в октябре 1912 г. Быстро последовали успешные для союзников сражения, и Турция потеряла большую часть своих европейских владений. Туркофильская Германия и Австрия были явно недовольны успехами союзников. Австрия открыто протестовала против выхода Сербии к морю. По миру, заключенному в Лондоне 30 мая 1913 г., Турция отдала союз-

Долей Сербии в добыче была Северная Албания. Но Австрия, уже ранее опасавшаяся амбиции сербов, не хотела позволить славянскому государству получить доступ к Адриатике. Она мобилизовала свои войска, и угроза ее Сербии естественно вызвала в ответ подобную же подготовку в России. К счастью, Германия стала на стороне Британии и Франции, чем предупредила опасность.

Однако, договоренность этих держав явилась причиной нового кризиса. Возникновением Албании в качестве независимого государства было нарушено равновесие при распределении добычи. Сербия требовала теперь части Македонии. Болгария отказывалась не только на словах, но и под ударами, позволить объединенным силам Сербии и Греции победить ее. Между тем Румыния была втянута в борьбу, а Турция отошла в сторону, чтобы под прикрытием столбов пыли, поднятых «собачьей грызней», вернуть себе потерянную собственность.

В результате всего этого больше всех выиграла Сербия и больше всех потеряла Болгария. Это совсем не было по вкусу Австрии, и она предложила летом 1913 г. немедленно напасть на Сербию. Но Германия удержала Австрию, посоветовав большую умеренность, сама же необдуманно дала повод к новой обиде России, распространив германский контроль над турецкой армией. Россия увидела, как вянут ее мечты о Дарданеллах, а русские министры пришли к заключению, что мечты эти возродятся лишь в том случае, если вспыхнет всеобщая европейская война (опасный образ мыслей!). Ближайшей целью министров было восстановление поколебленного влияния России на Балканах, и они пытались склонить на свою сторону Румынию, что являлось первым шагом к образованию нового Балканского союза. Намерение это вызвало новую тревогу в Австрии, хотя вскоре внимание ее было отвлечено неизменными трениями среди ее разнородных подданных.

Для подавления недовольства кроатов и сербов внутри страны и в аннексированных провинциях, а также румынских подданных в Трансильвании, Австрия применила грубую силу. Это же средство она пыталась применить и к внешнему государству — Сербии, которая представляла собой естественный сборный пункт всех угнетенных, бежавших из Австрии. Лидеры Австрии понимали, что война явится лучшим средством затушить разногласия внутри страны. В этом понимании они не были одиноки. Народные волнения в России, только частично подавленные применением нагаек и ссылки, а также агитация в Германии за всеобщее

никам территорию к западу от линии Энос—Мидия. Кроме того за счет турецких владений возникло самостоятельное государство — Албания. При разделе завоеванной территории союзники поссорились с Болгарией, предъявившей большие притязания, в результате чего возникла новая война, в которой к союзникам присоединилась и Румыния. Турция взяла обратно отнятый у нее Адрианополь. Болгария была побеждена, и мир между нею и союзниками был заключен в Бухаресте 28 июля (10 августа) 1913 г. Турция подписала мирный договор с Болгарией в сентябре 1913 г., с Грецией — в ноябре 1913 г., а с Сербией — в марте 1914 г.— Прим. ред.

избирательное право, заставляли «воинствующие» партии обеих этих стран смотреть на войну как на спасительное средство.

В течение последнего года возбуждение нарастало со всех сторон: воинственные речи, статьи, слухи, пограничные инциденты. Доверенное лицо президента Вильсона, полковник Хауз, уехало из Берлина с твердым убеждением, что военная партия решится на войну при первой же возможности и заставит кайзера отречься от престола, если он будет противиться желанию этой партии. Возбуждение сторонников этой партии безусловно было усилено законом о трехгодичной службе, который был проведен во французской армии как средство против недостаточности людских запасов Франции; стимулом к этому явилось недавнее расширение германской армии.

Все же германский посол во Франции донес Бетману-Гольвегу, что «несмотря на шовинистическое поведение многих кругов и общую мечту вернуть потерянные провинции, французская нация в целом может быть охарактеризована как нация, желающая мира».

Что касается настроений Пуанкаре, то самое большее, что можно было о них сказать, выразил он сам словами: «Франция не хочет войны, но и не боится ее».

Тем не менее в другом месте часть Европы была уже посыпана порохом, и роковая неизбежность войны была близка.

Фатальная искра была выбита 28 июня 1914 г. в Сараеве, столице Боснии. Первая жертва была отмечена иронией судьбы. Пылкие славянские националисты, стремясь подвинуть свое дело убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника Франца-Иосифа, вычеркнули из списка живых единственного влиятельного человека в Австрии, который был их другом. Франц-Фердинанд лелеял мечту о такой реконструкции государства, при которой различные национальности были бы связаны не мертвым узлом власти сверху, а федерацией. Но для большинства славян Боснии он являлся только символом насилия, а для крайних националистов, замышлявших его убийство, было еще больше причин его ненавидеть. Ведь мечта Франца-Фердинанда о внесении спокойствия внутри страны путем федерации должна была разрушить их мечту — оторваться от Австрии, примкнуть к Сербии и образовать расширенное юго-славянское государство.

Кучка юных заговорщиков искала и получила помощь от сербского тайного общества, известного под названием «Черная рука». Общество это состояло главным образом из армейских офицеров, образовавших группу, враждебно настроенную к гражданскому правительству Сербии. Слухи о заговоре как-будто дошли до ушей министров, и на границу были посланы приказы перехватить заговорщиков. Но так как «охранители» — пограничная стража — также были членами «Черной руки», то меры предосторожности естественно не были приняты. Кажется, хотя наверняка утверждать нельзя, смутное предостережение было послано и в Вену. В чем не может быть уже никакого сомнения, это — в поражающей беспечности австрийских властей при охране эрцгерцога и циничном равнодушии к несчастью с этим крайне не-

популярным наследником престола. Потиорек, военный губернатор Боснии и будущий руководитель наступления против Сербии, даже если бы он был заговорщиком, не мог сделать большего для облегчения задачи убийцам. Поэтому трудно отказаться от подозрения, что он и был им.

Первая попытка покушения во время проезда эрцгерцога к городской ратуше сорвалась. Потиорек так неловко организовал возвращение, что автомобилю эрцгерцога пришлось остановиться... Раздались два выстрела, смертельно ранившие эрцгерцога и его морганатическую супругу, презираемую двором. Эрцгерцог умер в 11 часов утра.

Весть о преступлении вызвала ужас и возмущение во всех странах, за исключением Австрии и Сербии. Сербская пресса с трудом скрывала свою радость; еще меньше ее скрывала сербская общественность. Сербское правительство, измученное балканской войной и всей душой стремившееся к миру, чтобы закрепить за собой добычу этой войны, было вынуждено подать в отставку за одно только предложение произвести расследование убийства. Последствия необдуманной смены министерства в такое тяжелое время были роковыми.

Расследование, производившееся австрийской полицией, также велось спустя рукава. Через 24 часа Визнер, командированный Австрией для руководства следствием, донес, что хотя сербское общество и чиновники замешаны в этом деле, «нет доказательств участия в преступлении сербского правительства... Напротив, есть основание полагать, что оно стоит совершенно в стороне от этого покушения»...

Решение Австрии было быстрым, хотя долго избегали всякого внешнего проявления этого решения. Граф Берхтольд, министр иностранных дел, придавший оттенок элегантности жульническим замашкам, унаследованным от Эренталя, грациозно и с благодарностью схватился за возможность вернуть Австрии и себе потерянный престиж. Через день после убийства он объявил, что настало время раз и навсегда рассчитаться с Сербией за все, — слова, которые Конраду Гетцендорфу показались отголоском его собственных перманентных порывов к войне. Но Берхтольд встретил неожиданное препятствие в лице графа Тиссы, серьезно возражавшего против такого поворота дела, скорее с точки зрения целесообразности такого шага, чем с точки зрения его порядочности: «Вряд ли могут возникнуть затруднения при подыскании подходящего «казуса белли», когда бы это ни потребовалось»! Конрад также разумно подходил к вопросу и заметил Берхтольду: «Мы должны прежде всего спросить Германию, захочет ли она поддержать нас при этом выступлении против России».

Берхтольду также не хотелось нарываться на отказ Германии — тем более, что ему был памятен полученный им от нее два года тому назад отпор, сильно подорвавший его престиж. Поэтому престарелого императора заставили подписать меморандум, сопровождаемый личным письмом на имя кайзера.

Но кайзеру не надо было апеллящий. Когда германский посол Чирский послал донесение о своей беседе с Бертхольдом

30 июня, сообщая, что он предостерег последнего от слишком поспешных шагов, кайзер нацарапал на полях донесения:

«Кто уполномочил его на это? Идиот! Это не его дело... Пусть Чирский соблаговолит прекратить эту бессмыслицу. Мы должны смести сербов с пути и сделать это немедленно».

Бедный Чирский! Хотя он сам был настроен более решительно, все же не мог угнаться за «кувырканием» своего хозяина, к тому же он хорошо помнил высказанные два года тому назад слова хозяина, требовавшего от него большей сдержанности. Теперь, подыгрывая кайзеру, вопреки своим убеждениям, он думал выполнить желание государя. Каково же было его изумление, когда он убедился, что кайзер наигрывает уже в новую дудку. Как объяснить это? По всей вероятности опасениями кайзера, что его вновь упрекнут в слабости, или характерным для него возмущением, что пролита царственная кровь, а может быть и более «почетным» доводом — его дружбой с убитым.

Как бы то ни было, но кайзер 5 июля заверял графа Хойоса, австрийского хранителя печати, что Австрия «может положиться на полную поддержку Германии». «По мнению кайзера медлить нечего... Если дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, Австрия может быть спокойна, что Германия станет на ее сторону». Он добавил, что Россия «никоим образом не готова к войне», Германия же к ней готова была, — в этом кайзер не сомневался.

В ряде спешных совещаний с военными и морскими советниками кайзером были приняты различные меры предосторожности. Между тем кайзер отбыл, как это было раньше предусмотрено, в поездку в Норвегию. Несколько дней спустя, 17 июля, Вальдерзее, старший помощник начальника генерального штаба, донес министру иностранных дел: «Я остаюсь здесь, готовый ко всему. Мы все подготовлены».

Этот чек на предъявителя, инкассированный канцлером и выданный с полным учетом возможных последствий, резко выделяется среди прямых причин, приведших к войне. Австрия поспешила превратить этот чек в деньги, а Чирский был рад чрезмерным рвением загладить допущенную им ошибку.

В отличие от более поздних случаев решение германского генерального штаба было принято на этот раз в спокойной, если и не в холодной, обстановке, что придает самому решению особенное значение, подчеркивая волю Германии к войне. Знаменательны также заботы, предпринятые Германией и Австрией, чтобы усыпить подозрения в неминуемом выступлении. Конрад сказал на этот счет: «Надо симулировать мирное намерение».

Не давая Австрии совета держаться в рамках разумной умеренности, германское правительство позаботилось, однако, о том, чтобы на случай войны была обеспечена поддержка Италии, Болгарии, Румынии и Турции.

Италии нельзя было позволить угадать задуманное, но Австрии было предложено подумать над наградой Италии как платой за ее помощь в случае войны.

После обеспечения Германии от удара в спину, ближайшей задачей Берхтольда явилось протелеграфировать Австрии такой текст ультиматума Сербии, который наверняка был бы неприемлем для последней. Составление ультиматума отняло некоторое время на раздумье, и 10 июля Берхтольд сознался Чирскому, что он все еще думает над тем, «какое требование включить в ультиматум, чтобы для Сербии совершенно невозможно было его принять». Диссонансом во всем этом звучал только голос Тиссы, но ему сказали, что «один дипломатический успех не будет иметь никакой цены». Тисса сначала отказывался поддержать выступление Австрии, но затем резко переменил фронт, когда Берхтольд предупредил его о «военных затруднениях, которые вызовет промедление», и подчеркнул, что «Германия не поймет, как мы могли упустить возможность использовать этот случай для нанесения удара» Сербии. «Австрия может потерять дружеское расположение к ней Германии, если она проявит здесь слабость».

Наконец текст ультиматума набросан. Прочтя его, старик-император говорит: «Россия не согласится на это. Это означает всеобщую войну»... Отсылка ультиматума задерживается, пока не проведены различные меры, подготавливающие войну, и пока Пуанкаре, посещавший в это время царя, не отплыл из Петербурга. Русского посла в Вене заверяют в мирных намерениях Австрии, и он уезжает в отпуск. Но германским пароходным линиям послано извещение о сроке, когда будет отослана австрийская нота, с предупреждением, что они должны быть готовы к быстрому «развертыванию».

Ультиматум предъявляется сербскому правительству в 6 час. вечера 23 июля — в день, когда сербский премьер-министр отсутствует.

Ультиматум требует не только прекращения всякой пропаганды против Австрии, но и признания права Австрии сменять по своему усмотрению любого сербского чиновника и назначать взамен этого в Сербии своих чиновников. Это—прямое насилие над Сербией как независимой страной. На ответ дано только 48 часов.

На следующий день германское правительство передает в Петербурге, Париже и Лондоне ноты, в которых устанавливает, что требования Австрии «умеренны и правильны». Германское правительство не могло еще видеть ультиматума, когда оно легкомысленно это писало, добавив притом угрозу, что «любое вмешательство... повлечет за собой неисчислимые последствия». В Лондоне нота вызвала изумление, в России — ярое негодование.

За две минуты до истечения срока ультиматума ответ Сербии был передан австрийскому посланнику. Не теряя даже времени на прочтение этого ответа, посол порвал дипломатические отношения и, в соответствии с полученными инструкциями, специальным поездом выехал из Белграда. Три часа спустя был отдан приказ о частичной мобилизации Австрии против Сербии. Одновременно подготовительные меры к мобилизации были приняты в Германии и России.

Несмотря на все это, сербская нота фактически шла на все требования Австрии, за исключением двух, которые определенно

нарушали ее самостоятельность. Когда кайзер 18 июля после своего возвращения прочел ноту, он написал на ней следующее замечание:

«Блестящие достижения для столь короткого промежутка времени — 48 часов... Большая моральная победа Вены, но вместе с этим отпадает и всякий предлог для объявления войны».

А относительно частичной мобилизации Австрии он добавил:

«По правде говоря, я бы никогда не отдал приказа о мобилизации».

Еще раз восторжествовала политика «бронированного кулака», и кайзер, показав сомневавшимся, что он сильный человек, захотел почить на лаврах. Самолюбие его удовлетворено. Царственная честь сохранена. Но он необдуманно намекает, что Австрия, пожалуй, могла бы, пока требования ее не будут выполнены, в виде гарантии оккупировать часть Сербии. Безусловно Россия этого никогда не позволила бы, и кайзер должен был бы это знать.

Бетман-Гольвег соглашается с мнением кайзера, и утром 28 июля совет этот пересылается в Вену с добавлением, что «если Австрия будет продолжать отвечать отказом на все предложения посредничества или арбитража, одиозность ответственности за мировую войну в глазах германского народа падет на германское правительство».

Но перемена тона, к сожалению, запоздала. Германия сама отвергла такие предложения в наиболее благоприятный период. Когда 24 июля была опубликована нота Германии, Россия сейчас же получила заверение Франции в поддержке, а сторонники Грея настаивали на том, чтобы объявить и о солидарности Британии с Россией и Францией.

Но ответственность Грея перед парламентом и иная точка зрения на этот счет кабинета вместе с невыясненностью настроений общественного мнения помешали такому заявлению Британии. Кроме того Грей опасался, что такое выступление сможет усилить позицию сторонников войны в России и Германии. Он попытался вместо этого найти путь к соглашению. Первым его шагом было обращение к Берлину 24 июля с просьбой поддержать направляемое к Австрии требование о продлении срока австрийского ультиматума. В Берлине просьба эта не встретила отклика: она с запозданием была передана в Вену, куда и поступила за два часа до истечения срока ультиматума, причем сразу же была отвергнута австрийским правительством. 25 и 26 июля Грей сделал еще одно предложение о совместном посредничестве Германии, Британии, Франции и Италии, причем на время разбора конфликта Австрия, Россия и Сербия должны были воздержаться от военных операций.

Рим и Париж сразу на это согласились. Сазонов в Петербурге, первый поднявший вопрос об этом предложении, теперь в принципе согласился, но вначале предпочел вести переговоры непосредственно с Веной. Берлин — отказался. Кайзер нацарапал на

докладе, который ему передали, свойственные ему замечания, подливавшие масло в огонь:

«Изумительный документ британской наглости. Я не обязан предписывать его величеству императору (Австрии), как ему à la Грей сохранить свою честь».

Очевидно, на такое отношение Германии повлиял расчет, что действия Британии позволяют предполагать в случае войны ее нейтральность. Но в газетах от 27 июля британское правительство опубликовало сообщение, что эскадра, сосредоточенная для маневров, получила приказ оставаться сосредоточенной.

Этот прорыв в расчетах Германии, совпавший с миролюбивым ответом Сербии, повлиял на перемену официального языка в Берлине, где накануне генеральный штаб уже переслал министерству иностранных дел составленный им ультиматум для предъявления его Бельгии.

В итоге вечером 27 июля германское правительство решило передать Вене предложение Грея. Послали обращение Грея с добавлением, что предложение это требует, чтобы Австрия «до некоторой степени разделила наши надежды» на благоприятный исход конфликта. Но, повидав германского министра иностранных дел, австрийский посол протелеграфировал в Вену:

«Германское правительство твердо заверяет, что оно ни в коей мере не солидаризируется с предложением Грея; напротив, оно решительно отказывается от его рассмотрения и передает его лишь для того, чтобы удовлетворить Англию... Германское правительство поступает так, придерживаясь той точки зрения, что чрезвычайно важно, чтобы Англия в данный момент не стала на сторону России и Франции».

28 июля, после того как кайзер увидел ответ Сербии, произошло, как мы говорили, некоторое снижение тона. Но предостерегающее письмо Бетмана-Гольвега — вообще первое его предостережение — пришло в этот день в Вену слишком поздно и было слишком нерешительно.

В 11 часов утра 28 июля Сербии было передано по телеграфу объявление войны Австрией. В тот же день Берхтольд отклонил предложение Сазонова о прямых переговорах, выставив доводом факт уже объявленной войны.

Горькая ирония лежит в основе как причин, так и методов поспешного решения Австрии. С военной точки зрения все говорило за оттягивание объявления войны, так как армия не могла быть готова к выступлению ранее 12 августа. Но сообщения Германии побуждали Австрию торопиться; Берхтольд и Конрад боялись в случае промедления потерять поддержку Германии и вообще возможность объявить войну. Берхтольд цинично подытожил сложившуюся обстановку в докладе императору 27 июля: «Я полагаю, что новая попытка держав Антанты добиться мирного разрешения конфликта возможна лишь до того времени, пока объявлением войны не будет создана иная обстановка». И чтобы получить подпись императора на акте об объявлении войны, он приглушил все его сомнения, включив в акт в качестве

оправдания, что Сербия первая напала на австрийские войска Достигнув желаемой цели и получив подпись императора, он просто-напросто вычеркнул фразу, относящуюся к воображаемому нападению сербов.

Теперь уже в пропасть летели, очертя голову, на всех парах, влекомые «военной необходимостью»...

Генеральные штабы Европы, строя свою громадную и громоздкую машину, позабыли об основном и первом принципе военного искусства — гибкости, эластичности. Как при мобилизации, так и во время операций, армии материка были почти неуправляемы. События вскоре показали, что армии эти могли быть сдвинуты с места, но не могли действительно быть управляемы во время выполняемых ими действий. Этот недостаток—угроза для мира—являлся характерным отличием тогдашних армий от современных массовых армий или небольших профессиональных армий прошлых времен.

Единственной мыслью генералов в эти критические дни было желание пустить их машины в ход. Стремление к войне и боязнь быть поставленным в неловкое положение взаимно влияли друг на друга.

В Германии, в России и даже в Австрии все стремления государственных деятелей мирно разрешить конфликт разбивались о противодействие генералов, стоявших за войну и предсказывавших всевозможные ужасы в случае пренебрежения их техническими советами. В Австрии генералы могли даже разделить вместе с Берхтольдом тяжелую ответственность и славу быть инициаторами войны.

На второе место вышли русские генералы. Россия тоже была страной военных посредственностей. Там известие об объявлении войны Австрией вызвало решительную перемену. До тех пор Сазонов держал генералов в руках, теперь и он начинает поддаваться неизбежному, соглашаясь на проведение частичной мобилизации войск только на австрийском фронте. Генеральный штаб возражает, что «по техническим причинам» это невозможно, и настаивает, что лишь объявлением общей мобилизации можно избежать ломки всей военной машины России.

Не желая сдаться на эти доводы, но и не пытаясь разбить их, Сазонов идет на компромисс. На подпись царю подготовлены два указа: один — для частичной, а другой — для общей мобилизации. Выбор предоставляется царю, — министры ни на чем определенном не остановились.

Генеральный штаб решительно стоит за второй указ.

На утро начальнику мобилизационного отдела штаба вручают приказ об общей мобилизации, уже подписанный царем, и начинается обход министров для получения их подписей, чтобы приказ мог вступить в силу. Одного из министров не удается найти до вечера. За это время германский посол около 6 час. вечера посещает Сазонова и передает ему ноту Бетмана-Гольвега, в которой написано: «Если Россия продолжит подготовку к мобилизации, то Германия объявит мобилизацию, а мобилизация означает войну». Нота передана с заверениями, что это «не

угроза, а дружеский совет». Сазонову нота кажется скорее угрозой, запрещающей видимо и частичную мобилизацию против Австрии. Противодействие Сазонова пылкому русскому генеральному штабу слабеет. После совещания с начальником генерального штаба Янушкевичем он соглашается на общую мобилизацию и получает на это одобрение царя.

Перейдем теперь к Берлину.

Там чувствовалось то же нервное напряжение и фактически происходила та же борьба воль. Кайзер и его политические советники были серьезно встревожены тем, что поступок Австрии представит виноватой стороной и Германию, а это будет стоить ей поддержки Италии, одновременно восстанавливая против нее и Британию. Поэтому требование генерального штаба о немедленной мобилизации отклоняется, и поздно вечером Бетман-Гольвег видится с британским послом.

Бетман-Гольвег пытается сторговаться—купить британский нейтралитет, предлагая взамен согласие Германии не аннексировать каких-либо провинций Франции, «но он не может дать подобного же заверения относительно французских колоний». Посол говорит ему, что вряд ли Англия пойдет на такое предложение. В этом он оказался пророком. Предостережение Лихновского из Лондона, что британское общественное мнение крепнет, приводит кайзера к пароксизму бессильной ярости. Он царапает оскорбительные эпитеты об «английском фарисействе», называя Грея «чистым плутом», что звучит несколько странно, если вспомнить предыдущее предложение Бетмана-Гольвега и то, что кайзер обзывает англичан «сворой мелких торгашей». Донесение Лихновского о новом предложении Греем посредничества, наконец, вынуждает Бетмана-Гольвега послать длинную телеграмму в Вену с увещеваниями Австрии не упорствовать и не отвечать на все отказом, иначе Австрия втянет Германию в невыгодную войну. Со своей стороны кайзер телеграфирует царю, сообщая, что он старается склонить Вену согласиться «действовать открыто, чтобы была возможность притти к удовлетворяющему обе стороны соглашению»... Телеграмма эта скрещивается с подобной же соглашательской телеграммой царя. На нее отвечают второй телеграммой с предложением: «Было бы правильно австро-сербский вопрос передать Гаагской конференции... Доверяюсь твоей мудрости и дружбе». То обстоятельство, что кайзер пометил на полях телеграммы царя: «Вздор!», вызывает сомнение в искренности ответа кайзера. Но кайзер посылает и вторую телеграмму с призывом прекратить военные приготовления, «которые... ускорили бы катастрофу...». Эта телеграмма производит на царя сильное впечатление.

Около 10 час. утра царь звонит начальнику штаба и, несмотря на отчаянные протесты Янушкевича и заявления, что приказ уже отдан, предлагает ему его задержать, заменив приказом о частичной мобилизации.

Но генеральный штаб, хотя и потерпел поражение, не был разбит. На следующее утро, чтобы вернуть свои позиции, штаб выставил новые тяжеловесные аргументы. Во-первых, делаются по-

пытки приблизиться к царю, но царь, стараясь избежать давления, отказывается принять военного министра. Тогда Янушкевич добивается свидания с Сазоновым и убеждает его, что дальнейшее промедление с общей мобилизацией сломает организацию армии и отразится на безопасности России. Затем он утверждает, что частичная мобилизация создаст во Франции впечатление, что, когда грянет война, Россия не будет в состоянии помочь ей выдержать натиск Германии. Наконец, Сазонов, уже убедившийся в неизбежности войны, соглашается посетить царя этим же вечером. Царь, бледный и озабоченный, поддается успокаивающим заверениям Сазонова, что во всяком случае совесть его будет чиста, и соглашается на опубликование приказа об общей мобилизации. Сазонов, передавая Янушкевичу приказ по телефону, советует ему «исчезнуть на остаток дня» с целью предупредить возможные колебания царя.

Сазонов вначале пытается сохранить общую мобилизацию в секрете, не объявляя о ней ничего, но наталкивается при этом на технические трудности, и указ обнародывается утром следующего дня — 31 июля. В тот же день, но на несколько часов позже, отдается австрийский приказ об общей мобилизации. С этого момента «государственные мужи» продолжали посылать телеграммы (которые являлись уже ненужной порчей бумаги), а военная машина всецело всем завладела.

Именно 30 июля дело обстояло так не только в России. В 2 часа дня Мольтке, начальник германского генерального штаба, послал сообщение австрийскому генеральному штабу через австрийского военного атташе, указывая, что подготовительные меры России к войне «выльются в casus foederis для Германии. Отклоните новые шаги Великобритании в интересах мира. Европейская война является последним шансом спасти Австро-Венгрию. Германия готова оказать Австрии неограниченную поддержку». Затем он послал телеграмму непосредственно Конраду следующего содержания:

«Немедленно мобилизуйтесь против России. Германия будет мобилизоваться. Убедите Италию исполнить свой долг союзника, предложив компенсацию».

Так Мольтке нейтрализовал малоубедительную телеграмму Бетмана-Гольвега. Военные и гражданские руководители Австрии не нуждались в понукании. Им достаточно было уверенности в поддержке Германии. Они не намеревались пойти ни на какие предложения о посредничестве, если это грозило отказом Германии в поддержке Австрии. А «Германия» означало теперь — генеральный штаб!

Как только до Берлина дошло известие о русском приказе, тотчас было объявлено «положение угрожающей военной опасности», которое являлось первым шагом на пути к мобилизации, — искусный и простой военный «трюк», чтобы «быть первым», не раскрывая своих карт.

В то же время были посланы ультиматумы в Петербург и Париж. Ультиматум России требовал, чтобы она «приостановила

военные приготовления, угрожающие Австрии и Германии, не позднее истечения двенадцати часов» и «определенным образом заверила нас в этом». Сазонов в ответ сказал, что технически невозможно остановить мобилизацию, но, пока переговоры продолжаются, Россия не собирается нападать. Царь подкрепил это заверение следующей телеграммой кайзеру:

«Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти военные приготовления не означают войны и что мы будем продолжать переговоры».

Но германское правительство, не ожидая ответа на свой ультиматум, отправило своему посланнику в Петербург официальный текст объявления войны России. Посланник передал это объявление русскому правительству вечером 1 августа немедленно по истечении срока ультиматума. Почти сейчас же началась германская мобилизация.

И вдруг случайное донесение генерала ф. Хелиуса из Петербурга: «Народ мобилизовался здесь из страха перед грядущими событиями без всяких агрессивных намерений, и теперь испуган результатом своих действий». Кайзер сделал пометку на телеграмме: «Правильно!». Но если кайзер теперь был тоже испуган и склонен на уступки, он не мог больше остановить своей военной машины, даже если бы он и хотел этого. Мольтке настойчиво держался той точки зрения, что «необычайно благоприятную обстановку надо использовать для удара», указывая, что «военное положение Франции более чем затруднительно», что «Россия, безусловно, не уверена в победе» и что «время года благоприятствует завязке кампании».

«Скоропалительность» суждений русского генерального штаба может быть по крайней мере объяснена «нервами», но едва ли то же оправдание может быть применено по отношению к Мольтке.

Если искать в это время главных персональных виновников завязавшейся войны, то указание безусловно должно пасть на трех человек: Бехтольда, Конрада и Мольтке. Но Мольтке в сущности представлял собою акционерное общество — большой германский генеральный штаб.

Но если действия этих людей и были обдуманы и преднамеренны, то все же в основе их действий лежал страх, а не просто военный задор: страх в австро-венгерском генеральном штабе — перед увеличением сербской армии, если Сербия в итоге балканской войны территориально расширится; страх в германском генеральном штабе — при виде того, как русская армия неожиданно быстро оправляется под руководством Сухомлинова от ее болезни 1905 г.

Прибегая к тактике игры «перетягивания каната», Мольтке втянул в войну Австрию, чтобы броситься самому ей на помощь и затем в свою очередь быть уверенным в ее помощи.

Германский ультиматум Франции требовал ответа на вопрос: будет ли Франция сохранять нейтралитет при «русско-германской войне». На ответ было дано 18 час., причем в ультиматуме

была добавлена угроза: «Мобилизация неминуемо будет означать войну». В случае если Франция согласится сохранять нейтралитет, германскому послу было указано предъявить ей совершенно неприемлемое требование, а именно — чтобы Франция, в виде залога, передала Германии крепости Верден и Туль. Дело в том, что планы Мольтке были разработаны для войны на два фронта, и они были бы опрокинуты, если бы фактически пришлось вести войну на один фронт! Могло ли военное безумие итти дальше?..

Германский посол запросил ответ 1 августа, и ему просто было передано, что «Франция будет действовать так, как того требуют ее интересы». В этот же вечер был отдан приказ о французской мобилизации. Но в республиканской Франции гражданское правительство стояло над генеральным штабом, причем по требованию правительства еще 30 июля пограничные силы были оттянуты назад, вглубь страны на 10 км, как мирный жест и мера предосторожности, чтобы пограничная перестрелка не послужила предлогом для объявления войны. Хотя с военной точки зрения это и являлось некоторой помехой, но политическую мудрость такого отвода войск подтверждает тот факт, что германские дозоры перешли французскую границу 30 июля и вновь, с официального одобрения свыше, перешли ее 31-го. Поэтому, когда 3 августа Германия объявила Франции войну, она могла прибегнуть к единственному конкретному извинению своих действий тем, что французский летчик «сбросил бомбы на железную дорогу у Карлсруэ и в Нюренберге»,— слух, который был опровергнут в прессе самой Германии еще до объявления войны.

Почему же с фактом объявления войны тянули два дня?

Во-первых, из-за нового утверждения Грея, что раз есть хоть какая-либо надежда на мирное соглашение между Россией и Австрией, Германия и Франция должны воздерживаться от каких-либо выпадов... Грей несколько неопределенно сформулировал свои мысли, а Лихновский, стремясь сохранить мир, произвольно несколько их расширил, телеграфируя в Берлин, что «это, повидимому, значит, что если мы не нападем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нам нейтралитет Франции».

Кайзер и его канцлер ухватились за эту соломинку. Кайзер сказал Мольтке: «Итак мы двинемся всеми нашими силами только на восток». Мольтке, как гласят его мемуары, возразил: «Это невозможно. Наступление миллионных армий... результат многолетней кропотливой работы. Раз план разработан, его нельзя менять»...

Кайзер ядовито заметил: «Ваш дядя дал бы мне иной ответ!».

Мольтке отстоял свою точку зрения в вопросе продолжения сосредоточения сил против Франции, но кайзером было приказано на сутки отсрочить фактический переход границы Франции и Люксембурга. Мольтке патетически повествует: «Это было для меня большим ударом; меня это поразило в самое сердце». Все же «сердечный припадок» его скоро прошел, так как поздно вечером следующие телеграммы из Лондона показали, что Британия не обещает нейтралитета. Отсрочка была отменена. А если

отсрочка и вызвала некоторое торможение мероприятий Мольтке, то все же это не помешало части передовых войск германцев фактически вступить в тот же день в Люксембург, опередив все предварительные расчеты.

Тем не менее британский кабинет колебался. Большинство его членов так крепко держалось за мир и так сильно сомневалось в общественном мнении, что упустило время дать Германии ясные предупреждения о своих намерениях, которые могли бы поддержать слабые попытки Бетмана-Гольвега противостоять напору группировок, стоявших за войну. Теперь уже было слишком поздно; военная машина работала полным ходом. После 31 июля ничто не могло уже предотвратить войну.

В итоге длительные колебания британского кабинета, — хотя и естественные, и заслуживающие уважения,— только увеличивали опасения французов, боявшихся, что Англия покинет их в беде.

Положение спасла Германия. Вечером 2 августа она передала Бельгии свой давно подготовленный ультиматум, требовавший свободного пропуска германских войск, как это нужно было по германскому плану войны. Бельгийское правительство твердо ответило, что оно не позволит оскорбить свой нейтралитет. Утром 4 августа германские войска начали свое вторжение в Бельгию.

Эта угроза, еще до проведения ее в жизнь, явилась решающим фактором для укрепления мнения Британии в неизбежности интервенции, хотя, как это правильно предвидел германский генеральный штаб, дело до этого безусловно должно было дойти. Британия передала Германии ультиматум с требованием уважать бельгийский нейтралитет. Ультиматум этот был принят Бетманом-Гольвегом с жалобным замечанием, что Британия ввязывается в войну «только ради клочка бумаги». В 11 час. дня по германскому времени срок ультиматума истек. Британия, следовательно, вступила в войну, а Италия осталась в стороне, решив 31 июля придерживаться нейтралитета.

Таким образом, в последнем (финальном) действии, как и в начальных действиях, решающими были «технические военные аргументы». Германская армия должна пройти через Бельгию, даже если это втянет в войну против Германии и Британию.

Итак, военная машина была достаточно сильна в мирное время, чтобы привести к войне, но оказалась бессильной во время войны, чтобы привести к победе!

События это подтвердили...

ГЛАВА II

СИЛЫ И ПЛАНЫ СТОРОН

В борьбу народы вступили с условными взглядами и с системой XVIII века, лишь слегка претерпевшими изменения под влиянием событий XIX века.

С политической точки зрения они считали, что предстоит состязание соперничающих друг с другом коалиций, основанных на традиционной системе дипломатических союзов. С военной же точки зрения они предполагали борьбу профессиональных армий, хотя и распухших из-за принятой на континенте системы принудительных наборов, но все же борьбу, проводимую, главным образом, «солдатами», а народ в массе, как зритель из амфитеатра, должен был следить за успехами гладиаторов. Германцы ближе были к истине, хотя истинное положение едва понималось одним-двумя проницательными непризнанными умами. Теория «вооруженного народа» развилась в Германии в течение XIX столетия. Эта теория представляла себе народ скорее как резервуар, питающий армию подкреплениями, чем как мощную реку, поглощающую много притоков, причем армия является только одним из них. Их концепцией был «вооруженный народ», но не «воюющий народ». Даже сегодня эта основная истина сохраняет полное значение во всем своем объеме и со всеми вытекающими из нее последствиями. В течение 1914—1918 гг. воевавшие народы последовательно мобилизовали для нужд войны науку, изобретательную силу и техническую ловкость инженеров, физический труд, индустрию, наконец — перо пропагандиста. Это сочетание многих сил в течение продолжительного времени представляло собой хаотический водоворот — старый порядок уже рухнул, а новый еще не народился. Лишь постепенно все эти силы пришли к полезному взаимодействию. И все же еще спорен вопрос, действительно ли даже к последней фазе войны

это взаимодействие достигло высшего предела согласования, которое направляло бы все эти разнообразные силы к одной цели.

Германская армия 1914 г. родилась в наполеоновских войнах. В своем детстве она вскормлена Гнейзенау и Шарнгорстом, а в отрочестве ею руководили Мольтке старший и Роон. Зрелости она достигла в войну 1870 г., блестяще выдержав испытание в борьбе с плохо снаряженной и дурно руководимой французской армией. Каждый физически годный гражданин был обязан воинской повинностью. Государство отбирало нужное ему число людей; в течение короткого срока выполнения ими воинской повинности оно давало им военную подготовку и затем возвращало их к гражданской жизни. Характерной чертой, как и целью этой системы, было стремление создать крупный резерв, на основе которого можно было бы во время войны развернуть армию. Каждый гражданин выполнял воинскую повинность в течение двух или трех лет, в зависимости от того, в каком роде войск он служил. За этим следовало четырех- или пятилетнее пребывание в резерве. Потом он служил 12 лет в ландвере и, наконец, переходил в ландштурм, в котором и числился с 39- до 45-летнего возраста. Кроме того был создан эрзац-резерв, в который входили те, кто не был призван нести службу под знаменами.

Этой организацией и совершенством подготовки объясняется секрет первого крупного сюрприза войны, который явился почти решающим. Вместо того чтобы смотреть на резервистов как на войска сомнительного качества, годные только для решения вспомогательных задач или для гарнизонной службы, германцы оказались в состоянии во время мобилизации вздвоить почти каждый первоочередный корпус, создав при нем резервный корпус, и имели оправданное событиями мужество применить эти войска в открытом поле. Неожиданность эта опрокинула французские расчеты, чем сорвала весь план их кампании.

Германцев часто упрекали во многих их просчетах и значительно реже давали заслуженную оценку правильности многих их предвидений. Лишь они поняли то, что сегодня является аксиомой: имея высококвалифицированный кадр инструкторов, можно из рекрутов с краткосрочной подготовкой быстро создать крепкую армию.

Германские офицеры и унтерофицеры долгосрочной службы по уровню технических знаний и по мастерству не имели равных на континенте. Тем не менее, хотя военная машина и была сколочена подготовкой, прочность свою она приобретала также другим путем. Руководители Германии работали над многими поколениями, чтобы внушить народу патриотическую убежденность в величии судьбы их страны. И если противники Германии пошли в бой в 1914 г. с большой уверенностью в правоте своего дела, то все же у них не было времени, чтобы этот пламенный патриотизм превратить в подобие той заранее организованной дисциплины, которая в течение долгих лет выковывалась в Германии. Армия была близка германскому народу. Он гордился ею, несмотря на беспримерную строгость армейской дисциплины.

Этим единственным в своем роде инструментом владел генеральный штаб, который благодаря строгому отбору и подготовке не имел равного себе в Европе ни по профессиональным знаниям, ни по искусству, хотя и ему не удалось избежать некоторой умственной рутины, характерной для всех профессий. Исключительное умение является результатом долгой практики, а постоянная практика и повторение неизбежно ведут к выхолащиванию оригинальности и гибкости мышления. Кроме того, в профессиональной армии выдвижение по старшинству является правилом, которое трудно обойти. Германцы, правда, склонялись к системе контроля штаба над командиром. Обычно на деле это передавало фактическую власть в руки более молодых офицеров генерального штаба. Как свидетельствуют военные мемуары и документы, начальники штабов различных армий и корпусов часто принимали мгновенные решения, не давая себе труда посовещаться с командирами. Но такая система имеет и свои теневые стороны. Отсюда те палки в колеса, которые довольно часто тормозили германскую военную машину, в остальном хорошо смазанную и исправно работавшую.

Тактически германцы начали войну с двумя важными материальными преимуществами. Они одни точно оценили возможности тяжелой гаубицы и обеспечили себя достаточным числом этих орудий. И хотя ни одна армия не поняла, что пулемет представляет собой «квинт-эссенцию пехоты» и не развила до предела этот подавляющий источник огневой мощи, но германцы изучили пулемет больше других армий и сумели скорее, чем другие армии, использовать присущее пулеметам свойство подавления на поле боя всего живого. Этому предвидению значения тяжелой артиллерии и пулеметов германский генеральный штаб обязан, главным образом, прогнозу капитана Гофмана, молодого германского атташе при японской армии в Манчжурии. В стратегической области германцы поставили изучение и развитие железнодорожного дела на более высокую ступень, чем любой из их противников.

Австро-венгерская армия, хотя и организованная на германский образец, была несоизмеримо хуже. В этой армии традициями являлись скорее поражения, чем победы. Кроме того созданию морального единства — отличительной черты армии союзника Австрии — мешала смесь в армии различных национальностей.

Вследствие всего этого замена старой профессиональной армии армией, построенной на началах всеобщей воинской повинности, скорее понизила, чем повысила уровень ее эффективности. Войска внутри империи были часто по национальному признаку сродни тем, которые находились за границей. Это вынуждало Австрию к распределению войск на основе политических, а не военных интересов, чтобы родственники не сражались друг против друга. Наконец, затруднения, связанные с характерными особенностями человеческого материала армии, увеличивались еще географическим положением государства — широким протяжением границы, которую надо было защищать.

И командиры австро-венгерской армии, за редким исключением, уступали в профессиональном отношении германским. Более того, хотя взаимодействие здесь понималось лучше, чем в армиях Антанты, все же Австрия неохотно подчинялась руководству Германии.

Несмотря, однако, на всю свою очевидную слабость, австро-венгерская армия, являясь в сущности слабо стянутым узлом конгломерата национальностей, в течение четырех лет противостояла ударам и лишениям войны в такой степени, что это поражало и приводило в смущение ее врагов. Объясняется это тем, что сложная национальная паутина армии была сплетена на крепкой германской и мадьярской основе.

От центральных держав перейдем к державам Антанты. Франция обладала только 60% потенциональной людской мощи Германии (5 940 000 против 7 750 000), и этот дебетовый баланс фактически заставлял ее призывать на военную службу всех физически годных для этого мужчин. Новобранец призывался в возрасте 20 лет, 3 полных года состоял на военной службе, затем 11 лет находился в резерве и, наконец, два срока — по 7 лет каждый — проводил в территориальной армии и в территориальном резерве. Эта система давала Франции к началу войны армию силою до 4 000 000 человек, равную армии ее противника — Германии, но, в противоположность Германии, Франция придавала мало значения резервным частям как боевым единицам. Французское командование рассчитывало только на полурегулярные войска первой линии — около 1 500 000 человек, думая проделать с ними короткую и решающую кампанию, которая ожидалась и для которой оно готовилось. Более того, французы предполагали, что и противник их будет придерживаться той же точки зрения. Но в этом они жестоко ошибались. Если даже не считать этого просчета, все же оставалось в силе другое, более серьезное препятствие — меньшая способность Франции в случае затяжной войны к последующему развертыванию сил из-за меньшей численности ее населения, не достигавшей даже 40 000 000 человек против 65 000 000 населения Германии. Полковник Манжен был сторонником создания обширной туземной армии, укомплектованной уроженцами Африки. Однако, правительство пришло к убеждению, что опасности, связанные с организацией такой армии, превышают те выгоды, которые она может дать, а опыт войны впоследствии доказал, что такое предложение было связано как с военным, так и с политическим риском.

Французский генеральный штаб, уступавший в техническом отношении германскому, выдвинул нескольких наиболее способных военных мыслителей Европы. По уровню своей интеллектуальности работники французского генерального штаба могли соревноваться с работниками других генеральных штабов. Но французское военное мышление, выигрывая в логичности, теряло присущую ему оригинальность и гибкость. Затем в последние перед войной годы возникло острое разногласие во мнениях, которое вряд ли могло послужить единству действий. Но хуже всего было то, что новая французская философия войны, уделяя все

свое внимание моральному фактору, все дальше и больше отходила от неотделимых по существу материальных факторов. Самая твердая воля не в состоянии компенсировать худшее по качеству оружие, а если признать этот второй фактор, то он неизбежно будет влиять и на первый.

В отношении материальной части французам давала большое преимущество лучшая в мире 75-мм скорострельная полевая пушка. Но ценность этого орудия привела французов к переоценке возможностей маневренной войны и к постоянному недоучету необходимости иметь снаряжение и подготовку для того типа войны, который фактически позднее и имел место.

Преимущества России заключались в физических качествах людского состава, невыгоды — в низком умственном уровне и моральной неустойчивости войск. Хотя основная численность русской армии была не больше германской, но людские запасы ее были громадны. Более того, мужество и выносливость русских были изумительны. Однако, недисциплинированность и некомпетентность пропитывали ее командный состав, а солдатам и унтерофицерам нехватало сметки и инициативы. В общем для войны армия представляла собой прочный, но мало гибкий инструмент. Кроме того производственные возможности России в отношении снаряжения и огнеприпасов были гораздо ниже тех же возможностей крупных индустриальных стран. Это усложнялось еще географическим положением России. Она была отрезана от своих союзников морями, покрытыми вечными льдами, или же морями, омывающими земли ее врагов. Россия должна была прикрывать границы громадного протяжения. Наконец, серьезным недостатком была бедность России железными дорогами, которые были ей крайне необходимы, так как она рассчитывала на успех, вводя в дело свои миллионные армии.

В моральном отношении условия для России были менее благоприятны. Внутренние беспорядки давали себя знать и могли оказаться серьезной помехой в ее военных действиях, если бы война не была такой, чтобы причины ее являлись понятными и важными для примитивных и разнородных масс России.

Между военными системами Германии, Австрии, Франции и России имелось много сходных черт. Различия были скорее в деталях, чем в основах. Это сходство тем резче выявляло различие между названными военными системами и военной системой также крупной европейской державы — Британии. Весь последний век Британия представляла собой преимущественно морскую державу, появляясь на суше только для старой, традиционной политики — дипломатической и финансовой поддержки союзников, военные усилия которых она подкрепляла частицей своей профессиональной армии. Эта регулярная армия содержалась, главным образом, для защиты самой Англии и ее заморских владений, в частности Индии, и никогда не выходила за пределы численности, необходимой и достаточной для этих целей.

Причины столь резкого контраста между решением Британии содержать крупный флот и ее постоянным пренебрежительным отношением к армии (вернее сознательным ее сокращением) ча-

стично являлись следствием ее островного положения. Поэтому Англия считала море своей основной жизненно необходимой коммуникационной линией, которую надо защищать в первую очередь. С другой стороны, причиной малочисленности армии являлось органическое недоверие к ней — предрассудок, лишенный логики, корни которого, почти позабытые, восходили к военной диктатуре Кромвеля.

Английская армия, будучи небольшой по своим размерам, была в состоянии использовать громадный и разнообразный боевой опыт, отсутствовавший в других континентальных армиях. Но по сравнению с этими армиями британская армия имела свои профессиональные затруднения: ее командиры, искусные в управлении небольшими отрядами в колониальных экспедициях, никогда не руководили крупными соединениями в «большой» войне.

Тем не менее горькие уроки южноафриканской войны принесли много пользы и оказали влияние, до некоторой степени противодействующее тому омертвению мысли и ритуальности в методах, которые вырастают вместе с ростом профессиональности армий.

За прогресс в своей организации в годы, предшествовавшие мировой войне, британская армия многим обязана лорду Халдану. Ему же Англия обязана созданием второочередной армии из граждан, частично подготовленных в военном отношении, т. е. территориальной армии. Лорд Робертс ратовал за общеобязательную военную подготовку, но принципы добровольности так глубоко проникли в сознание английского народа, что пойти на это было рискованно. Халдан вполне разумно попытался расширить военную мощь Англии, не порывая уз, накладываемых в этом вопросе традиционной политикой Англии.

В результате Англия имела в 1914 г. экспедиционную армию в 160 000 человек. Это была ударная армия, лучше отточенная и подготовленная, чем армии других стран, — рапира среди кос! Чтобы поддерживать численность этой армии, прежняя милиция была преобразована в специальный резерв, откуда экспедиционная армия могла черпать пополнения.

За этой первоочередной армией стояла территориальная, которая хотя и была призвана на службу для защиты только родины, но все же имела постоянную военную организацию. В этом и было основное отличие этой армии от бесформенной армии добровольцев, которой она пришла на смену.

В отношении технических средств борьбы британская армия не обладала по сравнению с другими никакими преимуществами, но меткость винтовочной стрельбы ее бойцов не была превзойдена ни в одной из других армий мира.

Реформы, благодаря которым британская армия сравнялась с образцовыми армиями на континенте, имели один серьезный недостаток: на эти реформы оказали влияние близкие взаимоотношения, установившиеся со времени соглашения между британским и французским генеральными штабами. Это привело «к континентальному складу мышления» среди британских работников генерального штаба и, в борьбе бок-о-бок с союзной армией, расположило их к решению задач, для которых их более гибкая ар-

мия была мало пригодна. Это обстоятельство сгушевало традиционные методы использования британской армии на суше, т. е. подвижность. Маленькая, но хорошо подготовленная армия, «как гром с неба», обрушивающаяся на противника в важном стратегическом направлении, может привести к такому стратегическому успеху, который по своим размерам ни в каком отношении не соответствовал бы ее небольшой численности.

Последний аргумент ведет нас к исследованию обстановки на море, т. е. к изучению соотношения между флотом Британии и Германии. Морское превосходство Британии, не вызывавшее в течение долгих лет никакого сомнения, в последние перед войной годы стало оспариваться Германией, которая поняла, что мощный флот является ключом к тем колониальным владениям, о которых она мечтала, как к отдушине для ее торговли и возраставшей численности населения. В этом отношении претензии Германии росли по мере того, как опасный гений адмирала Тирпица усиливал инструмент для их удовлетворения. Под влиянием морского соревнования британский народ всегда охотно шел навстречу потребностям флота, твердо решившись во что бы то ни стало сохранить свой принцип „Two power standart“ [1] и престиж на море. Хотя эта реакция и была скорее инстинктивной, чем разумной, тем не менее ее подсознательная мудрость имела под собой лучшее основание, чем те лозунги, которыми эта реакция оправдывалась.

Индустриальное развитие британских островов сделало их зависимыми от заморских источников снабжения продовольствием и от беспрерывного притока предметов заморского экспорта и импорта, необходимых для существования промышленности Британии. Для самого флота это соперничество было средством, позволявшим сосредоточивать все внимание на основном. Развивалось, главным образом, артиллерийское дело и придавалось меньшее значение внешнему лоску и блеску медных частей. Были изменены вооружение и конструкция боевых судов; «дредноуты» вступили в новую эру боевых судов, вооруженных только тяжелыми орудиями. К 1914 г. Британия имела 29 таких капитальных судов и кроме того 13 на верфях против 27 германских — 18 построенных и 9 строившихся. Морские силы Британии были разумно распределены, причем основная группа находилась в Северном море.

Большой критике следовало бы подвергнуть сравнительно пренебрежительное отношение Британии к подводным лодкам как мощному оружию морской борьбы, тем более что некоторые морские авторитеты ставили в этом отношении правильный прогноз. Здесь точка зрения Германии проявилась скорее в числе заложенных подводных лодок, чем в числе уже построенных. К чести Германии надо отнести то, что, хотя морские традиции были ей не близки, а ее флот был скорее продуктом искусственных, чем естественных потребностей, тем не менее высокий стан-

[1] «Two power standart» — формула, имеющая тот смысл, что английский флот должен быть равным по силе флотам любых двух держав.— Прим. ред.

дарт технического искусства германского флота делал его серьезным соперником британскому, а в области научного использования артиллерии он, возможно, был даже и выше последнего.

Но в первый период войны равновесие морских сил могло повлиять на исход борьбы в значительно меньшей степени, чем равновесие сухопутных сил. Это происходило от того, что флот страдал от присущего ему ограничения: он был привязан к морю и потому не мог наносить удары непосредственно враждебной нации. Основной задачей его явилась защита необходимых своей стране морских сообщений и действия на сообщения противника. Хотя необходимой предпосылкой для таких действий и может считаться победа в морском сражении, однако и блокада в этом случае необходима. А так как результаты блокады сказываются не сразу, то и влияние ее могло бы оказаться решающим лишь в том случае, если бы армия не смогла обеспечить (хотя на это все рассчитывали) быструю победу на суше.

В представлении о короткой войне надо искать причины сравнительно малого внимания, проявленного к экономике. Немногие понимали, что современные народы едва ли смогут выдержать в течение долгих месяцев напряжение войны в широком масштабе — войны мировой. Возмещение предметов широкого потребления (продовольствия) и капиталов, возмещение и изготовление огнеприпасов — все это были проблемы, которые изучались только на бумаге. Все участвовавшие в войне государства за исключением Британии и Германии могли прокормить себя. Дефицит Германии в предметах снабжения, производимых внутри страны, мог стать серьезным лишь в том случае, если бы борьба затянулась на годы, Британия же обрекалась на голод уже через 3 месяца, если бы противнику удалось отрезать ее от заморских источников снабжения.

Что касается огнеприпасов и других военных материалов, то индустриальная мощь Британии была выше других государств. Но для обслуживания военных нужд необходимо было заблаговременно мобилизовать промышленность. В конечном счете все зависело от надежности морских коммуникаций. Франция была слаба, но еще слабее в этом отношении была Россия. Однако Франция могла рассчитывать на приток заграничных предметов снабжения, пока Британия будет господствовать на море. Британия представляла собой индустриальный центр одной коалиции, а Германия — другой. Являясь широко развитой индустриальной страной, Германия была мощна и сырьем, особенно после аннексии в 1870 г. железных копей в Лотарингии. Все же прекращение притока снабжения извне в случае долгой войны должно было явиться серьезным препятствием, непрерывно возраставшим по мере затягивания кампании. Крайне резко с самого начала должен был сказаться кризис в каучуке — продукте тропиков. Кроме того основные угольные и железнодорожные копи Германии были расположены в опасном соседстве с границами: в Силезии — с востока, в Вестфалии и Лотарингии — с запада.

Таким образом, для держав центрального союза было еще важнее, чем для Антанты, добиться быстрого решения войны.

Все финансовые ресурсы также были рассчитаны на ведение короткой войны, причем все континентальные державы полагались, главным образом, на свои обширные золотые запасы, предназначенные специально для военных целей. Одна Британия не имела такой казны, но она на деле доказала, что сила ее банковой системы и мощь коммерческих кругов обеспечили ее «мускулатурой» для военных действий в такой степени, которую могли предвидеть только немногие из довоенных экономистов.

Но если экономические силы держав были при военных расчетах в достаточной степени в загоне, то людские ресурсы за исключением чисто военного их вида представляли собой уже совершенно не разработанную область. Даже в военном деле моральному элементу уделялось мало внимания по сравнению с физическим. Ардан-де-Пик, солдат-философ, павший в войне 1870 г., лишил бой его героического ореола, обрисовав реакцию нормальных людей перед лицом опасности. Несколько германских критиков, основываясь на опыте 1870 г., описали действительное состояние духа войск в бою и, исходя из этого, спорили о том, на чем же должна основываться тактика, раз необходимо учитывать всегда существующие элементы страха и мужества. В конце XIX века французский военный мыслитель полковник Фош обрисовал, как велико влияние морального элемента в области управления войсками, но его выводы относились скорее к укреплению воли командира, чем к ослаблению воли противника. Все же вглубь этих вопросов не вникали. Гражданская сторона совершенно не была затронута, а в первые недели конфликта широкое непонимание национальной психологии было доказано зажимом рта прессе (в Британии это было делом Китченера) и последующей столь же идиотской практикой выпуска правительственных бюллетеней, которые настолько затемняли и искажали истину, что общественное мнение перестало доверять любому официальному сообщению. Слухам было предоставлено широкое поле деятельности, а это было безусловно опаснее. Истинную ценность умно рассчитанной гласности и правильного применения пропаганды познали лишь после ряда грубейших ошибок.

Планы сторон. В нашем обзоре преимущество по справедливости отдано плану Германии. Это сделано не только потому, что он явился пружиной, приведшей в движение маятник войны 1914 г., но и потому, что германский план (и это можно сказать с полной уверенностью) оказывал свое влияние и на последующий ход войны. Правда, с осени 1914 г. и дальше ход войны мог со стороны показаться производным от потрясающей «осады» центральных держав — представление, совершенно несовместимое с высказанной нами мыслью.

Представление о германском союзе как о побежденной стороне, хотя и верно с экономической точки зрения, предполагает также и потерю инициативы, а этому противоречит германская стратегия.

Хотя первоначальный свой план Германии и не удалось провести в жизнь, все же он даже своим провалом влиял на общий ход последующих операций. Тактически большинство сражений

смахивало на осадные операции, но стратегия действий на суше долго блуждала в потемках, не учитывая этих особенностей тактики и не решаясь принять их.

Германцы должны были учитывать, что их силы и силы Австрии вместе значительно уступают силам Франции и России. Чтобы противостоять этому невыгодному соотношению сил, надо было извлечь пользу из своего центрального положения, а также из предположения о такой медленности русской мобилизации, при которой Россия в первые недели войны едва ли сможет оказать на своих противников серьезное давление. Это предположение, хотя и означало выгоды нанесения решающего удара России, пока она не будет еще готова, вместе с тем говорило о вероятности, что Россия сосредоточит свои главные силы глубоко и что удар Германии по ним вряд ли окажется действительным. К тому же горький опыт Наполеона не мог служить примером, воодушевлявшим на глубокое вторжение в Россию при ее необъятных просторах и бедной сети дорог.

Поэтому план, издавна принятый Германией, и заключался в том, чтобы развить быстрое наступление против Франции, сковывая в то же время передовые силы русских, а позднее, когда Франция будет раздавлена, расправиться с русской армией. Но этот план в свою очередь усложнялся серьезным препятствием естественного и искусственного характера. Этим препятствием для вторгавшегося являлась французская граница. Узкая, протяжением всего лишь около 150 миль [1], она представляла мало удобств для маневра или хотя бы для развертывания тех масс, которые Германия предполагала бросить против своего врага. На юго-восточном конце граница примыкала к Швейцарии и после неширокой полосы ровной местности, известной под названием «Ворот Бельфора», она на протяжении 70 миль тянулась вдоль Вогез. За этим естественным барьером, удлиняя и углубляя его, тянулась почти непрерывная система укреплений, опиравшихся на крепости Эпиналь, Туль и Верден.

В 20 милях за Верденом проходили не только границы Люксембурга и Бельгии, но и малоудобная область Арденн.

За исключением сильно прикрытых Бельфором и Верденом путей наступления, единственно возможным проходом сквозь этот барьер был Шармский, между Эпиналем и Тулем. Проход этот сознательно был оставлен открытым ,чтобы послужить стратегической ловушкой, куда могли быть заманены германцы и где они затем были бы раздавлены французским контрударом.

Имея перед собой такую непреодолимую преграду, германцам, припертым к стене мрачным результатом своих расчетов и естественным характером французской границы, не оставалось ничего другого, как притти к логически правильному стратегическому выводу — обойти эту стену широким маневром сквозь Бельгию.

Граф Шлиффен, бывший начальником германского генерального штаба с 1891 по 1906 г., задумал и разработал план, согласно которому французские армии должны были быть охвачены и

---

[1] Английская миля — около 1½ км.— Прим. ред.

можно было добиться быстрой победы. Этот план был закончен разработкой к 1905 г., когда он и вступил в силу. Чтобы достигнуть поставленной цели, план Шлиффена сосредоточивал главную массу германских сил на правом фланге в целях гигантского захождения, причем сознательно шел на риск, сводя до минимальной величины численность войск левого фланга, стоявшего против французской границы. Крыло захождения, осью которого служили укрепленные районы Мец, Тионвиль, должно было состоять из 53 дивизий, поддержанных частями ландвера и эрзац-резерва по мере их формирования. Вторая армия на левом фланге включала только 8 дивизий. Даже слабость этого фланга помогала в дальнейшем ходе событий главному удару: чем дальше французское наступление оттеснило бы левый фланг германцев назад к Рейну, тем труднее было бы французам отразить удар по их флангу через Бельгию. Это напоминало вращающуюся дверь. Если человек сильно налегает на одну половинку, другая половинка, сделав круг, ударит его в спину. В этом именно и заключается действительная мудрость плана, а не только в географическом обходе.

Германская армия охвата должна была зайти через Бельгию и северную Францию и, продолжая движение по широкой дуге, поворачивать постепенно на восток. Крайняя левая должна была бы пройти южнее Парижа и пересечь Сену у Руана. Затем она прижала бы французов к Мозелю, где они оказались бы между молотом и наковальней, образуемой крепостями Лотарингии и швейцарской границей.

План Шлиффена намечал 10 дивизий, чтобы сковать русских, пока остальные силы не раздавили бы Францию.

Необходимо отдать дань предвидению этого выдающегося человека: он рассчитывал на вмешательство в войну Британии и допускал также появление экспедиционной армии в 100 000 человек, оперирующей во взаимодействии с французами. Ему же германцы обязаны проектом использования частей ландвера и эрзац-резерва в активных операциях, а также использование национальных ресурсов в армии. Рассказывают, что последними его словами на смертном одре были: «Дело должно дойти до сражения. Сделайте только сильным правый фланг».

К несчастью для Германии (хотя и к счастью для мира), у младшего Мольтке, преемника Шлиффена, нехватало его мужества и его стратегической сметки. Мольтке сохранил план Шлиффена, но выхолостил основную его идею. Из 9 новых дивизий ,которые Германия организовала за время с 1905 по 1914 гг., Мольтке 8 дивизий придал левому флангу и тольку одну — правому! Правда, он добавил сюда еще одну, сняв ее с русского фронта, но это мизерное подкрепление было куплено дорогой ценой,— ведь русская армия 1914 г. представляла собой более серьезную угрозу, чем в то время, когда Шлиффен работал над своим планом. В итоге, в самый разгар августовской кампании пришлось с французского театра военных действий снять два корпуса для усиления восточного фронта. Завещание Шлиффена было оставлено без внимания его преемником.

Мольтке внес также изменения и в план. Эти изменения имели серьезное политическое значение. Шлиффен предполагал, что правый фланг развернется не только вдоль бельгийской, но и вдоль датской границы, доходя к северу до Крефельда. Пройдя полоску датской территории, известной под названием «Маастрихтского придатка», легко было обойти фланг льежских фортов, преграждавших дорогу на узкой свободной полосе бельгийской территории севернее Арденн. Шлиффен надеялся, что германская дипломатия добьется согласия на проход сквозь Голландию; он не желал зря насиловать Бельгию или Голландию и хотел спасти себя от лишних упреков.

Шлиффен полагал, что открытое незамаскированное развертывание там части германских сил настолько перепугает французов, что заставит их пересечь южную границу Бельгии и занять естественную оборонительную позицию в долине р. Мааса, южнее Намюра. Этим французы создали бы предлог для вступления также и германцев на нейтральную почву. Но если бы даже и сорвался план этой искусной ловушки для французов, все же Шлиффен рассчитывал, что он сможет во-время захватить Льеж и избежать всяких задержек для наступления главных сил германцев. Он хотел поставить крайне жесткие границы времени для захвата Льежа, отсрочив эту операцию до последней минуты, чтобы дать германским государственным мужам все возможности избежать упреков в оскорблении нейтральных стран.

Такие расчеты и смелость решений были не по плечу Мольтке младшему. Он решил, что Льеж должен быть после объявления войны захвачен немедленно. Таким образом, за проблематичное обеспечение военных операций он добровольно шел на осуждение нейтральных стран, спровоцировал Бельгию на сопротивление и втягивал в борьбу против себя Британию. Методы Мольтке — «потопить» противника — были полной противоположностью методов Шлиффена. Все это является наглядным примером тех опасностей, в том числе и военной, которые могут явиться в результате того, что стратегии разрешают доминировать над политикой.

Если ошибкой последнего плана германцев был недостаток смелости, то ошибкой французского плана было как раз обратное.

В последние предвоенные годы французское командование утеряло четкость мышления. После разгрома 1870 г. французское командование вначале остановилось на обороне, опиравшейся на приграничные крепости. Лишь позднее должен был последовать решительный контрудар. В соответствии с этим планом и была создана великая система крепостей, причем были оставлены проходы, вроде Шармского, чтобы ввести в определенное русло вторжение противника и быть готовым опрокинуть его контрударом. Но в последнее десятилетие возникла новая школа мышления, которая утверждала, что наступление больше соответствует духу и традициям Франции, что наличие 75-мм полевой пушки — единственной в мире по своей подвижности и скорострельности — делает это тактически возможным и что союз с Россией и Британией позволяет избрать и стратегически такой

образ действий. Забывая уроки 1870 г., они вообразили, что «порыв» неуязвим для пуль. Доля ответственности за это заблуждение лежит частично и на Наполеоне, которому принадлежат известные слова: «Соотношение между моральным и физическим элементами выражается, как 3 к 1». Слова эти заставили солдат думать, что возможен разрыв этих двух элементов, тогда как они зависят друг от друга: как недействительно оружие без мужества бойца, так же бесполезны будут храбрейшие войска без достаточного оружия, чтобы защищать свой «дух». Когда солдаты теряют веру в свое оружие, мужество их быстро исчезает.

Результаты были плачевны. Новая школа нашла своего пророка в полковнике Гранмезоне. В генерале Жоффре, начальнике генерального штаба в 1912 г., она нашла рычаг для проведения в жизнь своих планов. Прикрывшись авторитетом Жоффра, сторонники «наступления во что бы то ни стало» получили право распоряжаться военной машиной Франции и, отбросив старую доктрину, сформулировали общеизвестный теперь замечательный план XVII.

План этот был основан на отрицании исторического опыта и здравого смысла. Построен он был на двойном просчете — сил и места, причем второй просчет оказался опаснее первого. Учитывая возможность того, что германцы с самого начала войны введут в действие свои запасные и резервные части, французы оценивали мощь германской армии на западе предельно в 68 пехотных дивизий. Между тем германцы фактически развернули 83½ дивизии, считая в том числе части ландвера и эрзац-резерва. Но мнение французов было и оставалось прежним. Они сомневались в возможности развертывания ландвера и эрзац-резерва, причем в критические дни, когда армии противника сосредоточивались и двигались вперед, французская разведка, оценивая силы неприятеля, принимала в расчет только активные дивизии, ошибаясь при этом почти наполовину!

Но хотя план был построен на несколько меньшем просчете, все же последний наш вывод не оправдывает, а скорее увеличивает основную неточность этого плана, потому что история не может допустить ни тени оправдания для плана, которым фронтальное наступление должно было развиваться при почти равном с противником соотношении сил, причем противник мог опираться на свою укрепленную приграничную зону, в то время как наступающий отказывался от всех преимуществ, которые ему могла дать своя система крепостей.

Второй просчет в отношении места заключался в том, что хотя и признавалась возможность движения германских сил через Бельгию, но делалась грубая ошибка в оценке глубины размаха их захождения.

Предполагалось, что германцы любезно выберут трудный путь наступления через Арденны, чтобы французы могли с удобством бить по германским сообщениям!

План, основанный на идее немедленного и общего наступления, намечал удар первой и второй армиями вглубь Лотарингии к р. Саар. Слева против Меца была третья армия. Пятая армия

стояла против Арденн. Армии эти должны были в свою очередь перейти в наступление между Мецом и Тионвиллем или, если бы германцы прошли через Люксембург, ударить им во фланг с северо-востока.

Четвертая армия оставалась в стратегическом резерве за центром, а две группы резервных дивизий были расположены позади флангов. Такая пассивная роль резервов характерна для мнения французов о способностях резервных соединений вообще.

По этому плану участие Британии на континенте определялось просто «европеизацией» ее военной системы за последнее десятилетие, а не какими-либо расчетами. Эта «европеизация» незаметно влекла к молчаливому принятию английской армией роли, согласно которой ей приходилось действовать как придаток к левому флангу французов, отказавшись от традиционного для нее использования подвижности. На военном совете после объявления войны лорд Робертс, вызванный из отставки, настойчиво требовал отправки экспедиционного корпуса в Бельгию, где он мог бы усилить сопротивляемость этой страны и угрожать флангу германских армий захождения. Но его речь не привела ни к каким результатам, тем более что британский генеральный штаб обязался действовать в непосредственной связи с французским. Когда генеральные штабы обеих стран заключили свое полуофициальное соглашение между 1905 и 1914 гг. [1], они мостили дорогу для того, чтобы опрокинуть вековую политику англичан и заставить ее в будущей войне пойти на такое напряжение, которое вряд ли казалось англичанам мыслимым.

Лорд Китченер, только-что назначенный военным министром, обладал изумительно точной интуицией в предугадывании планов Германии. Он пытался предупредить опасность, отстаивая ту точку зрения, что экспедиционный корпус должен сосредоточиться у Амьена, где он меньше будет подвержен ударам врага. Но рьяная поддержка, оказанная Джоном Френчем и его штабом французскому плану, заставила Китченера сдаться.

Позднее он сожалел о своем согласии, считая его ошибкой и слабостью. Китченер все же дал Френчу — командующему экспедиционными силами — инструкцию, которая хотя и имела в виду уменьшить опасность, но была слишком неясна для проведения ее в жизнь и, быть может, могла только увеличить опасность. Дело в том, что, хотя задача, поставленная Френчу этой инструкцией, заключалась в «поддержке и взаимодействии с французской армией», она была уточнена несколько противоречиво: «Наиболее ответственное решение будет зависеть от вас в вопросе участия... там... где ваши части не будут подвержены излишним опасностям»... И затем: «Ни в коем случае вы не должны поступать в распоряжение кого бы то ни было из союзных генералов».

На русском фронте план кампании германцев был более «гибким», хуже разработан в деталях и хуже сформулирован. План

---

[1] Сближение явилось следствием заключенного 8 апреля 1904 г. соглашения (Entente cordiale) между Францией и Англией, урегулировавшего спорные вопросы между обоими государствами на всем пространстве земного шара (см. сноску на стр. 12).—Прим. ред.

этот, как и планы действий на западе, подвергся с течением времени калейдоскопичным превратностям судьбы. Поддающимися учету были только данные географические. Главным неизвестным была вероятная скорость сосредоточения сил. Западная Польша представляла собой обширную, выдающуюся вперед полосу, с одной стороны окаймленную Россией, а с остальных трех сторон — охваченную германскими или австрийскими землями. На северном фланге Западной Польши была Восточная Пруссия и за ней Балтийское море. На южном фланге — австрийская область Галиция, подпираемая с юга Карпатскими горами; горы эти охраняли подступы к равнинам Венгрии. С запада примыкала Силезия.

Германские приграничные провинции обладали хорошей сетью стратегических железных дорог, тогда как Польша, как и Россия, обладала крайне бедной сетью сообщений. Поэтому на стороне германцев было большое преимущество — возможность быстрого сосредоточения сил, чтобы парировать наступление русских. Но если бы германские армии в свою очередь перешли в наступление, то чем больше они проникали бы вглубь Польши или России, тем больше они теряли бы эти преимущества. Отсюда наиболее выгодной для них стратегией было заманить русских на позицию, удобную для контрудара, а не развивать самим широкое наступление.

Единственным недостатком такой стратегии было то, что она давала русским время для сосредоточения своих сил и пуска в ход своей громоздкой и ржавой военной машины.

В этом пункте с самого начала возникло разногласие между Германией и Австрией. Обе соглашались, что задача их заключается в том, чтобы держать Россию на-чеку в течение шести недель, которые должны были пройти раньше, чем Германии удалось бы раздавить Францию и затем перебросить свои силы на восток. Только тогда она вместе с австрийцами смогла бы нанести русским решающий удар. Разногласие, главным образом, касалось метода действий. Германцы в стремлении добиться решения против Франции хотели оставить на востоке минимум сил, и только политическая невыгода оставления на произвол судьбы своей же земли помешала им эвакуировать Восточную Пруссию и развернуть свои армии по течению реки Вислы.

Австрия, под влиянием Конрада Гетцендорфа, начальника австрийского генерального штаба, хотела во что бы то ни стало немедленным наступлением окончательно испортить русскую военную машину. Поскольку такой образ действий обещал надежно сковать русских на время проведения кампании во Франции, Мольтке согласился на такую стратегию. План Конрада заключался в наступлении двух армий в северо-восточном направлении вглубь Польши. Наступление это прикрывалось справа еще двумя армиями, расположенными несколько восточнее. В дополнение к этому, как первоначально было намечено, германцы должны были ударить из Восточной Пруссии в юго-восточном направлении. Таким образом, германская и австрийская армии, развивая удар с двух разных направлений, должны были сой-

тись в одной точке и отрезать в польском выступе передовые силы русских. Но Конраду не удалось заставить Мольтке сосредоточить для организации этого удара достаточно войск в Восточной Пруссии.

На противоположной стороне желание одного из союзников также сильно влияло на стратегию другого. Русское командование по военным и национальным мотивам хотело вначале провести сосредоточение против Австрии, пока последняя оставалась еще без поддержки, и оставить на время Германию в покое, дожидаясь, пока вся русская армия не будет полностью мобилизована.

Но французы, желая ослабить натиск на них Германии, требовали, чтобы Россия также развила удар против Германии, и убедили русских согласиться на это новое наступление, хотя русские не были к нему готовы ни организационно, ни численно.

На юго-западном фронте две группы по две армии в каждой должны были сразиться с австрийцами в Галиции. На северо-западном фронте две армии должны были бороться с германцами в Восточной Пруссии. Россия, медлительность которой и несовершенство организации требовали осмотрительной стратегии, собиралась порвать со своими традициями и выкинуть трюк, который был подстать только высокоподвижной и хорошо организованной армии.

ГЛАВА III

1914 г.—СХВАТКА

Германское вторжение во Францию подготовлялось настолько тщательно и должно было так планомерно развиваться, чтобы никакие непредвиденные задержки не смогли сорвать разработанного расписания действий. Железнодорожная сеть в Германии была создана под руководством и наблюдением военных органов. Контроль этот осуществлялся так жестко, что даже узкоколейку или незначительную ветку нельзя было проложить без согласия и одобрения начальника генерального штаба. В результате число двойных колей, бегущих к западной границе, было доведено за время с 1870 по 1914 гг. с 9 до 13.

6 августа началось великое развертывание. Ежедневно 550 поездов пересекали мост через р. Рейн. Всего в 11 000 поездов было переброшено на фронт 3 120 000 человек. В первые две недели войны через Гогенцоллернский мост в Кельне каждые десять минут проходил один поезд. Эти грандиозные железнодорожные переброски являли собой образец организованности. Но когда развертывание, закончившееся 17 августа, перешло в наступление, то трения, возникшие в ходе войны, вскоре обнаружили слабые стороны в работе германской военной машины и системы управления ею.

На случай сопротивления Бельгии германский план войны, пересмотренный Мольтке, предвидел немедленное выделение отряда под начальством ген. Эммиха, чтобы расчистить путь через ворота р. Маас в долине Бельгии севернее Арденн. Таким образом, была бы свободна дорога для наступления главных сил германцев, сосредоточиваемых за германской границей. Кольцо фортов крепости Льежа командовало над этим путем наступления. После первоначальной неудачи одна германская бригада проникла 5 ав-

густа между фортами и заняла город. Интерес этой геройской операции заключается в том, что успех ее обязан инициативе прикомандированного к отряду офицера генерального штаба, Людендорфа, имя которого впоследствии получило широкую известность. Форты оказали упорное сопротивление и заставили германцев ожидать подхода их тяжелых гаубиц, разрушительная сила которых явилась первым тактическим сюрпризом мировой войны.

Успех первоначального сопротивления бельгийцев остановил порыв наступления главных сил германцев и ввел в заблуждение их разведывательные органы. Бельгийская армия стояла за р. Гетте, прикрывая Брюссель. Прежде чем пали форты Льежа, авангарды 1-й и 2-й армий уже теснили этот рубеж. Бельгийцы, предоставленные сами себе (из-за ошибки французского плана войны и согласия с ним Британии), решили сохранить свою армию и отойти на укрепленный лагерь Антверпен, откуда они могли хотя бы временно угрожать сообщениям германцев с тылом. Германцы, путь перед которыми был теперь свободен, заняли Брюссель 20 августа и в тот же день появились перед Намюром — последней крепостью, преграждавшей дорогу на р. Маас вглубь Франции. Необходимо отметить, что, несмотря на сопротивление бельгийцев, наступление германцев развивалось даже несколько быстрее намеченных расписанием сроков. Но если бы бельгийцы быстро отступили на фланг, они могли бы этим тормозить наступление германцев успешнее, чем любыми жертвами в непосредственных боях с ними.

Между тем, далеко на другом фланге, французское наступление началось 7 августа движением отдельного корпуса в Верхний Эльзас. Наступление это было намечено отчасти как военная демонстрация, отчасти — из-за его политического эффекта. Основной целью его было разрушение германской железнодорожной станции в Базеле и мостов на р. Рейне ниже этого пункта.

Наступление это вскоре остановилось. 19 августа оно было возобновлено под начальством генерала По более крупными силами; им фактически удалось достигнуть Рейна.

Но гнет поражений на остальных направлениях привел к отказу от этого предприятия и к расформированию всего отряда: соединения его были отправлены на Западный фронт в качестве пополнений. Между тем главный удар французских 1-й (Дюбайль) и 2-й (Де-Кастельно) армий в Лотарингии, начавшийся 14 августа, закончился 20-го боем у Моранж—Саарбург. Здесь французы познали, что материя способна сломить дух и что в своем наступательном энтузиазме они просмотрели оборонительную мощь современного оружия... Это откровение должно было опрокинуть все расчеты ортодоксального искусства ведения войны. Все же необходимо сказать, что короткое наступление французов имело косвенное влияние на планы германцев, хотя вряд ли это могло иметь место, если бы Шлиффен или Людендорф стояли во главе германского главного штаба вместо колебавшегося оппортуниста Мольтке.

Тот факт, что Мольтке почти удвоил по сравнению с наметкой Шлиффена силы левого фланга, говорит, что фланг этот, с од-

ной стороны, был излишне силен для пассивной и сковывающей противника обороны, как это понимал Шлиффен, с другой — фланг этот не обладал необходимым превосходством сил для подавляющего контрнаступления. Но когда развилась французская атака в Лотарингии и Мольтке понял, что французы оставляют позади себя свой укрепленный барьер — ряд крепостей, он сейчас же попытался приостановить наступление правого крыла и начал искать решения в Лотарингии. Этот импульс заставил его перебросить сюда шесть только-что сформированных дивизий эрзац-резерва, которые должны были быть использованы для усиления мощи правого фланга.

Едва Мольтке успел наметить этот план, как тут же отказался от него и 16 августа вернулся к задуманной Шлиффеном схеме «вращающейся двери».

Все же Мольтке несколько двусмысленно заявил своим командирам левого крыла, что они должны сковать как можно больше французских сил, и когда наследный принц Рупрехт Баварский возразил, что он может сделать это только атакой, Мольтке предоставил ему инициативу действий. Мы подозреваем, что Рупрехт был рад избежать позора отступления, когда германский наследный принц — наступал.

Но ничего не могло быть более безумным и двусмысленным, чем поведение главного командования. Когда Рупрехт отказался без получения ясного приказа провести атаку, уполномоченный Мольтке — Штейн — сказал по телефону Крафту ф.-Дельмензинген, начальнику штаба Рупрехта: «Нет, мы не обяжем вас, запретив атаку. Вы должны взять ответственность на себя. Примите решение так, как вам подскажет совесть». Любопытная база стратегии — совесть! А когда Крафт ответил: «Оно уже принято. Мы атакуем»,— Штейн глупо воскликнул: «Не может быть! Тогда бейте, и да хранит вас бог!»

Таким образом, вместо того чтобы отступать и увлекать за собой французов, Рупрехт придержал 17 августа свою 6-ю армию и стал ожидать боя. Найдя, что наступление французов развивается слишком медленно, он задумал его ускорить, перейдя сам в наступление. 20 августа во взаимодействии с 7-й армией (Херинген) он ударил на левом фланге, но хотя французы и были захвачены врасплох и отброшены назад с рубежа Моранж—Саарбург, все же контрудар германцев не обладал ни достаточной силой (обе армии насчитывали 25 дивизий), ни выгодной стратегической позицией, чтобы сорвать им решение. Далее, попытка охватить правый фланг французов движением через Вогезы была начата слишком поздно и потому сорвалась. Таким образом стратегический успех этой операции выразился только в оттеснении французов на линию их крепостей, что могло лишь восстановить и увеличить их силу сопротивления. Опять-таки, благодаря этому, французы оказались в состоянии перебросить часть войск, чтобы усилить свой западный фланг, т. е. сделать перераспределение сил, которое оказало затем громадное влияние на исход сражения при Марне.

С подобным же невниманием к распоряжениям главного командования германский кронцпринц, командовавший 5-й армией, образовавшей ось захождения и опиравшейся на Мец — Тионвиль, перешел в атаку, когда ему был отдан приказ оставаться в обороне. Отсутствие того, что полковник Фош называл «внутренней дисциплиной», должно было явиться важным фактором в поражениях германцев, и большая доля ответственности за это лежит в амбиции и зависти генералов друг к другу.

В то время как развивалось эта нерешительная и вялая кампания в Лотарингии, более решительные события возникли на северо-западе. Атака Льежа заставила Жоффра признать возможность германского наступления сквозь Бельгию. Все же он не учел ширины размаха этого движения. Стойкое сопротивление Льежа заставило его крепче утвердиться во мнении, что правый фланг германцев пройдет южнее этой крепости, именно между Маасом и Арденнами. План XVII учитывал такую возможность и подготовил ей отпор. Еще раз ведя бой с ветряными мельницами, французское командование так рьяно взялось за эту возможность, что первоначальный отпор они превратили в воображаемый coup de grâce [1]. Их 3-я армия (Рюфей) и резервная 4-я армия (Де-Лангль-де-Кари) должны были бить с северо-востока через Арденны против фланга германцев, наступавших через Бельгию, и тем самым разорвать их охватывающий маневр. Левофланговая (5-я) армия под начальством Ланрезака была передвинута дальше на северо-запад — в угол, образуемый реками Самбр и Маас, между Живе и Шарлеруа. Вместе с британскими частями, примыкавшими к левому флангу этой армии, 5-я армия должна была расправиться с противником, находившимся севернее р. Маас, и ударить по предполагаемым главным силам германцев во взаимодействии с ударом через Арденны. Рисовалась уже приятная картина клещей французских армий, замыкающих ничего не подозревающих германцев! Любопытно, что эта же мысль клещевидного маневра пришла в голову и германцам, причем роли менялись, а основания у германцев для такого маневра были более солидны.

Основной недочет французского плана заключался в том, что германцы развернули в два раза больше войск, чем это предполагала французская разведка, и развернули их для более широкого охватывающего движения. Французские 4-я и 3-я армии (23 дивизии), слепо наступая вглубь Арденн против германского города, не занятого по предположениям войсками, натолкнулись в туманный день 22 августа на германские 4-ю и 5-ю армии (20 дивизий) и в ряде тяжелых встречных боев, разыгравшихся вокруг Биртон—Нефшато, были отброшены. Войска слепо ринулись в штыковой бой, а их косили пулеметы. К счастью обстановка была недостаточно ясна и для германцев, почему они и не развили своего успеха.

На северо-западе французская 5-я армия (13 дивизий) и британцы (4 дивизии) под руководством Жоффра чуть не попались

[1] Последний, смертельный удар.—Прим. ред.

в лапы германцев. Главные силы германских 1-й и 2-й армий наседали на них с севера, а 3-я армия — с востока. Всего французы имели перед собой 30 дивизий. Ланрезак один предчувствовал грозившую опасность. Все время он подозревал большую ширину германского маневра, и только благодаря его настояниям его армии было разрешено продвинуться так далеко на северо-запад. Его нерешительности и раздумыванию перед форсированием реки Самбр, а также прибытию слева от него британских частей (что ускользнуло из поля зрения германской разведки) и преждевременной атаке германской 2-й армии французы обязаны тем, что армии их сумели отступить во-время и избежать готовившейся им ловушки.

О т с т у п л е н и е к М а р н е. Первые 4 британские дивизии, сосредоточившись у Мобежа, двинулись 22 августа к Монс, в полной готовности наступать дальше в Бельгию, как часть общего наступления левого крыла англо-французских армий. Прибыв туда, Джон Френч узнал, что Ланрезак был 21 августа атакован и что ему помешали переправиться через р. Самбр. Джон Френч согласился остаться с британскими частями у Монс, чтобы прикрыть левый фланг Ланрезака, хотя из-за этого он оказывался выдвинутым вперед и занимавшим передовую, ничем не защищенную позицию. Но на следующий день, 23 августа, Ланрезак получил сообщение о неизбежном падении Намюра и о появлении 3-й германской армии (Хаузен) вблизи Динана, на р. Маас, что создавало угрозу его ничем не прикрытому правому флангу.

В соответствии с этим Ланрезак отдал приказ об отступлении этой же ночью. Британцы, выдержав днем атаку шести германских дивизий, 24 августа, в связи с отступлением французов, в свою очередь отступили. Это было сделано как раз во-время, так как остаток 1-й германской армии продолжал свой марш на запад, чтобы охватить их обнаженный левый фланг [1].

Но хотя британцы начали отступать позднее своих союзников, они откатились и быстрее и дальше. Этот печальный результат явился, главным образом, следствием внезапной перемены настроений Джона Френча.

Когда он наступал, то горел желанием выполнить задания, поставленные ему инструкцией Китченера. Когда же он возвра-

---

[1] Задача овладения Намюром отвлекла в дни с 20 по 25 августа 6 германских дивизий и 500 орудий. 25 августа пали последние форты. Эти войска вместе с теми, которые находились против Антверпена, сильно ослабили германский правый фланг в критические дни, когда фланг этот, перейдя в наступление, пытался разбить левый фланг союзников в сражениях у Шарлеруа и Монса.

Сравнительно небольшая задержка, вызванная сопротивлением, оказанным устарелыми и заброшенными фортами Намюра, в свою очередь помогла сопротивлению также заброшенной французской крепости Мобеж, которая удерживалась до 7 сентября и отвлекла с марнского поля сражения полторы германских дивизии. Менее удачно было то, что эти полторы дивизии освободились как раз во-время, чтобы поспеть к высотам Шмен-де-Дам севернее р. Эн, заполнив частично разрыв между Клуком и Бюловым (см. стр. 55). Дивизиям удалось это сделать за несколько часов до того, как туда подошли 12 сентября передовые части британцев.

щался, то думал лишь о приписке к этой инструкции. Эта перемена настроений была вызвана французами, а не германцами. Началась она с того момента, когда Ланрезак, выведенный из себя близорукостью Жоффра по отношению к надвигавшейся грозной опасности, перенес свое негодование, которое он не мог обнаружить перед своим начальником, на только-что прибывшего соседа. Иллюстрацией этого могут служить слова начальника штаба Ланрезака, которыми он встретил прибывшего вместе с Френчем его начальника штаба: «Наконец-то вы прибыли; можно сказать, вы не спешили. Если мы будем побиты, мы этим будем обязаны вам». Когда Френчу возбужденным тоном сообщили, что германцы достигли р. Маас в районе Гьюи и он задал вопрос, что же по их мнению думают германцы там предпринять, Ланрезак иронически ответил: «Зачем они туда пришли? Ну затем, чтобы ловить рыбу в реке». Язвительность ответа была смягчена переводом. Но даже непонимание Френчем французского языка не помешала ему почувствовать нетерпение и резкость, проявленные Ланрезаком в беседе. Он скоро это разгадал. Когда же он увидел, что французы отступили и бросили его одного на произвол судьбы, чувство обиды сменилось чувством недоверия и отвращения к французам. С тех пор он не мог забыть, что французы покинули его в беде, и думал лишь о том, чтобы как-нибудь отделаться от них. Опыт последующих нескольких дней укрепил его в мысли самостоятельно отступить в Гавр и укрепиться там. От этого ужасного, по возможным последствиям, решения его отвела искусная лесть Вильсона и срочное, хотя и менее корректное, вмешательство Китченера. Большое значение для отказа от этого решения сыграл и дальнейший ход событий.

Поспешный откат левого фланга французов открыл, наконец, глаза Жоффру на истинное положение вещей и на полный провал плана XVII.

Из обломков рухнувшего плана он пытался создать новый. Жоффр решил оттянуть назад свой центр и правый фланг, сделав осью этого движения Верден, а за это время снять войска с правого фланга в Эльзасе и, сформировав новую 6-ю армию на левом фланге, снова перейти в наступление.

Если бы не ошибки германцев, то оптимизм Жоффра (который, кстати сказать, должен был скоро пройти) мог вновь сослужить ему плохую службу. Первой ошибкой германцев было безумное решение Мольтке выделить 7 дивизий для захвата Мобежа и Живе и наблюдения за Антверпеном, вместо того чтобы использовать для этого войска ландвера и эрзаца так, как это намечал Шлиффен. Еще чудовищнее было его решение 25 августа послать 4 дивизии в Восточную Пруссию, чтобы остановить наступление русских. Дивизии эти тоже были взяты с правого фланга (фактически из отряда, осаждавшего Намюр). Его оправдания, которые он дал позднее, очень слабы. Германское командование, видите ли, полагало, что решающая победа на западе уже достигнута. Наконец, германское командование потеряло связь с наступавшими армиями, и движения последних не могли быть согласованы.

Остановка 2-го британского корпуса у Ле-Като (что было сделано Смит-Дорионом против воли его начальника) и контратака Ланрезака у Гьюи (в которой Френч запретил даже участвовать своему 1-му корпусу) — все это факты, которые также задерживали германское охватывающее наступление.

Каждый из этих факторов имел еще и значительно более важные косвенные последствия. Ле-Като, например, видимо убедило командующего 1-й германской армией Клука, что можно легко ликвидировать здесь британскую армию, а Гьюи заставило Бюлова обратиться к Клуку за поддержкой. Вследствие этого Клук повернул, заходя внутрь, думая этим сбить левый фланг французов. Идея Седана преследовала германцев и заставляла их рвать еще не созревшие плоды. Преждевременный поворот, не дойдя до Парижа, являлся отказом от плана Шлиффена и обнажал германский правый фланг, содействуя его контрохвату.

Все это быстро развивалось в то время, когда Мольтке также приносил в жертву мечте о Седане план Шлиффена, но уже на другом участке фронта. Центр и левый фланг получили приказ сомкнуться, как клещи с обеих сторон Вердена, а правый фланг должен был завернуть наружу и двигаться лицом на Париж, прикрывая эти клещи. Эта внезапная перемена направления и изменение ролей напоминали безумие шофера, который на скользкой дороге, нажав на все тормоза, резко под прямым углом поворачивает передние колеса машины.

Надо остановиться еще на другом факторе, быть может наиболее значительном из всех: германцы наступали слишком быстро, опережая свое расписание, и снабжение не поспевало за ними. Усталость войск увеличивалась голодом. Когда дело доходило до столкновений с противником, то боеспособность войск фактически оказывалась подорванной их физическим переутомлением. Это становилось тем более опасным, что французы, отступая, тщательно уничтожали все запасы. Таким образом, в германскую машину попало столько песчинок, что достаточно было небольшого разлада, чтобы она сломалась. Это и сделало Марнское сражение.

Прилив отхлынул. Возможность использовать обстановку была замечена не Жоффром, отдавшим приказ о продолжении отступления, а военным губернатором Парижа, где собиралась заслоном вновь формируемая 6-я армия. 3 сентября Галлиени, разгадав значение захождения Клука внутрь, отдал распоряжение 6-й армии (Монури), чтобы она подготовилась для удара по обнажившемуся правому флангу германцев. На другой день Галлиени с трудом добился на это согласия Жоффра. Раз проникшись убеждением, Жоффр действовал с решимостью. Всему левому флангу было приказано повернуть кругом и подготовиться к общему наступлению, которое было назначено на 6 сентября. Монури был на месте уже 5 сентября, и под его натиском на обнаженный фланг германцев Клук вынужден был оттянуть вначале часть, а затем и всю свою армию, чтобы прикрыть и укрепить свой фланг. Этим был создан 30-километровый разрыв между армиями Клука и Бюлова. Разрыв этот был прикрыт только кавалерийской завесой.

Клук пошел на такой риск потому, что британцы, находившиеся против него, быстро отступали, повернув спину этому обнаженному сектору. Даже 5 сентября, когда французы на обоих флангах англичан повернули и стали наступать, британцы все еще продолжали свое отступление к югу.

Но в этом поспешном отступлении, скорее «исчезновении», британцев, неосознано таилась причина победы. Когда британцы повернули вспять, донесение о наступлении их колонн на секторе разрыва заставило Бюлова 9 сентября дать приказ об отступлении своей армии. Временное преимущество, которого 1-я армия Клука (изолированная теперь благодаря своему маневру) добилась против Монури, было тем самым сведено к нулю, и Клук в тот же день отступил. К 11 сентября отступление распространилось — отчасти самостоятельно, отчасти по приказу Мольтке — на все германские армии.

Попытка частичного охвата, осью захождения которого служил Верден, больше не могла иметь успеха; клещи, образованные 6-й и 7-й армиями, просто сломались бы на оборонительных сооружениях французской восточной границы. Атака 6-й армией Гран-Куроне (прикрывавшего Нанси) стоила слишком дорого. Трудно понять, как германское командование могло решиться действовать импровизированно и итти теперь на то, что при хладнокровных расчетах перед войной казалось совершенно безнадежным и привело их к единственно возможному для них решению наступать через Бельгию.

Таким образом, Марнское сражение было решено несогласованностью действий и трещиной во фронте наступления германцев.

Атака Монури по германскому правому флангу вызвала трещину в слабом стыке германского фронта, а просачивание противника в эту трещину в свою очередь надломило волю германского командования.

Результатом было стратегическое, а не тактическое поражение. Германский правый фланг оказался в состоянии срастись и твердо закрепиться на линии р. Эн. Сравнительная слабость фланговой атаки Монури, а отчасти и неумение британцев и французской 5-й армии (теперь под начальством Франшэ Д'Эсперэ) быстро пройти сквозь брешь, пока она ничем не была прикрыта, привели к тому, что союзникам не удалось извлечь больших выгод из своей победы.

Направление движения войск вело через район, изрезанный реками. Преграды эти становились еще значительнее от недостатка порыва и воодушевления командиров: каждый вежливо оглядывался на соседа и пугливо — на свои фланги. Чувства их очень удачно могут быть переданы ироническим стихом:

Лорд Чатам, вынув меч из ножен,
Ждет для боя Ричарда Страхан.
Сэр Ричард, стремясь всей душой в бой,
Ждет... кого же?.. да лорда Чатам!..

Повидимому большие результаты были бы достигнуты, если бы было сделано больше усилий (как этого требовал Галлиени),

чтобы ударить германцам в их отдаленный, а не близкий фланг, и для этой цели направить подкрепления к северо-западу от Парижа. В этом мнении нас укрепляет и крайняя чувствительность германцев к донесениям о высадках на бельгийском побережьи, которые могли угрожать их коммуникациям. Тревога, вызванная этими донесениями, заставила германское командование даже считаться с возможностью отступления своего правого фланга раньше, чем началось Марнское сражение. Если сравнить моральное действие этих призрачных, несуществовавших сил с материальным эффектом, выразившемся в оставлении части германских сил в Бельгии из-за боязни возможного выхода бельгийцев из Антверпена, то баланс видимо сильно склонится в пользу стратегии, которую отстаивал Робертс. Придерживаясь этой стратегии, британские войска могли иметь не только косвенное, но и прямое влияние на борьбу, и успех Марнского сражения оказался бы не только стратегическим, но и тактическим.

Оценивая Марнское сражение так, как оно сложилось, мы приходим к следующему заключению. Тот факт, что на решающем фланге против 13 германских дивизий были нагромождены 27 дивизий союзников, указывает, во-первых, на то, как далеко Мольтке отошел от намерений Шлиффена; во-вторых, на то, как удачно Жоффр, под энергичным натиском противника, перегруппировал свои силы; наконец, на то, что такой перевес сил позволял придать охвату больший размах и ширину, чем это фактически пытались сделать.

Фронтальное преследование остановилось на р. Эн раньше, чем Жоффр, видя 17 сентября, что старания Монури охватить фланг германцев недействительны, пришел к решению организовать свежую армию под начальством Де-Кастельно для маневра в охват и в обход германского фланга. К этому времени германские армии восстановили соприкосновение друг с другом, а германское командование ожидало и готово было отразить такой маневр. Хотя союзные командиры и были осторожны в действиях, но они были неосторожны в своих предположениях. Критики имеют основание указывать, что они были недостаточно изобретательны и что хитрость их граничила с простотой: Вильсон и Бертело (умы, питавшие Френча и Жоффра) спорили 12 сентября о вероятном дне, когда они перейдут германскую границу. Вильсон скромно рассчитывал, что это произойдет через четыре недели; Бертело называл его пессимистом и спорил, что к границе подойдут на неделю раньше!

Течение и застой. Однако, вопреки расчетам на р. Эн выявилась преобладающая мощь обороны над наступлением, несмотря на то, что окопы были крайне примитивны по сравнению с тем, что было позднее. Затем последовали, в виде единственного выхода из положения, чередовавшиеся попытки каждой стороны перекрыть и охватить западный фланг противника, период, известный под популярным, но неточным названием «бег к морю». Эти обоюдные стремления выявили новую, преобладавшую тогда, черту стратегии — рокадные переброски резервов по железным дорогам с одной части фронта на другую. Прежде

чем это могло быть доведено до логического и неизбежного конца, на сцену выступили новые факторы: Антверпен (с бельгийской полевой армией), все еще бывший колючкой, вонзившейся в бок германцев, которую Фалькенгайн — преемник Мольтке — 14 сентября решил уничтожить, и германская конница, двигавшаяся поперек к бельгийскому побережью для продолжения фланга, производившего охват во Франции.

Одним из наиболее поразительных явлений и ошибок в ведении войны германцами было то, что, когда союзные армии находились в полном отступлении, Мольтке ничего не предпринял, чтобы обеспечить себе порты канала, всецело от него тогда зависевшие. Британцы эвакуировали Кале, Булонь и все побережье вплоть до Гавра; они даже перенесли свою базу в С.-Назэр в Бискайском заливе. Это был шаг, который не только показывал степень их пессимизма, но и оторочивал прибытие подкреплений (6 дивизий), пока германский фронт не застыл, обосновавшись на р. Эн. Германские же уланы во время отступления союзных сил рыскали по всему северо-западу Франции и обосновались даже в Амьене, как-будто это было их постоянной стоянкой, но оставили в покое все важнейшие порты. Месяц спустя германцы жертвовали десятками тысяч своих бойцов, чтобы в ряде безуспешных попыток захватить то, что раньше они могли иметь совсем даром.

Здесь мы должны остановиться и вернуться к операциям в Бельгий,— к тому моменту, когда бельгийская полевая армия отступила к Антверпену, временно отклонившись от главного направления операций.

24 августа бельгийцы начали вылазку против тыла германского правого фланга, чтобы ослабить натиск германцев на левый фланг британцев и французов, участвовавших тогда в начальном сражении под Монсом и вдоль р. Самбр. Вылазка была прервана 25 августа, когда пришло известие об отступлении франко-британцев вглубь Франции. Все же бельгийская армия (6 дивизий) заставила германцев, помимо уже выделенных трех бригад, выделить еще 4 резервных дизивии. 7 сентября бельгийское командование узнало, что германцы часть своих сил перебрасывают во Францию, и король Альберт организовал новую вылазку, а именно 9 сентября, в критический день Марнского сражения. Эта вылазка была сделана не по просьбе Жоффра, который, видимо, мало уделял внимания возможностям вне самого поля боя. Вылазка заставила германцев отменить отправку одной дивизии во Францию и задержать отправку туда двух других; однако, бельгийцы вскоре были отброшены назад. Несмотря на это, известие о вылазке несомненно оказало некоторое моральное влияние и на германское командование. Вылазка совпала с решением командования отвести 1-ю и 2-ю армии от Марны, а неприятное напоминание, что Антверпен расположен угрожающе близко к их коммуникациям, заставило германцев предпринять, как подготовку к решительному сражению, ликвидацию крепости и захват наиболее важных пунктов вдоль бельгийского побережья, где производилась высадка англичан.

Угроза Британии, если бы порты канала оказались в руках германцев, была очевидной. Известные размышления вызывает тот факт, что, повторяя ошибку германцев, британское командование не остереглось от этой опасности, хотя Черчилль, первый лорд адмиралтейства, настаивал на необходимости этого еще до Марнского сражения.

Когда 28 сентября германские пушки начали обстрел Антверпена, Англия проснулась и с запозданием признала правильность стратегического инстинкта Черчилля. Ему было разрешено послать бригаду моряков и две вновь сформированных бригады морских добровольцев, чтобы усилить осажденных, а регулярная 7-я дивизия и 3-я кавдивизия под начальством Раулинсона были высажены в Остенде и Зеебрюге для рейда и прорыва блокады извне. Англия располагала в то время 11 территориальными дивизиями, но, вопреки поведению Германии, Китченер расценивал их все еще неспособными для активных действий. Жалкое подкрепление отсрочило, но не могло помешать капитуляции Антверпена 10 октября, а войска Раулинсона прибыли слишком поздно. Они могли только прикрыть отступление бельгийской полевой армии вдоль побережья Фландрии.

В исторической перспективе, первая и последняя попытки на западе использовать способность Британии действовать на суше и на море все же способствовали надлому германского наступления вдоль побережья. Надлом этот помешал германцам осуществить свою вторую попытку добиться на западе решения. Удалось выиграть время для прибытия главных сил британцев, перебрасываемых от р. Эн к левому флангу нового фронта союзников, а героическое сопротивление их под Ипром, вместе с сопротивлением французов и бельгийцев вдоль р. Изер, вплоть до моря, хотя и явилось преградой из человеческих тел для германцев, но все же судьба союзников висела на волоске и экспедиция в Антверпен по справедливости явилась для них спасением.

Как же случилось, что основное сухопутное сражение оказалось перенесенным из Франции во Фландрию?

Следующий за Марнским сражением месяц был отмечен целой серией явных попыток каждой стороны охватить западный фланг своего противника. У германцев эти поиски выхода из создавшегося положения вскоре сменил более тонкий план действий. Французы продолжали с прямолинейностью, до странности смахивающей на упрямство, проявленное ими в своем оперативном плане, придерживаться того же способа действий.

Но 24 сентября, подойдя вплотную к Сомме, охватывающее наступление Кастельно остановилось. Затем вновь образованная 10-я армия под начальством Модюи попыталась несколько севернее продолжить это наступление, начав его 2 октября. К сожалению, вместо того чтобы обойти фланг германцев, эта армия вскоре сама должна была отчаянно сражаться, чтобы удержать в своих руках Аррас. В это время британский экспедиционный корпус перемещался к северу от р. Эн, чтобы укоротить свои сообщения с Англией. Жоффр решил использовать эти силы совместно

с французскими войсками и охватить (это была уже третья попытка) фланг германцев. Чтобы внести единство в руководство этим новым маневром, Жоффр в качестве своего представителя на севере назначил ген. Фоша.

Фош пытался заставить бельгийцев образовать собой крайнелевое крыло этой новой армии, но король Альберт с большей осторожностью, вернее с большей практичностью, отказался оторваться от побережья и наступать внутрь страны для операции, которую он к тому же считал необдуманной. Такой она и оказалась на деле.

14 октября, т. е. четыре дня спустя после падения Антверпена, Фалькенгайн подготовил стратегическую западню для следующего охватывающего маневра союзников, которое, как он предвидел, неминуемо последует. Одна армия, образованная из частей, переброшенных из Лотарингии, должна была удерживать наступление союзников, а другая, организованная из частей, освободившихся после падения Антверпена и четырех вновь сформированных корпусов, должна была спуститься вдоль бельгийского побережья и ударить во фланг атакующих союзников. Фалькенгайн даже оставил на месте часть войск, преследовавших бельгийцев, чтобы до поры до времени не вселить тревоги в командование союзников.

Между тем новое наступление союзников развивалось по частям, по мере поступления корпусов, снимаемых с юга и перебрасываемых на восток, образуя постепенно вытягивавшуюся «косу». Британские экспедиционные войска, теперь уже силою в 3 корпуса [1], развернулись в свою очередь между Ле-Бассе и Ипром, где они и вошли в соприкосновение с частями Раулинсона. По другую сторону постепенно формировалась новая французская 8-я армия, а бельгийцы продолжали собой линию фронта вдоль Изера до моря. Хотя британские корпуса центра и правого фланга оставались на месте, Джон Френч, уменьшая и так уже недооцененные его разведкой силы германцев, приказал левофланговому корпусу (Хейг) перейти в наступление от Ипра на Менин. Попытка эта была заранее обречена на неудачу, так как она совпала (20 октября) с началом германского наступления.

Тем не менее в течение одного или двух дней Джон Френч твердо считал, что он атакует, в то время как его войска с трудом удерживались на месте. Когда обстановка разъяснилась, то Френч ударился в другую крайность и боязливо требовал создания обширного оборонительного лагеря вблизи Булони, который мог бы включить всю английскую экспедиционную армию. Но его стремление к отступлению было сломлено более сильной волей и быть может большим пессимистом — Фошем. Благодаря своей сильной личности и лести Фош добился большого влияния на Френча. Уважение к нему Френча еще более возросло, когда

---

[1] В это время корпус состоял из двух дивизий, хотя позднее он насчитывал три и даже четыре дивизии.

Фош частным порядком дал ему знать, что Китченер предполагает (этого предположения на деле не было) сменить его Гамильтоном. Так «вожди» боролись друг с другом, а войска в это время сражались с неприятелем.

Неумение высшего командования понять обстановку привело к тому, что действительное руководство боем легло на Хейга и его командиров дивизий. А они из-за отсутствия резервов могли только укреплять шаткие участки фронта, снимая для этого части с других направлений, и вдохновлять к сопротивлению до последнего бойца измотанные, но не сломленные войска. Таким образом, Ипр, как и Инкерман, стал преимущественно «солдатским боем».

Уже с 18 числа бельгийцы стали чувствовать на р. Изер все возраставший натиск противника, который угрожал катастрофой. Избежать последней удалось в конце месяца только снятием плотин и затоплением прибрежных низменностей. У Ипра кризис наступил позднее, он возникал 31 октября и 11 ноября, образуя собой поворотные пункты в борьбе. Союзный фронт, несмотря на изношенность и крайнее перенапряжение, все же не был прорван. Это было следствием жестокого сопротивления британцев и своевременного прибытия французских подкреплений.

Оборона Ипра — это дважды памятник британской регулярной армии. Здесь офицеры и бойцы показали неоценимые качества дисциплины и высокие достижения в стрелковом деле — плод долгой подготовки. И здесь же была их могила. «Из их падавших рук» знамя перехватывалось национальными армиями, подымавшимися по зову страны.

В континентальных армиях благодаря принятой там системе воинской повинности процесс перерождения существующих армий в армии национальные был едва заметен. Но в Британии процесс этот носил явно революционный характер. Здесь не было эволюции. В дни, когда маленькая профессиональная армия как авангард нации приносила себя в жертву, понимание новых методов ведения войны и вовлечение в войну целых народов лишь постепенно начинало доходить до сознания гражданского населения. Лорд Китченер гениальным предвидением не в пример правительству понял, как длительна будет борьба.

Население Британии пошло навстречу его призыву стать под ружье. Подобно приливу началось формирование «новых армий». К концу года на военную службу поступило до 1 000 000 человек, и Британская империя имела армию численностью до 2 000 000 человек.

Быть может Китченер сделал ошибку, не построив этот переход от профессиональной армии к национальной на существовавшей уже организации территориальных армий. Но здесь надо вспомнить, что территориальники призывались для несения службы внутри страны и вначале согласие территориальника на расширение круга его обязанностей являлось добровольным. Быть может причиной было и то, что Китченер слишком поздно признал военную ценность территориальников. Дублирование армий

безусловно являлось источником задержек и напрасной траты усилий.

Китченера также упрекали в сопротивлении замене добровольчества системой призыва. Но упреки эти недооценивают того факта, что добровольческая система в жизни Британии пустила глубокие корни. Не учитывают они и того, насколько медленно проводятся в Британии коренные изменения. Если методы Китченера были характерны для него как для человека, то они были характерны и для Англии. Хотя действия его были неметодичны, но тем самым британский народ резче чувствовал разницу между прошлыми единоборческими, «гладиаторскими» войнами и настоящей национальной войной, с которой Англии пришлось столкнуться. Больше времени потребовалось, чтобы заставить это понять британские военные круги, представленные главным штабом во Франции. Генри Вильсон написал, что:

«смешная и нелепая армия Китченера в 25 корпусов является посмешищем для каждого солдата в Европе... Ни в коем случае этим толпам не придется в течение двух лет быть на фронте. Да и что же им делать?»

По его расчетам, британская армия вот-вот должна была вступить в Берлин.

Сражение под Ипром, представив собою психологическую веху, явилось вехой и в военном искусстве.

После отражения попыток германцев к прорыву окопы вытянулись непреодолимой преградой от швейцарской границы до моря. Мощь современной обороны восторжествовала над атакой, и линия фронта застыла. Военная история франко-британского союза в последующие годы сводится к истории попыток выйти из состояния застоя либо прорывом этой преграды, либо случайным обходом ее.

На Восточном фронте большие расстояния и большее различие в вооружении армий обеспечили недоставшую на западе гибкость и развитие операций. Образовывались линии окопов, но это была тонкая застывшая корка, покрывавшая бурлившую глубину. Проломить эту корку было нетрудно, а раз это произошло, то появлялась возможность и к подвижным маневренным операциям старого стиля. Этой свободы действий западные державы были лишены, однако центральное положение Германии обеспечивало ей эту возможность. В ноябре 1914 г. Фалькенгайн решился, хотя и временно и с тяжелым сердцем, перейти во Франции к обороне, одновременно ища на Восточном фронте возможности сломить мощь России.

Русский фронт. Первые столкновения на востоке характерны скорее быстрыми колебаниями от успеха к неудачам, чем крупными победами какой-либо одной из сторон. Австрийское командование выделило часть своих сил для неудавшейся попытки раздавить Сербию, а план их начального наступления — «клещами» откусить польский «язык» — был позднее искажен тем, что германская часть этих «клещей» не действовала. Было это вызвано тем, что германцам в свою очередь угрожали русские клещи. Русский главнокомандующий, великий князь Николай Нико-

лаевич, заставил 1-ю и 2-ю армии, не дожидаясь полного их сосредоточения, наступать в Восточную Пруссию, чтобы ослабить натиск германцев на Францию. Более чем двойной перевес сил говорил о том, что согласованный удар этих двух армий сможет раздавить попавшиеся в их клещи силы германцев.

17 августа 1-я армия Ренненкампфа (6½ дивизий пехоты и 5 кавалерийских дивизий) перешла границу Восточной Пруссии, а 19—20 августа она столкнулась с германцами под Гумбинненом и отбросила ядро 8-й армии Притвица (7 пехотных и 1 кавдивизия). 21 августа Притвиц узнал, что русская 2-я армия (10 дивизий пехоты и 3 кавалерийских дивизии) под начальством Самсонова перешла южную границу Восточной Пруссии в его тылу, причем тыл был прикрыт только тремя дивизиями. В панике Притвиц сейчас же по телефону повел переговоры о необходимости отступить за р. Вислу.

Мольтке сменил Притвица, назначив на его место отставного генерала Гинденбурга. Начальником штаба к нему был назначен Людендорф — герой Льежской операции.

Развивая план, для которого необходимые передвижения были уже начаты по инициативе Гофмана, работника штаба 8-й армии, Людендорф сосредоточил против левого фланга Самсонова около 6 дивизий. Эти силы, численно уступавшие русским, сами по себе не могли привести к решению, но Людендорф, видя, что Ренненкампф все еще медлит у Гумбиннена, пошел на сознательный риск. Он снял с этого фронта все оставшиеся германские войска, за исключением кавалерийской завесы, и перебросил их против правого фланга Самсонова. Этой смелой переброске помогли отсутствие связи между двумя русскими командующими и та легкость, с которой германцы расшифровали приказы, отдававшиеся Самсоновым по радио своим корпусам. Под натиском с двух сторон фланги Самсонова дрогнули, центр его был окружен и армия почти целиком уничтожена. Если возможность такого разгрома скорее представилась сама собой, чем была сознательно подготовлена, все же эта короткая операция, позднее получившая название «Танненбергского сражения», является блестящим примером использования внутренних операционных линий, проще говоря, своего центрального положения.

Получив затем два свежих корпуса с французского фронта, германский командующий обратился против медленно наступавшего Ренненкампфа и вытеснил его из Восточной Пруссии. В результате этих сражений Россия потеряла четверть миллиона людей и много военных материалов; последнее же она могла позволить себе еще меньше, чем первое. Но переброска двух корпусов с запада для очищения Восточной Пруссии позволила французам несколько оправиться на Марне. Между тем, корпуса эти прибыли на Восточный фронт слишком поздно, чтобы чем-либо помочь под Танненбергом.

Эффект победы под Танненбергом уменьшился вследствие того, что далеко на Южном фронте, в Галиции, чаша весов склонилась не в пользу центральных держав. Наступление австрийских 1-й и 4-й армий на Польшу вначале развивалось успешно, но вскоре

успехи эти были сведены к нулю разгромом 3-й и 8-й русскими армиями более слабых 2-й и 3-й австрийских армий, прикрывавших правый фланг. Эти армии понесли тяжелое поражение 26—30 августа и были отброшены за Львов. Таким образом наступление левого фланга русских угрожало тылам победоносного левого фланга австрийцев. Конрад пытался часть сил на левом фланге повернуть кругом и ударить во фланг русским. Но удар этот был отбит. А затем, пойманный в западню с поколебленными и дезорганизованными армиями, он был вынужден из-за нового наступления русского правого фланга спасать себя общим отступлением. Началось оно 11 сентября, а к концу сентября австрийцы откатились почти к Кракову.

Обязательства союзника заставили Германию оказать австрийцам помощь. Большинство сил в Восточной Пруссии было реорганизовано в новую 9-ю армию и передвинуто в юго-восточный угол Польши, откуда армия эта повела наступление на Варшаву совместно с возобновленным наступлением австрийцев. Но русские наступали теперь мощным потоком всех своих мобилизованных сил. Перегруппировавшись и развив контрудар, русские остановили наступление врага и мощным порывом докатились на плечах отступавшего противника до Силезии.

Великий князь Николай образовал (в авангарде) большую фалангу из семи армий — три впереди и по две на каждом из флангов. Еще одна армия—10-я—вторглась в восточный угол Пруссии и атаковала там оставшиеся слабые силы германцев. Надежды союзников возросли, когда прославленный русский «паровой каток» начал свое тяжелое движение. Чтобы противостоять этому наступлению, германский восточный фронт был подчинен Гинденбургу. Людендорф и Гофман разработали для него мастерской удар, построенный на использовании системы рокадных железнодорожных линий за германской границей.

9-я армия, отступая перед наседавшими русскими, замедляла их движение систематическим разрушением и без того скудных в Польше дорог. Достигнув германской границы без боя и опередив противника, 9-я армия была переброшена вначале на север в район Познань—Торн, а затем двинута на юго-восток. 11 ноября левый фланг 9-й армии был уже на Висле, против стыка между двумя армиями, прикрывавшими правый фланг русских.

Клин, вогнанный молотком Людендорфа, разъединил обе русские армии, заставив 1-ю армию отступить назад к Варшаве и едва не устроив новый Танненберг для 2-й армии, почти окруженной под Лодзью. Но 5-я армия из авангарда вернулась назад и спасла ее. В результате части германских сил, производящие охват, едва не подверглись сами той участи, которую они готовили русским. Все же германцам удалось прорваться сквозь главные силы русских. Хотя германцы и не добились решающего тактического успеха, тем не менее этот маневр является классическим образцом того, как сравнительно небольшая армия, используя свою подвижность для удара по жизненному центру сил противника, может парализовать наступление противника, во много раз превосходящего по численности. «Паровой каток» русских был сло-

ман и ему уже больше не удалось проникнуть на германскую территорию.

Через неделю четыре новых германских корпуса прибыли с Западного фронта, где к этому времени сражение под Ипром закончилось неудачей. Хотя войска и прибыли слишком поздно, чтобы вернуть упущенные возможности решающей победы, все же Людендорф смог их использовать, чтобы теснить русских. К 15 декабря русские стояли на линии р. Бзура—Равка перед Варшавой. Этот отход и постепенное истощение огнеприпасов привели великого князя Николая к решению, прекратив продолжавшуюся еще под Краковом борьбу, отступить и провести зиму в окопах по линии рек Нида и Дунаец, оставив часть польского «языка» в руках противника.

Таким образом, на востоке, как и на западе, наступил застой позиционной войны, с той лишь разницей, что здесь застывшая кора была менее прочна, а русские настолько истощили свой запас огнеприпасов, что их индустриально слабой стране не удавалось в достаточной степени его пополнить.

Действия на море. Мы переходим к разбору операций на море в третью очередь, хотя в хронологической цепи событий они стоят на первом месте. Причина заключается в том, что морские силы стали оказывать преобладающее влияние на ход войны лишь после того, как провалились первоначальные планы действий на суше. Если бы удалось добиться на суше быстрого решения, как того и ожидали военные руководители, то вряд ли морские силы могли бы играть при этом условии какую-либо роль.

Как близки были германцы к решающей победе и как они упустили ее рядом грубых и трудно объяснимых ошибок, теперь ясно для истории. Англия, конечно, могла выступить на море самостоятельно, но мы должны помнить, что в августе 1914 г. война носила чисто профессиональный характер и еще не была войной национальной. Вмешательство Британии в войну расценивалось с точки зрения скорее рыцарской попытки помочь обиженной Бельгии и поставленной под угрозу Франции, чем борьбы не на жизнь, а на смерть за существование Британии. А когда друг попался в лапы тигру, то было бы медвежьей услугой вступать с ним в борьбу за остатки тела друга, раз имелась надежда отвлечь тигра от его жертвы.

К счастью в 1914 г. тигр не выходил из бухты. Британия имела возможность прибегнуть к своему традиционному оружию — флоту. Эффект морских операций сказывался на ходе войны не в виде молний, внезапно поражавших врага, а в виде систематической силы, действовавшей в помощь наземным армиям и успешно уменьшавшей заморские источники сырья и снабжения врага.

Но хотя эффект был обширным и разносторонним, сами действия были мгновенны и напоминали электрический разряд.

Наиболее простой, но быть может и наиболее решающий акт имел место 29 июля, еще до фактического объявления войны. В этот день в 7 час. утра «великая армада» — британский флот — вышла из Портланда, чтобы прибыть на свою стоянку военного

времени — Скапа-Флоу. Немногие видели ее отплытие, а еще меньше знали цели ее движения — северные Оркнейские острова, которые контролируют проход между северной Британией и Норвегией. Но с этого момента артерии Германии подвергались невидимому гнету, не ослаблявшемуся до 21 ноября 1918 г., когда германский флот прибыл в эти же северные воды, чтобы самолично убедиться, каковы те силы, которые он за 4½ года непрерывной борьбы видел лишь мельком.

Основная причина такого необычайного рода действий заключалась в недавнем прогрессе нового оружия и новых средств — мины и подводной лодки; они привели в морской войне к такому же преобладанию оборонительной мощи над наступательной, какое являлось главной характерной чертой и действий на суше. Частично к этому же привела и стратегия германского командования, явившаяся следствием просчета в вероятной стратегии Британии. Взвесив свое бессилие по сравнению с британским флотом и невозможность, ввиду готовности Британии, нанести последний внезапный удар, германское командование, полагая, что противник пропитан принципами Нельсона и будет искать сражения, решило прибегнуть к медлительной стратегии постепенного измора. Немцы решили избегать столкновения, пока их минные заградители и подводные лодки не ослабят британский флот, пока тяготы организации тесной блокады не будут давить на более сильный флот и пока разгром союзников Британии на суше не сделает положение последней более затруднительным.

План этот по крайней мере имел под собой разумную географическую базу, так как характер и очертание германского побережья сами собой говорили за такую стратегию. Короткая линия побережья Северного моря была сильно изрезана; устья рек представляли собой трудно проходимые фарватеры, а само побережье было прикрыто цепью островков, из которой Гельголанд был сильным укрепленным щитом морских баз в гаванях Вильгельм, Бремер и Сих. Наконец, и что важнее всего, из устья Эльбы вела в Балтийское море внутренняя дверь — Кильский канал. Благодаря этому морские силы в Балтийском море могли быстро получить подкрепления, а противника, наступавшего в этом замкнутом землями море, не только стесняла нейтральность подступов к нему, но на него легко могли напасть подводные лодки и миноносцы врага при проходе через узкий канал между Датскими островами. Естественная оборонительная мощь морских границ Германии делала почти невозможной непосредственную атаку и давала ей в то же время великолепную базу для организации морских рейдов. Единственным географическим препятствием было то, что линия побережья Великобритании в виде громадного волнореза сужала выход из моря для операций вне его.

Недостатком этой стратегии было то, что Германии приходилось с самого же начала отказаться от заграничной торговли. Вместе с тем уменьшились и возможности ограничения притока заморского подвоза в Британию и Францию. Германский план нараставшего измора британского флота был сорван стратегией, принятой британским адмиралтейством, которое, отказавшись от

доктрины — искать сражения — удовольствовалось доктриной: держать флот на-чеку. Адмиралтейство, поняв, что мина и подводная лодка, в сочетании с естественными преимуществами Германии, делают тесную блокаду делом слишком рискованным, остановилось на стратегии наблюдения за противником с расстояния. Поэтому флот был сосредоточен на позиции, которая командовала над Северным морем, с сохранением в то же время полной боевой готовности на случай появления неприятеля. Легкие суда использовались для более близкого, но не слишком близкого наблюдения. Эта стратегия не была столь пассивной, как она казалась критиковавшей ее публике, с нетерпением ожидавшей нового Трафальгара. Стратегия эта говорила о том, что господство Британии на море является здесь стержнем и залогом сил союзников, что неосторожные действия и необоснованный риск потерь являются отрицанием этой руководящей роли флота Британии. Поэтому, желая боя и будучи готовым к нему, адмиралтейство спокойно выдвинуло на первый план задачи по обеспечению морских сообщений Англии, имея дело с временными угрозами этим сообщениям и, наконец, обеспечивая свободный переезд во Францию британским экспедиционным войскам.

Идея экономического зажима при помощи морских сил была тогда лишь в зародыше. Только позднее она выкристаллизовалась в настоящую доктрину, и понятие «блокада» получило новый и более широкий смысл.

Нападения на торговые суда были старой традицией британского флота; таким образом незаметно совершился переход к косвенной угрозе жизни населения Европы лишением его источников снабжения и сырья.

Когда тот же зажим, но произведенный в новый форме и новым оружием — подводными лодками, сказался и на самой Британии, то она, вполне естественно хотя и нелогично, признала это гнусным зверством. Нелегко было консервативному уму понять, что с переходом от войны армий к войне целых народов неопределенный кодекс военного рыцарства должен смениться в борьбе за существование вырвавшимися наружу примитивными инстинктами. Но в 1914 г. такого понимания войны еще не было. Оно пришло позднее и потому не могло оказать какого-либо влияния на первые операции, хотя влияние этих операций на представление о войне было очень большим.

Начало борьбы на море должно быть датировано 26 июля 1914 г., когда адмиралтейство, учитывая осложнившуюся международную обстановку, послало приказ флоту, собранному для смотра в Портланде, не рассредоточиваться. И если смотр явился счастливым предлогом, то использование смотра явилось одним из наиболее решительных и здравых решений, принятых во время войны.

Не нося провокационного характера мобилизации, решение это автоматически дало Британии возможность установить контроль над морем. За этим последовал малозаметный перевод 29 июля флота в Северное море, на его стоянку военного времени, и пре-

дупредительная телеграмма всем судам и эскадрам, находившимся в заграничном плавании.

Люди, изучающие военное дело, а также политики, не должны забывать того, что профессиональной армии всегда присуща особая мощь непровокационной готовности, которой абсолютно нет у народной армии.

«Мобилизация» — угроза, создающая обстановку, губительную для всяких мирных аргументов.

Между переговорами и мобилизацией — пропасть, между мобилизацией и войной — едва заметная прослойка. В это время любой проступок какого-либо случайного лица может вовлечь весь народ в войну.

Адмирал Джеллико, новый командующий «Большим флотом» Англии, с самого начала должен был считаться с некоторыми слабостями порученного ему флота. База флота в Скапа-Флоу была открыта для атак миноносцев противника, а укрепленная база, подготавливаемая в Розите, далеко еще не была готова.

Издавна морские силы Британии концентрировались у берегов канала, где гавани были лучше всего оборудованы и защищены. Правительство медлило с выделением средств для организации морских баз в Северном море в соответствии с изменениями в районах развертывания и сосредоточения сил.

Опасность заставила британское правительство отвести флот к западу от Оркнейских островов, хотя во время переброски во Францию экспедиционный флот спустился до залива Форта. Переброска войск непосредственно прикрывалась старыми бронированными крейсерами находившейся в канале флотилии и организацией системы патрулей в южной части Северного моря. Благополучная переброска экспедиционных войск явилась первым прямым достижением флота. Следующее достижение было 29 августа, когда эскадра крейсеров Битти и флотилия миноносцев Тирхуайта заплыла в Гельголандскую бухту, потопила несколько германских легких крейсеров и косвенно заставила командование германского флота еще тверже придерживаться в дальнейшем чисто оборонительной стратегии, сосредоточивая все внимание на атаке подводных лодок. Помимо этого, история событий и достижений в 1914 г. на Северном море — это, с одной стороны, непрерывная бдительность, а с другой — ряд небольших побед подводных лодок, успехов в расстановке мин и потерь при взрывах на минных заграждениях.

Война в Средиземном море началась ошибкой, которой суждено было иметь глубокие политические последствия. В этом море находились быстроходнейшие германские суда — дредноут «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Суда эти получили из Берлина приказ отплыть в Константинополь. Несмотря на попытки британцев отрезать путь этим судам, они благополучно проскользнули. Частично неудача англичан была вызвана недостаточной гибкостью в выполнении их кораблями полученных от адмиралтейства директив.

В открытом море охота за судами противника велась дольше. Германия не располагала достаточным временем, чтобы выслать

подводные лодки для борьбы с коммерческим флотом, но в течение нескольких месяцев некоторые из ее крейсеров, находившихся в заграничных плаваниях, сильно досаждали британскому флоту. Трудно было сочетать необходимость сосредоточения флота в Северном море с работой по охранению и защите морских путей чудовищной длины, по которым текли в Англию снабжение и войска из Индии и доминионов. Индийский океан окончательно был очищен уничтожением 9 ноября «Эмдена». Но успех этот померк перед бедой в Тихом океане, где эскадра крейсеров адмирала Крадока была раздавлена более тяжелым металлом дредноутов адмирала Спее — «Шарнгорст» и «Гнейзенау».

Эта неудача была сравнительно быстро уравновешена английским адмиралтейством, пославшим адмирала Стюрди с двумя дредноутами «Инфлексибль» и «Инвинсибль» в рейд к югу Атлантического океана, а третий дредноут «Австралия» — в тыл адмиралу Спее к островам Фиджи. Пойманный в западню этим хитро задуманным, неожиданным маневром у Фальклядских островов, Спее 8 декабря погиб, а вместе с ним волны поглотили и последний оплот германского владычества в океане.

С этого времени океанские пути Британии и ее союзников были расчищены для беспрепятственного притока предметов снабжения и товаров, а также и для переброски войск.

Однако, развитие подводной войны вскоре сделало это обеспечение менее действительным, чем это казалось на другой день после победы Стюрди.

Характер морской войны начал претерпевать существенные изменения уже в начале 1915 г. В первый период войны британцы слишком были заняты очисткой моря и обеспечением своих морских путей, чтобы уделить достаточное внимание использованию своего господства в море как экономического оружия против Германии. Вместе с тем морская мощь Британии была скована искусственным ограничением блокады, согласно условиям Лондонской декларации 1909 г. Британское правительство с изумительной близорукостью заявило в начале войны, что оно принимает эту декларацию за основу своих действий на море. К счастью Англии помогли освободиться от этих добровольно наложенных на себя уз сами германцы.

2 ноября 1914 г. эскадра германских дредноутов провела разведывательный рейд к берегам Норфолька с целью нащупать и испробовать мощь и протяжение британской морской обороны. Второй рейд был проведен 16 декабря к Иоркширскому побережью, причем были обстреляны Скарборо, Хуайтби и Гартлепуль. Оба раза германцы благополучно ускользнули. 24 января они попытались провести третью вылазку, но эскадра английских крейсеров под начальством Битти захватила их у Догер-Банк, потопила дредноут «Блюхер» и сильно повредила «Дерфлингер» и «Зейдлиц».

Хотя удар эскадры Битти не привел к полному уничтожению судов противника, все же он убедил германцев в тщетности практикуемой ими стратегии измора. Ингеноль, командующий германским флотом открытого моря, был сменен Полем. Последний

предложил Фалькенгайну наступательную подводную кампанию, не стесняя ее ради успеха никакими ограничениями.

В итоге 18 февраля германцы объявили военной зоной воды вокруг британских островов, где все появляющиеся корабли противника или нейтральных стран будут без предупреждения топиться. Это дало повод Британии порвать узы, связывавшие ее Лондонской декларацией. Она ответила объявлением своих прав перехватывать все суда, подозреваемые в доставке товаров Германии, и приводить их в британские порты для обыска. Это усиление мертвой хватки блокады привело к серьезным трениям с нейтральными странами, особенно с Америкой, но Германия разрядила обстановку потоплением 7 мая 1915 г. «Лузитании». Гибель 1.000 пассажиров, в том числе и нескольких американцев, была неслыханным красочным зверством. Мир содрогнулся, а общественное мнение Америки было серьезнее потрясено этим событием, чем даже насилием над Бельгией. Этот поступок германцев, за которым последовали и другие аналогичные поступки, расчистил путь для вступления Соединенных штатов в войну, хотя это и случилось позднее, чем могло казаться сразу после трагедии с «Лузитанией».

Одним из результатов раннего установления господства Британии на море явилась возможность постепенного выключения германских заморских колоний. Владение последними было ценно и давало союзникам серьезные преимущества, чтобы «поторговаться» в случае неблагоприятного или отрицательного исхода войны. В августе Новозеландская экспедиция овладела Новой Гвинеей и Самоа, а австралийский флот ликвидировал несколько важных германских радиостанций на островах Тихого океана. Япония, вступив в войну на стороне Британии, послала дивизию и морскую эскадру для захвата германского оплота на китайском берегу, крепости Тзинг-Тао. Первый десант высадился 2 сентября; небольшой британский отряд прибыл 23 сентября, но укрепления оказались современными, а подступы к крепости трудными и узкими, почему фактически осада крепости могла начаться лишь 31 октября. За бомбардировкой, длившейся 7 дней, последовала атака, которая привела к захвату гарнизона крепости в плен после сравнительно слабого сопротивления.

Тоголанд (в Африке) был занят в августе месяце; экваториальный лес у Камеруна представлял собой более серьезное препятствие. Лишь в начале 1916 г. соединенными усилиями британцев и французов удалось после длительно, но экономно проведенной кампании и здесь справиться с германцами. Генерал Бота — южно-африканский премьер, когда-то выступавший против Англии, а теперь стоявший на ее стороне, — организовал отряды для захвата юго-западной части германской Африки. Бота оказал британцам еще большую услугу, подавив восстание группы мятежных буров. Это восстание, если не считать Ирландского восстания в Истере в 1916 г., было единственным мятежом в пределах Британии за все четыре года тяжелых испытаний войны.

Оставалась только германская восточная Африка, самая обширная и богатая германская колония. Эту колонию не удалось

полностью покорить вплоть до 1917 г. из-за трудностей, которые представляла собой местность, и вследствие искусства генерала ф.-Леттов-Форбека, германского командующего.

В конце ноября 1914 г. туда был послан экспедиционный отряд для поддержки местных восточно-африканских британских войск. Экспедиция эта была неудачной: отряд был разбит у Танга. Лишь в конце 1915 г. британское правительство смогло оторваться от разрешения более серьезных проблем и уделить время и силы, чтобы расправиться с этим осиным гнездом.

В 1915 г. зародился новый вид ведения войны, который помог понять новую и с трудом осознаваемую истину, что из войны профессиональных армий выросла война всенародная. С января этого года начались налеты цеппелинов на Англию. К концу лета 1916 г. они достигли высшего напряжения и затем сменились рейдами самолетов.

Трудно различать с воздуха военные и мирные гражданские цели подготовила почву для широкого развития бомбометания, которое, начавшись с извинений, окончилось открытым признанием, что в борьбе за существование не только солдаты противной стороны, но и воля всего народа противника неизбежно представляют собой действительную цель, по которой надо бить.

Первым психологическим симптомом начавшейся мировой войны было, как это казалось многим, огромное чувство облегчения.

Это чувство можно объяснить как реакцию против однообразия обыденной жизни, когда воспоминания о прошлых войнах, сгладившись и померкнув, подготовили почву для возрождения и выхода наружу первобытного «охотничьего» инстинкта человека.

Но первый порыв энтузиазма сменился порывом страстности, естественной жестокости войны. Британская армия не страдала этой болезнью благодаря своему профессиональному характеру; зато в германской, по преимуществу «гражданской», армии инстинкты эти пышно расцвели, поощряемые хладнокровной логикой теории ведения войны ее генерального штаба. С наступлением осени настала новая пора, резко выявившаяся в фронтовых частях. Скороспелое чувство «терпимости» выразилось в ряде братаний на рождестве в декабре. Но чувство это, неожиданно проявившись, быстро завяло, когда тяготы и напряжения войны стали себя давать знать, а глубокие тылы сражавшихся сторон, наконец, осознали и почувствовали действительный характер борьбы.

1. Марна — сражение, которого не было, но которое остановило прилив

(Схема 1)

Ни одно из сражений не вызывало столько споров, не служило источником для появления в короткое время обильной литературы, не пользовалось такой широкой известностью и не было сопряжено со столькими легендами, как Марнское сражение. Кризис сентября 1914 г. подготовил крушение германского плана

войны и тем самым повернул колесо истории. Если верно (а в известной степени это так), что Германия проиграла войну, когда она проиграла это сражение, то естественно также предъявление многочисленных претензий на признание этого сражения победой Германии.

Первая из возникших легенд говорила, что Фош выиграл это сражение, втянув центр германцев в болота у С.-Гонд, и даже сегодня, совершенно не считаясь с фактами и датами сражения, легенда эта все еще распространяется почтенными историками и за пределами Франции.

Но в то время как, подобно кругам от брошенного в воду камня, отголоски этой истории все еще носились на поверхности, заинтересованные круги Франции яростно спорили о том, кто же здесь выдвинулся: главнокомандующий ли Жоффр или же Галлиени, его прежний начальник, а затем подчиненный, развивший из Парижа удар по германскому флангу, обнаженному из-за отклонения Клука перед Парижем. Одна школа утверждала, что Жоффр разработал идею контрнаступления, и признавала под давлением фактов, что инициатива Галлиени, увидевшего удобный момент для такого наступления, явилась толчком, побудившим Жоффра окончательно принять решение. Другая школа возражала, что Жоффр после срыва своей первой попытки организовать контрудар с рубежа р. Соммы совершенно отказался от всяких дальнейших попыток в этом отношении и что без решительности и настойчивости Галлиени французские армии продолжали бы свое отступление.

В настоящее время можно уже вынести беспристрастное решение. Если мы признаем, что на Жоффре лежала ответственность за принятие решения, то факты — упрямая вещь — показывают, что вдохновению Галлиени мы обязаны быстротой и размахом удара. Более того, этим опрокидываются нападки защитников Жоффра, что Галлиени провалил план Жоффра, поспешив с ударом, ибо мы знаем, что задержка на сутки позволила бы германцам закончить выгодное для них перераспределение сил, а это именно и было сорвано ударом Галлиени.

В Германии такие же горячие споры вызвали вопросы, был ли приказ об отступлении ошибкой и кто несет ответственность за роковое решение: Клук, командовавший 1-й армией, Бюлов, командовавший 2-й армией, или посланный главным командованием полковник Хенч.

Так или иначе, но многочисленные споры послужили на пользу, показывая, что Марна была скорее психологической победой, чем физической. Но таковыми же были многие другие бессмертные в истории победы, где самый бой имел второстепенное значение.

Марна настолько очевидно являлась психологическим успехом, что после нее было подвергнуто длительному анализу мышление командиров. Но при этом «комплекс боя» сузил анализ до пределов того момента, когда произошло фактическое столкновение армий. В итоге многое, заслуживавшее внимания, осталось вне поля зрения комментаторов.

СХЕМА 1

В самом деле, если мы познакомимся с настроениями германских командиров, то узнаем, что до и во время кризиса они все время оглядывались назад, вернее через правое плечо, опасаясь удара союзников по их все удлинявшимся коммуникациям в Бельгии и северной Франции. К несчастью для союзников оснований для такой нервности было мало. Запоздалая просьба о высадке

английского экспедиционного корпуса на бельгийском побережье не имела успеха. Верх одержала точка зрения и пометка Вильсона, рассматривавшего этот корпус как придаток левого фланга французов. Но бельгийская полевая армия, блокированная германцами в Антверпене, безусловно потребовала выделения крупных частей германских армий для своей охраны и даже более того, она хронически трепала нервы германцев.

Пытливый ум мистера Черчилля также не дремал. Сил было мало, но он отправил одну бригаду морской пехоты во главе с ген. Астоном в Остенде, приказав ему как можно шире предать гласности свое пребывание там. Бригада высадилась 26 августа и стояла на берегу в течение нескольких дней.

Теперь перейдем к другой стороне. 5 сентября, в тот день, когда французские войска шли, чтобы нанести Клуку удар, полковник Хенч, представитель германского высшего командования, прибыл в угрожаемую армию с чудовищным и мало ободряющим предупреждением: «Плохие новости. 7-я и 6-я армии окружены. 4-я и 5-я армии встретили сильное сопротивление. Англичане беспрерывно высаживают свежие войска на бельгийском побережье. Имеются донесения о появлении там же русских экспедиционных частей. По всей вероятности, отступление неизбежно». Из других источников мы знаем, что 3 000 моряков в воображении германского командования выросли в 40 000, а силы русских оценивали в 80 000 человек.

Таким образом, германская фланговая армия была предоставлена своей судьбе вследствие твердого убеждения, что тыл германцев находится под серьезной угрозой и что главное командование учитывает возможность отступления. Такие известия в период большого напряжения, конечно, должны были сильно нервировать и тревожить. Раз бельгийские новости заставили главное командование заколебаться, то новости эти повлекли за собой также мысль об отступлении, и когда Хенч вновь вернулся 9 сентября с полномочиями упорядочить отступление «в случае если начался отход», то отступление это не только началось, но и совпало с получением новых тревожных известий из Бельгии: в этот день была произведена вылазка бельгийцев из Антверпена, которая хотя и не привела к серьезным результатам, но оказала неоценимое психологическое воздействие тревожной новости, полученной в момент кризиса.

Германское отступление не только ускорилось, но и расширилось. Вместе с ним повернулось и колесо истории.

История должна отдать должное счастливому вдохновению мистера Черчилля и горсточке «разгуливавших моряков» ген. Астона. Но помог также и удивительный «русский миф», который столь таинственно возник и распространялся. Мы знаем, что мистер Черчилль фактически предлагал таким путем привезти русский экспедиционный корпус. Быть может, это предложение выплыло наружу и было преувеличено до фактического его осуществления. Все же общее мнение давно приписывает эту легенду разгоряченному воображению вокзального швейцара; пищей для этого послужил простой факт прохода ночью воинского

поезда, пассажиры которого говорили на шотландском наречии. Если это так, то совершенно необходимо поставить в Лондоне памятник «неизвестному швейцару».

Запомнив это, вернемся и проследим последовательность событий самого сражения. Ближайшая цепь причин начинается, — благодаря отступлению французской и английской армий, — спасением германцев от приграничной западни, куда, согласно плану Жоффра, их хотели заманить. Первые ярко расцвеченные донесения армий о пограничных боях создали у германского главного командования впечатление решающей победы. Весь во власти этой галлюцинации, Мольтке 25 августа совершенно бесцельно отправил на русский фронт четыре дивизии. Это еще более ослабило правый фланг, и так уже ослабленный выделением семи дивизий для окружения устарелых крепостей. Однако, сравнительно небольшое число захваченных пленных вызвало у Мольтке сомнение и заставило его менее радужно расценивать обстановку. Оптимизм кайзера его теперь раздражал: «Он все время в ликующем настроении, которое я до смерти ненавижу».

Новая полоса сомнений и пессимизма Мольтке в сочетании с новым оптимизмом его командующих армиями привела к новым изменениям плана, которое таило в себе зародыши поражения.

В то время как армия Клука на германском крайнем правом, т. е внешнем, фланге шла, наступая на пятки британцев, так что «крайний» британский корпус (Смит-Дорриен) был вынужден остановиться и дать бой, сосед Клука на внутреннем фланге — Бюлов — преследовал 5-ю французскую армию Ланрезака. Когда 26 августа левый фланг британцев, серьезно побитый, отступил на юг (от Ле-Като), Клук вновь повернул на юго-запад. Направление это частично было взято из-за ошибки в предполагаемом направлении отступления британцев (думали, что они отступят к портам канала), но оно полностью отвечало основной задаче Клука — широкому охватывающему захождению. А выход армии Клука в район Амьен—Перонн, где как раз выгружались первые части вновь сформированной французской 6-й армии после их отхода из Эльзаса, приводил и к срыву планов Жоффра о раннем возврате к наступлению, заставив его быстро оттянуть 6-ю армию назад, под защиту укреплений Парижа.

Но Клук едва успел завернуть на юго-запад, как ему пришлось вернуться назад. Чтобы облегчить положение британцев, Жоффр приказал Ланрезаку остановиться и ударить по преследовавшим германцам. Бюлов, испугавшись этой угрозы, обратился к Клуку за помощью. Атака Ланрезака 26 августа была остановлена прежде, чем Бюлову могла понадобиться эта помощь, но он все же просил Клука вернуться, чтобы отрезать пути отступления армии Ланрезака.

Раньше, чем согласиться на это, Клук запросил Мольтке. Запрос поступил в момент, когда Мольтке вообще был смущен тем, что французы ускользают от его охвата, и в частности обеспокоен разрывом, образовавшимся между его 2-й (Бюлов) и 3-й (Гаузен) армиями, хотя последняя и повернула уже с юго-запада

на юг, чтобы помочь 4-й армии — соседу ее с другой стороны. Поэтому Мольтке одобрил изменение Клуком направления наступления, что неизбежно означало отказ от первоначального плана широкого охвата Парижа с внешней его стороны. Теперь фланг германского захождения должен был проходить с южной стороны Парижа, другими словами — пройти через укрепления Парижа с фронта. Таким образом, уплотнив ради большей безопасности свой фронт, Мольтке отказался от более широких перспектив, заложенных в широком маневре охвата первоначального плана. И, как показали события, он, вместо того, чтобы уменьшить риск контрудара, сам себя поставил под роковой контрудар.

Решение отказаться от первоначального плана было окончательно принято 4 сентября, причем план этот Мольтке заменил более узким окружением центра французов и их правого фланга. Центр германцев (4-я и 5-я армии) должен был развивать натиск в юго-восточном направлении; вместе с тем левый фланг (6-я и 7-я армии) должен был бить в юго-западном направлении, пытаясь прорваться сквозь укрепленный район между Тулем и Эпиналем. Таким образом клещи охвата должны были сомкнуться внутри с обеих сторон Вердена. Одновременно правый фланг (1-я и 2-я армии) должен был повернуть наружу и, став фронтом на запад, препятствовать всяким попыткам французов перейти в контратаки из окрестностей Парижа.

Приказ Мольтке не учитывал того факта, что в стремлении к югу Клук опередил Бюлова и уже переправился через Марну. Приказ этот не только указывал Клуку «оставаться фронтом к восточной стороне Парижа» (что означало стоять фронтом на запад), но и оставаться севернее р. Марны, в то время как Бюлов заходил фронтом на запад между Марной и Сеной, выходя с ним на одну линию.

Таким образом, Клук должен был, чтобы исполнить этот приказ, не только остановиться, пока Бюлов не нагнал и не перегнал бы его, но даже проделать некоторое обратное движение. Но в данном случае контрудар французов, от которого Мольтке хотел предохранить себя, начался раньше, чем его новый план мог оказать свое действие. Более того, Клук, недовольный тем, что его лишают надежды явиться героем решающей победы, и 5 сентября продолжал свое наступление на юг к Сене, сказав, что «поворот на запад может быть сделан как-нибудь на свободе». В данный момент для защиты своего фланга он оставил только слабый отряд в три бригады и немного конницы. На следующее утро фланг этот был атакован 6-й французской армией, выступившей из Парижа.

В течение всех этих дней франко-британское отступление продолжалось. 30 августа Жоффр, уступая настояниям правительства, встревоженного тем, что направление отступления французской армии обнажало столицу, выделил 6-ю армию Монури для усиления гарнизона Парижа. Выделение этой армии означало отказ от всяких прежних надежд на проведение контрудара, так как армия была организована Жоффром именно для этой цели.

1 сентября Жоффр отдал приказ о продолжении отступления союзных армий до рубежа южнее рек Сены, Об и Орнен. Результатом этого приказа являлся не только отвод армий далеко на юго-восток от Парижа, но и отказ на долгое время от контрудара, так как, имея в виду план раннего перехода в контрнаступление, командующий не ставил между собой и противником водную преграду.

Последовавшее на другой день письмо командующим некоторыми армиями добавляло, что намерением Жоффра является «организовать и укрепить» этот рубеж, с которого он намечал не сейчас, а при случае развить контрудар. В тот же день он отклонил предложение дать бой на Марне, сделанное сэром Джоном Френчем и переданное Жоффру через военного министра.

«Я не полагаю возможным провести на Марне общую операцию всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Но считаю, что взаимодействие английской армии в обороне Парижа — единственный путь, который может привести к успешным результатам».

Военному министру и Галлиени он повторил этот же аргумент. Когда защитники Жоффра утверждают, что подсознательно в голове Жоффра была мысль о контрнаступлении, историк может с этим согласиться. Приведенных выше фактов более чем достаточно, чтобы рассеять легенду о намерении Жоффра дать сражение на Марне или о том, что он разработал контрудар, который привел к таким драматическим последствиям.

Решительный характер ответа Жоффра приобретает тем большее значение, что 1 сентября один из офицеров генерального штаба армии Ланрезака нашел в чемодане убитого германского офицера приказ о перемене направления наступления. Приказ этот был рано утром на следующий день отослан в штаб Жоффра. А утром 3 сентября изменение направления движения походных колонн армии Клука на юго-восток было замечено британскими летчиками и о нем было донесено. Во второй половине дня летчики добавили, что колонны эти переправляются через Марну, а вечером Монури донес, что на всем пространстве к западу от линии Париж—Сенлис германских войск больше нет. Все это было донесено Жоффру, но не оказало никакого влияния на его планы, за исключением разве того, что в ночь с 1 на 2 сентября он перенес еще дальше на юг рубеж, до которого должны были отойти союзные армии.

Для Галлиени, нового военного губернатора Парижа, даже часть добытых 3 сентября разведывательных данных оказалась достаточной, чтобы вызвать немедленный отклик. Он приказал Монури продолжать, как только станет светло, дальнейшую разведку авиацией и конницей, а когда разведка эта подтвердила факт, что германцы двигаются облически по отношению к фронту укреплений Парижа и подставляют под удар свой фланг, то Галлиени приказал армии Монури изготовиться для наступления на восток, чтобы ударить германцам во фланг. В 9 час. утра, сообщив Жоффру по телефону о принятых им мерах, Галлиени решительно просил его санкционировать контрнаступление. Это

согласие было необходимо не только для того, чтобы обеспечить согласованность действий, но еще и потому, что Жоффр убедил нового военного министра подчинить ему Галлиени.

Вдохновенные и энергичные доводы Галлиени произвели на туго соображающего главнокомандующего полевых армий некоторое впечатление, но не больше. Чтобы выиграть время (Жоффр все еще раздумывал), Галлиени кинулся на автомобиле в Мелон, чтобы разъяснить создавшуюся обстановку британцам, и, если удастся, склонить их на свою сторону. К несчастью, сэра Джона Френча в штабе не было, и Галлиени вначале даже не мог найти его начальника штаба Арчибальда Мюррей. Любопытная была картина. Галлиени со своей стороны нашел, что британский штаб подавлен и колеблется. Англичане не скрывали того, что если бы Англия знала состояние французской армии, она не ввязалась бы в войну. Они совсем не были расположены оценить скрытые достоинства этого по виду мало похожего на военного гения в очках и небрежно одетого, с растрепанными усами, в черных ботинках на пуговицах и в желтых крагах. Неудивительно, что один из видных военных с язвительным остроумием заметил: «Ни один британский офицер не будет даже разговаривать с таким... комедиантом».

Галлиени указывал Мюррей на крайнюю важность использования обстановки, которую создали сами германцы, обнажив свой правый фланг. Он говорил ему, что «парижская армия» уже выступила против флангов германцев, и просил, чтобы британцы прекратили свое отступление и примкнули на следующий день к наступлению. Мюррей все же показал «une grande repugnance á entrer dans nos vues» [1] и заявил, что без командующего он ничего не может сделать.

Тщетно прождав три часа возвращения Френча, Галлиени уехал, получив лишь обещание уведомить его позднее по телефону о решении Френча. Сообщение это не было удовлетворительным: британцы ставили Галлиени в известность, что на следующий день они будут продолжать свое отступление. На это решение британцев повлияло получение письма Жоффра, написанное им в это утро. В письме говорилось:

«Моим намерением при создавшейся обстановке является придерживаться плана, о котором я имел честь сообщить вам, — именно — отступления за р. Сену, — и только на этом рубеже дать всеми силами сообща бой».

Из добавленного к письму постскриптума ясно видно, какое незначительное влияние оказала на Жоффра новость о перемене армией Клука направления наступления:

«В случае, если германские армии будут продолжать свое движение на юго-восток... Вы, быть может, согласитесь с тем, что целесообразнее всего ваши войска использовать на правом берегу реки между Марной и Сеной».

Невольно бросается в глаза трагический контраст между тугодумом Жоффром, постепенно, но к сожалению слишком поздно

[1] Большую неохоту разделить нашу точку зрения.

меняющим свои мнения, и быстрой оценкой обстановки (coup d'oeil) Галлиени, его проницательностью и немедленным реагированием на события.

Утренним сообщением Галлиени Жоффр был настолько расшевелен, что в 12 час. 45 мин. дня он послал Франшэ-д'Эсперэ (сменившему Ланрезака в командовании 5-й армией) телеграмму: «Пожалуйста, сообщите мне, считаете ли вы вашу армию в состоянии провести атаку с видами на успех», — запрос без всякого намека на крайнюю необходимость такой атаки и без всякого понуждения к действию. Телеграмма эта была получена Франшэ-д'Эсперэ, когда у него был Генри Вильсон (начальник штаба Френча). После обсуждения этого вопроса Франшэ-д'Эсперэ в в 4 час дня послал ответ, в котором говорилось, что «сражение не может иметь место раньше послезавтра» и что завтра он будет продолжать свое отступление, а противника атакует 6 сентября. В 4 часа 45 мин. дня он послал еще менее обнадеживающую записку, изменяющую первоначальное решение:

«Необходимыми условиями для успешности операции являются: 1) Обязательное и тесное взаимодействие с 6-й армией, которая должна появиться на левом берегу р. Урка утром 6-го числа. Она должна достигнуть Урка завтра... в противном случае британцы не тронутся с места. 2) Моя армия может сражаться 6-го, но положение ее не блестяще. Нельзя положиться на резервные дивизии».

Такой обескураживающий ответ на попытку Жоффра навести справки мог лишь усилить его колебания.

Но если быстрая оценка обстановки Галлиени и его проницательность (coup d'oeil) позволили использовать создавшееся положение, то, как он сам говорил, его «телефонному звонку (coup de teléphone) Франция обязана успехом Марнского сражения».

Вернувшись в свой штаб в Париж, он нашел запоздавшее сообщение Жоффра, которое было благоприятно для предложенного Галлиени контрудара, но которым предполагалась организация этого контрудара южнее Марны, — направление, при котором терялись бы серьезные преимущества, даваемые ударом во фланг и тыл противнику.

Галлиени тотчас схватил телефонную трубку, соединился с Жоффром и горячностью своих аргументов наконец убедил Жоффра дать свое согласие на удар «Парижской армии» севернее Марны как часть общего контрнаступления левофланговых армий. Жоффр обещал добиться взаимодействия в этой операции со стороны англичан. Галлиени быстро отдал приказ (10 ч. 30 м. вечера) армии Монури, которую он усилил, а несколько часов спустя прибыл и телеграфный приказ Жоффра (посланный вскоре после полуночи) об общем наступлении, назначенном на 6 сентября.

Но теперь было слишком поздно для 5 сентября и даже слишком поздно для 6 сентября, чтобы наступление оказалось действенным. Эта задержка привела ко многим последствиям, из которых, впрочем, не все были плохими.

Утром 5 сентября, когда войска Монури двигались на восток, сближаясь с противником, британцы, как и войска Франшэ-д'Эсперэ в соответствии с первоначальными приказами, спокойно продолжали свой отход к югу, удаляясь от противника. Когда они на следующий день повернули обратно, им пришлось покрыть большое расстояние, но назад они шли далеко не так быстро, как этого требовала обстановка. Это «исчезновение» британцев не только позволило Клуку, но и подтолкнуло его (он был захвачен врасплох) снять половину главных сил (II и IV корпуса) с сектора, на котором находились британцы, и усилить ими свое фланговое охранение, подвергавшееся сильному натиску и пытавшееся задержать грозное наступление Монури против тыла германцев.

Эти свежие силы начали 7 сентября тормозить наступление Монури, и Галлиени лихорадочно подбрасывал для усиления Монури все, что только ему удавалось наскрести.

Тогда и случился знаменитый, хотя и расцвеченный легендами, эпизод с парижскими такси. Свежая дивизия только что выгрузилась под Парижем, но до фронта сражения оставалось еще 40 миль. Если бы она отправилась туда походным порядком, она опоздала бы, а по железной дороге могла быть переброшена только половина дивизии. В этот вечер полиция на улицах задерживала такси, иногда высаживая пассажиров. Собрав 600 машин, полиция отправила их в предместье Ганьи, где они нагружались солдатами. Галлиени приехал посмотреть, как проводится в жизнь его распоряжение, и с оттенком одобрения воскликнул: «Ну что же, по крайней мере это оригинально!». Всю ночь колонна такси, предвестник будущих моторизованных колонн, непрерывно плыла, как только умеют плыть парижские такси, сквозь окружающие Париж деревни, проезжая мимо изумленных жителей, сделав две поездки и перевозя каждый раз по 3 000 солдат. К несчастью эти такси придерживались своего традиционного предпочтения скорости порядку движения и, обгоняя и перегоняя друг друга, настолько перемешались, что утром 8 сентября потребовалось несколько часов, чтобы рассортировать их пассажиров, прежде чем дивизия могла пойти в атаку.

Если бы Галлиени получил еще два армейских корпуса, о чем он просил значительно раньше и которые стали лишь прибывать отдельными частями и вперемежку, можно было бы отрезать германцев южнее р. Марны, и сражение окончилось бы не только стратегическим, но и крупным тактическим успехом.

Но даже в данной обстановке угроза была такова, что в 6 час. вечера 6 сентября Клук отозвал назад и свои два оставшиеся еще впереди корпуса, образовав, таким образом, разрыв шириной в 30 миль между собой и соседней армией Бюлова. Для заполнения этого разрыва было оставлено два слабых кавалерийских корпуса с несколькими батальонами егерей, и Клук даже упустил из виду необходимость объединения войск этой тонкой завесы под одним руководством. Последствия этого были роковыми.

Несмотря на то, что Клук смог удержать и даже оттеснить армию Монури, разрыв, который он оставил на южном фронте, обнажил фланг Бюлова. Хотя медленное наступление Франшэ-д'Эсперэ и 7 сентября еще ничем не дало себя знать, Бюлов, опасаясь за свой обнаженный правый фланг, оттянул его назад, на северный берег р. Пти-Морен. А когда стало известно о наступлении британцев в центре разрыва, то это явилось сигналом для общего отступления германцев, которое и началось 9 сентября.

Если продолжение отступления британцев 5 сентября сорвало возможность решающей победы, то насмешкой судьбы явилось то, что именно их отступление привело к «победе» в том виде, как фактически она была одержана.

Необходимо все же учесть обстановку и на других участках фронта, так как если бы планы германцев не провалились и там, победа Жоффра была бы немыслима и поражение его неизбежно. В неудаче левого фланга, наступавшего на востоке (Лотарингии), главным образом виноваты сами германцы. Отбросив французов назад на линию их крепостей, они тем самым сделали почти невозможной свою задачу пробиться сквозь эту преграду. Опять-таки еще одно из многих «происшествий на Марне» привело к неизбежности отступления германцев.

Когда армии Дюбайля и де-Кастельно, после разгрома в боях Саарбург — Моранж, окончили свое поспешное отступление, то линия их фронта оказалась изломанной и глубоко вогнутой. И в этот мешок, образовавшийся совершенно произвольно, был нацелен главный удар германцев. Германцы добровольно пошли в ловушку, которую французы еще в прежние годы подготовили для их приема.

В итоге французам была дана возможность развить действительный контрудар по флангам германцев, чем они временно парализовали первоначальное германское наступление, которое и остановилось 27 августа. Это не только дало французам передышку для укрепления их позиции, но позволило Жоффру с полной безопасностью подтянуть к более критическому левому флангу часть сил с правого. Известие об этой переброске вдохновило Мольтке создать новый план для 5 сентября и привело к другой тщетной атаке французской полосы крепостей, несмотря на протест баварского наследного принца Рупрехта, командовавшего 6-й армией. Новое наступление было поведено в лоб против Гран-Куронэ-де-Нанси, хребта, который представлял собой фланговое укрепление Шармского прохода. Прибыл кайзер со своими белыми кирасирами и, как актер, ожидал своего выхода для торжественного въезда в Нанси. Но последовательные атаки захлебывались в хорошо размещенном и метком огне более сильной французской артиллерии. 8 сентября Мольтке отдал приказ Рупрехту остановить наступление и прекратить ненужный расход жизней. Рупрехт был втянут в это наступление против своего желания, исключительно благодаря доверию к артиллерийскому эксперту майору Бауэру, утверждавшему, что и здесь его сверхтяжелые гаубицы окажут то же действие, как и против устарев-

шей бельгийской крепости. Теперь же Рупрехт согласился на прекращение наступления, лишь резко возразив против этого.

Так изменчиво было суждение старших начальников в войне 1914—1918 гг.

Центру германцев (5-й и 4-й армии) также не удалось западнее Вердена сыграть роль правой половины клещей в маневре, намеченном измененным планом Мольтке. На участке Вердена Саррайль сменил Рюффея в командовании французской 3-й армией, и первые же полученные им инструкции предписывали не только продолжать отступление, но даже оставить Верден. Саррайль был на этот счет другого мнения и решил, не теряя соприкосновения к западу с 4-й армией, как можно дольше держаться за Верден, как за ось. Это было счастливым решением, и торможение вследствие этого наступления 5-й германской армии (под начальством германского кронпринца) явилось одним из основных факторов срыва плана Мольтке. Упорное сопротивление, оказанное войсками Саррайля, и в первую очередь убийственный огонь его артиллерии не только задержали, но совершенно остановили наступление кронпринца. А запоздалая попытка 9 сентября проложить себе дорогу ночной атакой окончилась почти самоубийством, потому что германцы стреляли друг в друга.

Саррайль тщетно просил подкреплений, которые позволили бы ему перейти от обороны к опасному для германцев контрудару от Вердена в западном направлении против их фланга. Держась за Верден, Саррайль со своей армией образовал одну сторону мешка, куда вдвинулись германские армии, Монури же был другой стороной мешка.

Германская 3-я армия (Гаузен) была связующим звеном между центром и правым флангом германцев. Ей была поставлена довольно неопределенная задача: быть готовой поддержать один из них. При постановке такой задачи известную роль сыграло быть может то, что армия эта состояла из саксонцев, и пруссаки были склонны ее недооценивать.

В данной операции она была разделена. Левый фланг армии был использован для поддержки 4-й армии в ее недолгой атаке против французской 4-й армии (Лангль-де-Кари). Атака эта, быть может самая ожесточенная во всем сражении, была отражена французской артиллерией. Правый фланг армий был присоединен к левому флангу Бюлова для атаки Фоша, командовавшего новой 9-й армией французского центра, сформированной путем простого дробления армии Лангль-де-Кари (4-й армии).

Среди всех легенд, связанных с Марной, легенда, выросшая вокруг роли Фоша в этом сражении, наиболее понятна, по крайней мере она имеет под собой реальные основания. Первое утверждение, все еще широко распространенное, заключается в том, что Фош решил исход всего сражения контрударом, отбросившим прусскую гвардию в «болото у С.-Гонд». В действительности германцы стали отступать без всякого давления здесь французов, после того как исход сражения был решен западнее. Второе и более скромное утверждение, — что Фош обеспечил победу, предупредив прорыв французского центра германцами. И здесь неточ-

ность, потому что германцы не пытались прорваться. Бюлов просто выполнял свою новую задачу, прикрывая 1-ю германскую армию и заворачивая свой фронт на запад. А во время этого захождения левый фланг его естественно столкнулся с фронтом Фоша.

Дальнейшим парадоксом является то, что хотя Фошу и было приказано примкнуть к общему контрнаступлению, а он наверно отдавал повторные приказы об атаке, в действительности войска его исключительно оборонялись.

В 1 час 30 мин. ночи 6 сентября Фош получил знаменитый приказ Жоффра об общем наступлении. В отличие от других армий он получил этот приказ во-время и был в состоянии выполнить поставленную ему задачу, которая заключалась в прикрытии фланга наступления Франшэ-д'Эсперэ посредством удержания южного края болота у С.-Гонд. Войска его были утомлены и сильно потрепаны тяжелым отступлением. Германцы, подойдя к северному краю болота, неожиданно обнаружили, что болото это возможно пересечь только по узкой гати. Вследствие этого их робкая атака и запоздалая попытка обойти болото стороной вызвали бесцельную трату времени и не привели ни к каким результатам. 7 сентября их атака восточнее болота была сломлена огнем французской артиллерии. Тогда было решено, что единственным средством продвинуть наступление является штыковой удар, организованный на рассвете. Этот удар захватил врасплох правый фланг Фоша, и он быстро подался. К счастью, германцы не развивали успеха с той же быстротой, почему им удалось захватить только часть терзавшей их артиллерии. Даже в таком виде обстановка была весьма серьезной, и Фош просил о помощи. Франшэ-д'Эсперэ одолжил один корпус, чтобы поддержать его левый фланг, а Жоффр послал другой, чтобы заполнить зияющий теперь разрыв на его правом фланге.

9 сентября германцы, встречая слабое сопротивление, продолжили наступление против правого фланга Фоша, причем оно развивалось довольно успешно. Незадолго до 2 час. ночи оно было приостановлено вследствие получения ставшего теперь знаменитым приказа Бюлова об общем отступлении. Германцы отошли, не встречая при этом никаких помех. Их отход не был даже замечен французами. Чтобы справиться с положением, создавшимся ранее на его фронте, Фош снял 42-ю дивизию с своего левого, не подвергшегося нападению, фланга и перебросил ее поперек фронта на правый фланг. Дивизия эта прибыла к тому времени, когда германцы уже снялись. Орудия ее могли только послать свои снаряды вслед исчезнувшему противнику.

Все это совершенно не вяжется с популярной легендой о решающем контрударе дивизии по флангу прорыва германцев.

В нашем обзоре фронта сражения мы теперь вернулись назад к решающему западному флангу. Сосредоточим наше внимание на различных штабах за линией фронта германцев и рассмотрим преобладавшие во время отступления германцев колебания во мнениях.

Главное командование вернулось 30 августа назад в Люксембург, куда оно перебралось из Кобленца, и располагало для связи

с армиями только радио, дополнением к которому служили случайные визиты офицеров штабов, приезжавших на автомобилях. Не было организовано регулярной связи с армией посредством автомобилей и мотоциклов. Связь по радио страдала не только от траты времени на зашифровку и расшифровку документов, но ей мешала также и работа Эйфелевой башни в Париже. Поскольку командующие армиями, верные традициям 1870 г., сосредоточивали все в своих руках, ревниво управляя войсками, донесения поступали скупо и с опозданием, за исключением тех случаев, когда командующие могли доносить об успехе. Тогда донесения бывали раздуты. В течение всего кризиса сражения, с 7 по 9 сентября, с фронта не поступило ни одного более или менее значащего донесения, и даже к 12 сентября Мольтке не имел представления о случившемся с армией Клука и о том, где эта армия находится. Быть может, эта неосведомленность и не имела существенного значения. Ведь отметил же тогда Фалькенгайн (5 сентября) в своем дневнике, когда он был в Люксембурге как военный министр: «Можно быть уверенным только в одном — наш генеральный штаб совершенно потерял голову. Заметки Шлиффена больше не помогают; в итоге — сообразительности Мольтке пришел конец».

Более того, Мольтке даже примирился с поражением. Уныние, царившее в Люксембурге, ясно рисует тот факт, что когда 8 сентября подполковник Хенч выехал, исполняя поручение Мольтке, для посещения всех пяти армий, действовавших западнее Вердена, ему были даны безграничные полномочия для согласования отступления «в случае, если начался отход». Хенч нашел, что отход еще не начался потому, что в штабах 5-й, 4-й и 3-й армий к нему отнеслись недоверчиво. Проезжая, он провел ночь с 7-го на 8-е с Бюловым и здесь увидел такое отчаянное настроение, что утром, уезжая, он по крайней мере мог быть уверен в одном, что приказы для отступления будут скоро даны. 9 сентября в 9 час. утра донесения летчиков сообщили Бюлову, что шесть колонн противника (пять британских и одна французской конницы) приближаются к Марне и таким образом входят в разрыв между германскими армиями. В 11 час. утра Бюлов отдал приказы для отступления армии, назначив отход на 1 час дня и поставив Клука в известность о своих действиях.

Хенч, задержанный в пути заторами на дорогах, добрался до штаба Клука после полудня. Там, согласно его свидетельству, он, увидев, что приказы для отступления уже отданы и утверждены, только добавил направление отхода на северо-восток. Но начальник штаба Клука Куль утверждает, что эти приказы являлись ошибкой одного из его подчиненных и что он просто приказал оттянуть несколько назад свой левый фланг, так как британцы почти надвинулись на него. Далее он говорит, что Хенч, учитывая положение армии Бюлова, приказал ему отступить; но Хенча нет в живых, чтобы это опровергнуть. Однако, факты (отступление началось в 2 часа дня, пути отхода были уже очищены, и ни Куль, ни Клук не позаботились попросить письменного приказания Хенча) скорее подтверждают свидетельство Хенча, по-

казывая, насколько сильно было стремление обоих срочно отступить. Куль все же признал, что вероятно прорыв британцев и Франшэ-д'Эсперэ делал отступление неизбежным. Благодаря же проникновению британцев армия Клука должна была отступить в северном направлении, ничем не заполнив разрыва.

* * *

Наиболее любопытным из многих происшествий на Марне является случайное воспроизведение точной схемы наполеоновских сражений, — схемы, которую Наполеон неоднократно проводил в жизнь и которая, как полагает генерал Камон, всегда была в его голове. Характерные черты этой схемы следующие: в то время как противник сковывается с фронта, против одного из его флангов проводится маневр, который сам по себе не должен быть решающим, но который должен подготовить возможность нанесения решающего удара. Угроза охвата заставляла противника, предупреждая охват, вытягивать свой фронт и тем самым приводила к слабости одного из стыков, против которого и развивался решающий удар.

На Марне Галлиени вызвал это вытягивание фронта, а британцы прорвали стык. Схема эта была воспроизведена точно, хотя и бессознательно.

Таким образом, мы ясно видим, что продолжавшийся 5 сентября отход британцев и их медленное наступление 6 и 7 сентября в стратегическом отношении имели громадное значение. В данном случае действовали бессознательно, а Наполеон сделал бы это нарочно. Если бы «решающий» удар британцев разразился раньше, стык не был бы еще ослаблен, потому что фактически снятие оттуда двух последних корпусов Клука Бюлов отсрочил до 8 часов утра 8 сентября. А то обстоятельство, что удар армии Монури был окончательно сломлен, хотя эти два корпуса к нему еще и не подошли, — достаточное доказательство того, что удар армии Монури сам по себе не мог привести к решению.

Все же продолжавшаяся медлительность британцев 8, 9 и 10 сентября была полным отрицанием схемы Наполеона. И это оказалось роковым для возможности превратить отступление германцев в полный разгром. Тем самым была подготовлена почва для четырех долгих лет позиционной войны. Частично медлительность эта была вызвана последовательным рядом водных преград. Но в большей мере она обязана отсутствию инициативы и неудовлетворительному руководству английского командования. Сэр Джон Френч, видимо, мало доверял плану операции и еще меньше полагался на своего союзника. В соответствии с этим он скорее топтался на месте, чем стремился ускорить свое движение. Кроме того большую часть конницы он ставил на своем правом фланге и даже позади него как связь со своим соседом французом, а не в голове своих сил для преследования. Только 11 сентября конница была по-настоящему брошена в преследование.

Хотя наступление Франшэ-д'Эсперэ было еще медленнее, но он по крайней мере имел перед собой и на правом фланге не пустое

место, а Бюлова, хотя и у него перед левым флангом дорога была совершенно свободна.

Следующая причина задержки лежит в тактике наступления. Старая идея выравнивания фронта все еще продолжала господствовать (фактически она держалась до 1918 г.). В итоге, когда какой-нибудь корпус или какая-нибудь дивизия задерживались, то ради поддержания единообразного темпа наступления останавливались и соседи их. Британцы и французы слепо придерживались такой тактики. Лишь в 1918 г. им пришлось понять, насколько глубоко они заблуждались. Германцы же прибегали к естественным безыскусственным методам действий.

Быть может победа оказала бы более решительное влияние на сокращение срока войны, если бы ее создатель не был с самого начала отстранен от руководства операцией. Жоффр, ограничив мощь удара Галлиени, воспользовался первой возможностью, чтобы лишить его права руководить операцией. Уже 4 сентября Жоффр сообщил Галлиени, что он берет на себя непосредственное руководство армией Монури, предоставив Галлиени в Париже терзаться, видя как плоды победы ускользают из рук его туго соображающего начальника. В течение всего сражения основным замыслом Галлиени было направление всех резервов на север — к тылам противника, хотя Жоффр неоднократно ему это срывал. Теперь, с устранением Галлиени, наступление приобрело чисто фронтальный характер, позволив германцам передохнуть, перераспределить свои силы и крепко обосноваться на рубеже р. Эн. Только тогда (17 сентября) Жоффр сообразил, что, пожалуй, следует сосредоточить по железной дороге свежую группу войск за германским флангом для проведения нового маневра охвата. В результате операции, называемой «бег к морю», французы всегда оказывались «или слабее на один корпус, или опоздавшими на сутки», пока наконец фронт позиционной войны не вытянулся до самого моря.

Но это не являлось единственным пробелом в стремлении использовать временный беспорядок и нерешительность, господствовавшие за линией фронта германцев. Печальный приговор генерала Эдмонда, официального английского историка, гласит:

«Если бы часть 14 британских территориальных дивизий и часть 14 конных бригад вместе с 6-й дивизией, все еще остававшейся в Англии, высадились на побережье канала и ударили по коммуникациям и тылу германцев, мог быть достигнут решающий тактический успех, и война была бы закончена».

Часто задавался вопрос, удалось ли бы избежать застоя позиционной войны, если бы Франция обладала Наполеоном? Хотя безграничная оборонительная мощь современного оружия и неповоротливость масс 1914 г. склоняют чашу весов скорее в пользу подвижности и решительности маневра, но вмешательство Галлиени наводит на сомнения. Галлиени не только проявил одну из сторон «наполеоновской» проницательности (о чем свидетельствует Западный фронт 1914—1918 гг.), но его интуиция, смелость его маневра и его быстрота принятия решений так резко

отличаются от тех же качеств других французских, британских и германских командиров, что невольно приходишь к утверждению, что, пожалуй, можно было из цепких лап позиционной войны вырвать при помощи маневра решение раньше, чем воякам-профессионалам удалось бы затереть талантливого артиста.

Гипотеза эта подкрепляется тем фактом, что влияние Галлиени проводилось в самых неблагоприятных условиях.

Управление крепостью стеснено рядом правил и ограничений, которые предписывали чисто оборонительные действия и даже давали право коменданту крепости отказывать в поддержке полевым армиям, сужая его горизонт до непосредственной ответственности за защиту крепости. Можно считать только насмешкой судьбы, что главнокомандующий всеми полевыми армиями пользовался старыми методами действий осадной войны, а комендант крепости наметил и организовал самый решающий на всем протяжении войны маневр.

Позднее он полуиронически, полуогорченно заявил:

«Вовсе не было сражения на Марне. Инструкции Жоффра приказывали отойти к Марне и эвакуировать Верден и Нанси. Саррайль не послушался: он спас Верден; Кастельно держался за Гран-Куронне,— он спас Нанси. Я организовал наступление. А теперь утверждают, что главнокомандующий, отошедший далеко назад, когда я наступал,— руководил, предвидел и устроил все это... Трудно этому верить»...

Наиболее верна первая фраза: «Вовсе не было сражения на Марне». Не было также в 1870 г. и «сражения» под Седаном. Безумие Мак-Магона при столкновении с первым Мольтке уравновешено и даже превзойдено безумием второго Мольтке, испугавшегося только призрака.

2. Легендарное сражение «Танненберг»

(Схема 2)

Подобно Марне, известная великая германская победа под Танненбергом является памятником не менее памятных ошибок.

Первая и наиболее популярная из легенд рисует романтическую картину отшельника-генерала, посвящавшего в годы своей отставки все свое время любимому коньку — разработке гигантской западни будущему вторжению русских, изыскивая тропинки сквозь болота и изучая глубину дна тех болот, которые должны были поглотить русские орды. Когда настала война, он свои мечты претворил в жизнь.

Следующая легенда, возникшая тогда, когда тень Людендорфа выросла за фигурой Гинденбурга, говорила о мастерском плане вторых Канн, задуманном и продиктованном в поезде, когда Людендорф по дороге в Восточную Пруссию ехал подбирать своего начальника. История, увы, должна рассеять все эти легенды.

Германцы — народ по преимуществу комбинаций — нашли своего Галлиени в сочетании ума молодого штабного офицера и опыта старого корпусного командира. А им в свою очередь много

помогло то, что русские командиры оказались способны сочетать в себе недостатки и Мольтке и Жоффра.

Человек, на котором в значительной степени лежала ответственность за эту необдуманную операцию, был ответствен также за неудачное вторжение в Восточную Пруссию и за то, что оно было сделано прежде, чем русские были к этому готовы. Это был генерал Жилинский, начальник русского генерального штаба до 1914 г. Это он заключил военную конвенцию с Францией, согласно которой Россия обязывалась на 15-й день мобилизации выставить армию в 800 000 человек. Это обязательство явилось непосильным напряжением для громоздкой русской военной машины. Когда она начала работать, она стала трещать по всем швам, вызывая многочисленные срывы и местные неудачи. Явилось это также слишком сильным напряжением и для русского главного командования. В итоге оно принимало решения в состоянии повышенной нервности и волнения.

Но конвенция не кончалась одним этим обещанием. Новый план предвидел также и наступление против германцев — наступление, проводимое одновременно с главным ударом, развиваемым против Австрии.

Как нарочно, чтобы увеличить ошибки, план этот должен был проводиться в жизнь не теми, кто его разработал и кто военным министром генералом Сухомлиновым был лишен даже возможности исподволь оказать на этот план какое-либо влияние. Сухомлинов без сомнения сам метил в главнокомандующие. Но и он был не один среди тех, кто был уверен в своих гениальных способностях как командира. А соперником его оказался помазанник божий. Когда вспыхнула война, царь, к смятению и тревоге всех министров, предложил взять командование на себя. Затем царь с сожалением уступил настояниям министров и назначил главнокомандующим великого князя Николая, который по крайней мере прошел школу солдата; царь все же ограничил его назначением к нему двух помощников.

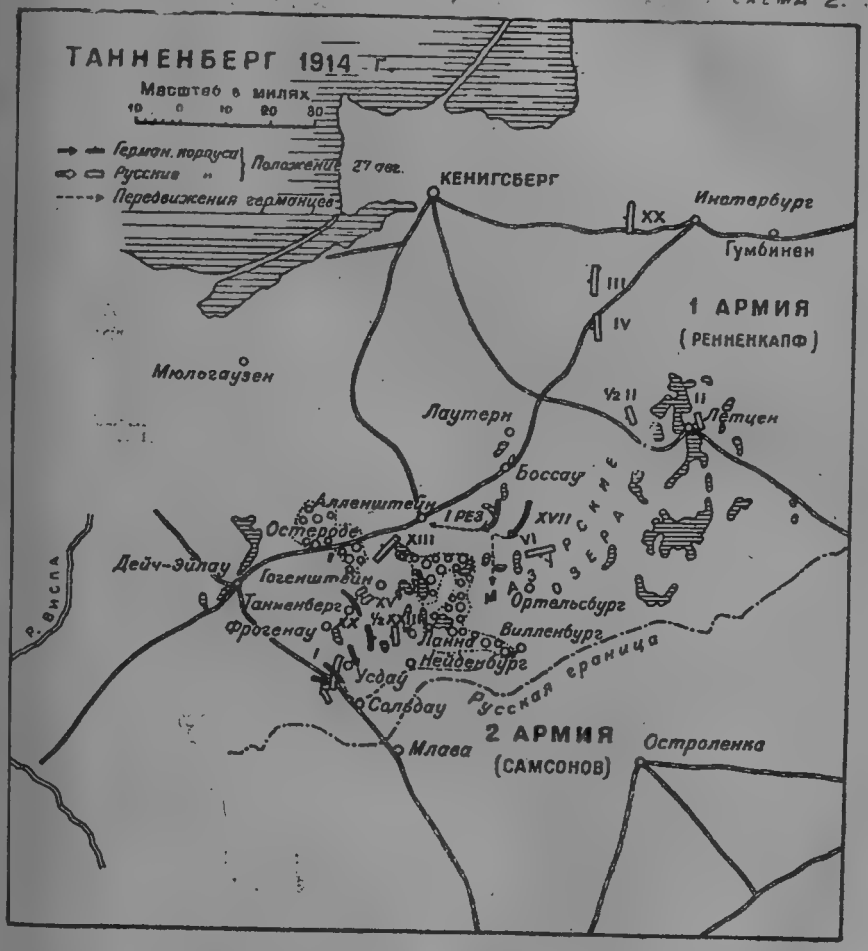
Один из них — Янушкевич — был придворным генералом, не пользовавшимся популярностью в действующей армии. Другой — Данилов — был способным, но действовавшим по-старинке солдатом. Он-то фактически и руководил русской стратегией.

Начиная с первых дней августа, французы через русское министерство иностранных дел требовали все время от великого князя, чтобы он что-нибудь сделал, облегчив этим «что-нибудь» нажим германцев на французов, и требовали сделать это быстро. Вторжение русских в Восточную Пруссию, хотя и не началось ранее обещанного срока, все же началось раньше, чем русские были к этому готовы.

Восточная Пруссия представляла собой длинный кусок земли, пересекавший Неман и вдававшийся в Россию. С севера Восточная Пруссия ограничена была Балтийским морем, а с юга — русской Польшей. Вдоль длинной границы сосредоточивались две армии: 1-я, или Виленская, армия под начальством Ренненкампфа, и 2-я, или Варшавская, армия под начальством Самсонова. Обе эти армии составляли группу, начальником которой являлся Жи-

линский. План Жилинского был таков: Ренненкампф наступает в восточную часть Восточной Пруссии, притянув к себе этим германские силы, а два дня спустя Самсонов пересекает южную границу и ударяет по тылу германцев, отрезав их от Вислы. Ошибка этого плана лежала не в замысле, а в выполнении. Потенциальная ценность этого была вполне доказана тревогой и расхождением

СХЕМА 2.



во мнениях, вызванными в штабе германцев, когда угроза эта была разгадана. Указанный план, не говоря уже о недостатках управления и негодности русских сил, страдал от двух естественных препятствий. Первое препятствие заключалось в том, что обе армии были разделены цепочкой Мазурских озер, тянувшихся на 50 миль. Эти озера, в соединении с укрепленным районом крепости Кенигсберг, сузили фронт наступления Ренненкампфа до пространства шириной всего около 40 миль. Во-вторых, вторже-

ние русских с юга затруднялось тем, что приграничная полоса намеренно, как препятствие против вторжения германцев, была оставлена русскими пустынной, где железных дорог было очень мало, а грунтовые дороги были очень плохи.

С первых дней августа великий князь Николай Николаевич находился под непрестанным давлением союзника — Франции.

17 августа Ренненкампф перешел восточную границу 6½ пехотными дивизиями и 5 кавалерийскими дивизиями. Проблема отражения такого двойного удара изучалась с давних пор. Решением Шлиффена было использовать естественные препятствия местности, главным образом Мазурские озера, для решительного и мощного удара по одной из русских армий, подошедшей первой, и затем обратиться против второй армии. Но Притвиц, командующий германской армией в Восточной Пруссии, напоминал своего начальника Мольтке в боязни итти на сознательный риск. Опасаясь положиться на ландвер и на гарнизонные войска для усиления ими естественных препятствий и для задержки Самсонова, он на южном фронте оставил еще две дивизии XX корпуса (Шольтц). Остальные части 8-й армии — 7 дивизий пехоты и 1 кавалерийская дивизия — сосредоточились, чтобы отразить удар Ренненкампфа. А для того чтобы, как нарочно, затруднить свою задачу и заранее лишить себя возможности добиться быстрых и решительных результатов, Притвиц повел против русских фронтальное наступление. Получилось это так из-за ошибочного представления о занимаемой русскими позиции.

Бой был дан под Гумбинненом 20 августа. Германскому корпусу центра (XVII, Макензен) пришлось вести атаку прямо в лоб русским. Результатом явился мощный контрудар, который морально повлиял и на успех, достигнутый корпусами, наступавшими на флангах. Несмотря на все это, Ренненкампф был уже готов отдать приказ об отступлении, спасая свой центр от охвата, когда на следующее утро он убедился, что вместо него отступили сами германцы.

Дело заключалось в том, что в день Гумбиннена Самсонов подошел к границе. Однако, он так спешил, подхлестываемый телеграммами Жилинского, что войска его были утомлены и голодны, обозы не в порядке и не в полном составе, а тыл — в полном хаосе. С ним подошло 8 дивизий пехоты и 3 кавалерийских дивизии. Еще две дивизии шли позади.

XX корпус донес Притвицу о появлении армии Самсонова, причем силы русских были скорее недооценены, чем переоценены. Притвиц был взволнован этими новостями, хотя XX корпус был вполне спокоен. В этот вечер два работника штаба армии Притвица, ген. Грюнерт и подполк. Макс Гофман, беседовали после окончания работы, выйдя из штаба (который стоял тогда в Нейденбурге, чрезвычайно близко к южной границе). Внезапно появился Притвиц и позвал их в штаб. Там был и начальник штаба Вальдерзее (тоже нерешительный человек). Притвиц, явно взволнованный, сказал: «Я полагаю, господа, вы тоже получили свежие новости с южного фронта. Армия выходит из боя и отступает за Вислу».

Оба младшие работника штаба протестовали, говоря, что ранее надо закончить Гумбинненский удар, что для этого в распоряжении достаточно времени и что во всяком случае поспешное отступление без боя позволит Самсонову (он был значительно ближе к Висле) отрезать главные силы германцев. Притвиц все же холодно заявил, что решение им принято окончательно, а остальное — не их дело, и что решает он, а не они. Затем он покинул штаб, оставив обоих офицеров спорить с Вальдерзее. Им удалось даже убедить его пойти на менее крайние меры. Было решено для выигрыша времени и места организовать наступление против левого, или западного, фланга Самсонова.

С этой целью с Гумбинненского фронта должны были быть сняты три дивизии и переброшены по железной дороге для усиления XX корпуса, а остальные оставшиеся там еще части (I резервный и XVII корпуса) должны были отступать на запад походным порядком. Этим решением была заложена основа для Танненбергского маневра.

Вернувшись в штаб, Притвиц согласился с этими изменениями первоначального решения и больше не заговаривал об отступлении за Вислу. На следующий день он проявил даже некоторую жизнерадостность и уверенность, когда получились известия, что под Гумбинненом войска отступили благополучно и что Самсонов почти остановился. 22 августа, когда штаб перешел севернее — в Мюльгаузен, телеграмма, которой сообщалось, что в пути — специальный поезд, везущий нового командующего армией и нового начальника штаба, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Командующим был ген. Гинденбург, начальником штаба — генерал Людендорф. Полчаса спустя пришла задержавшаяся телеграмма, уведомлявшая Притвица и Вальдерзее об их замене.

Только позднее изумленный штаб раскрыл причины такой трагической смены. Дело заключалось в следующем: в то время как Притвиц ушел из штаба, он не только позвонил по телефону Макензену и другим командирам корпусов, сообщив им, что он собирается отступить за Вислу, но позвонил также главному командованию (тогда в Кобленце на Рейне). Он сообщил даже Мольтке, что рубеж Вислы ему удастся удержать, лишь получив подкрепления. В довершение своего безумия, вызванного потерей самообладания, он, вернувшись, позабыл сообщить своему штабу об этой беседе и тем самым исключил возможность предупреждения ими Мольтке о принятых изменениях.

Мольтке, которому вскоре самому суждено было потерять самообладание и предаться пессимизму, теперь поспешил принять нужные меры, чтобы быстро пресечь эти настроения у подчиненного.

Он немедленно стал озираться в поисках решительного человека и остановился на Людендорфе, только-что вырвавшем победу под Льежом и предотвратившем вероятное поражение. Затем как нечто второстепенное, что вначале было упущено из вида, он выбрал Людендорфу командующего. Людендорф был вызван в Кобленц, куда он и прибыл 22 августа. Там ему разъяснили

создавшуюся в Восточной Пруссии обстановку, и он отправил свои первые приказы непосредственно командирам корпусов армии Притвица, сел в поезд, отправлявшийся за его «новым командующим», и в Ганновере подобрал своего «командующего» Гинденбурга.

Задержимся на минутку, чтобы рассмотреть этот восхитительный и любопытный образчик германской системы управления. Первым выбирают начальника штаба и с ним одним совещаются, а руководящая фигура — командующий — ждет в Ганновере, предоставленный самому себе,— с ним и не думают встретиться и посоветоваться. Начальник штаба раньше отдает по телефону свои приказы, а затем уже собирает попутно свои вещи. Иронией судьбы, однако, было то, что план операции оказался уже намеченным, а необходимые для этого передвижения уже приказаны значительно более молодым офицером генерального штаба — Гофманом, которому суждено было и при Людендорфе остаться в штабе во главе оперативного управления.

Более того, расчетливая дерзость этого плана обязана более раннему опыту Гофмана. Шлиффен, гениальный провидец, выбрал этого чертовски блестящего молодого капитана, которого многие считали просто остроумным бездельником, и послал его наблюдателем к японской армии в войну ее с Россией.

Здесь он многое узнал о русской армии; узнал он среди прочего и историю того, как два генерала — Ренненкампф и Самсонов — крупно поссорились на платформе железной дороги в Мукдене, причем дело чуть не дошло до оскорблений действием. Поэтому он полагал, что вряд ли Ренненкампф будет спешить, развивая свой натиск от Гумбиннена, чтобы помочь Самсонову. В Манчжурии познакомился он также с недопустимой беспечностью действий русских, и знание этого позволило ему в августе 1914 г. считать подлинными перехваченные по радио приказы русских, передававшиеся незашифрованными. Между тем все его подчиненные не доверяли тогда этим приказам и склонны были скорее смотреть на них как на искусную ловушку.

Кажется парадоксом, но на самом деле проведение в жизнь плана Гофмана и его развитие Людендорфом было заторможено первоначальными приказами самого Людендорфа. Чтобы пресечь в корне влияние Притвица, Людендорф протелефонировал из Кобленца непосредственно командующим корпусами и приказал им действовать до прибытия нового командующего самостоятельно. На фронте Ренненкампфа I резервный и XVII корпуса использовали это право для дневки и прекратили свое отступление на запад. Другой помехой в быстроте развития операции было то, что весь штаб 8-й армии должен был отправиться назад в Мариенбург и там встретить новое командование.

Прибыв туда 23-го числа, Людендорф приятно был удивлен тем, что движения войск производятся в соответствии с планом, полусложившимся у него в голове, и он утвердил распоряжения Гофмана. На следующий день выяснилось, что Ренненкампф не перешел в преследование, и Людендорф расширил план, ускорив отступление I резервного корпуса (Белов), с тем чтобы корпус

этот мог ударить по правому флангу Самсонова. Затем 25 августа перехваченные русские радиодонесения указали ему на медлительность Ренненкампфа, и Людендорф начал думать о том, что он сможет использовать также и XVII корпус (Макензен), оставив против Ренненкампфа (для наблюдения за ним) только кавалерийскую завесу. Таким образом он сможет сильно ударить не только по одному, но по обоим флангам Самсонова и провести решающий двойной охват. Упущенное время (дневки) к несчастью для лелеемого им теперь плана нельзя было наверстать и форсированными маршами.

В это время Самсонов двигался вперед, подгоняемый телеграфным подхлестыванием Жилинского, который вбил себе в голову, что германцы делают то, что предполагал Притвиц, т. е. отступают к Висле. Подгоняя Самсонова, чтобы он отрезал германцам путь отступления, Жилинский не только позабыл подогнать Ренненкампфа, но даже отвел его, приказав осадить Кенигсберг. В это время армия Самсонова растянулась на 60 миль по фронту, а его правый фланг, центр и левый фланг были разорваны широкой полосой преград. Если бы войска обладали подвижностью, это было бы преимуществом. Но с частями, тяжело волочившими ноги, и при плохих дорогах это стало большой опасностью. А попытка к углублению на территорию врага по мере наступления на запад, разрывая армию на части, вела к самоуничтожению.

XX корпус Шольца медленно отходил перед наступавшим центром русских (XIII и XV корпуса), заворачивая на запад к рубежу Алленштейн—Остероде. Опасаясь как утомления, так и влияния дальнейшего отступления, Людендорф приказал I корпусу Франсуа 26 августа атаковать у Усдау и прорвать левый фланг русских (I корпус и 2 кавдивизии). Франсуа возражал, что часть его войск, три четверти полевых орудий, все тяжелые орудия и колонны с боевыми припасами еще не прибыли; он предлагал вместо фронтальной атаки произвести охват фланга русских. Людендорф отклонил эти возражения. Быть может, ради выигрыша времени, Людендорф жертвовал тактическим успехом. Но Франсуа вовсе не хотелось повторить опыт Макензена под Гумбинненом. Он уклонился от активного сопротивления русским, прибегнув к пассивному противодействию приказам Людендорфа и ограничившись захватом только близкого рубежа. XX же корпус Шольца избежал опасности благодаря бездействию измученных войск Самсонова: например, один корпус в 12 дней прошел более 150 миль по дорогам, которые большей частью были покрыты глубоким песком.

Но 26 августа все же не прошло без серьезных боев. Далеко на другом фланге правое крыло русских (VI корпус и кавдивизия), отделенное двухдневным переходом от остальных частей армии, встретило близ Лаутерна два германских корпуса (следовавших с Восточного фронта назад). Правое крыло русских было отброшено в беспорядке, но атаки Белова и Макензена производились почти без всякого взаимодействия, а войска были измотаны форсированными маршами; поэтому преследование орга-

низовано не было. В итоге правое крыло русских, хотя и дезорганизованное, смогло благополучно отойти.

Все же некоторые дивизии были прижаты спиной к озеру Боссау, причем в панике часть бойцов утонула. Из этого частного эпизода выросла легенда, будто бы Гинденбург завлек армию Самсонова в озера и болота, потопив тысячи.

Действительный кризис всего сражения наступил 27 августа. В это утро Франсуа, теперь в изобилии снабженный снарядами, открыл зверскую бомбардировку левого фланга русских под Усдау. Русские войска не выдержали на голодный желудок действия тяжелой артиллерии германцев и обратились в бегство, не ожидая даже появления германской пехоты. Франсуа отдал приказ о преследовании русских в направлении на Нейденбург, чтобы пройти по тылам центра русских. Но контратака русских по его внешнему флангу заставила его повернуть к югу против Сольдау. На рассвете 28 августа он обнаружил, что разбитый левый фланг русских поспешно отошел от Сольдау за границу, и он вновь повернул свои войска на восток к Нейденбургу.

Время, упущенное 27 августа, было компенсировано тем, что русские, на свою погибель, продолжали углубляться на запад. Хотя Самсонов еще накануне ночью знал, что правый фланг его разбит, а левый находится под ударом, он все же приказал центру армии продолжать наступление на север. Его можно обвинить в излишнем оптимизме. Объяснить его действия можно двояко: или он считал своим долгом слепое выполнение приказа, стараясь во что бы то ни стало справиться с поставленной ему задачей, или же он не хотел отступать, когда Ренненкампф, старый его враг, наступал. Наступление это вероятно спасло Самсонова от возможного тяжелого удара, так как Шольц имел приказ Людендорфа вмешаться в бой после атаки, развиваемой Франсуа.

Центр русских вызвал несколько трещин в фронте Шольца, хотя этого добились ценой крайнего напряжения войск. Эти трещины, видимо, на мгновение надломили самообладание Людендорфа, заставив трещать и его нервы, потому что он приказал Франсуа послать Шольцу подкрепления, а с остальными частями корпуса двинуться на северо-восток к Ланна, чтобы ударить по тылам центра русских. Это направление вело через густые леса и давало Франсуа меньше времени и возможностей отрезать русским путь их отступления. К счастью, он вновь не обратил внимания на этот приказ и продолжал преследование в направлении Нейденбурга.

Вскоре после полудня Людендорф обнаружил, что русские не только не пытаются расширять и углублять трещины на фронте Шольца, но, видимо, отступают. Поэтому он послал Франсуа новый приказ: не только двигаться на Нейденбург, но и, пройдя его, итти на восток к Вилленбургу. В ночь на 29 августа части корпуса Франсуа цепью окопавшихся постов удерживали дорогу от Нейденбурга в Вилленбургу, образовав таким образом преграду поперек пути отступления русских. Русские поспешно бежали теперь через густые леса, которых удачно избежал Фран-

суа, и в этих лесах совершенно перемешались. Русский центр (XIV, XV и половина XXIII корпуса) был отрезан от тыла, а пути его отступления были прегражены. Фактически его больше не существовало. Он превратился в толпу голодных и измученных людей, беспорядочно и слабо пробивавшихся сквозь огневое кольцо германцев и тысячами сдававшихся в плен.

В последней сцене этой трагедии играл сам Самсонов. 27 августа он выехал из Нейденбурга, чтобы самому взять на себя управление боем, но уже ничего не смог сделать, и сам был захвачен водоворотом отступления. Не будучи в состоянии чем-либо помочь, он повернул обратно на юг 28 августа и, пробираясь верхом сквозь густые леса, заблудился. В темноте он отошел в сторону. Отсутствие его штабом не было замечено, пока близко не раздался отдельный выстрел. Самсонов лишил себя жизни, не желая пережить поражения своей армии.

Но когда он умирал, поражение еще не было так велико, как велико было его отчаяние, да оно и не было еще безусловным. Если бы центр русских оказался в состоянии реорганизоваться и попытаться энергично прорваться, быть может попытка эта увенчалась бы успехом. Дело в том, что преграда Франсуа была тонка, и ему самому угрожала опасность извне. Угроза эта была в лице I корпуса Артамонова, который после своего поражения под Усдау и отступления за границу, теперь был усилен свежими частями и шел на спасение Самсонова. Донесения летчиков еще 29 августа предупреждали Франсуа о грозившей ему опасности, но он стойко отказался снять свою «блокаду», хотя и выделил столько сил, сколько представлялось возможным, чтобы у Нейденбурга задержать наступление русских. Даже и при этом 30 августа город пришлось отдать, но Людендорф уже слал подкрепления, а Артамонов, почти ничего не сделав, чтобы развить свой успех, 31 августа вновь отошел к югу.

Все же причина слабости Франсуа, позволившей части армии Самсонова избежать охвата, заключалась в том, что Макензену и Белову не удалось с востока присоединиться к Франсуа. Поэтому преграда и не была ни столь крепка, ни столь плотна, как это следовало бы.

Вследствие неудовлетворительного взаимодействия Макензена и Белова, а также отсутствия четкого руководства сверху, корпуса их прекратили преследование правого фланга русских и повернули на север против Алленштейна, двигаясь по истинно германской привычке «на выстрелы», вместо того чтобы, подобно Ганнибалу, захлестнуть петлю вокруг арьергарда противника.

Людендорф, терзаемый боязнью наступления Ренненкампфа и желанием уничтожить Самсонова, отдавал ряд противоречивых приказов, которые не могли помочь выйти из неразберихи. Его приказы не могли распутать ту кашу, которую заварили Макензен и Белов. В итоге он больше рисковал и меньше выигрывал. Он слишком медленно сжимал клещи охвата и оставил на юго-востоке разрыв, через который фактически и ускользнула часть русского XIII корпуса. Ускользнул бы, пожалуй, и весь корпус, если бы не Макензен, который по личной инициативе повер-

нул вновь на юг, чтобы закрыть этот разрыв, а также если бы русские не были настолько ослеплены и не обезумели от паники.

Все же было захвачено 92 000 пленных, уничтожено два с половиной корпуса, а другая половина армии Самсонова сильно потрясена, особенно морально. Учитывая случайности войны и трудности, сопряженные с действиями в малокультурной области, победу под Танненбергом можно считать великим достижением, как оно и было в истории войны, но не Людендорф привел к победе, задумав эту операцию, и еще в меньшей степени Гинденбург. Замыслом этой операции обязаны главным образом Гофману. Притвиц и Людендорф по очереди разделяют честь принятия его плана, а Людендорф заслуживает еще благодарности за некоторое развитие этого плана. Нельзя также приписывать Людендорфу главную роль в успешном проведении этой операции. Здесь основная заслуга приходится на долю Франсуа.

А против Людендорфа может быть выставлен тот факт, что его первая телеграмма из Кобленца была первой и решающей причиной срыва полного окружения армии Самсонова.

Танненбергское сражение не было, как это иногда утверждают, заранее подготовленными и разработанными Каннами. Целью этой операции было сломить силы русских и не допустить их вторжения; а идея двойного охвата явилась только впоследствии и стала возможной лишь тогда, когда выяснилось, что Ренненкампф продолжает оставаться пассивным. Идея эта пришла позднее, равно как и мысль дать такое название победе. Приказ Людендорфа о преследовании на 28 августа был помечен «Фрогенау». Гофман сказал ему, что он сможет легко смыть с Германии позорное пятно, пометив приказ названием находившегося впереди города — «Танненбергом», где в 1410 г. были разбиты на-голову тевтонские рыцари.

ГЛАВА IV

1915 г.—ЗАСТОЙ

Еще до конца 1914 г. правительства и генеральные штабы враждебных сторон поняли, что операции на Западном фронте не приводят к решению и что наступило какое-то состояние безвыходности, причем каждая сторона старалась найти выход из создавшегося положения. Реакция была различной как по форме, так и по характеру, в зависимости от силы, ума и предрасположений различных авторитетов. В Германии решающим было мнение Фалькенгайна. При знакомстве не только с критиками Фалькенгайна, но и с его личными работами создается впечатление, что ни мнение это, ни его руководство не отличались точной целеустремленностью, а он сам не отдавал себе ясного отчета, что же именно надо делать.

Фалькенгайн, назначенный после отхода от Марны на место Мольтке, в основном как-будто придерживался плана Шлиффена, ища решения на Западе. Но он не последовал рекомендуемому Шлиффеном способу — ослабить свой левый фланг с целью сосредоточить на решающем правом фланге мощный кулак. Действительно, осенняя атака под Ипром была проведена, главным образом, сырыми, необстрелянными соединениями. Между тем закаленные уже в боях войска почти бездельничали, стоя между р. Эн и Вогезами. Полковник Гренер, начальник полевых сообщений, правильно оценивал обстановку. Он зашел даже так далеко, что представил Фалькенгайну подробно разработанный им план переброски шести армейских корпусов на правый фланг. Но план этот был отвергнут. Если вспомнить, как близок был к гибели британский фронт под Ипром, остается только сказать, что германское главное командование вторично спасло союзников.

При подобной же конъюнктуре и Людендорф просил подкреплений близ Лодзи, чтобы придать силу своему удару, вклинявшемуся во фланг русских. Но Фалькенгайн упустил и эту возможность, оттягивая высылку подкреплений, пока неудача под Ипром не сделалась фактом.

Неохотно отказавшись от новой попытки прорвать сеть окопов на западе, Фалькенгайн, видимо, колебался, что же предпринять дальше. Убеждение, что война должна быть раньше решена во Франции, привело его к недооценке и сомнениям в возможности добиться решения на востоке. Действительно, понимая, что восточный фронт является единственно возможным театром операций на ближайшее будущее, он до тех пор задерживал необходимое подкрепление этого фронта, пока его к этому не вынудила угрожавшая обстановка на австро-венгерском фронте. И даже тогда он подавал эти подкрепления как милостыню — неохотно и скупо — в количестве, достаточном, чтобы обеспечить успех, но недостаточном (или слишком поздно), чтобы привести к решающей победе.

Все же надо отдать должное Фалькенгайну. Он понял, что неизбежна долгая война, и в соответствии с этим принялся за работу, развивая силы и возможности Германии, чтобы выдержать стратегию измора. Техника полевых укреплений была доведена до более высокого уровня, чем в любой из других армий; была создана сеть военных железных дорог и расширена существовавшая в целях перевозки резервов в тылу фронта; пополнение огнеприпасов и добыча сырых материалов для их производства были подтолкнуты так энергично и с таким пониманием дела, что с весны 1915 г. быстрый рост производства военных материалов был обеспечен. В Британии же, например, эта проблема только начала ставиться. Фалькенгайном были заложены основы той организации экономики и использования запасов, которые явились разгадкой силы, выдерживавшей гнет британской блокады Германии. Научному руководству экономической войной Германия обязана, главным образом, доктору Вальтеру Ратенау — крупному магнату индустрии. Германия была также пионером и в использовании для войны психологии. Еще осенью 1914 г. она приступила к широкой пропаганде в Азии, чтобы подорвать престиж Британии и вызвать восстания среди подданных Британии магометан. Недостатки этой пропаганды и грубость ее приемов меньше бросались в глаза в применении ее к примитивным народам, чем к цивилизованным народам Европы или Азии.

Тот же период был ознаменован крупным успехом германской дипломатии — вступлением в войну Турции, хотя в основном к этому привело сочетание ряда довоенных причин, а также и события самой войны. С 1909 г. в Турции брала верх партия младотурок, для которых старые традиции, включая и дружбу с Англией, являлись неприемлемыми. Германия, находясь во власти своей мечты — создания среднеазиатской Германии, символом которой являлась Багдадская железная дорога, искусно использовала возможность приобрести влияние над новыми правителями Турции. Лидер партии — Энвер-паша — был военным атта-

ше в Берлине. Германские инструктора наводнили турецкую армию, и в результате между Германией и вождями младотурок состоялось соглашение о совместных военных действиях. Соглашение это было вызвано необходимостью для обеих стран охранить себя от опасности со стороны России. Прибытие «Гебена» и «Бреслау» подкрепило моральный нажим Вангенгейма — германского посла, и 29 октября турки фактически вступили в войну, выступив в Одессе против России, а в Синае — против Британии.

Фалькенгайн видел «решающее значение вмешательства Турции в борьбу», во-первых, в том, что канал был закрыт и этим путем не могли больше притекать в Россию огнеприпасы; во-вторых, этим отвлекались военные силы Британии и России. По требованию Германии Турция уже в середине декабря повела удар на Кавказе против русских, но сверхсамонадеянный план Энвера закончился разгромом турок в сражении под Саракамышем. Неудача преследовала Турцию и при второй ее попытке — перерезать в Суэцком канале артерии, соединяющие Британию с востоком. Синайская пустыня являлась преградой, ограничивавшей силу вторгавшейся армии турок, а два небольшие отряда, прошедшие сквозь нее, были у Исмалия и Эль-Кантара легко отброшены, хотя отступление их затем совершилось в порядке.

Оба эти наступления в тактическом отношении были неудачны, но они имели для Германии большое стратегическое значение, сковывая крупные силы русских и британцев.

Как бы для восстановления равновесия, нарушенного присоединением Турции к центральным державам, Италия окончательно сбросила с себя искусственные узы старого Тройственного союза и присоединилась к Антанте. 24 мая она объявила войну Австрии, своему наследственному врагу, избегая все же открытого разрыва с Германией. Хотя основной целью Италии являлось желание воспользоваться удобным случаем, чтобы освободить своих сородичей в Триесте и Трентино от ярма Австрии, но здесь играло определенную роль и чисто духовное, отвлеченное желание восстановить свои исторические традиции. Все же с военной точки зрения помощь ее не могла иметь скорого или решающего влияния на обстановку, так как армия ее не была готова для проведения быстрого удара, а австрийская граница представляла собой сильное по природе горное препятствие.

На стороне Антанты осознание застоя позиционной войны привело к иным реакциям.

На германскую стратегию влияло стремление к захвату территории, над стратегией же французов господствовало желание вернуть себе потерянную территорию. Правда, сосредоточение сил и средств на Западном фронте, где стояли и главные силы противника, оправдывалось военными соображениями, но, не обладая решением, которое позволило бы им пройти сквозь стену окопов, преграждавшую им дорогу, они просто бились головой об эту стену.

Зимние атаки в Артуа, на р. Эн, в Шампани и Вёвре явились дорого стоившими доказательствами того, что при искусстве ведения позиционной войны германцами «покусывание» Жоффра

обычно выражалось для французов в истощении их армий и постепенном сгорании их в огне обороны. Что касается новых решений, которые позволили бы найти выход из создавшегося положения, то работа мысли французов, как это ни странно, оставалась бесплодной.

Трудности Британии заключались скорее в излишней плодовитости мышления или скорее в отсутствии решимости выбрать и взрастить что-либо из этих плодов.

В значительной степени такая нерешительность обязана обскурантизму профессионального мышления, которое скорее становилось в оппозицию всяким новшествам, чем являлось опытным руководителем при выборе наиболее полезного.

Решения, позволявшие найти выход из этого положения, вдохновителем которых являлась Британия, выкристаллизовались в двух основных группах: одной — тактической, другой — стратегической. Первая отмыкала барьер окопов, создав боевое средство, неуязвимое для пулеметов и способное преодолевать окопы. Средство это должно было восстановить равновесие, нарушенное превосходством мощи обороны над наступлением. Идея этой машины — именно для решения подобного рода задач — зародилась у полк. Суинтона еще в октябре 1914 г., затем в младенчестве она была вскормлена и взращена Уинстоном Черчиллем, тогда первым лордом адмиралтейства, и, наконец, придушена после нескольких месяцев опытов оппозицией официальных военных кругов. Потом она созрела только в танке 1916 г.

Второе решение — стратегическое — предлагало обойти этот барьер окопов. Сторонники такого решения, известные под названием «восточной» школы мышления, в отличие от «западной» школы говорили, что союз противников надо рассматривать как одно целое и что современность настолько изменила представление о расстояниях и подвижности, что удар на каком-либо другом театре войны будет соответствовать историческому удару по стратегическому флангу противника. Далее, такая операция на суше и на море соответствовала бы традиционной стратегии Британии и позволила бы ей использовать свои преимущества морской державы, которыми до сих пор пренебрегали.

В октябре 1914 г. лорд Фишер, тогда работник морского министерства, предложил план десанта на побережье Германии. В январе 1915 г. лорд Китченер ратовал за другую десантную операцию в заливе Александретты, которой могли быть разъединены основные сообщения Турции с Востоком. Послевоенные комментарии Гинденбурга и Энвера показывают, насколько эта операция парализовала бы Турцию. Все же едва ли эта операция могла бы иметь более широкое значение, а потому она была заменена другим проектом, являвшимся частично результатом стратегического предвидения Черчилля, а отчасти и давления событий.

Это была Дарданельская экспедиция, вокруг которой возникло столько горячих и противоречивых споров, что некоторые критики даже оспаривают роль Черчилля в этой операции. Ответ на это дает приговор самого Фалькенгайна.

«Если бы пути между Средиземным и Черным морями не были наглухо закрыты для сообщений Антанты, значительно уменьшились бы надежды на успешный исход войны. Россия освободилась бы от имеющей большое значение изоляции... которая являлась более надежной гарантией, чем военные успехи, того, что рано или поздно силы этого титана... автоматически... будут подорваны».

Ошибочен был не замысел, а его выполнение. Если бы британцы с самого начала ввели в дело хотя бы часть тех сил, которые они затем подбрасывали по крохам, то, как явствует из отчетов на этот счет Турции, предприятие это безусловно увенчалось бы успехом.

Причину такого постепенного ввода силы и нежелания использовать благоприятные условия обстановки надо искать в противодействии Жоффра и французского генерального штаба, поддержанном Джоном Френчем. Несмотря на очевидность провала Марны из-за дробления сил, а также на очевидность своих еще более безуспешных атак в декабре 1915 г., Жоффр все еще верил в свою способность довести дело до быстрой и решающей победы.

План его заключался в нанесении сходившихся в одной точке ударов от Артуа и Шампани по выдающемуся участку, образуемому позиционным фронтом германцев; за этими ударами должно было последовать наступление в Лотарингию против тыла армий противника. План этот напоминал план Фоша в 1918 г., но громадное различие было в условиях и в методе действий. Изучение документов приводит к заключению, что редко можно найти такую троицу оптимистов, как Жоффр, Фош — его представитель во Франции — и Френч (хотя последний в меньшей степени), у которых был бы так силен разлад между здравым смыслом и беспочвенными надеждами. В противовес им британское правительство считало, что фронт позиционной войны во Франции непроницаем для фронтальных ударов, а потому серьезно возражало против бесцельного расходования новых армий в этих тщетных попытках к прорыву. Вместе с тем Британия все сильнее и сильнее опасалась возможного бессилия и паралича России. Взгляды эти разделяли Черчилль, Ллойд-Джордж и Китченер. Последний 2 января 1915 г. писал Джону Френчу:

«Германские позиции во Франции должны рассматриваться как крепость, которая не может быть взята штурмом и которая также не может быть целиком блокирована. В итоге следует позиции эти сковать осадой, а операции развить где-нибудь в другом месте».

Ллойд-Джордж предлагал перебросить ядро британских сил на Балканы, чтобы помочь Сербии и организовать наступление в тылу враждебного союза. Эта точка зрения разделялась отчасти и французами, в частности Галлиени, который предложил произвести в Салониках десант как отправной пункт для организации похода на Константинополь достаточно сильной армии, чтобы склонить Грецию и Болгарию вступить в войну на стороне Антанты. После захвата Константинополя должно было следовать

наступление совместно с Румынией вверх по Дунаю в Австро-Венгрию.

Но командующие на Западном фронте, одержимые мечтой о скором прорыве, энергично протестовали против всякой иной стратегии, указывая на трудности переброски войск и их снабжения и подчеркивая легкость, с которой Германия могла бы сосредоточить там войска, чтобы отразить этот удар. Хотя доводы их и обладали некоторой силой, но они забывали уроки военной истории, что «кружный путь часто является наиболее коротким путем к победе» и что риск подвергнуть себя преодолению излишних топографических трудностей часто окупался сторицей по сравнению с ударом в лоб противника, крепко обосновавшегося и изготовившегося к отражению этого удара.

Вес военного авторитета взял вверх над всеми этими «штатскими» контрпредложениями, и от балканских проектов отказались в пользу сосредоточения усилий на Западном фронте. Но возражения не умолкали, и эта конъюнктура привела к обстановке, в которой ближневосточные проекты возродились в новом, хотя и измененном, виде.

Дарданеллы. 2 января 1915 г. Китченер получил просьбу великого князя Николая организовать диверсию, которая могла бы облегчить нажим турок на русскую армию на Кавказе. Китченер полагал, что для этого не удастся добыть войск, и предлагал морскую демонстрацию в Дарданеллах. Черчилль, же исходя из более широких стратегических и экономических выгод такой операции, предложил попытаться силой проложить дорогу через пролив. Его морские советники хотя и не проявили энтузиазма, но и не воспротивились этому предложению, и в ответ на телеграмму тогдашний адмирал Карден представил проект планомерного овладения фортами и очистки минированных полей Дарданелл. С помощью французов собрали флот преимущественно из устаревших судов, которые, после предварительной бомбардировки, 18 марта вошли в пролив. Но на минах погибло несколько судов, и от продолжения попытки отказались.

Вопрос все же спорен: повторение этой операции могло и увенчаться успехом, так как огнеприпасы турок были истощены и в этих условиях можно было преодолеть минированное поле. Все же новый командующий морскими силами адмирал де-Робек отклонил возобновление такой попытки, если только при этом не будет обеспечена действительная поддержка войсками. Примерно за месяц до этого военный совет принял решение о проведении совместного удара морскими и сухопутными силами и начал отправку необходимых для этого войск, поставив во главе их Яна Гамильтона. Но хотя авторитеты и пошли на этот новый план, все же они страшно медлили с выделением необходимых сил, и даже тогда, когда присылались крайне недостаточные количества войск, потребовалась еще отсрочка операции на несколько недель и задержка войск в Александрии, чтобы пересортировать их и отправить дальше в таком порядке, как это нужно было для тактических действий. Хуже всего, что эта нерешительная политика исключала всякую возможность внезапности,

что было крайне необходимо при высадке на почти неприступном побережье. К моменту предварительной бомбардировки (в феврале 1915 г.) на берегу пролива находились только две турецких дивизии. К моменту морской атаки они уже выросли до четырех, а когда Ян Гамильтон оказался, наконец, в состоянии приступить к высадке, их было уже восемь. Противопоставить он смог им четыре британских дивизии и одну французскую, значительно уступавших в силе противнику. Обстановка же была такой, что присущее обороне превосходство над наступлением усиливалось еще естественными трудностями местности. Численная слабость этого отряда и задача, поставленная ему — помочь проходу флотилии, заставили Яна Гамильтона наметить высадку на Галлиполийском полуострове, отдав ему предпочтение перед материком или азиатским побережьем, а скалистая линия побережья вообще ограничивала число пригодных для десанта мест.

25 апреля Гамильтон предпринял первое наступление на южной оконечности полуострова у Капе-Хеллес (мыс Хеллес), а австралийцами и новозеландцами — у Габа-Тепе вверх по побережью. Французы, в виде диверсии, произвели временную высадку в Кум-Кале на азиатском побережье. Благодаря нерешительности турок британцы смогли овладеть несколькими кусочками земли на взморье, усеянном проволокой и поливаемом огнем пулеметов. Но преимущество тактической внезапности оказало свое влияние только вначале, а затруднения с подвозом войскам всего необходимого были огромны, так как турки удержали в своих руках господствующие высоты и могли подтягивать сюда свои резервы. Отряду удалось держаться на двух захваченных ими сначала складках местности, но войска не смогли развить своего успеха, наступил застой позиционной войны. Они не могли итти вперед, а национальная гордость не позволяла им итти назад.

В июле британское правительство решило послать еще пять дивизий, чтобы усилить уже имевшиеся на полуострове семь дивизий. К тому времени, когда они прибыли, силы турок в этом районе возросли уже до пятнадцати дивизий. Ян Гамильтон решился на двойной удар от Габа-Тепе и на новую высадку в бухте Сувла, в нескольких милях севернее, чтобы в центре полуострова разъединить его и захватить высоты, командующие над перешейком. Он обманул турецкое командование, и 6 августа добился внезапности, но первый удар не удался, а при втором из-за неопытности войск, главным образом из-за инертности и нерешительности командования, была упущена блестящая возможность развить успех. Действительно, в течение 36 часов (пока не подошли резервы) дорогу наступающим преграждали всего лишь 1½ турецких батальона. Энергичные новые командиры (которых Ян Гамильтон запрашивал еще раньше) были высланы, когда возможность успеха была уже упущена. Британцы опять были приговорены к цеплянию за складки местности на взморье, а когда начались осенние дожди, испытания их еще больше увеличились.

Правительство потеряло веру в успех этой операции и стояло за отступление, но боязнь морального эффекта этого отхода от-

тягивала их решение. Запросили мнение Яна Гамильтона, а когда тот высказался за продолжение операции (он все еще не терял надежды), он был сменен Карлом Монро, который немедленно стал требовать эвакуации. Решение было принято им изумительно быстро. Монро посетил в одно утро Анзак, бухту Сувла и мыс Хеллес, не идя дальше взморья, а его начальник штаба сидел в это время на борту, набрасывая указания для эвакуации. Правильно сказал Черчилль: «Пришел, увидел... сдался». Китченер вначале отказался санкционировать отход и поспешил туда сам, чтобы выяснить обстановку на месте.

Правительство было очень обрадовано его отъездом; оно надеялось использовать его отсутствие, чтобы сменить его. Большинство коалиционного кабинета сходилось в недовольстве его скрытностью и его управлением, хотя вопрос эвакуации Галлиполи вызывал разногласия. Бонар-Лоу, лидер консервативной партии, занял непримиримую позицию в обоих этих вопросах. Премьер-министр меньше боялся протеста общественного мнения против отставки Китченера, чем ухода Бонар-Лоу из парламента. Во власти таких настроений он согласился на требование Бонар-Лоу об эвакуации и исключении Черчилля из военного комитета кабинета. Таким образом фактически вопрос эвакуации был решен еще до приезда Китченера в Галлиполи. Свежая волна, мнений в Англии безусловно оказала свое влияние и на него, и когда возобновленное предложение о новом десанте у Александретты было отклонено военным комитетом, то он резко переменил свое мнение и согласился на эвакуацию.

Смешно, что теперь, в последней фазе решения этого вопроса, уже флот пытался не допустить эвакуацию. Де-Робек, с марта хладнокровно сопротивлявшийся всяким подталкиваниям к дальнейшим морским атакам, был теперь сменен адмиралом Вемисс, который не только возражал против эвакуации, но предлагал план «форсировать пролив и удержать его в течение неопределенного периода». Уверенность в возможность этого разделял с ним и командир Кейес. Предложение это было сделано слишком поздно. Опозиция в Англии была теперь слишком сильна.

Во исполнение приказаний свыше, в ночь на 18 декабря на всем фронте, от бухты Сувла до Анзака, начался отход войск; от Хеллеса войска отступили 8 января. Эвакуация была проведена без всяких потерь, являя собой пример мастерской организации и взаимодействия и служа одновременно наглядным доказательством большого удобства таких операций в современной войне. Последней насмешкой судьбы было то, что Монро и его начальник штаба, не принимавшие никакого участия в искусном проведении эвакуации, получили за нее высокие награды. На этом был спущен занавес над здравым и далеко бьющим планом, загубленным при проведении его в жизнь цепью ошибок при его выполнении, ошибок, не превзойденных даже британской историей.

Германская кампания. Наряду с тем как британцы пытались с черного хода пробраться в Россию, Германия и ее союзники молотили Россию, сопротивление которой выдыхалось, глав-

ным образом, из-за нехватки огнеприпасов. Положение могло быть спасено только подвозом огнеприпасов извне, как раз через этот закрытый черный ход — Дарданеллы. Факт этот и его влияние были точно осознаны наиболее значительным противником России.

Осенью 1915 г. Гофман решительно и убежденно заявил, что успех германских действий против России всецело зависит от возможности «прочно преградить Дарданеллы», потому что «если русские увидят, что пути для экспорта хлеба и ввоза военных материалов закрыты, страна будет постепенно охвачена параличом».

На Восточном фронте кампания 1914 г. показала, что германцы могут рассчитывать на разгром любой превосходящей их численно армии русских, но когда сталкивались равные силы русских и австрийцев, победа оставалась за русскими. Фалькенгайн, хотя и неохотно, был вынужден посылать австрийцам германские подкрепления как средство придать им большую стойкость; в итоге он был скорее втянут в наступление на востоке, чем пошел на него. Людендорф, напротив, все свое внимание устремил на первоначальную цель, и отныне беспрестанно ратовал за операцию, проводимую решительно и с введением в дело всех сил, чтобы сломить Россию. Людендорф стоял за стратегию сокрушения, Фалькенгайн — за стратегию измора.

Ключ к разгадке стратегии германцев, — в то время весьма эффектной, но не приводившей к решению, — лежит в борьбе воль этих двух человек. Эта борьба воль была отмечена «наступательным» использованием телеграфа, не прекращавшимся тормошением проводов и даже использованием кайзера как основной марионетки. Фалькенгайн все время пытался свести к нулю влияние своего вероятного конкурента и потому сознательно лишал Гинденбурга возможности решающе разгромить противника и одержать крупную победу. Людендорф же все время подвинчивал Гинденбурга, предвещая ему близкую отставку и восстанавливая его против Фалькенгайна.

Гофман, наблюдавший все эти интриги, правильно отметил в своем дневнике:

«Если присматриваться к влиятельным личностям, к их соревнующемуся честолюбию, то надо все время помнить, что на другой стороне — у французов, англичан и русских — это еще хуже, иначе легко выйти из равновесия».

Интуиция его была верна:

«Борьба за власть и личное положение видимо пагубно сказываются на всех людях. Думаю, что единственное создание, которое может сохранить свое человеческое достоинство, — это человек, занимающийся земледелием. Ему не надо интриговать и бороться, — ведь бесполезно, например, интриговать за хорошую погоду!».

План русских на 1915 г. учитывал уроки опыта 1914 г. и был здраво разработан, но средств нехватало, а инструмент был неудовлетворителен. Великий князь Николай поставил себе целью, прежде чем попытаться провести новый удар в Силезии, прочно

обеспечить оба свои фланга. С января до апреля, в условиях суровой зимы, русские войска на южном фланге польского участка стремились овладеть Карпатами и проложить себе дорогу в долины Венгрии. Но австрийцы, которым была вспрыснута изрядная доля германских войск, отразили попытки русских, причем потери русских совершенно не соответствовали их незначительным успехам. Все же крепость Перемышль, давно уже осаждавшаяся русскими, 22 марта, наконец, пала. В северной Польше русские готовились нанести удар в Восточной Пруссии, но были предупреждены новым ударом Людендорфа в восточном направлении к границе самой России. Удар был организован 7 февраля, когда дороги были покрыты глубоким снегом, а болота замерзли. Ознаменовался он охватом и пленением четырех русских дивизий в Августовских лесах, близ Мазурских озер. Более того, удар этот вырвал у русских жало наступлений, проводившихся ими западнее.

Эти операции все же были только прологом к настоящей трагедии 1915 г. Но раньше, чем заняться этим, необходимо вернуться к Западному фронту, значение которого важно как вехи, намечающей дальнейший ход войны, а отчасти и потому, что события здесь повлияли и на Восточный фронт.

Когда в Галлиполи искали пути, чтобы обойти окопный барьер, а в Англии производились опыты с целью найти новый ключ и его отомкнуть, союзное командование во Франции пробовало применить более ортодоксальный способ действия. Наиболее значительным здесь было наступление британцев 10 марта у Нев-Шапелль. Если не смотреть на него как на опыт, оно заслуживает всяческого осуждения. Это была изолированная попытка к наступлению на узком фронте и с недостаточными средствами. Прибытие во Францию нескольких новых регулярных дивизий, сведенных из заграничных гарнизонов, Индийского корпуса и 1-й Канадской дивизии, довело силы британцев до 13 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, не считая некоторого числа избранных территориальных батальонов. Этот прирост сил позволил Френчу разделить британские войска на две армии и постепенно занять более широкий участок фронта. Но Жоффр настаивал, чтобы Френч помог французам на Ипрском участке фронта, занятом ими с ноября, так что намеченное Френчем наступление отчасти было предпринято и для облегчения французов.

Джон Френч отдавал себе отчет в том, что силы его недостаточны для преследования двух целей, и он решил повести самостоятельное наступление. Побуждала его также к наступлению боязнь постоянной критики со стороны французов, что «британцы не тянут с нами дружно ярма».

Все же атака, порученная 1-й армии по замыслу Хейга, была оригинальна и хорошо продумана. После мощной артиллерийской подготовки, длившейся 35 мин. и развивавшейся на фронте в 200 ярдов (около 180 м) артиллерия переносила свой огонь вглубь неприятельской позиции, и огневая завеса отрезала поддержки от передовых окопов противника, которые быстро должны были быть пройдены британской пехотой.

Внезапность удалась полностью, и большинство передовых позиций было захвачено. Но когда во второй фазе фронт наступления расширился, то артиллерийская поддержка оказалась не на высоте своего положения. Затем из-за недостаточных разведывательных данных и отсутствия непрерывного взаимодействия между командирами корпусов произошла длительная заминка, которая дала германцам целых пять часов для организации нового сопротивления. Далее — слишком поздно и ошибочно Хейг отдал приказ во что бы то ни стало продолжать атаку, «невзирая на потери». Последние оказались единственным результатом этой атаки.

Основная причина неудачи заключалась в том, что узость фронта прорыва позволяла обороняться и легко закрыть прорыв, хотя недостаток этот являлся неизбежным; он был связан с общим недостатком огнеприпасов, недостатком тяжелой артиллерии и снарядов к ней.

Британцы позднее германцев осознали необходимость при новых методах ведения войны чудовищного питания армий боеприпасами всякого рода.

Даже при этом поступление огнеприпасов далеко не отвечало потребностям войск и условиям контрактов с поставщиками.

Препятствием к расширению производства являлись, главным образом, правила профсоюзов, не допускавшие привлечения неквалифицированных работников. Правила эти удалось изменить только после долгих переговоров; поэтому весной 1915 г. недостаток снарядов сказался так остро, что это привело к резким выступлениям в печати. Начало этой кампании положил полковник Репингтон, военный корреспондент газеты «The Times», предварительно посоветовавшись с Джоном Френчем. Лорд Нортклифф [1], не боясь ответственности и немилости, предоставил для развития этой кампании все свои газеты. Кампания привела к организации министерства военного снабжения, во главе с Ллойд-Джорджем, для согласования и развития как снабжения армии огнеприпасами, так и производства сырых материалов для изготовления огнеприпасов. Хотя кампания, поднятая прессой, не вскрыла некоторых основных причин, приведших к нехватке, и не доучла того, что вопиющей потребностью было не только «больше снарядов», но и «больше тяжелой артиллерии», значение кампании было огромным. Ничто не могло так взвинтить общественное мнение и так быстро смести все препятствия. Не говоря уже о снарядах, все британское оружие позиционной войны отличалось, по сравнению с германским, своей грубостью и значительно ему уступало. Понадобилась реорганизация всей армии. Срочность реорганизации подчеркивалась приближением того момента, когда на поле боя должны были появиться новые британские национальные армии.

[1] Лорд Нортклифф — крупный английский миллионер, владевший до своей смерти (1927 г.) целым рядом крупнейших органов печати, начиная с полуофициального «Таймса» и кончая воскресными иллюстрированными листками. — Прим. ред.

Хотя к работе этой и приступили поздно, тем не менее она проводилась энергично и продуманно. Правда теперь уже трудно было преодолеть вредные последствия прежних упущений. Помимо трудностей, неизбежных при этой работе, палки в колеса вкладывались, главным образом, близорукими военными, все время стремившимися недооценить потребности армии и свойства нового оружия. Даже когда пулемет завоевал свое господство на поле боя, главная квартира во Франции протестовала против увеличения довоенной «голодной» нормы — двух пулеметов на батальон. Хейг, командующий армией, заявил, что «оружие это слишком переоценивают; существующей нормы (2 пулемета на батальон) более чем достаточно». Даже Китченер признал, что предельная норма — 4 пулемета на батальон, а больше — это уже излишество. Наконец, уже само министерство военного снабжения пришло на помощь сторонникам пулемета и смело увеличило число пулеметов в батальоне до 16. Ллойд-Джорджу обязаны также тем, что скорострельная и легкая мортира Стокса смогла преодолеть преграды, воздвигавшиеся ей официальными военными кругами, и развиться в выносливое и вездесущее окопное средство борьбы. А позднее министерство военного снабжения спасло танк от смертельных объятий военного министерства.

Тем не менее первоначальная основная ответственность за недостаток огнеприпасов лежит на английском народе и его представителях в парламенте. Еще до войны новый комитет обороны государства проделал большую и кропотливую работу, но усилиям его были поставлены жесткие границы пассивностью и скупостью парламента и английского народа, несмотря на возраставшую угрозу войны. Подготовка к войне шла черепашьим шагом, события же стремительно назревали.

Но самой большой ошибкой было пренебрежение к организации индустриальных возможностей страны для развертывания в случае войны промышленности и приспособления ее к обслуживанию нужд войны. Увеличение вооруженных сил может как прямая угроза скорее привести к войне. Готовность же индустрии к мобилизации не носит провокационного характера, в случае же войны является надежнейшей базой для развертывания вооруженных сил.

Это еще довоенное упущение является более серьезным обвинителем для правительства, объявившего войну 4 августа 1914 г., чем любые позднейшие промахи его на пути увеличения численного состава армии или перехода на воинскую повинность. Объявляя войну, правительство ясно отдавало себе отчет в политических и моральных последствиях этого акта, но видимо не учитывало, что из-за нехватки в оружии оно обрекает на гибель и бессмысленное истребление цвет мужского населения нации.

Единственное оправдание можно найти в индифферентности общества к такого рода нуждам. К несчастью, опыт показал, с какими трудностями приходится сталкиваться на практике демократическому правительству, пытающемуся обогнать общественное мнение. Таким образом, основная ответственность лежит на английском народе.

В общем, в свете 1914—1918 гг. все население Англии носит клеймо детоубийства.

Кипучей деятельностью в начале войны не удалось побороть последствий довоенных упущений, разультатами которых явились тысячи бесцельно принесенных в жертву жизней. Даже наступление на Сомме было сорвано недостатком огнеприпасов, а из того, что было, многие снаряды не взрывались из-за несовершенства поспешно фабриковавшихся взрывателей. Приходилось зря расходовать излишнее количество снарядов. Только к концу 1916 г. поток поступавших огнеприпасов достиг такого размера, продолжая и дальше расти, что, наконец, стратегия британских командиров могла освободиться от всяких материальных уз. Тактике меньше посчастливилось. Последующие атаки были менее удачны. Опыт Нев-Шапелль своевременно на учли. Хотя опыт в небольшом масштабе не удался, но вполне возможно было не довольствоваться этим и развивать его дальше.

Однако, командование Антанты упустило из вида наиболее важный урок этого опыта, а именно — внезапность, достигаемую короткой артиллерийской подготовкой, и краткость, компенсирующую мощность. Опять-таки командование только частично оценило тот факт, что сектор атаки должен быть достаточно широк, чтобы помешать артиллерии обороны закрыть своим огнем прорыв, или же резервам обороны, сомкнувшись, проделать то же самое. Вместо этого Антанта пришла к искусственному выводу, что ключ к успеху лежит просто в массировании огня артиллерии. Только в 1917 г. они вернулись к методам действий под Нев-Шапелль.

Германцам же предоставили использовать в мае опыт этих действий против русских.

Но раньше всего этого Западному фронту суждено было умножить число военных промахов.

Первая ошибка произошла тогда, когда германцы в свою очередь нашли и применили новый ключ, который должен был отомкнуть цепь окопов и оживить операцию: немцы применили газы и, не в пример позднейшему использованию британцами танков, возможность успеха, зря расстраченная, больше не вернулась, так как сравнительно легко было найти этому средству противоядие. 27 октября 1914 г. на участок Нев-Шапелль германцы выпустили 3 000 шрапнелей, начиненных вместе с пулями слезоточивыми и чихательными газами. Это было первым опытом применения ОВ в бою. Действие их все же оказалось настолько слабым, что факт этот не был известен, пока сами германцы после войны его не опубликовали. Затем во время местного наступления в Польше 31 января 1915 г. германцы пытались применить снаряды, начиненные усовершенствованными слезоточивыми газами, но опыт не удался из-за сильного мороза, сводившего действие газов к нулю.

При следующей попытке ОВ были газообразны и выпускались из цилиндров, так как заинтересованным лицам не удалось обеспечить изобретателю Хаберу соответствующие возможности для изготовления снарядов. Первоначальные разочарования застави-

ли затем германское командование уже больше не рассчитывать на успех применения ОВ. И поэтому когда 22 апреля под Ипром была организована газовая атака французских окопов, под рукой не оказалось резервов, чтобы развить широкий прорыв, сделанный газами.

Тактическая последовательность событий при этом была следующей: странный зеленый дым, внезапно появившийся, толпа агонизирующих беглецов и четырехмильный прорыв — без единого живого защитника. Но резервов у германцев не было, а сопротивление канадцев на фланге прорыва и быстрый подход английских и индийских поддержек спасли положение.

Примененный впервые хлористый газ безусловно был жесток, но не хуже обычного действия снаряда или штыка, а когда его сменили более усовершенствованные виды ОВ, опыт и статистика доказали, что ОВ являются самым гуманным современным оружием. Но ОВ были новым средством, а потому мир, который признает злоупотребления, но не терпит новшеств, заклеймил их, считая это зверством. В конечном счете на долю Германии выпала моральная немилость, неизбежно сопровождающая использование нового оружия, когда оно еще не дает заметных реальных выгод.

Антанта поступила бы умнее, если бы подождала, пока не накопятся запасы огнеприпасов и не будут готовы новые британские армии. Но желание вернуть потерянную территорию и долг союзника, требовавшего ослабить натиск германцев на Россию, в соединении с беспочвенным оптимизмом, заставили Жоффра пойти на преждевременные наступления. Потери германцев были переоценены, а искусство и мощь их обороны — недооценены. В результате был предпринят ряд беспорядочных и не связанных между собой атак. Наиболее крупная атака проводилась французами между Ленсом и Аррасом под руководством Фоша. Вновь повторили прежний опыт: вновь оказалось невозможным пробить брешь в окопах. Атака началась 9 мая армией Д'Урбаля (18 дивизий) и велась на фронте протяжением в 4 мили. Атака эта была, при убийственных потерях, отбита, за исключением участка наступления корпуса Петена, которому, благодаря тщательной подготовке к этой операции удалось на 2 мили проникнуть вглубь позиции противника. Но участок прорыва был слишком узок, а резервы запаздывали и были недостаточны. В итоге противник восстановил свое положение. Фош все же безрассудно продолжал атаки, выиграв ценою громадных потерь несколько сотен шагов.

Между тем 1-я армия Хейга перешла в наступление против Оберс Ридж, одновременно с более широким наступлением французов. Идея операции заключалась в том, чтобы прорваться южнее и севернее Нев-Шапелль на двух направлениях, разделенных между собой пространством в 4 мили, и затем окружить противника. Но германцы успели за это время использовать опыт первой атаки Нев-Шапелль и усилить свои укрепления.

Атака быстро выдохлась из-за громадного числа германских пулеметов и нехватки снарядов у британцев.

Под давлением Жоффра атака была возобновлена 15 мая на секторе Фестюберт, южнее Нев-Шапелль, и, медленно развиваясь, продолжалась до 27 мая. Более широкое наступление французов между Ленсом и Аррасом велось до 18 июня. Французы при этом потеряли 102 500 бойцов, почти в два раза больше обороняющегося.

Все же эти наступления кое-что дали. Даже сомневавшийся Фалькенгайн поверил в крепость своего Западного фронта и в маловероятность на ближайшее время серьезной угрозы этому фронту со стороны франко-британцев. Наступление Фалькенгайна на Восточном фронте как раз началось. В тактическом отношении границы этому наступлению не были поставлены.

Стратегическая цель вначале была ограниченной. Она выражалась в желании ослабить нажим русских на австрийцев, одновременно ослабив наступательную мощь России. Конрад предложил, а Фалькенгайн принял план прорыва центра русских как вернейшего средства добиться поставленной цели. В соответствии с этим планом для проведения удара был выбран участок Дунайца между верхним течением р. Вислы и Карпатами. На этом участке было меньше всего естественных препятствий, и при прорыве фланги наступления были надежно прикрыты. Прорыв был поручен Макензену. Начальником его штаба, руководителем и идейным вдохновителем был ф.-Сект, человек, которому после войны пришлось восстанавливать германскую армию. Силы Макензена заключались во вновь сформированной германской 11-й армии, усиленной дивизиями, переброшенными с запада, и в 4-й австро-венгерской армии. Намечено было провести газовую атаку под Ипром и значительный кавалерийский рейд из Восточной Пруссии, чтобы замаскировать сосредоточение на Дунайце 14 дивизий и 1 500 орудий против фронта, удерживаемого только 6 русскими дивизиями и обладавшего только одной линией окопов.

2 мая после 4-часовой интенсивной артиллерийской бомбардировки, сравнявшей с лицом земли окопы русских, германцы, прикрываясь облаком газа, перешли в атаку и без большого труда прошли всю позицию русских. Внезапность удалась полностью; успех развивался быстро, так что, несмотря на геройское сопротивление русских на рубеже р. Вислока, весь русский фронт вдоль Карпат был сбит. 14 мая австро-германское наступление докатилось до р. Сан — в 80 милях от их исходной позиции.

Поражение русских грозило превратиться в бедствие, когда австро-германцы у Ярослава форсировали р. Сан, но стремительность наступления к этому времени уже выдохлась, резервов же не было.

Новым фактором было объявление Италией войны Австрии. Фалькенгайну удалось, хотя и с большим трудом, убедить австрийское командование не снимать войск с русского фронта, а придерживаться на границе с Италией чистой обороны, тем более что она и так была прикрыта барьером гор. Фалькенгайн понимал, что войска его слишком далеко зашли вглубь Галиции, чтобы можно было безопасно отступить, и лишь перебросив еще войска из Франции, можно было надеяться осуществить свою

основную цель — освободить на Восточном фронте большое количество войск и перебросить их обратно на Западный.

Это возможно было бы лишь тогда, если наступательная мощь России была бы сломлена и исключена угроза для Австрии. Получив подкрепления, Макензен во взаимодействии с австрийцами вновь перешел в наступление, вернув 3 июня Перемышль, а 22 июня захватил Львов, разрезав этим фронт русских на две части.

Но русские благодаря неистощимым запасам живой силы почти покрыли свои потери 400 000 пленными. В итоге Фалькенгайну из желания укрепить положение своего союзника — австрийцев — пришлось уступить настояниям ф.-Секта и продолжать наступление, хотя и с ограниченными целями, беспокойно озираясь на положение дел во Франции. Направление наступления все же было изменено: вместо востока стали наступать на север, вверх по широкому коридору между Бугом и Вислой, где стояли главные силы русских. В связи с этим наступлением Гинденбургу было приказано ударить из Восточной Пруссии на юго-восток через р. Нарев в направлении к р. Буг.

Людендорфу план этот не понравился: он был слишком фронтальным. Русские могли быть прижаты при замыкании флангов наступления, но пути их отступления не были бы отрезаны. Людендорф еще раз предложил свой весенний план широкого охватывающего маневра через Ковно на Вильну и Минск, но Фалькенгайн отверг это план, опасаясь, что он потребует больше войск и более далекого проникновения в Россию, а это в дальнейшем могло бы сковать силы германцев. Результат операции подтвердил опасения Людендорфа: великий князь вывел свои войска с Варшавского сектора раньше, чем германские ножницы успели сомкнуться. Фалькенгайн со своей стороны считал, что в этом виноват Людендорф, не наступавший достаточно энергично.

Как бы то ни было, к середине августа было взято 750 000 пленных, Польша занята, и Фалькенгайн решил прекратить на Восточном фронте операции широкого масштаба. Вступление Болгарии в войну было уже подготовлено; он хотел поддержать совместную атаку Австрии и Болгарии против Сербии и перебросить на Западный фронт войска, чтобы противостоять ожидаемому там в сентябре наступлению французов. Макензен был послан на сербский фронт, а Людендорфу — правда с опозданием — было дано разрешение осуществить Виленский план, но только с теми войсками, которые находились в его распоряжении, и как самостоятельную операцию.

Операция эта началась 9 сентября. Армия Белова на Немане и 10-я армия Эйхгорна образовали два больших рога, которые буравили фронт русских, прокладывая себе дорогу один с востока к Двинску, а другой — с юго-востока к Вильне. Русские отгонялись по сходящимся направлениям, а германская конница, наступавшая между обеими армиями, продвинулась за Вильну и подобралась к жел. дороге на Минск. Но сил у германцев было мало. Русские, которым больше ничего не угрожало, могли свободно сосредоточивать силы для отражения этого удара. Убедившись,

что сопротивление врага крепнет, Людендорф принял наиболее разумное решение в сложившейся обстановке: он прекратил операцию. Сложность обстановки заключалась в том, что русским армиям позволили ускользнуть из сетей германцев задолго до организации виленского маневра, так долго откладываемого. Степень достигнутого успеха, даже с такими слабыми силами, вполне подтвердила целесообразность этого маневра и утверждений Людендорфа, что мощный удар по русским в то время, когда они еще стояли в Польше и могли быть захвачены клещами охвата, привел бы к уничтожению вооруженных сил России.

Силы эти оказались надломленными, но не уничтоженными, и хотя они никогда больше не представляли собой прямой угрозы Германии, все же они оказались в состоянии задержать на два года (до 1918 г.) полное сосредоточение германских армий на Западном фронте. Осмотрительная стратегия Фалькенгайна оказалась стратегией наиболее рискованной и без сомнения стратегией, подготовившей путь позднейшему банкротству — краху Германии.

Таким образом, к концу сентября русское отступление после ряда треплющих нервы уклонений с участков, которые германцы систематически создавали, а затем пытались отрезать, окончательно остановилось на прямой линии, простирающейся от Риги на Балтийском море до Черновиц — на румынской границе. Но русские армии купили эту временную передышку дорогой ценой, а западные союзники России сделали мало, чтобы отплатить России за жертвы, понесенные для них последней в 1914 г.

Предпринятое франко-британцами 25 сентября наступление на Сомме оказалось не более плодотворным, чем предшествующие. Главный удар был развит французами в Шампани во взаимодействии с франко-британской атакой в Артуа по обе стороны Ленса. Одна ошибка заключалась в том, что секторы этих двух наступлений были слишком удалены друг от друга, чтобы оказывать какое-либо взаимное влияние. Но еще хуже было то, что командование пыталось согласовать два несогласуемых фактора: оно поставило себе целью прорыв, но предварило его длительной бомбардировкой, которая, конечно, исключала всякую внезапность. Планом Жоффра намечалось после прорыва обоих этих секторов развить общее наступление на всем франко-британском фронте, которое «заставило бы германцев отступить за Маас и возможно — окончить войну». Жоффр действительно был неунывающим оптимистом. И в Шампани и в Артуа атаки без труда привели к овладению передовыми позициями германцев, но последовавшее промедление в выдвижении резервов позволило германским резервам закрыть прорыв. Задача эта облегчалась и узостью фронта атак. Незначительный выигрыш местности не соответствовал дорогой цене, заплаченной за нее: союзники потеряли примерно 242 000 бойцов против 141 000 германских. Если наступление это и дало несколько больший практический опыт союзному командованию, то много приобрели и германцы в искусстве обороны. Участие британцев в этом наступлении знаменательно тем, что здесь начала уже проявляться мощь «новых ар-

мий». Под Лоосом им была впервые «пущена кровь», и хотя малая опытность их сказывалась на их действиях, все же мужество их и порыв являлись доказательством способности Британии быстро создавать национальную армию, не уступающую долго сколачиваемым армиям континента.

Руководство действиями этой армии внушало меньше доверия, и Джон Френч был сменен в должности главнокомандующего в сентябре Дугласом Хейгом. Произошло это одновременно с номинальным переходом командования русскими армиями от великого князя Николая к царю. В этом видели нормальный символ. Фактически же командование перешло к его новому начальнику штаба ген. Алексееву.

Начальник штаба Френча Вилльям Робертсон, которого Френч мало ценил, находясь под более сильным влиянием Генри Вильсона, вернулся в Англию, чтобы стать начальником генерального штаба, энергичнее руководить общей стратегией британцев и окрасить ее опытом Западного фронта. Любопытно, что Хейг выбрал себе начальником штаба своего старого друга Киггеля, совершенно незнакомого с французской армией и впервые во время войны попавшего во Францию.

Первая кампания Италии. Военная помощь Италии союзникам в 1915 г. затруднялась не только ее неготовностью к войне, но также неудобным стратегическим положением ее границ, мало пригодных для организации наступления и еще менее удобных для надежной обороны.

Приграничная итальянская область Венеции представляла участок, выдающийся к Австрии, с севера фланкируемый австрийским Трентино, а с юга — Адриатическим морем. Примыкая к Адриатическому морю, тянулась полоса сравнительно ровной местности на секторе Изонцо, но затем граница шла вдоль Альп к северо-западу, образуя широкую дугу (петлю). Всякое наступление на восток неминуемо подвергалось угрозе удара австрийцев, спустившихся от Трентино в тыл этому наступлению.

Восточный фронт, хотя и обладавший рядом трудностей, как будто обещал больше успеха, чем наступление в Альпы.

Помимо этого, наступление в восточном направлении угрожало жизненно важным областям Австрии.

Когда Италия собиралась вступить в войну, то ген. Кадорна, командовавший вооруженными силами Италии, построил свой план на этой именно базе: наступление в восточном направлении и оборонительный образ действий на севере.

Угрозу со стороны Трентино думали предотвратить нажимом России и Сербии на Австрию. Но накануне объявления войны Италией надежда эта рассеялась: русские армии отошли под ударами Макензена, а Сербия, несмотря на просьбы и требования союзников, не пошла даже на демонстрацию.

Отсутствие нажима позволило австрийцам перебросить с сербского фронта к Изонцо 5 дивизий. На сербском фронте их сменили три вновь сформированные германские дивизии. Даже при этом против итальянцев удалось выставить только 8 дивизий.

Итальянцы численно были сильнее больше чем в три раза.

С целью обеспечить себе хорошие прикрывающие позиции на севере было проведено небольшое наступление в Трентино. Наступление это увенчалось успехом, но другое наступление в северо-восточном углу приграничного участка в направлении на Тарвис (в Карнийских Альпах) было сломлено. Этой местной неудаче суждено было впоследствии привести в 1917 г. к тяжелым результатам. В руках австрийцев оставалась важная в стратегическом отношении местность для вылазки в долине Тальяменто.

Между тем в конце мая началось наступление главных сил итальянцев (2-й и 3-й армий), но из общего числа 24 дивизий этих армий готовы были только 7. Плохая погода затрудняла наступление, а р. Изонцо набухла и разлилась. Первоначальное наступление вскоре приостановилось. Фронт у Изонцо выкристаллизовался, как и другие фронты, в позиционную войну. Но теперь итальянская мобилизация была закончена, и Кадорна исподволь организовал наступление, которое и началось 23 июня. Первый бой у Изонцо продолжался до 7 июля, не приведя почти ни к каким результатам. Новые усилия после десятидневной передышки оказались также безуспешны, и на всем фронте перешли к характерной для позиционной войны тактике действий — судорожным редким стычкам. Кадорна же в это время готовился к новой и более широкой операции, отложенной на осень. Когда операция эта, наконец, в октябре началась, то итальянцы обеспечили себе двойной перевес сил, но артиллерией они были слабы. Этот недостаток, в сочетании с большей опытностью обороняющегося, сделал новое наступление таким же бесплодным, как и предидущие.

Но итальянцы упрямо наступали, и когда, наконец, в декабре наступление было окончательно отбито, то потери итальянцев за 6 месяцев достигли 280 000 человек — почти вдвое больше обороняющегося. Австрийцы проявили на этом фронте достойное упорство, которого им часто нехватало, когда им приходилось иметь дело с русскими.

Завоевание Сербии. В то время как паралич позиционной войны еще раз крепко охватил русский и французский фронты, последние месяцы 1915 г. привели к подвижным и быстро развивавшимся действиям в другом месте, которым суждено было оказать непредвиденное влияние на весь ход войны.

Австрия оказалась способной задержать итальянцев у Изонцо, а так как под нажимом летнего наступления опасность со стороны России стала ослабевать, то австрийское командование решило окончательно расправиться с Сербией.

Попытки Австрии вторгнуться в Сербию в августе, сентябре и ноябре 1914 г. были отбиты энергичными контрударами сербов.

Мало приятным было для крупной державы — особенно державы со множеством подданных славян — получать такие щелчки. Нетерпение Австрии в сочетании с желанием Фалькенгайна обеспечить прямое железнодорожное сообщение с Турцией давало себя сильно знать в Дарданеллах.

Все лето вражеская коалиция добивалась вступления Болгарии в войну. В этих переговорах Антанте мешали: моральный фак-

тор — эффект ее военных поражений — и нежелание Сербии отдать какую-либо часть Македонии, которую она в 1913 г. отняла у Болгарии.

Так как Австрия соглашалась отдать Болгарии территорию, принадлежавшую ее противнику, то Болгария поддалась уговорам Австрии. Это увеличение сил обещало успех действий против Сербии, и в августе Фалькенгайн решил усилить 3-ю австрийскую армию (командующий Кевесс) 11-й армией Гальвица, сняв ее с русского фронта. В дополнение к этим силам в распоряжении были еще две болгарских армии. Чтобы противостоять этой новой угрозе, Сербия помимо своих сравнительно небольших сил обладала гарантией поддержки, согласно договору, Греции и обещаниями со стороны Антанты. Договор, с падением Венизелоса, греческого премьера, оказался расторгнутым, а поддержка Антанты, как всегда, запоздала.

6 октября 1915 г. австро-германские армии перешли в наступление на юг, форсировав Дунай и одновременно проводя на правом фланге охватывающий маневр через р. Дрину. Героическое сопротивление сербов, отступление их шаг за шагом с боями и естественные трудности гористой местности тормозили наступление, но болгарские армии успели до прибытия франко-британских поддержек ударить в западном направлении вглубь южной части Сербии, поперек тыловых сообщений главных сил сербов. Это создало широкий клин между сербами и союзниками, шедшими им на помощь от Салоник, и автоматически привело к ослаблению сопротивления сербов на севере. Фронт их на обоих флангах вдавливался, пока не стал напоминать собой большую дугу, причем фронту угрожало окружение. Отступая на юг к клину, занятому болгарами, сербские армии решили прорваться на запад через Албанские горы. Те, кто пережил тяготы этого отступления глубокой зимой, пробились и были переправлены на остров Корфу, где после реорганизации и снабжения заново всем необходимым весной 1916 г. присоединились к войскам Антанты, находившимся в Салониках. Завоевание Сербии — правда, без пленения ее армии — ликвидировало для Австрии опасность на ее южной границе и дало Германии свободу сообщений и контроля над широкой полосой, соединяющей Северное море с Тигром. Для Антанты кампания эта привела к созданию, если можно так выразиться, «военного водостока», который в течение трех долгих лет поглощал ее военные запасы, причем они истощались там без всякой пользы и были малодеятельны.

Но этому водостоку суждено было в конечном итоге разлиться и смыть одну из подпорок Центрального союза.

Экспедиция из Салоник. Когда к началу октября правительства Антанты проснулись и поняли опасность, грозившую Сербии, то британские и французские дивизии поспешно были отправлены из Галлиполи в Салоники, являвшиеся единственно возможным путем для оказания помощи Сербии, а затем дальше — по жел. дороге в Ускюб. Авангард этой спасательной экспедиции под начальством ген. Саррайля прошел через Вардар и сербскую границу, но увидел, что клин болгар успел уже отре-

зать их от сербов. Авангард вынужден был отступить к Салоникам. Болгары преследовали.

Британский генеральный штаб по военным соображениям требовал эвакуации Салоник. Верх взяли политические доводы, и союзники остались в Салониках. Неудача Дарданельской операции поколебала их престиж и, убедив Балканские государства в непоколебимости Германии, заставила Болгарию вступить в войну на стороне Центрального союза, а Грецию—разорвать свой договор с Сербией. Эвакуация Салоник привела бы к дальнейшему подрыву престижа союзников. Напротив сохранение престижа Антанты помогло бы уменьшить влияние Германии на Грецию и сохранить оперативную базу, откуда можно было помочь Румынии в случае вступления ее (это ожидалось) в войну на стороне союзников. Для этого отряд в Салониках был усилен свежими британскими и французскими дивизиями, как и частями из Италии и России. Туда же была подвезена вновь реорганизованная сербская армия. Но, кроме захвата Монастыря в ноябре 1916 года и короткого наступления в апреле 1917 года, войска Антанты здесь до осени 1918 г. не предпринимали серьезного наступления. Слабые результаты частично были следствием естественных трудностей местности, представлявшей собой горные хребты, стерегущие подступ к Балканам, отчасти же отношения правительств союзников к этой кампании, как к неприятному долгу.

Некоторую роль сыграла здесь и личность Саррайля, поведение которого и репутация политического интригана вряд ли могли привести к доверию и взаимодействию, столь необходимым в таком смешанном отряде, для того, чтобы он мог полностью себя проявить (работать не за страх, а за совесть). Со своей стороны германцы рады были оставить союзников в покое под наблюдением болгар, систематически извлекая оттуда свои силы для использования их на других направлениях.

С иронией они назвали Салоники своим «крупнейшим лагерем интернированных». В лагере этом находилось полмиллиона войск союзников, причем до 1918 г. в насмешке этой имелась некоторая доля правды.

Месопотамия. Салоники были не последним «водостоком», проложенным в 1915 г. Месопотамия в этом отношении явилась новым отвлечением сил союзников от центра тяжести — Запада, таким отвлечением, которое могло быть оправдано только политическими соображениями. Операция эта не была предпринята, как Дарданеллы или Салоники, для облегчения участи союзника, попавшего в тяжелое положение. Не могла она быть оправдана, как Дарданеллы, и желанием бить по жизненному центру одного из государств противника. Занятие Месопотамии могло поднять престиж Британии и досадить Турции, но ослабить силу сопротивления Турции оно не могло.

Хотя в основе операция эта была задумана здраво, но развитие ее являет собой дурной образчик пассивного подчинения обстановке, что было следствием непригодности вооружения британской армии для ведения войны в данных условиях.

Нефтяные поля близ Персидского залива имели громадное значение для снабжения Британии нефтью, и когда война с Турцией стала неизбежной, туда был послан небольшой отряд индийских войск (одна дивизия). Для реального выполнения этой задачи необходимо было занять вилайэт Базра, господствующий над Персидским заливом, что обеспечило бы господство над возможными подступами к нефтяным месторождениям.

21 ноября 1914 г. Базра была захвачена, но растущий приток подкреплений турок заставил индийское правительство добавить еще одну дивизию.

Турецкие атаки весной 1915 г. были отбиты, и командующий британскими силами генерал Никсон, счел разумным, для большей безопасности, распространиться шире. Одна дивизия (командир Таунсенд) была двинута вверх по р. Тигру к Амара; дивизия одержала здесь небольшую, но блестящую победу. Другая дивизия пошла вверх по р. Евфрату к Назарии.

Южнее Месопотамии была широкая наносная равнина (пустыня) без всяких дорог. Единственным средством сообщения по ней служили эти две большие реки. Таким образом, захват Амара и Назарии был вполне достаточен для прикрытия нефтяных месторождений. Но генерал Никсон и индийское правительство, вдохновившись первыми успехами, решили наступать дальше к Кут-Эль-Амара.

Это наступление заводило британцев на 180 милль вглубь страны. Военное оправдание этого наступления заключалось в том, что в районе Кут приток Тигра Шатт-Эль-Хай образовывал звено, связывавшее эту реку с Евфратом, по которому турецкие резервы могли быть переброшены от одной реки к другой.

Таунсенд был послан вперед в августе, его дивизия разбила турок у Кут, а конница его развила преследование их вплоть до Азизна, лежащего на полпути к Багдаду. Правительство Англии ликовало. Горели желанием скрасить этим другие поражения. Никсон получил разрешение двинуться к Багдаду. Но после боя у Стесифона, окончившегося вничью, все возраставший перевес сил турок заставил Таунсенда отступить к Кут. Отрезанный от остальных сил англичан, он остался здесь ждать помощи. Несколько новых дивизий было послано в Месопотамию. Кут был осажден турками 8 декабря 1915 г. Войска, шедшие на освобождение Таунсенда, тщетно сражались с турками, прикрывавшими подступы к Куту на обоих берегах р. Тигр. Условия были плохи, связь еще хуже, а общее руководство ошибочно, и 29 апреля 1916 г. Кут пришлось сдать. Как ни безумна была стратегия, толкнувшая Таусенда на эту авантюру, все же надо отметить фактические достижения небольшой горстки его бойцов, противостоявших значительно более сильному противнику. Имея несовершенное снаряжение и примитивные средства связи, полностью изолированная в сердце страны противника, дивизия эта вписала славную страницу в военную историю Англии.

Если все эти помехи сравнить с четырехкратным численным превосходством и блестяще поставленной службой снабжения

тех войск, которые в конечном счете захватили Багдад, то станут вполне понятными уважение и благоговение, которые турки оказывали Таунсенду и его бойцам.

Внутренний фронт 1915 г. Быть может наиболее значительной вехой на пути превращения борьбы от чисто «военной» к «национальной» было образование в Британии национального министерства. Произошло это в мае 1915 г.

То, что это министерство — прототип парламента — отказалось от системы партийных группировок, пустившей также глубокие корни, и взялось за руководство войной, являлось признаком глубоких психологических и социальных сдвигов. Либерал премьер-министр Асквит остался, но консерваторы получили в кабинете преобладающее число голосов, хотя динамическая личность Ллойд-Джорджа начала так сильно завоевывать общественное мнение, что действительное руководство фактически перешло в его руки. Черчилль, предвидение которого спасло порты и каналы от грозившей им опасности и помогло создать танки (средство покончить в будущем с застоем позиционной войны), был исключен из кабинета. Исключенным оказался и Хальдан, организатор экспедиционных британских сил.

Политические перемены произошли во всех странах; они были симптоматичны.

Первоначальный порыв прошел. Его сменило настойчивое упорство, которое хотя и было естественным для Англии, но както не вязалось с общераспространенным, хотя и искусственным представлением о французском темпераменте.

В экономическом отношении напряжение войны пока не дало себя резко почувствовать ни в одной из стран. Финансы проявили неожиданную способность приспосабливаться к положению, и ни блокада, ни подводные лодки серьезно не повлияли на подвоз продовольствия.

Хотя в Германии чувствовалось уже некоторое стеснение, но народ ее имел для укрепления своей воли к борьбе более осязаемые успехи, чем его противники. Все же в 1916 г. продовольственное положение в Германии обострилось из-за плохого урожая 1915 г. — худшего за 40 лет. К счастью для Германии положение ее улучшилось, а британская блокада частично была сведена к нулю благодаря легкому захвату плодородных земель на Восточном фронте.

По иронии судьбы, враги протянули Германии спасительную соломинку, ускорив вступление Румынии в войну, после того как Фалькенгайн почти потопил волю германского народа к борьбе в море крови и слез, вызванных возобновлением наступления на Западном фронте.

1. Дарданеллы

Великан, три корабля и боязнь насилия были основными факторами, втянувшими Турцию в войну против Британии — ее традиционного союзника.

Великаном был барон Маршаль-ф.-Биберштейн (германский посол в Константинополе в течение 15 лет, вплоть до 1912 г.). Для нации, на которую сильнейшее впечатление производила внешняя «представительность», крупная фигура Маршаль-ф.-Биберштейна и его властные манеры являли собой живой образ растущей мощи Германии.

Может быть только один человек был в состоянии более зрелой и уравновешенной силой британца противодействовать впечатлению, производимому в Турции Биберштейном. Этим человеком был Китченер. Любопытно, что он как-будто даже хотел занять место английского посланника в Константинополе, но желание его удовлетворено не было. В эти критические годы британским посланником был человек, лишенный требуемого авторитета и силы. К тому же в последние недели перед мировой войной его совершенно не было на месте, так как он уехал в отпуск.

Кораблями были германский крейсер «Гебен» и построенные Британией для Турции военные суда „Sultan Osman“ и „Reschadieh“.

«Гебен» был послан в Константинополь в начале 1914 г. и долго стоял на якоре у входа в Золотой рог. Его пребывание там имело целью повысить престиж Германии и ослабить единственную позицию возможного влияния Британии в Турции, ее морскую миссию.

В конце июля, когда в воздухе сильно запахло войной, постоянные опасения Турции за Дарданеллы (Россия проявляла к ним слишком большое стремление) превратились почти в панику. Помогло усилению паники и то, что на эти настроения влияла жажда Турции к расширению своих доминионов. Великий визирь Турции, уверенный в неизбежности войны между Германией и Россией, но сомневавшийся в возможности вступления в войну Британии и подстрекаемый германофилом Энвер-пашой, пошел навстречу прежним заигрываниям Германии и 27 июля попросил германского посла заключить с Турцией секретное соглашение, направленное против России. На следующий день предложение это было принято, а 2 августа договор подписан, хотя большинство турецкого кабинета ничего об этом не знало [1]. На следующий день первые мины были расставлены в Дарданеллах, а Энвер, по личной инициативе, мобилизовал турецкую армию.

Известие о вступлении Британии в войну явилось для Турции полной неожиданностью, и новый договор едва не лопнул, как мыльный пузырь. Действительно, в последующие дни царило такое возбуждение и смятение, что оно вылилось в новый «пробный» шар — изумительное предложение Турции к России заклю-

---

[1] 2 августа 1914 г. между Германией и Турцией было заключено дружественное соглашение, сущность которого состояла в том, что, соблюдая нейтралитет, Турция, в случае вооруженного вмешательства России в австро-сербский конфликт, сохраняет за собой «casus foederis»; в случае войны Германия оставляет свою военную миссию в Турции; Турция обеспечивает германской миссии действительное влияние на управление армией в соответствии с директивами военного министра и начальника германской военной миссии. — Прим. ред.

чить с ней союз [1]. Но пойти на это предложение Россия считала ниже своего достоинства, хотя оно и давало ей единственную возможность обеспечить себе лазейку, через которую могли бы притекать в Россию огнеприпасы и снаряжение от ее западных союзников. Россия предпочла пойти на изоляцию и, не желая пожертвовать своей мечтой об аннексии Константинополя и проливов, она даже не сообщила своим союзникам об этом предложении Турции.

Но внезапная перемена поведения Турции была недолговечна. И как ни странно, возвращению доверия к Германии в значительной степени помогла обида, нанесенная Турции Англией. Турция, еще кровоточившая из ран, нанесенных ей Балканской войной, ожидала с понятным нетерпением и гордостью передачи ей заказанных в Англии первых двух современных боевых судов, деньги на которые были собраны среди всего населения.

3 августа британское правительство известило Турцию, что оно оставляет эти суда себе. Известие это вызвало взрыв негодования. Каждый, внесший на это дело свою добровольную лепту, почувствовал себя оскорбленным и воспринимал это как личную обиду. Народные страсти кипели, когда 10 августа «Гебен», сопровождаемый крейсером «Бреслау», показался у входа в Дарданеллы, проскользнув мимо британской флотилии, стоявшей у Сицилии.

Офицер германской военной миссии, подполковник ф.-Кресс явился с этим известием в военное министерство к Энвер-паше и сообщил ему, что форты запрашивают инструкций как им быть: позволить этим военным судам войти в пролив или нет?

Тогда завязался чрезвычайной важности диалог.

Энвер. «Я не могу решить это сейчас. Я должен раньше посоветоваться с великим визирем».

Кресс. «Но мы должны немедленно телеграфировать».

Момент душевного смятения. Затем:

«Пусть они позволят им войти».

Вероломный вопрос Кресса: «Если английские военные суда будут преследовать германские и если англичане попытаются войти в пролив, то следует ли обстрелять их?»

«Решение этого вопроса должно быть предоставлено кабинету».

«Ваше сиятельство, мы не можем оставить в таком положении наших подчиненных, не дав им ясных и определенных инструкций. Обстрелять англичан или нет?»

Новая пауза...

«Обстрелять».

---

[1] Начиная с 5 августа, Россия стала получать от Турции настойчивые и неоднократные заверения, что Турция ни с кем не связана. Более того, с ее стороны поступили даже предложения предоставить в распоряжение русского командования турецкую армию «для использования ее в своих целях». Подробнее см. М. Н. Покровский «Империалистическая война». Сборник статей, стр. 173—177. — Прим. ред.

Генерал Каннегиссер, немецкий свидетель этого разговора, образно говорит: «Нам послышался тогда грохот железного занавеса, спускавшегося перед Дарданеллами».

Международные законы были обойдены, возражения Англии ни к чему не привели, а колебавшиеся коллеги Энвера были успокоены устройством фиктивной продажи Турции этих военных судов. Турция в это время не была готова вступить в войну и еще не согласилась на нее. Британия же имела все основания избегать войны.

Таким образом, в последующие недели пассивность Британии перед лицом возраставшей провокации позволяла туркам быстрыми шагами продвигаться на пути к войне и даже толкала их на это. Германские команды были оставлены на судах, германский адмирал назначен командующим турецким флотом, а британская морская миссия была отстранена от руководства и затем вынуждена покинуть Турцию. Британские суда были задержаны, радио с них снято; германские солдаты и моряки проникли в Константинополь, пролив был закрыт [1].

В это время турецкие министры, вообще бойкие на язык, поздравляли друг друга, удивляясь легковерию британцев и награждая их красочными эпитетами. Сдержанность Британии, видимо, объяснялась излишней ее щепетильностью и острым чувством опасности для нее как страны, имеющей миллионы мусульманских подданных, итти на притеснения мусульман. Соглашательство все же скоро дошло до предела, граничащего с глупостью, когда британское адмиралтейство отказалось от назначения адмирала Лимпуса (бывшего начальника английской морской миссии в Турции) командующим британской дарданельской эскадрой из боязни обидеть этим турок; вместо соглашательства было проявлено совершенно неуместное «рыцарство»: отказались от использования единственного человека, который хорошо знал турок и Дарданеллы.

Даже германцы стали беспокоиться, когда ряд рейдов на границе Египта не смог заставить Британию ускорить ее вступление в войну. Тогда германский адмирал, с согласия Энвера, послал турецкую флотилию рейдировать в Черном море, против наиболее восприимчивого и нетерпимого союзника Британии с задачей обстрелять Одессу и другие русские порты.

История этой провокации, по рассказу и документам лорда Д'Абернона (уже после войны) очень интересна. Официальное разрешение было прислано в германское посольство в запечатанном пакете и адресовано на имя адмирала. Один из чиновников взял на себя инициативу и предосторожность вскрыть пакет и послать дальше просто копию. Первое донесение, поступившее в Константинополь после этого рейда, сообщало, что «Гебен» погиб. Думая, что приказ потонул вместе с крейсером, великий визирь соглашательски отвечал на протесты России, отрицая, что Турцией давались какие-либо приказы на этот счет. Узнав об

[1] На «Гебене» и «Бреслау» в Турцию прибыло около 450 германских офицеров и солдат в качестве морских инструкторов во главе с контрадмиралом Сушоном. — Прим. ред.

этом, германское посольство послало ему следующее сообщение: «Приказ, существование которого вы отрицаете, думая, что он затонул вместе с «Гебеном», находится в надежном месте в германском посольстве... Пожалуйста перестаньте отрицать, что турецкое правительство отдало приказ о нападении на Россию».

Таким образом великий визирь, страшившийся войны и не желавший ее, просто был отстранен и лишен всякого влияния, а искусная провокационная политика Германии уничтожила последние извинения для тройственного согласия в его пассивности и непротивлении Турции. В конце октября Турции была объявлена война.

Теперь лучшим выходом для Британии и России была немедленная активная борьба с Турцией. Укрепления Дарданелл были устарелые и недостаточные. Единственные два военных завода Турции, вырабатывавшие огнеприпасы, были расположены на взморье близ Константинополя и открыты для огня любого военного суда, проникшего туда.

Рассказ о том, как упустили эту возможность, весь зиждется на возмутительной беспечности Британии и неменьшей близорукости России.

3 ноября союзная флотилия провела короткий обстрел внешних фортов Дарданелл. Единственным результатом этого обстрела была помощь германским инструкторам в их стремлении побороть инертность Турции к укреплению и обороне побережья. Затем турки вновь впали в летаргическое состояние. Но спустя шесть недель, британские подводные лодки подняли новую тревогу и доставили своему командующему боевую награду, пробравшись между минами и потопив одно судно вблизи пролива. Однако, эффект этих предупреждений был незначителен. Спячка Турции была почти столь же беспредельна, как и легкомыслие Британии. Только к концу февраля турки перебросили немногим больше дивизии на Галлиполийский полуостров, и только к марту работы по укреплению берегов пролива могли считаться доведенными до некоторого совершенства. Состояние инертности видимо вызывалось чувством бесполезности расхода энергии на предупреждение форсирования противником пролива, которое, если бы противник серьезно взялся за это дело, едва ли вообще могло быть предупреждено. А раз хорошо осведомленные эксперты из германцев и турок сомневались в своей способности предупредить чисто морское нападение, то они, конечно, еще меньше надеялись противостоять удару комбинированных сил. Турецкая военная история чистосердечно признается: «До 25 февраля было легко произвести десант в любом месте полуострова, и захват пролива сухопутными войсками удался бы сравнительно просто».

Одно время Антанта могла найти нужные для этого войска, даже не расходуя на это своих сил и средств. В середине августа греческий премьер-министр Венизелос формально и безгранично предоставил все силы Греции в распоряжение Антанты [1].

[1] В августе 1914 г. греческий премьер Венизелос сообщил английскому правительству, что Греция готова предоставить в распоряжение Антанты

Предложение это не было принято, главным образом, из желания Эдуарда Грея избежать обострения антагонизма Турции, ненависть которой по отношению к Греции была сильнее ненависти к любому из других ее противников 1912 г. Но когда Россия в конце месяца запросила Грецию, не согласится ли последняя послать экспедицию, чтобы помочь форсировать Дарданеллы, то король Константин согласился, но поставил условием, чтобы (во избежание удара в спину) ему был обеспечен нейтралитет Болгарии. План греков, тщательно продуманный, заключался в высадке 60 000 человек близ наружного края полуострова, чтобы с тыла ударить по фортам, прикрывающим пролив, а другие 30 000 человек высадить у Булаира для захвата и удержания перешейка. Однако, к моменту вступления Турции в войну Константин взял назад свое так неохотно данное согласие, убедившись, что Болгария уже «обработана» Германией.

В Англии единственным человеком, постоянно подчеркивавшим значение открытия Дарданелл, был Черчилль. Начиная с августа, он не раз пытался заинтересовать этим военное министерство, которое уже несколько лет даже поверхностно не занималось этим вопросом. Через три недели после вступления Турции в войну Черчилль вновь поднял этот вопрос на первом же заседании первого военного совета, но взоры всех настойчиво были устремлены на французский фронт, и Черчилль не получил поддержки Китченера. В течение декабря мрачные перспективы на Западном фронте были поняты уже многими в Англии, хотя еще немногими во Франции. К тому же рост новых армий вызвал совершенно естественный вопрос: как же их использовать. Сочетание этих двух факторов способствовало если не разряжению, то освежению атмосферы. С различных сторон начали раздаваться суждения о новых операционных направлениях.

Наиболее определенное и практическое суждение было выражено в докладной записке от 29 декабря, написанной подполковником Морисом Ханкей. Он разбирал состояние застоя, наступившее в операциях во Франции, и, требуя развития механических и бронированных средств борьбы, чтобы проложить ими дорогу сквозь нагромождение проволоки и окопов, высказывал соображение, что легче и удобнее поразить Германию через ее союзников, главным образом, через Турцию. Он ратовал за использование первых трех корпусов для нападения на Константинополь, по возможности во взаимодействии с Грецией и Болгарией, как средство не только опрокинуть Турцию и восстановить на Балканах равновесие в пользу Антанты, но и обеспечить сообщение с Россией. Дальнейшие выгоды выражались бы в понижении цен на пшеницу и использовании 350 000 т коммерческого (торгового) тоннажа. Аргументация подполковника показывала в нем глубокое понимание стратегии, а между тем горизонт большинства

свою армию и флот для возможной операции на Галлиполийском полуострове. Английское правительство, пытаясь избегнуть войны с Турцией, не только отклонило это предложение, но и гарантировало полную неприкосновенность Турции в случае сохранения последней благожелательного нейтралитета. — Прим. ред.

военных, особенно высшего командного состава, был ограничен одной только тактикой.

Джон Френч возражал против расточения каких бы то ни было усилий вне непосредственного района его действий во Франции. Но в это время пришла просьба великого князя Николая облегчить демонстрацией британцев нажим турок на русские войска на Кавказе [1]. Смешно, когда подумаешь, что прежде чем просьба русских была получена Британией, опасность для них почти миновала. Еще комичнее то, что поддержка Англии требовалась только потому, что великий князь не хотел уделить Кавказу какие-либо части с основного своего театра военных действий.

В своем ответе Китченер утверждал, что лучшим местом для такой демонстрации являются Дарданеллы и что «одновременно можно распространить слух, будто Константинополь находится под угрозой». Тогда вмешался Фишер. Он предлагал не одну демонстрацию, а комбинированную атаку широкого масштаба, причем старые военные суда могли бы быть использованы для форсирования Дарданелл. Фишер заканчивал характерно и пророчески: «Но,— как сказал великий Наполеон,— необходима быстрота; без нее поражение!». Черчилль знал, как мало надежд получить войска для проведения широкой операции, но он с рвением ухватился за возможность действовать на море. В тот же день, 3 января, он с согласия Фишера протелеграфировал адмиралу Кардену [2]:

«Считаете ли вы, что операция по форсированию пролива может быть выполнена силами только флота?».

Ответ Кардена гласил:

«Я не думаю, что через Дарданеллы можно прорваться внезапной атакой. Они смогут быть форсированы при помощи морской операции большого напряжения при очень большом числе кораблей».

Подробный план Кардена был передан военному совету 13 января. Роковое решение принималось в роковой обстановке. Стратегия вместо того, чтобы быть слугой политики, стала ее господином и господином слепым и властным. Олицетворяемая Джоном Френчем стратегия, ничего не признавая, шла наперекор желаниям политики, а так как Френча поддерживал, скорее лойяльно, чем логически, Китченер, то остальные члены кабинета не противоречили Френчу; они молчали, хотя молчание это вызывалось скорее их положением в кабинете как «диллетантов». Поэтому они цеплялись за соломинку профессионального военного мнения, ко-

---

[1] Турки после жестокого поражения под Саракамышем к январю 1915 г. оправились, получили подкрепления и сильно потеснили передовые части русских на кавказском театре. Английскому представителю при русской ставке было заявлено, что русское верховное командование будет продолжать наступательные операции на варшавском фронте, чтобы облегчить положение союзников на Западном фронте, и пошлет на варшавский фронт два новых корпуса (IV Сибирский и Гвардейский), но как компенсацию ставка требовала от Англии произвести диверсию в Турции. — Прим. ред.

[2] Карден был командующим английским флотом в Средиземном море. Фишер — первый лорд адмиралтейства, адмирал. — Прим. ред.

торое хотело пожинать плоды, не затрачивая на это никаких усилий. Слова, в которых было сформулировано решение совета, являются образцом путаного мышления:

«...подготовить в феврале операцию для бомбардировки и взятия Галлиполийского полуострова, имея конечной целью овладение Константинополем».

Предположение, что судам удастся «овладеть» частью суши, восхитительно по своей наивности и нелепости!

Несколько дней спустя Черчилль попытался подкрепить свой план, предложив великому князю Николаю, чтобы русские одновременно провели атаку Босфора с моря и с суши. С точки зрения стратегии предложение это было блестяще. Но оно было сделано впустую, так как — и здесь парадокс! — в данном случае политические соображения брали вверх над военными интересами русских!

Как ни велико было желание России обладать Константинополем, она не хотела здесь выступать совместно с кем-либо из своих союзников. Краеугольным камнем русской политики была аннексия как Константинополя, так и Дарданелл. Сазонов, министр иностранных дел, пытался сделать это притязание более приемлемым для своих союзников, предлагая превратить Константинополь в интернациональный город в обмен за контроль России над проливами. Но русская военная машина придавила даже эту частичную уступку. Таким образом неудивительно, что военная Россия ревностно и подозрительно следила за всяким шагом своих союзников на пути к ее собственным устремлениям и воздержалась от всякой их поддержки. Даже Сазонов пишет:

«Мне была чрезвычайно неприятна мысль, что проливы и Константинополь могут быть захвачены нашими союзниками, а не русскими... Когда Галлиполийская экспедиция окончательно была решена нашими союзниками .. я с трудом мог от них скрыть, как больно поразило меня это известие».

Россия не хотела даже помочь прочистить свою собственную отдушину — Босфор! Она предпочитала задохнуться, чем отказаться от частицы переполнявших ее амбиций. В конце концов она задохлась.

В Англии также возникли новые осложнения. Черчилль возражал против плана, говоря, что он задуман слишком узко. Фишер говорил, что план может при проведении его в жизнь сильно расшириться и сорвать балтийские проекты Фишера. Это расхождение во мнениях привело к ссоре обеих — политической и профессиональной — верхушек адмиралтейства. На ближайшем военном совете Фишер встал, чтобы заявить о своей отставке, но вмешался Китченер и, отведя его в сторону, убедил примкнуть к большинству данного заседания. Таким образом план, построенный на компромиссе, обязан компромиссу и при самом утверждении его.

Очень удачен приговор генерала Аспиналь-Огландера в написанной им официальной истории: операции на Западном фронте были рискованной игрой со ставкой в фунты стерлингов ради

выигрыша пенсов, а на Востоке «ставить надо было пенсы ради нисколько не преувеличенных надежд выиграть фунты».

Морская операция началась 19 февраля бомбардировкой внешних фортов. Любопытно, что день этот был годовщиной успешной попытки адмирала Дюкворта в 1807 г. прорваться сквозь пролив.

Затем пять дней плохой погоды прервали действия, а когда 25-го числа возобновилась бомбардировка, обстрел не мог уже привести к желанным результатам, так как турки бросили форты.

На следующий день флотилия приступила ко второй фазе действий — разгрому промежуточных укреплений. Эта работа была уже труднее, так как укрепления, находясь внутри самого пролива, представляли собой трудно обнаруживаемые цели. Хотя результат этого обстрела был плачевным, все же пытались выбросить на берег небольшие отряды. Эти отряды уничтожили орудия в брошенных внешних фортах. (Здесь история может отметить, что на том самом месте, где 26 февраля горсть моряков свободно передвигалась и делала то, что ей вздумается, два месяца спустя падали тысячи людей). На следующий день опять производились высадки, затем вновь 3 марта, но 4 марта высадившиеся части встретили уже легкое сопротивление турок и погрузились обратно.

Между тем бомбардировка продолжалась несвязно и отрывочно. Отчасти, но не всецело, виновата в этом была плохая погода. Затем тралеры сделали слабую попытку очистить первое минное поле.

Но недели шли, и адмиралтейство почувствовало, что осторожность Кардена не соответствовала важности поставленной ему задачи и значению быстрого ее решения. Поэтому 11 марта была послана телеграмма, торопившая Кардена приступить к решающим действиям. Телеграмма эта снимала с него всякую ответственность за могущие быть серьезные потери. Карден немедленно реагировал на эту телеграмму и организовал общую атаку пролива флотилией, под прикрытием которой должны были быть расчищены минные заграждения. Руководящий принцип атаки заключался в том, чтобы суда прошли и стреляли с вод, очищенных от мин или где мин вовсе не было. К этому моменту подготовки операции Карден заболел и был сменен его помощником Де-Робек.

Атака началась 18 марта, но была сорвана небрежностью англичан. Пробравшись сквозь патрули британских контрминоносцев, небольшое турецкое судно проложило новую цепь мин далеко впереди главного минированного поля, расставляя их параллельно бухте залива Эрен-Киой, где при первоначальных бомбардировках как раз располагалась флотилия союзников. Эта новая полоса минных заграждений не была разведана и о ней ничего не подозревали. Флотилия прошла мимо бухты, чтобы обстрелять форты. К 1 час. 45 мин. ночи форты были приведены к молчанию, причем огонь фортов мало повредил судам. Вперед были посланы суда, чтобы расчистить главное минное поле. Французская эскадра, находившаяся в авангарде, временно была оттянута назад.

Когда эскадра шла через бухту залива Эрен-Киой, раздался страшный взрыв, и над «Bouvet» показалось густое облако дыма. Меньше чем через две минуты судно перевернулось и затонуло почти со всей командой. Но сменившие французскую эскадру корабли продолжали бой с более коротких дистанций. Орудия фортов вновь открыли свой огонь, но вспышки выстрелов оттуда прорезывали темноту все реже и реже, по мере того как орудия погребались в осколках булыжника и щебня, а телефонные провода срывались огнем флотилии.

Внезапно, около 4 часов ночи увидели, что суда „Inflexible“ и „Irresistible“ почти одновременно тяжело поражены. Таинственность всего этого усиливала моральное влияние потерь.

Никто не подозревал о новой полосе минных заграждений. Полагали, что жертвы эти вызваны пловучими минами, сорванными и унесенными течением. Думали также, что это стреляют, укрывшись где-нибудь близ берега. Боязнь неизвестности ускорила решение адмирала Робека немедленно дать приказ об общем отступлении. Во время этого отступления „Ocean“ был послан на помощь „Irresistible“ но натолкнулся на ту же цепь мин, и еще до рассвета волны поглотили оба судна.

Хотя британская флотилия потеряла в общем только 61 человека, потери в материальной части были велики, так как из 18 судов союзников три затонули и три были серьезно повреждены. Но хуже всего была потеря самообладания и оптимизма. Кто мог ожидать, что противник покажет такой высокий класс действий на море!

Фактически же противник был подавлен гораздо сильнее, причем основания для этого у него были более серьезные. Свыше половины наличного запаса огнеприпасов было израсходовано. Запаса мин не было. Большая часть орудийной прислуги была деморализована. Среди турецких и германских офицеров широко распространилось убеждение, что противостоять новой атаке мало надежды.

Но атаке этой, вопреки всем ожиданиям, не суждено было возобновиться. Когда Де-Робек вышел из боя, он весь был пропитан решимостью возобновить атаку. Намерение его разделяло и адмиралтейство, уведомив Робека, что ему посылается еще пять судов, чтобы заменить потери. Адмиралтейство добавило: «Важно не позволить восстановить форты или подбодрить врага видимым прекращением операции». Но 23-го числа Робек послал телеграмму, которая не только говорила о перемене его точки зрения, но переубедила и адмиралтейство, за исключением Черчилля. Однако, последний вынужден был покориться решению профессионалов. Новое мнение Робека заключалось в том, что без поддержки армии операция флоту не удастся и что все дальнейшие попытки должны быть отложены до подготовки армии. На практике это означало, что флот все тяготы операции перекладывает на плечи армии и будет пассивно стоять, наблюдая, как армия будет сгорать в бесплодных атаках, не поддержанная новой атакой флота. Быть может подоплеку этого решения надо искать в «служебном» направлении умов, которое сентиментально расценивает

вещи дороже жизней. Любви артиллериста к своему орудию и готовности принести себя в жертву только для того, чтобы предупредить позор потери орудия, можно противопоставить обожание моряком своего судна, обожание даже таких древних и устаревших судов, как те, которые применялись в Дарданельской операции. Это мешает моряку стать на точку зрения здравого смысла, что судно, как и снаряд, только боевое средство, которое надо истратить с наибольшей пользой для себя. Быть может значительным фактором, повлиявшим на решение моряков, было наличие солдат и готовность их взять на себя все тяготы предстоящей операции.

Дело в том, что случайно вместе с подготовкой морской операции британское правительство самостоятельно пришло к решению о неизбежности также и сухопутной операции. Корни этого лежат не в более широкой трактовке дарданельской проблемы, а в том, чтобы как-нибудь использовать новые армии для поддержки Франции.

Комитет высказался за действия со стороны Салоник ввиду возможности оказать непосредственную помощь Сербии, что в свою очередь было связано с ударом в спину центральным державам — ударом вверх по Дунаю. Мнение это было одобрено на заседании военного совета 9 февраля; оно было подкреплено известием о переходе Болгарии на сторону Германии и желанием подтолкнуть Грецию оказать Сербии поддержку.

Китченер, заявлявший ранее, что он не может добыть войска для Дарданелл, теперь сказал, что он пошлет в Салоники регулярную 29-ю дивизию вместе с французской дивизией. Обещание 2 дивизий, конечно, было недостаточным, чтобы побороть опасения Греции. Греция соглашалась принять участие в операции только при условии привлечения к ней и Румынии, а Румынию отпугивали неудачи России.

Но тот факт, что можно располагать 29-й дивизией, всплыл наружу, и его больше нельзя было скрыть от кабинета обычной для Китченера скрытностью и авторитетом. Тем более, что в данную минуту он и не пытался задержать эту дивизию. В соответствии с этим военный совет решил 16 февраля, что дивизия должна быть отправлена в центрально расположенную гавань Мудрос, в «ближайший возможный момент вместе с частями из Египта», чтобы «иметь все эти силы под рукой в случае необходимости поддержать атаку Дарданелл с моря».

Все же никто тогда не указал, что для внезапности и достижения больших результатов комбинированного удара атака с моря должна быть временно отложена.

Но 29-я дивизия сразу же стала объектом ожесточенной борьбы между «восточной» и «западной» школой мышления, причем каждая старалась вырвать эту дивизию себе, а на «западной» стороне был не только британский штаб во Франции, но и Жоффр. Жоффр проявлял быстрое соображение только тогда, когда угрожали его собственным интересам, а в отправке вновь организованной 29-й дивизии на восток вместо запада он видел дурное предзнаменование для дальнейшего назначения дивизий новой армии.

Китченер легко мог не посчитаться с мнением Френча, но он не мог итти наперекор французам. Лойяльность его к Франции была у него более ранним инстинктом, чем любовь к востоку, и теперь лойяльность эта взяла верх над его надеждами, связанными с операцией на восточном театре войны.

Поэтому на следующем заседании военного совета, состоявшемся через три дня, он резко повернул фронт и заявил, что 29-я дивизия не может быть предоставлена для этой операции. Взамен ее он предлагал посылку сырых австралийских и новозеландских войск — двух дивизий из Египта. Он даже за спиной Черчилля сообщил адмиралтейству, что 29-я дивизия не будет отправлена, и этим прервал подготовку необходимых для ее перевозки транспортов.

В этот же день началась морская атака, и орудия загрохотали на Ближнем востоке. Когда пришло известие, что внешние форты пали, турецкое правительство стало готовиться к бегству вглубь средней Азии. Германские советники ожидали не только появления союзного флота перед Константинополем, но полагали, что появление флота послужит сигналом для восстания против Энвера и приведет Турцию к сепаратному миру. Турки больше не могли бы продолжать войну, если бы Константинополь — единственный источник, откуда текли огнеприпасы,— был ими оставлен.

Италия и Греция начали сильнее склоняться к войне, а Болгария напротив несколько охладела к ней. 1 марта Венизелос предложил высадить в Галлиполи три греческие дивизии, но здесь роковую роль снова сыграла Россия, поставив Афины в известность, что:

«ни при каких обстоятельствах мы не можем позволить греческим войскам участвовать в атаке союзниками Константинополя».

Лишь отдаленные отголоски всего этого дошли до военного совета в Лондоне, но и этого было достаточно, чтобы подбодрить сторонников операции и перетянуть на их сторону сомневавшихся. Первоначальная мысль, что морская атака — только попытка, и если проведение ее будет сопряжено с большими трудностями, от нее лучше отказаться, теперь стушевалась и все согласились, что атака должна быть доведена до конца, если понадобится — с участием сухопутных войск.

Не соглашался только Ллойд-Джордж. Он заявил, что флот хочет «загребать жар чужими руками» и что вся тяжесть операции ляжет на сухопутные войска. Любопытно, что он один провозгласил военную истину, исторический вывод: редко оправдается повторная атака на направлении, которое раз уже привело к неудаче, и разумнее попытаться развивать удар с нового направления. Если правильность его замечания не сразу была оправдана, то это всецело зависело от «спячки» турок и пассивности их к использованию раз сделанного предостережения.

В противовес мнению Ллойд-Джорджа Китченер вдохновенно доказывал, что «раз пошли на форсирование пролива, не может быть и речи об отказе от этого предприятия». Но только 10 марта

он, наконец, решил выделить для этой операции 29-ю дивизию и, что еще хуже, только 12 марта назначил командующего, возглавлявшего эту экспедицию. Французы, несмотря на категорический отказ Жоффра уделить что-либо от полевых армий, наскребли из частей, находившихся внутри страны, одну дивизию и начали погрузку ее уже с 3 марта. Военное министерство в Лондоне к этому времени не сделало еще ни одного хотя бы подготовительного шага. И когда Ян Гамильтон отбыл 13 марта, налицо не было еще ни одного из административных работников для его штаба, и он должен был отправиться без них. Затем все его материалы о районе предполагаемых действий ограничивались справочником о турецкой армии 1912 г., старым отчетом о Дарданельских фортах и неточной картой! Чтобы чем-нибудь пополнить этот пробел, кое-кто из работников его штаба рыскал по книжным лавкам и букинистам, отыскивая путеводители по Константинополю.

Единственным быстрым и отрадным достижением в этот период был проезд Яна Гамильтона в Дарданеллы. Цепь специальных поездов и быстроходных крейсеров уносила его туда быстрее, чем он мог бы путешествовать в мирное время, пользуясь Ориент-экспрессом.

Он прибыл к флотилии 17 марта, накануне атаки. Первым его замечанием было признание непригодности Лемноса как базы для развития операции, из-за отсутствия здесь воды, пристаней и укрытий в Мудросской бухте, необходимых для погрузки и выгрузки войск. Затем он обнаружил, что присланные войска были так скверно распределены по транспортам, что необходимо их выгрузить и заново распределить, прежде чем высаживать их на открытом вражеском побережье. Поэтому первым его шагом 18 марта было неудачное решение перенести базу в Александрию и направить туда все транспорты. Первоначальная погрузка была проведена так беспорядочно и необдуманно, что батальоны были отделены от своих обозов 1-го разряда, повозки — от лошадей, орудия — от зарядных ящиков и даже снаряды — от дистанционных трубок. Один пехотный батальон 29-й дивизии оказался раздерганным по четырем транспортам.

Но и при наличии обширной пристани в Александрии выгрузка и новая погрузка всех транспортов были медленным делом, а административного штаба не было и некому было подогнать работы.

22 марта, после морской атаки и до отплытия в Александрию, Ян Гамильтон вместе со своими старшими помощниками устроил совещание с Робеком.

«Как только мы сели, Робек заявил нам, что теперь он ясно понимает, что ему не удастся справиться с поставленной задачей без помощи всех моих войск».

Солдаты не могли возражать против приговора, вынесенного моряками, и без всяких споров и обсуждения выполнение задачи было поручено армии. Хотя Ян Гамильтон вежливо заметил адмиралу, что он должен «систематически продолжать нажим на форты» и их атаку, а Черчилль выступил с такими же предложе-

ниями в Лондоне, оба адмирала как в адмиралтействе, так и в Дарданеллах были непоколебимы, как скалы. Отныне флот широко пользовался тем, что Черчилль удачно назвал принципиальным «нет» — «непреодолимым нематериальным барьером».

Во всем этом хаосе и столпотворении ярким пятном выделяется меморандум, составленный 16 марта Морисом Ханкей для премьер-министра. В нем он писал:

«Комбинированная операция требует более тщательной подготовки, чем любое иное военное предприятие. Красной нитью через всю историю проходит вывод, что такие атаки всегда срывались, когда подготовка к ним была несовершенна, а успех почти во всех случаях был обязан тщательной подготовке.

Дело военного совета — убедиться, достаточно ли продумана в данном случае подготовка операции».

Далее он указывал, что на внезапность вряд ли можно еще рассчитывать и что из-за этого задача сильно осложняется. Поэтому он перечислял внушительный ряд пунктов, по которым военный совет должен произвести перекрестный допрос морских и военных авторитетов. В заключение говорилось:

«В случае если все мелочи, приводимые мной... не будут тщательно продуманы, прежде чем приступят к десанту... может произойти большое несчастье».

Историки могут подумать, что Ханкей был единственным умным и дельным советчиком британского правительства. Когда премьер-министр неохотно собрался порасспросить «всезнайку» Китченера и поставил ему пробный вопрос: разработан ли вообще план операции, Китченер ответил: «Это должно быть предоставлено командующим на месте», сразу оборвав таким ответом дискуссию. Никакого внимания не было уделено более широкой оценке операции, ее немедленной и потенциальной потребности в людях, артиллерии, огнеприпасах и снабжения. В итоге экспедиция перебивалась с хлеба на воду, нуждалась во всем, всегда чувствовался недостаток пищи, и пища запаздывала. В общем имевшихся теперь сил и средств было значительно больше, чем то, что было бы достаточным для обеспечения успеха, когда операция эта была задумана впервые.

2. Десант в Галлиполи 25 апреля 1915 г.

(Схема 3)

Несмотря на ряд приведенных выше ошибок и глупостей, все же уместно спросить, оставались ли еще виды на успех, когда началась запоздалая атака Дарданелл сухопутными войсками?

Приговор истории положителен. Часть, если не все из возможностей, упущенных британцами, была для них восстановлена самими турками.

Паника, вызванная началом морской атаки, и убеждение, что не удастся помешать проходу через Дарданеллы, заставили турок

отдать новые военные приказы, которыми, по словам Лимана ф.-Сандерс, главы германской военной миссии, «отказывались от всякой обороны внешнего побережья Галлиполийского полуострова с господствующими там высотами и отказывались от обороны Азиатского побережья у входа в Дарданеллы. Это был

СХЕМА 3

минимум возможных оборонительных мероприятий». Приказы эти не были проведены в жизнь; частично это обязано протестам Лимана ф.-Сандерса, хотя Энвер-паша и говорит, что он не вмешивался в это дело. Но вероятнее всего это — результат инертности турок.

Отсутствие повторных морских атак после неудачи 18 марта правильно было истолковано как предзнаменование, что готовится сухопутная операция. Уверенность эта была подкреплена

многочисленными донесениями из различных портов Средиземного моря, главным же образом, из Александрии и Каира. Там, по крайней мере, хоть один из работников штаба Ян Гамильтона получал служебные письма из Англии, посылаемые по почте с таким адресом: «Константинополь. Полевая армия». Конечно, всякие виды на секретность операции после выгрузки войск в Египте давным-давно исчезли.

Таким образом, 25 марта Энвер на основании всех этих данных решил организовать отдельную армию для защиты Дарданелл и поставить во главе ее Лимана ф.-Сандерса. После лихорадочного ознакомления с обстановкой и осмотра Лиман, обращаясь к своему подчиненному Гансу Каннегиссеру, воскликнул: «Если бы только англичане оставили меня в покое на восемь дней!». Они не беспокоили его в течение четырех недель! Этот месяц «милости» оказался, как пишет Сандерс, вполне достаточен, чтобы провести в жизнь самые необходимые мероприятия и подвезти из Константинополя 3-ю дивизию под начальством полковника Николаи. Прибытие этой дивизи повысило силы армии до 6 дивизий. Теперь в Галлиполи было в шесть раз больше сил, чем до начала морской атаки.

Сандерс нашел, что силы эти слишком разбросаны по всему побережью. Первым его шагом было сосредоточение этих сил. Чтобы оно оказалось действительным, ему надо было решить, где же можно ожидать десанта. Он считал, что Азиатское побережье, где действовать противнику было удобнее и где противник легко мог угрожать тылу армии Сандерса, является наиболее опасным местом. Поэтому Сандерс поместил две дивизии близ бухты Безика, чтобы прикрыть линию фортов на этой стороне. С европейской стороны он больше всего боялся десанта у Булаирского перешейка, где воды Саросского залива от вод Мраморного моря отделяла узкая полоска суши, шириной всего лишь в 3½ мили. Высадка противника здесь отрезала бы защитников полуострова от Фракии и Константинополя, хотя, если бы они не растерялись и действовали хладнокровно, они могли бы долго здесь держаться, получая снабжение и пополнение с азиатской стороны через пролив. Но, конечно, это было только возможностью. Поэтому у Булаира Лиман ф.-Сандерс сосредоточил еще 2 дивизии. Два других, менее опасных, но возможных пункта высадки противника были: первый у Габа-Тепе в шестимильном заливчике, где берега побережья были очень пологи и откуда широкая долина вела через Майдос к проливу; второй вблизи Капе-Хеллес — мыса на южной оконечности полуострова, где постепенный подъем вверх по холмам к Ачи-Баба мог простреливаться огнем британской флотилии. Лиман ф.-Сандерс распределил еще одну дивизию для охраны всей южной части полуострова, а последнюю дивизию, под начальством подполковника Мустафы-Кемаля, расположил к северо-западу от Майдоса — от бухты Сувла до бухты Ейльмер как резерв.

План обороны был построен, главным образом, на подвижности, чтобы наилучшим образом использовать свои войска и уравновесить легкость, с которой британцы могут передвигаться по

морю; Сандерс всю свою энергию и внимание сосредоточил на прокладки новых дорог и улучшении существующих.

Распоряжения Лимана ф.-Сандерса — лучшее оправдание плана Яна Гамильтона. В плане последнего руководящими факторами были: небольшая величина сил британцев и поставленная им задача. Силы британцев заключались только в 5 дивизиях— 75 000 человек против 84 000 турок. Задача заключалась в том, чтобы проложить флоту дорогу через пролив, а не завязать самостоятельно кампанию ради каких-либо крупных стратегических целей. Скупые инструкции Китченера «строго запрещали», хотя без всякого пояснения этого, наступления на Азиатском побережье, и там, кроме первоначальной поддержки при высадке на берегу, орудия флотилии не могли больше ничем помочь войскам. Саросский залив в стратегическом отношении был наиболее уязвимым местом, но, как указал сам Лиман ф.-Сандерс, «оттуда не было возможным прямое действие артиллерии» по укреплениям пролива. Больше того, взморье у Булаира организовалось для стойкой обороны, а десант на западной стороне залива чувствовал бы себя неспокойно от слишком большой близости болгарской границы. Кроме того направление это при дальнейшем наступлении вело через трудную и неудобную местность. В каждом из этих случаев небольшой десантный отряд подвергался бы опасности удара во фланг и тыл с материка Фракии и попадал бы таким образом между двух огней и глубоким морем.

Взвесив все эти условия и все препятствия, Ян Гамильтон остановился на двойном ударе в южной половине полуострова. 24-я дивизия должна была высадиться в четырех пунктах взморья на южной оконечности полуострова и захватить Ачи-Баба, а французы оставались в резерве и ждали, выслав одновременно один полк для высадки в Кум-Кале на Азиатском побережье в качестве демонстрации и отвлечения внимания турок от направления главного удара. Обе дивизии Австралийского и Новозеландского армейских корпусов, инициалам которых было суждено обогатить словари и историю словом «Анзак», должны были высадиться севернее Габа-Тепе, а королевской морской дивизии было приказано произвести демонстрацию у Булаира.

Хотя мысль о десанте на южной оконечности полуострова диктовалась соображениями безопасности, но результатом ее неожиданно явилась внезапность. А к внезапности стремились многие, неутомимо изыскивая самые разнообразные способы достигнуть ее. Командир боевого судна Унвин, вдохновившись близостью Трои, решился на хитрое предложение — воспроизвести бессмертного деревянного коня, заменив его в данном случае „морским конем". Угольщик „River Clyde" должен был с разбега наскочить на берег на пляже „V" и извергнуть войска через широкие отверстия, прорезанные в его боках. Ян Гамильтон лично добавил другую стратагему, несколько напоминавшую действия Вольфа под Квебеком: отряд в составе двух батальонов должен был высадиться выше на побережье, в месте, явно неприступном и потому вряд ли защищаемом. Оттуда он мог бы угрожать тылам турок, защищающих южное взморье. Это место

взморья было окрещено пляж „Y". Далее французские транспорты должны были создать видимость высадки войск в бухте Безика. Ян Гамильтон хотел увеличить шансы на достижение хотя бы частичной внезапности и понизить возможные потери, произведя высадку войск ночью, хотя это и было связано с отказом от поддержки десантной операции огнем орудий флотилии. Но Гунтер-Уистон, командующий 29-й дивизией, предпочитал, чтобы избежать путаницы и беспорядка, дневную высадку.

Он добился своего при поддержке моряков, которые возражали против проведения десанта ночью из-за больших трудностей, связанных с течением. Командир корпуса Бердвуд для высадки «Анзака» разумно предпочел пойти на любой риск, чем на явную опасность, и хотя высадка его корпуса пострадала от некоторого беспорядка (что безусловно вызывалось отсутствием соответствующей подготовки войск, а не потерей ими направления в темноте), то все же войска корпуса понесли значительно меньше потерь, чем 29-я дивизия.

К 26 апреля вся подготовка этой отважной операции была закончена, и войска были сосредоточены в Мудросе на своих транспортах. Погода, не благоприятствовавшая операции, уже в течение нескольких недель являлась решающим и в то же время самым случайным фактором. Только 23 апреля она позволила, наконец, приступить к выполнению операции. Механизм проведения последней требовал, чтобы прошло 36 часов, и тогда, как установленный будильник, был подан знак к началу операции.

Вечером 24 апреля 11 транспортов с пехотой королевской морской дивизии отплыли в Саросский залив, эскортируемые военными судами, которые с рассветом начали редкий обстрел побережья у Булаира. К вечеру на виду у турок войска были пересажены на десантные шлюпки, которые медленно направились к берегу. Сразу с наступлением темноты, когда их окутал бы мрак, они должны были вернуться назад к судам. Ночью один из офицеров, лейтенант Фрейберг, проплыл с лодки к берегу около двух миль и зажег вдоль взморья факелы. Его геройский поступок и эффект этого поступка—лишнее доказательство того, что на войне иногда один человек может оказаться полезнее тысячи.

Для десанта у Габа-Тепе были отправлены 1 500 человек прикрывавшей группы на трех боевых судах к сборному пункту в море, в пяти милях от берега. Там они в 1 час. 30 мин. ночи, как раз когда месяц стал прятаться в тучи, начали карабкаться в шлюпки. Затем военные суда (катера) взяли шлюпки на буксир и тихо двинулись к берегу, пока расстояние до берега не уменьшилось наполовину. Шлюпки и катера сопровождались семью истребителями с остатком войск прикрывающей группы. Здесь 12 шлюпок, каждая имея впереди себя небольшую моторную лодку в виде дозора, отдали концы и продолжали уже самостоятельно приближаться к берегу. Но в темноте и при сильном течении шлюпки относило в сторону, и они подошли к берегу на милю севернее намеченного места высадки. Здесь побережье оказалось

более суровым, оно было загромождено отвесными скалами, изрезано крутыми оврагами и усеяно камнями. Начинало рассветать, когда в 4 час. 24 мин. утра под редким и мало метким огнем немногих мелких и растерявшихся постов 48 лодок на веслах прошли последние 50 ярдов и пристали к берегу. В безудержном порыве австралийцы начали карабкаться вверх. Потерь почти не было, но части сильно перемешались, и вскоре путаница стала еще больше. Последующие части, прибывавшие с истребителей, пострадали от огня несколько сильнее, главным образом, слева, но прошли вперед вглубь полуострова на 1 милю. Один небольшой отряд прошел даже так далеко, что уже видел внизу мерцание вод пролива по ту сторону полуострова.

Высадка у мыса Хеллес оказалась менее счастливой, хотя противника здесь было не на много больше. На всем пространстве южнее Ачи-Баба имелось только два турецких батальона, и лишь два из пяти намеченных пунктов высадки войск имели проволочные заграждения и пулеметы. Это были центральные участки взморья W и V по обеим сторонам самого мыса Хеллес. Прикрывавший отряд британцев состоял из 4 батальонов 86-й бригады, которые вместе с дополнительным еще полубатальоном должны были высадиться на взморье на участках V, W и X; один батальон должен был высадиться на участке S, а два батальона — у Y, чтобы отсюда угрожать тылам противника. Таким образом, 7½ батальонов должны были быть сразу выброшены на берег; за ними должны были последовать еще 5 батальонов из состава главных сил и последней — французская дивизия. В 5 час. утра под прикрытием мощного огня, развиваемого судами, буксиры поползли к берегу. Первой помехой была медленность продвижения из-за течения; особенно это сказалось на буксирах, шедших к пляжу S, на восточном фланге. Это привело к задержке отправки войск на основные участки пляжа до 6 час. утра. Несмотря на это, буксиры, направившиеся к пляжу X, огибая западную оконечность полуострова, пристали к берегу, не понеся никаких потерь под защитой нависших утесов, где турки не ожидали десанта и могли противоставить ему только пикет из 12 человек. Но у W, ближайшем пункте высадки на пляже к востоку, высаживавшиеся части попались в ловко задуманную смертельную западню. Пока шлюпки выгребались к берегу, не было произведено ни одного выстрела, но как только они коснулись земли, на них обрушился град пуль, а люди, выпрыгивая из шлюпок, запутывались в погруженных, едва выступавших из воды проволочных заграждениях. Несмотря на тяжелые потери, десант продвигался вперед, выбил обороняющихся и занял позицию на утесах. Но командир бригады не пощадил себя и был ранен, а вместе с его уходом порыв войск ослабел.

Высадка в пункте V, вблизи старых фортов Седд-Эль-Бар, оказалась еще труднее. Здесь вторгавшиеся попали, как гладиаторы, на арену, медленно поднимавшуюся вверх, устроенную самой природой и подготовленную турками, безопасно разместившимися, как зрители в цирке, на склонах, окружавших эту арену кольцом.

Шлюпки, которым течение мешало приблизиться к берегу, были взяты на буксир угольщиком „River Clyde"; они подошли к берегу, когда уже было совсем светло. В шлюпках весла выпадали из рук бойцов, а сами шлюпки беспомощно мотались на волнах, наполненные грузом мертвых и раненых.

Многие пытались спастить, выпрыгивая из лодок, но тонули в окрашенной кровью воде. Немногие доплыли до берега и укрылись за низкой отмелью, которой суждено было стать рубежом наступления этого дня. Те, кто пытался выбраться с угольщика „River Clyde" и достигнуть берега по мосту из лихтеров, оказались не более счастливыми и падали грудами. Немногим, уцелевшим на пляже, и 1.000 человек, оставшимся в „River Clyde" не оставалось ничего иного, как ждать наступления спасительной темноты ночи. Две роты турок, распределенные на взморье между V и W, сорвали десант главных сил британцев.

Но пляж S по другую сторону бухты Морто, как и пляж X, представлял собой маловероятный пункт высадки и поэтому охранялся лишь одним взводом турок. Батальон, производивший высадку, благополучно добрался до берега и затем, согласно полученным предварительным инструкциям — ожидать развертывания наступления на других участках взморья, буквально их выполнил. Инертность этого батальона была даже одобрена Гунтер-Уистоном, вероятно переоценившим силы турок. Фактические силы двух батальонов, благополучно высадившихся на пляжах S и X, на обоих флангах полуострова, в четыре раза превосходили силы турок, оборонявших участок V — W. Охватывающее наступление этих батальонов ударило бы по тылам турок.

Вскоре число британских войск здесь возросло, но натиск их не усилился. Два батальона 87-й бригады (два остальные батальона были использованы для первоначального десанта на взморье в пункте S и Y) благополучно высадились на берегу у X в 9 час. утра, но они были предназначены для резерва дивизии, и командир бригады не счел возможным располагать этими батальонами. Он отдал им приказ окопаться и ждать получения дальнейших инструкций от Гунтер-Уистона. Но инструкции вовсе не пришли. Таким образом все силы, высадившиеся на пляже X, остались в бездействии.

Между тем после другой напрасной попытки высадиться у взморья B, при которой был убит командир 88-й бригады, оставшиеся 2½ батальона главных сил были высажены на взморье W.

«Но, — как осторожно говорит официальная история, — в противоположность героическим достижениям утра какая-то пассивность, казалось, овладела на этом участке фронта войсками, которых накопилось здесь по меньшей мере 2000 человек... 29-я дивизия, которой была поставлена определенная задача — захват побережья — вписала своими действиями славную страницу в историю.

Но, выполнив эту задачу, командиры взводов, рот и даже батальонов ожидали каждый дальнейших определенных приказов, по своей же инициа-

тиве не сделали почти ничего для развития достигнутого утром успеха или сохранения соприкосновения с противником». Вместо этого они позволили себя сковать противнику, «которого они только что выбили из его окопов, не отдавая себе отчета, что силы их более чем в шесть раз превосходили силы противника».

Еще более блестящие возможности были упущены на участке Y, в трех милях выше по взморью, где:

«2 000 человек благополучно высадились без всяких препятствий, не встретив сопротивления противника. В течение 11 часов неприятель их не беспокоил, и все это время силы их были равны всем турецким войскам, находившимся южнее Ачи-Баба. Несмотря на это, 25-го числа первоначальный успех не был развит. В течение последующей ночи войска энергично отбили ряд ожесточенных атак противника. Но на следующее утро внезапно отказались от всего предприятия: войска стали погружаться на лодки и отправляться к судам в тот самый момент, когда противник сам находился в полном отступлении».

Единственный человек, который понимал обстановку, был Ян Гамильтон, но он находился далеко в море, а руководство десантом поручил командиру 29-й дивизии. В распоряжении Яна Гамильтона резервов не было. Он мог вмешиваться в ход действия только своими советами. Но он быстрее молодых командиров, находившихся на месте, оценил неблагоприятно сложившуюся на юге обстановку и еще в 9 час. 21 мин. утра запросил Гунтер-Уистона: «Хотите ли вы получить еще войск на берег в точке Y? Если да, то имеются тральщики». Но внимание Гунтер-Уистона было приковано к залитому кровью взморью, где противник лучше подготовился для отражения, и Уистон предпочитал сосредоточивать свои усилия там.

На побережье в районе Y высадка протекала без выстрела; ни один турок не показался. Но старший там начальник, полковник Матью, предпочел пассивное ожидание дальнейших приказов.

«Кучки войск лениво сидели на утесах», и только поздно вечером они попытались окопаться. Когда стемнело, подоспел один турецкий батальон и организовал серию контратак, направленных против обоих батальонов британцев. Вскоре после 7 час. вечера турки, несколько раз успешно отбитые, отступили в беспорядке.

Но атака, возобновленная ими ночью, привела к таким потерям и смятению в рядах обороняющихся, что войска были охвачены паникой. Ряд тревожных донесений был сигнализацией передан судам, и множество беглецов бросилось к взморью, переполняя лодки, присланные для эвакуации раненых. Паника продолжалась и после исчезновения турок. Матью, не получая ответа на свои срочные требования подкреплений, скрепя сердце решил последовать примеру своих беглецов. К 11 час. 30 мин. утра весь отряд погрузился обратно на суда. Несколько часов спустя морской дозор (naval party) под командой лейтенанта Кейс, пристал к берегу и произвел длительную разведку в поисках раненых. Дозор ни разу не был обстрелян.

Если что-либо может оправдать действия Матью и предшествующую его бездеятельность, то лишь еще большее бездействие и пренебрежение к подчиненным его начальника Гунтера-Уистона. За сутки пребывания войск на суше «ни одно распоряжение, ни одно слово не поступило от штаба дивизии». Ни один офицер не прибыл навестить войска, никакого ответа не было послано на настойчивые просьбы Матью.

А когда рано утром 26-го числа вновь вмешался Ян Гамильтон с предложением использовать французскую бригаду (6 батальонов), то Гунтер-Уистон не мог придумать ничего лучшего, как высадить их на берег в районе W, где налицо был противник. Умеренный приговор официальной истории о возможностях, упущенных в точке Y взморья, гласит:

«Решив выбросить войска на берег в этой точке, Ян Гамильтон нашел правильный ключ к разрешению всей обстановки... Безусловно, если не считать всяких случайностей, свойственных войне, энергичное наступление в районе Y утром 25 апреля облегчило бы положение на южном побережье в это утро и обеспечило бы решающую победу 29-й дивизии».

В районе «Анзак» также предоставлялись возможности, хотя осуществлению их здесь помешала инициатива противника, неизвестного тогда еще Мустафы-Кемаля. Внезапный десант англичан выбросил здесь на берег к 5 час. утра 4 000 человек и затем к 8 час. утра еще 4 000 человек. Побережье охраняла только одна турецкая рота. Вторая рота стояла на берегу больше чем на милю южнее; два батальона и батарея — в частном резерве в 4 милях от берега: наконец, еще дальше находился общий резерв в составе 8 батальонов и 3 батарей под начальством Мустафы-Кемаля. Он был в поле, наблюдая за обучением одного из полков, когда внезапно появилось много жандармов, без головных уборов и оружия, неистово бежавших по направлению к нему и кричавших: «Они идут, они идут», — «Кто идет?» — «Англичане, англичане!» Он повернулся и спросил: «У нас есть шрапнель?» — «Да». — «Хорошо. Вперед!» Став во главе роты и приказав остальным частям полка следовать за ним, он галопом направился к большому разделявшему местность хребту Чунук-Баир, и прибыл туда во-время (около 10 час. утра), чтобы достигнуть вершины и помешать наступлению передовых частей австралийцев, карабкавшихся туда же по более отвесным склонам с запада. 500 турок удерживали здесь 8 000 австралийцев, но постепенно турки накапливались, и к вечеру число их достигло 6 батальонов (около 5 000 человек). С 4 час. дня турки предприняли целый ряд контратак, которые оттеснили австралийцев, но которым все же не удалось прорвать их редкий фронт. Обе стороны потеряли около 2 000 человек (турки по отношению к их числу пострадали серьезнее). Но сырым австралийским частям пришлось действовать на незнакомой местности, под обстрел они попали в первый раз (это было их первое боевое крещение), и моральное действие шрапнели горсточки орудий противника оказывалось тем большим, что своих орудий у них не было. Хотя к 6 час. вечера на берегу было 15 000 человек, фронт представлял собой тонкую

линию, занятую перемешавшимися частями, а взморье было усеяно отдельными бойцами, которые вернулись сюда, скорее потерявшись, чем потеряв самообладание. Зрелище это усиливало опасения командиров, которые сами находились позади, и доклад их Бордвуду, когда он высадился на берег в 10 час. утра, был так мрачен, что он послал Яну Гамильтону донесение следующего содержания:

«Мои командиры дивизий и бригад доложили мне, что войска их совершенно деморализованы шрапнельным огнем... Если войска подвергнутся артиллерийскому обстрелу и завтра утром, то повидимому катастрофа неминуема... Если решат нас погрузить обратно на суда,—это должно быть сделано немедленно...».

Был отдан приказ послать все имевшиеся в распоряжении шлюпки и катера к этому пункту побережья.

Только по счастливой случайности донесение это вообще дошло до главнокомандующего. Впопыхах оно никому не было адресовано. Оно было доверено одному из моряков, отправлявшемуся на флагманское судно. Там он его передал адмиралу Тюреби. Прочтя донесение, Тюреби решил отправиться на берег и обсудить вопрос эвакуации войск с Бордвудом, но в это время неожиданно из Хеллес подошли „Queen Elisabeth“ с Яном Гамильтоном, и взамен этого Тюреби отправился к нему с докладом. Таким образом ряд счастливых неудач помог важному донесению Бордвуда во-время достигнуть Яна Гамильтона.

Инстинкт руководил им в принятии весьма ответственного решения, потому что других руководящих данных или советников в его распоряжении не было, да и не было времени постараться их получить. Ответ, который он написал, увековечен в его резолюции:

«Вы прошли через самое тяжкое... Теперь вам надо только окапываться и окапываться, пока вы не укроетесь».

Как свежий ветерок, этот определенный и бодрый приказ рассеял тяжелую и насыщенную слухами атмосферу на взморье. Тыл перестал говорить об эвакуации, а фронт вообще не знал, что об ней толковали. Когда настало утро, выяснилось, что страшный здесь противник действительно дает войскам передышку. Дело в том, что Мустафа-Кемаль не имел резервов, с которыми он мог бы возобновить свои контратаки, а шрапнели его горсточки орудий больше не были страшны войскам, окопавшимся и зарывшимся в землю. Скорее турки были теперь деморализованы огнем флотилии, особенно действием крупных 15-дюймовых снарядов, посылаемых им „Queen Elisabeth“.

Могли ли быть возвращены упущенные возможности? История отвечает «да»! И причины этого заложены в глубоком впечатлении, произведенном первоначальным планом операции на главнокомандующего войсками противника. Лиман ф.-Сандерс рассказывает о первом дне 25 апреля:

«По многим бледным лицам офицеров, докладывавших в это утро, можно было видеть, что хотя наверняка ожидали десанта противника, но десант

во стольких местах оказался неожиданностью, что беспокоил их. В это время мы не могли еще разобрать, где противник фактически ищет решения».

Последняя фраза знаменательна, так как Лиман ф.-Сандерс в действительности думал, что место, где британцы производили просто демонстрацию, является местом, где они ищут решения. Если он не потерял головы, то все же потерял способность руководить.

Первым его распоряжением был приказ 7-й дивизии выступить из города Галлипэли и двинуться к Булаиру. Второе его решение заключалось в том, что он сам верхом отправился туда и там оставался все время, пока рискованная борьба развивалась на другом конце полуострова. До самого вечера он не хотел уделить пять батальонов из своих двух дивизий, сосредоточившихся у Булаира, и направить их в зону фактического боя. Только спустя 48 часов после высадки британцев он направил туда и остальные части.

Но британцы не сумели использовать эту благоприятную обстановку. Отчасти это произошло из-за того, что в распоряжении было мало частей, в то время как много их, по сравнению с данной операцией, было напрасно задержано на Западном фронте; отчасти же вина — в недостаточности усилий тех войск, которые здесь действовали. Оптимизм Яна Гамильтона, имевший под собой реальную почву, не разделялся в утро 26 апреля подчиненными ему командирами. Не только войска группы «Анзак» были пассивны, но и Гунтер-Уистон, обратив внимание на усталость своих войск и упустив из виду слабость противника, отказался от всякого продолжения наступления до прибытия французских поддержек. Ожидая жестокой атаки турок и опасаясь впечатления, которое она произведет на войска, он отдал приказ: «Пусть каждый боец умрет на своем посту, но не отступит». Турки же, далекие от намерения атаковать, отошли назад к новому рубежу впереди Критии. Они хорошо сделали потому, что все силы их до 27 апреля заключались только в 5 батальонах, а понесенные потери свели их фактическую силу почти до 2 батальонов. Только 28 апреля они решили повести новое наступление, а к этому времени франко-британские войска потеряли свое преимущество в числе и страдали от незнакомства с местностью. Жажда увеличивала усталость войск, задача же их осложнялась тем, что наступление было соединено с захождением правым крылом.

Небольшой выигрыш местности был потерян в итоге контратаки турок, и еще на самом побережье фронт наступления дрогнул и сломался. Опасность была предотвращена одним-единственным снарядом (шрапнелью) с „Queen Elisabeth". Он разорвался, разбрасывая свои 24 000 пуль как раз в центре бросившейся на штурм группы турок, и когда дым рассеялся, то... ни одного турка не было видно. Но с наступлением темноты вся 29-я дивизия вернулась на свои исходные позиции. За это время войска «Анзака» были реорганизованы и принялись укреплять свой фронт. Но то же делали и турки. Таким образом «Анзак» оказался запертым в крошечной «камере», длиной в 1½ мили

и шириной в ½ мили, а турки, сидя на «крыше» (окружающих высотах), смотрели на арестованных захватчиков.

К ошибкам, сделанным союзниками, добавили свою скромную лепту и турки. Подгоняемый настойчивыми приказами Энвера «Отогнать насильников в море», Лиман ф.-Сандерс организовал ряд штыковых атак в ночи 1 и 3 мая. На заклание было принесено несколько тысяч человек, трупы которых грудами лежали перед фронтом союзников. Фронт же этот дрогнул, да и то временно, лишь на секторе, занятом французскими войсками.

Но ошибка турок вскоре была превзойдена еще более нелепыми действиями британцев. Из «Анзака» подтянули две бригады, а из Египта прибыла новая территориальная бригада. Союзники могли выставить у мыса Хеллес 25 000 человек против турок, силы которых теперь почти дошли до 20 000. И тем не менее войскам союзников не пришлось схватиться с турками.

Наступление союзников, назначенное на 6 мая, страдало от всевозможных недостатков. Оно было задумано как чисто фронтальный удар на узком — всего лишь 3-мильном — фронте против неразведанных позиций противника. Препятствий встретилось много. Запас снарядов был ограничен, мало было авиации для корректирования огня и, что хуже всего, приказы Гунтер-Уистона дошли до бригад только в 4 час. утра, а наступление было назначено на 11 часов утра.

Еще раз руководство боем и распоряжение последними имевшимися резервами было Яном Гамильтоном всецело передано Гунтер-Уистону.

«Ему оставалось,— как говорит официальная история,— на высоком посту главнокомандующего только его доля ответственности».

Наступление было сорвано скорее усталостью войск, чем сопротивлением врага. Войска, истомленные предшествующими усилиями и недосыпанием, не имели сил и энергии довести дело до рукопашной схватки и даже не отбросили передовое охранение турок. Гунтер-Уистон, полагая, вероятно, что лучшее лекарство от усталости — оживленная деятельность, приказал на утро возобновить наступление. Попытка эта оказалось не более успешной. Единственным ее результатом была почти предельная ликвидация имевшихся огнеприпасов. На третье утро была назначена третья атака. В этой атаке потери по крайней мере оказались не так велики. 4 слабых батальона новозеландцев были на рассвете брошены на позицию, удерживаемую 9 турецкими батальонами. Затем Ян Гамильтон, вспомнив, что в резерве есть еще три бригады, вмешался сам. Весь союзный фронт получил приказ «примкнуть штыки, вскинуть винтовки» и точно в 5 час. 30 мин. утра двинуться на Критию. Это привело к тяжелым потерям и только. Атакующие войска потеряли за три дня боя треть своих сил. После этого на двух небольших складках местности, выигранных союзником, действия безнадежно замерли. Вскоре здесь наступил полный застой на фронте, в то время как турки поспешно превращали свои временные укрепления в систему укреплений позиционной войны.

Теперь, наконец, Ян Гамильтон решился попросить подкреплений и открыть правительству глаза на серьезность обстановки и нужды войск. До сих пор он хотя и отдавал себе отчет в недостаточности своих сил, но оставался верен Китченеру, а быть может, хорошо зная своего старого начальника, не хотел его беспокоить своими несвоевременными просьбами. До отъезда из Англии ему сказали, что 75 000 человек может и должно хватить и что даже 29-я дивизия придана временно. Китченер предупредил Мансвеля, командующего в Египте, чтобы он предоставил Гамильтону в случае надобности добавочные войска, но это распоряжение не было передано им Гамильтону, несмотря на точные инструкции Китченера.

Вторым препятствием являлся недостаток огнеприпасов. Когда Гамильтон обратил на это внимание военного министерства, ему просто ответили, что необходимо «итти в штыки».

Интересно сравнить, что за три дня тщетной атаки Гамильтона с 6 по 8 мая, когда он мог истратить только 18 500 снарядов, Хейг на Западном фронте у Оберс-Ридж за один день выпустил 80 000 снарядов с гораздо меньшими результатами, ради меньших целей и понеся потери, в два раза большие.

Наиболее характерной чертой действий в Галлиполи является именно близость Яна Гамильтона к успеху, даже с такими слабыми силами и средствами.

Часто критикуют выбор места десанта, но вряд ли мог быть сделан более удачный выбор, даже если бы Гамильтон «чудом» смог угадать намерения и дислокацию противника. Избегнув естественной линии, где мог ожидаться десант (западню для посредственного полководца), и приковав внимание противника к этой линии, Гамильтон обеспечил своим войскам громадное превосходство сил в пунктах, где фактически проводился десант, хотя общий итог сил союзников уступал силам турок. Командиры противника позволили так сильно привлечь свое внимание к Булаиру, что в течение 48 часов после того, как британцы высадились на побережье, слабым турецким отрядам, которые пытались этому воспрепятствовать, отказывали в соответствующей поддержке. Факт этот — лучший ответ на обывательскую критику, что Ян Гамильтон должен был ударить у Булаира. Направление это было так очевидно для каждого в Англии, что неудивительно, если противник также стал о нем думать. Широко распространена также критика, что Ян Гамильтон рассредоточил свои войска по слишком большому количеству пунктов, между тем как ему следовало бы сосредоточить все свои усилия на небольшом секторе. На это ответ дают не только «бледные лица», о которых рассказывает Лиман ф.-Сандерс, но и опыт таких же быстро выдыхавшихся попыток в течение последующих трех лет на Западном фронте, — опыт, который достался ценой значительно больших потерь.

Быть может, бухта Сувла, также слабо охраняемая турками, могла оказаться удачным местом для десанта, давая те же выгоды, которых искал и Ян Гамильтон, но обладая меньшими отрицательными сторонами. Но в апреле точных сведений о характере

и условиях побережья не было, а на действия морских орудий у мыса Хеллес возлагались преувеличенные надежды.

Более разумной критикой является мнение, что способность британцев к быстрым движениям на море должна была быть использована более полно. Можно было бы снимать войска там, где они встречали серьезное сопротивление, — снимать их до того, как они несли большие потери, и перебрасывать для усиления десантов, не встречавших такого сопротивления, или даже для организации новых десантов. Этим самым, благодаря способности перебрасывать резервы, мог быть частично уравновешен недостаток резервов. На это указывал Брайтуейту, начальнику штаба оперировавших здесь войск, накануне организации десанта капитан Эспиналь, один из офицеров генерального штаба. Он настаивал, что необходимо выработать план действий на случай, если один или оба десанта «Анзака» у мыса Хеллес будут сорваны. Такая же или даже большая ошибка плана заключалась в том, что в нем не были приняты меры на случай частичного успеха — наиболее вероятного случая на войне — и в руках главнокомандующего не было оставлено «пловучего» резерва, чтобы быстро ввести его в дело на участке побережья, обещавшем наибольший успех. К несчастью как план, так и его выполнение страдали от недостатка гибкости, чрезвычайно важного на войне свойства, а частичный успех обоих десантов в первой фазе операций привел к еще большему окостенению плана, пока он, наконец, совершенно не оказался негодным.

3. Газовое облако над Ипром

(Схема 4)

Солнце скрывалось за Ипром. Его весеннее ликование вдохнуло в этот день жизнь в вымерший город и в рассыпанные впереди его прикрывавшие город окопы. Месяц спустя Ипру суждено было стать развалинами и обладать в лучах луны страшным величием большого Колизея. Спустя три года Ипр должен был просто представлять собой кучу нагроможденных обломков. Но в этот день 22 апреля 1915 г. город просто был несколько мрачен, естественно мрачен, как город, покинутый почти всеми жителями, но впечатление это сглаживалось благоуханием весеннего яркого солнечного дня.

Когда благоухание это стало пропадать вместе с заходившим солнцем и даже орудия смолкли, вечерний покой разлился над местностью. Но покой этот был обманчив: это было введение к дьявольской затее.

В 5 часов начался потрясающий грохот орудий, и тяжелые снаряды стали глухо рваться над Ипром и над многими деревнями, которые раньше редко или даже вовсе не обстреливались. Ноздри людей, ближе находившихся к фронту, втянули запах какой-то адской эссенции. Те, которые были ближе к северным окопам впереди Ипра, увидели два странных призрака из зеленовато-желтого тумана, медленно ползущих вперед и постепенно

расплывавшихся, пока они не слились в один, а затем, двигаясь дальше, не растворились в синевато-белое облако.

Облако это висело теперь над фронтом двух французских дивизий (алжирской и территориальной), примыкавших к британским частям и удерживавших левый сектор. Вскоре офицеры за фронтом британских войск и вблизи мостов через канал были потрясены, увидев поток бежавших в панике людей, стремившихся в тыл. Африканцы, соседи британцев, кашляли и показывали во время бега на горло: вперемежку с ними неслись обозные и повозки. Орудия французов пока еще стреляли, но к 7 час. вечера и они внезапно и зловеще стихли.

Беглецы оставили за собой на фронте прорыв шириной более 4 миль, заполненный лишь мертвыми или полумертвыми, которые, задыхаясь, агонизировали, отравленные хлористым ядом. Обе французские дивизии почти полностью перестали существовать. Германцы газами сняли защитников с северного фланга сектора, сделав это так, будто они просто выдернули коренной зуб на одной из сторон челюсти.

Оставшиеся спереди и на южном фланге «зубы» сектора образовывала канадская дивизия (Альдерсон), а ближе к прорыву — 28-я (Бульфин) и 27-я (Сноо) дивизии, которые вместе составляли V корпус Плюмера. Германцам надо было пройти на юг 4 мили, чтобы достигнуть Ипра и затем выбить и эти «зубы» нажимом с тыла.

В этот вечер германцы прошли вперед 2 мили, а затем, как это ни странно, остановились. Все протяжение в 4½ мили между обнаженным флангом фронта канадцев и каналом, представлявшим собой хорду сектора, было заполнено только немногими мелкими постами, поспешно надерганными из французских и канадских частей, находившихся до этого в резерве. Между этими постами зияли три никем не занятые разрыва, шириной в 2 000, в 1 000 и 3 000 м.

Но и к 1 мая германцы продвинулись вперед лишь на несколько сот метров. Когда же, наконец, бой здесь замер (в конце мая), единственным видимым отличием было то, что выступавшая прежде вперед часть сектора сравнялась, причем произошло это, главным образом, из-за добровольного отхода британцев. Но любопытным контрастом к обычному опыту прежних операций явилось то, что в данном случае из двух сторон наиболее тяжелые потери понес обороняющийся. Потери британцев выразились в 59 тысяч человек, почти вдвое больше количества потерь атаковавших их германцев.

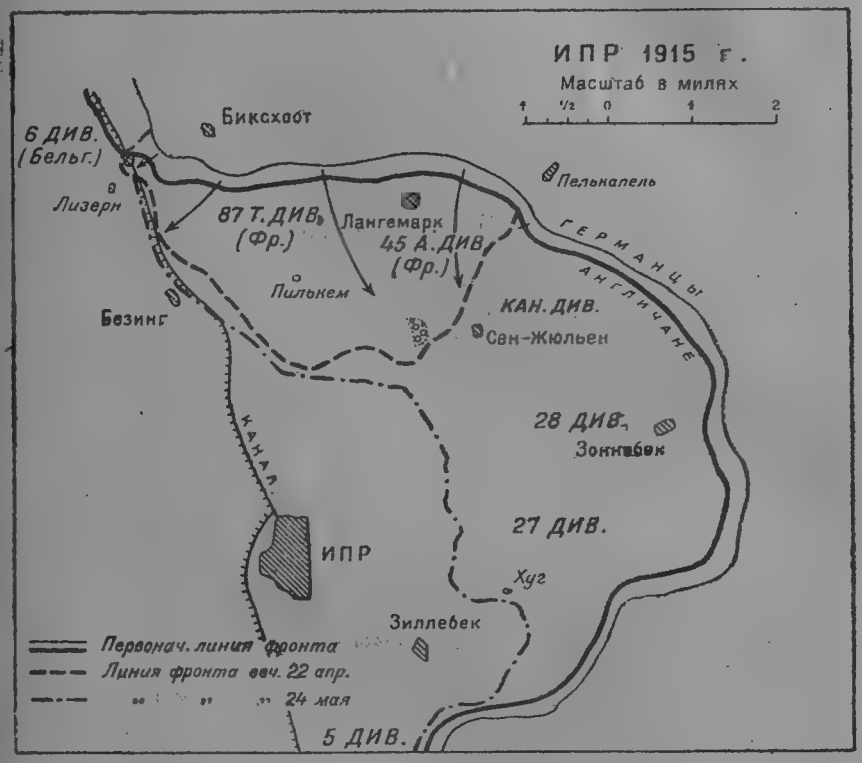
Почему же германцы упустили возможность использовать созданную химической атакой внезапность? Почему британцам удалось спастись от разгрома, хотя полный паралич боеспособности французов явился для них неожиданностью? Наконец, почему они понесли такие огромные потери, когда германцы фактически почти отказались развить свой успех? Вот три вопроса «Второго Ипра».

К концу марта пленные, захваченные на юге сектора, занятого тогда французами, подробно рассказали, что в окопы доставлены

в больших количествах баллоны с газом. Они рассказали также о способах пользования этими газами. Французские командиры не обратили никакого внимания на это предостережение, быть может потому, что вскоре части их должны были быть здесь сменены.

Любопытно, что 30 марта в бюллетене 10-й французской армии, находившейся далеко отсюда в Пикардии, появилось подробное изложение этого случая.

СХЕМА 4.



Еще более полное и точное предупреждение было получено 13 апреля, когда вблизи Лангемарка к 11-й французской дивизии, оборонявшей тогда этот участок, перебежал германский дезертир и рассказал, что «баллоны с удушающими газами размещены по-батарейно в количестве 20 баллонов на каждые 40 м вдоль всего фронта». При нем был даже найден грубый респиратор, которым в качестве противогаза были снабжены атакующие. Французский командир дивизии генерал Ферри, на которого известие это произвело большое впечатление, предупредил об этом французскую дивизию — своего соседа слева, британскую 28-ю дивизию — соседа справа, канадскую дивизию, которая должна была занять через два дня часть его фронта, и алжирскую дивизию, занимавшую остальной участок его фронта обороны. Еще более

важным было то, что Ферри предупредил об этом своего командира корпуса Бальфуриэ и офицера для связи от штаба Жоффра, который прибыл навестить его дивизию.

Как же реагировали на это два влиятельных лица? Бальфуриэ назвал Ферри легковерным шутником и пропустил мимо ушей оба его предложения: обстрелять окопы германцев, чтобы уничтожить баллоны, и уменьшить число бойцов на тех участках фронта, которым угрожали газы.

Офицер для связи не только назвал всю эту историю мифом и тем поставил на ней крест, но и разнес Ферри, во-первых, за то, что он снесся с британцами непосредственно, минуя соответствующие инстанции, а, во-вторых, за то, что Ферри вопреки доктрине Жоффра принял меры к уменьшению гарнизона поставленной под угрозу позиции. В заключение на основании свойственных французской армии обычаев Ферри поплатился за свою правоту отрешением от должности.

Генерал Пютц, принявший от Бальфуриэ оборону своими двумя дивизиями левой части сектора, был не больше последнего склонен верить рассказам о газах, хотя новое предупреждение пришло 16 апреля уже из бельгийских источников.

Пютц, насмехаясь, рассказал при случае эту историю британскому офицеру для связи от 2-й армии Смит-Дорриена, но, видимо, не считал нужным поставить об ней в известность свои собственные войска. В итоге они оставались в полном неведении, пока не задохнулись в облаках ядовитых газов.

Единственные меры предосторожности были приняты британцами. Была проведена воздушная разведка, но ей не удалось обнаружить чего-либо необычного, и Плюмер просто передал предупреждение о возможной опасности своим командирам дивизий, с оговоркой: «За что купил, за то и продаю!». Частям не было предложено или приказано принять какие-либо меры предосторожности против ОВ, а через несколько дней был позабыт и самый факт предупреждения, ибо газы казались весьма «неджентельменской» новинкой!

Знакомство с обычной для германцев практикой использования в печати всяких инсинуаций и провокаций должно было бы привлечь внимание британского командования и пробудить его подозрения. Дело в том, что германское радиосообщение от 17 апреля гласило:

«Вчера к востоку от Ипра британцы применяли снаряды и бомбы с удушающими газами».

Фактором, безусловно усыплявшим всякое подозрение о готовившейся атаке, было отсутствие всяких указаний на то, что германцы накопляют здесь резервы для атаки. Отсутствие таких признаков было обязано не особым мерам предосторожности, а просто отсутствию резервов вообще. И только благодаря этому германцы не смогли использовать наиболее действительную внезапность, превзойти которую им не удалось затем за все время войны.

Германское главное командование, столь же тупое в научных вопросах, как и командование его противника, придавало мало веры новому оружию — ОВ. Оно так мало в него верило, что изобретатель Габер, встречая на своем пути вместо поддержки препятствия, должен был использовать для наполнения ОВ вместо снарядов полые цилиндры. Выпуск газов из цилиндров всецело зависел от благоприятного ветра, а так как чаще всего во Фландрии дуют западные или юго-западные ветры, то германцы всецело зависели от судьбы в вопросе возможного применения ОВ.

Обнаружив свое новое оружие преждевременно и за низкую цену, германцы позволяли своим противникам отплатить им тем же, пока не было создано достаточное число химических снарядов, которые могли заменить собой газобаллоны.

Однако, как ни слаба была вера германцев в это оружие, все же представляется непонятным, как они могли совершенно не подготовиться к развитию возможного успеха. Оказывается, что Фалькенгайн не дал никаких свежих резервов для этого наступления и даже отказал в просьбе дать дополнительные огнеприпасы. Фалькенгайн просто хотел испробовать газы в помощь наступлению, которое само по себе являлось маскировкой задуманного им удара против России. Если бы удалось сгладить выступ ипрского фронта, тем лучше, но дальше его побуждения не шли и шире вопрос не ставился.

Как было задумано вначале, атаку должен был развить XV корпус против южной части сектора обороны, а газобаллоны были расставлены уже к 10 марта. Но атаку пришлось несколько раз откладывать из-за отсутствия благоприятного ветра. Лишь к концу марта была подготовлена другая атака на северном краю сектора. Эта атака была намечена на 15 апреля, но и она в свою очередь была отложена на неделю. Затем она была произведена двумя дивизиями XXVI резервного корпуса, а одна дивизия XXIII резервного корпуса была брошена в атаку справа. В помощь удару главных сил, другая дивизия XXIII резервного корпуса должна была ударить по местечку Steenstraat, которое являлось одновременно и центром дуги фронта на этом участке и стыком между французами и бельгийцами. Этот вспомогательный удар, не поддержанный ОВ, не привел почти ни к каким результатам. В армейском резерве была только одна дивизия, и то она была задержана до следующего дня, а затем дана XXIII резервному корпусу, а не XXVI корпусу, перед которым зиял прорыв.

Но если отсутствие резервов являлось основной причиной провала операции германцев, то ближайшей причиной этого была боязнь войск своих же газов. Войска были снабжены только грубым, мало действительным противогазом, который многие и не надевали. Не была придумана какая-либо особая тактика действий, вследствие чего, пройдя через французские окопы, заполненные агонизировавшими, задыхающимися бойцами обороны, наступавшие были рады придерживаться буквы полученных ими узких приказов, окапываясь, как только они достигали ближайшего рубежа, поставленного им приказом.

Спустившаяся темнота также помешала им распознать размер их успеха и беспомощность немногих отважных группок канадцев, которые были брошены им поперек пути. А в последующие дни германцы удовольствовались пассивной тактикой — закреплением результатов, достигаемых огнем артиллерии. Они просто делали несколько шагов вперед, чтобы занять и укрепить те свежие участки местности, на которых орудия своим огнем фактически смели всех защитников. Как ни близорука была эта тактика чисто осадной войны в первые дни, когда возможность развития успеха была так беспредельна, все же эта тактика имела глубокий смысл для последующего времени. В ней был уже заложен метод действий под Верденом, где позднее, благодаря Фошу, союзники постарались сделать все, чтобы позволить германцам извлечь наибольшую пользу из этого метода действий.

Фош был тогда уполномоченным Жоффра, осуществляя высший контроль над французскими войсками во Фландрии. Ему было поручено объединять здесь усилия французов, британцев и бельгийцев. Услыхав новость о германском прорыве, он приказал Пютцу обеспечить удержание местности — теперь линию канала — и организовать контратаку для возвращения себе потерянных участков. Но французы потеряли свою артиллерию, а потому все, что они смогли сделать,— это выполнить только первую часть приказа. К счастью бельгийцы сломали попытки германцев прорвать стык. Пютц все же сообщил британцам, что он переходит в контратаку, а чтобы помочь ему, два канадских батальона в полночь также пошли в контратаку. Они прорвали новый фронт германцев и захватили лес Китченера, но, так как атака французов не развивалась, им пришлось позднее отступить. На следующий день британцы наскребли горсточку резервов и предприняли ряд мелких контратак, которые естественно не удались и стоили тяжелых потерь, ибо контратаки эти проводились днем и при небрежной поддержке французов и артиллерии. Все же вечером 23-го числа широкая дорога от Ипра и тыл британцев были забиты остатками 21½ британских батальонов (из них 12 канадских), тщетно пытавшихся противостоять 42 батальонам германцев при пятикратном превосходстве последних в артиллерии.

Джон Френч приказал продолжать эти тщетные попытки и 24-го числа, но германцы предупредили его. В 3 часа утра они атаковали «стык» бельгийцев и нарвались на большие неприятности. С этого времени они уже не могли здесь ни расширить, ни углубить свой небольшой успех и овладеть каналом.

В 4 часа утра германцы развили тяжелый удар с применением ОВ против обнаженного фланга канадцев. До тех пор войска все еще не были снабжены противогазами, и единственная защита их заключалась в носовых платках, полотенцах и разных тряпках, намоченных в моче или в лужах и повязанных так, чтобы прикрыть рот и нос.

Многие пострадали от ОВ, и хотя первый штурм противника привел к небольшому прорыву фронта, прорыв этот постепенно

стал распространяться. Некоторое время меткая артиллерийская бомбардировка мешала германцам нащупать прорыв, но после полудня они проникли в него и прошли вперед за С.-Жюлиен. Обстановка казалась критической, но контратака двух иоркширских территориальных батальонов помогла батареям канадцев открыть по противнику огонь прямой наводкой, отбросившей передовые части наступавших германцев назад в С.-Жюлиен.

Слегка вкусив неудачи, германцы видимо утолили на этот день свою жажду к дальнейшему наступлению. Но заминка эта в общем смятении и суматохе не была замечена британскими командирами. Фронт, воздвигнутый поперек пути наступления германцев, был составлен, как лоскутное одеяло, из канадцев, британцев, регулярных войск, территориальников и даже зуавов (различных дивизий и бригад). Войска эти перемешались и цеплялись за местность там, куда они были брошены, как мазки цемента при кладке стены. Выступ был сдавлен натиском германцев. Получился узкий коридор, шириной не более 3 миль, но глубиной около 6 миль. Таким образом, пытаясь его удержать, оборонявшиеся были настолько скучены, что они обеспечивали собой легкую и обильную жатву германским орудиям.

Джон Френч, обманутый оптимизмом Фоша и Пютца, а также уверениями, что две свежие французские дивизии прибывают, чтобы вернуть потерянную местность, не хотел разрешить никаких отступлений. Рано утром 25-го числа, в день десанта в Галлиполи была подтянута свежая регулярная бригада и слепо брошена в бой близ С.-Жюлиен, где она была «скошена огнем пулеметов, как хлеб на корню». В одно мгновение полегло 2 400 человек, т. е. больше, чем потерял отряд Яна Гамильтона при овладении Галлиполийским взморьем. В этот вечер ядро канадской дивизии было оттянуто в резерв. Дивизия, в безумной попытке одними винтовками бороться с ОВ и тяжелыми орудиями противника ,потеряла около 5 000 человек. В этой дивизии почти не было орудий, а те, что были, представляли собой по определению официальной истории «старое и устаревшее оружие южноафриканской войны».

Со сменой канадцев эта бесполезная борьба не прекратилась. Тяготы ее просто были переложены на другие плечи. Операции суждено было тянуться еще целый месяц; в ответ на систематические наступления германцев следовали беспорядочные наступления британцев. Я совершенно не преувеличиваю всей бесполезности этих усилий. Пусть за меня говорят печальные и мрачные слова официальной истории:

«Руководящей была мысль, что французы вернут потерянное ими и что британцы им в этом помогут.. Генерал Фош приказал немедленно перейти в контратаку. Генерал Пютц не был в состоянии выполнить это, а энергичные попытки британцев выполнить свои задачи путем наступательных действий, которые в собственном смысле слова не являлись ни настоящей контратакой, ни исподволь подготовленным наступлением, привели к тяжелым потерям и не помогли восстановить положение... Британским офицерам на фронте казалось, что английские войска жертвуют собой ради выигрыша

времени, пока французы изготовятся к крупной, многообещающей операции. Но если операция эта вообще и была задумана ими, она не была проведена в жизнь».

Чтобы понять причины трагедии, надо нам перенести наш взор от фронта к тылу. Расстроив Индийскую и Нортумберландскую территориальную дивизии в другой тщетной атаке 26-го числа, приведшей к потере еще 4 000 человек, Смит-Дорриен понял бесполезность таких усилий и маловероятность взаимодействия с французами. Поэтому он 27-го написал Робертсону, начальнику генерального штаба, прося его изложить истинное положение вещей Френчу и добавляя:

«Я сомневаюсь, стоит ли терять еще людей, чтобы вернуть эту потерянную французами территорию, если французы не предпримут здесь действительно что-либо грандиозное».

Далее он замечал, что разумно было бы подготовить отступление, чтобы выправить сильно изогнутую линию фронта и занять рубеж ближе к Ипру. Все, что он получил в ответ,— это короткое сообщение, переданное по телефону: «Начальник не считает обстановку столь неблагоприятной, как это представлено в вашем письме».

Письмо Смит-Дорриена представляло обстановку много радужнее, чем это позволяла мрачная действительность.

Конец этой истории был значительно хуже: за этим «успокоительным» сообщением спокойного и мирно настроенного генерального штаба последовала телеграмма, посланная незашифрованной, которой Смит-Дорриену приказывалось сдать командование всеми войсками, введенными в дело под Ипром, генералу Плюмеру и передать последнему также своего начальника штаба генерала Мильн.

Отношения между Френчем и Смит-Дорриеном сильно обострились с тех пор, как Смит-Дорриен спас положение у Ле-Като в августе 1914 г., действуя по собственной инициативе, вопреки приказам Френча. Теперь Френч воспользовался случаем, чтобы наказать Смит-Дорриена за его верный прогноз, и своей телеграммой дал ему публичную пощечину. Смит-Дорриену не оставалось иного выхода как намекнуть, что, если этого желают, он подаст прошение об отставке. Френч сейчас же воспользовался этим предложением и приказал ему сдать командование и вернуться в Англию.

Несмотря на все это, первые указания Френча Плюмеру заключались в подготовке именно того отступления, которое предлагал Смит-Дорриен. Затем Френч отправился в Кассель, чтобы повидать Фоша, и вернулся с совершенно другими настроениями.

Фош резко возражал против отступления: говорил, что потерянную местность можно вернуть имеющимися уже сейчас войсками; настаивал на том, чтобы отход «был запрещен», и просил Френча «поддержать французское наступление, начинающееся на рассвете 29-го числа, для возврата, чего бы это ни стоило, района Ланге марка».

Последующие дни были комедией для тыла и трагедией для войск на фронте.

День за днем Френч слышал от своих подчиненных, участвовавших в бою, о страданиях, которые приходится выносить бойцам, и о неуклонном отсутствии обещанного французского наступления. Под впечатлением этих сообщений он начинал склоняться к отступлению, но жизнерадостные уверения и льстивые просьбы Фоша вновь заставляли его менять решение.

Обратимся еще раз к официальной истории:

«На беду теперь, хотя на благо в последний год войны, генерал Фош был душой наступления... Джон Френч вначале думал, что он честно исполнил желания ген. Фоша, учитывая небольшие достижения французов или скорее первых их усилий, а также тяжелые потери британских войск, скученных на небольшом плацдарме суженного сектора.

...Джон Френч пришел к решению, что ему необходимо оттянуть свои войска, и от оптимизма перешел к пессимизму. Его подчиненным было крайне трудно следовать за его настроениями, особенно, когда решения его были на грани между одним образом мыслей и другим и когда по просьбе ген. Фоша он не раз соглашался подождать еще немножко и не отступать, приказывая еще раз перейти в контратаку».

Все же он уцепился, как утопающий за соломинку, когда позднее, 1 мая, Фош сознался, что Жоффр не только не собирается присылать подкрепления, но снимает ряд частей с ипрского фронта, чтобы усилить готовящееся наступление в районе Арраса. Френч немедленно отдал приказ о давно намеченном отступлении, распорядившись провести его ночью. Но войска должны были отойти на рубеж, проходивший всего лишь в 3 милях от Ипра; поэтому фронт все еще сохранял форму дуги, хотя и более разогнутой. Фронт этот был менее удобен для обороны и наблюдения, чем первоначальный; голова его была открыта ударам со всех сторон, а сам Ипр представлял собой для притока предметов снабжения и для коммуникаций опасное и узкое горло.

Политические и сентиментальные доводы говорили против сдачи территории, особенно бельгийской территории, а военные устремления облегчить задачу запоздалым усилиям Франции заставляли Джона Френча побороть естественное желание сражающихся командиров выпрямить фронт и отступить на естественный прямой оборонительный рубеж, образуемый Ипром и каналом.

В итоге они стояли на узком участке, представляя собой «большую скученную цель для артиллерии», непрестанно забрасываемые тоннами металла и отравляемые газами. Скудные огнеприпасы их таяли. Наконец, в мае наступила некоторая передышка, так как германцы видимо израсходовали свой излишек снарядов. Германцы по крайней мере имели здравый смысл прекратить атаки, когда пришлось выбирать, что беречь: жизни ли пехотинцев или артиллерийские снаряды. Все, что французы предприняли за этот промежуток времени, выражалось в очистке 15 мая западного берега канала. Между тем непрекращавшимся штыковым ударам британцев восточнее Ипра не удалось даже

предупредить переброску германцами с этого сектора фронта резервов на французский сектор, чтобы отражать возможные мелкие атаки французов. Действительно, гора родила мышь! Британцев, заплативших жизнью 60.000 человек за честь быть «повивальной бабкой» так и не родившейся французской операции, заставили затем удерживать крайне неудобный, сдавленный новый сектор— вернее, мишень — и на защиту его тратить зря жизни еще в течение двух лет.

Безумно пускать деньги на ветер, но растрачивать человеческие жизни, когда нет ни малейших шансов на успех, преступно. В пылу боя возможны ошибки командования, иногда они даже неизбежны, и их можно извинить. Но суровый обвинительный приговор надо выносить командованию, когда оно отдает приказы о проведении атак, заранее обреченных на неудачу, и отдает их только потому, что если они «как-нибудь» удадутся, то смогут оказаться полезными. За такое «избиение» войск, за такую «бойню» — безразлично, произошла ли она от неведения, неправильного понимания войны или от отсутствия морального мужества, — командование должно держать ответ перед нацией!

4. Нежеланное сражение — Лоос, 15 сентября 1915 г.

(Схема 6)

В начале сентября тыл французского фронта был переполнен слухами о крупном франко-британском наступлении.

И хотя настроение войск было напряженным, все же они были проникнуты радостной уверенностью в успешном исходе действий. В первый раз «новые армии» и территориальники должны были принять серьезное участие в задуманной операции и получить свое боевое крещение. Почти никто не сомневался, что совместному решительному и мощному удару британцев и французов удастся наконец покончить с застоем позиционной войны, уже целый год господствующей на фронте.

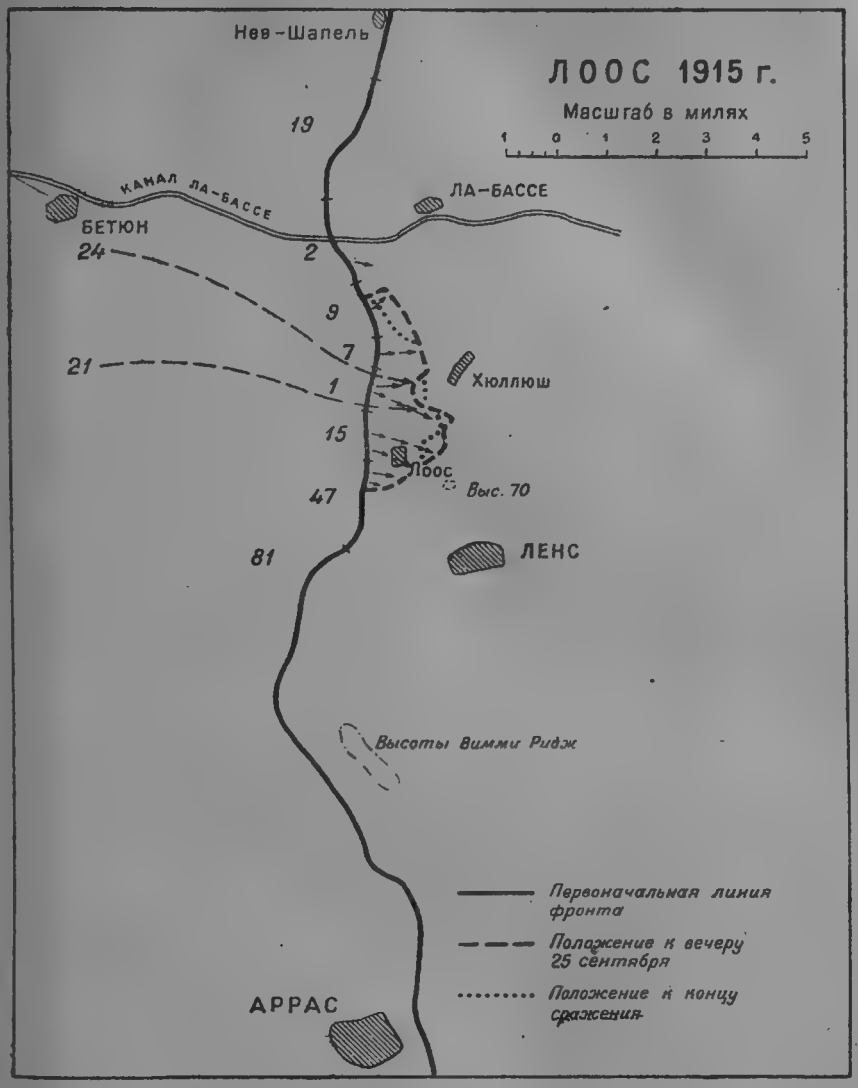
Резким контрастом к этому общему бодрому и уверенному настроению были настроения, царившие в штабах старших британских командиров.

Дело в том, что несчастное Лоосское наступление было предпринято вопреки мнению Хейга, человека, который в качестве командующего 1-й армией должен был это наступление проводить.

Хейг доказывал, что наличного числа тяжелой артиллерии и запаса снарядов недостаточно, что достаточное число всего этого—основной фактор, определяющий обстановку, и пока слабость эта не будет изжита, бесполезно задумывать какие бы то ни было наступления.

В июне британская армия все еще располагала 71 тяжелым и 1 406 полевыми орудиями, а английские заводы выпускали ежедневно не более 22 000 снарядов в день, что было крайне мало, по сравнению с ежедневной продукцией французских заводов— 100 000 снарядов и германо-австрийских—250 000 снарядов.

СХЕМА 5.



Хейг не один придерживался такой точки зрения. Робертсон, начальник генерального штаба британских экспедиционных сил, полностью разделяя ее, но влияние его на своего непосредственного начальника подрывалось влиянием Генри Вильсона. Последний был убежденным сторонником непогрешимости военных суждений французов, и Робертсона даже исключили из списка офицеров, приглашаемых разделять трапезы вместе с командующим в его личной столовой.

Между тем Вильсон, друг и «доверенный» Френча, предлагал Китченеру разделить британскую армию на две группы и одну

из них поместить далеко в Лотарингии, обеспечивая этим Френчу большую самостоятельность и более независимое положение по отношению к французам.

Пессимистом и человеком, имеющим свою определенную точку зрения на эту операцию, был также и Генри Раулинсон, ближайший подчиненный Хейга, который со своим корпусом должен был в предстоящем наступлении взять на себя решение основной задачи.

Он записал в своем дневнике:

«Мой новый фронт тол, как ладонь руки. С трудом находишь жалкие укрытия. Дуглас Хейг сообщил мне, что нам придется атаковать «au fond» [1], что французы сделают то же и напрягут все свои силы. Это обойдется нам дорого, и нам не удастся далеко пройти...».

Но ему не оставалось выбора; он должен был вести своих бойцов на смерть. Несмотря на все эти предостережения, к сожалению слишком верные, здравое суждение британских командиров было сломлено нажимом Жоффра.

Вторым замечательным явлением было то, что инструментом, посредством которого нажим этот был осуществлен, явился не вечно колеблющийся главнокомандующий Джон Френч, а лорд Китченер. Это тем более любопытно, что лорд Китченер был один из первых авторитетов в Англии, правильно оценивших состояние застоя на западе и раньше употреблявших свое влияние на то, чтобы противодействовать безумным попыткам пробить лбом стену.

Как же была выкована эта странная цепь причин? Жоффра, духовного двойника Фоша, в том смысле, что и он был неунывающим оптимистом, не удержал горький опыт весны от повторения тех же действий и осенью. По плану Жоффра должны были быть организованы два мощных удара, сходящихся в одну точку и развиваемых на двух сильно удаленных друг от друга участках: Артуа (Аррас—Ленс) и Шампани (Реймс—Аргонны). Первоначально центр тяжести операции лежал в первом из указанных здесь ударов. Необходимо обратить на это внимание, так как это имело большое значение и в дальнейшем подверглось коренным изменениям.

Успешный прорыв одновременно в Шампани и Артуа должен был явиться сигналом для общего наступления всех французских и британских армий на Западном фронте. Это, как заявлял убежденно Жоффр, «заставит германцев отступить за Маас, а возможно — и кончить войну».

Увы, события показали, что 1⅓ германских дивизий оказалось вполне достаточно, чтобы свернуть шею наступлению 6 британских дивизий севернее Ленса, а южнее Ленса наступление 14 французских дивизий вообще даже почти не развернулось, сломленное сопротивлением 5 германских дивизий. Вот как чудесно был задуман этот план Жоффра и как далек он был от учета материальных условий современного боя! Разве возможно

[1] Совершить глубокий прорыв.—Прим. ред.

после этого пренебрежительно отзываться, сравнивая стратегию профессионалов со стратегией «любителей!».

Когда 4 июня набросок плана Жоффра был послан Джону Френчу, британский главнокомандующий в общем с ним согласился. Но когда запротестовал здравый смысл его подчиненного Хейга, то «военный флюгер»—Френч—повернул в другую сторону.

Хейг лично произвел рекогносцировку района южнее канала Ла-Бассе—Ленс и в результате заявил, что он «не годится ни для какого наступления». Последующие события целиком подтвердили мнение Хейга.

Хейг считал, что укрепления германцев были настолько сильны, что без значительного увеличения имевшейся тяжелой артиллерии овладеть ими можно будет только приемами осадной войны.

«Местность по большей части голая и открытая, она будет простреливаться огнем пулеметов и винтовок как с фронта германских окопов, так и из многочисленных укрепленных деревень, непосредственно расположенных за линией фронта. Быстрое наступление окажется совершенно невозможным».

Если наступление слева от французов абсолютно необходимо южнее канала, то Хейг предлагал провести только местные атаки, а главный удар развить на канале и севернее его. Но далее он заканчивал цитированными выше словами, выливая ведро холодной воды на разгоряченные головы сторонников наступления.

Жоффр не хотел слушать никаких доводов об отсрочке наступления или перемене направления удара. Он даже заметил с той властной уверенностью, которая оказалась столь смешной впоследствии, но... только впоследствии, что «местность особенно благоприятна для нашего наступления между Лоос и Ла-Бассе». Это было простым и властным средством покончить с противоположными убеждениями Хейга, хотя последний сам разведал местность и был достаточно хорошо с ней знаком.

Между тем германцы, ожидая наступления союзников, работали над укреплением своей обороны и созданием в тылу фронта второй системы укреплений с лихорадочной поспешностью. Работы их к концу июля почти были закончены. Эти данные и повторение Хейгом своей точки зрения усилили сомнения Джона Френча. Поэтому 27 июля в Фревенте было устроено совещание вместе с Фошем. Последний все же отстаивал свое мнение, что крайне важно, невзирая на условия местности и на мощь обороны противника, чтобы армия Хейга повела главный удар как раз севернее Ленса в тесном взаимодействии с французской 10-й армией южнее Ленса, зажав в клещи этот город, напоминающий лабиринт.

Борьба между Хейгом и Френчем, с одной стороны, и Жоффром и Фошем, с другой, продолжалась. Джон Френч искал выхода в предложении поддержать наступление французов одним огнем артиллерии. Предложение это было отклонено, и борьба решена вмешательством Китченера. Посетив Джона Френча в ав-

густе, он сказал ему: «Мы должны действовать со всей энергией и сделать все возможное, чтобы помочь Франции при этом наступлении, даже если мы понесем очень тяжелые потери».

Изменение первоначального мнения Китченера, видимо, обязано влиянию случившихся тогда поражений на русском фронте и настоятельной необходимости притти на помощь своему союзнику — России.

Быть может, изменение это явилось и реакцией от разочарования в Дарданельской операции. Но дважды два — все же четыре, а не пять, а так как он еще раньше высказывался, что Западный фронт непреодолим, то удивительно, как теперь он мог думать, что безнадежное наступление здесь сможет подбодрить Россию.

Генерал Эдмонд так пишет в официальной истории:

«Под давлением лорда Китченера на родине (в Англии) — что обязано было общей позиции, занятой в этом вопросе союзником,— и под давлением генералов Жоффра и Фоша во Франции — что обязано было местной обстановке во Франции (на фронте) — британский главнокомандующий был вынужден предпринять операцию раньше, чем он был к этому готов, и действовать на крайне неблагоприятной местности, вопреки своему мнению и мнению ген. Хейга и располагая только четвертой частью (9 дивизий вместо 36) тех войск, которые он считал необходимым для успешного наступления».

Самому Френчу было суждено, как мы увидим дальше, уничтожить последнюю надежду на успех. Эта последняя и единственная надежда была аннулирована изменением в последнюю минуту плана французов. Жоффр решил центр тяжести операции переложить на наступление в Шампани, а не в Артуа, так как на пути наступления в Шампани встречалось меньше деревень или препятствий. Внезапное предпочтение здесь тактических соображений стратегическим являет собой любопытный контраст тем его решениям, когда затрагивались интересы наступления британцев.

Эта перемена опять-таки имела дурное влияние на наступление британцев; так британские и французские официальные донесения ясно говорят, что наступление в Артуа южнее Ленса 17 французских дивизий на фронте протяжением в 12 миль, поддержанное огнем 420 тяжелых орудий, перестало вестись с должной энергией, как только французы убедились в силе сопротивления обороняющегося. Но французы, по сравнению с британцами, обладали на 1 милю фронта почти двойным количеством тяжелой артиллерии (британцы имели всего лишь 117 орудий). В Шампани 27 французских дивизий и 850 тяжелых орудий были сосредоточены для проведения наступления на фронте в 18 миль. Таким образом здесь пропорция артиллерийской поддержки была значительно выше.

Когда было принято окончательное решение атаковать Лоос, первым намерением Хейга, чтобы ограничить возможное несчастие и вероятные потери, было бросить в наступление вначале только две дивизии. Но слишком убедительные рассказы о воз-

можностях хлористого газа, выпущенного «волной» из баллонов, заставили его изменить свою точку зрения и признать, что если направление ветра будет благоприятным — газовая атака может даже привести к «решительным результатам» и оправдать проведение наступления на более широком фронте, введя в дело 6 дивизий (IV корпус Раулинсона — 47-я, 15-я и 1-я дивизии — на правом фланге — справа — или с юга и I корпус Гауфа — 7-я, 9-я и 2-я дивизии — на левом фланге).

Здраво оценивая возможные шансы на успех, Хейг настаивал на том, «что ни в коем случае наша готовящаяся атака не должна быть развита без поддержки газов», но и в этом над ним одержали верх Френч и Фош. Он добился затем разрешения оттянуть свое решение до последнего возможного момента и установить свой выбор между широким или ограниченным наступлением, в зависимости от условий погоды. Как нарочно, 15 сентября — в первоначально намеченный Фошем для атаки день — ветер благоприятствовал применению газов. Это оживило надежды Хейга.

Но разработка операции, руководствуясь двойственным планом, привела к рассредоточению артиллерии по фронту всей армии, вместо того чтобы сосредоточить ее на ⅓ этого фронта.

Около 5000 газобаллонов, содержавших около 150 т ОВ, были доставлены в окопы и благополучно установлены в специальных нишах, причем ни один из них не пострадал от огня противника. И все же это количество баллонов было лишь половиной того, что нужно было для непрерывного пуска ОВ в течение 40 мин. Последнее же являлось необходимым для того, чтобы вывести из строя и сделать недействительными кислородные аппараты, применяемые пулеметчиками противника. Поэтому приходилось выпускать ОВ с перерывами, то открывая, то закрывая краны баллонов. В перерывах пользовались дымовыми свечами, чтобы симмулировать газы и в конце пуска газов образовать первую дымовую завесу, примененную на войне.

Артиллерийский обстрел начался 21 сентября. Запас снарядов был с трудом пополнен; он ограничивался 90 выстрелами на тяжелое и 150 выстрелами на полевое орудие, а артиллерии надо было стрелять 24 часа. Поскольку удалось проследить, эффект этого обстрела был мало обнадеживающим. Тем внимательнее командиры стали интересоваться направлением ветра.

Последняя ночь прошла в нервном напряжении и тревоге. Хейг все время изучал подбрасываемые новые и новые сводки ряда метеорологических наблюдателей. В 6 час. вечера предсказание говорило, что ветер будет «на грани между благоприятным и неблагоприятным, с легким наклоном скорее в благоприятную сторону». В 9 час. вечера предсказание было лучше, указывая на возможный переход к юго-западному или даже западному ветру, который понесет газы на окопы германцев. Поэтому Хейг, не задумываясь, отдал приказ о проведении широкого наступления при поддержке газов, хотя в качестве меры предосторожности было приказано, чтобы в штабе каждого корпуса один из ответственных работников всю ночь дежурил у телефона.

В 3 часа утра, после очередной сводки, уже менее обнадеживающей, Хейг назначил часом пуска газов час восхода солнца (5 час. 50 мин. утра). В предрассветные часы ветер, как было предугадано, переменил свое направление, но стал дуть не в западном, а в юго-западном направлении и — что еще хуже — сила его была настолько слаба, что скорее можно было говорить о затишье, чем о ветре.

Около 5 час. утра, как только рассвело, Хейг вышел. Чувствовалось еле заметное дыхание ветерка. Он попросил своего старшего помощника, вышедшего вместе с ним, зажечь папиросу. Струйка дыма медленно потянулась на северо-восток.

Могла ли в этих условиях быть оправданной попытка к наступлению? Не повиснут ли ОВ над окопами британцев? Почувствовалось небольшое усиление ветерка, и в 5 час. 15 мин. Хейг, наконец, дал окончательный приказ провести наступление, после чего взобрался на свою деревянную наблюдательную вышку. Но улучшение погоды оказалось обманчивым, и несколько минут спустя один из офицеров штаба Хейга позвонил по телефону в I корпус, спрашивая, можно ли еще остановить пуск газа и атаку. Этот случай был предусмотрен, и офицеры, ведающие пуском газа, приняли вполне достаточные предосторожности, чтобы суметь выполнить и такой приказ. Однако Гауф ответил, что уже слишком поздно. Конечно, газ вот-вот должны были пустить, но ответ давал Гауф, и можно подозревать, зная его за горячего вояку, что желание атаковать взяло у него верх над здравым смыслом (невольно начинаешь думать, что у него желание было акушеркой, вернее — отцом мысли).

Когда газ фактически был пущен (в 5 час. 50 мин. утра), он довольно удачно поплыл над германскими окопами на правом фланге, но облако его было слишком слабо и двигалось слишком медленно, чтобы оказаться вполне действительным. На левом же фланге была неудача: в некоторых местах ветер гнал ОВ назад, и этим срывалось наступление. Во 2-й дивизии Хорна офицер, ведавший пуском газа на фронте 6-й бригады, отказался взять на себя ответственность и открыть цилиндры. Когда об этом донесли в штаб дивизии, Хорн ответил приказом «программа должна быть выполнена, каковы бы ни были условия погоды... «В результате этой глупости много пехотных частей было отравлено своими же газами. Те, которым все же удалось двинуться в атаку, вскоре были остановлены и выбиты германскими пулеметчиками, совершенно не затронутыми газами. Несмотря на это, Хорн приказал возобновить атаку. Прекратили ее лишь тогда, когда командиры бригад стали резко возражать против «бесполезного расхода жизней».

Общая атака пехоты началась в 6 час. 30 мин. утра. В нее были брошены почти все силы 1-й армии, за исключением местных резервов. Ни Хейг, ни командиры его двух атакующих корпусов не оставили никаких резервов, так как они поняли, что главнокомандующий ожидает прорыва и использует свой главный резерв, чтобы быстро поддержать их.

На крайнем правом фланге 47-я дивизия почти выполнила свою задачу, смяв один из флангов обороны, но это «почти» оказало серьезное влияние на внезапный успех первоначального броска ее соседа — 15-й дивизии, что привело к потере направления и свело на-нет почти достигнутый уже прорыв фронта противника впереди высоты 70.

Здесь наступление шотландских частей «королевской» армии было столь быстрым и столь глубоким, что германское командование стало поспешно готовиться к эвакуации всего участка, вплоть до Дуэ: «там находились бесконечные обозы повозок, выстроенные вздвоенными рядами и готовые срочно отступить».

Крайне вредно сказались также последствия долгой задержки наступления 1-й дивизии. Левая бригада этой дивизии пострадала так же, как и дивизия Хорна. И вместо того, чтобы через прорывы, сделанные на флангах, бросить вперед дивизионный резерв, все утро было потрачено на тщетные попытки возобновить фронтальную атаку. Эта задержка в наступлении центра едва не затормозила все британское наступление.

Влево 7-я и 9-я дивизии добились многообещающих успехов, хотя 9-я дивизия очень пострадала как от сильных потерь, так и от ряда упущенных возможностей, из-за ошибочного руководства и настойчивости командира корпуса Гауфа, во что бы то ни стало настаивавшего на возобновлении бессмысленного фронтального наступления левой бригады.

Командующий 7-й дивизией, совершенно не похожий на командира корпуса, узнав о задержке наступления на своем левом фланге, быстро бросил свои резервы сквозь брешь, пробитую в обороне успешным наступлением правого фланга.

Но успех всецело зависел от быстроты подбрасывания и введения в дело резервов. В этом был ключ к успеху и основная причина неудачи.

Даже Жоффр говорил, что если Френч будет держать свои резервные дивизии далеко позади, то «они рискуют прибыть слишком поздно для развития успеха, достигнутого ударными дивизиями...» «Необходимо, чтобы эти дивизии до начала атаки были переданы в абсолютное распоряжение генерала Хейга».

Хейг все время настаивал, чтобы дивизии эти были по крайней мере ближе к нему пододвинуты. Уверения Френча на этот счет были чрезвычайно неопределенны. Как всегда решения Френча, видимо, и здесь находились под противоречивыми влияниями излишнего оптимизма и пессимизма.

Главный резерв Френча заключался в XI и в кавалерийском корпусах. Последнее соединение в условиях современной войны не играет почти никакой роли, за исключением разве господства в мышлении «кавалерийски» воспитанных командиров. В XI же корпус входили гвардейская дивизия — недавно организованное соединение, 21-я и 24-я дивизии, только что прибывшие во Францию. Любопытно, что Френч решил обстрелянные части оставить в покое на пассивном участке фронта у Соммы, а эти две сырые дивизии наметил для использования в самый критический момент боя. Более того, он дал Хейгу понять, что дивизии эти будут под

рукой, и Хейг сможет ими немедленно распорядиться. На самом же деле дивизии эти были оставлены в тылу, в 16 милях от фронта.

В своих официальных донесениях после сражения Френч говорит явную неправду, утверждая, что дивизии эти прибыли в распоряжение Хейга в 9 час. 30 мин. утра 25-го числа. Фактически Хейг ничего о них не слышал до 13 час. 20 мин. и то узнал он о них не непосредственно. Хейг с горечью говорил после этого: «Если бы была хоть одна резервная дивизия под рукой, мы, право, могли бы смести фронт германцев. Штабы отказываются признавать уроки войны в вопросе управления резервами». Его предположения, вероятно, были несколько преувеличенными, по крайней мере в оценке эффекта такого узкого прорыва, и самому ему было суждено через несколько месяцев (в июне) поддаться такому же ошибочному впечатлению. Но естественное его возмущение, усиленное лживыми донесениями Френча, привело вначале к обмену резкими письмами, а затем — к глубокой ссоре. Видимо, Хейг был раздражен тем, что влияние Фоша на Френча еще раз стало поперек пути разумных советов Хейга, даваемых Френчу. Последний в ответ обвинил Хейга в безумной попытке вдвинуть резервы в слишком узкий прорыв. Продолжением этой истории было то, что Хейг лично написал Китченеру и переговорил с Хальданом о провале Френчем данной операции и его несоответствии. Этим он ускорил падение Френча и свое собственное назначение на его место.

Что касается долгого и медленного марша резервных дивизий, то здесь главным образом скорее виновата плохая организация марша, чем малоопытность самих дивизий. Все это лишь увеличило несчастья, вызванные и так уже пагубными мерами главнокомандующего. Как заметил генерал Эдмонд, марш этих дивизий «напоминал попытку пропустить по улицам Лондона мчавшуюся пожарную команду, не расчистив ей пути и не регулируя при этом уличного движения». Безумие это увенчалось фарсом, когда на окраине Бетюн военный полицейский остановил 72-ю бригаду, так как командир бригады не имел пропуска для прохода через этот район.

Никогда вероятно «молодые» дивизии не бросались в решающий бой более глупо, с большими трудностями и в атмосфере величайшего непонимания обстановки всеми штабами. Этого достаточно, чтобы объяснить последующие неудачи этих дивизий, когда они наконец в 11 час. утра 26-го числа были брошены в запоздалую атаку. Этого достаточно также, чтобы опровергнуть поспешные суждения об их боеспособности, которые тогда распространились и, как всякое позорное клеймо, трудно смываются. Не вызывает никакого сомнения, что дивизии эти не страдали от недостатка мужества, как и то, что плоды, которые могло дать это мужество, были подорваны отчасти малоопытностью этих частей, но главным образом малоопытностью их штабов.

Некоторые были склонны переоценивать препятствия, которые ставились действиям этой и других дивизий новой армии их неопытностью. В общем, за исключением некоторых отдельных ба-

тальонов, не создается впечатления, что регулярные дивизии в бою намного превосходили своими качествами новые дивизии. Зачастую они им даже уступали.

Боевая ценность части является редким качеством, ибо она — результат талантливого оригинального управления ею. Когда этого нет, то порыв необстрелянных частей выгоднее даже так называемого «опыта».

Безрезультатность более широко проводимого наступления французов южнее Ленса также повлияла на возможности британцев. Дело в том, что французы пошли в наступление только через 6¼ час. после своих союзников и даже тогда достигли крайне незначительного успеха, местами ограничиваясь простой демонстрацией. Горький опыт весны и лета, вероятно, привел командиров к сомнениям в возможности прорыва, во что Фош так твердо верил, а его настойчивые приказы просто аннулировались тихим саботажем на местах.

Прорывам Фоша была наложена сверху узда, так как на второе утро операции Жоффр протелефонировал: «Двигаться осторожно». Вскоре за этим последовало другое предостережение:

«Остановите атаки 10-й армии; постарайтесь при этом избежать впечатления у британцев, что мы оставляем их одних продолжать атаки».

Такая перемена, вероятно, заключалась в том, что Жоффр теперь все свои надежды связал с наступлением в Шампани, которое в первый день дало обманчивое обещание развернуться в настоящий прорыв.

Стоит отметить, что частичный первоначальный успех атак в Шампани и в Артуа был обязан главным образом упрямому самообману Фалькенгайна, не обращавшего внимания на обилие предупреждений из многих источников и на поступавшие требования резервов. Всего лишь за два часа до того, как началось наступление, он заверял кайзера, что местные командующие армиями «слишком мрачно смотрят на вещи» и что французы не в состоянии атаковать.

Первые донесения утра 25-го числа обманули Хейга. Он переоценил достигнутый первоначальный успех и уже в 10 час. 30 мин. утра приказал выбросить вперед 3-ю кавалерийскую дивизию. Командир дивизии скоро обнаружил ошибку Хейга, но Хейг, полагая, что конница уже ввязалась в бой, бросил вперед, как только ему удалось их заполучить, также 21-ю и 24-ю дивизии.

Пока дивизии эти подошли, обстановка изменилась, и обе передовые бригады оказались вынужденными закрепить фронт, выигранный начальной атакой. Хейг все еще надеялся прорвать нетронутую вторую линию обороны германцев. Для этого остальные части этих дивизий (4 бригады) продолжали двигаться вперед вне дорог и по незнакомой им местности. Марш затруднялся темнотой и дождем. Уставшие, голодные и не понимавшие ничего в окружающем, как и их командиры, войска были на другое утро брошены в атаку без действительной артиллерийской поддержки и против укреплений, которые были теперь сильнее и крепче заняты, чем первая линия обороны. Германцы не только получили подкрепления, но за ночь прикрылись густыми и широкими

проволочными заграждениями. Атака сломалась перед этим нетронутым препятствием, а немногие уцелевшие повернули и бросились назад.

Бегство их создало брешь в изломанном фронте британцев между Лоосом и Хюллюшем. Для заполнения ее пришлось подтянуть гвардейскую дивизию. Между тем германские контратаки, особенно на флангах, участились. Наконец, уже 28-го числа на помощь пришел Фош, взявший на себя не только защиту части британского сектора на фланге близ Лоос. Он помог и местным успехом у Вимми-Ридж, куда был притянут для парализования успеха французов почти весь вновь прибывший германский гвардейский корпус.

В согласии с Джоном Френчем Фош решил подготовить новое широкое наступление, назначив его на 2 октября. Такого же образа действий решили придерживаться в Шампани, где французы в течение 3 дней безуспешно пытались пробить вторую германскую позицию, неся чудовищные потери, которые могли быть еще более страшными, если бы командующий 2-й армией Петен не оборвал атаки вопреки приказам свыше.

Назначили передышку, чтобы после нее возобновить усилия на том же направлении. Передышка дала германцам время усилить свои позиции и накопить в тылу их резервы. Местные поражения, вызванные контратаками германцев, а также усталость войск явились причиной дальнейших задержек. Предполагаемое наступление все откладывалось и откладывалось. Все три атаки были проведены в разные числа. Последняя из них — британская — 13 октября, как написано в официальной истории, «ни в какой мере не содействовала улучшению общей обстановки и привела лишь к бесполезному избиению пехоты».

Любопытно, что в этот период Хейг потерял свою способность реально оценивать обстановку. Вернее, способность эта была притуплена его «бульдожьей настойчивостью». Хотя Жоффр уже отказался от продолжения наступательных попыток, Хейг разрабатывал план нового общего наступления на 7 ноября, операцию, громадная стоимость которой вряд ли могла быть чем-либо оправдана. К счастью, вмешались генералы «зима» и «погода». Но потери британцев уже достигали внушительного числа — 50 380 или 60 392 (если считать дополнительные атаки армии Хейга), в то время как потери германцев не превышали 20 000, несмотря на ряд дорого стоивших им контратак. Французы в Шампани и Артуа потеряли 191 797 офицерами и солдатами, вызвав у противника потерю 120 000 бойцов.

Соотношение это показывает, что непосредственное руководство наступлениями французов было значительно выше британского, хотя нельзя забывать, что французам помогала более сильная артиллерия. Оба союзника приобрели большой опыт, но не поумнели от этого. Они дали германцам возможность ознакомиться на практике с методом противодействия таким наступлениям. И в 1916 г. оказалось, что только германцы много приобрели от этих уроков наступления и обороны.

ГЛАВА V

1916 г.—МЕРТВАЯ ХВАТКА

В 1914 г. центр тяжести мировой войны лежал на Западном фронте, а в 1915 г. он переместился на Восточный фронт, чтобы в 1916 г. снова передвинуться обратно во Францию.

Хотя Антанта растратила часть своих сил в Салониках и Месопотамии, все же увеличивавшийся прилив новых армий в Англии и рост производства в ней же огнеприпасов обещал дать необходимую мощь для производства новой попытки в еще более широком масштабе, чем раньше, чтобы покончить, наконец, с позиционным окостенением. Были приняты меры, чтобы своевременно пополнять эти новые дивизии. К концу 1915 г. британские части во Франции достигли, благодаря появлению на фронте «армии Китченера» и территориальных дивизий, 36 дивизий. Хотя от принципа добровольности при зачислении на военную службу еще не совсем отказались, система эта была упорядочена, а рамки ее раздвинуты, захватив большинство нации. План этот, проводимый с октября 1915 г. при неорганизованном руководстве лорда Дерби, имел целью примирить требования армии с потребностями индустрии, призывая людей группами, по мере того как в них являлась нужда.

Но приток не был так силен, чтобы позволить сохранить принцип постепенности, и в январе 1916 г. добровольческая система (едва ли ее вообще можно назвать системой) была заменена повинностью.

К концу 1915 г. первая серьезная попытка добиться единства среди союзников была сделана на совещании командований французской, британской, бельгийской и итальянской армий с приглашением представителей от России и Японии. Совещание состоялось 5 декабря в штабе Жоффра. В принципе остановились

на одновременном общем наступлении в 1916 г., проводимым Францией, Британией, Россией и Италией. Учитывая слабую подготовленность британских войск, решено было дать им время для «сколачивания». России также надо было время на подготовку, поэтому наступление не могло начаться раньше лета 1916 г., хотя надеялись рядом подготовительных атак заранее ослабить противника. Но уже в январе и Жоффр и Фош дали ясно понять Хейгу, что придется ему одному выполнять эту подготовительную работу и что они не собираются предпринимать наступления, пока он это не сделает.

Но французам, хотя и косвенно, пришлось заняться ослаблением противника. Фалькенгайн решил провести долго лелеемый план наступления на западе, но с известными ограничениями. Всегда являясь сторонником стратегии измора, он начал проводить этот принцип и в тактике, нанося систематические удары, причем каждый удар имел ограниченную цель. В докладной записке, написанной в декабре 1915 г. и дающей общую оценку обстановки, он утверждал, что Англия является наиболее серьезным неприятелем среди союза противников.

«Повторяется история английских войн против Нидерланд, Испании, Франции и Наполеона. Германия не может ждать пощады от этого врага, пока у него не померкла малейшая надежда добиться поставленной цели. Все же Англия и ее армия, защищенные подводными лодками, были недосягаемы для Германии, а сектор фронта во Франции, занятый британцами, не годился для наступательных операций. С точки зрения наших чувств по отношению к нашему главному врагу, это, конечно, печально. Однако, это можно перенести, если мы поймем, что для Англии кампания на континенте... в конце концов является второстепенным делом. Основное оружие на континенте — французская, русская и итальянская армии».

Фалькенгайн считал Россию парализованной, а военную мощь Италии слишком малой, чтобы произвести серьезные сдвиги в обстановке.

«Остается только Франция. Но Франция дошла почти до предела своих военных усилий. Если удастся дать ясно понять ее народу, что в военном смысле им больше не на что надеяться, то конец станет близким и из рук Англии будет выбит ее лучший меч».

Фалькенгайн добавлял, что широкий прорыв не нужен. Вместо этого Германия должна поставить себе целью заставить Францию истечь кровью, выбрав для своих атак такой пункт, «ради удержания которого французское командование вынуждено будет бросить в бой последнего солдата».

Такими целями являлись либо Бельфор, либо Верден. Остановились на Вердене, так как последний угрожал главным коммуникациям германцев и представлял собой выступ, нелепо скучивая обороняющихся. Наконец, выбрали Верден по соображениям морального порядка, так как потеря только недавно обновленной крепости была бы тяжелым ударом для Франции. Кроме того Верден был на западе древними вратами, через которые прошли германские орды, чтобы напасть на галлов. Это напоминает

страсть германцев называть свои позиции или даже окопы именами героев Нибелунгов — Зигфрид, Брунгильда и т. д. Предрассудки еще ярче сказались в выборе кайзером второго Мольтке для руководства германскими армиями и в первоначальном размещении главной квартиры — в той же гостинице и в том же городе (Кобленц), где стоял немецкий штаб в 1870 г.

Основа тактического плана действий под Верденом заключалась в серии наступлений с ограниченной целью, которые заставили бы французов подбрасывать свои резервы в мясорубку германской артиллерии. А каждое из этих наступлений должно было в свою очередь защищаться от потерь короткой, но мощной артиллерийской подготовкой. Благодаря этому можно было надеяться захватить цель и укрепиться раньше, чем противнику удастся подтянуть свои резервы для контратаки. Разведывательный отдел французского главного штаба рано стал давать тревожные предупреждения о подготовке германцев, однако оперативный отдел слишком был поглощен своими наступательными планами, и предупреждения эти пропускал мимо ушей. Быстрое же падение бельгийских и русских крепостей привело к общераспространенной точке зрения, что крепости вообще устарели, и Жоффр, убедив французское правительство «деклассировать» Верден как крепость, лишил его орудий и гарнизона. Форты использовались просто как укрытия, а заменившие их окопы были в недостаточном количестве и плохо оборудованы.

В 7 час. 15 мин. утра 21 февраля началась германская бомбардировка на фронте протяжением в 15 миль, а в 4 час. 45 мин. дня пехота пошла в наступление, хотя в первый день наступление развернулось всего лишь на фронте в 4½ мили. С этой минуты и до 24 февраля фронт противника восточнее р. Маас дробился и смывался приливом германского наступления.

Грохот орудий у Вердена разбудил Жоффра, и он решил доверить оборону Петену, для чего стали накапливать здесь резервы. 6 марта германцы расширили наступление, захватив им и западный берег р. Маас. Но оборона теперь окрепла; силы уравновесились, и быстрая гибель Вердена была предотвращена.

Последовало недолгое затишье. За это время союзники Франции пытались сделать все, чтобы ослабить натиск на нее. Британцы сменили 10-ю французскую армию, взяв на себя оборону фронта в Аррасе. Теперь фронт их стал непрерывным от р. Изера до р. Соммы; итальянцы провели свое пятое наступление на фронте р. Изонцо, столь же бесплодное, как и предыдущие; русские бросили свои неподготовленные части против германцев у озера Нарочь, близ Вильно, где первоначальный небольшой успех вскоре был сведен на-нет контрударом противника. Все эти усилия не помешали германцам продолжать под Верденом свое наступление измора. Наступление велось медленно, но результаты его накоплялись, и в конце концов баланс потерь определенно склонился не в пользу обороняющихся. 7 июня пал форт Во, и волна наступавших германцев подкатилась к Вердену. В то же время Конрад развил удар по флангу итальянской армии у Тренто.

Россия вновь спасла положение. Весной 1916 г. она имела 130 дивизий, но количество огнеприпасов, которым дивизии эти могли располагать, было прискорбно малым. Эти 130 дивизий противостояли 46 германским и 40 австрийским дивизиям. Подготовка и реорганизация в предвидении предстоящих задач русской армии в общем наступлении союзников этого года были сорваны внезапным выступлением на сцену Вердена. Чтобы хоть как-нибудь помочь своему союзнику, Россия организовала длительное и дорого ей обошедшееся наступление у озера Нарочь в марте этого года. Когда наступление это наконец прервали, то подготовка к главному удару возобновилась.

Наступление это должно было начаться в июле, в соответствии с наступлением на Сомме, и Брусилову — командовавшему Юго-западным фронтом — было приказано подготовить любые атаки, какие только ему удастся организовать с имевшимися в его распоряжении войсками. Атаки эти должны были отвлечь внимание противника от готовившегося решительного наступления во Франции. Но демонстрация эта была начата преждевременно, 4 июля, в ответ на просьбы Италии, чтобы Россия помешала Австрии усилить свой нажим на итальянскую армию в Трентино. Без предупреждения, так как специального сосредоточения войск не производилось, брусиловская армия двинулась против австрийских 4-й армии у Лыка и 7-й армии в Буковине. Сопротивление австрийцев было парализовано первым же ударом. В три дня Брусилов взял 200 000 пленных.

Это последнее серьезное усилие, сделанное в войне русской армии, привело к важным последствиям. Оно остановило наступление австрийцев в Италии. Оно же заставило Фалькенгайна снять войска с Западного фронта и таким образом отказаться от намерения произвести контрудар по британцам, готовившим наступление на Сомме. Фалькенгайну пришлось также расстаться с надеждой продолжать дальше свое наступление измора под Верденом, так как ему нечем стало питать это наступление. Брусиловский удар убедил Румынию принять чреватое последствиями решение — вступить в войну на стороне Антанты и вызвало отставку Фалькенгайна, уход его с должности главнокомандующего и замену его Гинденбургом и Людендорфом. Последний официально именовался старшим генерал-квартирмейстером, фактически же являлся руководителем Гинденбурга. Хотя вступление Румынии в войну явилось непосредственной причиной этих перемен, но скрытой причиной был тот факт, что «ограниченная» стратегия Фалькенгайна в 1915 г. позволила России оправиться. А это свело на-нет всю стратегию Фалькенгайна в 1916 г.

Фалькенгайн — последний пример в истории безрассудства полумер; пример благороднейшего и интеллигентнейшего генерала, «в погоне за мелочами просматривавшего большие дела»; пример генерала, который разорил свою страну, отказавшись итти на расчетливый риск. В 1916 г. он повернул на запад, чтобы осуществить свое давно лелеемое желание, причем стратегия его роковым образом слепо придерживалась канонов военной ортодоксальности. Он считал своей основной целью — наиболее силь-

ную армию противника и наиболее сильный пункт в позиции этого противника. Стратегия эта в некотором отношении достигла цели, заставив Францию подбрасывать свои резервы в «кровавую бойню» у Вердена, но не привела к решающим результатам.

Фалькенгайн отклонил предложение Конрада — сосредоточенными силами обратиться против Италии, повторив действия, опрокинувшие раньше Сербию. Конрад выдвигал тот довод, что такой удар против «наследственного врага» послужит хорошим стимулом для австро-венгерских войск. Кроме того театр войны очень удобен для достижения решительных результатов, если ударить в южном направлении от Трентино против тыла итальянских армий, втянутых в бой у Изонцо. Успех, достигнутый сравнительно легким ударом в 1917 г. у Капоретто, исторически оправдывает предложения Конрада. Но Фалькенгайн сомневался как в реальности, так и в ценности этого плана и не соглашался даже одолжить 9 германских дивизий, которые Конрад просил, чтобы сменить ими австрийские дивизии в Галиции. Несмотря на отказ в поддержке, Конрад продолжал упорствовать, пытаясь один осуществить свое намерение. Для этого он снял несколько своих лучших дивизий из Галиции и этим обнажил фронт, подставляя его под удары брусиловского наступления и в то же время не получая достаточных сил для проведения в жизнь своего итальянского плана. Неясные до этого предчувствия Фалькенгайна, что Конрад не считается с его взглядами, оправдались. Масла в огонь подлил галицийский разгром. Фалькенгайн вошел с представлением в Вену, добиваясь отставки Конрада. Судьба оказалась мстительной и воздала ему тем же. Вскоре последовала и его отставка.

Брусиловское наступление продолжалось три месяца все с тем же блестящим успехом. Но для быстрого развития успеха резервов под рукой не было, и, прежде чем их удалось доставить сюда с далекого севера, германцы начали поспешно штопать дыры, кое-как сколачивая фронт. Последние усилия Брусилова легко могли привести противника к полной гибели, но они поглотили все имевшиеся резервы русских, а общие потери армий — около 1 000 000 человек — привели к фактическому развалу русских вооруженных сил.

Как ни велико было влияние брусиловского наступления на германскую стратегию, все же влияние его на ход событий под Верденом сказалось не так скоро. Но на поверхность всплыло долго лелеемое наступление на Сомме, и верденское наступление из-за нехватки питающих его резервов «постепенно замерло». Тем не менее, хотя германцы просчитались здесь вдвойне, не достигнув этой операцией ни моральных, ни материальных целей, они настолько истощили французскую армию, что в плане действий союзников 1916 г. французы могли играть лишь незначительную роль. Вся тяжесть борьбы перекладывалась теперь на плечи британцев. Следствием этого должно было явиться ограничение как размаха, так и результатов стратегии Антанты.

1 июля после артиллерийской бомбардировки, продолжавшейся целый месяц, 4-я британская армия (армия эта недавно была создана; командующим ее был назначен Раулинсон) атаковала се-

вернее Соммы 13 дивизиями на фронте в 15 миль, а французы — 5 дивизиями южнее этой реки, на фронте в 8 миль. Атака французов приходилась против участка, где система обороны германцев была слабее развита. Открытая подготовка этой операции и продолжительная бомбардировка исключали всякую возможность внезапности. Сопротивление германцев, слабое численно, но сильное своей организованностью, сломало атаки почти на всем фронте наступления британцев. Благодаря густым и мало гибким боевым порядкам — «волнам» — англичане несли ужасающие потери. Только южнее фронта британцев, Фрикур и Монтобан, атакующим удалось проникнуть в систему обороны противника и там закрепиться. Французы, встретившие меньшее сопротивление, так как их атака явилась для германцев большой неожиданностью, добились более значительных успехов.

Эта неудача сорвала первоначальный замысел быстрого проникновения к Бапом и Камбрэ. Хейг скоро перешел на тактику измора — частных наступлений, имевших целью, постепенно истощать силы германцев. Отвергнув желание Жоффра, просившего вновь бросить британские войска в лоб Типвальским укреплениям, Хейг сначала возобновил атаку только своим правым флангом. 14 июля прорыв второй линии обороны германцев давал возможность быстро расширить и развить успех, но этим не воспользовались. С этого дня и дальше продолжалось методичное, но дорого стоящее наступление, и хотя пространственно выигрыш местности был невелик, но наступление это вызывало серьезное напряжение сил германской обороны, истощая ее. К сожалению, рано начались проливные зимние дожди. Это заставило прервать операцию в ноябре. Все же нельзя переоценивать значения этой операции, так как она не помешала германцам снимать войска с запада для организации удара против Румынии.

В одном отношении Сомма явилась предвестником новой тактики борьбы, приоткрыв завесу будущего: 15 сентября впервые на поле боя появились танки. Поспешное применение, когда в распоряжении не было еще достаточного числа их, конечно, являлось ошибкой. Этим отказывались от возможности использовать большую стратегическую внезапность. Танки же, из-за неправильного тактического использования и мелких технических дефектов, не привели к желаемым результатам. Хотя высшее командование разочаровалось в них и кое-кто высказывался за полный отказ от них, более зоркие глаза и более острые умы поняли, что танк может стать ключом, которым при правильном пользовании удастся отомкнуть непроницаемую стену окопов.

Наступление на Сомме имело еще одно значение: ослабление нажима германцев под Верденом позволило французам подготовить ряд контрударов. Контрудары эти были проведены корпусом Манжена 24 октября и 15 декабря. Французы, понеся небольшие жертвы, вернули себе почти всю потерянную местность. Успехи эти, достигнутые столь экономно, обязаны частично удавшейся внезапности, а отчасти и более гибкому способу пользования системой частных наступлений, при высоком сосредоточении артиллерии и минимальном количестве пехоты, занимавшей укре-

пления, разрушаемые артиллерией противника. Но успеху французов серьезно содействовала и ошибочная настойчивость Гинденбурга. Ради своего честолюбия он настаивал на удержании прежде захваченной местности, вместо того чтобы оттянуть усталые войска на более безопасный рубеж, куда-нибудь подальше от Вердена. Гинденбург воспользовался этим уроком во вред союзникам весной 1917 г.

Румыния, симпатизировавшая Антанте, ждала удобного случая, чтобы вступить в войну на стороне Антанты. Успех Брусилова подтолкнул ее на этот решительный шаг, и она, очертя голову, бросилась в омут войны. Румынское командование надеялось, что наступление Брусилова, в связи с нажимом союзников на Сомме и в Салониках, скует германские резервы. Географически положение Румынии связывалось со многим невыгодами. В стратегическом отношении театр войны был здесь неблагоприятен: главный участок фронта—Валахия—был, как бутерброд, обложен с одной стороны Австро-Венгрией, с другой—Болгарией. Румынская армия внешне была организована на европейский образец, но под этим поверхностным лоском таились большие и серьезные недочеты. Из союзников Румынии только Россия могла оказать ей непосредственную поддержку, но Россия помощи этой не оказала. Несмотря на все эти препятствия, Румыния повела наступление вглубь Трансильвании. Это обнажило ее фланг под удар Болгарии.

В то время как Антанта робко топталась на месте, нащупывая пути дальнейших действий, германцы действовали. План их операций был задуман еще Фалькенгайном и развит Гинденбургом—Людендорфом, когда 28 августа они приняли на себя главное руководство. Одна группа войск сосредоточивалась в Трансильвании для контрудара; болгарская армия, со влитыми в нее германскими частями, ее цементирующими, должна была под начальством Макензена ударить по Румынии «с черного хода» и занять Добруджу. Это автоматически приостановило наступление румын в Трансильвании и отвлекло их резервы. К концу сентября румыны были отброшены австро-германским контрнаступлением, причем объединенными войсками командовал здесь Фалькенгайн. Румынам удалось удерживать перевалы через приграничный горный хребет на западе до половины ноября, но Фалькенгайн все же прорвался во-время — раньше чем снег закрыл перевалы. Макензен повернул главные свои силы на запад и перешел Дунай вблизи Бухареста. Обе армии соединились перед Бухарестом. Бухарест пал 6 сентября, и, несмотря на запоздалую помощь русских, главные силы Румынии были отброшены к северу, в Молдавию. Блестяще согласованная стратегия германцев изувечила их нового врага, овладела ядром Румынии с ее богатыми нефтяными месторождениями и плодородными хлебными землями и заставила Россию оборонять лишние 300 миль фронта.

Саррайлю не удалось в Салониках сковать болгарские резервы.

Единственный территориальный успех, которым Антанта могла похвастаться за весь этот год войны, был достигнут далеко — в Месопотамии, где был захвачен Багдад. За это — скорее мо-

ральное — подтверждение боеспособности Антанты схватились с громадным энтузиазмом, хотя с военной точки зрения едва ли такое усердие оправдывалось.

Горький опыт прошлого охладил пыл британского правительства, и сэр Вильям Робертсон, новый начальник генерального штаба, возражал против всяких дальнейших действий на востоке, которые могли бы повести к уменьшению сил, имевшихся на Западном фронте. Но Моод, новый командующий войсками в Месопотамии, довольно тонко, хотя и бессознательно, добился изменения этой оборонительной политики, превратив ее в новое наступление. После тщательной реорганизации месопотамских войск и их коммуникаций он начал 12 декабря 1916 г. наступление правым крылом, заходя и постепенно расширяя свой фронт на западном берегу р. Тигра, вверх и вниз от Кута. Эта методическая тактика позиционной войны позволила ему затем совершить неожиданный скачок через р. Тигр и ударить поперек пути отступления турок, который проходил параллельно фронту генерала Моод. Несмотря на перевес сил, почти в четыре раза превышавший силы турок, неудача на правом фланге в попытке остановить противника и неудача конницы, которой не удалось отрезать путь отступления турок, помешали превратить этот удар в решающий успех. Все же удар этот создал предпосылки для наступления на Багдад. Английские войска вошли в столицу Месопотамии 11 марта 1917 г. Затем ряд искусно проведенных операций отбросил турок по расходившимся путям отступления, что обеспечило британцам возможность удержать в своих руках эту провинцию.

Со временем короткой попытки турок овладеть Египтом в начале 1915 г. британцы держали там сравнительно крупные силы, не выпуская их из рук даже тогда, когда дарданельская операция явно требовала подкрепления. Когда Галлиполи было эвакуировано, освобождение турецких сил грозило новой опасностью Египту. Желая ослабить ее и обеспечить себе господство в Синайской пустыне, Арчибальд Мюррей весной 1916 г. перешел в наступление, разбив турецкие войска, только-что прибывшие в Романи, Магдгаба и Рафа. Скорость наступления регулировалась временем, необходимым на прокладку железной дороги и проводку водопровода через пустыню. Этот новый «исход» вдохновил британское правительство на вторжение в Палестину с затратой на это по возможности меньшего количества войск. Подступы к Палестине прикрывали города Газа — на побережье и Бергсгеба — в 25 милях от берега. Мюррей атаковал Газа 26 марта, но попытка эта сорвалась, хотя и была на волосок от успеха. К наступлению темноты Газа была фактически окружена, но позиция часть за частью вновь была отдана противнику. Сделали это не под давлением неприятеля, а по приказам британского командования, из-за неверной разведки, недоразумений и чрезмерной осторожности. Беда этим не кончилась: Мюррей донес правительству о действиях, как о победе, даже не намекнув на последовавшее затем отступление. Конечно, его намерение попытаться без соот-

ветствующей разведки или огневой поддержки возобновить атаку 17—18 апреля было одобрено. Атака эта превратилась в поражение, стоившее уже значительно дороже, так как противник успел укрепить свою оборону.

Австрийское наступление в Трентино прервало планы Кадорна о продолжении усилий на фронте Изонцо. Но когда наступление австрийцев было сломлено, Кадорна вновь перебросил свои резервы к Изонцо. В подготовке к этому наступлению весь сектор от Монте-Саботино до моря был поручен 3-й армии герцога Аостского, где 16 итальянских дивизий сосредоточились против 6 австрийских. Вслед за подготовительным боем недалеко от моря 4 августа началось и это наступление. 6 августа, севернее Горицы, корпус Капелло поднялся по длинному неприступному Монте-Саботино, который охранял подступы к реке, и, переправившись через реку в ночь на 8 августа, занял город. Это вызвало отступление австрийцев с сектора Карсо к югу, но попытки итальянцев развить успех в восточном направлении разбились о новые укрепленные позиции. Осенью было сделано еще три попытки. Хотя они истомили австрийцев, однако, еще дороже обошлись атакующим. За год итальянцы потеряли около 483 000 человек против 260 000 австрийцев.

Война на море 1915—1916 гг. Первая подводная кампания Германии, ассоциировавшаяся в представлении с именем адмирала ф. Тирпитца, образчика безжалостности и беспощадности, оказалась знаменательным провалом как по крайне ничтожным материальным результатам этой кампании, так и по громадному моральному вреду, который кампания эта причинила Германии. Ряд нот, которыми обменялись американское и германское правительства, привел в апреле 1916 г. к настоящему ультиматуму президента Вильсона, и Германия отказалась от своей подводной кампании. Лишение этого оружия пришпорило германский флот, ускорив его первую и последнюю попытку — выполнить свой первоначальный план, которым флот начал войну. 30 мая 1916 г. британская флотилия покинула свои базы и предприняла один из своих периодических рейдов в Северном море, учитывая одновременно возможность столкновения с флотом противника. 31 мая рано утром германский флот также вышел в море, надеясь подловить и уничтожить какое-либо отставшее судно британской флотилии.

В предвидении такой встречи британский адмирал Джеллико разработал подробнейший план в первые месяцы войны. В основу этого плана была положена настоятельная необходимость сохранить безусловное превосходство британского флота на море, который он расценивал не только как оружие для боя, но и «стержень» всех действий союзников и во всех областях — экономической, моральной и военной. И хотя англичанин горел желанием спровоцировать германский флот на бой в обстановке, наиболее благоприятной английскому, Джеллико не позволил завлечь себя в воды, насыщенные минами и подводными лодками.

Днем 31 мая Битти со своими крейсерами и эскадрой бронированных крейсеров после заплыва к югу повернул на север, что-

бы присоединиться к Джеллико. Внезапно он увидел пять германских крейсеров. При первоначальной перестрелке два из шести судов Битти получили тяжелые повреждения и затонули. Пытаясь отступить, он столкнулся с главными силами германского флота под начальством адмирала Шеер. Битти повернул на север, чтобы заманить германский флот под выстрелы главных сил эскадр Джеллико. Эскадры эти находились на расстоянии 50 миль и на всех парах неслись на помощь. Туман и наступившая темнота положили конец этому нерешительному бою, но британский флот остался между германцами и своей базой. За ночь Шеер прорвался сквозь охранявшую цепь английских миноносцев и крейсеров, и, хотя его видели, официально об этом не донесли. Поэтому он спокойно пробрался сквозь охранявшую сеть, которую Джеллико не хотел слишком стянуть, руководствуясь своими принципами и боясь нарваться на мины.

Если Ютландский бой можно расценивать как тактический успех германцев, он все же не оказал никакого влияния на их стратегическое положение. Мертвая хватка британской блокады не ослабела. Еще раз Германия вернулась к тактике подводной войны, и первым усовершенствованием этой тактики явилось расширение радиуса действия. В июле один из крупных подводных крейсеров появился у берегов Америки и потопил несколько нейтральных судов.

Среди морей Средиземное явилось ареной активных операций, но непосредственный нажим на Британию летом несколько ослабел, так как Шеер в припадке раздражения за уступку германского правительства настояниям и угрозам президента Вильсона отказался подвергать свои подводные лодки риску, сопряженному с предварительным опросом и обыском судов. Поэтому все тяготы суженной таким образом кампании германских подводных лодок обрушились на флот, находившийся у берегов Фландрии. К счастью для британцев, германские морские начальники были тупо медлительны и не могли сразу понять всех выгод, предоставляемых бельгийским побережьем при эксплоатации его как базы. Шесть беспечно потерянных месяцев, когда база эта могла быть там организована, никогда уже не смогли быть больше наверстаны.

Имевшееся там количество морских сил уже не могло достигнуть той пропорции, которая позволила бы действительно угрожать Британии с этого ближнего поста.

6 октября Шеер получил приказ поддержать операцию на суше действиями на море. Вдохновителями этого замаскированного возобновления общей подводной кампании были адмирал ф. Хольтцендорф—начальник морского штаба—и капитан ф. Бартенбах — начальник морских сил во Фландрии. Непосредственным результатом этого явилось автоматическое лишение Шеера подводных лодок, которые были ему нужны, чтобы охранять свои собственные выходы и устраивать ловушки для британского флота.

Таким образом последовавший паралич германского флота явился результатом плана действий, на котором остановились

германцы, а не результатом Ютландского сражения. Сражение это даже не дало флоту Британии господствующего положения в Северном море. Дело в том, что моральный эффект подводной засады, которой был отмечен выход германского флота 19 августа, был настолько велик — хотя попытка эта и потерпела неудачу, — что с этого времени флот Британии был окончательно лишен доступа в южную часть Северного моря. Джеллико и адмиралтейство считали, что такое «самозаключение» необходимо. «Господство на море» превратилось почти в насмешку. Особенно четко это выявилось, когда опасность германского вторжения в Данию неожиданно всплыла той же осенью. После рассмотрения этого вопроса адмиралтейство и военное министерство вынесли следующий приговор: «По морским соображениям совершенно невозможно поддержать Данию». С редкой поучительной искренностью британская официальная морская история разъясняет:

«Флот мог выйти в море только в сопровождении эскорта не менее 100 миноносцев; ни одно крупное судно не могло покинуть своей базы без небольшого, но сильного эскорта, а германские подводные лодки стесняли действия наших эскадр в таком размере, которого никогда не могли бы предвидеть даже наиболее опытные и прозорливые морские офицеры».

Любопытное противоречие: в течение всей войны морские офицеры всегда провозглашали превосходство дредноутов и недействительность подводных лодок...

К осени 1916 г. флот Британии был закован в кандалы крепче, чем когда-либо, так как число охранявших его «тюремщиков» было уменьшено необходимостью в легких судах для борьбы с новой «замаскированной» кампанией подводных лодок, проводившейся против торговых судов.

Несмотря на все контрмеры, кампания эта была столь успешной, что рост ежемесячных потерь судов неуклонно рос с 109 000 т в июне 1916 г. до 368 000 т в январе 1917 г., причем примерно половина этого тоннажа была английской. Во время этой «замаскированной» кампании Средиземное море являлось ареной, неблагоприятной для англичан, для германцев же чрезвычайно благоприятной. Море это, помимо упрощения задач подводным лодкам по отысканию целей, упрощало и проблему, с которой надо было считаться Германии, помогая ей избегать нарушения обязательств, данных ей Америкой. В Средиземном море мало было риска натолкнуться на американское судно или, в случае несчастья с коммерческим судном, подорвать интересы Америки. Одна единственная подводная лодка за 5 недель потопила в Средиземном море 65 000 тоннажа.

Контрмеры оказались совершенно не в состоянии остановить рост потопляемых судов. Не удалось это сделать даже тогда, когда в распоряжении оказалось больше миноносцев и других мелких судов. За одну неделю сентября 1916 г. двумя, в крайнем случае — тремя, подводными лодками было потоплено на участке, охранявшемся 97 миноносцами и 68 другими вспомогательными судами, 30 кораблей. Среди ряда уловок, к которым стали при-

бегать для большей безопасности, надо отметить движение по секретным курсам, поднятие ложных цветов (флагов) и, наконец, пользование судами как приманкой.

Эти суда, называемые «Кью» (Q), были снаряжены подводными минами и орудиями, скрытыми за разборными башнями, судно же маскировалось как торговое. Маскировка эта усиливалась поведением команды, которая симулировала панику. Такое поведение привлекало подводную лодку на поверхность на дистанцию, обеспечивающую действительность огня орудий с судна. Хотя действия этих «Кью» создали наиболее романтическую фазу морской войны и потопили 11 подводных лодок, они к концу 1916 г. почти совершенно потеряли свое значение и не могли больше захватывать врасплох противника. Противник стал более осторожен и естественно менее склонен проводить милостивое распознавание между вооруженными и внешне невооруженными судами. Риск, которому подвергались подводные лодки от этих «Кью», усилился еще тем, что британцы вооружили и обыкновенные торговые суда. Это поставило медлительную, хрупкую и наполовину слепую подводную лодку перед тяжелой дилеммой. Чем разборчивее была подводная лодка, тем большей опасности она подвергалась. Чем меньше внимания она обращала на природу своей цели и на спасение находящихся на борту, тем больше ей были гарантированы безопасность и успех. Естественны поэтому громкие протесты в Германии, требовавшие такой тактики действий, чтобы подводные лодки топили суда при одном их виде.

Британия стала чувствовать гнет экономических затруднений. То же было и в Германии. Руководители Германии стали опасаться, что состязание между решающим успехом на суше и разрушающейся экономикой кончится не в пользу первого. Морские авторитеты заявили, что возобновлением «неограниченной» подводной войны (которая теперь при увеличении числа подводных лодок могла стать более действительной) удастся поставить Антанту на колени. Согласившись с этим мнением, Людендорф пошел на шаг, против которого он раньше возражал: вес морского и военного мнения, сообща, преодолел протесты канцлера. Для морального оправдания открытого отказа от ограничений, связанных с посещением и обыском судов, и чтобы снять свое обещание, данное президенту Вильсону, нарочито использовали предложение мирных переговоров, которое, как и предвидели, должно было быть отклонено державами Антанты. 1 февраля 1917 г. была объявлена политика «неограниченного потопления всех судов, безразлично — пассажирских или грузовых». Германия отдавала себе полный отчет, что это неизбежно повлечет за собой переход Америки в лагерь ее врагов. Сомнения в разумности такой политики приглушались извинениями в необходимости такого шага, расчетом на близкую победу и доводами, что Америка неминуемо должна будет притти на помощь союзникам, чтобы обеспечить их способность впоследствии выплатить ей свои долги. Но германцы рассчитывали на победу раньше, чем чаша весов была бы перетянута американской гирей, брошенной на сторону Антанты.

1. Верденская мясорубка

(Схема 6)

Истиной, не требующей доказательства, является то, что война 1914—1918 гг., революционизировала понятие о времени в военном смысле, особенно же представление о продолжительности боев. В течение многих тысяч лет сражение, как ни был велик его масштаб, длилось часами. Так было и в начале нашего столетия, хотя отдельные сражения, начиная от наполеоновских войн и дальше, разрастались, захватывая даже целый день, например сражения под Лейпцигом, Геттисбургом. Русско-японская война внесла уже коренные изменения: здесь бои тянулись неделями. Когда разразилась мировая война, обычной меркой сделались уже месяцы, так как бои перерождались в осады, хотя за это их не признавали и с научной точки зрения к ним так не подходили. Будем надеяться, что перемена эта временная; ведь количество не означает еще качества, а продолжительность приводит к неподвижности и нерешительности, что волей-неволей является отрицанием всякого военного искусства. Таким образом и с точки зрения военной науки и с точки зрения расхода человеческих жизней длительные сражения—безусловно плохие сражения.

Затягивание боев также усложнило работу военного историка. Если он не собирается наполнять толстые тома чрезмерными подробностями, ему будет очень трудно выбрать характерные моменты разбираемой операции, когда их или нет совсем, или так много, что они грозят затопить собой все. И четкость в изложении будет потеряна.

А из всех так называемых «сражений» войны Верден побил рекорд продолжительности: с 21 февраля до 21 декабря 1916 г. Даже если конечной датой сражения взять день прекращения германского наступления, а французское наступление рассматривать как отдельную операцию, то все же продолжительность этого сражения будет 7 месяцев.

Выделить в этом сражении какие-либо исторические даты тем более трудно, что ни одно из сражений мировой войны не было более героичным, вернее — более драматичным, в своем развитии. И ни одно из сражений так сильно не привлекло к себе симпатии наблюдавших за его ходом наций. Это была величайшая жертва Франции и ее величайший триумф. Весь свет отдал должное ее блестящему достижению.

С 25 февраля и дальше вплоть до 23 июля был ряд кризисов, и многие французские авторитеты останавливаются на этой последней дате как на основной. Но кому, как не германцам, лучше знать момент, когда прилив действительно повернул против них.

Такой выдающийся критик, как генерал ф. Цвель, считает, что действительный поворотный пункт был 9 марта, когда германцам не удалось овладеть Кот-дю-Пуавр. 4 марта германский кронпринц обратился к своей армейской группе с призывом напрячь все силы и овладеть Верденом — «сердцем Франции». 6 марта после двух дней артиллерийской подготовки этот новый удар не

удался, а к 9 марта окончательно выяснилась вся тщетность этой попытки.

Эта дата затрагивается также при определении, чем руководствовалось германское главное командование, организуя атаку Вердена. Генерал Фалькенгайн, начальник большого генерального штаба и офицер, отвечающий за это предложение, категорически утверждал, что цель этой операции заставить Францию истечь кровью, выбрав объектом атак такой пункт, за удержание которого французское командование будет драться до последнего. Фалькенгайн ссылался также на документ, составленный им на рождество 1915 г. в подтверждение своих доказательств, что для достижения этой цели нет никакой необходимости в широком прорыве.

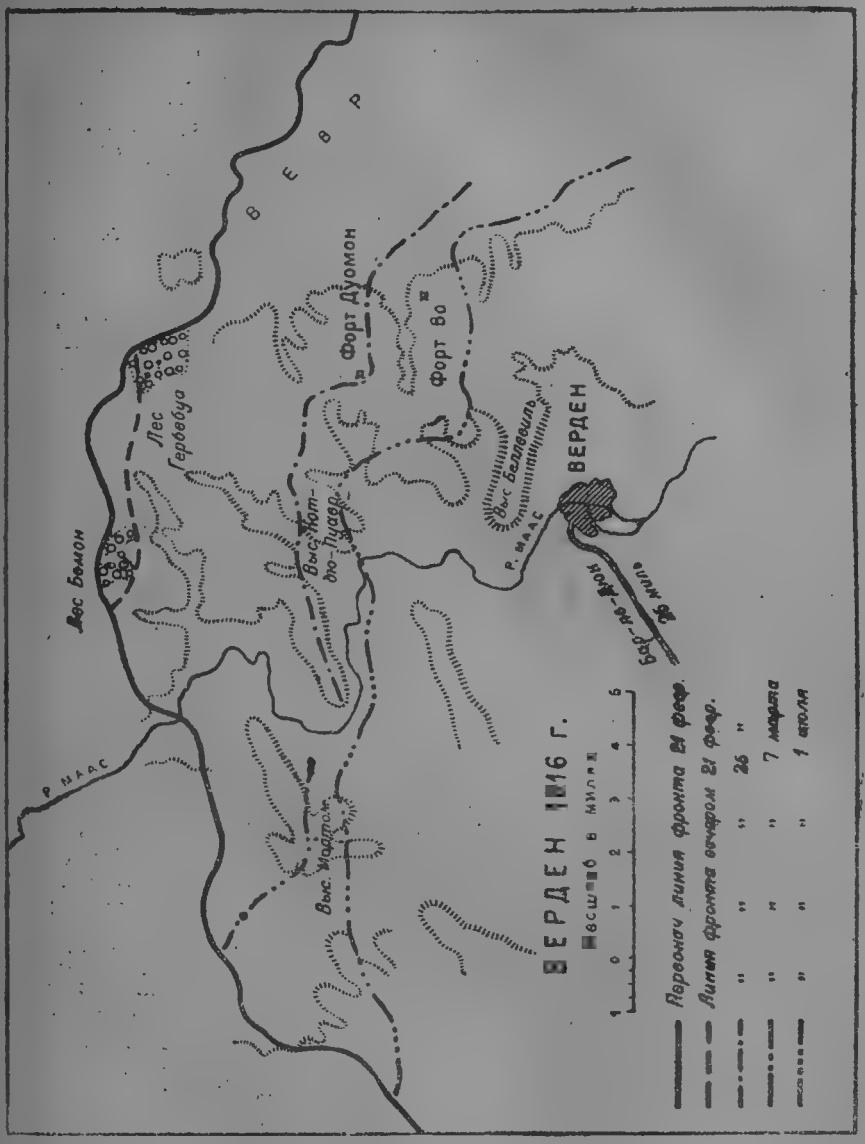
Но, несмотря на послевоенные заявления Фалькенгайна, вопрос о первоначальной цели этой операции все еще вызывает сомнения. Выдающийся германский критик полковник Ферстер указывал, что трудно примирить заявления Фалькенгайна с тем, как эта операция проводилась в жизнь. Он утверждал, что первоначально операция мыслилась исключительно в виде быстро развивающегося удара, преследующего цель прорыва. Он приводил выдержки из личного приказа Фалькенгайна от 27 января 1916 г. и его уничтожающие критические пометки на полях донесения, присланного штабом кронпринца 31 марта,— донесения, объясняющего причины поражения. Это показывает, что Фалькенгайн рассчитывал на безудержное и непрерывное наступление.

Поэтому есть основания подозревать, что действительный замысел, лежавший в основе плана, заключался в возрождении двойного окружения — «Седана», к которому стремились еще в сентябре 1914 г. Теперь эту попытку можно было организовать с большими видами на успех, так как участок предстоявших действий был больше выпячен вперед, чем во времена Марнского сражения. Произошло это из-за клина у С.-Миель, который был вбит на восточном фланге этого участка. А тот факт, что сектор этот пересекался р. Маас, должен был мешать обороняющимся противодействием сдвигу клещей охвата. Более того, гипотеза эта дает и логическое объяснение того, что иначе кажется грубой ошибкой германцев, а именно — организации ими первой атаки только на восточном берегу реки. Но если германцы стремились к «Седану», то они могли рассчитывать, что атака их на восточном берегу привлечет туда французские резервы, а когда разовьется последующая атака на западном берегу, то она легко сметет тыл французов, используя реку как стену их тюрьмы. Этим не только была бы отрезана часть французской армии, но и остаток был бы разрезан на две части, а широкий прорыв привел бы к ликвидации всего фронта позиционной войны во Франции.

Если целью Вердена являлся систематический измор, тогда нельзя ни один из дней чем-либо отличить от другого и считать его решающим. Но если рассчитывали на прорыв слева и справа, то понятно, почему германцы подчеркивают значение 6—9 марта.

Германское наступление должно было основываться на мощности огня, а не на мощности живой силы. Основным выразителем

СХЕМА 6



его должна была явиться интенсивная артиллерийская бомбардировка, причем сравнительно небольшая длительность этой подготовки должна была возмещаться числом батарей и их скорострельностью.

Этим пытались обеспечить себе огромное преимущество внезапности, которое неизбежно терялось при артиллерийской подготовке в течение нескольких дней или даже недель (прошлый метод действий союзников в сражениях у Лооса, в Шампани и,

несмотря ни на что, еще и будущий метод их действий на р. Сомме). Чтобы повысить свои шансы на внезапность, германцы не устроили ни одного из обычных «исходных для штурма» окопов в непосредственной близости от расположения противника. Они всецело полагались на то, что чудовищная артиллерийская бомбардировка позволит их пехоте пройти широкую полосу «ничьей» земли, не встретив серьезного сопротивления, хотя местами полоса эта достигала до полумили ширины.

Труднее было сохранить в тайне подготовку тыла к этой операции. Но хотя разведывательный отдел французского генерального штаба смог разгадать намерения германцев, оперативный отдел не обратил никакого внимания на эти предупреждения. 1 февраля к Вердену была послана крупица—две территориальных дивизии—и лишь в последнюю минуту туда были подброшены соответствующие подкрепления — 2 армейских корпуса. Даже когда первый из этих корпусов прибыл к месту назначения, то на правом берегу р. Маас оказалось только 3 дивизии, на левом — 2 дивизии, а южнее крепости — 3 дивизии, фронтом на восток. Резервов вовсе не было. Нетрудно угадать, что могло произойти, если бы наступление германцев развилось 13-го числа, как вначале и намечалось, еще до прибытия этого первого корпуса. Плохая погода в двойном смысле спасла обороняющихся, так как она мешала также выдвижению вперед тяжелых орудий германцев.

Есть и другая, крайне важная, сторона подготовительной фазы Верденской операции, которая сравнительно мало изучена. Поспешные обобщения, сделанные на основании легкого падения бельгийских и русских крепостей, оказали большое влияние на последующее критическое положение Вердена. Вначале французские крепости не входили в ведение полевой армии, но Жоффр воспользовался примером Льежа и Намюра как предлогом, чтобы убедить французское правительство «деклассировать» (расформировать) Верден как крепость. Добившись в августе 1915 г. передачи Вердена в свое ведение, Жоффр постепенно начал выкачивать из него людей и оружие.

Извлечение оттуда орудий продолжалось до 30 января 1916 г., а казематами стали просто пользоваться как укрытиями для войны. Вместо круговой обороны за фортами устроили один ряд окопов, а в тылу в порядке была только еще одна вспомогательная линия окопов.

Для защиты этого значительного фронта генерал Эрр, командовавший на этом участке, не имел ни достаточного числа людей, ни материалов, чтобы занять этот фронт или держать его в удовлетворительном оборонительном состоянии. Проволочные заграждения были несовершенны, а окопы имели редкие укрытия, мало защищавшие от снарядов. Неудивительно, что, когда разразился удар, окопы были сравнены с землей. Резким контрастом явилась исключительная непроницаемость фортов. Форты Дуомон и Во попали в руки германцев, а когда в октябре они были отбиты, то французы убедились, что месяцы чудовищной бомбардировки почти не оставили никакого следа. Подземные убежища

совершенно не были тронуты, ни одна башня полевого орудия не была разрушена и редкий каземат приведен в совершенно неисправное состояние. Горькая ирония судьбы! Французы сами, вследствие поспешного вывода, что крепости бесполезны, отбросили в сторону свой щит и стали мишенью.

Первоначальный комендант, генерал Кутансо, не разделял этого вывода. Он осмелился отстаивать свою точку зрения перед парламентской делегацией, идя наперекор командующему армейской группой генералу Дюбайль. В итоге он не только получил выговор, но и был смещен. Некоторое время носились слухи, проникнувшие даже в Париж, о неудовлетворительном состоянии оборонительных сооружений Вердена, и в декабре Галлиени в качестве военного министра написал Жоффру, спрашивая разъяснений на этот счет и требуя, чтобы укрепления эти были усовершенствованы. Ответ Жоффра можно застеклить и в рамке повесить в бюрократических учреждениях всего мира, чтобы служить образцом ответа не по существу (простой отписки).

Опровергая соображения, высказанные Галлиени, он добавлял:

«Но поскольку мнения эти основываются на донесениях, которые ссылаются на недочеты в состоянии обороны, я предлагаю вам... установить авторов этих донесений. Я не могу под своей командой терпеть солдат, которые выдвигают перед правительством жалобы или протесты, касающиеся выполнения моих приказов, пользуясь для этого иными путями, чем обычные доклады по инстанциям... В основе этого лежит расчет подорвать основы дисциплины в армии».

Противнику скоро было суждено развенчать его доктрину «непогрешимости», а бунты и восстания 1917 г. должны были доказать, что бездарность генералов и свобода их в обращении с человеческими жизнями являются наиболее действенными факторами в деле подрыва дисциплины в армии. Но возмездие обычно приходит поздно. Полковник Дриан, депутат в парламенте от города Нанси и известный военный писатель, предупреждавший о несовершенстве укреплений Вердена, пал первой жертвой пренебрежительного к ним отношения, а Жоффр на время покрыл себя новыми лаврами и приобрел еще большую популярность за героическое заклание Дриана и его товарищей по оружию.

21 февраля утром, в четверть восьмого, в холодный сухой день, началась германская бомбардировка на обоих берегах р. Маас, захватившая фронт протяжением в 15 миль. Твердо и планомерно окопы и проволока были сравнены с землей или вздыблены в кучи хаотически перемешанной земли. «Воронки, сделанные тяжелыми снарядами, придали всей местности сходство с поверхностью луны». Хотя бомбардировка такой силы к февралю 1916 г. стала обычным явлением, но тогда она была новинкой и потому производила большое впечатление. Бомбардировка продолжалась, и к 4 час. дня ураган огня достиг апогея. Прошло еще три четверти часа, и тоненькая стрелковая цепь германской пехоты поползла вперед. Вначале ее движение совсем и не заметили. За ней последовали группы гранатометчиков и огнеметчиков, чтобы подавить сопротивление на позиции французов, пока не подойдет

остальная пехота. Такая система наступления экономила жизни. Она также подчеркнула необычный эффект германской артиллерийской бомбардировки, хотя местами артиллерия противника серьезно страдала от убийственного контрбатарейного огня французской артиллерии.

Первая германская атака велась только 6 дивизиями и только на фронте протяжением в 4½ мили, между лесом Гмон и Хербебуа — на восточном берегу реки. На таком узком фронте отдельные уцелевшие группы французов причиняли больше задержек, чем это имело бы место при разумной ширине фронта атаки. Да и рано стемнело. Это вообще приостановило атаку после овладения передовыми окопами. Но на следующий день атака развернулась уже шире. С этого дня и до 24-го числа фронт обороны постепенно, но верно размывался.

Французские командиры попросили разрешения эвакуировать долину Вёвр и оттянуть линию фронта назад на высоты по правому берегу р. Маас. Даже этот отход должен был, как они полагали, явиться вступлением к эвакуации всего правого или восточного берега р. Маас.

Но за фронтом едва ли отдавали себе отчет в серьезности обстановки. Оперативный отдел продолжал заверять, что Верденское наступление — просто демонстрация с целью замаскировать настоящий удар, готовящийся в Шампани. Даже когда дошли слухи о том, что Верденский фронт поддается и начинает крошиться, на Жоффра это не произвело почти никакого впечатления и не создало ему беспокойства. Наконец, уже вечером 24-го числа генерал де-Кастельно, которого со времени его назначения начальником французского генерального штаба искусно изолировало всегда ревнивое и рьяное окружение Жоффра, решился на самостоятельный шаг и, непосредственно пойдя к Жоффру, добился разрешения последнего послать армию Петена на защиту Вердена.

Еще более тревожные донесения поступили позднее, и в 11 часов вечера де-Кастельно с беспримерной дерзостью потребовал, чтобы дежурный офицер постучал в закрытую дверь спальни Жоффра и разбудил его. Прежде чем «великий» человек вернулся досыпать свою неизменную порцию сна, он разрешил де-Кастельно отправиться в Верден, не ограничивая ничем его полномочия.

Покинув Шантильи той же ночью, де-Кастельно несся на автомобиле к штабу командующего армейской группой Лангль-де-Кари. Жоффр за это время протелеграфировал, что фронт севернее Вердена должен удерживаться во что бы то ни стало. «Каждый командир... отдавший приказ об отступлении, будет подвергнут военному суду». Он предоставил Лангль-де-Кари решить, следует ли оттянуть правый фланг назад или отойти на высоты на берегу р. Маас, и последний действовал в связи с этим разрешением.

Первый день, проведенный де-Кастельно в Вердене, сулил мало радости. Дело в том, что 25-го числа имело место странное происшествие с фортом Дуомон и вместе с тем первый кризис долгого сражения. Как и большинство других фортов, этот форт не

имел гарнизона, за исключением команды в 23 артиллериста, занимавших одну башню. Но все же, когда прилив германского наступления докатился до форта, генерал Кретиен, командовавший на правом секторе, отдал приказ, которым линия фортов назначалась главной линией сопротивления. Приказ был отдан незадолго до полуночи 24-го числа. К несчастью, штаб ждал составления нескольких схем для приложения к приказу и тем самым задержал передачу его частям до 9 час. 45 мин. утра 25-го числа. За это время дозор бранденбургцев, увидев, что подъемный мост спущен и нет никаких признаков оборонявшихся (артиллеристы спали там, где были, мертвым сном), вошел в форт и овладел им без единого выстрела. Торжествующее сообщение германского правительства трубило о захвате Дуомона «штурмом» в присутствии кайзера. Этот образчик официальной напыщенности оказался превзойденным и еще более смешным, когда, вследствие плохо понятого донесения, переданного по телефону, правительственное сообщение от 9 марта объявляло о захвате форта Во, опередив, таким образом, на три месяца фактические события. Но квинт-эссенция этой шутки дошла до апогея, когда командир дивизии, который передавал донесение, и офицер, который не взял форта, получили от кайзера высший прусский орден «Pour le mérite» [1]. И плохой телефон иногда себя оправдывает!

25 февраля Петен принял командование над Верденом, и в тылу стало собираться ядро резервной армии. Первая задача, разрешением которой пришлось заняться Петену, относилась скорее к снабжению, чем к обороне. Германские тяжелые орудия отрезали все пути, за исключением одной слабой жел.-дор. ветки и шоссе от Бар-ле-Дюк к Вердену. Последнее вошло в историю под названием «Крестного пути» или «Дороги в рай». Сосредоточение войск являлось бесполезным, если нельзя было их кормить и снабжать огнеприпасами. Дороги уже не выдерживали напряжения беспрестанного движения. Поэтому были подброшены отряды территориальников, которые должны были чинить дорогу, поддерживать ее в исправности и прокладывать параллельные пути. С этого времени поток сообщений возрос до 6 000 грузовиков в сутки. Впереди Петен разделял фронт на определенные секторы, каждый со своей тяжелой артиллерией, и развивал повторные контратаки. Хотя контратаки эти почти не приводили к выигрышу местности, они смущали атакующих германцев и являлись для них помехой. Другим фактором, помогавшим французам, было то, что чем дальше германцы продвигались вперед по восточному берегу реки, тем больше они подставляли себя под фланкирующий огонь французской артиллерии, развиваемый через реку. Время было упущено. Наступление потеряло свой порыв, стало затихать, и, как рассказывает нам Цвель, на германской стороне уже стал «проявляться мрачный пессимизм».

Германское командование пыталось теперь, с опозданием, расширить фронт атаки. 6 марта, после двух дней артиллерийской подготовки, кронпринц повел атаку на западном берегу р. Маас,

[1] «За заслугу» — боевая награда.—Прим. ред.

а 8 марта к этому последнему и решающему усилию примкнули и войска на восточном берегу. Успех не оправдал потерь: на западе усилия атаковавших разбивались о высоту Морт-Ом, а на востоке — о высоту Пуавр. Все надежды на прорыв померкли, так как оборона была теперь укреплена и силы уравновешены.

Что бы мы ни думали о событиях этих дней, не вызывает никакого сомнения, что невозмутимый темперамент Жоффра сыграл большую роль, успокаивая возникшую в те дни панику, а в Петене он нашел как раз того человека, который был здесь нужен. Пословицей стала поговорка: «Терпи казак, атаманом будешь!», а французам помогли еще две большие удачи: успешное разрушение французскими дальнобойными орудиями всех германских 17-см гаубиц и взрыв крупного германского артиллерийского парка близ Спинкурт, где хранилось 450 000 тяжелых снарядов. Генерал Палат, например, считает, что оба эти фактора спасли Верден.

Начиная с 9 марта и дальше, не вызывает уже никаких сомнений, что тактика германцев в первую очередь была направлена к измору. Поскольку целью действия являлся Верден, это было чисто моральною целью действий.

Общественность придала Вердену символическое значение, несоизмеримо более высокое, чем его действительное военное значение. Надо сознаться, что эта хитрая стратегия почти удалась. Наступления были небольшими, но эффект их был сложным, собирательным, представлял собою сумму многих данных. Что еще хуже, соотношение потерь было не в пользу обороняющихся: около трех французов на двух германцев. Петен делал все, что мог, чтобы смягчить тяготы обороны, быстро подавая подкрепления и сменяя измолотые в германском огне части так быстро, чтобы каждая дивизия оставалась в огне минимум времени. Но в результате большая часть французских сил была провернута сквозь эту «мясорубку», а истощение французских резервов почти свело на-нет их участие в приближавшемся наступлении на Сомме. К 1 июля французы использовали 66 дивизий, т. е. на 50% больше германцев. 7 июля, после героического сопротивления, форт Во действительно пал. Из-за новой германской телефонной ошибки опять не тот офицер получил боевую награду. Успех этот позволил затопить германскому приливу большую полосу местности. Испуганным наблюдателям казалось, что это действуют стихийные силы, а не простые люди. 11 июня Петен был вынужден попросить Жоффра поторопиться с «освободительным» наступлением на Сомме. 23 июня было днем последнего кризиса. В этот день наступление привело германцев почти к высоте Беллевиль, последнему внешнему укреплению Вердена. Беспрестанные контратаки Манжена смогли только затормозить это наступление, и Петен все подготовил для эвакуации восточного берега, хотя войскам он не показывал никаких признаков беспокойства и все время повторял бессмертные теперь слова: «Они будут наши!» («On les aura!»).

Но в стратегическом отношении оборона достигла своей цели, так как Фалькенгайн на другой день остановил поток огнеприпа-

сов, притекавших в Верден, когда на Сомме британцами был открыт артиллерийский огонь — подготовка к долго готовившейся атаке, которая, наконец, разразилась 1 июля.

С этого дня германцы в Вердене на получали свежих дивизий, и их наступление умерло буквально от истощения. Этим была подготовлена почва для осенних блестящих контрнаступлений французов, которые кусками вернули себе все, что раньше теряли по крохам.

Не будет унижением для честной обороны признание, к которому мы должны притти: во-первых, Сомма спасла Верден, во-вторых, германцы, отказавшись от возможного и быстрого успеха и развив наступление на слишком узком фронте, были четырьмя месяцами раньше на волосок от успеха!

2. Брусиловское наступление.

5 июня 1916 г. началось наступление на Восточном фронте, которому суждено было стать последним действительно крупным военным достижением России. Оно широко известно под названием «Брусиловского наступления». Наступление это имело вначале настолько разительный успех, что возродились радостные мечты о непреодолимом русском «паровом катке», который был величайшим и наиболее опасным заблуждением войны. Вместо этого конечный результат этого наступления явился предвестником гибели России, ее похоронным звоном. Наступление, парадоксальное по своим последствиям, являло еще большие парадоксы в своем развитии. Это — конгломерат обманчивых целей, ошибок, ведших к успеху, и успехов, ведших к поражению, которые отметили быть может наиболее неустойчивую войну в истории.

В начале 1915 г. Антанта все свои надежды возлагала на Россию. К концу года рассчитывать на русскую армию больше нельзя было: разбитая и истощенная, она с трудом избежала полного разгрома, прибегнув к бесконечному отступлению. Когда Фалькенгайн повернул в 1916 г., чтобы приступить к атаке Вердена, он оставил Россию надломленной, но не сломленной. Россия с изумительной быстротой, хотя быть может и искусственной, оправилась от поражения. Это позволило ей сорвать планы германцев на 1916 г. Уже в марте Россия повела атаку у озера Нарочь (на фланге Балтийского моря), сделав красивый жест, жертвуя собой, чтобы ослабить нажим на Францию. Затем русское командование подготовило также на северном секторе крупное наступление на июль. Но раньше чем к нему подготовились, тяжелое положение союзников еще раз заставило Россию, очертя голову, ринуться в бой. В то время как напряжение под Верденом с каждой минутой становилось все серьезнее, австрийцы воспользовались предоставившейся возможностью, чтобы развить в Трентино удар против итальянцев. Италия обратилась за помощью к своему союзнику —России — с просьбой помешать австрийцам извлечь новые силы с Восточного фронта и тем самым умножить угрозу в Трентино.

Брусилов, командовавший группой из 4 армий на русском левом (южном) фланге, отдал ранее приказ о подготовке ряда диверсионных атак для поддержки главного удара, намеченного к проведению на севере, близ Молодечно. Обращение Италии ускорило выступление Брусилова. Силы его были примерно равны силам противника — 38 русских против 37 австрийских дивизий. Специального сосредоточения сил для этой операции сделано не было. Поэтому нельзя было развить успех решающим образом. С другой стороны, отказ от всякого стягивания сюда войск не позволил австрийцам распознать нависшую угрозу. Когда 5 июля 8-я русская армия под начальством Каледина перешла вблизи Лыка в наступление, вернее повела разведку с боем, австрийцы были захвачены врасплох. Фронт сломался при первом же прикосновении, как хрупкое печенье, и русские, почти не встречая никакого сопротивления, вклинились между 4-й и 2-й австрийскими армиями. И хотя 11-я русская армия (командующий Сахаров) потерпела неудачу под Тарнополем, две другие армии, наступавшие южнее, столь же быстро одержали успех, как и 8-я армия под Лыком.

7-я армия (командующий Щербачев) отбросила австрийцев за Стрыпу, а 9-я армия (командующий Лечицкий), прорвавшись в Буковине, овладела Черновицами, наиболее южной точкой фронта австрийцев.

Никогда, со времени падения от звуков труб стен Иерихона, простая демонстрация не приводила к такому потрясающему успеху.

Австро-германским армиям на юге, оба фланга которых были разгромлены, угрожал еще более страшный Танненберг. Для этого надо было только, чтобы русские развили свой успех. Но все резервы были скучены на севере для предполагавшегося основного наступления, и хотя от этого быстро отказались, бедная сеть рокадных дорог в тылу помешала подбросить эти резервы Брусилову раньше, чем германцам удалось спешно подвезти подкрепления, чтобы остановить прилив. Германское командование проявило свое умение быстро ориентироваться, использовав первые попавшиеся под руку резервы для контрудара у Линзингена, против северного фланга прорыва у Луцка. Это остановило в самую последнюю критическую минуту наступление русских. На юге, в Буковине, наступление русских продолжалось, пока оно не было остановлено естественным препятствием — Карпатами.

В конце июля атаки русских возобновились, вначале в центре против Брод и Львова (армия Сахарова), затем дальше к северу — в районе р. Стоход и Ковеля (русская гвардия), но благоприятное время было уже упущено, и хотя атаки тянулись весь август, незначительный выигрыш местности ни в коей мере не соответствовал тяжелым потерям войск. И операция, начатая в весеннем блеске, погасла в осеннем унынии!

Косвенные результаты этого наступления все же были значительнее прямых, хотя эти преимущества были не для России. Наступление это заставило Фалькенгайна снять часть войск с Западного фронта, отказавшись от плана произвести выпад против го-

товившегося британского наступления на Сомме и от надежды продолжать обескровливавшие французов атаки Вердена. Наступление это подтолкнуло Румынию принять роковое для себя решение — вступить в войну на стороне Антанты. Наступление это привело и к падению Фалькенгайна, который «погубил корабль за помазок дегтя».

Эти косвенные результаты (не все они оказались удачными) были куплены слишком дорогой ценой. Брусилов овладел Буковиной и большей частью Восточной Галиции; он захватил 350 000 пленных, но потерял больше миллиона людей, и тем самым скорее морально, чем материально, подорвал боеспособность России. Неизбежным следствием этого должна была быть революция и разложение русских вооруженных сил.

В последний раз Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России.

3. Наступление на Сомме

(Схема 7)

Начавшаяся 1 июля серия боев или — чтобы в стратегическом отношении быть точным — серия частных наступлений франко-британских армий в 1916 г. потребовала участия всех сил британцев на Западном фронте и той части сил французов, которая оказалась налицо после изнурительного напряжения и тягот долгого оборонительного «сражения» под Верденом. Кампания эта стала славой и вместе с тем кладбищем «китченеровской армии»,—тех граждан-добровольцев, которые, немедленно отозвавшись на клич, раздавшийся в 1914 г., образовали первую национальную британскую армию.

Наступление на Сомме берет свое начало от конференции союзного командования, состоявшейся 5 декабря 1915 г. в Шантильи. Жоффр, оценивая обстановку, утверждал, что осенние наступления в Шампани и Артуа (включая Лоос) привели к «блестящим тактическим результатам», и приписывал плохой погоде, а частично временной нехватке огнеприпасов, то обстоятельство, что не удалось развить этот тактический успех в стратегический.

Самым важным для успеха предстоявшей операции было требование, чтобы «главное командование не имело никаких опасений в отношении огнеприпасов», поэтому операция не могла быть предпринята раньше, чем через три месяца. В начале февраля Жоффр пришел к заключению, что срок операции должен быть еще отложен, так как важно было, чтобы и русские одновременно развили атаку и чтобы соответствующее участие в ней приняли также британцы со своими вновь организованными армиями. На совещании с Хейгом Жоффр изложил свою точку зрения, говоря, что широкий фронт наступления — ключ к успеху. Для этого Жоффр хотел совместного наступления французов и британцев «рука об руку», чтобы фронт атаки одного из союзников продолжал фронт другого союзника. Жоффр намечал наступление фран-

цузов 40 дивизиями на фронте в 25 миль, от Лассиньи до Соммы, а британцев — дальше к Гебютерн, 25 дивизиями или около этого на фронте в 14 миль.

Основной замысел операции не вызывал разногласий, но некоторое расхождение во мнениях выявилось в способе проведения этой операции в жизнь. В последующей дискуссии Жоффр непрестанно нажимал на британцев, требуя, чтобы они провели подготовительную атаку севернее Соммы и во взаимодействии с французами и бельгийцами между Ипром и бельгийским побережьем, чтобы, вклинившись здесь, сковать резервы противника и этим облегчить проведение главного франко-британского удара. Хейг продпочитал организовать один мощный удар, использовав для него все имевшиеся силы и развив его тогда, когда все для этого будет полностью готово. Хотя точка зрения Хейга оправдывалась неполнотой его ресурсов и бесплодностью таких же подготовительных атак прошлой осенью, критик должен признать, что на стороне Жоффра был опыт истории и что опыт войны должен был показать всю тщетность решительных наступлений, пока резервы противника не отвлечены демонстрацией на какомлибо другом направлении. Но если Хейг сдался, неохотно уступив давлению Жоффра и внеся при этом свои изменения, он был безусловно прав, отстаивая свою точку зрения, что любое подготовительное наступление, чтобы отвечать поставленным ему целям, должно предшествовать главному на 10—14 дней, но не больше.

Этой отсрочкой наступления союзники уступили инициативу германцам, и атака Вердена с 21 февраля и дальше помешала всем планам союзников и их кампании 1916 г.

22 февраля Жоффр вновь стал требовать, чтобы британцы немедленно развили подготовительные атаки и заняли более широкий участок фронта. Хейг не считал себя в состоянии исполнить первое требование Жоффра, и до июльской атаки никаких действий предпринято не было. Чтобы удовлетворить второе требование, он поспешил сменить французскую 10-ю армию, стоявшую у Арраса и зажатую между 1-й и 3-й армиями Хейга. 3-я армия Алленби передвинулась к северу, а вновь организованная 4-я армия под начальством Раулинсона взяла на себя защиту фронта между Марикуром и Гебютерн. Британцы занимали теперь непрерывный фронт от Ипра почти до самой Соммы.

Поскольку французы истощали свои силы под Верденом, постольку рассеивалась как дым их доля участия в плане наступления на Сомме. В конечном счете фронт их атаки упал с 25 миль до 8, а силы их — с 40 дивизий до 16, из которых 1 июля атаковало только 5. С этого времени британцам пришлось взвалить весь гнет кампании на Западном фронте на свои плечи, и уже одно это сделало 1 июля 1916 г. новой вехой в истории войны.

Остается вопросом, насколько оперативные стремления Хейга были ограничены этим уменьшением ресурсов и его материальными возможностями. Его приказы уже не ставили больше неограниченных целей, как в боях у Лооса и в Шампани, не предвидели они также быстрого прорыва, который затем оказывался миражем. Хейг набросал даже план для переброски в случае пол-

ного поражения своей резервной армии на север к Ипру. Но, по-видимому, он не предвидел случая, когда частичный успех перемежается с частичным поражением, — обычно же это наиболее распространенное явление на войне. Именно отсутствие такой гибкости помешало выполнению плана Хейга при проведении его в жизнь.

СХЕМА 7

Возможно, что план страдал и от отсутствия реализма: во-первых, британское командование питало «умеренные» надежды прорвать фронт германцев между Марикуром и Серр, во-вторых, оно хотело овладеть высотами между Бапом и Жинши, причем одновременно французы захватывали высоты у Сайли и Ранкур; в-третьих, зайдя слева, свернуть фланг германцев вплоть до Арраса, расширив этим прорыв. Для этой цели все имевшиеся части, включая конницу, должны были быть брошены вперед в северном

направлении с линии Бапом—Миромон, а удар объединенными силами проводился против германского фронта юго-западнее Арраса. В-четвертых, рассчитывали на переход в общее наступление на Камбрэ—Дуэ.

Что за контраст между намерениями и претворением их в жизнь!

В стратегическом отношении план был задуман сильно, и Хейг был прав, заглядывая так далеко вперед. Но при этом он видимо потерял способность решить ближайшие задачи. Самая уверенность в такие далекие возможности говорит о неумении оценить действительную обстановку. В основе этого плана была заложена нереальность, так как он, отбрасывая старое и вечно новое преимущество — внезапность, не пытался ничего выдвинуть взамен.

Атака британцев между Марикур и Серр была поручена 4-й армии Раулинсона, состоявшей из 18 дивизий. Из них 11 должны были повести атаку, а 5 остаться в ближнем резерве. В армейском резерве имелось всего 2 пехдивизии и 3 кавдивизии. Дополнительно в районе боя размещены были: корпус в составе 3 дивизий и штаб резервной армии с командующим, причем эта группа считалась резервом главного командования. Две дивизии 3-й армии должны были провести вспомогательную атаку на участке фронта у Гоммекур. Сосредоточение артиллерии достигало 1 500 орудий; в среднем одно орудие приходилось на каждые 20 м фронта.

Для того времени это являлось большим достижением, хотя последующим массированием артиллерии рекорд этот был далеко превзойден. Мощь артиллерии была такой же, как мощь германской артиллерии при крупном прорыве на Дунайце, но нельзя было сравнивать силу укреплений русского фронта год тому назад с сетью проволоки и окопов на фронте р. Соммы. Другим ярким контрастом являлось то, что у французов было 900 тяжелых орудий, а британцы, атакуя на более широком фронте, имели их меньше половины этого числа.

В последующие годы отмечали, что Хейг не ставил себе целью прорыв. Несомненно, по мере приближения срока наступления надежды его все более и более меркли, учитывая сужение целей и намерений французов. За несколько недель до атаки он предупреждал кабинет, что быть может и не удастся добиться решения и что целью его является ослабить германцев, подготовив таким образом почву для последнего и решающего удара в 1917 г. Но вполне естественна осторожность, когда имеешь дело с «хозяином», и вполне уместно не сулить ему золотые горы, чтобы затем не попасться впросак. А в таких вопросах показания свидетелей обычно более надежны, чем двусмысленный язык официальных документов.

Раулинсон, если судить по его дневнику, высказывался против попытки прорвать «одной атакой... всю систему обороны противника». А 30 апреля он пишет:

«Целью атаки решили сделать прорыв. Я остаюсь при прежнем мнении, что лучше было нам итти более постепенными шагами. Но я сказал Д. Х.

(Дугласу Хейг), что выполню его план с таким же энтузиазмом, как если бы он всецело мной разделялся».

Но Хейг согласился и принял отстаиваемый Раулинсоном способ артиллерийской подготовки операции: медлительную и долгую бомбардировку вместо короткого 6-часового ураганного артиллерийского огня.

Генерал Сиили, командир одной из кавалерийских бригад, также писал тогда, что приказы его на 1 июля заключались в том, чтобы «одним порывом, карьером пронестись до Камбрэ, окружить его и отрезать железные дороги, ведущие на восток».

Для того чтобы понять проблему и развитие этого боя, необходимо вначале кратко описать местность этого театра военных действий. Во многих сражениях на Западном фронте топография имела исключительное значение и сильно влияла на сознание борющихся сторон. От Перонн, где Сомма под прямым углом заворачивает на юг, тянется ряд холмов в северо-западном направлении. Холмы эти образуют водораздел между Соммой и бассейнами рек Скарпы и Шельды. Этот хребет, прорезанный естественной долиной маленькой речки Анкр, был в руках германцев с октября 1914 г. — со времени знаменитого «бега к морю». Хребет этот позволял противнику господствовать над окружавшей местностью и просматривать как позицию союзников, так и местность в ее тылу. В первый год этот недостаток не имел большого значения, ибо, когда британские гости сменили здесь в июле 1915 г. французов, фронт выглядел здесь так мирно и настроения были столь миролюбивы, что это даже ошеломляло людей, привыкших к непрекращавшимся стычкам под Ипром или Ла-Бассе.

Донесения гласят, что на некоторых участках французские войска уходили завтракать в деревни, почти не тронутые войной и находившиеся непосредственно за линией фронта. В окопах оставались только часовые. В другой деревушке, оказавшейся на «ничьей земле», каждую ночь вражескими сторонами соблюдалась полюбовная очередь на право переночевать с удобствами. Я сам могу поручиться за достоверность того, что в первые месяцы после занятия британцами этого фронта батальоны могли без всяких помех проводить занятия (учения) в поле, на виду германской позиции. А шесть месяцев спустя, там же биваки, расположенные в нескольких километрах за линией фронта, обстреливались артиллерийским огнем.

Политика французов в этом году (за исключением, конечно, активных столкновений) руководствовалась мудрым изречением: «Живи и жить давай другим». Оглядываясь на прошлое, можно с уверенностью сказать, что политика эта была разумнее политики британцев — беспрестанного «подливания масла в огонь» (тревожения противника). Ибо в тех случаях, когда позиция германцев позволяла им господствовать над местностью и они обладали превосходством в средствах и боеприпасах, такая тактика изнуряла британские войска сильнее, чем войска противника, так что в конечном счете «измор» оказывался не там, где хотели. Затем такой тактикой англичане вынуждали германцев укреплять их систему обороны, искусственно развивая естественные преимуще-

ства позиции, в результате чего наступление наталкивалось вместо сравнительно слабой сети обороны, существовавшей осенью 1915 г., на почти непреодолимую крепость.

Мазефильд в своей книге («Старый фронт») искусно и точно описывает обстановку:

«Почти на каждом участке этого старого фронта бойцам нашим, идя в атаку, приходилось карабкаться в гору... Противник обладал великолепными возможностями наблюдения — наблюдательными «вышками», дававшими прекрасный далекий обзор и связанное с этим чувство превосходства. Наши бойцы были совсем внизу, и взорам их открывался только ряд оплотов обороны противника — холмы, возвышавшиеся прямо над ними и с каждым днем все сильнее и сильнее укреплявшиеся».

В настоящее время хаотическое запустение и разорение, которое когда-то было ареной боев на Сомме, прошло. Хотя Мазефильд переоценивает фактор времени, инстинкт его был верен, что, когда:

«Окопы сравняются, и по ним пройдется плуг, местность потеряет вид войны. Одно лето с его цветами скроет большинство разрушений, которые смог сделать человек, и затем места эти, откуда начался откат противника, трудно будет отыскать даже при помощи карты».

Но если уже трудно восстановить в памяти, как эта местность выглядела во время войны, то все же и теперь еще большое впечатление производит крутизна подъема этого хребта и господство его над местностью. Впечатление это еще сильнее, чем в те дни, когда успех измерялся метрами, а рельеф местности осматривался бойцом, зарывшимся в землю. С артиллерийской точки зрения атака вверх по холму давала то преимущество, что окопы германцев сильнее подставлялись действию артиллерии, но со всех остальных точек зрения это являлось и физическим и психологическим препятствием не только для одной атакующей пехоты.

Внезапность, трудно достигаемая, когда имеешь перед собой такую господствующую над местностью позицию, затруднялась еще тем, что до сих пор не овладели искусством скрытой подготовки и маскировки.

Сооружение новых убежищ по обоим берегам р. Анкр в феврале дало германцам первую нить к распознаванию намерений союзников. С этого времени признаки все больше и больше умножались. Фалькенгайн намечал даже попытку сорвать британское наступление, но вскоре убедился, что ему не удастся выделить для этого нужных войск.

Если обширная подготовка целиком и не выдала британского наступления, то бомбардировка, продолжавшаяся неделю, безусловно говорила о надвигавшемся штурме. Но еще раньше неосторожная речь английского министра труда Артура Гендерсона, обратившегося 2 июня с призывом к рабочим, изготовлявшим снаряды, позволила германскому командованию угадать намерение союзников — перейти в ближайшем будущем к активным действиям.

Единственным ограничивающим фактором было то, что Фалькенгайн, несмотря на верные предсказания и предостережения о готовившейся атаке, исходившие как от командующего армией (2-я армия), так и от заграничных агентов, продолжал верить, что это лишь прелюдия, введение к настоящему удару, который будет развит севернее. Фалькенгайну казалось, вероятно, что британская подготовка слишком вызывающа, чтобы быть истинной. В соответствии с этим он задерживал подкрепления. Только 5 июля он убедился, что Хейг действительно выбрал ареной своих действий Сомму. За этот промежуток времени он успел отрешить от должности начальника штаба 2-й армии за то, что тот был прав и «требовал больше».

Бомбардировка началась 24 июня. Атака была намечена на 29 июня, но затем отложена до 1 июля из-за испортившейся погоды. Эта отсрочка, сделанная по просьбе французов, не только была сопряжена с растягиванием огнеприпасов на более долгий период и с одновременным уменьшением насыщенности огня. Она вызывала также большее изнурение и большее напряжение ударных частей, поднятых уже для атаки, но ждавших ее еще 48 часов, скучившись в окопах, при утомительном грохоте огня своей артиллерии и потерях, наносимых огнем противника. Условия эти ухудшались проливным дождем, буквально затопившим окопы.

1 июля уже рассвет обещал томительный зной. К 7 час. утра бомбардировка достигла своего апогея. Полчаса позднее пехота выступила из окопов. Но прежде чем германские окопы были вообще достигнуты, тысячи британцев усеяли «ничью землю» своими телами. Противником ведь были германцы 1916 г., в большинстве упорные и искусные бойцы. Снаряды сравнивали их окопы, но они укрывались в убежищах или воронках, а затем, когда огневой вал двигался дальше, они вытаскивали свои пулеметы и обрушивали стальной град на слишком плотные волны атакующих.

1916 г. знаменателен как год, когда искусство пехотной атаки упало наиболее низко. 1916 г. возродил из-за формализма и отсутствия всякой способности к маневру строи, которые были подстать XVIII веку. Батальоны атаковали четырьмя или восемью волнами, каждая на расстоянии не более 100 м одна от другой. Люди в каждой волне шли плечом к плечу, в симметричном и хорошо выдержанном равнении. Их учили наступать спокойно во весь рост, медленным шагом, держа винтовки наперевес, т. е. наступать так, чтобы как можно сильнее бросаться в глаза противнику. Это было полное подражание пехотным «автоматам» времен Фридриха, с той лишь разницей, что наступление не велось уже больше против ружей, обладающих действительностью огня только на 100 м.

Неудивительно поэтому, что к ночи 1 июля многие батальоны не насчитывали и сотни бойцов. Хейг приказал применять методы действий германцев под Верденом: раньше чем под удар попадет главная масса пехоты, сильные дозоры должны нащупывать пути и проверять результаты артиллерийской подготовки. Но начальник его штаба Киггель, несмотря на это, приказал на-

ступать «волнами». И лишь когда волны были разбиты огнем противника, британцы получили возможность наступать.

Дело в том, что человеческая природа и первобытные инстинкты восстали против указанной свыше тактики. Наиболее предприимчивые и менее запуганные бойцы, уцелевшие во время всей этой передряги, стали образовывать маленькие группки. Обычно каждой такой группкой руководил импровизированный «командир». И группки эти пробирались вперед короткими скачками, переползая от одной воронки к другой, прокрадываясь мимо пулеметов противника и обтекая их, часто продвигаясь таким образом даже на значительную глубину и неся сравнительно небольшие потери. Но во многих местах, таким образом, были оставлены неподавленными группы противника и пулеметные гнезда. Под их огнем тяжко расплачивались поддержки, выступавшие в подобных же плотных построениях.

В конечном счете, за исключением южного сектора боя, силы наступающих все уменьшались, пока, наконец, атака не захлебнулась.

Фрикур — центр правого фланга наступления—явился поворотным пунктом как атаки на этом участке, так и успеха в этот день.

Французы южнее Соммы и севернее ее, вплоть до Марикура, овладели всеми объектами атаки, понеся небольшие потери. Успехом этим они были обязаны отчасти своей более гибкой тактике и более мощному сосредоточению артиллерии, отчасти же и меньшей силе германской обороны. Наконец, определенную роль сыграла здесь и тактическая внезапность, так как германцы ожидали атаки только на британском фронте. Между Марикуром и Фрикуром британский XIII корпус (30-я и 18-я дивизии), хотя и со значительными потерями, достиг поставленных ему целей, захватив Монтобан. Слева от него XV корпус частично выполнил свою задачу, выкорчевав сопротивление противника в лесу и деревне Фрикур. 7-я дивизия свернула один фланг, захватив Маметц, а на другом фланге 21-я дивизия проникла вглубь германской позиции на полмили, удержавшись на узкой полоске земли, причем оба ее фланга были обнажены, пока на следующий день не пал Фрикур.

Но 21-я дивизия была последней, отметившей предел успеха. Севернее же все было поражением, таким поражением, в котором британцы понесли потери, не превзойденные ни в одном из других дней войны. Крупное значение при этом имела большая ширина полосы «ничьей земли». 34-я дивизия (III корпус) наступала мимо Ла-Буассель к Контальмезон, но ей пришлось отойти назад, так как фланг ее попал под жестокий фланкирующий огонь со стороны Овиллер, против которого тщетно разбивались волны атаковавших частей 8-й дивизии. Севернее X корпуса (32-й и 36-й дивизий), британцам также удалось проникнуть на некоторое расстояние вглубь позиции противника. Часть 36-й дивизии (командир Ульстер) добралась даже до Гранкур, но поддержкам не удалось продвинуться вперед; передовые части оказались отрезанными от них, и когда спустилась ночь, в руках британцев оставались лишь небольшие куски германских окопов близ Типваль.

Атака VIII корпуса (29-й, 4-й и 31-й дивизий) на левом фланге была совершенно разбита и значительно быстрее, хотя и здесь несколько изолированных отрядов просочились вплоть до Бомон-Гамель и Серр.

Количество пленных, прошедшее в этот день через корпуса, до некоторой степени является показателем достигнутого вначале сравнительного успеха: XIII корпус (Конгрев) — 934 пленных; XV корпус (Хорт) — 517 пленных; III корпус (Пултеней) — 32 пленных; X корпус (Морланд) — 478 пленных; VIII корпус (Гунтер-Уистон) — 22 пленных. Числа эти указывают, что на севере X корпус проник глубоко в расположение противника, хотя 36-я дивизия была вынуждена позднее выпустить из своих рук захваченную местность из-за поражения и отказа соседей на обоих ее флангах. Для французов, которые захватили 6 000 пленных, понеся при этом незначительные потери, 1 июля может считаться победой. Но главный удар проводился британцами, и германцы могут справедливо заявлять свои претензии на успех, так как, имея налицо всего шесть дивизий, следовательно, грубо прикинув, только по одному полку на каждый сектор атакующей британской дивизии, они уступили штурму 13 британских дивизий только 1 983 пленных и узкую полоску местности.

Воздушные замки, преждевременно построенные, развеялись в прах. Месяцы долгой подготовки и работы дали лишь горькие плоды.

Хотя 1 июля и оказалось военным поражением, но вместе с тем оно стало героическим эпосом и, что еще лучше, оно доказало высокое моральное качество новых британских армий. Принеся великую жертву войне, они подверглись наиболее жестокому и кровавому испытанию, но вышли из него непотрясенными. Эти бывшие штатские выдерживали такой процент потерь, который не в состоянии была вынести ни одна профессиональная армия прошлых войн, не потеряв при этом своей боеспособности. И они продолжали в течение пяти месяцев столь же ожесточенную и тяжелую борьбу. Опыт усовершенствовал их тактику действий, руководство старшего командования улучшилось, но ничто из последующих подвигов не могло превзойти высокий моральный уровень, показанный этими войсками 1 июля. В течение всего этого дня маленькие группки британцев выходили из залитых кровью окопов и шли к «ничьей земле». Только некоторые успевали вылезти из окопов, другие же вообще никогда не пересекли этой безобидной зеленой лужайки, многие погибли на проволоке врага, многим пришлось вернуться назад. Некоторым же удавалось пробраться; они шли дальше и теснили противника от одного рубежа к другому, пока сражение на Сомме не закончилось «отступлением противника». Это отступление все же долго заставило себя ждать. И когда враг, наконец, отступил, это произошло в такое время, что скорее повредило атакующим, чем послужило им на пользу.

Поздно вечером 2 июля Хейг, убедившись в трудности обстановки, решил усилить атаки там, где был уже достигнут успех, а не предпринимать новый фронтальный штурм нетронутой обо-

роны противника от Овиллер и к северу. Тактический опыт последующих лет и опыт прежней истории подтверждают мудрость его решения. Единственный вопрос, который невольно напрашивается: почему успех, достигнутый на юге, не был развит более быстро? Было бы лучше, если бы часть многочисленной пехоты, усеявшей трупами «ничью землю», была сохранена и умножила собой резервы на случай такой возможности. Даже при том, что было, германцы были сильно потрясены, и если у британцев мало было резервных дивизий, то у германцев, как это показали задержки с организацией контратаки, резервов было еще меньше. Но 4-я армия не пыталась даже продвинуть резервы через сектор, где сопротивление противника было более слабым, и в 10 час. утра 1 июля просто приказала своим корпусам продолжать атаку «равномерно на всем фронте». К счастью, оба командира левофланговых корпусов указали на безнадежность свежей атаки без предварительной подготовки. Затем вмешался Хейг, и план был изменен. Но вмешательство это несколько запоздало. Все что Хейг сделал, заключалось в подчинении обоих левофланговых корпусов (X и VIII) Гауфу, не изымая их в то же время окончательно из состава 4-й армии. Так как эти корпуса не были в состоянии вторично атаковать непоколебленную оборону, то 2 июля ничего не произошло. В это время XIII корпус, которому на крайнем правом фланге действительно удалось проникнуть довольно глубоко, был задержан. Эта пассивность была тем более обидной, что во взаимодействии с французами корпус только-что отбил неумелую контратаку, проводившуюся германской дивизией, спешно подтянутой сюда от Камбрэ,— единственный резерв, который противник мог немедленно ввести в бой.

Благоприятная возможность еще раз представилась, когда 3 июля Раулинсон отдал приказ о возобновлении атак на левом фланге при одновременной атаке центра. План этот Хейг одобрил, но изменил, причем не все внесенные им изменения оказались удачными. Хейг обратил теперь свое внимание вправо и сузил атаку, готовившуюся на следующее утро, до ударов, проводимых небольшими отрядами с целью прорвать фронт противника у Типваль и Овиллер. Изменение это усилило невыгоды, связанные с отказом от единства руководства наступлением. Правда, атаки эти не выродились в слабые усилия, но и проводились они без всякого взаимодействия. Атаки не привели ни к каким результатам, за исключением разве новых потерь. Тем временем справа части XIII корпуса вошли в лес Бернафэ, почти не встретив никакого сопротивления, но затем были остановлены. Дальше продвинуться им не удалось. Вследствие этого французский XX корпус, сосед XIII корпуса, также был обречен на бездеятельность. Но южнее Соммы французы овладели второй линией германских позиций и высотами, господствующими над Перонн.

Хейг теперь убедился в правильности сосредоточения всех усилий на правом фланге. Но в этом он встретил резкий отпор со стороны французов.

Оба, и Жоффр и Фош (последний непосредственно руководил всеми французскими войсками, участвовавшими в этом наступле-

нии), требовали, чтобы Хейг раньше овладел в центре хребтом от Позиер к Типваль. Это должно было служить предпосылкой к любым атакам справа или на секторе Лонгеваль. Возражения Хейга, что у него слишком мало огнеприпасов, чтобы действительно поддержать новую атаку на всем фронте, а оборона хребта у Лонгеваль значительно слабее обороны у Типваль, не произвели никакого впечатления. Жоффр заявил, что, если британцы атакуют Лонгеваль, они потерпят поражение. Жоффр пошел так далеко, что отдал Хейгу прямой приказ атаковать в центре. На это Хейг ответил, что он ответствен перед британским правительством, и хотя он готов следовать стратегии Жоффра, однако, в вопросах тактики будет руководствоваться собственным мнением. Это решило вопрос.

Все же последовал долгий перерыв, пока 4-я армия снова готова была к атаке второй линии германской обороны. Интервал этот затянулся еще больше потому, что Хейг считал необходимым до начала главного удара ликвидировать все опорные пункты и гнезда сопротивления противника, лежавшие впереди этой линии, пытаясь овладеть ими рядом непрерывных бивших в одну точку атак. В то же время X и VIII корпуса на левом фланге были окончательно изъяты из 4-й армии Раулинсона и переданы резервной армии Гауфа. Последнюю сделали затем 5-й армией, а имевшиеся в распоряжении резервы и орудия сосредоточили на фронте 4-й армии, весьма суженном всеми этими мероприятиями.

Таким образом в дни, непосредственно следовавшие за 1 июля, когда на южном секторе Монтобан-Ля-Буассель оборона германцев была сильно поколеблена, новые атаки были незначительны и судорожны. Германцы перевели дух, реорганизовались и укрепились. Передышка дала им возможность закрепиться на командующем хребте Игниш — Рознер, где проходила вторая линия обороны. Наступление британцев было чрезвычайно медленным, а лес Маметц представлял собой особо трудно преодолимое препятствие. Наступлению британцев должны были предшествовать 3 дня коротких атак, проводимых 38-й дивизией (Уэльш). Связанная с этим задержка сама по себе должна была неблагоприятно повлиять и на главный удар. Но еще большая помеха пришла сверху.

Если британское главное командование до 1 июля отличалось излишним оптимизмом, то теперь оно, пожалуй, ударилось в обратную крайность. Удалось все-таки убедить Раулинсона, что необходимы смелые и решительные действия, раз хотят взять укрепления германцев и остановить их работы, которые восстанавливали в тылу фронт обороны скорее, чем британцам удавалось силой проложить себе дорогу. Если бы британцы ждали, пока линия их фронта будет достаточно близко подведена ко второй линии германских окопов, чтобы тогда накоротке развить штурм, то они натолкнулись бы на преграду такой же крепости и стойкости, с какой им пришлось иметь дело 1 июля. Раулинсон разработал план атаки и прорыва германской обороны на фронте

протяжением в 4 мили, ограниченном справа лесом Дельвилль, а слева — лесом Бозентен-ле-Пети. Правый фланг Раулинсона находился в ¾ мили от второй линии германских окопов, а между флангом и германцами находился еще важный в тактическом отношении лес Трон. К левому флангу Раулинсона полоса «ничьей земли» постепенно суживалась, так что на участке леса Мамец ширина ее была всего лишь 300 м. Но лес Трон фланкировал здесь большую часть фронта наступления. Если бы остановились на простейшем решении и развили атаку только на левом фланге, то вряд ли она могла обещать успех. Опыт 1915 г. показал, что атака на узком фронте против неприятеля, защищенного достаточным числом орудий, может быть вначале успешной, но затем успех этот быстро улетучивается, как только орудия противника оживут и сосредоточат свой огонь по захваченному участку. Это даже облегчит им борьбу с атакой.

Вместо того чтобы остановиться на очевиднейшем и простейшем решении, Раулинсон избрал другой путь, который, несмотря на весь связанный с ним сознательный риск, все же в действительности был более безопасен и обещал большую экономию сил.

Войска должны были пересечь угрожаемую полосу «ничьей земли» ночью, а на рассвете развить атаку, предшествуемую ураганным артиллерийским огнем продолжительностью всего лишь в несколько минут. План этот оживлял надежды на внезапность, остававшуюся без использования в течение большей части войны и успевшую покрыться ржавчиной, пока, наконец, в последний год войны — от Камбрэ и дальше — оружие это не нашло вновь применения.

Для 1916 г. идея внезапного ночного наступления с такой короткой артиллерийской подготовкой была так нова и так свежа в своем возрождении, что она производила потрясающее впечатление и ортодоксальному мышлению казалась рискованным предприятием. То, что Раулинсон хотел попытаться провести этот маневр с бойцами новой армии, которые менее чем два года назад были сугубо штатскими людьми, лишний раз подчеркивало правильность его замысла. Главнокомандующий резко возражал против него, предпочитая обычные методы наступления, но Раулинсон решительно отстаивал свою точку зрения, тем более, что уверенность его зиждилась на доверии к командирам частей и убеждении, что они смогут успешно провести операцию. Хорн, способность которого соглашаться во всем с главнокомандующим была так же постоянна и неизменна, как и его карьера, на этот раз в виде первого и последнего исключения пошел против своего непосредственного начальника и поддержал Раулинсона. Этот небывалый факт, видимо, помог склонить чашу весов в пользу последнего. Раулинсон добился своего, но вместо того, чтобы атаку эту, уже раз отложенную, организовать 13 июля (как он это предполагал), сопротивление главного командования вызвало новую задержку, и атаку пришлось отложить на 14 июля. Задержка была всего на один день, но и он по своим последствиям имел большое значение.

Другой помехой являлось отсутствие в данной операции взаимодействия французов, — помеха, вызванная отсутствием у последних доверия к успеху этой попытки.

Ударные части составляли: на правом фланге — 9-я и 3-я дивизии XIII корпуса (Фюрс и Хальдан), на левом фланге — 7-я и 21-я дивизии XV корпуса (Уатс и Кэмпбель). Еще одной дивизии — 18-й — была поставлена на крайнем правом фланге задача очистить от сопротивления противника лес Трон. На крайнем левом III корпус обеспечивал фланг наступления, расположившись уступом между лесом Базентен-ле-Пети и Контальмезон.

К фронту наступления были подтянуты кавалерийские дивизии и переданы в распоряжение обоих ударных корпусов.

Фронт германцев защищали здесь только 6 батальонов смешанных дивизий группы генерала Штейна, а южнее Бапом стояла в резерве 6-я дивизия. Окопы германской позиции Друап проходили как раз впереди леса Дельвилль и местечек Лонгеваль, Базентен-ле-Гран и Базентен-ле-Пети. А лес Хай-Вуд, как темная туча на горизонте, был несколько позади, господствуя над всей зоной наступления. Оттуда германцы могли видеть на несколько миль дальше старой линии фронта британцев 1 июля.

13 июля, через несколько часов после того как стемнело, на правом фланге были высланы специальные команды, которые обозначили путь наступления белыми лентами, чтобы войска ночью не сбились с пути, проводя сближение на 1 000 м. Затем части были расставлены под прямым углом, параллельно фронту к направлению наступления, чтобы отметить исходную линию, с которой войска перейдут в штурм. Сделано это было для того, чтобы войска пошли в атаку перпендикулярно к целям, которыми они должны были овладеть. Эта рискованная и трудная задача была выполнена успешно, и вскоре после полуночи батальоны собрались в укрытиях долины Катерпиллер, двигаясь оттуда дальше гуськом длинными, напоминавшими червяков, линиями рот или взводов. В 3 час. 20 мин. утра огневой вал обрушился на окопы германцев, а пять минут спустя весь фронт наступления ринулся вперед.

Расчет, соединявший внезапный удар с большой и хорошей работой штаба, целиком оправдался. Вся вторая позиция германцев была быстро смята, и атаковавшие части прошли сквозь нее. 21-я дивизия, нажимая слева направо через лес Базентен-ле-Пети, атаковала деревню того же названия. 7-я дивизия очистила от сопротивления противника лес Базентен-ле-Гран и двинулась вверх по склону к Хай-Вуд. 9-я дивизия проложила себе путь, хотя и со значительными трудностями, через Лонгеваль к опушке леса Дельвилль.

На правом фланге каждый шаг вперед встречал ожесточенное сопротивление; в течение нескольких последующих дней южноафриканские части приносили себя в дебрях леса Дельвилль в жертву войне. Но на левом фланге благоприятные возможности и открытая местность прямо напрашивались на то, чтобы их использовали. Вскоре после полудня сопротивление германцев перед фронтом 7-й дивизии стало заметно ослабевать. Была сделана по-

пытка развить успех, хотя и было упущено несколько часов. 7-я дивизия двинулась вперед вскоре после 6 часов утра; 2 эскадрона конницы наступали на флангах — первое после 1914 г. применение британцами кавалерийских частей в конном строю на поле сражения. Радужные надежды рисовали уже на горизонте приближавшуюся возможность маневренных действий, но это оказалось еще раз миражем в пустыне войны. Войска славной 7-й дивизии были утомлены боем, а их поредевшие ряды пополнились еще не обстрелянными людьми. Как бы то ни было, но наступление не отличалось должным порывом и напором, и хотя большая часть леса была очищена в этот же вечер, но северный угол фланкировавших окопов остался в руках германцев. Хуже всего то, что отсрочка наступления на 24 часа позволила прибыть свежим германским подкреплениям. И по мере их прибытия сопротивление германцев возрастало, а натиск британцев падал.

К вечеру 15 июля под давлением германских контратак лес был эвакуирован. Прошло два месяца, прежде чем удалось им вновь овладеть. Внезапный штурм «бастилии» Соммы 14 июля чуть не привел британцев к стратегическому решению. Оно висело на волоске. После этого усилия их выродились в бои, целью которых был измор.

После печального окончания удара 14 июля Хейг стал продолжать игру, ставя уже меньшие ставки. Беспокойство вызывало истощение запаса снарядов, сам же главком не мог ничего придумать, кроме орудийной бомбардировки, чтобы действительно открыть замкнутый фронт противника. В начале июня Хейг изучал возможность передвижки решающего наступления на Месинский сектор во Фландрии, если бы германские резервы задержали его на Сомме. Один корпус («Анзак») даже двинулся туда, чтобы на всякий случай быть готовым. Но 7 июля Хейг изменил свою точку зрения и решил взамен этого сосредоточить все свои резервы теперь же в районе Соммы и бросить все свои силы непосредственно в наступление там же.

Все же Хейг отдал приказ о ряде местных атак на севере в качестве средства отвлечь внимание противника, притянув туда его резервы и уводя их, таким образом, от Соммы. Такая тактика представляла собой не более как военный самообман. Если скрытая обширная подготовка для широкого наступления вызывает у противника определенные предположения и подозрения, то естественно, что проведение частичной атаки на узком фронте может лишь подчеркнуть ее ложность.

Одним из последствий этой атаки было то, что 5-я австралийская дивизия была вдребезги разбита у Фромелль в бессмысленно руководимом бою, который явился последним звеном в бестолковщине, приведшей к поражению.

Остальная часть корпуса «Анзак» была передвинута к Сомме, где Хейг предполагал расширить свои позиции на главном хребте. Он решил попытаться восполнить третью фазу задуманной операции — обойти фронт германцев в северном направлении, хотя необходимых для этого предпосылок не удалось добиться, так как в распоряжении Хейга не было достаточно места, чтобы раз-

вернуть необходимые для такой попытки силы. Вместе с тем это направление уводило и от общей линии взаимодействия с французами. Поэтому Хейг решил продолжать главный нажим правым флангом, наступая на восток навстречу фронту наступления французов, а на левом фланге пытался со стороны Позьер—Типваль овладеть краем хребта и тем самым расширить расположенные на нем английские позиции.

Для этой цели в распоряжение Гауфа был передан корпус «Анзак» (Бёрдвуд), часть которого 23 июля была брошена против Позьер. Одновременно три корпуса 4-й армии возобновили штурм на всем своем узком фронте от Гильемон до Базентен-ле-Пети. Штурм этот совершенно не удался; слева 1-я австралийская дивизия закрепилась в Позьер.

После этого Хейг вернулся к тактике постепенного «отгрызания». Тактику эту развили в определенную и умелую стратегию измора и защищали ее, основываясь на слишком радужных и ошибочных подсчетах потерь германцев.

Последовало около двух месяцев жестоких боев. За все это время британцы мало успели, дорого платя за это. Пехота обеих сторон служила конденсированной пищей, которую потребляла артиллерия. На левом фланге на корпус «Анзак» легла главная тяжесть работы при проведении этого нового плана «методического наступления». К чему же это привело? На этот вопрос лучше всего дают ответ скупые слова австралийской официальной истории:

«Без сомнения у главнокомандующего, а возможно и у кабинета, пользование терминами, предполагавшими наступление исподволь, вызвало некоторую приятную уверенность в известной экономии как жизней, так и огнеприпасов. Но на фронте такая система наступления просто возродила таран— попытку 10, 15 раз таранить пехотой все ту же часть позиции противника, чтобы углубиться на милю или, возможно, на две мили в лабиринт его укреплений...

Если этим стремились обеспечить равномерность нажима на противника и не позволять нажиму этому ослабевать, то даже человеку, только начинающему изучать военное дело, трудно примириться с этой тактикой и бросать части корпуса, бригаду за бригадой... двадцать раз подряд против сильнейших пунктов обороны противника. Этот способ можно, конечно, назвать «методичным», но совершенно не оправдывается притязание на экономность такого рода действий».

В этих попытках было потеряно 23 тысячи бойцов. Окончательный результат после 6 недель боев выразился в выигрыше узкого языка местности глубиной всего лишь в 1 милю. А каковы были моральные результаты?

«Хотя большинство австралийских бойцов были оптимистами, причем многие из них принципиально воздерживались от громких высказываний или даже затаенного недовольства, все же неудивительно, что у некоторых более смышленых людей в результате сложилось горькое убеждение, что их бесполезно приносят в жертву». «Ради бога, напишите книгу о жизни пехотинца,— сказал один из них...—Сделав это, вы предупредите повторение ужас-

ных трагедий». То, что офицер, который так геройски и славно сражался, мог в предсмертном своем письме говорить об «убийстве» многих его друзей, «из-за некомплектности, равнодушия, самовлюбленности и личного честолюбия тех, кто там наверху» — даже если не принимать его слова буквально — все же говорит, что старшим командирам многого нехватало...

«Мы только-что покинули место, столь чудовищное,— писал один из наиболее выдающихся офицеров австралийских войск,— что даже лунатик в бреду никогда не сможет себе представить ужаса последних наших тринадцати дней».

История указывает, что Бёрдвуд потерял большую часть своей популярности, приобретенной в Галлиполи, из-за неумения противодействовать настойчивому желанию Гауфа добиться быстрого решения и вообще из-за необдуманности действий последнего.

Быть может это послужило фактором, заставившим австралийские войска отклонить личный призыв Бёрдвуда: они голосовали против записи на военную службу новых людей (для пополнения австралийского корпуса), чтобы им не пришлось подвергнуться тем ужасам, которые войска только-что испытали.

Позьеру соответствовал на другом фланге Гильемон, — теперь мирная деревушка среди полей, а тогда — бойня, где ужас усугублялся неизвестностью. От леса Трон надо спуститься по одному склону и подняться по другому; теперь это — несколько сотен метров проселочной дороги, тогда (в июле и августе 1916 г.) — бесконечное расстояние. Дивизия за дивизией пытались пересечь это расстояние и чувствовали уже добычу в своих руках, но затем откатывались назад, не будучи в состоянии удержать захваченное. Когда же им, наконец, удалось 3 сентября овладеть этой деревушкой, то другое местечко — Жинши — в нескольких сотнях метров дальше по склону, явилось подобным же препятствием, сдавшимся только к 9 сентября.

Теперь, наконец, фронт британцев выправился и тянулся на 70 миль на северо-запад от леса, господствовавшего над Комбль, и затем соединялся с французским фронтом. Британцы распространили и дальше на юг фронт своих атак южнее Соммы и штурмовали три линии старого германского фронта близ Шольн, захватив при этом 7 000 пленных.

30 августа Раулинсон записал в своем дневнике:

«Начальник во что бы то ни стало хочет затеять примерно 15 сентября рискованную игру всеми имеющимися частями, поставив себе целью сломить сопротивление германцев и пройти насквозь до Бапом».

И он добавлял несколько нелогично:

«У нас не будет резервов, за исключением усталых частей, но на этот раз успех... может привести бошей к концу».

Несмотря на проповедываемую им «стратегию измора», Хейг вынужден был теперь играть на «прорыв».

Осью атаки должен был стать левый фланг — армия Гауфа. Основная цель главного удара, проводимого Раулинсоном, должна была заключаться в прорыве того, что первоначально было

последней германской линией между Морваль и Ле-Сар. Одновременно должен был проводиться и французами удар к югу, между Комбль и Соммой, изолируя таким образом Комбль.
Курселет и расшириться.

Если бы начальная попытка сопровождалась успехом, то атака британцев должна была развернуться к северу, чтобы овладеть

Для первоначальной атаки намечали 8 дивизий, а 2 выделяли для «расширения». Характерной особенностью явилось применение здесь впервые танков — бронированных машин повышенной проходимости, которые были изобретены как противоядие против препятствий обороны — пулеметов и проволоки. Вопреки мнению изобретателей танка и несмотря на первоначальное согласие с этим мнением, британское главное командование решило использовать столько машин, сколько есть, видя в этом средство улучшить начинавшие уже увядать перспективы наступления на Сомме.

Во Францию было перевезено только 60 из построенных 150 машин. Фактически было использовано только 49, и введены они были в дело небольшими отрядами (группками) в 2—3 машины, что явилось новым противоречием принципам, установленным полковником Суинтоном.

Недостаточная и слишком поспешная подготовка в связи с механическими дефектами первых образцов танков привела к уменьшению и этого числа. На исходную позицию прибыло только 32 танка; из них 9 пошли в атаку впереди пехоты, 9 не поспели за пехотой, но помогали в очистке захваченной местности, 9 сломалось, а 5 «застряли» в воронках, усеивавших поле боя. Первые 9 танков оказали пехоте действительную поддержку, особенно при захвате Флера, но дорогая цена, отказ от большой внезапности, явилась тяжелой пошлиной, которую пришлось заплатить за незначительное уменьшение неудачи наступления на Сомме.

Атака была развита на рассвете 15-го числа при легком тумане, и XV корпус, наступавший в центре, быстро достиг хороших результатов: в 10 час. утра левофланговая дивизия корпуса была уже за Флером. Но справа XIV корпус нес тяжелые потери и долго задерживался противником, пока удалось подойти к Морвалю и Лебефу. III корпус слева также не достиг поставленных ему целей наступления, хотя 47-я дивизия корпуса все же очистила от противника так давно желанный лес Хай-Вуд. На крайнем левом фланге было проведено в жизнь заранее намеченное расширение атаки и были захвачены как Мартенпьюш, так и Сурселет.

В результате этого боевого дня везде, за исключением правого фланга, войска овладели хребтом, т. е. господством над местностью и удобством обзора, которыми так долго пользовались германцы.

Неудача на правом фланге была исправлена 25 сентября второй крупной атакой, которая в связи с одновременной атакой французов заставила германцев эвакуировать Комбль. На следующий день армия Гауфа, наконец, овладела Типвалем. Хейг не пере-

ставал требовать нажима «без перерыва», и в результате дальнейших небольших успехов германцы в первую неделю октября отошли уже на свою последнюю линию обороны, которая проходила от Сайли—Сейлиссель направо через Ле-Трансл'уа и перед Бапом. Германцы поспешно строили новые линии обороны в тылу, но пока эти линии еще не были готовы. С другой стороны, в течение тех же дней выявился непрестанный рост сопротивления германцев, а достигнутый ограниченный успех подавал мало надежд на возможность действительного прорыва или его эксплоатации. Дожди и бомбардировка превратили почву в болото, в котором увязали орудия и обозы. Даже легко снаряженная пехота с большим трудом и крайне медленно пробиралась вперед. Атаки крайне затруднялись, а если какой-нибудь окоп и захватывался, то трудности, связанные с закреплением успеха, сводили на-нет выигрыш местности.

12 октября Хейг видимо, наконец, убедился, что ему не удастся в этом году прорвать германскую оборону. Но Жоффр и Фош продолжали его подстегивать, и Хейг продолжал развивать по грязи новые атаки в направлении на Ле-Трансл'уа, пока против этого не стал резко возражать лорд Каван, командир XIV корпуса, который желал узнать, не собираются ли просто пожертвовать правым флангом британцев для поддержки левого фланга — французов, и колко добавлял: «Тот, кто не был на фронте, не может себе представить степень истощения, до которого доведены войска».

Но другие командиры корпусов обладали меньшим гражданским мужеством, и Раулинсон уступил настояниям своего начальника, вопреки своим более здравым рассуждениям. И оба корпуса — III и «Анзак» — продолжали серию безнадежных мелких атак вплоть до 16 ноября. Безрезультатность этих атак несколько была сглажена, а их неуместность и абсурдность затушеваны удачными действиями армии Гауфа, которая в последнюю минуту достигла столь желанного успеха.

Но и в этом была обратная сторона медали, так как успех этот, подняв репутацию Гауфа, подготовил почву для новых жертв под Ипром в следующем году.

Клин медленно вбивался в восточном направлении между реками Анкр и Соммой, превратив первоначальные германские позиции севернее р. Анкр в ясно выраженный выступ. Некоторое время армия Гауфа готовила атаку против этого выступа, а временное улучшение погоды позволило развить эту атаку 13 ноября, причем в дело были введены 7 дивизий. Были захвачены Бомон-Гамель и Бокур-сюр-Анкр, причем взято 7 000 пленных, но слева местечко Серр еще раз оказалось неприступным. Хейг был доволен, так как это «развязывало руки» британским представителям на приближавшемся военном совещании союзников в Шантильи. Поэтому наступление на Сомме можно было, наконец, остановить. Честь была спасена.

Бессмысленность последней фазы действий — от 25 сентября и дальше — заключалась в том, что захватив, наконец, хребет и получив господство над прилегающей местностью, британцы от-

казались от всех связанных с этим преимуществ, пробивая себе дорогу в долине за этим хребтом. Из-за этого войска были вынуждены провести всю зиму в окопах, затопленных водой. «Грязь Соммы» вскоре стала общеизвестна.

Таким образом бездарно задуманные и также проведенные бои на Сомме закончились в атмосфере отчаяния и привели к такому истощению силы британцев, что это затушевало даже соответствующее перенапряжение, которое бои эти вызвали и у германцев. Истощение германцев в большой степени зависело от тупости и косности старшего германского командования, в частности генерала ф. Белова, командовавшего 1-й армией. Он отдал приказ, что каждый офицер, уступивший врагу хотя бы один сантиметр окопа, будет предан военному суду, а всякий потерянный метр окопа должен быть возвращен контратакой. Если ошибки германцев и не превысили ошибок британцев, то все же они привели к бесцельному расходу жизней и, что еще хуже, к подрыву «духа» войск. Это уравновешивало потери британцев, пока, наконец, 23 августа Белов не был вынужден взять обратно свой приказ и изменить свою тактику обороны с приходом к власти новых людей — Гинденбурга и Людендорфа.

4. Тяжелое детство танка

15 сентября 1916 г. новый инструмент войны получил свое боевое крещение и помог выделить британскую атаку этого дня из общего наступления на Сомме, сделав ее одной из вех истории войны 1914—1918 гг.

Эта атака была одной из немногих, при изучении которых для обнаружения достигнутых успехов не требуется карты крупного масштаба или увеличительного стекла. День этот знаменателен был и тем, что тень его легла на все будущее войны. И подобно тому, как день этот стал скорее вехой в истории войны, чем в истории операции на Сомме, он и в будущем останется яркой вехой в истории войн вообще.

Новое оружие изменило лицо войны, заменив мощным мотором слабые ноги человека, возродив применение брони как средства защиты и заменив ею кожу человека или закапывание его в землю. До этого боец не мог стрелять, если он хотел двигаться, и не мог двигаться, если он хотел оставаться укрытым.

15 сентября 1916 г. были объединены в одно целое три преимущества, которыми в современной войне могли пользоваться только те, кто сражался на море, а именно — огневая мощь, движение и защита. Но хотя морская тактика могла и на суше стать отличительной чертой действий танка, а также хотя намек на это был сделан уже первоначальным названием танка «сухопутный корабль», но все же вначале на танк смотрели более узко, и конструктивный замысел этого оружия преследовал более непосредственные практические цели.

Основная цель заключалась в создании противоядия против пулеметов, которые в союзе с колючей проволокой привели военные действия к застою, а военное искусство — к вырождению.

Лекарство было британского изготовления и являлось наиболее выдающимся достижением британской мысли за всю мировую войну.

Достижение это имеет важную трансатлантическую связь — связь символическую с точки зрения ассоциации, которой вскоре суждено было выявиться на поле боя. Дело в том, что источник и зла и противоядия был американским. Застой окопной войны был вызван в первую очередь изобретением американца Хирама Максима. Имя его резче запечатлелось в истории мировой войны, чем имя любого другого человека. Императоры, государственные мужи и генералы могли привести к войне, но закончить ее они были не в силах. Завязав войну, они оказались беспомощными марионетками в руках Хирама Максима. Своими пулеметами он парализовал мощь наступления. Все усилия сломать оборонительную мощь пулеметов были напрасны. В результате этих усилий воздвигались лишь новые и новые могильные холмы, но не триумфальные арки.

Когда, наконец, нашли способ покончить с этим застоем позиционной войны, то оказалось, что способ этот также американского происхождения. Тракторы Беньямина Хольта, предназначенные для земледельческих работ, оказались предтечею танка. Ирония судьбы: «Плуги были перекованы в мечи...»

Эффект действия танков лучше всего можно оценить, изучая свидетельские показания тех лиц, которым пришлось иметь дело с танками. Разве сам Людендорф не говорил о дне 8 августа 1918 г., как о «черном дне германской армии в истории войны», и не добавлял, что «массовые атаки танков... остались после этого нашими самыми опасными противниками». Еще более красноречивы комментарии генерала ф. Цвель: «Не гений маршала Фоша побил нас», а «генерал Танк». Нельзя утверждать, что эти мысли были впоследствии навеяны впечатлениями поражения, так как наиболее яркое подтверждение этого, как бы еще раскаленное на наковальне боя, мы находим в знаменательном докладе, переданном 4 октября 1918 г. представителям германской военной главной квартиры руководителям рейхстага: «Верховное командование было вынуждено принять чрезвычайно важное решение и объявить, что, учитывая человеческие возможности, нет больше никаких надежд навязать противнику мир. Помимо всего, на такой исход решающе повлияли два фактора: первый из них — танки...»

Для истории интересны два вопроса: как же появился танк и почему до 1918 г. откладывали возможность использовать его решающее действие? Первый вопрос скорее затуманен, чем разъяснен вопросом, который так широко дебатировался во время войны и сразу после нее: «Кто же изобрел танк?»

Иные добивались этой чести с некоторыми основаниями, большинство же без всяких оснований. Общественное мнение было введено в заблуждение. Нельзя сказать, что правительство приложило много усилий для того, чтобы со своей стороны установить истинную последовательность в деле изобретения танка: может быть от этого его удерживали казначейские интересы — желание не платить изобретателю.

Историческая эволюция танка запутывалась также из-за отсутствия твердого определения, что такое танк и зачем он нужен. Эта неточность определения отчасти обязана тому, что пока не придумали маскировочного названия «танк», машина была известна как «сухопутный крейсер» или «сухопутный корабль». Последнее название возникло из-за того, что в младенческие дни танка о нем заботилось адмиралтейство. Но имя, данное танку при его «крещении», не оказалось пророческим с точки зрения перспектив танка в его далеком будущем, оно совершенно не соответствовало его действительному прошлому — использованию танка в мировой войне.

С точки зрения зарождения идеи сухопутного крейсера или даже бронированной боевой повозки происхождение танка теряется в тумане давности. В число его предшественников можно включить и древнюю боевую повозку гусситов, которые образовывали знаменитые «вагенбурги». С некоторым основанием можно присоединить сюда и боевых слонов Пирра или средневековых рыцарей, закованных в латы.

Если поиски ограничить самодвижущимися машинами в отличие от машин, передвигаемых силой человека или животных, то происхождение танка можно отнести к боевым повозкам Валтурна, приводившимся в движение силой ветра и изобретенным им в 1472 г., или приписать идею танка многостороннему гению Леонардо-да-Винчи, предложившему такую машину своему патрону Людовику Сфорца. В 1599 г. Симон Стевин соорудил для принца Оранского два сухопутных судна на колесах и с парусами, а в 1634 г. Давид Рамзей взял первый патент на самодвижущуюся повозку, годную для применения и на войне. Таким образом происхождение танка можно проследить на бесконечной цепи опытов.

Сама гусеница (в общественном мнении — отличительная черта танка) должна быть отнесена к первым годам XIX столетия, или к изобретению Ричарда Эджворта (1770 г.).

Если еще больше сузить определение танка и считать, что он является машиной для военных целей с двигателем внутреннего сгорания — машиной тракторного типа, то танковое первородство может оспаривать раньше американского трактора Хольта трактор Хорнсби, испытанный для военных целей в Альдершоте в 1908 г. Если же критерием должно служить применение этих «танкоподобных» машин как оружия, то первенство надо отдать Уэльсу, хотя пророческий рассказ его, появившийся в 1903 г. в журнале «Strande Magazine» был сам на двадцать лет опережен писаниями и рисунками Альберта Робейта в журнале «La Carricature». Если, наконец, искать тождественность замысла, то можно вспомнить модель мистера Моле, даже более совершенную, чем танк 1916 г., проекты которого утопали в дебрях военного министерства, с 1912 г. Ко всему этому добавим историю ноттингамского слесаря, любимым коньком которого была выделка игрушечных машин подобного рода и чертежи которого, переданные военному министерству в 1911 г. (тоже, как и следовало ожидать, положенные под сукно), были раскопаны после войны, при-

чем на бумагах, подшитых в деле, была обнаружена следующая краткая, но выразительная резолюция: «Это — сумасшедший».

Такой исторический обзор убеждает нас в тщетности попытки определить, кому мы обязаны происхождением этого решающего оружия мировой войны, если только не будем исходить из ясного понимания и определения особых целей этого оружия. Леонардо-да-Винчи и ноттингамский слесарь могут претендовать на место среди родоначальников механических боевых средств войны, но для того чтобы установить родственную связь с современным танком мировой войны, мы должны предъявить более жесткие требования. Критерий происхождения танка должен быть скорее тактическим, чем техническим. Ведь танк явился специальным лекарством против специальной болезни, которая впервые бурно выявилась в мировой войне. Этой болезнью был полный паралич наступательного порыва, сломленного оборонительной мощью многочисленных пулеметов, и болезнь эта обострилась наличием проволочных заграждений. Эта болезнь приговаривала мужское население нации к медленной и тяжелой смерти, причем конец оттягивался только способностью страны или империи поставлять свежих людей для этого бесполезного заклания. Слова Вишерлей «нужда — мать изобретательности» никогда не находили более верного подтверждения, и это ведет нас к установлению главной нити происхождения танка в мировой войне.

Первым военным врачевателем, поставившим диагноз болезни и задумавшим противоядие, был полковник Эрнест Суинтон, известный военный писатель. Упорная работа его как британского официального историка над составлением описания русско-японской войны позволила ему проанализировать тенденции современной войны и сделать вывод, что доминирующую роль в ней должны будут сыграть пулеметы.

Позднее он интересовался опытами, проводимыми с гусеничными тракторами Хольта. Оба эти впечатления вскоре совпали, как два сегмента одной окружности. Дело в том, что когда Суинтон — вскоре после начала мировой войны — был послан во Францию в ставку главнокомандующего в качестве официального представителя английского командования, он оказался вполне на месте. Он как раз был тем человеком, который обладал должной подготовкой, чтобы признать первые симптомы угрожавшего паралича позиционной войны и предложить лекарство. 20 октября, вернувшись из Франции, Суинтон посетил полковника Ханкей (тогда секретаря комитета государственной обороны). Обрисовав ему обстановку — доминирующую роль обороны, основанной на пулеметах,— Суинтон высказал свои предположения о средстве, предназначенном для борьбы с этим явлением. Кратко предложения эти касались усовершенствования существовавшего трактора Хольта и преобразования его в бронированный вездеходный «истребитель» пулеметов, вооруженный одной или несколькими скорострельными пушками.

Ханкей обладал живым и восприимчивым умом. При второй беседе на следующий день пришли к соглашению, что полковник

Ханкей будет проводить этот вопрос в Англии, а полковник Суинтон — во Франции. 23 октября последний имел по этому же поводу беседу с главным начальником инженеров, но здесь вопрос не сдвинулся с мертвой точки.

В то же время полковник Ханкей изложил эти соображения лорду Китченеру, но также без всякого результата. Кроме того он передал премьер-министру (Асквиту) доклад о различных способах: стратегических и тактических, при помощи которых можно преодолеть застой позиционной войны. В этом докладе, помимо прочего, шла речь и о предложении Суинтона.

Доклад этот попал в руки мистера Черчилля как члена комитета государственной обороны. Он уже ранее задумывался над усовершенствованием бронемашин с целью придать им способность движения по изрытой местности и через окопы, так как имел отношение к отряду броневиков, приданных морской авиации и действовавших на бельгийском побережье. 5 января 1915 г. Черчилль написал письмо премьер-министру, особенно подчеркивая и поддерживая ту часть доклада Ханкея, где говорилось об использовании бронированных гусеничных тракторов для преодоления окопов. Это письмо было переслано Асквитом Китченеру. По случайному стечению обстоятельств и полковник Суинтон 4 января обратился в военное министерство с просьбой обсудить его предложение, к этому времени значительно глубже проработанное благодаря продолжавшемуся изучению условий боевых действий во Франции.

Семена, брошенные в военное министерство двумя сеятелями, упали на каменистую почву. Возбудив вначале некоторое внимание, они вскоре заглохли. Большую роль при этом сыграло расхолаживающее заключение, вынесенное Кепель-Хольденом, директором управления механического транспорта.

К счастью, общая идея сохранила свою жизненность на другой почве, ибо Черчилль в феврале 1915 г. образовал комитет при адмиралтействе, который позднее получил известность как комитет по созданию сухопутного крейсера. Но комитет, проделав большую исследовательскую работу, дал мало практических дельных указаний, так как его энергия одно время растрачивалась на сооружение сухопутного судна с гигантскими колесами. Уход Черчилля из адмиралтейства, вызвавший отсутствие его прозорливости и энергии, неблагоприятно сказался на ходе работ комитета, хотя в силу его влияния исследования все же продолжались. К счастью, в это время комитет под руководством Теннисон-д'Эникура (директора управления морских сооружений) вернулся на правильный путь—к использованию гусеницы. Даже и при этом конкретные результаты работы тормозились, а энергия падала из-за отсутствия каких бы то ни было точных указаний о военных требованиях к этой машине, так как в схеме научной войны тактические требования имеют преимущество перед техническими.

Эти чрезвычайно существенные, но до того времени отсутствовавшие указания пришли в докладе из ставки главнокомандующего и были переданы комитету через военное министерство 30

июня. Как только они дошли до назначения, наступил быстрый и практический прогресс в деле создания танка. Докладная записка была составлена Суинтоном, который преодолел преграды недоверия и предубеждения, обратившись непосредственно к главе английской армии во Франции — Джону Френчу.

В записке были сформулированы требования, предъявляемые к такого рода машинам. Получив эти указания, вновь созданный объединенный комитет (в составе представителей военного министерства и адмиралтейства) приступил к работе.

19 июня Суинтон вернулся в Англию секретарем комитета по делам обороны и вошел в связь с объединенным комитетом. Позднее с санкции премьер-министра он созвал междуведомственное совещание, чтобы согласовать работу по созданию новой машины. 19 сентября в Линкольне был произведен осмотр первой испытательной машины «Маленький Вилли», но эта машина была Суинтоном забракована как не отвечающая требованиям, поставленным военным министерством. Затем на рассмотрение была предъявлена деревянная модель, или макет (в естественную величину), уже более крупной машины, которая была специально скомбинирована майором Триттоном и лейтенантом Вильсоном в соответствии с последними указаниями, полученными от армейского командования. Эта модель была принята. Она отвечала двум основным требованиям министерства: взбираться на вертикальную поверхность высотой в 1,5 м и пересекать канаву шириной в 2,4 м. Было решено приступить к производству опытной машины этого типа.

Наконец, 2 февраля 1916 г. в Хетфильде было произведено официальное испытание этой машины, прозванной «Матерью», или «Большой Вилли». В результате испытания было заказано 40 таких машин; затем число это было увеличено до 150.

Французы в свою очередь приступили к самостоятельным изысканиям в этой области. Инициатором здесь явился полковник Этьенн. Проект его был утвержден Жоффром 12 декабря. Хотя и замысел и сама машина зрели во Франции медленнее, чем в Англии, но интересно отметить, что резким контрастом поведению Англии явился первый заказ французов — сразу же 400 машин. Вскоре заказ этот был удвоен.

За лето 1916 г. подготовлялись команды для обслуживания новых машин. Подготовка эта велась в строжайшем секрете на обширном замкнутом участке близ Тетфорда в Норфольке, оцепленном вооруженной охраной. Команды были сведены в соединения, получившие название «тяжелый взвод пулеметного корпуса». Чтобы сохранить тайну, было выбрано новое имя и для машины. Надо было найти название, достаточно маскирующее и все же достаточно правдоподобное для постороннего наблюдателя, который мог бы увидеть покрытые брезентом машины во время перевозки их по железной дороге. Обсудив три названия: «бак» [1], «цистерна», «резервуар», остановились на первом.

---

[1] Английское слово «tank» в переводе значит «бак». Как военный термин оно вошло впоследствии в обиход без перевода.—Прим. ред.

Благодаря тщательному сохранению тайны, удалось добиться внезапности, когда танки впервые появились на поле боя. К сожалению эта внезапность совершенно не была использована. В этом—трагедия 15 сентября 1916 г. Произошло это из-за того, что официальные опекуны танка не посчитались с просьбами его родителей и настояли на применении танка в бою раньше, чем он механически созрел, и прежде, чем имелось достаточное количество танков. Этим они не только поставили под вопрос дальнейшее использование танков и полезность их как боевого средства, но и потеряли возможность захватить противника врасплох, когда он еще не подготовил никаких контрмер. В результате война затянулась, и население дольше страдало под гнетом войны.

Ответ, которым обычно защищаются от этого обвинения, подчеркивает механические дефекты, которыми страдали первые танки, «застревавшие» на поле боя. Отсюда вытекала необходимость — прежде чем приступить к массовой продукции какого-либо оружия, испытать его в боевых, а не только в полигонных условиях. Концепция эта правдоподобна, но неприемлема именно в данной ситуации. Танк, впервые введенный в дело на хаотически изрытом снарядами поле сражения на Сомме и против глубокой и сложной оборонительной позиции 1916 г., был построен согласно требованиям, выработанным летом 1915 г. Тогда система окопов была значительно слабее развита, а артиллерийская бомбардировка не достигала еще такой силы, чтобы превращать почву в болотистую трясину, как это уже случалось в 1916 и 1917 гг.

Более того, защитники противоположной точки зрения делают главный упор на то, что танки были слишком поспешно доставлены во Францию и брошены в бой раньше, чем команды их были в достаточной степени подготовлены и прежде чем командиры во Франции могли обдумать или изучить данные им инструкции, как следует использовать танки. Но вероятность того, что процент механических поломок этой ранней модели танка будет высок, безусловно являлся достаточным логическим доводом для производства большого числа танков. Тогда на поле боя могло бы «выжить» достаточное количество танков и пожать плоды внезапности.

Британский народ платил несколько миллионов фунтов стерлингов в день за удовольствие наблюдать, а при случае и постучаться в наглухо закрытые ворота германского фронта. Без сомнения можно было рискнуть истратить стоимость еще одного дня сверх обычного, чтобы получить средство, которое, как ключ, позволило бы отпереть замки этих ворот.

Проникнем несколько глубже в тайну преждевременного использования этого незрелого инструмента. В декабре 1915 г. Черчилль набросал соображения для применения танков. Оно было напечатано для комитета государственной обороны. Копия его была послана главнокомандующему во Франции. В феврале 1916 г., как только проекты конструкции и вооружения машины были установлены достаточно точно, чтобы на основе их произвести более верные расчеты, Суинтон разработал более полное и

детальное наставление. В нем указывалось, что существеннейшим фактором является сохранение производства танков в секрете, пока массы их не смогут быть введены в дело для проведения внезапного и решающего удара, и что ни в коем случае их не следует применять отдельными небольшими группами по мере их производства. Весной Хейг выразил свое полное согласие с этим наставлением, но в августе он внезапно решил использовать уже имевшиеся тогда 60 танков. К этому времени наступление на Сомме фактически выдохлось, и донесения о незначительном выигрыше, купленном ценою тяжелых потерь, неприятно резали ухо обществу.

Решение Хейга было воспринято кабинетом в Англии как гром среди ясного неба, и Ллойд-Джордж, теперь военный министр, энергично запротестовал, а Монтагю, его преемник в министерстве огнеприпасов, отправился в главный штаб, тщетно пытаясь предупредить преждевременное использование танков. Хейг остался непреклонным, и беспомощные родители должны были поставить крест над будущим своего отпрыска.

Таким образом, история может заподозрить, что танки были введены в дело исключительно ради получения яркого местного успеха,— успеха, который произведет большое впечатление на общество и вместе с тем приглушит всю растущую критику и недовольство.

Хейга на такой поступок подтолкнуло похвальное, хотя и неразумное, желание сэкономить свою пехоту, не отказываясь в то же время от наступления. Вполне естественно, что он горячо хватался за всякую возможность получить поддержку. Но поведение некоторых работников его штаба нельзя объяснить тем же.

Полный разрыв с принципами использования танков как оружия внезапности еще не исчерпывает ошибок генерального штаба. Докладная записка Суинтона ставила ряд условий применения танков, которыми пренебрегли в сентябре 1916 г. Приняты эти условия были лишь после того, как необходимость их была доказана горьким опытом.

Следовало тщательно выбрать сектор для развития танковой атаки в соответствии с возможностями нового оружия. На это условие не обращали внимания и его не выполняли вплоть до ноября 1917 г. — до наступления у Камбрэ. Пути подхода танков должны были специально подготавливаться, так же как и подходящие для перевозки танков товарные платформы или баржи. Несмотря на предупреждение, сделанное за 6 месяцев, подготовка эта не начиналась до августа, когда уже прибыли танки.

Подчеркивалась необходимость иметь резерв танков, но урок этот не усвоили и ко времени Камбрэ, не понимая его вплоть до августа 1918 г. Говорилось и о тактике взаимодействия танков с пехотой. Это также упускалось из вида и это проглядели до Камбрэ. В дополнение к снарядам орудия танка должны были стрелять и картечью. Так было спроектировано вначале, но проведение всего этого в жизнь задерживалось, пока за это, уже после наступления на Сомме, не высказалось английское командование, находившееся во Франции. Некоторые танки должны были иметь

радиостанции. Проекты были разработаны, и началась подготовка радистов, но главный штаб не позволил, чтобы оборудование это было отослано во Францию, и оно напрасно было растрачено.

Деятельность и умственный уровень работников, распоряжавшихся в главном штабе, удачно иллюстрирует широко распространенная в свое время история. Один из генералов в штабе Хейга отдал распоряжение, чтобы танки были доставлены на фронт по определенной железной дороге. Технический эксперт, которому было поручено руководство перевозкой, указал, что это невозможно из-за габарита пути. Генерал ответил: «Это еще что за чорт?». Офицер объяснил и указал, что, выбрав другой путь подвоза танков, можно избежать двух туннелей, которые исключали возможность доставки танков по этому пути. Но генерал упорно отказывался признать невозможность этого и просто приказал: «Ну, тогда расширьте туннели!»

Испытания, которым подверглись танки на Сомме, оказались не последними. 1 000 танков нового образца были только что заказаны в Англии министерством снабжения. Но враги танков (под ними мы имеем в виду не германцев, а английское командование во Франции) поспешили послать донесение в таких неблагоприятных тонах, что военное министерство взяло свой заказ обратно.

К несчастью для намерения военного министерства, но к счастью для Англии, офицер, которому было поручено наблюдение за производством танков, майор Альберт Стерн, был не военным профессионалом, а временно состоял на военной службе. Его постоянное положение в Сити позволило ему хладнокровно противостоять переменчивым настроениям его временного начальства. Вопреки приказу и порядку подчинения он сам отправился к военному министру. Выяснилось, что отмена заказа была сделана без ведома Ллойд-Джорджа. Убедившись, что Ллойд-Джордж в оппозиции к такой безумной мере и удовлетворившись этим, Стерн затем поехал к начальнику генерального штаба Вильяму Робертсону и просто поставил его в известность, что он не собирается выполнить приказ об отмене заказа.

Все же необходимо отметить к чести тех, кто в генеральном штабе являлся противниками танков, что если они и не обладали достаточной изобретательностью, чтобы найти средство, которым можно было бы разбить германцев, зато они проявили громадное искусство и плодовитость, изобретая средства, которыми можно было бы разбить защитников танка. Суинтон был простым военнослужащим, противник он был несерьезный, и его почти моментально сместили с должности командующего танковым корпусом в Англии. В июле 1917 г. и Эйнкур и Стерн были под благовидным предлогом исключены из состава членов комитета, который теперь при военном министерстве разбирал новые проекты танков и руководил их производством. Оставшиеся же три члена комитета (военные) не имели ни малейшего понятия о танках и даже увидели их впервые за несколько недель до начала работы комитета.

Совершенно естественно, что программа постройки 4 000 танков для кампании следующего года была сокращена на две трети. А в октябре, под давлением генерального штаба, Стерн был снят

со своего поста в министерстве огнеприпасов и заменен адмиралом, который никогда в жизни не видел танка.

Генеральный штаб явно выиграл от общения со своими французскими коллегами. Во всяком случае он усвоил, что самое важное, если тебе докажут, что ты неправ, как можно скорее избавиться от неудобного «пророка», оказавшегося правым.

Тот же метод, которым руководствовались, убирая Суинтона, чтобы оправдать безумие генерального штаба, бросившего первые образцы танков в сражение на Сомме, применили, выбрав Стерна как жертву, чтобы искупить безумную тактику применения танков следующих образцов в болотах Пашендэйля. Вместо того чтобы потерять веру в правильность своих собственных суждений, генеральный штаб вновь потерял веру в танк.

К счастью, военные, бывшие в меньших чинах, заботились о танках на фронте. Преодолев свои первоначальные сомнения и поняв всю глупость применения танков в Пашендэйле, они стали искать случая дать танкам показать себя с хорошей стороны. Случай этот представился под Камбрэ в ноябре—в сражении, в котором, наконец, были соблюдены поставленные еще в феврале 1916 г. требования, касавшиеся применения танков.

Хотя из-за недостатка танков, непростительно растраченных под Пашендэйлем, успех сам по себе явился мало реальным, это все же была реальная победа танка — победа, которую нельзя было больше оспаривать.

1917 г. был годом реабилитации танка; 1918 г. — годом его триумфов. Необходимо все же сказать, что количество потерь, которыми оплачивался успех, могло бы быть меньше, если бы имелись не сотни, а тысячи танков. Число танков, изготовленных по урезанной программе 1917 г., оказалось достаточным, чтобы привести к победе, но они не могли вернуть мертвых. Пусть грустное «детство» танка послужит наглядным уроком для будущих поколений, чтобы в случае вспышки новой войны они учились бы на ошибках других, а не расплачивались за них сами.

5. Поглощенная Румыния

(Схема 8)

Румыния вступила в войну 27 августа 1916 г., а падение Бухареста, последовавшее 6 декабря 1916 г., ознаменовало фактическое прекращение ее участия в войне и неуместность ликования, которым было встречено ее вступление в войну на стороне союзников. Кампания эта менее известна и изучена, чем другие кампании мировой войны. Между тем она представляет собой особый интерес и заслуживает гораздо большего внимания, чем это ей уделялось, так как в ней с особенной яркостью выявляются основная слабость союзников и сила германцев—зло, присущее коалиционной системе ведения войны, по сравнению с сосредоточением усилий и экономией сил, вытекающими из единства управления.

Но не только в этом вся поучительность кампании. Есть и другие уроки, имеющие большую практическую ценность, так как

они легче поддаются использованию. Здесь выявилась обманчивость числа, вследствие чего сильно потрепанное изречение Наполеона: «бог на стороне больших батальонов» получило в данном случае противоречие, основанное на принципе превосходства качества над количеством. Еще раз сочетание превосходящей ударной мощи с превосходящей подвижностью уничтожило армию, которая все свои упования возлагала исключительно на количество «живого мяса».

СХЕМА 8

Более того, быстро (всего лишь в 3 месяца) завоевание Румынии заслуживает особого внимания и изучения именно со стороны британцев, так как это была преимущественно маневренная война, проводимая в трудных естественных условиях (и топографических и климатических), для действия в которых небольшая британская армия обучается и действовать в которых она должна быть готова.

В течение первых лет войны общественное мнение в Румынии постепенно укреплялось в смысле вступления в войну на стороне союзников. Ионеску и Филиппеску встретили мощную поддержку в желании румынского народа избавить своих соотечественников

в Трансильвании от иностранного управления, значительно более тяжелого и гнетущего, чем то, которому подверглась Эльзас-Лотарингия. Летом 1916 г. яркий, но, как нам теперь известно, искусственный успех наступления русских под руководством Брусилова толкнул Румынию сделать решительный шаг в бездну.

Пожалуй, для Румынии было выгоднее объявить войну раньше, когда Сербия представляла собой активную силу, а Россия фактически была таковой. Два года выжидания удвоили румынскую армию, но фактически уменьшили относительную ее эффективность, так как с одновременным развитием у противника под давлением горького опыта, огневых средств и оборудования изолированность Румынии и неспособность ее военного руководства мешали превращению ее армии из плохо вооруженной милиции в современную вооруженную силу.

Румынская пехота не имела автоматических винтовок, противогазов, газового оборудования и окопных мортир. Пулеметов было мало: в 10 активных дивизиях имелось только обычная довоенная пропорция — 2 пулемета на батальон, а из 13 новых дивизий 8 вовсе не имели пулеметов. Артиллерия румынской армии была неоднородна, а авиация незначительна.

К моменту вступления Румынии в войну она имела только шестинедельный запас огнеприпасов. Взрыв арсенала в Бухаресте уничтожил 9 000 000 патронов, а союзники Румынии не сдержали своего обещания — доставлять ей ежедневно 300 т огнеприпасов. Громоздкость дивизий румынской армии плюс невысокое качество ее офицерского корпуса сами по себе уже являлись препятствием к маневренным действиям.

Стратегическое положение Румынии представлялось другим источником ее слабости. Территория Румынии имела вид перевернутой латинской буквы L, причем нижний участок—Валахия—был зажат между Трансильванией и Болгарией. Более того, протяжение границ Румынии совершенно не соответствовало глубине страны; Румыния страдала от ограниченного числа рокадных железнодорожных линий, а столица ее находилась всего лишь в 30 милях от болгарской границы. Далее, у Румынии на той стороне Дуная, в Добрудже, имелась полоска местности, которая представляла собой удобный путь для вторжения противника.

Эти внутренние и географические недочеты усиливались разноречивыми советами союзников о том, как Румынии действовать. Британский генеральный штаб одобрял наступление в южном направлении против Болгарии — наступление, которое могло бы раздавить вооруженные силы болгар между румынской и салоникской армиями. Русские настаивали на наступлении в западном направлении, которое могло бы находиться в более тесном взаимодействии с их наступлением в Буковине. Политические и моральные преимущества наступления в Трансильванию заставили румын остановиться на втором решении, и как ни было горько их поражение, безумие этого их решения не было уже так велико, как это утверждали критики.

Территория Болгарии представляла собой много препятствий для успешного вторжения столь дефективного инструмента, каким оказалась румынская армия, и болгары имели в своем распоряжении много свободного места, чтобы подорвать энергию Саррайля, двинувшись ему навстречу.

С другой стороны, мы теперь знаем, что более быстрое вторжение румын в Трансильванию поставило бы австро-германцев в тяжелое положение, особенно тогда, когда им, к несчастью, дали возможность перевести дух, так как германцы почти выбились из сил в попытках наскрести войска для этого нового фронта. Ошибка Румынии была не столько в выборе цели наступления, как в неспособности ее быстро и мощно бить.

Наступление румын началось в ночь с 27 на 28 августа тремя колоннами, каждая в составе около 4 дивизий. Колонны эти двигались в северо-западном направлении через Карпатские перевалы. Замысел заключался в том, чтобы осью захождения сделать левый фланг, а правым флангом, когда будет достигнута долина Венгрии, зайти на запад, выровняв его на одну линию с левым. Три дивизии были оставлены для прикрытия Дуная и еще 3 дивизии на «заднем дворе» в Добрудже, куда русские обещали прислать одну кавалерийскую и две пехотных дивизии. Румыны рассчитывали, что русские пришлют им до 150 000 бойцов.

Медленное и осторожное наступление румынских колонн, задерживаемое плохими горными дорогами и мостами, разрушенными австрийцами, но не сопротивлением неприятеля, остановилось перед пятью слабыми австрийскими дивизиями, прикрывавшими границы, и позволило главному командованию противника подтянуть сюда пять германских и две австрийских дивизии и сосредоточить их по линии р. Марош, чтобы перейти в контрнаступление.

Во исполнение другой половины плана Фалькенгайна 2 болгарских дивизии (позднее должны были быть добавлены еще 2 дивизии) с германским отрядом и австрийским мостовым парком были подчинены Макензену. Войскам этим было поставлено задание занять Добруджу. Фалькенгайн добавляет, что были сделаны приготовления, чтобы «в изобилии снабдить армию Макензена таким оружием, которое до сих пор не знали румыны, — тяжелой артиллерией, минометами и ОВ».

Таким образом вначале Румыния имела 23 дивизии против 7 дивизий противника, но через неделю она уже должна была иметь дело с 16 дивизиями противника. Ясно, что шансы на успех всецело зависели от быстроты ее действий.

В то время как румынские колонны ползли на запад, в Трансильванию, Макензен атаковал 5 сентября предместные укрепления Туртукая, разбив три румынских дивизии, прикрывавших фронт Дуная. Обеспечив свой фланг, Макензен поспешил на восток, вторгаясь в Добруджу. Это было сильным моральным ударом, так как стратегическим эффектом его явилось отвлечение румынских резервов, предназначенных для поддержки наступления в Трансильвании, причем наступление это было сорвано из-за

отсутствия питающих его поддержек. А рассредоточение сил привело к тому, что румыны сделались повсюду слабы.

Таким образом когда 18 апреля прибыл Фалькенгайн, чтобы руководить австро-германским наступлением в Трансильвании, он нашел, что движение румын вперед почти приостановилось, а колонны их разбросаны далеко друг от друга на фронте протяжением более 200 миль. Необходимо отметить, что Фалькенгайн был теперь сменен на должности главнокомандующего Гинденбургом (и Людендорфом), и руководство этой операцией было поручено бывшему главкому в виде компенсации.

Первым решением Фалькенгайна было сосредоточить большую часть своих сил против южной румынской колонны, которая пересекла перевал Ротер-Турм, а меньшей частью сдержать наступление других колонн. Даже учитывая превосходство разведки австро-германцев, он шел на большой риск и пережил много тревожных минут, пока успех, как это часто бывает на войне, стал уделом более смелого. Альпийский корпус, пройдя по горам в три дня 50 миль, обогнул южный фланг румын и принял участие в искусном маневре резервов, чтобы ударом в лоб отбросить румын от Сибиу (Германштадт) и заставить их отступить через горы.

Второй шаг Фалькенгайна был облегчен тем, что румынское главное командование слишком разбрасывалось. Оно позволило своей трансильванской армии бездействовать, а резервы отвлекло для недолгой попытки форсировать Дунай в районе Рахово, чтобы ударить по тылу Макензена. Это позволило Фалькенгайну сосредоточить свои силы против центральной колонны румын в Брасове (Кронштадт), и 9 октября он уже ударил по тылу румын, но упустил при этом более высокую цель — окружить и разбить колонну противника, что открыло бы ему свободный путь в Румынию.

Неудача эта подвергла опасности весь план германцев и почти спасла Румынию. Пока перевалы через горы оставались в руках Румынии, войска ее стойко отражали все попытки австро-германцев прорваться сквозь хребет и заставляли противника поджидать подкреплений. Попытка Фалькенгайна быстро зайти несколько южнее и проложить себе дорогу через перевалы Вулкан и Чурдук тоже была сломлена румынами, а начинавшийся снегопад вот-вот должен был приостановить операции, когда в последнюю минуту противник сосредоточил все свои силы и между 11—17 ноября в том же самом месте прорвался.

Быстро последовавшее преследование через долины Валахии отбросило румын назад на линию Трансильванских Альп.

Отступление это явилось сигналом для следующего момента этого искусно разработанного и координированного плана; Макензен, оставив небольшой отряд, чтобы удерживать северную часть Добруджи, оттянул главное ядро своих сил на запад к Систову, где 23 ноября он форсировал Дунай и автоматически обошел фланг румынского фронта по линии р. Альт.

Быстрый и хорошо задуманный контрудар румын, вдохновителем и инициатором которого являлся генерал Персон (новый

румынский начальник генерального штаба), некоторое время серьезно угрожал войскам Макензена; даже охват их фланга почти удался. Но когда контрудар этот был отражен, то охватывающий натиск Макензена и Фалькенгайна оказался не под силу для последних отчаянных попыток румын сопротивляться на линии Аргес, и 6 декабря австро-германцы вступили в Бухарест. Преследование быстро оттеснило румын и русских (действия которых в Добрудже оказались безрезультатными) на линию Серет—Черное море. Большая часть Румынии с ее плодородными и нефтеносными землями оказалась в руках противника. Румынская армия была разбита, а союзники Румынии получили моральный удар, значительно более сильный, чем любые материальные выгоды, на которые можно было рассчитывать в итоге вступления румын в войну.

Для военной истории эта короткая кампания представляет собой наглядное доказательство того, что люди не значат больше, чем машины. Наоборот, лучшая машина, управляемая лучшим человеком — командиром, может свести на-нет ценность «больших батальонов». Оружие и подготовка значат несоизмеримо больше, чем только численность.

6. Захват Багдада

(Схема 9)

Вступление британцев в Багдад 11 марта 1917 г. явилось событием, которое произвело большое впечатление на весь мир, как вследствие романтичности налета на знаменитый город тысяча и одной ночи, так и потому, что событие это явилось первым проблеском рассвета, осветившим тьму, которая тяготела над действиями союзников в течение всего 1916 г.

Если историческая дата, которую мы теперь имеем, потеряла блеск непосредственного, вызванного у общества впечатления и потускнела, показав, что военное достижение было не столь уже блестяще, как это тогда казалось, все же моральное значение и ценность этой даты не уменьшились.

Стратегический замысел и организация этой кампании были несоизмеримо более здравы и более надежны, чем ее тактическое выполнение. Кампания эта отмечается рядом упущенных возможностей, несмотря на большое превосходство сил. Признавая трудности, которые представляла здесь для действий местность, у историка все же создается впечатление, что здесь пытались кузнечным молотом прихлопнуть блоху. Пока молот опускался, блоха, конечно, ускользнула. А если измерять искусство армии их качеством, а не количеством, то сравнение приводит нас к выводу, что наступление и отход 6-й дивизии Таушенда перед лицом превосходящих сил противника — при недостаточном снаряжении войск, примитивных средствах связи и полной изоляции в самом сердце страны противника — вписало действительно славную страницу в британскую военную историю.

Успехи 1917 г. помимо всего обязаны стратегическому руководству, а также искусству и энергии тех, кто правильно поставил организацию снабжения и транспорта. Более того, преимуществ этих было достаточно, чтобы достигнуть намеченных военных целей без всякого дальнейшего невыгодного выдергивания войсковых частей из более важных театров войны. Общее руководство операциями на этом фронте теперь всецело перешло в Лондон.

После сдачи Таушенда в Куте, несмотря на геройские, но дорого стоившие усилия спасти его, начальник генерального штаба (Вильям Робертсон) резко стоял за оборонительную стратегию в Месопотамии. Робертсон склонялся на отход к Амара как на простейший и наиболее дешевый способ сохранить в своих руках нефтеносные участки и командовать двумя речными артериями — Тигром и Евфратом.

Но новый командующий Моод (личный выбор Робертсона), ознакомившись с обстановкой, настаивал, что выдвинутая вперед позиция у Кут удобна с военной и разумна с политической точки зрения. Его поддержали Дефф и Монро, главнокомандующий в Индии. Робертсон сдался, согласившись с точкой зрения людей, находившихся на месте.

Психологически глубоко интересно изучение того, как сильная воля Моода и военные успехи, которые он шаг за шагом одерживал, незаметно изменили его оборонительную тактику, превратив ее в наступательную. Некоторое влияние имел также мираж взаимодействия с Россией.

Наступление это началось просто как поддержка русского наступления, а затем оно превратилось в чисто британское.

Все лето и осень 1916 г. были посвящены тщательной реорганизации и подготовке, начатой еще Лэк, но развитой и усиленной его преемником Моод. Он поставил себе целью улучшить не только материальное благополучие своих войск, но и их подготовку, усовершенствовать ненадежные коммуникационные линии и сосредоточить возможно большой запас предметов снабжения и боеприпасов. Таким образом Моод создал надежную базу для своего последующего наступления весьма мудро, согласно заветам Наполеона. Его план операций также был замечателен, соединяя в себе элементы и дерзости и осторожности. Изучение его приказов как до начала операции, так и во время ее показывает, что в недостатке энергии и воли Моода нельзя упрекнуть. В вину ему можно поставить исключительную централизацию и чрезмерную секретность. Повидимому, чрезмерное увлечение тайной явилось отчасти причиной досадной задержки у Азизия на пути к Багдаду.

Даже генерал-инспектор военных сообщений жаловался впоследствии, что он вовсе не был предупрежден о готовившемся движении войск, а потому не мог во-время провести необходимую подготовку.

Это «незаметное» наступление началось 12 сентября 1916 г., когда был сделан первый шаг к серии хорошо продуманных окопных стычек, проводимых методически и неторопливо на

западном берегу р. Тигра. Когда они начались, Моод атаковал турецкие окопы под прямым углом к р. Тигру и постепенно завернул левым плечом, сделав осью захождения реку и одновременно распространяя свой фронт все дальше и дальше вверх по реке. Наконец, к 22 февраля 1917 г. он очистил западный берег реки, а растянувшийся фронт британцев стоял против главных сил турок на другом берегу реки от Санна-и-ят до Шумрана в районе Кут. Туркам приходилось опасаться не только прямого удара с юга по их укрепленной позиции у Санна-и-ят, но и удара через реку с запада, а последнее угрожало их коммуникационным линиям. Длительность этого перехода и чисто осадных действий, которыми он сопровождался, объясняется не только сложностью оборонительных сооружений или стойкостью сопротивле-

СХЕМА 9

ния слабых турецких отрядов на западном берегу реки. Дело в том, что Робертсон не проявлял склонности итти на дальнейший риск. Его инструкции, присылаемые из Англии, были составлены так, чтобы пресекать всякие попытки в этом направлении. У историка, изучающего приказы и операции, создается впечатление, что действия Моода имели целью — сознательно или бессознательно — не только преодолеть сопротивление турецких позиций, но обойти также инструкции Робертсона.

В результате этих неторопливых и экономных операций Моод к третьей неделе февраля оказался в столь выгодном положении,

что рискнул на более крупную ставку. План его заключался в сковывании левого фланга турок у Санна-и-ят и одновременном ударе по их коммуникациям, форсировав реку в районе Шумрана (Бенд), где кончался правый фланг, а путь отступления противника удлинял бы его линию фронта. Моод правильно понял, что удар только у Санна-и-ят окажется бесполезным. Необходима действительная одновременная угроза обоим флангам врага, чтобы надежно сковать турок, пока они не будут отрезаны от своих сообщений. К несчастью, намерения его не были претворены в жизнь. Как ни геройски части форсировали реку у Шумрана, все же задача была слишком трудна. Наступление затягивалось. Атака же у Санна-и-ят не могла сковать обороняющегося на необходимый период.

Но даже при этом положение турок было столь серьезным, что, как они сами потом признались, «только медлительность противника» спасла их от полного разгрома. Главная причина заключалась в запоздалом и вялом преследовании, которое вела конница. Отчасти это было вызвано слишком централизованным руководством Моода, отчасти же недостатком энергии и инициативы у кавалерийских начальников. Сыграла здесь роль и присущая коннице уязвимость в условиях современного боя.

24 февраля, когда представилась блестящая возможность превратить отступление противника в полный его разгром, кавалерийская дивизия оторвалась от противника и стала биваком в 7 часов вечера, потеряв всего лишь 23 бойца. В последующие дни действия дивизии были не более успешны.

Кое-кто пытается оправдать это недостатком воды и препятствием, которое представляет собой современное огневое оружие. Подобные утверждения скорее углубляют, чем сглаживают вывод об ограниченной ценности конницы в современных условиях, даже в Азии. Только смелое преследование речной флотилии вносило смятение в планомерное отступление турок. Флотилия действовала на реке так, как несколько вездеходных бронированных машин могли бы действовать на суше.

Стратегическая победа по крайней мере дала Мооду разрешение свыше попытаться захватит Багдад. 5 марта началось его наступление от Азизия. Когда произошла задержка на фронте наступления у Дияла, Моод перебросил свою кавалерийскую дивизию и 7-й корпус на западный берег для охватывающего фланг движения прямо на Багдад. Ряд ошибок со стороны наступавших помог туркам противостоять этой угрозе, но, учтя свое безнадежное меньшинство сил и неизбежный конец, к которому должно было привести двойное мощное наступление противника, сходившееся в одной точке, турки ночью 10 марта оставили Багдад и отступили к северу, вверх по реке. На следующий вечер Моод вступил в город, и в список бесчисленных завоевателей Багдада было внесено еще одно имя. Для престижа Британии и подъема настроения у всех союзников захват Багдада являлся необходимой моральной поддержкой, ради которой стоило провести эту операцию, сознательно, пожалуй, закрывая глаза на цену усилий, которой был куплен этот успех.

7. Игра в жмурки — Ютландский бой

(Схема 10 и 11)

Только раз за все четыре года войны встретились «Большой флот» (Grand Fleet) Британии и «Флот открытого моря» Германии. Правильнее было бы сказать, что они мимоходом приветствовали друг друга салютом, который был страшен и произвел большое впечатление, вдохновившее работников пера. Ни одно сражение во всей истории не вызывало впоследствии таких потоков чернил.

Днем 31 мая 1916 г. флот, который был создан, чтобы оспаривать господство в море, наткнулся на флот, который владел этим господством целые столетия.

Ранним вечером оба эти величайшие в мире флота, построились друг против друга, сошлись, разошлись, вновь сошлись и вновь разошлись. Затем их скрыла тьма ночи. И когда забрезжил рассвет «славного первого июня», в пустом море парадировал совершенно сбитый с толку «Большой флот» Британии.

Основное различие между высшим морским и сухопутным военным руководством заключалось в том, что адмиралы сознательно не хотели вступать в бой, если не было разумной уверенности в начальном успехе операции, генералы же обычно готовы были итти в наступление, очертя голову, каковы бы ни были связанные с этим невыгоды.

Придерживаясь такого образа действий, адмиралы были верны принципам военного искусства, генералы же поступали наоборот.

Любой человек, обладающий достаточным авторитетом или вдохновением, может повести или бросить людей в бой, особенно если он обеспечен технически грамотными помощниками, которые помогут ему управлять войсками во время маневра и ведения огня. Опытный демагог в этих случаях даст много очков вперед заурядному косноязычному командиру-профессионалу.

Обычай применения для этого профессионалов основан на убеждении, что профессионал, овладев военным искусством, сможет меньшей ценой достигнуть больших успехов.

Только одно соображение может побороть верность командира основным истинам военного искусства. Этим соображением является целесообразность тех или иных действий с точки зрения национальных интересов. Дело самого правительства, а не мелкого служащего, решать, требуют ли нужды политики принесения в жертву военного искусства, а вместе с тем и принесения в жертву человеческих жизней.

Любопытно, что в мировую войну генералы были охвачены таким воинственным пылом и так рвались в бой, что добровольно приносили в жертву военное искусство, повторно завязывая явно невыгодные бои наперекор желаниям правительства, которое затем вынуждалось итти у них на поводу.

Адмиралы напротив были так преданы принципам военного искусства, что подчас умышленно игнорировали или уклонялись от выполнения явного желания правительства дать бой, хотя последнее и знало, что преимущество над врагом не обеспечено.

Если понимание адмиралами реальной обстановки и было отрадным, оно все же вело к перекладыванию большей части тягот войны и потерь на армию. Необходимо, однако, отметить, что армия не несла бы таких чудовищных потерь, если бы генералы не подставляли с такой исключительной готовностью свои спины. Возможно, что различие это объяснимо тем, что адмиралы управляли, находясь в передовой зоне боя, а генералы отсиживались в штабах, находившихся в далеком тылу. Несомненно, что понимание обстановки обостряется при личном соприкосновении с ней: таким образом командиру легче оценить, где больше и где меньше видов на успех, и он быстрее улавливает, что возможно и что вообще невозможно.

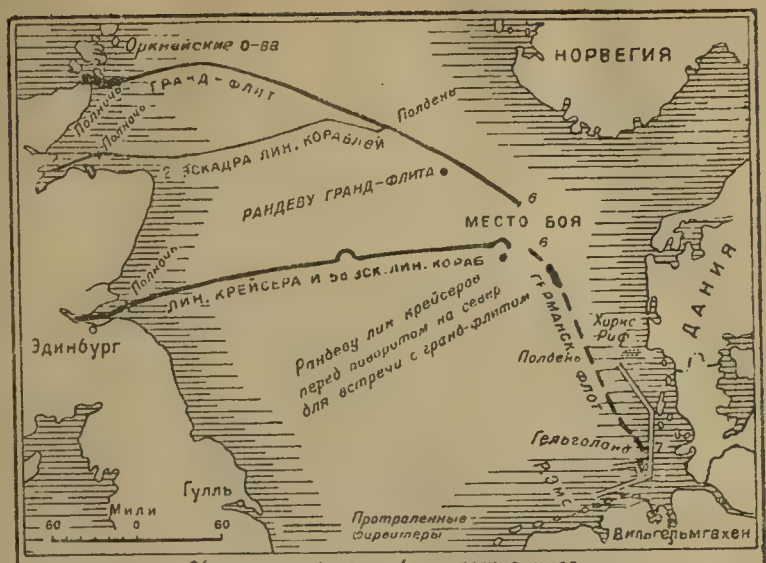
Естественно ожидать, что моряки должны были в результате этого различия проявлять большую склонность к тактике, а солдаты — к стратегии. Фактически же вышло наоборот. Объяснение этого парадокса видимо лежит в различном опыте подготовки мирного времени: сухопутный военный несет службу в малых гарнизонах и проводит учения на тесных участках; моряк же пересекает широкие океаны и учится навигации, приучаясь видеть в ней основной элемент своей силы.

С начала войны морская стратегия Британии руководствовалась, главным образом, тем соображением, что существеннее обеспечить господство на море, чем разгромить германский флот. Это господство на море стояло на первом плане. На этом были основаны все боевые усилия Британии и ее союзников, ибо от этого зависело само существование Британии. Черчилль увековечил тогдашнюю обстановку яркой фразой: «Джеллико—единственный человек, который может проиграть войну в один вечер». Поэтому стремление разбить германский флот всегда отодвигалось на второй план. Если бы это удалось, то значительно ускорило бы победу союзников и могло бы даже явиться вестником поражения центральных держав. Паралич России и почти удавшееся германским подводным лодкам полуголодное существование Англии могут быть отнесены к неспособности британского флота раздавить германский флот. Но если бы, пытаясь разбить германский флот, британский потерял свое стратегическое превосходство, поражение оказалось бы неминуемым.

Целью германской морской стратегии с августа 1914 г. являлось стремление избежать риска решающего столкновения, пока британский флот не был бы ослаблен настолько, что шансы на успех из маловероятных стали бы обнадеживающими. Мины и подводные лодки были теми средствами, которыми германцы надеялись ослабить британский флот.

Боязнь подводного оружия и опасение, что это оружие случайно или преднамеренно изменит соотношение сил на море не в пользу британского флота, внесло в осторожную стратегию последнего еще большую осмотрительность. В письме от 14 октября 1914 г. Джеллико с пророческим предвидением писал адмиралтейству, что если дело дойдет до боя, он всякое уклонение германского флота будет принимать за попытку заманить его в западню, где его будут поджидать расставленные мины и подвод-

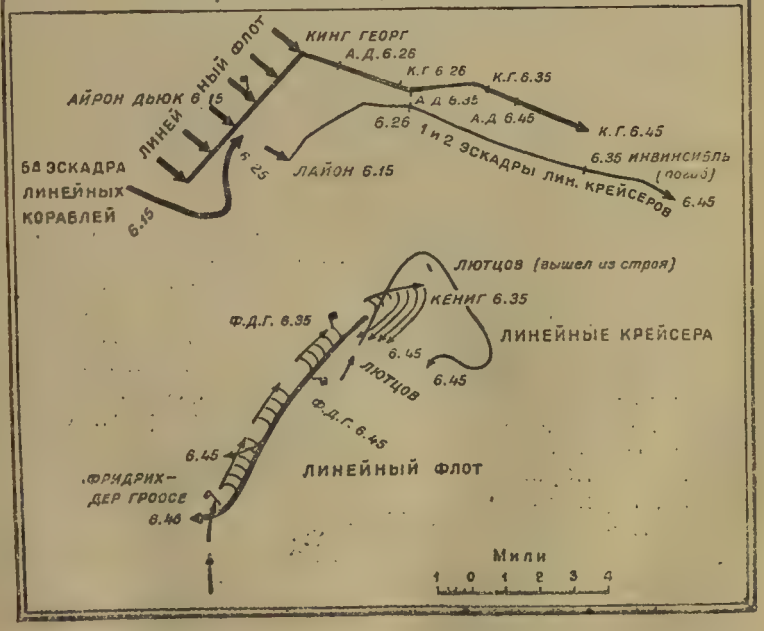
СХЕМА 10



Фиг. 1. Сближение флотов обоих противников

ЮТЛАНДСКИЙ БОЙ

Фиг. 2. Развертывание британского линейного флота и первый отход германского флота



ные лодки врага. Он писал, что не хочет попасться на такую хитрость и быстро продвинется к одному из флангов. Другими словами, Джеллико хотел отступить в сторону, чтобы не быть захваченным врасплох. Таким образом он не только выбил бы из рук противника его лучшее оружие, но возможно вывел бы его этим из равновесия. Расчет этот является одним из указаний того, как тщательно Джеллико продумал свою тактику действий.

Доминирующий замысел как германской, так и британской стратегии правильно учитывал объективные условия и реальные возможности.

Но обстановка в мае 1916 г., после почти двух лет войны, была такой, что британский флот все еще ждал благоприятного случая, чтобы дать сражение, а германский флот был дальше, чем в начале войны, от осуществления даже своей предварительной задачи — до решающего боя ослабить британцев. Несмотря на потери, вызванные минами и подводными лодками, британский флот пропорционально стал значительно сильнее, чем в начале войны. В грядущем столкновении он должен был выставить 37 крупных судов (линейных кораблей и линейных крейсеров типа дредноутов) против 23 германских [1]. Что касается орудий, то разница здесь была еще больше: 168 орудий калибра 13½—15 дм. и 104 орудия калибра в 12 дм. могли быть выставлены против 176 германских орудий только 12-дм. калибра. Правда, германский флот насчитывал еще 6 броненосцев додредноутного типа, но в составе действующего флота суда эти вряд ли могли сослужить какую-либо пользу. Скорее они должны были явиться просто целями для более тяжелых орудий британцев. Больше того, своим присутствием они существенно уменьшали скорость хода и так уже менее быстроходного германского флота. Британцы обладали также значительным превосходством в крейсерах и эскадренных миноносцах: 8 бронированных и 26 легких крейсеров против 11 легких крейсеров; 80 миноносцев — против 63.

Другое преимущество, которое было достигнуто уже после возникновения войны, касалось области лучшей осведомленности. Дело в том, что британцы не только случайно получили более четкое представление о способностях и возможностях оружия противника, но и добыли его сигнальный код. В августе 1914 г. германский легкий крейсер «Магдебург» был затоплен в Балтийском море. Русские нашли в руках утонувшего германского унтер-офицера судорожно зажатые книжки шифра и сигнального кода германского флота и разделенную на квадраты карту Северного моря. Эти документы были посланы в Лондон; после этого, перехватывая шифрованные радиосообщения противника, британская разведка могла заранее получать сведения о многих передвижениях противника. Хотя подозрительность заставила противника внести различные изменения в коды и карты, все же их усилия положить конец утечке сообщений были сор-

[1] См. силы сторон, стр. 228—231.

ваны развитием радио как средства улавливать направления, а вместе с тем и расположение вражеских судов. И это привело к единственному морскому сражению в мировой войне — Ютландскому бою.

В январе 1916 г. в германский «Флот открытого моря» был назначен новый командующий. Это был адмирал Шеер — кандидат, предложенный адмиралом ф. Тирпитц, и сторонник более агрессивной боевой политики. Гнет британской блокады и ослабление под давлением президента Вильсона германской подводной кампании явились стимулом к более решительным действиям. А слух о разделении британского флота для защиты побережья от вражеских рейдов послужил толчком к более активным действиям. К середине мая Шеер окончательно выработал свой план. Был намечен рейд крейсеров к Зундерланду, чтобы выманить часть британского флота для парирования этого удара. В засаде же должны были находиться германские подводные лодки, с «Флотом открытого моря» за ними, готовым с налету броситься на эту группу британского флота. Подводные лодки были заблаговременно отправлены, но плохая погода помешала разведке германской авиации. А без этой предосторожности Шеер не хотел сделать и шага. Подводные лодки истощили свой запас угля и должны были вернуться. 30 мая Шеер решил отказаться от этого плана использовать свои подводные лодки для иной задачи. Заключалась она в посылке разведочной группы линейных и легких крейсеров под начальством адмирала Хиппера для демонстрации у норвежских берегов. За этой группой должен был следовать вне поля зрения и сам Шеер. Он рассчитывал, что угроза британскому патрулю крейсеров и других легких сил завесы сможет привлечь сюда часть британского флота и таким образом германцам представится случай его уничтожить.

Хиппер отплыл на север на рассвете 31 мая. В 50 милях за ним следовал Шеер. Уже в предшествующий вечер о выходе германского флота, — хотя и не о намерениях его, — стало известно британскому адмиралтейству, а потому «Большому флоту» было приказано приготовиться к походу. Джеллико с большей частью «Большого флота» отплыл в 10 час. 30 мин. вечера на восток к сборному пункту, примерно в 50 милях от норвежского побережья. По пути к нему присоединилась эскадра Жерамма из Инвергордона. Битти со своими линейными крейсерами и дредноутами, усиленными четырьмя линейными кораблями новейшего типа «Кюин Элизабет», также отплыл из Розита (близ Эдинбурга), получив приказ Джеллико к 2 час. утра 31 мая достигнуть точки в 69 милях юго-юго-восточнее главного пункта сбора.

Отсюда, если бы не удалось обнаружить противника, Джеллико должен был лечь на южный курс, направляясь к бухте Гельголанд, а Битти был отдан приказ итти на соединение с Джеллико и следовать за ним, не теряя его из вида.

Битти достиг указанной ему точки в назначенный час и поворачивал на соединение с главными силами, когда «Галатея», один из его легких крейсеров завесы, заметил торговый пароход. Вместо того чтобы повернуть с остальными, крейсер продолжал

СИЛЫ СТОРОН В ЮТЛАНДСКОМ БОЮ

АНГЛИЙСКИЙ
„Большой флот" Джеллико
Линейные корабли

Наименование	Ход в узлах	Артиллерия 15-дм.	13½-дм.	12-дм.	Средн.
II эскадра					
1-я дивизия:					
Кинг Джорж	22,1	—	10	—	16—4 дм.
Аякс	22	—	10	—	16—4 „
Сентюрион	20	—	10	—	16—4 „
Эрин	21	—	10	—	16—4 „
2-я дивизия:					
Орайон	21	—	10	—	16—4 „
Монарх	21,9	—	10	—	16—4 „
Конкерер	22,1	—	10	—	16—4 „
Иейдерер	20,8	—	10	—	16—4 „
IV эскадра					
3-я дивизия					
Айрон-Дюк	22	—	10	—	12—6 „
Ройаль-Оск	21	8	—	—	16—6 „
Суперб	21,5	—	—	10	16—4 „
Канада	23	—	10	—	16—6 „
4-я дивизия:					
Бенбоу	21	—	10	—	12—6 дм.
Белерафон	21,5	—	—	10	16—4 „
Темерер	22,1	—	—	10	16—4 „
Вангард	22,1	—	—	10	18—4 „
I эскадра					
5-я дивизия					
Колоссус	21,5	—	—	10	16—4 „
Коллингвуд	21,5	—	—	10	18—4 „
Нептюн	21,9	—	—	10	16—4 „
Сен-Винсент	21,9	—	—	10	18—4 „
6-я дивизия					
Мальборо	21,8	—	10	—	12—6 „
Ривендж	21	8	—	—	16—6 „
Херкулес	21	—	—	10	16—4 „
Эджинкор	22,5	—	—	14	20—6 „
V эскадра					
Барам	25	8	—	—	16—6 „
Валиент	25	8	—	—	16—6 „
Уорспайт	25	8	—	—	16—6 „
Малайя	25	8	—	—	16—6 „
Итого		—	43	120	104	—

ГЕРМАНСКИЙ
„Флот открытого моря" Шеер
Линейные корабли

Наименование	Ход в узлах	Артиллерия 12-дм.	11-дм.	Средн.
I эскадра				
Фридрих дер-Гроссе	23,5	10	—	14—6 дм.
Остфрисланд	20,8	12	—	14—6 „
Тюринген	20,8	12	—	14—6 „
Гельголанд	20,8	12	—	14—6 „
Ольденбург	20,8	12	—	14—6 „
Позен	20	—	12	12—6 „
Рейнланд	20	—	12	12—6 „
Нассау	20	—	12	12—6 „
Вестфален	20	—	12	12—6 „
III эскадра				
Кениг	20,5	10	—	14—6 „
Гр. Курфюрст	20,5	10	—	14—6 „
Маркграф	20,5	10	—	14—6 „
Кронпринц	20,5	10	—	14—6 „
Кейзер	20,5	10	—	14—6 „
Принц-регент Луитпольд	20,5	10	—	14—6 „
Кайзерин	20,5	10	—	14—6 „
II эскадра				
Дейтчланд	18	—	4	14—7 дм.
Позен	18	—	4	14—7 „
Шлезвиг	18	—	4	14—7 „
Шл.-Гольштейн	18	—	4	14—7 „
Ганновер	18	—	4	14—7 „
Гессен	18	—	4	14—7 „
Итого		—	128	72	—

АНГЛИЙСКИЙ
„Большой флот“ Битти
Линейные крейсера

Наименование	Ход в узлах	Артиллерия			
		15-дм.	13½-дм.	12-дм.	Средн.
I эскадра					
Лайон	28,3	—	8	—	16—4 дм.
Принцесс Ройаль	28,5	—	8	—	16—4 „
Кюин Мери	28,5	—	8	—	16—4 „
Тайгер	28,5	—	8	—	16—4 „
II эскадра					
Нью-Зиланд	26,4	—	—	8	16—4 „
Индефэтигибль	26,7	—	—	8	16—4 „
III эскадра					
Инвинсабль	26,6	—	—	8	16—4 „
Инфлексибль	26,5	—	—	8	16—4 „
Индомитебль	26,1	—	—	8	16—4 „
Итого	—	—	32	40	—

ГЕРМАНСКИЙ
„Флот открытого моря“ Хиппер
Линейные крейсера

Наименование	Ход в узлах	Артиллерия		
		12-дм.	11-дм.	Средн.
Лютцов	28,5	8	—	12—6 дм.
Дерфлингер	28,5	8	—	12—6 „
Мольтке	—	—	10	12—6 „
Зейдлиц	—	—	10	12—6 „
Фон-дер-Тан	28,1	—	8	10—6 „
Итого	—	16	28	—

ЛЕГКИЕ СИЛЫ

АНГЛИЧАНЕ

Эскадра легких крейсеров

I эскадра	4	крейсера
II „	4	„
III „	5	„
IV „	5	„
Кроме того:		
При главных силах	4	„
I эскадра брон. крейсеров	4	„
II „ „ „	4	„
Итого	30	крейсеров

ГЕРМАНЦЫ

Разведочные группы легких крейсеров

2-я группа	6	крейсеров
4-я „	5	„
Итого	11	крейсеров

МИНОНОСЦЫ:

IV флотилия, XII „, I „, IX „, X „, XIII „ } всего . . . . 72 миноносца.

II флотилия, VI „, IX „, I „, III „, V „, VII „ } всего . . . . 72 миноносца.

Таким образом в бою участвовало:	Англичане	Немцы
Новых линейных кораблей	28	16
Устарелых	—	5
Линейных крейсеров	30	11
Легких крейсеров	30	11
Миноносцев	72	72

Прим. перев.

двигаться на восток-юго-восток, чтобы задержать и обыскать это судно. Это была первая из многих шуток судьбы. Дело в том, что и германский легкий крейсер, прикрывавший левый фланг Хиппера, «Эльбинг» также заметил пароход и решил разузнать, что это такое. Через несколько мгновений оба ничего не подозревавших врага заметили друг друга и предупредили об этом своих начальников.

Таким образом иностранный торговый пароход не только привел к Ютландскому бою, но вероятно стоил британцам решающей победы. Если бы не было этой случайной встречи, оба флота, пожалуй, встретились бы значительно севернее, когда германцы были бы дальше от укрытия и ближе к пасти Джеллико.

Теперь дорога была каждая минута.

В 2 часа 20 мин. дня «Галатея» сигнализировала:

«Противник в поле зрения: два крейсера, по всей вероятности вражеские, двигаются с юго-востока, курс неизвестен».

Едва был услышан звук орудийных выстрелов с далекой «Галатеи», как Битти в 2 час. 32 мин. дня вновь повернул на юго-восток, чтобы отрезать путь отступления крейсерам противника. К несчастью, сигнал Битти о повороте, переданный флагами, из-за дыма и отсутствия ветра не был прочтен эскадрой линейных кораблей Ивен-Томаса, которая шла за Битти на расстоянии 5 миль. Поэтому Ивен-Томас повернул только в 4 час. 40 мин. дня и потому очутился в 10 милях позади броненосных крейсеров Битти.

Высказывалось мнение, что подача сигналов могла быть сделана проще и действительнее вспышками прожекторов,— довод, который нечем опровергнуть. Говорилось также, что Ивен-Томас должен был повернуть по личной инициативе, когда увидел (так как он не мог этого не видеть), что Битти поворачивает,— довод, который можно подвергнуть серьезной критике, если учесть приказы, полученные Ивен-Томасом, и незнакомство его с тактическими намерениями Битти. Далее утверждали, что, во-первых, Битти сам должен был действовать поспешнее, а, во-вторых, он должен был дать возможность Ивен-Томасу нагнать его, либо продолжать двигаться в северном направлении, пока Ивен-Томас заворачивал, либо, что еще лучше, остановиться и подождать подхода его прежде, чем самому повернуть. Но это идеальное решение совершенно не учитывает условий обстановки — ни физических, ни психологических.

И Джеллико и Битти плыли не спеша. И по мере того как проходили часы, надежды на встречу с врагом все более и более меркли. В этом отношении существенную роль сыграла также передача адмиралтейством по радио сообщения, что германский флот все еще находится в местах своих стоянок.

Если должным образом учитывать неясность обстановки, то Битти повидимому принял свое решение достаточно быстро и обдуманно. Что касается самого решения, то он имел все основания, учитывая предшествовавший опыт, опасаться, как бы германские крейсера не ускользнули из его рук. Мало было основа-

ний подозревать, что крейсера эти маскируют более значительные силы. В худшем случае Битти мог рассчитывать столкнуться с германскими крейсерами, последних же было только пять, тогда как он имел их шесть [1]. Хотя Битти и обладал скорее порывистым, чем расчетливым темпераментом, его прошлый опыт, как и общая стратегическая обстановка, здесь, пожалуй, оправдывали его действия: решение отказаться от дополнительной силы ради выигрыша нескольких лишних минут.

Решив, что крейсера противника видимо следуют за «Галатеей» на северо-запад, Битти сам постепенно стал менять свой курс, пока не повернул на северо-восток. Вследствие этого он и Хиппер оказались идущими навстречу друг другу. Около 3 час. 30 мин. дня они увидели друг друга. Хиппер быстро повернул, чтобы отступить к своих главным силам, но Битти также правильно повернул и пошел параллельным курсом. В 3 час. 45 мин. дня обе стороны открыли огонь с дистанции около 9 миль. Благодаря тому, что солнце било им в глаза, британцы ошиблись в определении дистанции и не только потеряли преимущества, даваемые их орудиями, бьющими дальше германских, но и вообще отвратительно стреляли.

Британский же флот проектировался на западной стороне неба, поэтому условия стрельбы складывались для германцев благоприятнее. Вскоре после 4 час. дня британцев постигла катастрофа Снаряд с «Лютцова», флагманского судна Хиппера, попал в среднюю башню «Лайон» — флагманского судна Битти. Один из моряков, майор Хорвей, которому снарядом оторвало обе ноги, сумел, прежде чем умереть, передать по переговорной трубе приказ затопить пороховые погреба и этим спас крейсер от взрыва. Но «Индефэтигибль», пораженный тремя снарядами с «Фон-дер-Танн», вышел из строя. Новое попадание заставило его перевернуться, и он затонул с 1 000 людьми. К счастью, в этот критический момент Ивен-Томас, срезая углы, приблизился на дистанцию действительного огня, и его меткий обстрел несколько понизил точность германского огня, хотя плохое качество британских снарядов (которые взрывались, не пробивая брони) спасло германцев от серьезных повреждений. В 4 час. 26 мин. дня германцы нанесли противнику новую рану: в «Кюин Мери» попал залп противника. Крейсер взорвался и затонул со всей командой в 1 200 человек. Их могила и могила судна была отмечена гигантским столбом дыма, поднявшимся вверх на 800 футов. Таким образом у Битти против пяти судов врага осталось только четыре судна. К этому времени и «Принцесс Ройаль» почти мгновенно исчезла в зловещем облаке дыма и водяных брызг, а сигнальный с «Лайон» лаконически донес: «Принцесс Ройаль» взорвана, сэр!» На это Битти также кратко сказал своему флаг-капитану: «Шатфильд, что-то чертовски не везет сегодня нашим проклятым судам; возьмите на два румба левее к противнику!»

---

[1] Адмирал Хиппер с кораблями: «Лютцов», «Дерфлингер», «Зейдлиц», «Мольтке», «Фон-дер-Тан». Сэр Битти — с «Лайон», «Принцесс Ройаль», «Кюин Мери», «Тайгер», «Нью-Зеланд» и «Индефэтигибль».— Прим. перев.

Это был красивый жест и дань его геройской выдержке, но кризис со вступлением в бой эскадры Ивен-Томаса фактически уже миновал. Появление эскадры Томаса расстроило ловушку, в которую Шеер собирался поймать Битти. Вместо того чтобы поймать Битти в тиски, образуемые Хиппером и своими главными силами, Шеер вынужден был отправиться непосредственно на помощь Хипперу.

В 4 час. 33 мин. дня эскадра легких крейсеров, двигавшихся в 2 милях впереди флагманского судна Битти «Лайон», заметила флот Шеера на юго-востоке и сигнализировала эту новость Битти.

Эскадра смело продолжала итти тем же курсом, пока ей определенно не удалось установить, что это германский «Флот открытого моря». Затем командующий эскадрой послал радиодонесение непосредственно Джеллико, который уже увеличил скорость своего движения и шел навстречу Битти.

Битти продолжал итти прежним курсом, пока не заметил корабли Шеера. Повернув в 4 час. 40 мин. дня кругом (на 180°), он поспешил на север, навстречу Джеллико. Поворот был сделан своевременно, чтобы суда Битти, служившие теперь приманкой, были видимы Шееру, но вместе с тем не попадали бы в сферу действительного огня последнего. Но сигнал о повороте, снова переданный флагами, опять-таки не был замечен Ивен-Томасом, который продолжал придерживаться своего курса на юг, пока он не прошел точки поворота Битти на север. Благодаря этому он попал под огонь головных линейных кораблей Шеера и стал одновременно приманкой для Шеера и щитом для Битти во время движения последнего на север.

Опасность, которой подвергалась группа судов Битти во время последовательного поворота в одной точке, частично была предупреждена геройской отвлекающей атакой противника миноносцами британцев. Двое из этих судов были искалечены и беспомощно уносились волнами на курс германского флота. Со славным бесстыдством они выпустили в неприятеля свои последние мины, пока не были буквально изрешетены снарядами. Германские миноносцы все же рыцарски остановились и подобрали уцелевших.

Между тем оба великих флота мчались навстречу друг другу: Шеер в полном неведении, а Джеллико, зная о приближении врага, но не зная точно его курса. От этого однако должны были зависеть распоряжения Джеллико. К несчастью, туман стоял не только над Северным морем, но владел и умами. Битти, возглавлявший в кильватерной колонне эскадры линейных кораблей, потерял при повороте на север соприкосновение не только с флотом Шеера, но даже и с Хиппером. Между тем последний шел в тумане параллельным курсом к Битти. Ивен-Томас, хотя все еще поддерживал соприкосновение с Шеером, не слал об этом донесений. Единственные донесения, которые получил Джеллико, пришли в самый момент отхода: четыре—от Гуденефа и одно—от Битти, радиомачта которого была снесена снарядом. Поэтому Битти пришлось передавать свои донесения через третьи руки.

Но значение этого отсутствия информаций о противнике было преувеличено. Дело в том, что флот германцев не изменил своего курса, а путаница в действительности возникла от того, что британцы не могли толком установить своего собственного местоположения: обнаружилась большая неувязка между счислением Битти и «Большого флота». В результате, когда оба флагманские судна сблизились и увидели друг друга, то оказалось, что «Лайон» находится в 7 милях дальше к западу, чем исчислял Джеллико. А в довершение всего и противник был обнаружен с правого борта «Большого флота» англичан, вместо того чтобы оказаться прямо перед ним (по носу). Более частые донесения Битти о своем местоположении могли бы, посредством вывода средних данных, привести к меньшему просчету.

Джеллико шел на юг компактной массой, широким строем фронта по-дивизионно, шестью параллельно двигавшимися колоннами, как гигантский гребень с шестью зубцами, протяжением от одного фланга к другому в 4 мили. Это—не боевое построение, так как при нем лишь незначительное число всех имевшихся орудий могло при встрече с противником стрелять вперед. Для того чтобы развить максимум огня, суда должны стать бортом и быстро перестроиться, развернувшись по правой или левой дивизии в кильватерную колонну. Если противник открылся бы прямо по носу, то флот должен был последовательным поворотом дивизий направо или налево развернуться и дать залп по неприятелю всеми бортовыми орудиями. «Большому флоту» для такого развертывания надо было только 4 мин., но при этом требовалось, чтобы противник открылся прямо по носу.

Другое дело, если бы противник оказался справа или слева. Тогда одна из колонн, обычно крайняя, должна была бы быстро вырваться вперед, а остальные завернуть и итти ей вслед. И в этом случае флотилия смогла бы образовать кильватерную колонну в течение 4 мин. Но чтобы выравняться, ей пришлось бы затратить значительно больше времени.

Посмотрим теперь, что же фактически случилось. Джеллико послал 3-ю эскадру линейных крейсеров Худа на поддержку Битти, но из-за ошибки в счислении эскадра вышла не прямо к месту боя, а прошла слишком далеко на восток. Поэтому, сама того не сознавая, эскадра Худа стала верхней челюстью капкана, в который не подозревавший опасности Хиппер готов был всунуть свою голову. Между тем Хиппер все еще продолжал плыть параллельным курсом к Битти, но вне поля его зрения. В 5 час. 40 мин. вечера Хиппер внезапно вновь увидел Битти с западной стороны и, попав под огонь, несколько уклонился к востоку. Затем он услышал грохот орудий эскадры Худа, открывшей огонь по его легким крейсерам. Встревоженный Хиппер в 6 час. 34 мин. вечера повернул, чтобы попытаться уйти в юго-восточном направлении, но ему это не удалось: его легкие крейсера были атакованы четырьмя миноносцами Худа. Хиппер вообразил, что это передовые разведчики главных сил флота Джеллико. Поэтому он вновь отклонился на юго-запад.

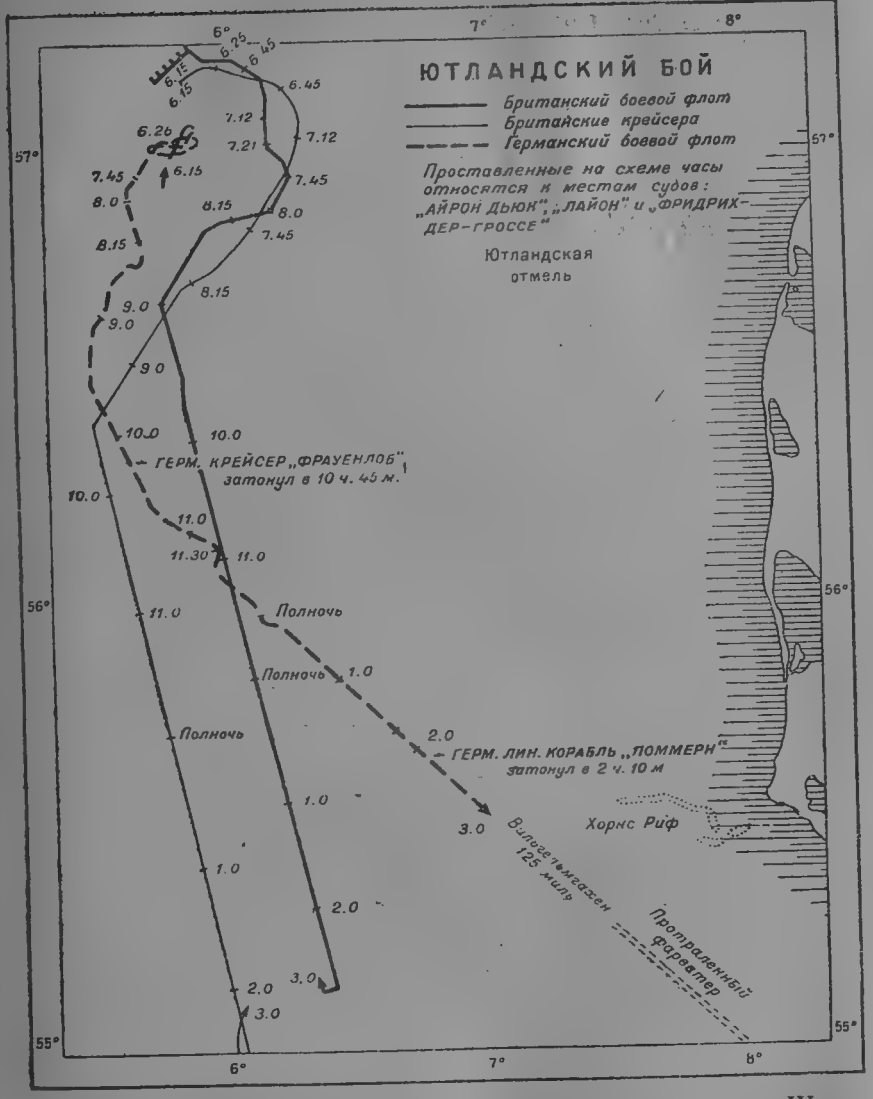
Между тем Джеллико и Битти обнаружили друг друга лишь не-

задолго до 6 час. вечера, хотя их передовые крейсера установили взаимную зрительную связь еще в 5 час. 30 мин. вечера, находясь тогда в 5 милях друг от друга. В 6 час. 01 мин. вечера Джеллико запросил: «Где флот противника?» Ответа на это ему дано не было. Битти был весь поглощен «исчезновением» своего собственного противника, следуя за ним по длинной охватывающей дуге, которая случайно вела Битти поперек фронта Джеллико. В 6 час. 10 мин. вечера Джеллико повторил свой вопрос. 4 мин. спустя Битти почти одновременно с Ивен-Томасом донес о местоположении противника. Оба эти донесения позволили Джеллико грубо определить позицию Шеера, но не курс, по которому он шел. Курс этот фактически был северо-западным, вслед Хипперу.

Не прошло и минуты после получения донесения Битти, как Джеллико принял свое решение и отдал приказ о развертывании влево. 2 мин. спустя его правый фланг, выполняя захождение налево, открыл огонь. Кое-кто утверждал, что Джеллико должен был развернуться раньше, но это значило бы действовать, имея крайне неточную и недостаточную информацию, рискуя поставить себя в невыгодное положение. Возражали, что он должен был развернуться по правому флангу. Но это означало рисковать тем, что противник пересечет голову его фронта раньше, чем самому Джеллико удастся перерезать линию фронта противника, и быть заранее уверенным, что пока линия не выправится (а на это уйдет 22 мин.), только часть — хотя и большая часть — его судов сможет вести огонь. Возражали (и это возражение выдвинул Черчилль), что Джеллико должен был развернуться по одной из своих центральных дивизий. Этим он сэкономил бы 7 мин., а кроме того воспользовался бы преимуществом развертывания несколько ближе, хотя и не слишком близко к подходившему противнику. Но все это было бы более сложным и редко практикующимся маневром и означало бы по крайней мере то, что огонь левого разветвления (вилки) хвоста временно был бы стеснен.

На деле развертывание, проведенное Джеллико, обеспечивало достаточно времени, чтобы пересечь голову колонны судов противника, проделав исторический и убийственный маневр «пересечения буквы Т». Во-вторых — огонь любого его крейсера или корабля не был бы стеснен другими судами во время выравнивания в линию. Повидимому не на твердой почве построена и критика, утверждающая, что неразумно было отказаться от выгод, которое могло дать развертывание дальше от противника. Между тем это скорее явилось преимуществом. Дело в том, что Шеер намеревался сразиться с «Большим флотом» только в том случае, если ему будет обеспечено преимущество. Действительно, достаточно было Шееру увидеть, что линия судов Джеллико, скрытая в течение некоторого времени дымом крейсеров завесы, действовавших на промежуточном пространстве, видимо собирается «пересечь Т», как в 6 час. 30 мин. вечера Шеер решил резко повернуть «все вдруг» и лечь на противоположный курс. Это было ловким маневром: корабли поворачивались кругом каждый в своей точке, в итоге вся линия судов в кратчайший срок могла выйти

СХЕМА 11



из сферы действительного огня противника. Поспешность Шеера объясняется тем, что он ошибся и принял линейные крейсера Худа за головные суда главных сил Джеллико, считая, что маневр британцев быстрее разворачивается, чем это было на самом деле. Его ошибка была невыгодна для его противника.

Джеллико фактически в 6 час. 25 мин. вечера дал сигнал повернуть судам на юго-юго-восток по полудивизиям с целью ближе подойти к противнику. Но он задержал свой приказ, убедившись, что хвост колонны еще не выравнялся. Выравнивание это так и не было достигнуто, когда Шеер под прикрытием атаки миноно-

цев и выпущенной им дымовой завесы проделал свой поворот «все вдруг!» и через несколько минут его поглотил туман. Хотя несколько головных судов германской колонны серьезно были повреждены снарядами, но целиком был потерян лишь один из линейных крейсеров Хиппера — «Висбаден». Но прежде чем исчезнуть, Хиппер уничтожил еще один британский крейсер — «Инвинсибль» и оставил другой тонувшим.

Наиболее важным по своему значению фактом при отступлении Шеера было то, что он повернул на запад, прочь от своей гавани. Если бы он заметил на своем фланге боевой флот британцев, а это случилось, если бы Джеллико иначе провел развертывание, то Шеер естественно повернул бы не «все вдруг», а направо и таким образом отошел на свои гавани. Поэтому лучшим оправданием решения Джеллико является то, что это позволило ему отрезать путь отступления Шеера. Решение это сверх того заставило германский флот проектироваться на светлой западной части неба.

Этот удобный случай Джеллико быстро использовал. Заняться непосредственной охотой на Шеера, когда английский флот находится в 6 милях за германским, а в распоряжении оставалось только 2 часа дневного света, было мало обещающим предприятием. Затем это подвергло бы боевую флотилию риску нарваться на мины, выпущенные противником, и на атаку его миноносцами, а этого Джеллико хотел избежать.

Вместо этого он в 6 час. 44 мин. вечера приказал каждой дивизии взять курс на юго-восток. В результате этого маневра флот вновь шестью колоннами расположился уступом назад, подобно лестнице, слева направо.

В следующие четверть часа Джеллико сделал еще два частичных поворота. Это привело его к маневрированию между невидимыми германцами и их линией отступления, в то же время подводя его ближе к ним.

Только надвигавшаяся темнота и увеличивавшийся туман могли сорвать выгоды, выигранные Джеллико его искусным маневром. Все же одно критическое замечание кажется вполне уместным: по инициативе Битти либо по приказам Джеллико линейные крейсера «Большого флота», главная роль которых заключалась в том, чтобы быть «щупальцами» для него, должны были резко завернуть кругом и попытаться сохранить соприкосновение с противником. Фактически же линейные крейсера были еще дальше от противника, чем главные силы «Большого флота».

Противник все же собирался сам, на свое горе, установить соприкосновение с британцами. Ускользнув из одной западни, он чуть не попался в другую, созданную, главным образом, его собственными просчетами. Дело в том, что, проплыв на запад около 20 мин., Шеер внезапно изменил свой курс и вновь лег на восток, появившись из тумана почти на том же месте, что и раньше. Он отстаивает в своих последующих писаниях, что мыслью его являлось нанести второй удар, сохранив, таким образом, инициативу и поддержав престиж германцев.

Утверждение это не делает ему чести, так как ни один хороший тактик не пошел бы ради такой цели в середину превосходившего его британского флота. Логически гипотеза эта скорее объясняется тем, что он думал прорезать хвост британской флотилии, получив одновременно возможность отрезать часть его и прорваться на дорогу, ведущую домой. Ведь, как он ранее указывал, он ошибся, приняв эскадру Худа за головные суда главных сил «Большого флота». Таким образом он переоценил расстояние, на котором шел «Большой флот». И когда Шеер вынырнул из тумана в 7 час. 10 мин. вечера, то оказался против центра расположенной «лестницей» линии британцев.

Тыловая эскадра англичан первая открыла огонь с дистанции всего лишь 5 миль. В ближайшие минуты к этому огню присоединилась и большая часть британского флота. Но Джеллико, быть может слишком опасаясь потерь, приказал своей тыловой эскадре построиться позади него, говоря на техническом языке, повернуть на восток и итти ему вслед. Этим он оттянул эскадру дальше от противника. А в этот момент и Шеер решил уйти. Он так торопился вырваться из лап Джеллико, что не только совершил новый «поворот», правда менее «чисто», чем первый, опять-таки пользуясь прикрытием дымовых завес и атак миноносцев, но и бросил свои броненосные крейсера в «рейд смерти».

Это оказалось наиболее действительным средством для спасения, так как, увидев еще на далеком расстоянии, как миноносцы выпускают мины, Джеллико отвел свои суда двумя быстрыми поворотами по два румба каждый (22,5° в общем). Этот поворот был маневром, который большинство во флоте признало наилучшим выходом и лишь меньшинство ядовито возражало, что угроза атак миноносцев была переоценена и что пользование этим маневром ведет к отрицанию наступательной ценности линейных кораблей и крейсеров.

Трудно решить здесь, кто прав и кто виноват. Можно притти только к логическому выводу, что если такая предосторожность была необходима, то она вместе с тем являлась признанием слабости судов и подтверждала, с какой легкостью наступательные попытки крейсеров и дредноутов могут быть парализованы несоизмеримо более дешевым боевым средством — миноносцами. В данном сражении эта предосторожность может быть оправдана тем, что только один британский линейный корабль пострадал от мин. Оправданием мнения меньшинства может служить то, что этот линейный корабль был мало поврежден миной и остался в строю.

Как средство спасти германский флот атака эскадренных миноносцев оказалась не только наиболее действительной, но и наиболее дешевой, так как всего один миноносец был затоплен контрударом британских легких крейсеров, между тем как германские крейсера серьезно пострадали. «Лютцов» был выведен из строя еще раньше, чем начался «рейд смерти», а остальные четыре крейсера повторно поражались снарядами британцев в те немногие минуты, пока сигнал Шеера об отбое не приостановил

исполнения над ними смертного приговора. Тактический эффект атаки миноносцев выразился исключительно в том, что в то время, как германский флот шел на запад, британский «Большой флот» уходил в противоположную сторону.

Четверть часа спустя, решив, что мины уже выпущены и опасность больше не грозит, Джеллико выправил свой поворот, уводивший его от противника, понемногу меняя курс к югу. Только в 8 час. вечера он повернул на запад. Это промедление безусловно заслуживает критики. Ведь для того, чтобы сохранить свое тактическое преимущество, которое заключалось в том, что он оказался поперек пути отступления противника, желательно было одновременно отогнать его прочь от побережья и не терять с ним соприкосновения. Тогда у противника меньше было бы шансов проскользнуть в темноте мимо подвижного заграждения британцев.

Особенно упирали на тот факт, что после того, как Битти в 7 час. 40 мин. вечера снова увидел противника, он десять минут спустя послал по радио следующее донесение Джеллико:

«Предлагаю приказать, чтобы головные линейные корабли следовали за мной. Тогда мы сможем отрезать весь неприятельский флот».

Но как красиво это ни звучит и как ни великолепен был замысел, историческое значение этого предложения умаляется тем, что прежде, чем оно было расшифровано и вручено Джеллико, последний уже сам повернул на запад, а сам Битти продолжал держать курс на юго-запад, как это явствует из его последующих донесений. Больше того, германский флот был уже отрезан от своей базы. Быть может Битти послал донесение Джеллико сгоряча, не разобравшись еще в обстановке, ибо его следующий приказ своим легким крейсерам, предлагавший установить голову колонны противника, плывшего теперь на юг, как-будто, говорит за такое объяснение. Больше того, ему удалось самому нащупать противника, так как, попав под огонь его эскадры после 8 час. 23 мин. вечера, германцы вновь быстро уклонились на запад. А то, что они благодаря этой встрече потеряли свой курс на юг, только помогло им позднее удачно проскользнуть мимо британского хвоста.

Лучший и безусловно единственный шанс сблизиться с германцами был упущен в те полчаса, которые последовали за их поворотом назад в 7 час. 20 мин. Теперь же основным вопросом являлось, удастся ли Джеллико преградить германскому флоту дорогу в течение ночи и быть уверенным, что с рассветом он сможет вновь атаковать, имея впереди целый день для боя и используя свое стратегическое преимущество, к которому теперь прибавилось и преимущество соотношения сил.

Когда около 9 час. вечера покров тьмы спустился над морем, он не только усилил туман всего этого дня, но превратил его в непроницаемую пелену. «Большой флот» англичан потерял преимущества, которые ему давали его дальнобойные орудия; миноносцы выиграли, так как они могли с меньшим риском ближе подходить к неприятелю, а флот в целом с трудом мог распознавать друга от недруга.

КИРИЛЛОВ КИРИЛЛОВ

Джеллико благоразумно отказался от случайностей ночного боя, так как это означало бы бесцельно рисковать своими силами. Поэтому он решил помешать противнику найти свободный путь домой в течение пяти с половиной часов ночи до рассвета.

Было три вероятных пути отступления, причем каждый из них вел по расчищенному каналу между минными полями, покрывавшими подступы к Гельголандской бухте и германским гаваням. Один путь на востоке вел на Хорнс-Риф и дальше вниз к датским берегам. Другой, более центральный, также вел мимо Гельголандской бухты. Третий — на крайнем юго-западе — начинался близ германского побережья и вел на восток. Расстояние до него было 180 миль. Это был самый дальний путь, а потому меньше всего можно было рассчитывать, что противник им воспользуется.

Джеллико справедливо мог опасаться, что хитрый противник захочет им воспользоваться, если бы этому не препятствовало одно очень важное обстоятельство: меньшая скорость хода германского флота по сравнению с британским. Если бы германский флот обладал равной или большей скоростью, последний путь предоставил бы германцам больше шансов и пространства, чтобы избежать британского охранения в течение ночных часов. Но этих данных не было, и германцы оказались достаточно умны, чтобы пойти на больший непосредственный риск, связанный с более короткой дорогой.

Джеллико не хотел совсем снять охранение с одного пути, чтобы лучше прикрыть два остальных. И он выбрал метод «облавы», который до известной степени примирял трудности прикрытия всех дорог. Такой метод действий оставлял германцам только один выход — прокрасться за Джеллико между колоннами главных английских сил и их арьергардами и проложить курс прямо на Хорнс-Риф.

Следовательно можно было полагать, что Джеллико проявит особое внимание ко всяким признакам попытки врага пройти позади него.

В 9 час. 17 мин. вечера Джеллико отдал приказ флоту на ночь лечь на курс юг и крейсировать. Линейные корабли были сомкнуты в три параллельные колонны. Курс был указан юг, а ход — 17 узлов в час. Миноносцы были скучены в 5 милях позади главных сил; такое расположение удлиняло двигавшийся барьер судов и защищало вместе с тем тыл флота против атак миноносцев противника, а, что самое важное, предупреждало риск ошибок при установлении в темноте идентичности того или иного судна. Если бы линейные корабли заметили миноносцы, или же наоборот миноносцы заметили корабли, то каждый знал бы, что туманные формы, движущиеся в темноте, это противник. Битти уже занял свое место на западном фланге «Большого флота», т. е. на фланге, обращенном к противнику, выдвинув вперед свои крейсера. Историческое значение этой ночной его позиции заключалось в том, что она исключала возможность всяких попыток со стороны германцев обогнуть британцев либо пройти южнее их. Таким образом эта позиция могла явиться еще одной причиной для осо-

бенной бдительности к малейшим попыткам противника пройти за спиной британского флота.

Построение «Большого флота» можно сравнить символически и метафорически со строением традиционного британского льва: дредноуты и легкие крейсера Битти были его носом и ушами, а миноносцы — хвостом. Но... нос ничего не почувствовал, уши же кое-что слышали и хвост слегка трепался, однако лев как целое оставался столь же величественно неподвижным, как и львы, окружающие колонну Нельсона.

Необходимо предварительно остановиться еще на одном, а именно — на решении Шеера. Оно было простым, нехитрым, что до некоторой степени облегчало задачу парирования его. Создается такое впечатление, что отчаяние в предвидении мрачных перспектив завтрашнего дня вдохновило Шеера принять это решение. Он остановил свой выбор на кратчайшем пути домой — Хорнс-Риф, готовый понести тяжелые потери, но прорваться во что бы то ни стало. В противовес Джеллико он по крайней мере чувствовал, что счастье ночной встречи скорее улыбнется ему и окажется другом его смелой попытки. Чтобы повысить свои шансы на удачу и увеличить свою безопасность, он поместил свои поврежденные крейсера и устарелые линейные корабли в голову колонны и прикрыл свой авангард щупальцами миноносцев и легких крейсеров.

Все было подготовлено для действия. Примет ли вызов властитель моря и ринется ли он вслепую в бой?

В 9 час. 32 мин. вечера «Лайон», флагманское судно Битти, запросило световыми вспышками другой крейсер «Принцесс Ройаль»: «Пожалуйста отзовитесь и отвечайте теперь открыто, так как их нет!». Повидимому ответ был частично виден и судам противника. Полчаса позднее несколько немецких крейсеров было замечено с «Кастор», который шел во главе британской флотилии миноносцев. Немецкие крейсера окликнули флотилию, воспользовавшись для этого перехваченным ими британским секретным паролем. Затем крейсера замигали прожекторами и открыли огонь. «Кастор» ответил таким же недружественным образом, но несколько миноносцев придержали свои мины из-за вполне естественного сомнения в идентичности крейсеров. Однако, эффект этой неудачи и упущенного удобного случая был позднейшими событиями далеко превзойден.

Дело в том, что с 10 час. 20 мин. вечера до 11 час. 30 мин. британский «хвост» неоднократно ввязывался в действия с противником, пытавшимся силой проложить себе путь. В 10 час. 20 мин вечера противник пытался протолкнуться сквозь легкие крейсера эскадры Гуденефа, но отошел после того, как легкий крейсер «Фрауенлоб» затонул, получив мину с сильно поврежденного английского миноносца «Соутгамптона».

В течение следующего часа британские миноносцы действовали с беспримерной лихостью, но и сами несли поражения. Легкий крейсер «Эльбинг» был протаранен германским линейным кораблем «Позен» и стал тонуть, а британский миноносец «Спитфайер» оказался достойным своего имени, протаранив герман-

ский линейный корабль «Нассау». После этого дерзкого и отчаянного поступка миноносец не только ушел целым и невредимым, но и унес на своем носу как вещественное доказательство своей удали длинную полосу брони «Нассау».

Германский флот еще раз отошел, но около 11 час. 30 мин. вечера, переменив курс, ринулся вновь вперед и на этот раз прорвался, хотя британские «шершни» тревожили его более часа, а германцы поплатились четырьмя кораблями.

Британские миноносцы и легкие суда проявили много геройства, но мало ума. Единственное поступившее к Джеллико донесение об этих стычках было от Гуденефа. Послано оно было в 10 час. 15 мин. вечера. Поскольку радио на «Соутгамптоне» было снесено снарядом, донесение попало к Джеллико лишь в 11 час. 38 мин. вечера. Можно найти еще некоторое оправдание легким судам, которые вели горячий бой с противником и потому не сумели послать донесения. Однако, даже те суда, которые не вели боя, ни одним словом не обмолвились о том, что они видели. 5-я боевая эскадра Ивен-Томаса также была позади главных сил «Большого флота», образуя промежуточное звено. Она великолепно знала о непрекращавшихся атаках, а два тыльных линейных корабля фактически видели и отметили, как несколько германских линейных кораблей «на всех парах уходили на восток». Но с небрежностью, которая кажется невероятной, если бы она не была горьким фактом, никто не позаботился и слова послать главнокомандующему, находившемуся впереди.

Но разве совсем не поступало разведывательных донесений, которые могли бы усилить подозрение Джеллико и, основываясь на которых, он мог бы действовать?

Джеллико получил два сообщения, посланные адмиралтейством. Это были перехваченные радиодонесения германцев. Первое указывало расположение германского флота к 9 час. вечера. Сообщение это не имело ценности, так как из-за ошибки позиция, указанная в нем, была явно неверной. Это обстоятельство заставило Джеллико недоверчиво отнестись и ко второму сообщению, которое к сожалению было черезчур верным. В нем устанавливалось, что германскому флоту в 9 час. 14 мин. вечера был отдан приказ отплыть домой, и указывались дисцозиция, курс и скорость хода. Но из-за другой несчастной случайности в нем был пропущен наиболее важный факт, заключавшийся во многих других донесениях противника, которые здесь были сведены в одно, а именно, что Шеер просил на рассвете провести воздушную разведку близ Хорнс-Риф. Это безусловно достаточно ясно говорило, что он хочет воспользоваться этой лазейкой. Сообщение это было получено в 11 час. 05 мин. вечера и прочтено после расшифровки около 11 час. 30 мин. вечера.

Другое донесение пришло Джеллико около 11 час. 30 мин. вечера и, таким образом, оно было прочтено уже после получения сообщения адмиралтейства. Оно было прислано легким крейсером «Бирмингам» и гласило, что «замечены бронированные крейсера, видимо неприятельские, отходящие на юг и на запад». К

несчастью, «Бирмингам» заметил их в тот момент, когда они убегали от атаки британских миноносцев.

Если Джеллико не был склонен доверять сообщению адмиралтейства, которое не побудило его ни к каким действиям, то вполне естественно, что два последние донесения, поступившие от «Соутгамптона» и «Бирмингама», только усилили его сомнения.

Интересно, но нелегко объяснить, почему Джеллико так упорно не хотел принять явных указаний на боевые действия, завязавшиеся позади. Ведь помимо этих двух донесений слышали возникшую перестрелку, а вспышки выстрелов видны были как на его флагманском судне, так и на других кораблях. Огонь этот явно велся легкими орудиями. Правда, это еще не говорило о присутствии бронированных крейсеров противника, но не являлось и доказательством того, что их тут не было, так как крейсера, завязав ночью бой с легкими британскими силами, вполне естественно должны были ввести в дело свое более легкое вооружение.

Любопытен и тот факт, что Джеллико сделал только одну попытку, именно в 10 час. 46 мин. вечера, запросить, что является причиной стрельбы, а формулировка его сигнала навязывала предвзятую мысль, что это просто атака миноносцев противника. Таким образом можно притти к выводу, что если отсутствие у Джеллико ясного понимания обстановки является результатом небрежности его подчиненных, то недостаток подозрительности всецело лежит на его ответственности. Это и спасло Шеера.

Но пока германский флот не оказался в безопасности и на свободе, произошло еще одно более серьезное столкновение. В тусклом предрассветном освещении приближение врага заметила XII флотилия миноносцев капитана Стирлинга. Стирлинг (как исключение, когда это должно было быть правилом!) послал по радио одно донесение Джеллико в 1 час 52 мин. ночи, раньше, чем он вступил в бой с противником, а другое — во время самого боя. Атака его миноносцев взорвала и потопила германский линейный корабль «Поммерн», сделав этим больше, чем удалось всему «Большому флоту» англичан.

Но донесения не дошли до Джеллико. Таким образом британский «Большой флот» безмятежно продолжал крейсировать, держа курс на юг, а германцы в это время были уже на пути домой.

Когда стало рассветать, то Джеллико в 2 часа 39 мин. утра повернул кругом и поплыл на север, надеясь увидеть германский флот, а нашел пустое море. Затем пришло новое сообщение от адмиралтейства, в котором говорилось, что германский флот находится близ Хорнс-Риф. На этот раз сообщению поверили. Поискав отставшие суда противника и не найдя их, «Большой флот» в свою очередь направился домой.

В общем итоге он потерял: 3 линейных крейсера, 3 бронированных крейсера и 8 миноносцев. Германцы потеряли: 1 линейный крейсер, 1 линейный корабль, 4 легких крейсера и 5 миноносцев. Потери британцев в офицерах и матросах выражались в 6 097 убитых; пленных не было. Германцы потеряли 2 645 убитыми и 174 пленными.

В конечном счете ценность единственного морского «сражения» мировой войны была во всех отношениях ничтожна. Установить какую-либо связь между этим сражением и окончательной и бескровной сдачей германского флота, последовавшей 2½ года спустя, абсурдно, а говорить об этом смешно.

Если Ютландский бой мог воодушевить германцев искать решительного столкновения в открытом море, то вместе с тем он мог и разочаровать их. Они выиграли свою первую ставку, поставив ее на свои крейсера, а их отличная артиллерийская стрельба дала им честь оказаться «вне конкурса». При второй ставке — их обошли, а поставив третью ставку, они выкинули несколько хитрых ходов, пока игра не была сорвана.

Как молодое и еще неопытное создание германский флот безусловно чувствовал себя слабее флота, который мог похвастаться непревзойденным списком побед и «нельсоновскими традициями». Ютландский бой рассеял этот страх неопытного «новичка» перед известным «неизвестным».

Через 3 месяца германский флот вновь сделал смелую попытку захватить врасплох британцев. Под прикрытием воздушных дозоров германский флот 19 августа подошел почти вплотную к английскому побережью с целью обстрелять Зундерланд и на эту приманку заманить к югу «Большой флот» в ловушку, где его поджидали подводные лодки. Бой опять был сорван чрезмерной осторожностью и случайным происшествием. Один из передовых крейсеров Битти взорвался на мине, и Джеллико, подозревая, что впереди устроено новое минное заграждение, повернул обратно, держа в течение двух часов курс на север. Когда он вновь лег на юг, германский флот уже ушел. Уход его был вызван тем, что Шеер получил сообщение о приближении крупных британских сил. В самом деле с юга подходила эскадра легких крейсеров из Гарвича, и Шеер сгоряча решил, что это «Большой флот». Если это было верно, то британский флот не только избежал его западни, но в свою очередь угрожал теперь отрезать германский. Поэтому Шеер повернул домой.

Для британского флота было бы лучше, если бы Ютландский бой вовсе не происходил. Он безусловно подорвал в глазах союзников морской престиж Британии и поколебал доверие к нему в самой стране. Этому не могли помочь отдельные геройские поступки и тот факт, что Британия не потеряла своего господства на море. Господство это обеспечило неизбежное падение сил Германии и неспособность ее продолжать войну. Но победоносного, решающего морского сражения не было и оно не помогло, как должно было помочь, сократить тяжелый и дорогой процесс изнурительной войны на суше. Ютландское сражение просто обеспечило то, что фактически уже было обеспечено и без сражения, поскольку британский флот сохранял свое пассивное превосходство сил и раньше.

Это — общие рассуждения. С технической же стороны Ютландский бой более значителен, хотя и меньше располагал к энтузиазму. Он показал, что германские достижения в артиллерийском деле намного выше, чем признавало это общественное мне-

ние в Англии. Сражение это заставляло также менее благоприятно думать о британской морской артиллерии.

В материальной части Ютландский бой показал, что адмиралтейство и его технические советники не сумели предвидеть или использовать опыт так же хорошо, как это удалось германцам. Помимо более низких бронебойных свойств британских снарядов, необходимо отметить и недостаточную защиту британских судов против пожаров, особенно против проникновения в пороховые погреба искр от взрывов в орудийных башнях. Это явилось по всей вероятности причиной таинственного внезапного конца «Кюин Мери» и Индефэтигибль». Более удачна была бы постройка больших крейсеров, в которых часть брони приносилась бы в жертву, хотя бы ради небольшого увеличения скорости. Быстроходность сама по себе косвенно дает в значительной степени защиту, но, главным образом, защиту может дать уменьшение размеров цели в смысле большей трудности для противника поразить ее. Таким образом, в этом смысле для действительной защиты необходимо уменьшение размера, а не просто некоторое уменьшение брони ради выигрыша нескольких лишних узлов.

Тактическая сторона Ютландского боя вызвала гораздо больше критики и привела к большим противоречиям, чем техническая сторона.

Критику основного замысла труднее парировать, чем критику фактического руководства этим боем. Пренебрежение моряков к изучению тактики, отсутствие морских тактических учебников и тайна, которой, как это принято, окружают скудные инструкции, всегда вызывали изумление у сухопутных военных, которые знают из истории и опыта, что хорошая и гибкая тактика в армии является, главным образом, продуктом бесконечного размышления и дискуссии многих умов.

Изучающим военную историю известно, что попытка держать тактику в секрете губительна и ведет к гибели того, кто этим пользуется. Никакой тайной не была окружена тактика, при помощи которой Александр Македонский, римляне, монголы, Густав-Адольф, Фридрих Прусский и пехота Веллингтона неоднократно одерживали свои славные победы. Только беспримерная гармония в действиях, достигаемая частой практикой и взаимным пониманием, давала им такие преимущества, которых не мог добиться ни один соперник и подражатель. Секретность ведет к окостенению тактики; открытая дискуссия и критика — к гибкости и разумной инициативе подчиненных при встрече с неизвестным в боевой обстановке.

Самое существенное в критике морской тактики за время мировой войны заключается в том, что здесь недооценивался основной принцип тактики — гибкость. Более того, флот сражался в Ютландии как одно целое и действовал так, как действовали армии в донаполеоновские времена, пока Наполеон не развил системы самостоятельных дивизий. Тактически флот оказался безруким калекой. Поэтому, как Джеллико искусно ни маневрировал своим флотом, он не мог безусловно надеяться сковать против-

ника. А сковывание противника — жизненно необходимая предпосылка к решающему маневру. Это действие дает двойное значение старой истине: «Расчленяй, чтобы победить!». Британский флот, к сожалению, оказался слишком «единым и неделимым».

Это, главным образом, и тяготело над Джеллико. Поэтому руководство Джеллико флотом в день 31 мая может быть оценено, если мы учтем всю неясность обстановки, как искусные, хотя и чрезмерно осторожные действия.

В 1916 г. неясность обстановки достигла своего предела, так как воздушная разведка не была еще соответствующим образом развита как корректив к далеким дистанциям, возникшим благодаря прогрессу артиллерии.

Что касается часто критикуемого развертывания Джеллико на левом фланге, то оно по всей вероятности в данной обстановке было наиболее удачным, хотя восхваляющие это решение склонны проглядеть то обстоятельство, что проведено оно было не без помех (и здесь были теневые стороны). При таком развертывании крейсерам Битти требовалось больше времени, чтобы уйти с линии фронта. Таким образом они мешали ведению огня и вызвали ряд задержек — те же недочеты, которые были выдвинуты и против предложения Черчилля — развертывания из центра.

Уроки этой ночи нами были подытожены выше. Единственный оставшийся еще вопрос заключается в том, не следовало ли Джеллико воспользоваться предоставившейся возможностью предупредить попытку противника к прорыву, используя свои миноносцы наступательно, а не оборонительно, как довесок к боевому порядку?

Но если, не обращая внимания на всю критику, мы согласимся, что руководство боем Джеллико является безупречным мастерством, с чем соглашаются многочисленные поклонники флота, то это признание лишь усиливает убеждение, что худшая ошибка Ютландского боя в том, что он вообще был затеян!

ГЛАВА VI

1917 г.—НАПРЯЖЕНИЕ УСИЛИЙ

Несмотря на непрекращавшиеся в течение двух лет, со времени инцидента с «Лузитанией» провокации,—президент Вильсон продолжал придерживаться своей политики нейтралитета. Хотя его чрезмерное терпение и сердило многих американцев, но оно, по крайней мере, сплотило общественное мнение Америки и убедило американский народ в необходимости вмешаться в войну. Все это время президент старался своими речами и при посредничестве полковника Хауз, своего неофициального посланника, найти общий язык для разговоров о мире, на которые согласились бы пойти враждовавшие стороны. Но попытки его были заранее обречены на неудачу, так как Вильсон не понимал разницы между психологией народа в состоянии войны с кем-либо и народа, целиком втянутого в войну. Вильсон все еще мыслил понятиями обычной традиционной войны,— войны двух правительств,— между тем как борьба давно уже втянула в свою орбиту целые нации, от мала до велика. Примитивные инстинкты уже разгорелись.

Объявление неограниченной кампании подводной войны достаточно убедительно подтвердило полную бесплодность надежд на мир и раскрыло действительные намерения германцев. Когда за этим последовало систематическое и сознательное потопление американских судов и попытка спровоцировать Мексику на выступление против Соединенных штатов, то президент Вильсон перестал колебаться, и 6 апреля 1917 г. Америка объявила Германии войну.

Потенциально мощь ее в людях и средствах была значительна. Но так как Америка была еще менее готова к войне, чем Британия в 1914 г., то много воды должно было утечь, пока Америка помимо моральной поддержки смогла оказать своим союзникам

действительную поддержку. Германия же втайне мечтала, что подводная война даст решающие результаты в течение одного или двух месяцев. Достижения Германии в этой области в 1917 и 1918 гг. подтверждают, как близки были к истине ее расчеты. 1916 г. окончился для Антанты уныло и беспросветно. Одновременное наступление на всех фронтах, задуманное еще в предшествующем году, не удалось. Дела французской армии были плохи. Операции на Сомме не удалось привести к видимым результатам, которые хоть сколько-нибудь окупили бы ту высокую цену, которая была за них заплачена. Еще один новый союзник оказался разгромленным и выведенным из строя. Результаты Ютландского сражения разочаровали союзников, на очереди была вторая подводная кампания Германии, еще более серьезная, чем первая.

Антанта могла похвастаться только захватом далекого Багдада и ограниченным успехом Италии в Горице (Гёрце) в августе 1916 г., причем вся ценность его заключалась в том, что он послужил моральным стимулом для самой Италии.

Среди народов Антанты и их политических представителей росло чувство депрессии. С одной стороны, оно выливалось в форму недовольства тем, как велась сама война, с другой стороны, в неверие и отказ от надежды победоносно закончить войну и в стремлении путем переговоров обсудить возможные условия мира. Первая из указанных тенденций прежде всего была отмечена в Лондоне — центральной пружине механизма политики союзников — сменой 11 декабря правительства Асквита правительством, во главе которого стал Ллойд-Джордж.

Порядок старшинства событий имеет серьезное значение. Дело в том, что Ллойд-Джордж был выдвинут на новый пост как представитель широко распространенного требования более энергичного, равно как и более эффективного ведения войны.

Вторая тенденция получила толчок, главным образом, в германском мирном выступлении от 12 декабря, после падения Бухареста, когда Германия предложила открыть мирные переговоры. Предложение это было отвергнуто союзными правительствами как неискреннее, но оно позволило президенту Вильсону (по поручению которого полковник Хауз давно уже зондировал враждующие правительства с целью склонить их к переговорам) придраться к случаю и предложить последним уточнить свои требования, что должно было явиться предварительной стадией к открытию переговоров.

Германия ответила уклончиво, а ответ Антанты был оценен ее противниками неприемлемым; таким образом, попытка к миру заглохла. Но в то время как эта волна депрессии прокатилась по тылам, союзные командующие на фронте не теряли своего оптимизма.

В ноябре Жоффр устроил в Шантильи новое совещание командующих, которое единогласно решило, что положение германцев на Западном фронте крайне тяжело, а положение союзников благоприятнее, чем когда-либо.

Боевая сила британской армии во Франции возросла до 1 200 000 человек, и рост ее продолжался. Боевая сила французс-

ской армии увеличилась включением в нее туземных войск до 2 600 000 человек. Таким образом, включая и бельгийцев, союзники располагали около 3 900 000 человек против 2 500 000 германцев.

Однако, Жоффр все же заявил, что французская армия сможет сохранить свою мощь еще для одного крупного сражения, после чего мощь армии прогрессивно будет уменьшаться, так как Франция больше не имеет достаточного числа мужчин, годных для военной службы, чтобы возмещать потери. Поэтому Жоффр предупредил Хейга, что в течение грядущего года тяготы войны все больше и больше должны будут лечь на плечи британской армии. Пришли также к заключению, что вследствие этих обстоятельств относительное превосходство союзников на Западном фронте к весне 1917 г. будет больше, чем в любое другое время в будущем. Решено было воспользоваться первым удобным случаем, чтобы развить выгоды, полученные на Сомме, и продолжить процесс истощения резервов противника как подготовку к операции, которая должна стать решающей.

Иное предложение было сделано генералом Кадорна: он стоял за взаимодействие французских и британских армий в комбинированном ударе с итальянского фронта против Австрии, с целью разгромить и вывести из войны этого более слабого противника, но предложение это было отклонено французскими и британскими генералами, несмотря на то, что Ллойд-Джордж поддержал Кадорна на январской конференции союзников, состоявшейся в Риме. Возражения, которые они выдвигали, заключались в том, что такая операция связана с новым отвлечением сил с главного фронта борьбы, ибо только здесь, по их мнению, успех мог привести к решающим результатам.

Планы Антанты на 1917 г. вскоре осложнились сменами в командовании. Французское общественное мнение устало от незначительных результатов стратегии измора, проводимой Жоффром. Метод ограниченных наступлений впал в немилость, так как они были сопряжены с громадными потерями, которые не компенсировались никакими реальными, осязаемыми результатами. Французское общество сравнивало медленные и жалкие достижения стратегии Жоффра с блестящими результатами, достигнутыми Манженом под Верденом осенью под руководством Нивеля. Жоффр уступил свое место Нивелю, который сулил привести к настоящему прорыву. Уверенность его настолько заразила Ллойд-Джорджа, нового британского премьер-министра, что Хейг был подчинен Нивелю на время предстоявшей операции, акт которой в корне противоречил аксиоме, что генерал не в состоянии успешно руководить армией, если он одновременно руководит в дополнение и другой армией.

При выполнении плана, построенного, главным образом, на дерзости, Нивелю мешали еще два серьезных препятствия: ему не удалось склонить на свою точку зрения часть своих подчиненных, кроме того он обладал меньшей самостоятельностью перед правительством, чем его предшественник. По плану Жоффра британцы должны были взять на себя главную тяжесть операции,

Нивель же отказался от этой политики, и желание его сохранить всю славу победы для Франции взяло верх над здравой оценкой того, как сильно была уже перенапряжена боевая мощь французов. План Жоффра говорил об атаке с двух направлений, стекавшихся затем в одну точку широкого германского участка — Ленс — Нуайон — Реймс. Вначале удар наносился по западному, а затем и по южному флангу этого участка. Британцы должны были атаковать севернее р. Соммы, не только включая, но и расширяя старое поле сражения: французы — южнее этого района, к р. Уазе. Атака должна была начаться в первых числах февраля, и за ней должно было последовать главное наступление французов в Шампани.

Изменения, внесенные Нивелем, заключались в просьбе к британцам взять на себя более широкий участок фронта южнее р. Соммы с целью освободить французские войска для проведения удара в Шампани. В результате — начало операции было отложено на месяц.

Прежде чем вообще удалось начать операцию, германцы уже угадали ее. Первым шагом Людендорфа было разработать полную программу реорганизации в области германских живых сил, огнеприпасов и снабжения. В то время как разворачивалась эта работа, он намеревался придерживаться обороны, надеясь, что новая подводная кампания или приведет самостоятельно к решению или же подготовит путь для решающей операции на суше, когда будут готовы необходимые для этого и людские и материальные резервы.

А в качестве «коэфициента безопасности» против нового наступления на Сомме Людендорф заранее приказал соорудить специальную линию обороны, сделав ее возможно более сильной. Линия эта должна была быть построена поперек хорды дуги Ленс — Нуайон — Реймс. Сразу же после нового года, учтя возможность возобновления наступления армий Антанты на Сомме, Людендорф поспешил с усовершенствованием имевшейся здесь тыловой полосы обороны и согласовал вопрос о полном разрушении и разорении всей местности внутри этой дуги. Шифрованное название этой программы разрушений — «Альберих» (имя хитрого пигмея в сказании о Нибелунгах) — говорило об определенном юмористическом или сатирическом таланте лица, выбравшего это название. Кронпринц Рупрехт вначале решил было сложить свои полномочия, но не выполнить эти крайние мероприятия. Однако в конце концов он успокоил свою совесть тем, что отказался подписать приказ о проведении этих мероприятий в жизнь. Дома уничтожались, деревья вырубались, даже родники заражались, а в развалинах были устроены многочисленные ловушки, начиненные взрывчатыми веществами. Ночью 12 марта германцы начали постепенное отступление на новую линию, названную ими «Зигфрид», а союзниками — «линией Гинденбурга». Маневр этот был совершенством. Быть может несколько излишней была жестокость при его выполнении. Маневр показывал, что Людендорф обладает моральным мужеством отдавать добровольно территорию, если обстоятельства это оправдывали.

Британцы, увидев перед собой пустыню, вполне естественно крайне медлили с преследованием. Подготовка их к атаке на этом фронте была выбита из колеи и вынуждена была ограничиться только сектором вокруг Арраса, где фронт остался без изменений.

9 апреля 3-я армия Алленби открыла здесь весеннее наступление, захватив так долго сопротивлявшийся Вимми-Ридж, но армии не удалось развить свой начальный успех, и атака была ею возобновлена с большим опозданием, когда сопротивление противника уже окрепло. Это дорого стоившие действия продолжались с большим упорством, чтобы облегчить натиск противника на французов. Дело в том, что удар французов между Соммой и Уазой также был остановлен сопротивлением германцев, а основная атака 16 апреля восточнее и западнее Реймса закончилась еще неудачнее, с весьма опасными последствиями. Самая мысль о быстром прорыве при длительной бомбардировке, когда заранее отказывались от всяких видов на внезапность и когда заблаговременно не отвлекали германских резервов, неизбежно сулила неудачу. Большие надежды, возлагавшиеся на эту операцию, вызвали такую же реакцию. Войска устали от того, что их без всяких видимых результатов непрерывно бросали на колючую проволоку и пулеметы противника.

Во французских армиях возникли мятежи, обостренные еще недовольством войск и всякими служебными неполадками. Беспорядки охватили ни много, ни мало 16 корпусов. Впервые пламя восстания вспыхнуло 3 мая в одном из полков 2-й колониальной дивизии. Хотя оно почти мгновенно было затушено, однако, вскоре широко распространилось. Восстание проходило под лозунгами: «Мы будем защищать окопы, но не хотим атаковать»; «Мы не так глупы, чтобы итти на пулеметы!»

Тот факт, что восстание всегда вспыхивало тогда, когда войска получали приказ итти в атаку, является лучшим доказательством, что действительной причиной мятежей были недоверие и отвращение к своим командирам, а не разлагающая пропаганда. Значительным явлением было и то, что случаи дезертирства во французской армии возросли с 509 в 1914 г. до 21 174 в 1917 г.

Беспорядки оказались настолько серьезны и так широко распространились, что, по словам военного министра, на фронте в Шампани можно было положиться только на две дивизии, а местами окопы были почти совершенно пусты.

Положение спас генерал Петен, а средством, которым он для этого воспользовался, было изменение политики в сторону большего внимания к психологии бойца. 28 февраля правительство сделало его начальником генерального штаба как сдерживающее начало против опрометчивого и безрассудного наступления, проводимого Нивелем, а 15 мая правительство пошло на более разумный и более честный шаг, назначив Петена на место Нивеля. В течение месяца он разъезжал по фронту на автомобиле, побывав почти в каждой дивизии, уговаривая как офицеров, так и солдат громко высказывать все свои жалобы, все что у них наболело. Ведя себя ласково, но не заискивая, он располагал к себе и внушал доверие к своим обещаниям.

Несение службы в окопах было упорядочено и уравнено; обеспечена была равномерность смены частей и улучшены были лагеря, где отдыхали сменившиеся войска. Не прошло и месяца, как спокойствие было восстановлено всего ценой 23 расстрелов, хотя больше сотни вожаков мятежей были отправлены в колонии.

Но хотя французская армия и выздоравливала, Петену все еще оставалось возродить ее боеспособность и уверенность в своих силах.

Для этого он в первую очередь реорганизовал подготовку и тактику на той основе, что огонь должен экономить живую силу. Затем он испробовал свой вновь отточенный меч в ряде легких стычек, в которых не было риска подвергнуть войска новому кровопусканию. Таким образом до конца года британцы выносили на себе все тяготы кампании. Сила их во Франции теперь была предельной — 64 дивизии, в изобилии снабженные артиллерией и огнеприпасами.

Все же напряжение, которому они подвергались, усиливалось тем, что Россия из-за революции, вспыхнувшей в марте, оказалась больше не в состоянии действительно помочь союзникам нажимом на Германию. Хейг решил сковать германцев, выполняя первоначально задуманный план наступления в Бельгии, но, хотя принцип был верен, метод и выбор места удара противоречили всему опыту истории.

Первым шагом была атака Мессинского хребта с целью ослабить участок фронта у Ипра и отвлечь резервы противника. Атака эта, проведенная 7 июня 2-й армией под начальством Плюмера (Гарингтон — начштаба), являлась образцовым примером «ограниченного наступления», при котором эффект взрыва 19 крупных мин, дополненный ураганным артиллерийским огнем исключительной силы, был использован в короткое время, пока вызванное всем этим «оцепенение» германцев не стало проходить.

За этим ударом с большим опозданием последовало 31 июля основное наступление в районе Ипра. Проведение этого наступления было сорвано начавшимися проливными дождями, но оно было заранее обречено на гибель разрушением, в итоге своей же бомбардировки, сложной системы осушения этого района.

Британское командование в течение 2½ лет придерживалось системы длительной предварительной бомбардировки, полагая, что в количестве выпущенных снарядов заложен ключ к успеху и что, не в пример великим полководцам истории, они могут отказаться от поддержки, которую обещает внезапность. Наступление под Ипром, захлебнувшееся в конечном счете в Пашендэйльских болотах в первых числах ноября, еще резче, чем прежде, показало, что такая бомбардировка преграждает путь наступлению, а не прокладывает ему дорогу. После такой бомбардировки местность становится непроходимой.

Неудача была еще более усилена новой оборонительной уловкой германцев—уменьшением гарнизона передовой линии обороны и использованием спасенных таким образом людей для быстро развиваемых местных контратак.

Оборона строилась на костяке из пулеметов, распределенных по блиндажам, сильно эшелонированным в глубину. У британцев бесполезные потери, вызываемые этой борьбой в грязи, до некоторой степени были смягчены лучшей работой штаба, когда руководство наступлением поспешно было передано 2-й армии Плюмера.

Уже закончился третий месяц этой ужасной борьбы, но британцы ничуть не были ближе к поставленной себе цели — отогнать германцев от баз их подводных лодок в бельгийских портах. И хотя атаки истощили силы германцев, но сами британцы измучились несоизмеримо больше.

Кампания 1917 г. на западе закончилась, если и не достижениями, то все же более радостными видами на будущее.

Оценив с первых же дней бесцельность и бесплодность применения танков в болотах Фландрии, штаб танкового корпуса все время искал участка, где можно было иначе и по-новому попытаться ввести танки в дело. Штаб разработал проект широкого рейда для очищения замкнутого каналом участка у Камбрэ, где слегка понижавшаяся местность была вполне пригодна для действий танков. В основу была положена мысль бросить на противника рой танков без всякой подготовительной бомбардировки, которая могла бы предупредить об атаке. Когда надежды британского командования, возлагаемые на Ипр, померкли, оно пошло на этот план, превратив его в наступление с далеко поставленными целями, но для этого, учитывая истощение, вызванное Ипром, у командования не было достаточных ресурсов. Новая операция должна была выполняться 3-й армией Бинга (6 дивизий). Срок ее был назначен на 20 ноября.

Проведенная почти 400 танками, эта атака явилась для неприятеля полной неожиданностью. Несмотря на некоторые помехи, прорыв удался значительно глубже и намного дешевле, чем при любом из предыдущих британских наступлений. Но все имевшиеся войска и танки были брошены в первую же атаку, и под рукой не осталось резервов, чтобы развить успех. Конница, как и всегда на Западном фронте, не смогла выполнить свою задачу.

Наступление выдохлось, и 30 ноября германцы организовали контраудар против флангов дуги, образованной британским наступлением. На севере контрудар этот был отражен, но на юге прорыв удался, и британцы лишь с трудом избежали катастрофы. Но хотя наступление у Камбрэ и закончилось разочарованием, все же оно показало, что внезапность и танки — сочетание, при помощи которого можно пробить стену германских окопов.

Одновременно Петен, отремонтировав свой инструмент — французскую армию, старался испробовать готовность ее для кампании 1918 г.

В августе удар армии Гильома под Верденом вернул остатки местности, потерянной в 1916 г., а в октябре армия Мэстра сгладила юго-западный выступ фронта германцев, овладев хребтом Шмен-де-Дам.

Крушение России. Временное понижение боеспособности французской армии еще не было худшим из ряда несчастий, которые в совокупности свели на-нет наступление Антанты

в 1917 г. Паралич России — вначале частичный, а затем и полный — был потерей, которую в течение долгих месяцев не могло возместить даже вступление Америки в войну. И прежде чем удалось восстановить равновесие, западные союзники России были на волосок от гибели. Непомерные потери, которые несла Россия, явившиеся следствием недочетов ее военной машины, а также ее самопожертвование ради союзников, подорвали моральный дух армии сильнее, чем ее физическую выносливость. Революция вспыхнула в марте, внешне — против порочного окружения царя, но в глубине таились более серьезные причины. Царь был вынужден отречься от престола, и у кормила власти стало умеренное временное правительство, которое, однако, не смогло удержать его в своих слабых руках. За неимением лучшего, временное правительство являлось временным суррогатом; в мае оно было сменено другим — более социалистическим по своим настроениям, руководимым Керенским.

Ратуя за всеобщий мир и заменив дисциплину системой контроля комитетов, более уместной в профсоюзе, чем на поле боя, Керенский воображал, что он сможет вести войска на врага только своими зажигательными речами.

На должности главнокомандующего Алексеева сменил Брусилов, и 1 июля русская армия одержала ряд начальных успехов против австрийцев, главным образом, в районе Станиславова. Но при встрече с действительным сопротивлением она сразу же остановилась, а контратака германцев мгновенно распылила русскую армию.

К началу августа русские были изгнаны из Галиции и Буковины, а австро-германские силы лишь по политическим соображениям остановились на границе России.

Со времени отъезда в 1916 г. Гинденбурга и Людендорфа действительное руководство операциями на Восточном фронте осуществлял Гофман. Его умелое сочетание стратегии и политики много сделало, чтобы привести Россию к параличу и тем самым освободить германские войска для использования на западе. В сентябре германцы воспользовались случаем, чтобы попрактиковать новые методы ведения артиллерийского огня для последующего использования во Франции. Внезапная атака германцев, возглавляемая Гютие, привела к захвату Риги, причем русские почти не оказали сопротивления. В следующем месяце большевики под руководством Ленина сбросили словоохотливого краснобая Керенского и пошли на сепаратный мир с Германией, который и был заключен в декабре 1917 г.

Прорыв в Италии. Выходом России из войны не окончилась цепь несчастий Антанты. Каждую осень, с деморализирующей аккуратностью, Германия взяла себе за правило «съедать» по одному из слабых своих противников. В 1915 г. была проглочена Сербия, в 1916 г.— Румыния, а теперь настала, по крайней мере так считали германцы, очередь Италии.

Решение Людендорфа, принятое им в сентябре, было вызвано просьбами австрийцев, которые видели, что войскам их не вынести напряжения еще одного оборонительного сражения на итальян-

янской границе. В мае на фронте Изонцо Кадорна вновь повел атаку, но контрудар австрийцев на участке Карста свел на-нет часть в общем небольших успехов итальянцев. Потери при этом все же были понесены большие.

Вопрос о взаимодействии союзников на итальянском фронте был поднят вновь и так же безрезультатно, но Кадорна, несмотря на это, наметил на август «одиннадцатое сражение на Изонцо». 2-я армия Капелло захватила большую часть плато Bainsizza к северу от Горицы (Герц), но длительные усилия не привели ни к каким дальнейшим результатам, и Кадорна после месяца борьбы был вынужден оборвать наступление. Наступление это так истощило сопротивление тщедушных австрийцев, что по словам Людендорфа «необходимо было решиться на атаку в Италии, чтобы не допустить крушения Австро-Венгрии».

Людендорфу приходилось решать трудную задачу: Россия еще не сложила оружие; фронт против нее и так уже сравнительно с его протяжением был слабо занят, британское же наступление во Фландрии не позволяло снять большое число войск с французского фронта. Людендорф смог наскрести только шесть германских дивизий, а боевые качества австрийских войск были ниже, чем когда-либо. Поэтому Людендорф пришел к выводу, что единственная возможность успеха заключается в том, чтобы наметить для удара особенно слабый сектор, обещавший простор для стратегического развития прорыва. Такие условия были найдены на секторе Тольмино (Тольмейн)—Капоретто. 24 октября после короткой артиллерийской подготовки удар был развит, и войска по западным склонам гор продвинулись вглубь Италии, угрожая итальянским силам как с юга, так и с севера. 28 октября наступление достигло Удине — местоположения раньше итальянской главной квартиры, а 31 октября — Тальяменто.

Не последней характерной чертой этого наступления был путь, которым он был подготовлен,— путь моральной бомбардировки. В течение ряда месяцев пользовались пропагандой как средством подорвать дисциплину итальянской армии и волю ее к сопротивлению. И действие этой пропаганды нельзя преуменьшать. Наиболее серьезной, как это было и у французов в апреле, оказалась пропаганда, поставляемая стратегией измора, применяемой итальянским командованием. Стратегия эта утомила войска своими ограниченными результатами, достигаемыми ценою неограниченных потерь.

Но результат наступления оказался неожиданным и для Людендорфа. Он со своими слабыми силами не рассчитывал на такие далекие цели. Теперь же о них можно было не только мечтать.

Во время развертывания прямого преследования Людендорф, хотя и с опозданием, пытался с левого фланга перебросить войска к армии Конрада, которая с севера примыкала к венецианскому участку. Но попытка эта была сорвана недостаточностью железных дорог. И все же Кадорна, центр которого был прорван, спасли только фланги, постепенно отступившие на линию реки Пиаве и прикрывшие Венецию, но в руках противника осталось 250 000 пленных. В тот же день Диаз сменил Кадорна в должности

главнокомандующего. Союзники Италии начали стремительно подбрасывать ей подкрепления: два корпуса — один британский и один французский. 5 ноября политические и военные вожди Антанты собрались в Рапалло на совещании. Здесь было решено создать союзный совет в Версали и — как конечный результат — единое командование.

Противник оторвался от своих тылов, и итальянцам, подстегнутым угрозой родине, удалось удержать в своих руках Пиаве, несмотря на ряд штурмов. Энергичные попытки Конрада обойти их левый фланг у Трентино также не удались. К началу сентября британцы и французы, ожидавшие в резерве на случай нового прорыва, двинулись вперед, чтобы занять уязвимые сектора, но атака была возобновлена только на севере, а 19 декабря с первым снегом она окончилась.

Хотя Капоретто было поражением Италии, но оно же явилось для нее и оздоровлением. После некоторого периода восстановления сил и укрепления, Италия реабилитировала себя у Витторио-Венето.

Захват Иерусалима. Еще раз отдаленный театр войны дал за весь год единственную победу Антанте — на этот раз это была Палестина. Вторая неудача у Газы привела к смене здесь командования. На смену Мюррей пришел Алленби. Он оказался достаточно умелым и достаточно счастливым, чтобы получить необходимые войска, которых Мюррей тщетно добивался. Британское правительство хотело яркого сенсационного успеха, который мог бы противодействовать унынию и депрессии, вызванным неудачей Нивеля и закатом России. Британский генеральный штаб хотел сорвать попытку турок вернуть Багдад, отвлекая оттуда их резервы.

Алленби прибыл в Палестину в июле и первые три месяца посвятил напряженной подготовке к осеннему наступлению, когда погода будет для этого благоприятной. В систему управления войсками было внесено много изменений; были развиты пути сообщения, а штаб командующего продвинут из Каира вперед к фронту.

Сохранением своих намерений в тайне и рядом уловок Алленби удалось ввести турок в заблуждение и скрыть направление предстоявшей атаки.

Укрепления Газы стали обстреливаться с 20 октября, а атака последовала 1 ноября с целью сковать противника и привлечь сюда его резервы. 31 октября охватывающим маневром был захвачен бастион Беершеба — необходимая предпосылка к действительному удару.

Это явилось введением к решающей атаке 6 ноября, которая прорвала ослабленный центр противника и проникла в равнину Сефела (Филистимляская равнина). Фалькенгайн, командовавший теперь в Алеппо, также задумал наступление, но лучшие пути сообщения на участке действий британцев решили вопрос в их пользу. И хотя Фалькенгайн пытался остановить прилив наступления контрударом против Беершеба, прорыв его центра привел к общему отступлению германцев.

Преследованию мешало отсутствие воды, тем не менее к 14 ноября турецкие войска были разорваны преследованием на две группы, которые отгонялись по расходившимся направлениям. Порт Яффа был захвачен, и Алленби повернул свои главные силы направо, чтобы наступать внутрь страны на Иерусалим. Он овладел узким перевалом через хребет раньше, чем туркам удалось его преградить, и после необходимой паузы, посвященной улучшению дорог, подтянул сюда резервы для нового наступления, которое и привело к захвату 9 декабря Иерусалима.

Ко времени начала зимних дождей британцы распространились в данной области и закрепились на ней. С точки зрения морального успеха победа была значительной, но с точки зрения стратегической, она безусловно являлась кружным путем к цели.

Очищение Восточной Африки. 1917 г. явился свидетелем еще другого заморского успеха — очищения германской Восточной Африки, хотя этим кампания здесь не закончилась. Более года прошло после неудачи у Танга, прежде чем была сделана следующая серьезная попытка отнять у Германии ее последний оплот на Африканском материке. Выделить войска с главных театров войны была трудно, и решение вопроса здесь было возможно лишь при лойяльной поддержке южноафриканского правительства.

В феврале 1916 г. командующим экспедицией был назначен генерал Смутс. Он разработал план рейда с севера на юг внутрь страны, хотя местность там представляла для наступления больше трудностей. Сделано это было для того, чтобы избежать гнилых, зараженных лихорадкой, равнин побережья.

Во взаимодействии с этим клином, вбиваемом в центре, бельгийский отряд под начальством Томбера должен был наступать от озера Танганайка на восток, а небольшой британский отряд, под начальством Нортей — ударить от Ниасалянда в юго-западном направлении.

Германцы, во главе которых здесь стоял Леттов-Форбек, были малочисленны, но руководство ими было мастерским. Кроме того на их стороне были все преимущества акклиматизации в экваториальном климате и большей приспособленности к действиям на бездорожной местности, частью гористой и покрытой непроходимыми лесами и кустарниками. Все это должно было тяжело сказаться на пришельцах, еще не привыкших к климату и условиям местности. От Дар-эс-Салям на побережье до Ужижи на озере Танганайка проходила через центр колонии единственная настоящая железная дорога. Оттеснив германцев назад за границу и овладев горным проходом Килиманджаро, Смутс двинулся напрямик к этой железной дороге на Моронгоро, находящемуся в 300 милях, а отряд под начальством Ван-Девентера он послал широким обходным движением к западу, чтобы перерезать железную дорогу глубже внутри страны и затем обратиться против Моронгоро. Леттов-Форбек помешал выполнению этого маневра, сосредоточив свои силы против Ван-Девентера, однако, прямое наступление Смутса заставило его поспешно оттянуть свои войска назад, позволив этим Ван-Девентеру отрезать железную дорогу.

Все же Леттов-Форбек избежал попытки окружения и в сентябре отступил в горы Улугуру, к югу. Бельгийцы и Нортей очистили запад, и петля стягивалась все уже и уже, оттесняя Леттов-Форбека в юго-восточную часть колонии. В начале 1917 г. Смутс вернулся в Англию, и Ван-Девентер руководил последними операциями, которые закончились тем, что Леттов-Форбек вновь избежал окружения, проскользнув в последнюю минуту за границу в Португальскую Африку. Отсюда он продолжал вести партизанскую войну, тянувшуюся весь 1918 г. до общего перемирия.

Отряд его, состоявший всего из 5 000 человек, причем только 5% его были белыми, заставил противника ввести здесь в дело 130 000 человек и израсходовать 72 миллиона фунтов стерлингов.

Конец подводной кампании. Военная сторона 1917 г. затемнена морской, вернее сказать, экономической стороной. Основное значение здесь имело сохранение равновесия между нажимом германских подводных лодок и сопротивлением британцев. В этом отношении апрель явился наиболее тяжелым месяцем.

Из каждых четырех судов, покидавших острова Британии, одно наверняка не возвращалось назад. Союзники в общем потеряли около миллиона тонн водоизмещения, причем 60% из них были британские суда. И хотя германский флот не сдержал своего обещания, что в концу месяца победа будет на его стороне, все же было совершенно ясно, что в конце концов продолжавшаяся тем же темпом потеря тоннажа обрекла бы на голодную смерть гражданское население Англии и автоматически ликвидировало бы приток пополнений в армию. Дело дошло до того, что запас продовольствия в Британии ограничивался шестинедельной потребностью.

Правительство пыталось предупредить эту опасность косвенными мерами, нормируя потребление, увеличивая производство внутри страны и расширяя судостроительство. Прямые меры выражались в системе конвоирования транспорта военными судами и организации контрнаступления против подводных лодок с помощью новых средств для обнаружения их присутствия и использования тысяч и тысяч мелких судов для несения дозорной службы. Самая действительная контрмера — запереть германцев в базах, минируя ближайшие к этим базам части моря,— затруднялась тем, что британцам не удалось решающей победой обеспечить свое безусловное господство в Северном море. Флотилии британских истребителей дерзко закладывали тысячи мин в Гельголандской бухте, минируя проходы, оставленные германцами свободными, но их непрестанные усилия в значительной части сводились на-нет германскими минными тральщиками, которым легко было работать под защитой своего флота. Тем не менее мины эти стесняли, тормозили проход подводных лодок и увеличивали нервное напряжение, деморализовавшее команды последних. Это являлось одной из причин ослабления интенсивности подводной войны. В конце концов недостаточное количество подводных лодок и обученных команд по сравнению с размерами поставленной задачи и вытекавшее отсюда слишком боль-

шое перенапряжение как материальной части, так и людей привело к параличу подводной кампании.

Но кризис, грозивший Британии весной 1917 г., был предупрежден скорее оборонительными, чем наступательными действиями. Система конвоирования транспортов была основным фактором, приведшим к спасению. Система патрулирования целых участков, несмотря на явную бесплодность этого в 1916 г., продолжала существовать и в начале 1917 г. Как говорит Черчилль: «В апреле великая дорога к юго-западу от Ирландии превратилась в настоящее кладбище британских кораблей». Другие «кладбища» по сравнению с этим терялись. Помимо 516 000 т британских кораблей, в волнах за один апрель было погребено 336 000 т союзных и нейтральных судов, а связанные с этим потери Англии в продовольствии и сырье усугублялись возраставшей неохотой нейтральных судов рисковать ради снабжения такого потребителя. От настоящего голода Британию спасли только усилия ее торгового флота, который шел в море, несмотря на то, что неоднократно нарывался на мины.

Грубейшая ошибка британского адмиралтейства заключалась в противодействии введению системы конвоирования транспортов, сопротивлении этому даже тогда, когда все другие методы оказались бессильными предотвратить надвигавшееся бедствие. Наконец, голоса младших офицеров, высказывавшихся за систему конвоирования транспортов, получили решительную поддержку со стороны Ллойд-Джорджа. В апреле, в виде опыта, было применено конвоирование транспортов на морских путях в Гибралтаре и Северном море. Первая группа судов, конвоируемых таким образом, отправилась из Гибралтара в Англию 10 мая. Попытка эта увенчалась блестящим успехом. Система конвоев была введена и на трансатлантических морских путях, когда прибытие американского флота во главе с адмиралом Симс увеличило число истребителей, имевшихся здесь для несения этой службы. Потеря судов при таком конвоировании выражалась всего лишь в 1%, когда же в августе система эта была распространена и на иностранные суда, доставлявшие товары в Англию, то потери британцев упали в следующем месяце ниже 200 000 т водоизмещения. Между тем наступательная кампания, усиленная специальными судами для уничтожения подводных лодок, авиацией и новыми рогатыми минами, все больше уничтожала подводные лодки. К концу 1917 г. угроза хотя и не была совершенно исключена, но была по крайней мере значительно ослаблена. Хотя британскому народу пришлось туже затянуть пояса и пойти на нормирование продовольствия, но все же теперь ему больше не грозила голодная смерть.

За первые месяцы 1918 г. число германских подводных лодок уменьшилось, пока, наконец, за один май не было уничтожено 14 подводных лодок из 125 работавших. Эффективность же продолжавших оперировать подводных лодок падала еще быстрее. В общем немцы за время войны потеряли 199 подводных лодок, из которых 175 стали жертвами британского флота. Из различного способствовавшего этому оружия на долю мин надо отнести

42, а на долю истребителей 31 подводную лодку. Изгнанные этой травлей в начале из узких морей подводные лодки в последнюю фазу войны не смогли проникнуть и в океан. Путь туда им преграждало широкое минное поле, устроенное, главным образом, американским флотом поперек широкого 80-км прохода между Норвегией и Оркнейскими островами. Оно состояло не менее чем из 70 000 мин, из которых британцы установили 13 000. Это в основном и сорвало работу подводных лодок по затоплению предметов снабжения, подвозимых Великобритании с моря.

Короткие удары более слабых подводных лодок противника (обладавших небольшим радиусом действия) со стороны бельгийского побережья были сорваны хорошим заграждением, устроенным поперек Дуврского пролива, геройской атакой флотилии адмирала Кея ночью 22 апреля 1918 г., на-время закрывшей противнику выход из Зеебрюгге, и прогрессивной деморализацией команд подводных лодок. Однако, все эти меры не устранили угрозы возобновления блокады в будущем.

Кампания 1917 г. была начата всего 148 подводными лодками и велась в крайне неблагоприятной стратегической обстановке. Великобритания, как огромный волнорез, лежала поперек морских путей, ведущих к северу Европы. Подводным лодкам приходилось выбираться через узкие и зорко наблюдаемые проходы, чтобы бить по артериям, снабжавшим Великобританию. И однако же подводные лодки едва не остановили биение сердца Англии.

Экономическое подкрепление. В деле восстановления кровообращения Англии скорая помощь, поданная ей Америкой, оказалась важным фактором еще задолго до того, как Америка стала оказывать Антанте непосредственную военную поддержку. Эта скорая помощь выражалась в предоставлении легких судов для усиления британских сил, боровшихся с подводными лодками, и в развивавшейся быстрым темпом постройке новых торговых судов. Главным же образом имела значение финансовая помощь Америки. К июлю 1917 г. британцы израсходовали свыше 5 000 000 000 фунтов стерлингов. Ежедневные траты выросли до 7 000 000 фунтов стерлингов. тяготы субсидирования союзников, равно как и оплата своих расходов, становились слишком тяжелы для возможностей Англии. Вот тогда именно помощь Америки несколько ослабила эти тяготы. В первые же месяцы после вступления в войну требования займов явились для конгресса неприятной неожиданностью. Опыта войны не было, театр военных действий был удален, население не имело ни малейшего представления о неизбежной стоимости войны. Поэтому у значительной части американского общества невольно создалось впечатление, что новые союзники Америки стараются слишком глубоко запустить руку в объемистые карманы «дяди Сама».

И мистер Мак-Аду, секретарь казначейства, не мог угодить ни союзникам, ни американскому обществу. Одни обижались, говоря, что он их урезывает; другие вопили, что он, как пьяный матрос, швыряется национальными деньгами. Поэтому конгресс решительно высказался против всяких новых займов. Нортклиф

довольно точно, хотя и несколько гиперболически, подвел итог сложившейся обстановке. «Если остановят займы — остановится война» — телеграфировал он.

Фактически к середине июля Соединенные штаты авансировали различным союзникам до 229 000 000 фунтов стерлингов с условием, что деньги эти будут уплачены за предметы снабжения, купленные в Соединенных штатах. Британия за этот же период добавила 193 000 000 фунтов стерлингов к 900 000 000 фунтам стрелингов, уже данных ею в долг своим союзникам. Однако, последним она не ставила такого ограничения, как это сделала Америка в отношении ее. Это новое финансовое напряжение вызвало страх, что придется продать ценности, чтобы покрыть прежний «заем Моргана», а это скверно отразилось бы на кредите Британии. Бальфур, секретарь министерства иностранных дел, настолько встревожился, что телеграфировал полковнику Хаузу:

«Мы видимо накануне финансового бедствия, которое окажется серьезнее, чем поражение в бою. Если нам не удастся сохранить свой золотой паритет, то ни мы, ни наши союзники не смогут выплатить наши долги в долларах. Мы лишимся золотого запаса, закупки в США немедленно прекратятся, и кредит союзников будет поколеблен».

Опасность эта была предотвращена американским казначейством, продолжавшим, невзирая на оппозицию, ежемесячно авансировать Англию, пока не был создан объединенный внутрисоюзный финансовый совет. Создали также официальную закупочную комиссию, которая взяла на себя неофициальные функции, прежде выполняемые Морганом и К° от имени британского правительства. В Вашингтон послали лорда Ридинга как политического и финансового представителя, чтобы искренностью и симпатией смазать скрипучую машину требований денег и снабжения.

Неменьшую помощь оказала и проводимая кампания добровольного размещения военных займов. Авансировать союзников было разрешено не выше 500 000 000 фунтов стерлингов ежемесячно. К концу года проблема еще больше осложнилась. Учитывая большие потребности и расходы американского правительства на свою собственную армию, союзники стали шире снабжаться Америкой кредитами и менее охотно продуктами производства и полуфабрикатами. Теперь трудности союзников заключались в том, чтобы найти сырье, необходимое для производства огнеприпасов, хотя деньги на покупку у них и были.

Вступление Америки в войну улучшило позицию созников, но раньше, чем на чашу весов были брошены ее армии, она дала союзникам и другое большое преимущество.

Мертвой хватке блокады, душившей Германию раньше, мешали претензии нейтральных государств. Теперь поддержка блокады Америкой и помощь ее дали Британии точку опоры и в чужой стране, благодаря чему противник скоро должен был еще больше ослабеть. Вступив в войну, Соединенные штаты пользовались экономическим оружием — блокадой — с решительностью, далеко превосходившей самые смелые требования Британии в пред-

шествующие годы. Производился беспощадный осмотр всех нейтральных торговых судов, наперекор правам нейтральных стран.

В итоге с ослаблением подводной блокады Британии кольцо блокады союзников стало все уже охватывать Германию.

Авиация. Это новое оружие войны одновременно с подводной кампанией достигло своего апогея. Как подводная лодка в первую очередь была экономическим оружием, так и самолет в первую очередь стал оружием моральным. Разрывная пуля решительно положила конец рейдам цеппелинов в 1916 г., но с начала 1917 г. налеты аэропланов на Лондон становились все чаще и чаще, пока, наконец, к маю 1918 г. противовоздушная оборона не достигла такой степени совершенства, что самолеты отказались от Лондона как цели своих рейдов. Хотя стоицизм гражданского населения и сделал многое, чтобы вырвать жало у этого оружия (тогда еще переживавшего свое младенчество), но все же косвенное влияние налетов авиации было весьма значительным, нарушая хозяйственную жизнь страны и срывая производительность промышленных центров. Вместе с тем для защиты родины отвлекалось большое количество авиации с фронта. Поэтому британское правительство организовало в Англии самостоятельный авиационный отряд. Авиация была даже выделена в отдельный род войск. Отряд этот под начальством Тренчарда в последние месяцы войны, в свою очередь, проводил глубокие налеты в Германию с заметным результатом на психологию населения, разлагая, таким образом, «внутренний фронт» противника.

Рассказать о боевых действиях авиации невозможно, так как она применялась как вспомогательное средство во всех операциях, оказывая на ход военных действий значительное влияние, но и не придавая им какого-либо особого, присущего свойствам авиации стратегического оттенка. Все же краткий очерк эволюции действий авиации на войне может помочь дополнить стратегическую картину ее использования.

Военные постепенно и медленно признали ценность авиации. Сторонникам авиации пришлось вести тяжелую борьбу, чтобы добиться признания авиации военными сферами. Пока итальянцы не использовали авиацию широко в 1911—1912 гг., действуя против турок в Триполи, общая точка зрения военных кругов на авиацию была верно отображена в отзыве генерала Фоша: «Это хороший спорт, но для армии аэроплан ни к чему». Даже в 1914 г. процент военной авиации был крайне низок, а применение ее — еще ограниченнее, чем на это рискнули пойти итальянцы за два года перед тем.

В первые месяцы войны зрительная разведка была единственной задачей, которая ставилась авиации. Не было и намеков о воздушном бое или бомбометании. Германские армии во время своего вторжения во Францию тяжело расплатились за недостатки своей авиации и добываемые ею неверные разведывательные данные. Но английский летный корпус, хотя через канал во Францию было переброшено только 44 самолета, дважды оказывал войскам неоценимые услуги. Одна разведка разоблачила попытку

противника охватить фланг британской армии у Монса, другая обнаружила историческое отклонение Клука к Марне.

В сентябре сфера деятельности авиации была расширена. Ей было поручено наблюдение целей для артиллерии и задачи связи — сперва зрительными сигналами, а затем и при помощи радио. В сентябре попытались также производить фотографирование с воздуха, но ценность аэрофотосъемок была понята главным штабом лишь в 1915 г.

В марте соорудили специальную камеру для фотографирования с самолета. С этого момента аэрофотосъемка стала непрерывно развиваться. Серьезным препятствием явилась зависимость от захваченных у германцев линз для крупных камер. В 1915 г. попытались найти новый вид взаимодействия авиации с наземными войсками, но полностью применен он был только в 1916 г. Это было применение самолетов в качестве дозоров, благодаря чему командиры получали сведения о ходе боя своей пехоты и о том, откуда и где угрожают контратаки противника.

Применение авиации для этих целей обеими враждовавшими сторонами, равно как и желание помешать наблюдению противника, естественно привело к боям в воздухе, а это, в свою очередь, — к борьбе за превосходство в воздухе. Вначале в распоряжении летного состава имелись только винтовки и револьверы. Бои самолетов носили характер возбуждающего и полного случайностей нового вида охоты. Но скоро на самолетах были установлены легкие пулеметы, хотя в «боевые» могли быть превращены только самолеты типа «толкачей», т. е. такие, у которых пропеллер находился сзади, так как иначе пропеллер мешал ведению огня из пулемета прямо перед собой.

В мае 1915 г. германцы сконструировали новый быстроходный самолет типа Фоккер — боевую машину, снабженную автоматическим прерывателем, который позволял стрелять из пулемета сквозь орбиту вращавшегося пропеллера без опасения попасть в его лопасти. Фоккеры подбили большое количество британских машин и на время завоевали для германцев господство в воздухе.

Союзники ответили на эту угрозу не только новыми машинами, но и «новыми методами действий». «Истребители» были сведены в специальные эскадрильи, которые должны были выискивать противника за линией фронта, позволяя, таким образом, разведывательной авиации и артиллерийским самолетам работать спокойно.

Этот метод наступательных дозоров с успехом был испробован французами под Верденом в феврале 1916 г. и развит затем британцами на Сомме, где в течение нескольких недель, благодаря новой технике авиации, германцы почти совсем были изгнаны из воздуха.

Наступательный образ действий был расширен: теперь в сферу ударов попали и аэродромы противника. Расширение это напоминает историческое морское изречение, что «граница Британии — побережье противника».

Еще в октябре 1914 г. морская авиация Британии, действовавшая на бельгийском побережье, устроила ряд налетов на ангары

цеппелинов в Дюссельдорфе и Кельне, уничтожив один цеппелин. Другой цеппелин был уничтожен в следующем месяце рейдом из Бельфора в Фридрихсгафен.

Хотя налетами на аэродромы, предпринимаемыми с 1916 г. и позже, редко удавалось вызвать серьезные повреждения материальной части, однако, они оказывали значительный моральный эффект. Раньше пилоты, благополучно вернувшись на свой аэродром, знали, что на этот раз чаша испытаний ими полностью испита. Теперь же надо было считаться с новой угрозой — нападением на земле, а это переносилось хуже, когда не было нервного подъема, вызываемого полетом, и когда опасность грозила пилоту в невыгодной для него обстановке — на земле.

Господство союзников в воздухе в 1916 г. не долго ими удерживалось. Германцы ответили на это улучшенными типами одноместных истребителей и так называемой системой «круговой поруки». Формировались специальные эскадрильи истребителей, во главе каждой становился искусный летчик, который сам подбирал себе пилотов. Эскадрильи эти последовательно перебрасывались на те участки фронта, где главное командование хотело обеспечить господство в воздухе. Больше всего прославились при этом эскадрильи Бельке и Рихтгофена.

Идя таким путем, германцы уже в начале 1917 г. добились превосходства в воздухе. Но союзники новыми машинами быстро вернули себе господство в воздухе, сохранив его до конца войны, хотя никогда оно не было столь решающим, как летом 1916 г.

Из-за специфичности условий ведения войны в воздухе — борьбы в трех измерениях — ни разу не удалось достигнуть такого господства в воздухе, как это понимается, когда говорят о господстве на море. Целью являлось такое превосходство, которое могло в случае надобности обеспечить местное и временное господство в воздухе.

1917 г. отмечен также ростом и усовершенствованием методов боя и полетов сомкнутыми соединениями, которые пришли на смену методов боев, воспетых еще Гомером — борьбы отдельных чемпионов. С этого времени «странствующие рыцари» выработали тактику, и бои в воздухе стали наиболее распространенной формой ведения войны, хотя и проводимой в другой плоскости. К концу войны в атаку часто бросалось 50—60 самолетов. Маневрируя сомкнутыми эскадрильями, они пытались расстроить и сломать боевой порядок противника.

Таким образом авиация сделалась как бы воздушной конницей. Сходство это усиливалось еще другой формой действий авиации, примененной в последний период войны. Это была атака наземных целей. Пока армии противника крепко сидели в окопах, атаки с воздуха не могли широко развернуться, хотя при случае они и являлись спасением для небольших групп пехоты, на которые сильно наседал противник.

Но когда в марте 1918 г. фронт британцев был сломан, то все имевшиеся эскадрильи истребителей — как французские, так и британские — были сосредоточены, чтобы своими ударами остановить наступление германцев. Контратаки авиации во время это-

го критического периода явились большим подспорьем, помогая остановить прилив германцев, грозивший все затопить. Это единодушно признано всеми военными историками.

Еще большие возможности представились, когда прилив противника осенью повернул назад. После прорыва болгарского, турецкого и австрийского фронтов воздушные атаки отступавших колонн во всех случаях ускоряли и довершали их разгром.

Удары с воздуха по путям сообщения, снабженческим складам, складам огнеприпасов и бивакам предпринимались значительно раньше. Бой у Нев-Шапелль в марте 1915 г. явился первой организованной попыткой атакой с воздуха помешать прибытию подкреплений противника. При сражении у Лооса в сентябре проводилась широко задуманная бомбардировка германских железных дорог. Результаты этой бомбардировки были незначительны, главным образом, из-за отсутствия соответствующего опыта, несовершенства оборудования самолетов и недостаточности их для того, чтобы обеспечить интенсивность бомбометания, необходимую для действительного повреждения железных дорог.

Удавалось перед боем повредить железнодорожные пути, однако не так, чтобы их нельзя было во-время ремонтировать. И если ремонтные работы не срывались неустанной бомбардировкой, то снабжение и огнеприпасы доходили до войск противника раньше, чем они начинали чувствовать в чем-либо недостаток. Первый урок этот запомнили и применили в последующих боях войны, когда обстрел с воздуха путей сообщений стал повседневным явлением. Но второй урок никогда не смогли полностью использовать, так как бомбовозов нехватало. Жадность, с которой армии набросились на авиацию как непосредственную помощь разведке, артиллерийскому наблюдению и защите этой работы, ограничила выделение авиации для самостоятельных действий. Все это мешало использованию авиации для целей бомбометания.

Быть может желание сконцентрировать все усилия авиации для решения задач непосредственной помощи армиям, отвлекло внимание от тех больших возможностей, которые могло дать ослабление противника, вызванное голодом. Особенно германцы упустили возможность нанести в этом отношении вред своему врагу. Несколько лет назад об этом рассказал один из старших офицеров штаба 2-й британской армии. Эта армия снабжалась в основном из Кале и Булони, а впереди этих баз находился только трехдневный запас продовольствия и огнеприпасов, если не считать трехдневного запаса, имевшегося при войсках. Подвоз к фронту проводился по двум двухколейным и одной одноколейной веткам. Чтобы обслужить нормальные потребности армии, надо было ежедневно отправлять 71 поезд, что составляло ¾ пропускной способности этих трех веток. Чтобы создать здесь опасность, надо было совсем немного: повредить только один путь. Это вывело бы из равновесия всю систему снабжения, повреждение же двух путей привело бы к катастрофе. Повредить железную дорогу было тем легче, что по ту сторону Кале две ветки пересекались, а близ С.-Омер два пути сходились. Больше того, затор у Арк близ С.-Омер отрезал бы войска и от их трехдневного за-

паса продовольствия и снабжения, который был сложен в складах несколько дальше вдоль двух путей, сходившихся в этом месте. Нетрудно представить себе обстановку, которая могла бы создаться, если бы эффективное и длительно поддерживаемое бомбометание было развито в апреле 1918 г., одновременно с наступлением германской армии, когда вся эта местность были забита британскими и французскими войсками, пытавшимися заткнуть прорыв фронта.

Союзное командование и на Западном фронте не хотело выделить достаточное число авиации, чтобы на действительном опыте убедиться в эффекте забрасывания бомбами путей сообщения. И это имело место, несмотря на многозначащий намек о перспективах таких нападений авиации, когда взрыв бомбой состава с огнеприпасами на ст. Тионвиль остановил на 48 часов все движение на важном для германцев участке, как раз на те самые 48 часов, которые предшествовали контрудару союзников на Марне, повернувшему все течение войны.

На море германцы, всецело полагаясь на свои подводные лодки, к счастью не использовали все возможности, открывавшиеся атаками с воздуха на суда или на порты, где суда эти выгружались. А союзники не могли это сделать, так как противник не пользовался такими судами. Все же беглый проблеск такого рода действий промелькнул в первые годы войны — 12 августа 1915 г. Британский гидросамолет, поднявшийся с авианосца близ Дарданелл, первым потопил судно. Наиболее ценная работа, проводимая морской авиацией во время войны, выражалась в дозорной службе против подводных лодок и в сопровождении транспортов, т. е. в выполнении чисто охранительных функций.

Лишь значительно позже, уже в разгаре войны (если не считать отдельных рейдов горсточки британской морской авиации), со стороны союзников была сделана попытка атаковать «тылы» противника. Опять-таки, пока это новое оружие было разделено между сухопутными и морскими силами и применялось ими, не в свойстве человеческой натуры было думать о самостоятельных действиях авиации. И область это не развивалась. Необходимое «сцепление» отдельных частей откладывалось до апреля 1918 г., когда авиация, наконец, была выделена в самостоятельный род войск. Впоследствии (в июне) было организовано и отдельное авиационное министерство, во главе которого стал Тренчард — пылкий и инициативный руководитель британской военной авиации во Франции. В немногие месяцы, оставшиеся до конца войны, повторные глубокие рейды британской авиации, руководимые Тренчардом, усилили разложение Германии и своим моральным эффектом — по крайней мере в Рейнской области — сорвали производство огнеприпасов. Но даже и такое значение этого авиационного отряда скорее было в его возможных, чем в актуальных достижениях, ибо даже ко времени перемирия численно он едва насчитывал ¼ предполагавшихся самолетов. Опять-таки влияние рейдов германских самолетов над Англией надо оценивать с точки зрения того факта, что самый крупный налет проводился менее чем 40 бомбовозами.

Пропаганда. Начало 1918 г. явилось свидетелем развития и тщательной организации другого—психологического—оружия. Когда лорд Нортклиф, стоявший во главе британской военной миссии в Соединенных штатах, был назначен «руководителем пропаганды во враждебных странах», впервые за все время поняли размах и возможности применения этого оружия.

Нортклиф воспользовался как лучшим своим мечом речами президента Вильсона, в которых откровенно проводилось различие между германской политикой и германским народом. Особенно упиралось на то, что цель политики союзников — освободить все народы, включая и германский, от милитаризма.

Меч этот, отточенный умелым мастером — полковником Хаузом, Нортклиф использовал, пытаясь подсечь им узы, связывающие народы противника с их правителями. Но узы эти оказались достаточно прочными. Они противостояли действию любого меча и в конце концов были порваны гнетом войны в целом. В июле 1917 г. речи президента Вильсона об усталости от войны и антимилитаризма в Германии вызвали волнения в парламенте, и последний, направляемый Эрцбергом, принял мирную резолюцию, которая соглашалась даже на территориальные аннексии. Но единственным результатом этого решения было падение Бетмана-Гольвега — несчастной игрушки, которую вырывали друг у друга из рук военная и политическая партии. Парламентские представители германского народа были столь же бессильны в попытке противостоять железной воле генерального штаба, как и Австрия, теперь всецело пропитанная отвращением к вызванной ею же войне и во что бы то ни стало желавшая ее прекратить.

Все эти мирные шаги встречали незначительный отклик у демократии противника. Президент Вильсон, выразитель этой демократии, теперь отступил и твердо заявлял, что не будет никаких разговоров о мире с военными автократами. Он подстрекал народы противника сбросить иго своих властителей. Это был великолепный рецепт, но совершенно бесполезный на деле, когда его адресовали тем, кто был так прочно скован.

Правда, в январе 1918 г. была сделана многообещавшая попытка к восстанию. Более миллиона германских рабочих объявили общую забастовку. Но забастовка эта быстро была ликвидирована и даже стерта подъемом, вызванным большим германским наступлением.

Только когда сама военная машина начала скрипеть, рабы этой машины смогли освободиться от ее мертвой хватки. Быть может этому несколько помогла и пропаганда. И лишь тогда активная воля к миру придала действенность пассивной усталости от войны.

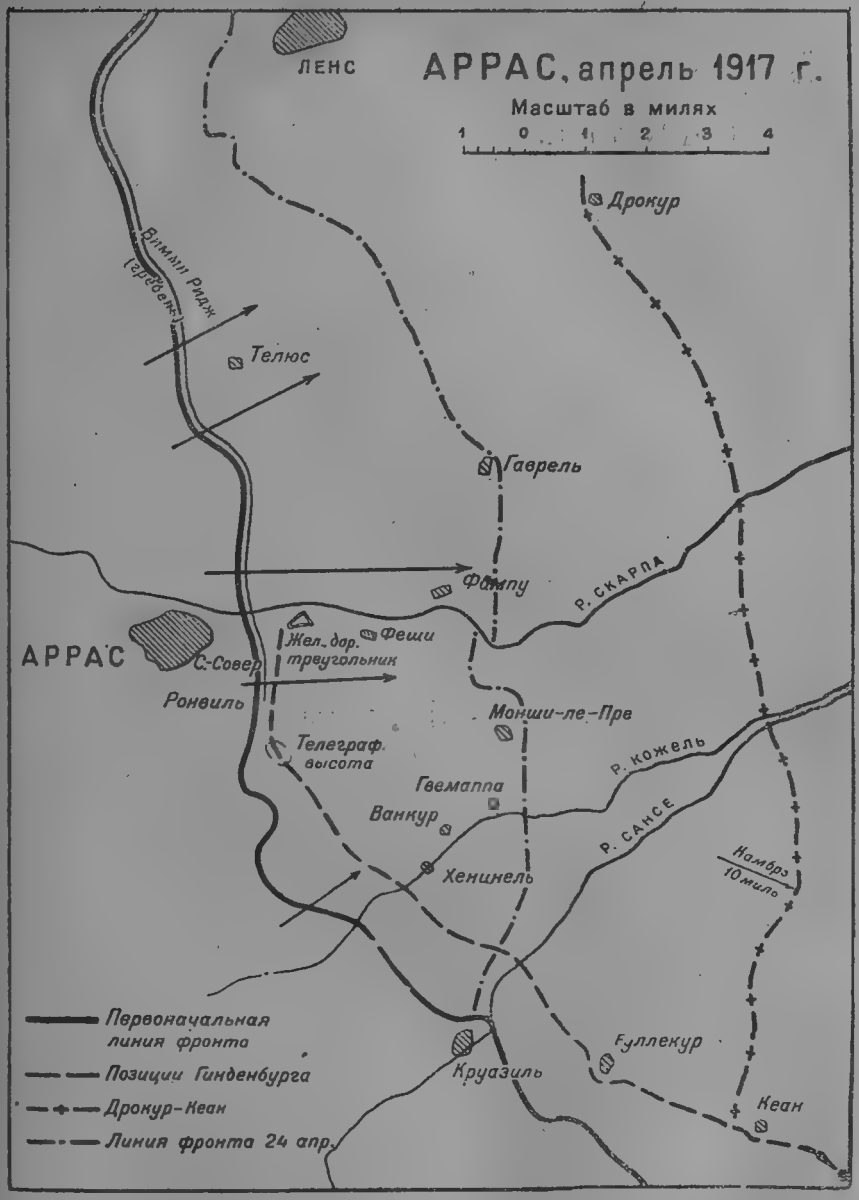
1. Аррас, апрель 1917 г.

(Схема 12)

9 апреля 1917 г. британские армии во Франции начали то, что они считали последней и решающей кампанией мировой войны.

Для обыкновенного наблюдателя этот день казался как бы счастливым контрастом всем предыдущим наступлениям. Однако и он оказался лишь миражем в бесплодной пустыне военных усилий.

СХЕМА 12



Корни Аррасского наступления глубоко заложены в боях на Сомме 1916 г. Стратегическая концепция этого наступления вытекала из Соммы, так как в связи с другими атаками, мертворожденными или безвременно погибшими, намеченными на весну 1917 г., это была попытка сломить мощь Германии и истощить ее запас людской силы. Считалось, что лишь наступление зимы

помешало осуществить это на Сомме. Стратегическая неудача Аррасского наступления частично вытекала из обстановки, сложившейся после Соммы, отчасти же обязана неспособности старшего командования забыть непроизводительные методы действий, применявшиеся ими на Сомме.

План наступления у Арраса зародился еще во время Соммы. В июне 1916 г. план, известный под названием «Блеревильского проекта», был разработан для удара в районе Арраса с целью овладеть местностью в дополнение к наступлению на Сомме. Из-за огромных потерь, вызванных операцией на Сомме, план этот был отложен. Сомма — «водосток» человеческих жизней — притягивала все имевшиеся резервы. В октябре план был пересмотрен и расширен. Его сделали частью весеннего плана операций. Медленное британское наступление к востоку от Соммы оставило между Соммой и Аррасом выпиравшую дугу, занятую германцами. На этой дуге Гоммекурт представлял собой точку, сильнее всего выдвинутую на запад. Эта выпяченная дуга, казалось, так и просит удара слева и справа — двойного удара, сходящегося к Камбрэ. Если бы удар этот удался, то он не только отрезал бы германцев, занимавших эту дугу, но и создал бы прорыв такой ширины, что германским резервам едва ли удалось его закрыть. Таким образом была бы расчищена дорога для наступления на Валансиен и удара по сообщениям противника и путям его отступления через бельгийское «корыто».

18 ноября 1916 г. союзные главнокомандующие встретились в Шантильи, чтобы обсудить свои планы на 1917 г. Результатом этого явилось решение — в начале февраля британскими 4-й и 5-й армиями возобновить наступление на Сомме с южной стороны дуги — у Гоммекур, а 3-й армией (Алленби) ударить с северной стороны — от Арраса. После захвата Монши-ле-Пре Алленби должен был развить наступление на юго-восток, чтобы отрезать пути отступления германцев вдоль долины р. Кожель (Cojeul) и, если удастся, то и в долине р. Сансее. Одновременно 1-я армия Хорна должна была немедленно перейти в атаку севернее 3-й армии и прикрыть ее фланг, а французы — атаковать южнее Соммы. Три недели спустя французы должны были организовать свой главный удар в Шампани, что безусловно являлось ненужной отсрочкой, если хотели, чтобы оба эти удара протекали во взаимодействии, помогая этим друг другу.

Но вся эта схема был разбита объединенными усилиями французов и германцев. Усилия французов выразились в смещении своего главнокомандующего Жоффра, репутация которого лопнула как мыльный пузырь из-за явно плохой подготовки Вердена и менее справедливо из-за поражения на Сомме. Жоффр был сменен Нивелем, популярным героем Вердена. Назначение его вызвало изменения в плане кампаний на 1917 г. в том смысле, что французам теперь была отведена более пассивная роль — роль «зрителя».

В соответствии с этим британцы должны были взять на себя значительно больший участок фронта. Между тем возникли трения, вызванные диктаторским поведением Нивеля по отношению

к своим союзникам. Помог здесь и штаб Нивеля, интриговавший за смещение Хейга.

Худшим в этой перемене плана было то, что она вызывала задержку с наступлением союзников. И раньше, чем наступление это могло начаться, германцы подсекли его в корне, не только проведя стратегическое отступление, но и отойдя со всей прежней разведанной линии фронта между Аррасом и Суассоном. Была сделана глупая попытка изобразить это как победу британцев и как плод, правда, несколько запоздалый, наступления на Сомме. Если это и был плод, то не в том смысле, как это толковало британское командование.

Дело в том, что система мелких, ограниченных выступлений, продолжавшаяся союзниками всю осень, предоставила германцам широкую возможность вырыть — в буквальном и переносном смысле — яму для нападавшего на них противника. Выпрямив свой фронт отступления на вновь выстроенную «позицию Гинденбурга», они заставили британцев осмотрительно и осторожно преодолеть разделявшую обе стороны пустыню, которую создали сами германцы, искусно и тщательно все разрушив. Это отступление свело на-нет всю подготовку союзников к атаке, ограничив виды на будущее наступление секторами на обоих флангах эвакуированного германцами района.

Таким образом центр тяжести наступления британцев ложился на 3-ю армию под начальством Алленби. Если бы ему удалось прорваться сквозь старую полосу укреплений как раз на севере, где кончалась «позиция Гинденбурга», он мог бы автоматически обойти эту новую позицию с фланга и тыла.

Но, предвидя такую попытку, германцы вырыли параллельную линию окопов от Кеан (у северного края «позиции Гинденбурга») мимо Дрокур, чтобы прикрыть тыл старых укреплений, севернее Арраса. Таким образом все виды Алленби на стратегический успех всецело зависели от того, удастся ли ему достигнуть и прорвать эту частично лишь доведенную до совершенства промежуточную позицию, лежащую в 5 милях за передовой линией обороны, прежде чем подойдут в достаточном числе германские резервы.

Проложить дорогу могла только внезапность. Поэтому действительная трагедия наступления у Арраса заключается скорее в предварительных обсуждениях этой операции и в подготовке к ней, чем в самом сражении.

От внезапности, если не считать 14 июля, отказались и при наступлении на Сомме. Это лучшее оружие всех великих полководцев истории было в загоне и покрывалось ржавчиной с весны 1915 г. Два способа, которыми могла быть обеспечена внезапность и во-время достигнута промежуточная позиция Дрокур—Кеан, заключались в массированной атаке танков или ураганной бомбардировке, короткой, но мощной. Первое средство оказалось невозможным из-за медлительности в поставке новых танков после малообнадеживавших донесений, поступивших об их работе в 1916 г. Всего на-всего удалось наскрести 60 старых машин. Алленби и его артиллерийский советчик Холланд хо-

тели добиться по возможности более короткой бомбардировки и предложили вначале, чтобы она длилась только 48 часов. Если это, учитывая последующие нормы, оказалось на 40 часов больше, чем следовало, то все же это был робкий шаг в сторону достижения внезапности. Но главное командование сохраняло верность теории длительной бомбардировки, питая глубокое отвращение ко всяким нововведениям.

Несмотря на это, Алленби стойко придерживался своей точки зрения, пока главный штаб не выбил у него почву из-под ног, назначив его артиллерийского советника на другое место и сменив его человеком, разделявшим взгляды главного командования.

Тогда был принят план пятидневной артиллерийской подготовки, предшествуемой трехнедельным прорезыванием проходов в проволоке, что опять-таки говорило о полном отказе не только от внезапности, но и от действительного прорыва.

Теперь Алленби, хотя и с меньшим упорством, старался все же как-нибудь спасти внезапность: он хотел связать между собой подземные сточные трубы и каменоломни Арраса, С.-Совера и Ронвиля, чтобы укрыть там две дивизии, которые должны были пройти под землей и перепрыгнуть через головные дивизии.

Другая характерная особенность этого плана заключалась в том, что после прорыва тремя атакующими корпусами 3-й армии первой полосы системы обороны противника, кавалерийский корпус (Кавана) и XVIII корпус Макса должны были в центре развивавшегося наступления протиснуться через человеческую гущу и броситься вперед к промежуточной позиции. Ради скрытности частично пошли на смелый риск и решили продвинуть эти силы, предназначенные для преследования противника, через город Аррас, дома которого почти вплотную подходили к линии фронта.

Намерения эти, свежие и оригинальные, были сорваны в действительности не только отсутствием начальной внезапности, но и сравнительно узким фронтом первоначальной атаки, всего около 12 миль.

Таким образом прорыв в центре был настолько узок, что Людендорфу легко было закупорить брешь. Людендорф при Виленском наступлении осенью 1915 г. воспользовался лучшим методом действия — двойным прорывом двумя рогами, как бы пробуравливающими фронт противника, а через широкий промежуток между рогами неожиданно для противника появились преследующие войска.

Основным недостатком плана Аррасского наступления была, кроме того, ширина базы операции по сравнению с шириной участка фронта, на котором проводился удар. Все дороги, по которым текли снабжение и поддержки, сходились в Аррасе. В результате этого узкое отверстие горловины было совершенно забито.

Когда начальным атакам не удалось продвинуться вперед так успешно, как это предполагали, то затор еще более увеличился прибытием в передовую зону конницы, хотя опыт 1915 и 1916 гг.

должен был с достаточной наглядностью показать, что выбрасывание вперед конницы совершенно бесцельно, пока ей не расчищена широкая дорога для преследования.

Но если стратегический объект наступления фактически и был потерян еще до того, как пробил «Х» час 9 апреля, начальный тактический успех являл собой яркий и воодушевлявший контраст по сравнению со всеми предыдущими британскими наступлениями. Новые британские снаряды, начиненные ОВ, весьма удачно парализовали артиллерию обороны. Они не только заставили орудийный расчет надеть противогазы и не снимать их часами, но от действия газов лошади гибли, как мухи. Таким образом не удавалось подвозить огнеприпасы.

Атаку повели VII, VI и XVII корпуса 3-й армии и канадский корпус 1-й армии. На крайнем правом или южном фланге находился VII корпус Сноо; 21-я дивизия корпуса, расположенная у Круазиль, образовывала ось наступления остальных частей корпуса 14-й, 30-й и 56-й (1-й лондонской) дивизии. Слева был расположен VI корпус Хальдана, где 3-я, 12-я и 15-я дивизии шли в атаку, а 37-я дивизия ожидала в резерве, чтобы затем прыгнуть через передовые дивизии и овладеть основной позицией германцев у Монши-ле-Пре. Болотистая долина р. Скарпы—разграничительная линия между VI корпусом и его соседями—разделяла британские правый и левый фланги. Севернее р. Скарпы атака была поручена XVII корпусу Фергюссона. Ее должны были вести 3-я, 34-я и 51-я дивизии, а 4-я дивизия пройти впоследствии через 9-ю дивизию на правом фланге корпуса. Севернее всех канадский корпус Бинга должен был штурмовать пользовавшийся дурной славой, зловещий гребень Вими, который вот уже столько времени был непроницаемой преградой для союзников. Поэтому захват большей части этого гребня 9 апреля стал особо выдающимся событием из-за славы или, если говорить с точки зрения союзников, от дурной славы, с которой для них был связан этот гребень. Подвиг канадцев хорошо был подготовлен и также хорошо проведен. Все же справедливо отметить, что, с одной стороны, задача здесь решалась легче, чем южнее, так как самый факт атаки под гору давал атакующим здесь лучшие возможности для артиллерийского наблюдения и более сухую почву, нежели частям, которым приходилось итти по вязким или болотистым участкам вблизи р. Скарпы.

В 5 час. 30 мин. утра атаковавшая пехота на всем фронте атаки двинулась вперед под прикрытием ползущего огневого вала, прекрасно рассчитанного по времени. Менее чем через час почти вся передняя полоса обороны германцев была захвачена. Севернее р. Скарпы успех развивался довольно успешно, так что когда головные дивизии достигли указанных им трех последовательных целей, 4-я дивизия прошла через них на правом фланге корпуса и, овладев Фампу, прорвала последнюю германскую позицию впереди промежуточных укреплений Дрокур—Кеан. Но южнее р. Скарпы, вначале у жел.-дор. треугольника, затем у Телеграф. высоты и, наконец, на линии Ванкур—Феши сопротивление германцев, поддержанных пулеметным огнем с холма Монши-ле-

Пре, оказалось настолько сильным, что оно значительно задержало наступление 12-й и 15-й дивизий, хотя совершенно сломить его германцам не удалось. В итоге резервная 37-я дивизия не смогла в этот день пройти вперед, кроме того совершенно напрасно подошла сюда и конница, еще больше загромождая и без того забитый район.

Результаты первого дня наступления были больше (как по числу пленных, так и по пройденному пространству) и достигнуты быстрее, чем при любом из предшествовавших наступлений. Но все же результаты эти заставили окончательно померкнуть слабые надежды на стратегический прорыв. Помогло этому и неправильное применение танков. Было бы разумнее, имея только 60 машин, сосредоточить их на основном направлении для захвата Монши-ле-Пре, вместо того чтобы разбросать их по всему фронту наступления. Ошибка эта была повторена и во второй фазе операции. Если бы все имевшиеся танки были сосредоточены на южной стороне сектора, образовавшегося в итоге наступления первого дня, то они смогли бы ударить по германцам с фланга и разгромить их оборону.

10 апреля 3-я армия тщетно билась, пытаясь сломить усиливавшееся сопротивление неприятеля, но артиллерия находилась слишком далеко, чтобы поддержать пехоту. Только утром 11 апреля прибытие четырех танков помогло одному из батальонов 37-й дивизии овладеть Монши-ле-Пре, вклинившись в расположение противника. К сожалению, клин этот был и слишком узок и слишком поздно забит.

В то же утро часть 5-й армии развила атаку с юга на «позицию Гинденбурга», пытаясь этим ослабить сопротивление германцев на фронте 3-й армии. Это было отчаянное средство, чтобы выйти из безнадежного положения. Дело в том, что армия, медленно и с трудом преодолевая очищенное германцами пространство, не имела времени, чтобы провести подготовку к наступлению или даже подтянуть артиллерию, необходимую хотя бы для обычной стычки в условиях позиционной войны, а не то, чтобы проводить штурм массивных укреплений «позиции Гинденбурга». Неизбежные трудности привели к попытке по-новому применять новое оружие — попытке, в которой уже можно было найти зародыш методов действий, с таким триумфом и с таким успехом применявшихся позднее у Камбрэ. Но вместо 381 танка, как это было под Камбрэ, здесь удалось набрать только 11! Поскольку артиллерийская поддержка отсутствовала, эта горсточка танков заменяла собой подвижной огневой вал и разрушала проволочные заграждения, ведя у Буллекура 4-ю австралийскую и 62-ю дивизии в атаку на «позиции Гинденбурга». И не только часть позиции южнее Буллекура оказалась захваченной штурмом, но два танка проникли почти на милю глубже, дойдя до Риенкура и очистив эту деревню, которую затем заняли австралийцы, следовавшие за танками по пятам.

Все это далось изумительно легко, но успех был сорван поражением войск, выделенных для обеспечения правого фланга наступления. Контратакой с этого направления немцам удалось

овладеть танками и захватить в плен большое число австралийцев. Пехота была вынуждена вернуться на свои исходные позиции. Если бы прикрытие фланга наступления было лучше обеспечено, то захваченное удалось бы удержать. Но британцы (62-я дивизия) вряд ли могли сделать больше: упорное сопротивление немцев в Хенинель и Ванкур, справа от 3-й армии, совершенно исключало возможность соединения обеих армий.

На следующее утро в геройском штурме 21-я и 56-я (Лондонская) дивизии овладели обоими этими бастионами, но все возраставшая сила германских контратак привела 14 апреля к концу первую и главную фазу этого наступления. Стратегический успех не удался, но было захвачено 13 000 пленных и 200 орудий.

Вторая фаза наступления привела к незначительным результатам, если сравнить их с подавляющим итогом потерь британцев.

Французское наступление 16 апреля на р. Эн, введением к которому послужила атака у Арраса, оказалось еще более тяжелой катастрофой, уничтожившей легкомысленные надежды и предсказания Нивеля и в своих развалинах похоронившей его карьеру.

Британцам удалось возобновить свое наступление лишь неделю спустя. Хотя Хейг и решил «всеми силами продолжать британское наступление... чтобы поддержать наших союзников...», но к этому времени французы все еще не перешли в наступление. Нечего и некого было поддерживать.

23 и 24 апреля Алленби, неся тяжелые потери и встречая энергичное сопротивление, несколько продвинул свой фронт вперед, заняв Гемапп и Гаврель.

На совещании командующих армиями 30 апреля Хейг сообщил, что у него мало надежд на возможность дальнейшего наступления французов, но он решил все же продолжать наступление британских частей, «чтобы методично продвигаться вперед» до хорошего оборонительного рубежа.

Несмотря на бесплодные дальнейшие атаки и большие жертвы 3 и 5 мая, а также невзирая на «скороспелые» штурмы, где войска проявляли больше упорства, чем искусства или осмотрительности, рубеж этот так и не был достигнут.

Наконец, отказались вообще от наступления, имевшего такой печальный конец. Центр тяжести действий британцев был перенесен тогда к северу, чтобы 7 июня загореться блестящим достижением у Мессин, затем жалко погаснуть 6 октября в болотах Пашендэйля.

2. Шедевр осадной войны.

7 июля 1917 г. у Мессин произошел бой, который приветствовался всеми как выдающееся военное достижение и который сегодня, не в пример многим прикрашенным историей «шедеврам» войны 1914—1918 гг., все еще не потускнел. И сейчас мы признаем, что захват Мессинского хребта 2-й армией ген. Плю-

мера является почти единственной операцией, где в «осадной» войне действительно были применены осадные методы действий. Это было также одной из немногих атак (не считая атак конца 1918 г.), где методы, примененные командованием, полностью соответствовали фактической обстановке.

Но если сегодня историческое значение этого боя лежит в исключительном приспособлении методов его проведения к обстановке, то в свое время это было затемнено. Но правильно оценивается значение этого боя как лекарства, укрепившего моральный дух союзников. Быть может, это явилось даже слишком сильным возбудителем для тех, кто непосредственно не руководил этой операцией. Это привело к преувеличенным надеждам, возлагавшимся на последующие операции под Ипром, где условия были иными, иными были и методы действий.

Но эти размышления не должны набрасывать тень на ценность успеха, достигнутого у Мессин. Победа эта была укрепляющим лекарством, совершенно необходимым после депрессии, вызванной печальным концом весенних наступлений у Арраса и на р. Эн.

В то время как Петен старался спаять и омолодить французскую армию, Хейг решил перенести главную тяжесть своих ударов во Фландрию, причем в качестве подготовительного шага к предстоявшим главным действиям в районе Ипра выполнить давно задуманный план — овладеть холмистой местностью у Мессин, чтобы создать опору фланга Ипрского наступления. Пока местность эта была в руках германцев, она позволяла противнику полностью просматривать британские окопы и передовые артиллерийские позиции. Она позволяла также германцам командовать над путями сообщений к ипрскому участку и простреливать фланговым или даже тыльным огнем окопы на этом участке.

Подготовка операции началась примерно на год раньше, хотя по-настоящему подготовка развернулась только с зимы. Таким образом, когда 7 мая Хейг спросил Плюмера, скоро ли он будет готов, чтобы развить атаку Мессин, Плюмер смог ответить: «Через месяц, считая с сегодняшнего дня», и Плюмер точно выполнил свое обещание. Спокойная уверенность этого делового утверждения ничего не говорит об опасениях, в действительности переживаемых им, не говорит о силе воли, которая потребовалась Плюмеру, чтобы до конца довести эту операцию.

Основной фактор успеха был заложен в последовательном взрыве 19 больших мин, содержавших 600 т взрывчатых веществ. Мины эти потребовали прокладки 8 000 м подземных галлерей, что и было сделано с января, несмотря на активную противоминную деятельность противника.

За несколько месяцев до атаки Плюмеру донесли, что германцы находятся в 45 см от мины, подводимой под высотой 60, и что остается лишь взорвать мину. Плюмер был непоколебим и наотрез отказался от этого. С равной стойкостью он выдерживал томительный поток чудовищных слухов и донесений, затоплявший его в течение всех последующих недель.

Кто был прав, выяснилось в 3 часа 10 мин. утра 7 июня, когда эта мина планомерно взорвалась с 18 другими минами и только одна из заложенных 20 мин была преждевременно взорвана германцами.

Другой пример силы воли Плюмера дает его противодействие энергичному и коварному нажиму главного штаба с целью сменить его артиллерийского советника. Перед Аррасским наступлением то же случилось и в 3-й армии, когда план артиллерийской подготовки, разработанный Алленби, был коренным образом изменен. Это привело к полному отказу от всякой внезапности.

Но в данном случае Плюмер давал стойкий отпор всем попыткам произвести замену его советника. Наконец, он решительно пресек интриги главного штаба, просто сказав, что пока ответственность за операцию лежит на нем, он будет иметь тех работников, которых считает нужным, и хотя Плюмер оказался достаточно сильным, чтобы сопротивляться советам «экспертов», имея свою точку зрения и даже противопоставляя ее советам экспертов, но ни один командир с таким рвением и охотой не собирал эти советы, как он, и никто тщательнее не взвешивал все «за» и «против», прежде чем притти к определенному решению. Начальником его штаба был Гарингтон, в котором ум сочетался с приветливостью в общении с другими людьми. Эти счастливые качества являлись залогом сработанности и спайки, царивших в штабе 2-й армии и передававшихся войскам.

Доверие и восприимчивость ко всяким идеям и критике были отличительными чертами 2-й армии. Эти качества культивировались в школах и повторных курсах, работавших за линией фронта, где всячески поощрялись любознательность и свободная критика, а на всякий вопрос всегда давались ответ и его обоснование. К этим методам прибегали, готовясь и к операции. Там, где другие старшие начальники просто указывали ряд последовательных целей, овладеть которыми должны будут войска, Плюмер придерживался совсем иного метода. Он намечал известные временные рубежи и затем подробно обсуждал их до мельчайших деталей с командирами заинтересованных корпусов и дивизий, уточняя отдельные цели по местным условиям и мнениям высказывавшихся. Наконец, в процессе этой работы составлялось по частям, как мозаика, окончательное решение, единодушно всеми поддерживаемое.

Беспристрастный здравый смысл суждений Плюмера виден и из того факта, что, хотя он сопротивлялся техническим советам главного штаба, когда они шли вразрез с действительностью, он охотно приветствовал их, когда они были целесообразны.

Западный фронт в 1914—1918 гг. был по преимуществу ареной инженерной войны. Между тем историки будут смущены той незначительной ролью, какую играли инженерные войска в руководстве этой войной и господством доктрин конницы и пехоты в попытках разрешать задачи, которые ставила эта война. Мессин явился резким контрастом. Здесь методы действий и подготовка в значительной степени основывались на руководстве,

составленном работниками инженерных войск на основе их специальных знаний и опыта осадной войны.

Мессин должен был стать чисто осадной операцией — захватом укрепленного района ценой минимального расхода человеческих жизней и максимальной замены в подготовке, в средствах и в выполнении операции человеческих тел — живого «пушечного мяса» — работой ума. Мины, артиллерия, танки и ОВ — все это должно было сыграть свою роль. Но противный ветер сорвал большую часть схемы поддержки операции газами, а эффект взрыва мин и действий артиллерии оказался таким подавляющим, что танкам почти ничего не оставалось делать. Только на участке наступления одного центрального корпуса протяжением в 3 км было в общем сосредоточено 718 пушек и гаубиц, 192 окопных мортиры и 198 пулеметов. Приблизительно одно орудие приходилось здесь на каждые 7 м фронта или 240 орудий на милю.

Атака должна была вестись с двух сторон выступа, чтобы отрезать его. Это увеличивало виды на успех, но осложняло работу штабов, войск и артиллерии по подготовке наступлений. Дело в том, что из-за этого сектора каждого атакующего корпуса были различной глубины и сужались все больше и больше по мере приближения к конечной цели наступления, которую представляла собой хорда дуги, образующей выступ. Но, так как это была осадная операция без всяких попыток шире развить успех или даже создать прорыв, то здесь легче было избежать заторов и скопления войск, чем у Арраса, где это и произошло. А проблема упрощалась еще и планом, согласно которому сектора были распределены таким образом, что пять дивизий получили полосы наступления равной ширины как на фронте, так и в тылу, а четырем дивизиям, заполнявшим промежутки, были поставлены более ограниченные задачи. Затем, когда главный хребет оказался бы захваченным, свежие войска должны были «перепрыгнуть» через передовые части и овладеть последним рубежом Ооставерн, лежавшим в основании дуги, которую этой операцией хотели ликвидировать.

Детальной организацией и глубокой продуманностью была отмечена вся подготовка к операции. Но это основывалось на личном общении. Работники штаба постоянно посещали части и окопы: бумажных донесений и инструкций было сравнительно немного. Другой характерной чертой операции явилась специальная организация разведывательной работы. Данные, получавшиеся от опроса пленных, от наземного и воздушного наблюдения и разведки, от аэрофотосъемки, перехваченные радиосообщения, работа звукометрических аппаратов — все это многообразие информации быстро перебрасывалось в армейский разведывательный центр, выдвинутый на две недели в Локр-Шато. После тщательной проверки, эти сведения распространялись в сводках и наносились на карты.

Бомбардировка и «резка проволоки», начавшись 21 мая, развились 28 мая и завершились семидневным ураганным обстрелом, вперемежку с «учебной» оганизацией огневых валов, чтобы про-

верить, исправна ли подготовка. Связанный с этим отказ от внезапности не играл роли при Мессинском ударе, явившемся в сущности ограниченным наступлением. Не так было при наступлении у Арраса, где отказ этот явился роковым для успеха. Хотя у Мессин и не было внезапности в прямом смысле этого слова, но здесь был внезапный эффект от взрыва мин и от подавляющего огня артиллерии. Длился этот эффект достаточно долго, чтобы позволить войскам овладеть поставленными им короткими целями. Степень и различие между фактической внезапностью и внезапным эффектом в теории военного искусства имеют большое значение.

9 пехотных дивизий, с тремя дивизиями в ближнем резерве, должны были под прикрытием огневого вала двинуться на штурм. На правом (южном) фланге был II «Анзак» (Годлей) в составе из 3-й австралийской, Новозеландской и 25-й дивизий; 4-я австралийская дивизия была в резерве. В центре наступал IX корпус (Гамильтон—Гордон); атаку здесь вели 36-я, 16-я и 19-я дивизии; 11-я дивизия — резерв. На левом фланге был X корпус (Морланд) — 41-я, 47-я и 23-я дивизии; в резерве была 24-я дивизия.

В 3 часа 10 мин. утра 7 июня были взорваны 19 мин. На воздух взлетел большой участок германского фронта. Одновременно окопы накрыл огневой вал. Когда осели обломки и земля и утихли взрывы мин, пехота двинулась вперед. Не прошло нескольких минут, как вся передовая полоса обороны противника была пройдена почти без всякого сопротивления. Сопротивление усиливалось по мере углубления наступления, но хорошая подготовка пехоты и эффективность огневого вала, построенного на тончайшем расчете, позволили пехоте развивать свое наступление. Через три часа весь гребень был в руках британцев.

Новозеландская дивизия очистила промежуточные укрепления самого Мессин; здесь скорость движения огневого вала была установлена в 15 мин. для 100 м вместо его общей скорости — 100 м в 3 мин. Некоторое время противник держался в Витшает и Хуайт-Шато. Но первая деревня после геройской борьбы была захвачена соединенными усилиями частей 36-й (Ульстер) и 16-й (Ирландской) дивизий. Самым трудным сектором, пожалуй, был сектор наступления 47-й (2-й Лондонской) дивизии, которой надо было не только захватить сильно укрепленную позицию у Хуайт-Шато, но и взять канал Ипр—Комин — преграда на пути наступления дивизии. Дивизия все же справилась с этими трудностями, и к 10 час. утра атакующие части достигнули на всем фронте атаки цели первой фазы наступления.

В то время как закреплялся достигнутый рубеж, вперед было выдвинуто около 40 батарей, чтобы огнем своим поддержать следующий скачок войск.

В 3 часа 10 мин. дня резервные дивизии и танки прошли сквозь головные части. Не протекло и часа, как были достигнуты все конечные цели наступления. Захвачено было около 7 000 пленных, не считая убитых и раненых; атакующему это обошлось в 16 000 человек.

Успех был настолько полный, что в этот день противник предпринял лишь слабые попытки контратаки. Когда на следующее утро на всем фронте была развита ожидаемая контратака, она повсюду сломалась, наталкиваясь на быстро и прочно организованную оборону. А когда неприятель откатился назад, британцам удалось даже еще несколько продвинуться вперед.

Исключительное значение Мессинского наступления (не в пример боям 1918 г.) состоит в том, что методы действий 7 июня 1917 г. действительно соответствовали условиям подавления противника, тогда еще вполне мощного и непоколебленного.

3. Драма «Пашендэйля»

(Схема 13)

31 июля началось то, что называется «Третьим Ипрским сражением». Знаменательно для всего хода этого сражения и его исхода, что в общежитии этому сражению дали имя «Пашендэйля». В действительности этим именем просто была обозначена последняя сцена мрачнейшей драмы на протяжении всей британской военной истории. Хотя сражение это и называют третьим — это не было сражение, а скорее кампания, с боями, носившими характер, свойственный военным анналам Фландрии и вообще Нидерландов.

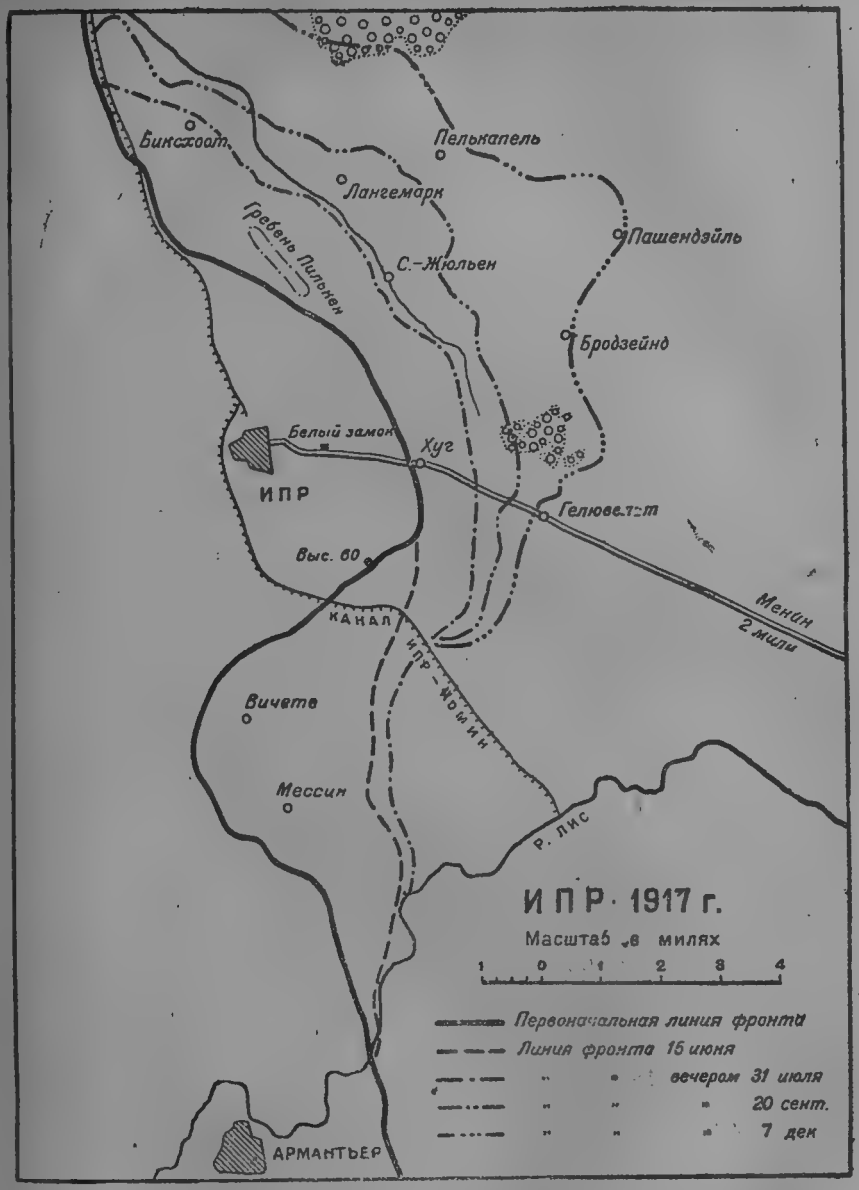
Это сражение, как и германские предшественники этих боев в 1914 и 1915 гг., ни к чему, кроме потерь, не привело.

Это сражение было так бесплодно по своим результатам и в то же время так гнетуще и кошмарно по руководству, что «Пашендэйлю», этому наступлению 1917 г., суждено было стать (как Валхерен — сто лет назад) синонимом военного поражения — названием, окаймленным траурной чертой в истории британской армии. Даже исключительная выносливость и самопожертвование, проявленные войсками, или лучше руководство ими со стороны командования, которое в последние периоды операции много сделало, чтобы уменьшить страдания войск, не померкли, а совершенно сгладились в памяти из-за бесплодности замысла и результатов этой операции.

Как же возникло это сражение и какова была цель «Третьего Ипра»?

Наступление на этом участке входило первоначально в намерения Хейга как лепта, вносимая в план действий союзников на 1917 г. Фактическое проведение этого наступления затормозилось несчастливым течением событий на других участках. Когда за неудачей начального наступления весной в Аррасе и Шампани последовала угроза паралича французской армии как боевой силы, то «первая помощь», оказанная Хейгом, выразилась в распоряжении, отданном 3-й британской армии,— продлить проводимое ею наступление у Арраса еще на несколько недель с общей целью держать германцев на этом направлении скованными и с частной целью — достигнуть хорошего оборонительного рубежа. Рядом последовательных ударов против неприятеля, бывшего теперь настороже и усилившегося, не удалось достиг-

СХЕМА 18



нуть Арраса; тогда Хейг решил перенести центр тяжести усилий британцев севернее, во Фландрию, как он первоначально и имел в виду. Лойяльность к союзникам и большая щепетильность к общим интересам вдохновили его придерживаться наступательной политики и дальше, хотя бы при этом французы и не оказывали ему никакого содействия. Его замечания на конферен-

ции командующих армиями 30 апреля показывают, что сам-то он фактически махнул рукой на возможность действительного участия французов в операции 1917 г., записав долю их участия на страницу безнадежных долгов.

Справедливо упомянуть, что в мае мнение Хейга о наступательной политике, которой следует придерживаться, было поддержано и премьер-министром, который, приняв участие в азартной игре Нивеля за победу, теперь горел желанием продолжать наступление.

Но надо также отметить и то, что, несколько поостыв и поразмыслив, министр тщетно пытался остановить политику, которой он сам раньше потакал.

Хотя тяжелое положение, явившееся следствием ослабления французской армии, а также вызванный подводной кампанией кризис на море и потребность поддержать все еще возможное наступление России и могли оправдать такое решение Хейга в мае, но к 31 июля, когда фактически началось это наступление, обстановка коренным образом изменилась.

На войне решающий фактор — время. К июлю французская армия под влиянием лечения, проведенного Петеном, хотя несколько и оправилась, однако, выздоровление было неполным. Тяжелые последствия подводной кампании были уже в прошлом, а паралич русской армии как следствие революции не вызывал больше никаких сомнений.

Несмотря на это, планы британского главного командования остались неизменными. Историк может смело утверждать, что урокам истории, недавнему опыту и материальным факторам уделялось недостаточное внимание. Это наблюдалось как при решении вопроса о больших наступлениях, так и при выборе направлений, где эти наступления следовало развивать.

В данной операции ось наступления не приводила, а уводила от основных коммуникаций германцев, и наступление не могло серьезно угрожать позициям противника во Франции.

Странно, что Хейг в 1917 г. пошел на такое «эксцентричное» направление наступления. Между тем через год, по его совету, Фош и Першинг отказались от точно такого же направления на другом фланге Западного фронта. Наступление на бельгийском побережье не обещало никаких широких стратегических выгод. По этой же причине оно вряд ли было лучшим направлением хотя бы как средство с выгодой для себя сковать и истощить мощь противника. Больше того, мысль, будто спасение Британии от голода зависит от захвата баз подводных лодок на этом побережье, давно уже была развенчана, так как подводная кампания базировалась, главным образом, на германские порты. Но для справедливости надо отметить, что ошибочное представление, создавшееся у Хейга, было ему внушено адмиралтейством.

Хуже всего, что Ипрское наступление было обречено на неудачу раньше даже, чем оно началось, сопровождаясь сознательным разрушением сложной системы дренирования этой части Фландрии. Поощрялась легенда, что проклятые «Пашендэйльские болота» в результате несчастного стечения обстоятельств

и проливных дождей, представили собой естественное и потому непреодолимое препятствие, которое нельзя было предвидеть.

В действительности, еще до сражения штабом танкового корпуса была послана в главный штаб докладная записка, где указывалось, что, если район Ипра и система дренирования будут разрушены артиллерийской бомбардировкой, то поле боя превратится в трясину. Эта докладная записка была составлена на основе информаций, полученных от бельгийского общества «Ponts et Chaussées» и на основе произведенного исследования на месте, хотя столь важные факты должны были быть давным давно известны командованию и оценены им.

Район этот — болотистая местность — был осушен упорным трудом в течение многих столетий, и местные фермеры под страхом кары были обязаны содержать в порядке плотины и осушительные рвы на своей земле. Земля здесь использовалась под пастбища, так как она часто затоплялась и была слишком сыра для земледелия. Невнимание к этому предостережению — основная и неизбежная причина никчемных результатов «Пашендэйльского наступления».

Быть может яркий блеск успеха 7 июня — наступления у Мессин — также пробудил необоснованные надежды, связанные с этой совершенно иной по замыслу и целям операцией. Прошло почти два месяца, пока закончилась подготовка к наступлению, и за этот промежуток времени германцы имели достаточно предупреждений, чтобы подготовить свои контрмеры. Меры эти включали и новый способ обороны, соответствовавший местности, пропитанной водой, как губка. Методы наступления британцев, напротив, совсем с этим не считались.

Не в пример британцам, совершенно не учитывавшим местности, германцы великолепно приспособили к ней свою оборону. Вместо старой линейной системы окопов, они развили систему отдельных опорных пунктов и небольших блиндажей, сильно эшелонированных в глубину, причем местность должна была возможно больше удерживаться пулеметами и возможно меньше — людьми. Передовые позиции были слабо заняты, а сохраненные, таким образом, резервы сосредоточивались в тылу для быстрых контратак, выбивавших британские войска из захваченной в порыве наступления местности. И чем глубже проникали бы британцы, тем совершеннее и организованнее были бы перед ними оборонительные сооружения германцев. Более того, использовав иприт, германцы применили новый трюк, серьезно мешавший работе британской артиллерии и отравлявший даже районы сосредоточения войск.

Таким образом, когда, наконец, грянул давно ожидаемый противником удар, то он привел кронпринца Рупрехта в такое хорошее настроение, что, позабыв обычный для него пессимизм, он записал в своем дневнике:

«Я совершенно спокоен, думая об этой атаке, так как никогда мы не располагали столь сильными резервами — резервами, так хорошо подготовленными для предстоящей им задачи, как на данном участке фронта».

Фронт этот защищали войска 4-й германской армии, во главе которой стоял Сикст-ф.-Арним.

Главная роль в атаке британцев была дана 5-й армии, а один из корпусов 2-й армии должен был играть второстепенную роль на крайнем правом фланге.

22 июля началась артиллерийская бомбардировка, в которой участвовало 2 300 орудий. Продолжалась она десять дней, пока в 3 часа 50 мин. утра 31 июля пехота не двинулась вперед на фронте в 15 миль, сопровождаемая проливным дождем. Левый фланг достиг существенного успеха: войска захватили Биксхоот, С.-Жюльен, гребень Пилькен и достиг линии р. Стеенбек. Но на наиболее важном участке — у дороги на Менин — атака была отбита. А дождь продолжал лить день за днем, задерживая развитие следующей попытки смять фронт обороны и ускоряя превращение плохо осушиваемой местности в болото, в котором первыми (и задолго до пехоты) увязли танки.

Второй удар 16 августа был по своим результатам лишь ослабленным эхом первого удара. Левый фланг вновь продвинулся по небольшой лощине, образованной маленькой долиной р. Стеенбек, и прошел развалины того, что когда-то называлось Лангемарк. Но на правом фланге, где наступление только и могло иметь стратегический эффект, атакующие тяжелой ценой расплачивались за ничто. Даже число пленных не превышало двух тысяч. Войска чувствовали, что не только умелое сопротивление неприятеля и топкая грязь являются виновниками их бесполезного самопожертвования. Всюду раздавались горькие жалобы на руководство и работу штаба армии Гауфа. Справедливость этих жалоб видимо нашла должное признание. Хейг расширил фронт 2-й армии к северу, включив сюда и участок дороги на Менин, тем самым поручив Плюмеру руководство главным ударом, проводимым в направление гребня высот к востоку от Ипра.

В лучшем случае надо считать, что Плюмеру поставлена была неблагодарная задача. Опыт войны ясно указал на бесплодность продолжать усилия на тех направлениях, где уже прочно обосновалась неудача. Странной причудой судьбы явилось и то, что лавры, добытые армией у Мессин, должны были быть потеряны ею в болотах за Ипром.

Все же репутация Плюмера и штаба 2-й армии, возглавляемого Гарингтоном, помогла не тому, что армии фактически удалось осуществить, а скорее тому, что армия сделала больше, чем в таком безнадежном предприятии вообще можно было от нее ожидать. Определение талантливости как «способности бесконечно стараться из всех сил» находит пример и подтверждение в сочетании Плюмер—Гарингтон. Применяя и здесь, как в Мессин, методы действий осадной войны для решения задачи, которая скорее напоминала осаду, чем бой, они остановились на плане коротких наступлений, которые не развивались далее того пункта, где прекращалось действие артиллерийской поддержки, оставляя тем самым пехоту достаточно свежей, а артиллерию — достаточно близко, чтобы противодействовать неминуемым контратакам.

Плохая погода и необходимость подготовки задержали возобновление наступления до 20 сентября, но в это утро 2-я армия добилась успеха своей атакой на фронте в 4 мили именно там, где раньше были только поражения, по обеим сторонам дороги на Менин. Части шести дивизий (19-й, 39-й, 41-й, 23-й, 1-й и 2-й австралийских), в которых пехота была уменьшена до минимума, а артиллерия усилена до максимума, пошли в атаку в 5 час. 40 мин. утра. К 6 час. 15 мин. утра был достигнут первый рубеж почти без серьезного сопротивления врага. Сопротивлялись только один-два опорных пункта, овладения которыми и не добивались. Третий и последний рубеж был захвачен вскоре после полудня, а контратаки — отбиты огнем.

Новый скачок 26 сентября и еще один скачок 4 октября (причем последний проводился уже на фронте, протяжением в 6 миль) частями 37-й, 5-й, 21-й и 7-й дивизий, 1-й, 2-й и 3-й австралийскими дивизиями и новозеландской дивизией привели британцев к овладению главным гребнем восточнее Ипра с м. Гелювельт, лесом Полигон и м. Броодзейнд, несмотря на потоки дождей, превративших поле боя в еще большее болото, чем раньше. В обоих случаях большинство контратак ломалось огнем, что являлось успехом, достигнутым хорошей работой авиации по обслуживанию артиллерии и быстрым откликом последней на требования пехоты. В три приема атакующие «поглотили» около 10 000 пленных. «Ненасытность» наступающих испугала противника. Он отказался от своей гибкой оборонительной тактики, усилив передовые позиции и тем самым увеличив свои потери под огнем британской артиллерии.

Атаки 2-й армии кое-что сделали для восстановления престижа союзников, хотя они почти не имели стратегического значения и не могли поправить операцию, которая заранее была обречена на неудачу и в которой как время, так и место для глубокого прорыва давным давно были упущены.

К несчастью, главное командование решило продолжать нецелесообразное наступление в течение немногих оставшихся до зимы недель и этим изводило резервы, которые еще могли спасти от банкротства запоздалый эксперимент под Камбрэ.

Потратив напрасно все лето и истощив свои силы в грязи, где танки утопали, а пехота беспомощно барахталась, Хейг, наконец, решил в ноябре выбраться на сухую почву к Камбрэ, но и там успех был упущен из-за нехватки резервов.

Под Ипром мелкие атаки 9 и 12 октября несколько продвинули фронт британцев. После небольшой передышки 22 октября попытались провести объединенную атаку усилиями 5-й английской армии и французов. 26 октября 2-я армия под потоками дождя, как и обычно, сделала новое усилие, которое оказалось еще менее действительным, чем прежние, из-за усталости войск, вызванной наступлением по болоту, и тем, что грязь забивалась в винтовки и пулеметы. Оружие отказывало в действии, а грязь сводила на-нет эффект разрыва снарядов. Тяготы атакующих увеличились применением противником в более широком масштабе иприта и переходом его вновь к тактике сохранения главной мас-

сы своих войск глубоко в тылу позиции для контрудара. И лишь, когда 4 ноября внезапное наступление 1-й дивизии и 2-й канадской дивизии привело к ничтожным результатам и была, наконец, занята окраина деревни Пашендэйля, то был спущен занавес над плачевной трагедией, называемой «Третьим Ипром». Ненужное затягивание этой операции довело британские армии до полного истощения, вымотав у них все силы и даже разложив их, так как в это время в армии разыгрывались такие тяжелые инциденты, какие вряд ли когда-либо встречались в британской военной истории. Невольно создается впечатление, что в стремлении приковать внимание противника и сковать его силы Хейг выбрал направление, представлявшее наибольшие трудности для него самого и наименее важное для противника. Предполагая поглотить резервы противника, он поплатился своими собственными.

Быть может наиболее сильный порицающий комментарий к плану, который заставил британскую армию искупаться в этой грязи и захлебнуться в крови, заключается в случайной вспышке угрызений совести у того, кто нес большую часть ответственности за все это. Этот высокопоставленный офицер из главного штаба впервые решил проехать на фронт, где протекала операция, к концу четвертого месяца боев на этом направлении.

По мере приближения машины к окрестностям поля боя, напоминавшим болота, он становился все взволнованнее и взволнованнее и, наконец, истерично разразился слезами, вскричав: «Боже мой, боже мой, неужели мы действительно посылали сюда людей сражаться...», на что его спутник ответил, что впереди местность еще хуже.

Если неожиданное признание генерала является данью его чувствительного сердца, то оно говорит и о том, на каком фундаменте оторванности от действительности и ничем не извиняемого невежества строилась его неукротимая «наступательность».

Единственным светлым пятном во всем этом было то, что две недели позднее,— на другой сцене и с техникой, о которой говорили еще в начале августа,— начали постановку «интермедии», которой затем суждено было развиться в славную драму осени 1918 г.

4. Танковый сюрприз под Камбрэ

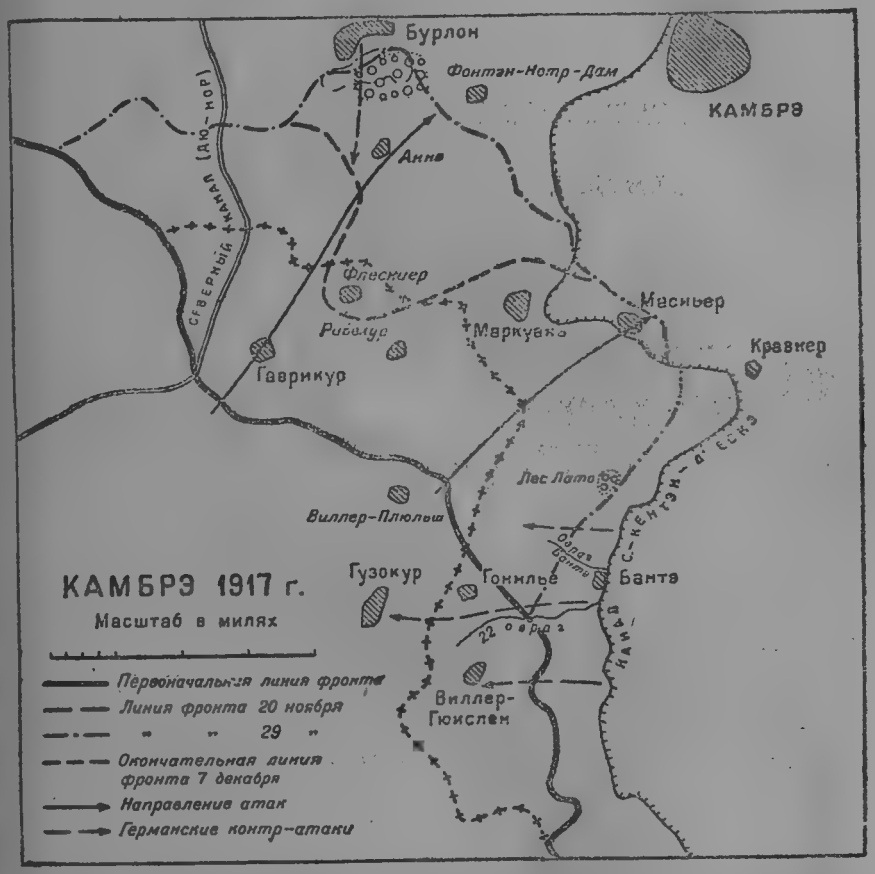
(Схема 14)

19 ноября 1917 г. германские войска, стоявшие впереди Камбрэ, спокойно созерцали внешне обычный вид и сравнительное спокойствие позиции британцев. Они сравнивали свое благополучие и относительную безопасность в массивно укрепленных и благоустроенных окопах «позиции Гинденбурга» с несчастной долей своих товарищей, сражавшихся в изрытых снарядами затопленных грязью ямах на фронте в районе Ипра. Они восхваляли не только неприступность своей знаменитой позиции, но и поздравляли друг друга с безумным упрямством англичан, которые, не поддаваясь никаким урокам горького опыта, так углубились в

борьбу под Ипром, что можно было смело больше ничего не бояться: вряд ли до зимы будет грозить опасность новой атаки.

20 ноября 381 танк, сопровождаемый сравнительно небольшим количеством пехоты, пополз в предрассветных сумерках на изумленных германцев. Хотя бы из вежливости танки должны были предварительной бомбардировкой оповестить противника о своем скором приходе. Но этого не было. Германцы могли на

СХЕМА 14



этот раз обидеться за такую невнимательность и отсутствие предупреждения, которое обычно давалось им за 4—5 дней и позволяло найти время, чтобы соответствующим образом подготовиться к приему гостей.

21 ноября колокола в Лондоне радостно возвестили о славном успехе, который, казалось, позволял уже предвкушать близкую решающую победу. И Людендорф, вновь стоявший во главе германского главного командования, поспешно готовил на всякий случай инструкции для общего отступления. Звон колоколов и поспешная работа Людендорфа были преждевременны. Однако

они оказались пророческими, так как примерно через 9 месяцев именно так и случилось.

30 ноября германцы организовали отпор, столь грозный, что впоследствии общество с большим недоверием и неприязнью встречало преждевременное восхваление еще незрелых успехов. Аплодисменты сменились упреками. Причина поражения начала расследоваться, и в представлении общества Камбрэ оказалось связанным скорее с последовавшим контрударом германцев и откатом британцев, чем с начальным успехом наступления.

В действительности же лучшее знакомство теперь с обстановкой позволяет притти к выводу, что черным днем в календаре Англии должно было стать 20, а не 30 ноября. Как ни мрачна и тяжела эта страница истории мировой войны, она являет собой один из разительнейших примеров, подтверждающих поговорку: «После каждого ненастья все-таки засверкает солнце».

Хотя 20 ноября 1917 г. само по себе — лишь ряд трагических ошибок, все же влияние его на судьбы союзников было благотворно, указав и подготовив путь победоносной тактике действий 1918 г. Если же на этот день смотреть с точки зрения исторической перспективы, то он становится одной из вех истории военного искусства, предвестником новой эпохи. В итоге мы можем сказать, что хотя веселый перезвон лондонских колоколов в этот день и был ошибкой, все же с точки зрения последующих событий этот день имел основание быть отмеченным радостью.

Эти 11 дней являются, пожалуй, наиболее драматическими из всех эпизодов мировой войны. Как ни сенсационно развивались события в эти дни, резко переходя от успеха к поражению, действительной и правдивой истории «Камбрэ» все еще нет.

Во-первых, громадное значение представляет вопрос о корнях этого сражения, так как им открылся новый цикл в истории военного искусства.

Первоначальные корни этого сражения надо искать примерно на два года раньше, а более близкие его корни примерно за 4 месяца до Камбрэ.

Руководящей мыслью тех, кто лелеял танк в младенческие его годы, было бросить танки в бой внезапно и ввести их в дело в больших количествах. Мысль эта, как мы уже видели, не только была поставлена, но и подробно разработана еще в феврале 1916 г., на семь месяцев раньше, чем горсточка танков была брошена в бой на Сомме, причем брошена в таких условиях, которые противоречили всем основным инструкциям и положениям использования танков. К счастью, в 1917 г. штаб британского танкового корпуса во Франции (не в пример главному штабу этот штаб даже не видел меморандума, разработанного Суинтоном в 1916 г.) на опыте дошел до таких же мыслей. Притом же вечный, но, к сожалению, так часто недооцениваемый принцип внезапности прочно засел в умах работников этого штаба. Таким образом в первые же дни «Третьего Ипра» — наступления у Пашендэйля—инстинкт сразу подсказал им всю бесполезность применения здесь танков. В итоге быстро родился новый проект.

Полк. Фуллер разработал 3 августа 1917 г. план большого рейда танков на более подходящем участке фронта.

Во введении к этому плану читаем следующие знаменательные по своему предвидению строки:

«С танковой точки зрения Третье ипрское сражение можно считать гиблым делом. Продолжать применять в данной обстановке танки — это значит не только бесполезно терять хорошие машины и лучшие экипажи, но и возбуждать из-за постоянных поражений недоверие пехоты к танкам и недоверие экипажей к возможностям танков, морально разлагая и тех и других. С пехотной точки зрения Третье ипрское сражение можно считать ненормальным, больным наступлением. Продолжать его возможно лишь ценою колоссальных потерь ради не стоящих этого успехов».

Затем шло новое предложение:

«С целью восстановить престиж британцев и нанести Германии до наступления зимы удар, обладающий театральным эффектом, предлагается немедленно начать подготовку к захвату С.-Кентен».

Далее указывалось, что предлагаемая операция в стратегическом отношении разумна как подготовительный шаг к наступлению на Ле-Като, а затем к Валансиен в 1918 г.

При обсуждении этого проекта было выдвинуто возражение, что для этого требуется комбинированная операция британцев и французов. Это уже усложняло операцию, лишало ее необходимой простоты и могло поставить под вопрос слаженность подготовки и четкость работы, которые были необходимы, чтобы удалась новая, применяемая здесь впервые тактика действий.

Поэтому 4 августа был набросан другой проект для танкового рейда к югу от Камбрэ. Слово рейд необходимо особо отметить, ибо, как вначале было задумано, целью операции являлось «уничтожить живую силу и орудия противника, деморализовать и дезорганизовать его, но не овладеть местностью».

А в подготовительных заметках устанавливалось:

«Продолжительность рейда должна быть небольшой — 8—12 час., чтобы противник для организации контратак не мог сосредоточить значительные силы или вовсе не успел бы этого сделать».

Если бы так и поступили, то едва ли пришлось бы оплакивать 30 ноября.

«Вся операция может быть подытожена как короткий удар и отступление. Такие глубокие рейды не только будут подрывать боевую силу противника, но и подорвут его инициативу, мешая ему организовать крупные сражения, что весьма полезно для любой крупной операции, которая в это время сможет нами подготавливаться».

Для этого рейда намечались три танковые бригады двухбатальонного состава каждая и «одна или лучше две пехотные или кавалерийские дивизии» с усиленной артиллерией.

Рейд должен был вестись на фронте в 8 км. Целью его, как предлагал Фуллер, было «пройти по исходящему углу, образован-

ному Л'Еско — С.-Кентен — канал между Рибекур — Крэвкер — Бантэ». Рейдирующие силы разделялись на три группы; главная из них должна была очистить местность в этом мешке, образуемом каналом, а меньшие две, ведя наступление на флангах, должны были прикрывать действия главной группы.

«Основное во всей операции — внезапность и быстрота движения. Через три часа после «Х» часа должно начаться отступление. Танки и авиация должны будут действовать тогда, как действует арьергард, прикрывая спешенную конницу, когда она отступает с захваченными пленными».

Предложенный участок операции приходился в районе действий 3-й армии, во главе которой стоял генерал Юлиан Бинг.

5 августа подробный проект был ему передан для осведомления одним из командиров бригад танкового корпуса. Бинг охотно пошел навстречу этому проекту, но склонялся к расширению его до настоящего прорыва, чтобы овладеть Камбрэ. На следующий день он отправился в главный штаб, увиделся с Хейгом и предложил внезапную танковую атаку Камбрэ, отнеся ее на сентябрь. Главнокомандующий отнесся к этому благосклонно, но его начальник штаба, генерал Киггель, резко возражал на том основании, что армия не сможет одержать решающий успех одновременно в двух местах, поэтому лучше сосредоточить все, до последнего человека, на ипрском секторе. Кстати, Киггель ни разу за всю войну не удосужился даже побывать на этом секторе, и суждения его были совершенно беспочвенны.

Таким образом расширение замысла операции вызвало отсрочку рейда. Отказ понять действительное положение вещей под Ипром затянул проведение атаки у Камбрэ, пока вообще не стало слишком поздно, чтобы оказался возможным какой бы то ни было решающий результат этого удара.

Историк, отдавал должное выпячиванию Киггелем на первый план принципа сосредоточения усилий, все же может сомневаться в пригодности Ипра для претворения в жизнь этого принципа и придерживаться той точки зрения, что отвлечение сил противника всегда было и будет существенным дополнением к принципу сосредоточения усилий, сосредоточения своих сил на каком-либо из направлений.

Возражений Киггеля оказалось достаточно, чтобы и Хейг изменил свое мнение; к тому же он пока еще расценивал этот удар как второстепенное, «подсобное средство».

В итоге проект удара у Камбрэ был отложен на неопределенное время, а главное командование упорно продолжало действия в болотах Пашендэйля, не понимая всей их безнадежности.

Но ни Бинг, ни танковый корпус не соглашались так легко поставить крест над своим замыслом. Кое-кто с этим был согласен и в главном штабе. В конечном счете, по мере того как Ипрское наступление становилось все более и более ощутимой неудачей, охотнее стали прислушиваться к новому плану, который обещал поднять престиж Британии. Наконец, в середине октября план операции у Камбрэ был одобрен и день ее установлен на 20 ноя-

бря. Но теперь обстановка изменилась к худшему. Если бы даже план и увенчался успехом, его все же нельзя было бы реализовать из-за отсутствия резервов. Пашендэйльские болота поглотили их.

Но хотя главный штаб и упустил время, когда операция могла обещать успех, зато он теперь быть может лучше, чем командование 3-й армией, отдавал себе ясный отчет в неизбежных рамках этой операции. Рамки эти ставились отсутствием необходимых средств для широкой операции. Киггель указывал, что только высота Бурлон должна быть целью удара, а затем уже должно последовать развитие успеха в северном направлении. Хейг в свою очередь установил жесткие сроки во времени для этой операции.

Но приказы 3-й армии были более честолюбивы как по масштабу операции, так и по целям наступления, несмотря на то, что все имевшиеся в распоряжении дивизии и танки бросались сразу же в первую атаку, которая должна была привести к прорыву.

План Бинга заключался в том, чтобы: 1) прорвать систему германской обороны — знаменитую позицию Гинденбурга между каналом Л'Еско и каналом Северным (Дю-Норд); 2) овладеть Камбрэ, лесом Бурлон и переправами через р. Сенсее; 3) перерезать коммуникации германцев на участке южнее р. Сенсее и западнее канала Северного (Дю-Норд); 4) развить успех в направлении на Валансиен.

Силы, выделенные для проведения этого самонадеянного плана, включали III (Пультеней) и IV (Вулькомб) корпуса, каждый в составе 2 дивизий, 381 боевой танк и — в круглых цифрах — 1 000 орудий. Таким образом от первоначального проекта остался лишь основной замысел — использование танков и направление удара. Одновременно были внесены заметные отклонения, и в этом лежит зародыш неудачи. Рейд превратился в большое по масштабу наступление с далекими целями. Вместо того чтобы «вырезать карман» и быстро скрыться, организовали целое наступление по узкой равнине, перерезанной двумя каналами. Каналы эти, являясь естественной защитой фланга при рейде, становились опасными при таком наступлении, стесняя действия танков и мешая построению уступами танков, наступающих на флангах. В остальном местность, в большей части слегка наклонная, была хороша для действий танкам. На ней было всего лишь два ярко выраженных местных предмета — гряда холмов, тянущихся от Флескиер к Гаврикур, и высота Бурлон.

Основная слабость общего плана все же заключалась не в топографических условиях местности, а в полном отсутствии резервов: нельзя же считать резервом две кавалерийские дивизии! Правильность такой точки зрения и здесь блестяще оправдалась полной неспособностью конницы в современном бою чем-либо повлиять на ход его.

Шесть дивизий, брошенных в первую же атаку, были всем, что командующий 3-й армией имел в своем распоряжении для выполнения плана, которым предвиделся глубокий прорыв за Камбрэ вплоть до Валансиен.

Крайне трудно понять, что же думали о дальнейшем. Без резервов самый полный успех мог лишь означать создание крайне узкого и глубокого «мешка», требующего нагромождения дивизий, чтобы его удерживать. Правда, можно было освободить гвардейскую и одну или две другие дивизии. В конечном счете их сюда и подвезли, но они были слишком далеко, чтобы быстро вмешаться в ход боя. Обстановка несколько напоминала собой обстановку наступления у Лооса. Как раз перед атакой французы также подтянули один корпус к району Санлис—Перони, но после первого дня атаки им было сообщено, что поддержки не потребуется.

Лучший комментарий недостатка резервов дает рассказ о случае с генералом Франше д'Эсперэ, передаваемый с разрешения офицера, который говорил с генералом. Долгая поездка на автомобиле в поисках сведений о ходе боя привела его в британский штаб в м. Альбер. Войдя, он обратился к старшему офицеру, оживленно забрасывая его рядом вопросов о ходе атаки, фронте, на котором она развертывается, глубине удара. Затем наступила очередь последнему и существеннейшему вопросу: «А где ваши резервы?» — «Генерал, у нас их нет»! Французский командир воскликнул: «Боже мой!», повернулся и убежал.

Перейдем теперь к плану использования танков. Задача заключалась в обеспечении внезапности, в прорыве широкого и глубокого препятствия позиции Гинденбурга и в обеспечении взаимодействия между пехотой и танками для взаимной их безопасности. Тщательная подготовка и отсутствие предварительной бомбардировки позволили осуществить первое требование. Трудности, представляемые позицией Гинденбурга, были преодолены весьма хитроумно — применением особо прочных фашин, которые возились на носу каждого танка и сбрасывались при подходе к окопу. Танки, действуя группами по три, могли, таким образом, преодолевать встречаемые ими последовательные препятствия. До мелочей была проработана учебная атака, и взводы практиковались в ней, пока хорошо ее не усвоили. В каждом взводе головной танк шел на 100 м впереди главных сил — остальных двух танков, подавляя огонь противника и защищая главные силы, которые прокладывали дорогу пехоте. Пехота, двигаясь в гибких порядках — змейкой, следовала непосредственно за главными силами танковых взводов. Танки расчищали дорогу пехоте сквозь глубокие пояса проволочных заграждений и подавляли неприятельский пулеметный огонь; пехота помогала танкам окончательно уничтожить противника, кроме того на близких дистанциях защищала танки от огня орудий противника.

Единственная ошибка в плане действий танков заключалась в том, что вопреки советам экспертов танки были брошены в атаку равномерно на всем фронте операции, а не направлены против определенных тактических пунктов. Поэтому в распоряжении не осталось резерва танков для использования их в последующих стадиях операции.

Подготовка к операции была проведена с большим искусством и скрытностью. Чтобы ввести противника в заблуждение отно-

сительно размаха и фронта атаки, к северу и к югу от действительного фронта атаки на широком фронте проводились химические и дымовые нападения, демонстрации с макетами танков, рейды и ложные удары.

Тем не менее один человек едва не раскрыл секрет, хранимый тысячами. Пленный (одного из Ирландских полков) дал противнику сведения о готовившейся атаке и сосредоточении танков. К счастью, ему не поверили, и командующий германской армией генерал ф.-Марвиц донес 18-го числа, что ничто не говорит за возможность атаки. Но 19-го числа был подслушан вблизи Бюлленкурт разговор британцев по телефону и слова: «Четверг Фландрия», смахивающие на маскирующий шифр и определенную дату. Это возбудило подозрения германцев. Этой же ночью войскам было приказано быть особенно бдительными, и Марвиц поспешно использовал только-что прибывшую с русского фронта дивизию для усиления своей позиции. Германцы теперь считались с возможностью атаки, но они ожидали, как всегда, подготовительной бомбардировки. Отсутствие этой подготовки и обеспечило британской атаке полную внезапность. Эффект внезапности (как это было почти при всех увенчавшихся успехом операциях мировой войны) был усилен предрассветным туманом.

20 ноября в 6 час. 20 мин. утра танки и пехота двинулись в атаку на фронте, протяжением примерно в 6 миль. Почти повсюду они достигли начального успеха и сильно деморализовали противника. Исключением явился лишь центр левого фланга, наступавший на Флескиер.

Основная причина этой единственной серьезной задержки заключалась в том, что командир 51-й дивизии Харпер предпочитал пользоваться своей тактики действий и не придерживался строев и порядков, указанных танковым корпусом и принятых всеми остальными дивизиями. Передовые танки были им названы «пиратами»; они шли намного впереди пехоты. Порядки, в которых наступала пехота дивизии, недостаточно хорошо обеспечивали взаимодействие с танками. В этом отношении порядки, предложенные танковым корпусом, были значительно выгоднее. Такой «сепаратизм» видимо обусловлен был нескрываемым командиром дивизии мнением, что план операции у Камбрэ — «фантастичный и совершенно не военный план». К тому же работая еще в главном штабе, он являлся противником пулеметов, тормозя их прогресс, а теперь он исключительно скептически относился к танкам. В результате пехота его дивизии оторвалась от танков, потеряла проходы, сделанные танками в проволоке, и была остановлена пулеметами. Офицер, изучавший позднее поле сражения, смог найти здесь только три небольших кучки патронных гильз. Отсюда следует, что горсточка пулеметов остановила целую дивизию,— факт, проливающий яркий свет на будущее действий пехоты на открытой местности.

Разрыв взаимодействия между пехотой и танками явился также основной причиной потерь, которые понесли танки, когда они перевалили гребень и попали под прямой огонь нескольких германских батарей. Если бы пехота сопровождала танки, она могла

бы обстрелять орудийный расчет. Здесь случился знаменитый эпизод, когда, как рассказывали, один единственный германский артиллерийский офицер «собственноручно подбил 16 танков». Эпизод этот надо отнести к разряду исторических легенд, так как на этом месте оказалось, когда атака продвинулась дальше вперед, лишь пять подбитых танков, а один из офицеров разведывательного отдела, исследовавший местность, нашел следы, ясно указывавшие, что здесь стояли на позиции три батареи, которые и могли обстрелять танки. Весьма возможно, что все орудия, за исключением одного, и вся прислуга, за исключением одного офицера, были, как это рассказывали, выведены из строя, но впечатления в пылу боя зачастую обманчивы. Все же геройский поступок германского офицера имеет ту смешную сторону, что о нем раструбил по всему свету именно британский главный штаб.

Странно, что в официальных донесениях британцев не удостоились упоминания другие подвиги неприятеля, совершенные его пехотой или конницей.

Эффект этого эпизода на поле боя также был раздут. Справа 12-я, 20-я и 6-я дивизии быстро овладели поставленными им целями, хотя 12-й дивизии пришлось ожесточенно сражаться в лесу Лато. 20-я дивизия захватила и выдвинулась за Мазниер и Маркоинг, обеспечив этим переправы через канал в обоих этих местечках, причем в последнем случае в целости и сохранности остался даже мост. Слева 51-я и 62-я дивизии блестяще наступали, пройдя к вечеру до Анне (в 2 милях за Флескиер). Таким образом германцы, сопротивлявшиеся еще в Флескиер, оказались отрезанным островком, охваченным с флангов волнами наступавших, которые, минуя Флескиер, докатились до Маркоинг, Анне и даже до опушки леса Бурлон.

Прорыв был сделан глубиной в 5 миль, что возмещало месяцы тяжелой борьбы и крупных потерь на Сомме и в Третьем сражении под Ипром.

Уделом британских войск мог быть решающий успех. Три основные полосы оборонительных сооружений противника были пройдены. Впереди была лишь одна полузаконченная полоса обороны, затем — открытая местность. Но дивизии, проведшие атаку, и экипажи танков были измотаны и выбились из сил, а для развития успеха две кавалерийские дивизии, за исключением одного эскадрона канадцев, ничего не могли сделать.

21 ноября местные резервы вновь несколько продвинулись вперед. В первые предрассветные часы Флескиер был эвакуирован немногими уцелевшими защитниками. Когда рассвело, 51-я и 62-я дивизии энергично стали наседать здесь, очистив весь участок, на котором германцы упорно сопротивлялись в первый день атаки. Прилив британского наступления поднялся до Фонтен-Нотр-Дам, продвинув его границу 20 ноября вперед еще на 1½ мили.

Однако, на правом фланге наступлению удалось продвинуться лишь немного: прибыла как раз во-время свежая немецкая дивизия, чтобы утром 20 ноября закрыть прорыв и занять тыловую полосу оборонительной позиции.

Срок, поставленный Хейгом для этой операции, 48 часов, истек. Учитывая все же невыгоды новой позиции британцев, связанные с угрозой, которую представляла собой оставшаяся в руках противника высота Бурлон, надеясь также, что противник отступит, и желая в то же время ослабить натиск германцев в Италии, Хейг решил продолжать наступление и с некоторым опозданием, если не сказать больше, предоставил в распоряжение 3-й армии несколько свежих дивизий. Но танковый корпус — основа быстрого успеха, который видимо явился не меньшей неожиданностью для британцев, чем для германского командования, был совсем измотан: люди устали, а машины требовали ремонта, так как корпус целиком участвовал в первом дне атаки.

Новые атаки теперь в большинстве случаев стали приводить к неудачам: противник был готов к их отражению. 22 ноября германцы вернули себе Фонтен-Нотр-Дам; 23 ноября 40-я дивизия, поддержанная танками, овладела лесом Бурлон, но попытки захватить деревни Бурлон и Фонтен-Нотр-Дам не увенчались успехом. Последовала ожесточенная и затяжная борьба с переменным счастьем — обе деревни то захватывались, то вновь терялись.

А между тем германцы быстро, инициативно и с огромным искусством готовили смертельный контрудар.

К несчастью, у высшего командования за небольшими исключениями, видимо, было предрасположение не верить многочисленным предупреждениям о надвигавшейся грозе, и оно даже с особым удовольствием потешалось над страхами тех, кто видел, как накапливаются тучи. Излишнее самомнение главного командования отчасти было вызвано легким успехом 20 ноября, а отчасти — убеждением, что наступление у Пашендэйля поглотило все резервы противника. Действительно, эффект Пашендэйля все время переоценивали.

В противовес высшему командованию, генерал Сноо, командовавший VII корпусом, находившимся на южном фланге клина наступления, вбитого во фронт германцев, за неделю угадал направление и день готовившегося германцами контрудара. Подчиненные ему командиры, в частности командир 55-й дивизии (Юдвин), примыкавшей к III корпусу, донес о множестве фактов, подтверждавших это предположение: германская артиллерия пристреливалась к таким точкам, которые раньше вовсе не обстреливались; германская авиация летала в большом количестве над окопами; британская разведывательная авиация вовсе не допускалась на некоторые участки, где противник мог укрыто сосредоточивать свои силы.

Вечером 29 ноября 55-я дивизия настолько убедилась в неминуемой угрозе, что Юдвин просил своего соседа — III корпус — в качестве контрмеры открыть в предрассветные часы обстрел тяжелой артиллерией оврага Банте, но просьба его удовлетворена не была.

На следующее утро германцы отплатили за сюрприз, сделанный им танками, другим сюрпризом, сходным по принципам, но иным по методу проведения его в жизнь.

Отказавшись от долгой артиллерийской подготовки, германцы коротким ураганным огнем с химическими и дымовыми снарядами проложили дорогу своей пехоте, умело просачивавшейся вперед. Это был прототип германских наступательных методов весны 1918 г., как атака британцев была прототипом методов наступления союзников летом и осенью 1918 г.

Вынырнув из укрытых исходных позиций — оврагов Банте и Двадцати Двух — в тот самый момент, когда должен был быть развит так и не состоявшийся заградительный огонь британской тяжелой артиллерии, германская пехота просочилась сквозь слабые точки в позиции британцев и затем разлилась широким потоком, затопив деревни Гоннелье и Виллер-Гюислен, сметая в своем стремительном движении к Гузокуру артиллерийские позиции и штабы. Грозило форменное бедствие, ужасное по своим последствиям, но к счастью удалось сломить атаки противника на севере участка у леса Бурлон, а опасность была несколько уменьшена блестящим контрударом гвардейской дивизии, вернувшей Гузокур, и последующими усилиями 2-й танковой бригады.

Некоторое время даже казалось, что представляется возможность «вернуть потерянное» и тяжело поразить германцев, расстроившихся и еще не приведших себя в порядок после одержанного успеха.

Но командующий армией, отклонив просьбу Сноо об организации удара конницей во фланг, направил конницу в лоб германцам. Таким образом германцы смогли укрепить захваченное и даже возобновить атаки британской позиции. В последующие дни непрекращавшиеся успехи германцев, особенно в направлении на Виллер-Плюльш, и отсутствие у британцев резервов поставили британские позиции на участке Мазниер — Бурлон в столь тяжелое положение, что пришлось эвакуировать большую часть местности, захваченной 21 ноября.

До сих пор еще не рассеяна тень, наброшенная старшими начальниками, стремившимися обелить себя, на войска и подчиненных командиров. Официальное расследование отнесло всю вину на счет войск, считая, что из-за их небрежности контрудар германцев явился для них неожиданным, и утверждая, вопреки фактам, что войска во-время не забили тревоги, не подали сигнала SOS».

Даже Бинг заявил: «Я приписываю местный успех противника одной и только одной причине — недостаточной подготовке наших младших офицеров, унтерофицеров и солдат».

Хейг, которого держали в неведении относительно поступавших от войск тревожных предостережений, оказался все же исключением из общего правила. Посылая в Англию донесение о случившемся, он великодушно взял свою вину на себя, что не помешало ему одновременно отрешить от должности и отослать в Англию нескольких генералов.

Долг историка, основываясь на сохранившихся в архивах донесениях, доложить, что многие младшие командиры остро чувствовали надвигавшуюся опасность и предупреждали о ней своих начальников. Что же касается оказанного войсками сопротивления,

то в этом случае было сделано больше, чем кто-либо вправе был ожидать и требовать от войск, непрестанно сражавшихся с 20 ноября — дня первой атаки.

Для военной истории уроки Камбрэ безусловно заключаются в том, что здесь желанное возрождение внезапности было сорвано нарушением не менее важного принципа военного искусства — экономии сил, как при оценке необходимых средств для достижения определенной цели, так и при оценке способностей и предела человеческой выносливости.

5. «Капоретто»

(Схема 16)

В холодное, сырое и хмурое осеннее утро среди покрытых туманом вершин Юлианских Альп раздался грохот, и прежде чем

СХЕМА 15

последние отголоски его окончательно замерли, союзники и здесь потерпели серьезное поражение. Первые слухи о бедствии, кстати сказать, совершенно не преувеличивавшие действительности, как громом поразили союзников, хотя неожиданными они не должны были быть для всех вождей: операции, развивавшиеся ими в 1917 г. на всех театрах войны, должны были приучить их к поражениям.

Год начался ожиданием верного успеха, который сулило широкое наступление. Оно должно было привести к полному разгрому центральных держав. Хотя мираж быстрой победы постепенно померк перед очевидностью стойкого сопротивления врага

и тяжести понесенных потерь, но все же общество было совершенно неподготовлено к резкой перемене ролей — к переходу от наступления к обороне.

Меньше всего этого ожидали в Италии. Были бесспорные основания беспокоиться за Россию, но итальянцы вели атаки весь август и сентябрь, а по телеграммам создавалось впечатление, что бои развиваются явно в их пользу. На этот раз сведения о поражении были верны, хотя обычно в военных донесениях преувеличений было больше, чем фактов.

Хотя выигрыш местности и был незначителен, но моральный и материальный эффект атак итальянцев и уже истомленных войной австрийцев был весьма велик. Как писал Людендорф:

«Ответственные военные и политические деятели Австро-Венгрии убеждены, что ей не удастся вынести продолжение боя и 12-ю атаку на Изонцо».

И далее:

«В середине сентября необходимо было ради предупреждения паралича Австро-Венгрии решиться на наступление в Италии».

Необходимость эта была столь неотложна, что Людендорфу пришлось отказаться от проводимой им подготовки к наступлению в Молдавии, которое, как он намечал, должно было нанести последний удар слабеющему сопротивлению России.

Но откуда и где он смог найти достаточное количество войск, чтобы оборону австрийцев превратить в мощное наступление?

Натиск британцев у Пашендэйля и само протяжение громадных германских фронтов во Франции и России поглощали все ресурсы Людендорфа. Все, что Людендорфу удалось выделить, заключалось в небольшом общем резерве в 6 дивизий, которыми он только-что пользовался, чтобы противодействовать наступлению Керенского, сломить последние затухающие усилия России и провести удар, которым была захвачена Рига.

Советчик Людендорфа при стратегической разработке операций, майор Ветцель, придерживался, однако, мнения, что использование даже этих слабых сил в должном месте, где фронт противника не так стоек (именно — на участке между Флитч и каналом), будет достаточным, чтобы надломить, если не совсем ликвидировать угрозу дальнейших наступлений Италии.

Результаты показали, что он был прав. Они намного превзошли самые радужные ожидания. Местное наступление было развито в более честолюбивую по своим целям операцию, хотя средства и силы не увеличились по сравнению с тем, что первоначально намечалось в «зародыше» плана, который был доставлен германскому командованию 29 августа офицером австрийского генерального штаба Вальдштеттеном.

Первоначальный план говорил о прорыве у Тольмино, за которым должно было последовать свертывание фронта по р. Изонзо. Капоретто и Камбрэ суждено было иметь любопытное сходство.

Людендорф послал генерала Крафта-ф.-Дельмензинген со специальной задачей разведать местность и донести о соответствии намеченного плана. Крафт руководил Альпийским корпусом

во время кампании в Румынии. Он был большим специалистом в горной войне. Крафт обнаружил, что австрийцы сумели удержать в своих руках небольшое предмостное укрепление на западном берегу р. Изонцо у Тольмино, и укрепление это могло послужить хорошим исходным пунктом для предполагаемой атаки. Орудия подтягивались сюда большею частью вручную и ночью. Пехота подошла за семь ночных маршей, оставив обозы, а огнеприпасы, снаряжение и продовольствие погрузив на людей или вьючных животных.

Сосредоточение 12 штурмовых дивизий и 300 батарей произошло незаметно для итальянцев. Частично это было обязано умелым мерам предосторожности, частично характеру местности, а отчасти и неудовлетворительной воздушной разведке противника.

Что же делалось у итальянцев? Главнокомандующий Кадорна безусловно был человеком, выделяющимся над общим уровнем; но, подобно некоторым другим великим полководцам, и у него сила его интеллекта подрывалась отсутствием общения с войсками и понимания их. Помимо этого у таких людей умственная оторванность зачастую усугубляется естественной изоляцией, в которой находятся те, кто занимает высокие военные посты. Учитывая сравнительно слабый натиск атаки, он правильно рассчитал, что у него достаточно людей и орудий, чтобы успешно ей противостоять. Но распределение этих людей на фронте не соответствовало обстановке и условиям действий на различных секторах. Войска, уже раньше сильно измотанные, долго задерживались на позициях, против которых энергичнее всего наседал неприятель. Сочетание ошибочного распределения войск с верным глазом противника, безошибочно угадывавшего наиболее уязвимые места, привело вместе с другими факторами к такому успеху австро-германцев, который ни в коей мере не соответствовал введенным ими здесь в дело слабым силам и средствам.

Капелло, командовавший 2-й армией, недовольный оборонительными качествами позиции, на которой остановилось наступление итальянцев, захотел опередить атаку германцев ударом во фланг в северном направлении, с плато Беинзицца. Кадорна отклонил это предложение. К этому времени главнокомандующий не только отдал себе отчет в малочисленности своих резервов, но и вообще, правда с некоторым опозданием, стал сомневаться в целесообразности придерживаться в дальнейшем наступательного образа действий. В этом он оказался по крайней мере умнее своего подчиненного, который по своему наступательному духу, по своим действиям как командир и как жертва германских новых наступательных методов, был вторым «Гауфом» итальянской армии.

Кадорна получал достаточно предостережений о намерениях противника от своих разведывательных органов и от дезертиров — чешских и трансильванских офицеров, — но он не был уверен в действительном направлении атаки противника, а потому не хотел преждевременно тратить своих резервов.

Как бы то ни было, но крайне любопытно, что, хотя разведывательные данные специально указывали на участок фронта Ка-

поретто, там на всем фронте, протяжением в 15 миль, оставили только по 2 батальона на милю, между тем как несколько южнее на милю приходилось уже по 8 батальонов. Капелло резко отверг все просьбы своего левого фланга об усилении. Быть может он не хотел выслушивать никаких доводов и проявил особую раздражительность, так как был болен, но тогда ему надо было лежать в госпитале. Взамен этого он с большим упорством оставался в постели тут же в штабе и согласился другому передать «бразды правления» лишь на следующий день после того рокового дня, когда фронт был уже прорван.

Приграничные итальянские области Венеции образовывали как бы язык, выдававшийся в Австрии. С юга к нему примыкало Адриатическое море, с востока и севера Юлианские и Карнические Альпы, за которыми находилось австрийское Трентино. 6 германских и 9 австрийских дивизий составили атакующую германскую 14-ю армию, во главе которой стоял генерал Отто ф.-Белов; начальником штаба был Крафт — ум, питавший Белова. Эти войска должны были преодолеть горную преграду кончика «языка», а 2-я австрийская армия под начальством Бороевич должна была наступать вдоль полосы более ровной местности близ адриатического побережья.

Трудности организации и развертывания атаки в горах были искусно преодолены. После продолжавшегося 4-часового химического обстрела и одного часа общей бомбардировки войска двинулись вперед под моросившим мелким дождем и снегом и во многих местах быстро справились с сопротивлением пехоты, которая из-за повреждения телефонной связи местами поддерживалась своей артиллерией лишь с перерывами.

Но основным фактором успеха, как и впоследствии — в марте во Франции, был туман. Туман обеспечил внезапность, единственный и необходимый ключ, чтобы отомкнуть фронт противника и открыть дорогу наступлению. Хотя правый и левый фланги атаковавшей армии задерживались стойким сопротивлением тыльных позиций, но центральная группа (4 дивизии), руководимая Штейном, совершила глубокий прорыв у Капоретто. Сквозь эту брешь вечером были двинуты резервы, и итальянцы не смогли больше держаться на всей оборонительной позиции. Этим была облегчена задача атаковавшего правого фланга (3½ австрийских дивизии под начальством Краусса). Эти дивизии, почти не встречая никакой задержки, теперь тоже пошли вперед, спустившись вниз к кратчайшему пути в обход речной преграды, которую представляла собой р. Тальяменто. Это охватывающее наступление свело на-нет усилия Кадорна закрыть прорыв — усилия, которые не могли также удасться из-за трудностей, связанных с продвижением резервов по узким горным дорогам, уже забитым отступавшими деморализованными войсками.

Это убедило Кадорна в необходимости дать приказ об общем отступлении к Тальяменто (как это раньше предлагал Капелло). После двух критических дней 30 и 31 октября отступление это благополучно закончилось.

К счастью, преследовавший противник также страдал от заторов в движении и плохого подвоза продовольствия. Затем мешали все возраставшие трения между германскими и австрийскими командирами. Попытки внезапно захватить перевалы не увенчались успехом. Хотя в энергичном порыве одна из австрийских дивизий (Краусса) перевалила через хребет у Корнино (2 ноября), однако, у Кадорна оказалось достаточно времени, чтобы подготовить дальнейшее отступление к р. Пиаве. Крупные части итальянцев отрывались клещеобразным наступлением противника, но все же главным силам удалось к 10 ноября достигнуть р. Пиавы и здесь вновь построить свой фронт.

Но звенья цепочки, составившие этот фронт, были очень слабы. Потеряно было около 600 000 человек, и 2-я армия, по которой пришелся главный удар врага, фактически как боевая сила больше не существовала.

В такой обстановке Кадорна уступил свое место Диазу, основное преимущество которого заключалось в том, что он понимал солдата и знал, как поднять моральный дух войск. Он выполнил такую же роль, какую во Франции на год раньше фактически сыграл Петен.

Три дня спустя нависла новая угроза. Это было 12 ноября. В этот день войска Конрада (10-я и 11-я австрийские армии) попытались ударить от Трентино в тыл итальянцам.

Но здесь подготовка к обороне велась Кадорной еще с давних пор. Позиции были сильно организованы. Угроза не удалась. Людендорф с опозданием пытался перебросить подкрепления Конраду, но и это не увенчалось успехом из-за слишком редкой сети железных дорог и нехватки автомобильного транспорта. На самом деле основная неудача этого все же лежит в слишком узком горизонте первоначального плана операции.

Между тем французские и британские дивизии поспешно перебрасывались по железной дороге в Италию. Еще до них прибыли Фош и Генри Вильсон. Но на сосредоточение этих дивизий нужно было время, а потому вначале они держались в резерве. Время, пока они не сменили дивизии своего сильно потрепанного союзника, было временем больших опасений и большого напряжения. Наиболее серьезная атака противника была на участке между реками Пиавой и Брентой. Здесь после пяти дней борьбы IX итальянскому корпусу Дадерши удалось сломить наступление германцев. В начале декабря корпус был сменен французами, а британцы под начальством лорда Каван взяли на себя защиту сектора Монтелло.

Вопреки всем ожиданиям, противник оставил в покое французов и британцев. В течение оставшихся месяцев кампании этого года атаки противника ограничились новыми ударами войск Конрада и Краусса дальше к северо-западу на секторах Азиаго и Граппа. Хотя атаки эти и являлись новым гнетом для измученных итальянцев, но все же с психологической точки зрения это было полезно, так как успешное и стойкое сопротивление, оказанное ими, позволяло им верить в свою боеспособность и тем самым закладывать основы для «реванша» Италии в 1918 г.

Просматривая драму к Капоретто в более четком свете истории, приходишь к выводу, что совершенно напрасно выпирали здесь на первый план влияние неприятельской разлагавшей войска пропаганды. Основная причина слабого сопротивления итальянцев была та же, что и во французской армии весной этого же года: войска морально устали от войны, а бесконечные и бесплодные атаки, когда их беспощадно гнали на пулеметы обороны, выхолостили боевой дух войск. Когда же нависла непосредственная угроза стране, то это дало новый толчок бойцам и придало жертвенный оттенок долгу, который они, сражаясь на фронте р. Пиавы, «схваченные за горло противником», выполнили с честью и геройски.

С отступлением за р. Тальяменто наиболее критический период в стратегическом отношении миновал, ибо то, что Клаузевиц называл «трениями войны», с этого времени так сильно влияли на нормальную работу коммуникаций атакующих, что их мощь и быстрота движения резко упали. Часть причин, приведших к этому, уже была указана. Однако, необходимо подробнее остановиться на одной из них, сильно повредившей и Франции в весну 1918 г. Переполненные снабженческие склады итальянской армии были слишком большим соблазном для впроголодь питавшихся солдат противника. Желание наесться взяло верх над желанием развить успех энергичным преследованием. Внезапные спазмы желудка усилили спазмы наступления.

Здесь знаменательно, что даже германский начальник дивизии, генерал Лескюи, больше мог восторгаться захватом кур, которых пришлось по две-три штуки на каждого из бойцов дивизии, чем захватом значительного числа пленных; обладание несколькими свиньями он расценивал как «верх человеческого блаженства!».

ГЛАВА VII

1918 г.— ПРОЛОМ

Серединные годы мировой войны были в военном смысле борьбою тощего Геркулеса с мощным Цербером. Германский союз в численном отношении был слабее, но возглавлялся одной головой, тогда как Антанта была численно сильнее, но в руководстве ею участвовало слишком много голов. Учитывая свои исключительно высокие потери, распыление усилий и паралич России, Антанта к концу 1917 г. столкнулась с горьким фактом, что численное соотношение сил изменилось не в ее пользу и что должно пройти много месяцев, пока ожидаемый приток новых американских дивизий, вновь не изменит соотношение сил к лучшему. Сложившееся положение привело к единому командованию, но все же понадобилось несчастие, чтобы это единство командования действительно осуществилось.

На конференции в Рапалло в ноябре было решено создать высший военный совет. Был определен его состав: руководящие министры союзников и их военные представители. Совет постоянно должен был заседать в Версале. Если основным недостатком такого решения было то, что оно просто превращало в официальный комитет существовавший до того неофициальный, то дальнейший изъян в нем был тот, что военные представители не обладали исполнительной властью. В области экономики, где скорее нужно было предвидение, а не прямые действия, совет добился значительных улучшений, повлияв на увеличение тоннажа, запасов продовольствия и огнеприпасов. В военной области он был бессилен, так как приводил к двойственности институт советчиков: с одной стороны, представители в Версале, а с другой — начальники генеральных штабов различных государств.

Справедливо будет здесь отметить, что работа комитета на таком «холостом ходу» обязана была, главным образом, возраже-

ниям британцев. И американцы и французы хотели дать этому комитету исполнительную власть и поставить во главе его человека, облеченного исполнительной властью. Петен логично поддержал это предложение, выдвинутое полковником Хауз и генералом Блисс. Но основной дефект этого в общем мудрого предложения заключался в том, что здесь предполагался контроль государственных деятелей над стратегией, а намеченный состав совета повторял ошибки эпохи Нивеля.

Совет должен был состоять из главнокомандующих и начальников генеральных штабов союзных государств, и тот из членов, который был бы выбран в председатели совета, неизбежно был бы стеснен в своих действиях и свободе суждений своей ответственностью за свою национальную армию и перед своей страной. Более того, проведение этого предложения в жизнь означало, что во главе совета стоял бы француз, как это понимали французы, когда они поддерживали это предложение, и как это понимали британцы, когда они выступали против него. Отвергая это предложение, Ллойд-Джордж руководствовался не только разумным возражением против создания чисто военного совета, но и чувствовал, что общественное мнение Британии еще для этого не созрело и что сопротивление Хейга против каких-либо новых решений Нивеля будет поддержано английским обществом. Более того, предложение включить в совет начальников генеральных штабов приводило и к персональному осложнению, так как Ллойд-Джордж меньше всего хотел усилить влияние на ведение войны Вильяма Робертсона. Скорее он надеялся обойти Робертсона, на которого он возлагал ответственность за бесплодную и дорого стоившую стратегию 1917 г., и выдвинуть вместо него Генри Вильсона, его ставленника в Версальском комитете. И в то время как Ллойд-Джордж пытался сделать Версаль независимым от узкого по своему кругозору британского генерального штаба, Клемансо в свою очередь собирался превратить комитет просто в микрофон для французского генерального штаба, чтобы усилить его «голос».

Соглашение так и не состоялось. Военные представители генералы Вейган, Вильсон, Блисс и Кадорна явились просто техническими советниками. Но по мере того, как приближалась угроза германской атаки, а вместе с ней и потребность в совместных действиях, этот корпус советников превращался в военный исполнительный комитет, распоряжавшийся межсоюзным общим резервом. Все же это был только новый компромисс, который привел к двойственности в управлении: главнокомандующие и Версальский комитет.

Как отсутствовало сосредоточение усилий в руководстве армиями, так же отсутствовало и фактическое сосредоточение сил. С начала ноября поток германских воинских эшелонов, перебрасывавшихся с востока на запад, неуклонно возрастал. Когда началась кампания 1917 г., то налицо была пропорция около 3 союзных на 2 германских дивизии. В марте фактически было 178 британских, французских и бельгийских дивизий против 129 германских. Теперь же германцы обладали небольшим превосходством сил и все говорило за то, что это превосходство будет и дальше расти. Но

государственные мужи союзников, вспоминая, как часто свои же наступления кончались поражением при равном или большем превосходстве сил, неохотно оценивали значение создавшейся угрозы и тупо реагировали на внезапное охлаждение пыла военных бросаться в наступление.

Итальянцы резко протестовали против снятия соединений союзников с их фронта, а французы возражали против всякого уменьшения сил в Салониках. Ллойд-Джордж пошел дальше и требовал наступления в Палестине. План этот утвердили при условии, что туда из Франции не будут переброшены никакие подкрепления. Но одновременно это означало, что и оттуда во Францию не прибудут никакие подкрепления. Робертсон, начальник английского генерального штаба, возражал как против плана наступления в Палестине, так и против Версальского исполнительного комитета и, не найдя поддержки, вышел в отставку. Его сменил Генри Вильсон. Позиция англичан была далее ослаблена настояниями Клемансо, нового французского премьера, чтобы британцы расширили свой фронт к югу от р. Уазы, удлинив его на 14 миль. Это означало опасное растяжение 5-й армии Гауфа, которая к тому же занимала плохо оборудованные для обороны позиции, как раз на том участке, где Людендорф вот-вот собирался нанести удар. Между тем силы германцев к концу января возросли до 177 дивизий, и ожидалось прибытие еще 30 дивизий. Силы союзников из-за отправки нескольких дивизий в Италию, потери боеспособности другими и нехватки пополнений у французов понизились до 173 дивизий. Сюда же входили 4½ полнокровных (считаемые вдвойне) американских дивизии, успевших прибыть во Францию. Дело в том, что французы и британцы вынуждены были последовать примеру германцев и уменьшить число батальонов в каждой дивизии с 12 до 9.

Продолжавшаяся бесцельная трата солдатских жизней в болотах за Ипром привела Ллойд-Джорджа и его кабинет к задержке подкреплений из боязни поощрить дальнейшее расточительство. Это безусловно ослабило выносливость частей Хейга в бойне, устроенной им германцами. Необходимо, однако, отметить, что выносливость эта качественно и количественно была значительно ослаблена 400 000 британских потерь, понесенных войсками при наступлениях во вторую половину 1917 г. Между тем на правительстве лежала тяжелая ответственность за сохранение жизней нации.

Истинная почва для критики заключается в том, что правительство не обладало достаточной силой, чтобы сменить или наложить узду на командование, которому оно не доверяло, раз оно отказывало ему в подкреплениях, необходимых для обороны. За это отсутствие моральной силы вину вместе с правительством должно нести и общество, так как оно показало себя слишком легковерным к жалобам на вмешательства политиков в дела генералов и слишком легкомысленным, веря, что политики всегда в таких случаях неправы. Безусловно общество склонно недостаточно доверять военным в мирное время, но иногда проявляет излишнее доверие к ним на войне.

Эти политические препятствия, а равно и тенденции политиков окольными путями добиваться того, чего они не смели требовать открыто, сказались также на проекте единого командования.

Премьер-министр пошел так далеко в декабре, потому что потерял веру даже в им же рекомендованное лекарство. Взамен этого он пытался найти паллиатив в межсоюзном исполнительном комитете под председательством Фоша, который должен был распоряжаться общим резервом в 30 дивизий. Эта схема решительно была опротестована Хейгом. Когда к нему обратился Фош с просьбой выделить его долю — 7 дивизий, он ответил, что не может выделить ни одной. Хейг предпочитал договориться с Петеном о взаимной поддержке друг друга.

Когда же настал час проверить это соглашение на деле, оно сразу лопнуло, и Хейг первый стал торопить с назначением единого главнокомандующего, устраняя препятствия, стоявшие на пути к этому, и коренным образом изменив свою точку зрения.

За случившееся несчастие вину сообща приписали французам; Петен совершенно ясно дал понять 24 марта Хейгу, что если германцы будут продолжать свое наступление тем же темпом, французские резервы будут использованы для прикрытия Парижа. Но из справедливости необходимо добавить, что хотя первоначальное соглашение говорило лишь о помощи 6 французских дивизий, Петен фактически к 24 марта послал 9 дивизий, а 26 марта — 21 дивизию, включая 6 кавалерийских. Если эти подкрепления медленнее вводились в дело, чем они прибывали, то все же это не умаляет факта, что данное обещание было выполнено и выполнено с избытком.

План германцев. У германцев подводную войну — патентованное средство для достижения победы — сменило новое патентованное средство уже в области чисто военной. Кроме того надежды на успех были несколько преувеличены неожиданным выходом из строя России. Хотя Людендорф и обещал победу в поле, он не скрывал того факта, что наступление на западе будет значительно более тяжелой задачей, чем победа на востоке. Он понимал, что это будет состязание между результатом удара германцев и возможным прибытием американских подкреплений, и все же надеялся выйти из этого состязания победителем. Тыл этого наступления был обеспечен сепаратным миром, заключенным с большевиками; кроме того мир был навязан и Румынии. А для того чтобы по возможности обеспечить экономическую базу этого наступления, немцами была занята Украина с ее богатыми хлебными запасами.

Операция эта почти не встретила никакого сопротивления.

Вторая задача Людендорфа — определить место для ближайшего наступления. Выбран был участок между Аррас и С.-Кентен, на западной стороне большого выступа, образованного германским фронтом во Франции.

В выборе руководствовались тактическими соображениями: этот участок был наиболее слабым местом фронта противника, а местность представляла наступавшему меньше трудностей, чем где-либо. Людендорф имел в виду разделить союзные армии и

отогнать британцев назад к побережью канала, где они оказались бы скученными на узком пространстве и не смогли бы уклониться от его ударов. На опыте тщетных наступлений французов и британцев Людендорф пришел к выводу, что «интересы тактики надо учитывать раньше, чем чисто стратегические цели, и что бесцельно преследовать эти цели, пока возможно еще развивать тактический успех».

Поэтому он разработал стратегический план, основанный на новых или вновь воскрешенных принципах военного искусства: на использовании тактических линий наименьшего сопротивления. Видимо, он надеялся затем твердым руководством придавать этим тактическим движениям целеустремленность и направлять их к определенной стратегической цели. Но это ему не удалось.

В чем же была ошибка?

Общая точка зрения на последний год войны сходится на том, что тактический успех заставил Людендорфа изменить направление удара и рассредоточить свои силы. Таким образом, если франко-британское командование раньше ошибалось, направляя все свои усилия на достижение определенных стратегических целей, но не уделяя достаточного внимания тактическим трудностям, то теперь германское командование последовало их примеру, сделав равную, хотя по существу противоположную, ошибку, сосредоточив все свои усилия на достижение тактических успехов за счет стратегических целей.

Более тщательное ознакомление с германскими документами, доступными теперь для изучения, а также с приказами и инструкциями самого Людендорфа проливает иной свет на этот вопрос. Создается впечатление, что действительная ошибка Людендорфа заключалась в том, что он не сумел на практике применить новые принципы, к которым он пришел в теории, и что он не сумел понять или испугался полностью на деле применить свою новую теорию стратегии.

Поэтому фактически он распылил слишком значительную часть своих резервов, пытаясь поправить тактические неудачи, и слишком долго раздумывал, прежде чем решился развить достигнутый тактический успех. Стратегия Людендорфа на востоке была так искусна, дышала таким мастерством и обладала такой дальновидностью, что его нерешительность и близорукость на западе просто трудно себе объяснить. Быть может он сам выдохся, руководя столь большим числом операций. Быть может ему нехватало стратегического вдохновения и рассудительного взгляда Гофмана, который, находясь у него под рукой в течение всей кампании 1914—1916 гг., остался на востоке, когда Людендорф был назначен германским главнокомандующим. Модный порок «старшинства» помешал Германии полностью использовать человека, который, видимо, был ближе к гениальности в военной области, чем любой иной генерал мировой войны.

Как бы то ни было, но кампания 1918 г. оставляет впечатление, что Людендорф не обладал прежней своей отчетливостью в преследовании определенной цели и не умел так же блестяще справляться с меняющимися условиями обстановки. Но в деле органи-

зации наступления способности его остались на том же высоком уровне. Внезапность должна была явиться ключом, открывавшим двери Западного фронта, столь долго остававшиеся замкнутыми. Были приняты самые тщательные меры для сохранения в тайне атаки и было подготовлено все для развития успеха. Эффект внезапности короткой, но мощной бомбардировки был усилен широким использованием химических и дымовых снарядов. Далее, хотя Людендорф решил раньше развить удар на р. Сомме, и этому удару было дано маскировочное название «Михэль», он также начал подготовку к последующим атакам на иных направлениях. Последние не только позволяли ему быть готовым для будущего, но и помогали сбить с толку противника. Два таких направления были на британском фронте и одно на французском: «Св. Георг I» — против участка Лис, «Св. Георг II» — против ипрского участка и «Блюхер» — в Шампани.

Атаку «Михэль» должны были проводить германские 17-я, 2-я и 18-я армии (всего 36 дивизий) на фронте протяжением в 43 мили: Аррас — С.-Кентен — Ла-Фер. Центр тяжести этой атаки намеревались перенести севернее р. Соммы. После прорыва 17-я и 2-я армии должны были повернуть на северо-запад и прижать британскую армию к побережью. Река и 18-я армия обеспечивали фланги этих армий.

Атака развилась 21 марта. Внезапности атаки много помог утренний туман. Хотя германцам и удалось полностью прорвать фронт противника южнее Соммы, где оборона была менее прочной, но наступление их задержалось вблизи Арраса. Задержка эта неблагоприятно сказалась на всем наступлении севернее реки. Людендорф, насилуя свои новые взгляды, потратил последующие дни на попытки оживить наступление, развиваемое против сильного и крепко удерживаемого бастиона у Арраса, придерживаясь этого направления как центра тяжести всех своих усилий. Одновременно он сдерживал 18-ю армию, которая наступала южнее, не встречая серьезного сопротивления неприятеля. 21 марта он отдал приказ, запрещавший армии переправиться через р. Авр и регулировавший скорость наступления армии по продвижению ее соседа — 2-й армии, которая в свою очередь задерживалась весьма незначительными успехами 17-й армии у Арраса.

Таким образом, мы видим, что в действительности Людендорф был склонен сломать британскую армию прямым ударом, поразив ее наиболее сильный участок сопротивления. Будучи весь во власти этой идеи, он не сумел, однако (пока не стало уже слишком поздно), бросить свои резервы в наступление южнее Соммы — в направлении наименьшего сопротивления. Предположенное захождение на северо-запад могло удасться, если бы оно было сделано после прохода фланга неприятельского фронта и, таким образом, было направлено против тылов бастиона Аррас.

26 марта атака севернее Соммы (левым флангом 17-й армии и правым флангом 2-й армии), в результате дорого и трудно обошедшихся ей успехов, явно стала ослабевать. Южнее Соммы левый фланг 2-й армии достиг (и отныне это должно было ему сильно мешать) старого поля сражения на Сомме — пустыни, которая

тормозила наступление и работу тыла армии. Одна 18-я армия продолжала наступать с неослабевающим порывом.

Эта обстановка привела к принятию Людендорфом нового плана, не отказываясь и от старого. Он приказал на 28 марта провести новую атаку в лоб высот близ Арраса (атаку эту должна была проводить 17-я армия). Одновременно 6-я армия должна была перейти в наступление на севере, между Вими и Бассе. Многообещавшая обстановка южнее Соммы заставила Людендорфа поставить добавочной важной целью — Амьен.

Но даже при этом он запретил 18-й армии до получения дальнейших приказов развивать свой натиск с целью свернуть фланг амьенских укреплений.

28 марта была развита новая атака на Аррас. Атаке этой не помогал ни туман, ни внезапность. Она абсолютно не удалась, будучи сломлена хорошо подготовившейся к обороне 3-й армией Бинга.

Лишь после этого Людендорф отказался от своего первоначального замысла и направил свои главные силы, а также часть оставшихся резервов к Амьену. Но вместе с тем он приказал 18-й армии приостановить на два дня свое наступление. Когда наступление возобновилось, оно уже слабо развивалось, встречая сопротивление, которому было дано достаточно времени, чтобы окрепнуть, и Людендорф, не желая быть втянутым в изнурительную затяжную борьбу, отказался от попытки достигнуть Амьена.

И все же, еще немного усилий, и Людендорфу удалось бы перерезать важнейшие жизненные артерии противника и довести свое наступление до решающих результатов. К 27 марта германское наступление проникло на глубину 40 миль и достигло Мондидье, отрезав одну железную дорогу в направлении на Париж. К 30 марта прилив германского наступления почти захлестывал внешние укрепления Амьена. Захвачено было 80 000 пленных и 975 орудий. Раз фронт дрогнул, сама система сообщений, построенная за три года позиционной войны, способствовала быстрейшему отливу войск за передовой линией. Размах отступления в первую очередь говорил о том, что войска вырвались из управления своих командиров, а последние выпустили части из рук, потеряв всякое влияние.

Несчастие заставило союзников пойти на запоздалый шаг. По просьбе Хейга и при вмешательстве лорда Мильнера 26 марта Фош был уполномочен «согласовывать» операции союзных армий. Хотя Фош впал в немилость из-за тяжелых потерь, к которым привели его атаки в Артуа в 1915 г., и бесплодного результата наступлений на Сомме в 1916 г., но сила его воли и его энергия вызывали и заслуживали доверие. 14 апреля он окончательно был назначен главнокомандующим союзными армиями. Но прежде чем это случилось, обнаружилась новая угроза со стороны германцев, хотя последние и сами этого не предвидели.

Людендорф большую часть своих резервов, удерживавших широкий выступ фронта южнее р. Соммы, использовал, не придавая этому большого значения, для диверсии, чтобы помочь этим раз-

вываемой им 9 апреля атаке «Св. Георг I». Изумительно быстрый успех этой диверсии против фронта, слабо удерживаемого противником, побудил его постепенно превратить эту диверсию в главный удар.

Британцы были безнадежно близки к морю; тем не менее сопротивление их остановило прилив германцев, когда последним удалось проникнуть вглубь на 10 миль. Наступление германцев было сломлено как раз перед важным железнодорожным узлом Газебрук, а попытка расширить фронт наступления в направлении к Ипру была сведена на-нет Хейгом, оттянувшим свой фронт назад, как раз перед тем как постепенно стали прибывать сюда французские подкрепления. Хейг усиленно жаловался, что Фош слишком медлил с посылкой на север французских резервов, но события оправдали неохоту Фоша подвергнуть себя там риску и явный излишек оптимизма его заявлений, что опасность миновала. Людендорф выпускал из своих рук резервы скупо, нередко слишком поздно и в весьма незначительных дозах для действительного успеха. Он понимал, что новый выступ фронта станет новым мешком; поэтому после захвата высоты Кеммель, когда представлялись широкие возможности, он отказался от эксплоатации успеха из боязни контрудара франко-британских войск.

Таким образом, стратегический успех не дался Людендорфу. Зато он мог похвалиться большим тактическим успехом. Потери британцев превышали 300 000 человек. Британская армия была сильно искалечена, и хотя из Англии спешно подбрасывались свежие подкрепления, а назад возвращались дивизии из Италии, Салоник и Палестины, но много месяцев должно было пройти, пока к армии могла вернуться ее наступательная сила.

10 британских дивизий временно перестали существовать, а силы германцев теперь возросли до 208 дивизий, из которых 80 все еще держались в резерве.

Однако, в будущем намечалось восстановление равновесия. Дюжина американских дивизий уже прибыла во Францию, а Америка, отвечая на просьбы союзников, прилагала все усилия, чтобы увеличить приток свежих сил. Во время кризиса в марте Першинг (американский главнокомандующий) даже ослабил свое упорное сопротивление против частичного или преждевременного использования американских войск и пошел очень далеко, заявив Фошу, что американские войска находятся всецело в распоряжении последнего для использования там, где это потребуется. Это был вдохновенный жест, на деле же Першинг продолжал твердо держать в своих руках американские резервы и, за редким исключением, разрешал им только целыми дивизиями занимать те или иные участки фронта.

Для Германии время истекало. Это понял Людендорф, и 27 мая развил свою атаку «Блюхер» между Суассоном и Реймсом. Внезапно напав 15 дивизиями на 7 дивизий, германцы перекатились через р. Эн и достигли 30 мая Марны, где их порыв выдохся. На этот раз численное превосходство германцев не было так явно выражено, как раньше. Снова атаке не помогала естественная атмосферическая завеса — туман.

По всей вероятности большой первоначальный успех наступления был обязан отчасти стратегической внезапности — полной неожиданности как во времени, так и в месте удара, отчасти уже безумной глупости местного командующего армией, который твердо придерживался давно применявшегося и устарелого метода — массирования оборонявшихся на передовых позициях, где они служили сгущенной пищей для массированного огня артиллерии германцев.

И на этот раз Людендорф достиг успеха в таком об'еме, которого он не желал и к которому он не был готов. Захватив противника врасплох, он и сам попал впросак. Наступление здесь было намечено просто как диверсия, чтобы привлечь сюда резервы противника. Атака должна была послужить подготовкой к последнему и решительному удару по фронту британцев во Фландрии. Но начальный успех этой атаки привлек туда слишком большую, хотя и недостаточную, часть германских резервов. С фронта дорогу атаке преграждала река. Была сделана попытка нажать в западном направлении ,но эта попытка не удалась, встретив сопротивление союзников: у Шато-Тьери появились американские дивизии и развили геройские контратаки.

Людендорф создал в своем фронте два больших выступа и один немного поменьше — в фронте союзников. Следующей попыткой его было откусить «язык» у Компьена, образовавшийся между выступами фронта в районе Амьена и Марны. На этот раз внезапность не удалась, и удар 9 июня с западной стороны «языка» запоздал, чтобы совпасть с натиском слева. Затем последовала месячная передышка.

Хотя Людендорф и горел желанием нанести свой долголелеемый удар британцам в Бельгии, но он считал, что резервы их здесь все еще слишком сильны, и вновь решил остановиться на направлении наименьшего тактического сопротивления, надеясь, что мощный удар на юге оттянет резервы британцев. Ему не удалось откусить «язык» у Компьена на западе марнского выступа. Теперь он собирался тот же способ действий применить на востоке, атакуя с обеих сторон Реймс.

Но ему необходим был перерыв в действиях для отдыха и для подготовки. А передышка эта как раз и оказалась для него роковой, давая британцам и французам время оправиться, а американцам — сосредоточить силы.

Британские дивизии, надломленные и выведенные ранее из строя, теперь были реорганизованы и вернули свою боеспособность, а в результате срочного обращения к президенту Вильсону в период мартовского кризиса и предоставления дополнительного количества торговых судов с конца апреля американские войска стали прибывать по 300 000 человек в месяц. К середине июля 7 американских дивизий были готовы, чтобы помочь отражению очередного и последнего удара германцев.

5 дивизий привыкли к фронтовой обстановке далеко в Эльзас-Лотарингии, а 5 дивизий были вместе с британцами. Наконец, еще 4 дивизии сосредоточивались в районе, где американские войска, после высадки, проходили свою подготовку.

Тактический успех своих же ударов погубил Людендорфа. Слишком поздно начиная действительно верить успеху, он затем каждый раз слишком долго и слишком глубоко продолжал развивать натиск, расходуя только свои резервы и вызывая ненужные и опасные промежутки между каждым ударом.

Он вбил в фронт союзников три больших клина, но ни один из них не проник достаточно далеко, чтобы угрожать какой-либо важной артерии. Эта стратегическая неудача привела к тому, что германцы остались с фронтом, изломанным дугами, — фронтом, так и напрашивавшимся на фланкирующие контрудары.

Поворот прилива. 15 июля Людендорф развил новую атаку, но она не была неожиданностью для его противника. Восточнее Реймса она разбилась о гибкую оборону, а западнее Реймса германцы проникли за Марну, но это послужило им только на гибель, сильнее впутывая их в сети обороны, так как 18 июля Фош развил давно подготовленный контрудар против другого фланга марнского выступа. Здесь Петен легко повернул ключ, открывавший германские окопы (ключа этого именно и недоставало Людендорфу), используя большие количества легких танков, чтобы провести внезапную атаку по образу и подобию удара, проведенного у Камбрэ.

Германцам удалось достаточно долго удержать в своих руках открытыми ворота этого выступа и оттянуть свои силы, выпрямив свой фронт. Но резервы были истощены. Людендорф был вынужден отложить или даже совсем отказаться от наступления во Фландрии, и инициатива действий определенно и окончательно перешла к союзникам.

Первой заботой Фоша было удержать эту инициативу в своих руках, не давая противнику передохнуть и в то же время накапливая свои резервы. Для этого он уговорился с Хейгом, Петеном и Першингом о ряде местных наступлений с целью освободить рокадные железнодорожные коммуникации и усовершенствовать позиции на фронте, чтобы подготовиться к дальнейшим операциям. Хейгу он предложил атаковать на секторе Лис, но Хейг взамен этого выдвинул район Соммы, считая его более подходящим. Раулинсон, командовавший 4-й британской армией, стоявшей впереди Амьена, несколько раньше передал Хейгу план широкой внезапной атаки в этом районе. Фош, отказавшись от своего предложения, согласился на этот план. Чтобы расширить атаку к югу, Фош передал в распоряжение Хейга французскую 1-ю армию (Дюбеней). Армия Руалинсона была, таким образом, удвоена. Искусные меры предосторожности позволили сохранить втайне подготовку к атаке, пока, наконец, 8 августа она не была развита, причем в дело были введены 456 танков.

Удар захватил противника врасплох. Южнее Соммы австралийские и канадские корпуса быстро прошли позиции германских передовых дивизий и рассеяли их. К 12 августа, когда наступление остановилось, так как войска достигли пустыни старых полей сражения 1916 г., а также из-за отсутствия резервов, 4-я армия одних пленных захватила 21 000, потеряла же 20 000 человек!

В материальном отношении успех был велик, хотя он и не был полностью использован. Еще значительнее успех этот был в моральном отношении.

Людендорф сказал:

«8 августа было черным днем германской армии в истории войны... Он выявил бесспорное падение нашей боеспособности... Войну надо кончать...».

Людендорф поставил в известность императора и правительство, что необходимо приступить к мирным переговорам, пока обстановка не станет еще хуже. Заключение, к которому пришли на совете в Спа, сводилось к следующему:

«Мы не можем больше надеяться военными операциями сломать волю противника к сопротивлению... целью нашей стратегии должен быть постепенный паралич воли противника к сопротивлению, достигаемый стратегической обороной».

Другими словами, германское командование отказалось от надежд на победу или даже от надежд удержать в своих руках захваченное и рассчитывало только избежать капитуляции на позорных для страны условиях.

10 августа Фош издал новую директиву о подготовке наступления британской 3-й армии «в общем направлении Бопом и Перонн». Вместе с тем он желал, чтобы Хейг продолжал 4-й армией фронтальный натиск, но Хейг возражал против этого, считая такую попытку напрасной тратой жизней. Ему удалось отстоять свою точку зрения. С этих пор к выгодам новой стратегии, которой стали пользоваться, присоединились и выгоды экономии сил. Таким образом едва успели стихнуть действия 4-й армии, как двинулась 3-я армия.

С этого времени атаки французов не переставали таранить германский фронт. Фош наносил ряд быстрых ударов в различных точках; каждый из них был нацелен так, чтобы подготовить другой удар, а все вместе развивались достаточно близко друг от друга во времени и пространстве, чтобы оказывать один на другого свое влияние. Этим была ограничена способность Людендорфа, по мере того как его резервы вообще истощались, маневрировать резервами, перебрасывая их к угрожаемым направлениям. 10 августа 3-я французская армия ударила в южном направлении; затем 17 августа 10-я французская армия развила удар еще южнее. 21 августа в атаку перешла 3-я британская армия. За этим 26 августа последовал удар 1-й британской армии. Приказ Людендорфа об отступлении войскам, удерживавшим выступ фронта у Лис, был ускорен атакой реорганизованной 5-й британской армии. В итоге, к первой неделе сентября германцы были отброшены назад на свою исходную линию — мощные укрепления позиции Гинденбурга, а 12 сентября Першинг завершил серию подготовительных операций, сгладив выступ у С.-Миель, — первое самостоятельное достижение американцев как боевой силы. Першинг первоначально полагал сделать эту атаку «трамплином» для направления к угольным месторождениям Брией и к восточному концу основной германской железной дороги, иду-

щей в тыл близ Меца, но от этого проекта отказались по причинам, на которых мы остановимся несколько ниже. Таким образом здесь не пытались развить успех.

Явные признаки падения боеспособности германцев и убеждение Хейга, что ему удастся прорыв позиции Гинденбурга, где германских резервов было больше всего, убедили и Фоша попытаться искать победу еще этой осенью, не откладывая попытки до 1919 г. Все союзные армии на западе должны были одновременно перейти в наступление.

Разгром Болгарии. Но раньше чем союзники смогли приступить к этому наступлению, на Балканах случилось событие, которое, по словам Людендорфа, «решило судьбу союза четырех».

Людендорф все еще надеялся стойко держаться на своих мощных позициях на западе, отходя, если понадобится, постепенно назад на новые укрепленные позиции, а стратегические его фланги — в Македонии и Италии — должны были оставаться неприступными, пока германское правительство вело переговоры о благоприятном для Германии мире.

Но вызывало тревогу моральное воздействие на германский народ неудач на Западном фронте. Воля к сопротивлению германского народа была уже подорвана нехваткой продовольствия, а частично возможно и пропагандой.

15 сентября союзные армии в Салониках атаковали болгарский фронт, и он в несколько дней рухнул. Гюильома, преемник Сарайля, с декабря 1917 г. подготовил план наступления, а когда во время июльского кризиса он был возвращен во Францию и назначен губернатором Парижа, то ему удалось уговорить союзные правительства согласиться с его планом. Сменивший его в Салониках Франшэ д'Эсперэ сосредоточил франко-сербскую ударную группу (под начальством Мишича на секторе Сокол — Добро Поле, к западу от Вардара, где болгары всецело полагались на защиту, предоставляемую им горными хребтами, и в численном отношении были слабы. 15 сентября Мишич повел атаку, а когда британский удар у Дойрана сковал значительную часть болгарских резервов, он прорвался справа в направлении к Ускюбу. Болгары, армия которых оказалась разорванной на две части и которых война вообще уже истомила, пошли на мир, который и был подписан 29 сентября. Удача Франшэ д'Эсперэ не только подсекла один из корней Центрального союза, но и открыла дорогу наступления в тыл Австрии.

Первая мирная нота. Капитуляция Болгарии убедила Людендорфа в необходимости пойти на решительный шаг в сторону мира. В то время как Людендорф с трудом наскребывал какие-то жалкие 5—6 дивизий, чтобы построить новый фронт в Сербии, и созывал совещание политических деятелей, чтобы ознакомить их с обстановкой, Фош на западе развил мощный штурм германских позиций (26—28 сентября), и германский фронт угрожал лопнуть.

Германское главное командование потеряло самообладание, и хотя такое состояние длилось всего несколько дней, этого было достаточно, чтобы уже нельзя было поправить дело.

Днем 29 августа Людендорф изучал создавшееся положение в своей комнате в британском отеле в Спа.

Чем больше генерал углублялся в обстановку, тем казалась неразрешимее стоявшая перед ним задача. В порыве отчаяния и ярости от своего бессилия Людендорф сетовал на свои несчастия (главным образом, отсутствие у него танков) и вымещал свою злобу на тех, кто, как он полагал, разрушали его усилия. Досталось тут и ревнивым штабам, пораженческому райхстагу, слишком гуманному кайзеру и одержимому подводной манией флоту. Постепенно он себя взвинтил до такой степени, что с ним случился эпилептический припадок. Внезапно, с выступившей на губах пеной, Людендорф упал на пол и судорожно забился...

В этот же день вечером Людендорф, физически и нравственно сломленный человек, принял решение просить о перемирии, говоря, что развал болгарского фронта опрокинул все его расчеты и предположения:

«Войска, предназначенные для Западного фронта, пришлось отправить туда». Это «коренным образом изменило обстановку на Западном фронте, где как раз стали развиваться атаки противника». Хотя пока «атаки эти удалось отразить, необходимо все же считаться с их продолжением».

Эти слова Людендорфа относятся к общему наступлению, предпринятому Фошем.

Американская атака на участке Маас—Аргонны началась 26 сентября, но фактически к 28 сентября выдохлась. Франко-бельгийско-британская атака началась во Фландрии 28 сентября, но хотя она и была неприятна противнику, все же не казалась слишком серьезной угрозой. Утром 29 сентября Хейг развил свой главный удар по позиции Гинденбурга, и первые же известия об этом вызвали у германцев большую тревогу.

В этой опасной и напряженной обстановке, требовавшей немедленных действий, канцлером был назначен принц Макс, в расчете, что его международная репутация умеренного и честного человека облегчит возможность поднять вопрос о мире. Чтобы можно было надеяться на успех ведения переговоров и не сознаться в своем поражении, ему нужен был (и он этого просил) срок «в 10, 8, даже 4 дня, прежде чем я должен буду обратиться к врагам с предложением о мире». Но Гинденбург просто ответил, что «серьезность военной обстановки не допускает никакого промедления», и настаивал на том, чтобы «нашим врагам немедленно было передано предложение о мире», а Людендорф жалобно повторял одно и то же: «Я хочу спасти мою армию!».

В итоге, 3 октября президенту Вильсону было послано предложение немедленно заключить перемирие.

Это было открытое признание всему миру в своем поражении. Но еще раньше этого — 1 октября — германское командование разложило свой внутренний фронт, сообщив то же собравшимся на совещание представителям всех политических партий.

Люди, которых так долго держали в темноте, были ошеломлены внезапно пролитым светом. Громадный толчок к действию

получили все силы, стоявшие за пацифизм, и вообще все инакомыслящие.

В то время как германское правительство обсуждало вопросы перемирия и запрашивало Людендорфа о положении армии и возможности дальнейшего сопротивления, если условия перемирия будут неприемлемы, Фош продолжал свой натиск.

Прорыв позиции Гинденбурга. План общего наступления обнимал ряд сходившихся в одну точку и почти одновременно развиваемых атак.

1-я и 2-я — американцами между р. Маас и Аргонским лесом и французами — западнее Аргонн. Обе атаки в направлении на Мезиер. Начало их — 26 сентября.

3-я — британцами на фронте С.-Кентен—Камбрэ, в общем направлении на Мобеж; начало — 27 сентября.

4-я — бельгийцами и союзными силами в направлении на Гент. Начало — 28 сентября.

Наступление в общем носило характер клещеобразного нажима против широкого выступа к югу между Ипром и Верденом. Атака в направлении на Мезиер отгоняла находившуюся здесь часть германских армий на трудную и неудобную местность Арден, подальше от естественного для них пути отступления через Лотарингию. Помимо того, местность эта была опасно близка к петле, образуемой линией Антверпен—Маас, которую германцы только готовили к обороне.

Атака в направлении на Мобеж угрожала другой важной коммуникационной линии и путям отступления, ведущим через льежскую лазейку, но для этого атака должна была быть глубже развита.

Американцам в этих атаках приходилось иметь дело с наиболее серьезными естественными препятствиями. Британцы должны были натолкнуться на самые сильные укрепления, и здесь же находилась большая часть войск противника.

Атака, начатая Першингом, вначале развивалась хорошо. К преимуществам численного превосходства сил (примерно 8 : 1) добавились преимущества внезапности. Но вскоре из-за перебоев в снабжении и трудностей развития успеха на такой местности порыв войск выдохся. Когда, после ожесточенной борьбы и тяжелых потерь, атака была окончательно остановлена, то американская армия все еще была далека от жизненно важной для противника железной дороги.

Американская армия — молодая и еще не закаленная боями — переживала те же муки роста, что и британская в 1915—1916 гг. Трудности Першинга увеличивались еще тем, что он отказался от собственного предложения — развития успеха у С.-Миель в направлении к Мецу, учтя возражения Хейга против такого наступления, которое, хотя и являлось многообещающим по своей конечной цели, все же отклонялось от общего направления других атак союзников.

Первоначальный план Фоша для общего наступления был соответственно пересмотрен, и как следствие Першинг не только получил более трудный участок для атаки, но ему была дана всего

лишь одна неделя на подготовку удара. Недостаток времени вынудил Першинга ввести в дело малоподготовленные и неопытные дивизии вместо того, чтобы перебросить сюда более опытные дивизии, уже участвовавшие в боях у С.-Миель.

В итоге же оказалось, что упрямство Хейга было ни к чему, так как британцам удалось прорвать фронт позиции Гинденбурга раньше, чем атака на участке Маас — Аргонны отвлекла туда с фронта атаки Хейга какие-либо германские резервы.

Хейг, продвигая вначале вперед свой левый фланг, облегчил этим атаку правого фланга, наступавшего против сильнейшей части «позиции Гинденбурга» — Северного канала. К 5 октября британцы прошли системы обороны германцев, и впереди растилалась неукрепленная местность.

Но атакующий имел на этом участке меньше дивизий, чем обороняющийся [1], танки вышли из строя, и британцы не могли наступать достаточно быстро, чтобы явиться серьезной угрозой отступлению германцев.

Прошло несколько дней, и германское главное командование воспрянуло духом; оно даже прониклось оптимизмом, увидев, что прорыв позиции Гинденбурга не сопровождается фактической ликвидацией всего фронта. Бодрость вливали и донесения об ослаблении натиска союзников, в частности, недостаточная активность их в использовании представившихся возможностей. Людендорф продолжал желать перемирия, но хотел его только для того, чтобы дать войскам передышку как прелюдию к дальнейшему сопротивлению и обеспечить спокойное отступление на более короткую оборонительную линию, расположенную ближе к границе. К 17 октября он даже думал, что ему удастся выполнить это и без передышки. Вызвано это было не тем, что произошли решающие изменения в обстановке, а скорее тем, что Людендорф сам стал иначе расценивать обстановку. Никогда обстановка не была столь безнадежной, как он это вообразил 29 сентября. Но его первое тяжелое впечатление и уныние вызвали такие же настроения и в политических кругах, распространяясь дальше, как круги от брошенного в воду камня.

Натиск союзных армий и их упорное наступление ослабили волю к сопротивлению германского правительства и германского народа. Убеждение в конечном поражении воспринималось ими труднее, чем лицами, возглавлявшими армии, но эффект этого, будучи раз вызван, был несоизмеримо значительнее и глубже.

---

[1] 25 сентября накануне общего наступления Фоша на позиции Гинденбурга между С.-Кентен и Ленс стояло 57 германских дивизий против 40 британских и 2 американских дивизий. На участке Маас — Аргонны 20 дивизий противника противостояли 31 французской и 13 полнокровным американским дивизиям, численно равным почти 16 обычным для союзников дивизиям. Численность германских дивизий упала до ненормально низкого уровня, но этот факт не должен влиять при исторической оценке трудностей, встречаемых правыми и левыми клещами атаки, так как ниже нормы был и боевой состав соединений союзников.

Косвенные моральные влияния военного и экономического гнета усугублялись прямым влиянием пропаганды за мир, искусно проводимой и интенсивно развертываемой Нортклифом.

«Внутренний фронт» стал давать трещины позднее, но развалился он скорее, чем боевой фронт.

Паралич Турции. Наступление, намеченное на весну в Палестине, было прервано кризисом во Франции; поэтому из Палестины была оттянута большая часть британских войск Алленби. Пробел был заполнен подкреплениями из Индии и Месопотамии.

К сентябрю Алленби вновь был готов повести наступление. Он тайно сосредоточил главную массу своей пехоты, а за ней и конницу, на фланге со стороны Средиземного моря. В это время Лоуренс и его арабы, появившись из пустыни, неуловимые и незаметные, как москиты, угрожали коммуникациям противника и отвлекали его внимание. На рассвете 19 сентября войска, сосредоточенные на западе, пошли в атаку, тесня фронт турок к северо-востоку, в направлении на гористую местность, глубже внутрь страны. В прорыв прошла конница, направляясь прямо по прибрежному коридору на расстоянии 30 миль, а затем завернула на восток, чтобы ударить по тылу турок. Единственный оставшийся открытым путь отступления на восток вел через Иордан и был прегражден блестяще действовавшей здесь британской авиацией, забрасывавшей турок бомбами. Попавшись в западню, главные силы турецкой армии были окружены, а конница Алленби развила между тем достигнутый у Мегтидо успех быстрым и неустанным преследованием противника, в процессе которого был захвачен вначале Дамаск, а затем и Аллепо.

Беззащитные турки, которым угрожало прямое наступление Мильна из Македонии на Константинополь, 30 октября сдались.

Разгром Австрии. Последняя попытка австрийцев к наступлению на итальянском фронте во взаимодействии с германскими атаками во Франции была отбита на р. Пиаве в июне. Диаз подождал, пока обстановка не созреет для перехода в свою очередь в наступление. Он выжидал внутреннего разложения Австрии и того срока, когда она больше не сможет надеяться на поддержку Германии. 24 октября армия Кавана двинулась, чтобы овладеть переправами через р. Пиаву, а 27 октября развилась главная атака, проводимая в направлении Витторио — Венето с целью отрезать австрийцев, находившихся в адриатической равнине, от тех, которые находились в горах.

К 30 октября австрийская армия была разрезана на две части. Отступление превратилось в полный разгром, и в тот же день Австрия запросила мира, который и был подписан 4 ноября.

Занавес падает на Западном фронте. Уже 23 октября президент Вильсон ответил на запрос Германии нотой, которая фактически требовала безусловной сдачи. Людендорф хотел продолжать борьбу, надеясь, что успешная оборона на германской границе поколеблет решимость союзников. Но уже не в его власти было влиять на обстановку: воля германского народа к сопротивлению была сломлена, советов Людендорфа больше не слушали. 26 октября он вынужден был уступить.

Затем канцлер в течение 36 часов лежал в беспамятстве, приняв слишком большую дозу снотворного лекарства, чтобы избежать бессонницы после перенесенной инфлюэнцы.

Когда он вечером 3 ноября смог вернуться к своим обязанностям, капитулировала не только Турция, но и Австрия. Если обстановка на Западном фронте казалась несколько благоприятнее, то вместе с тем австрийская территория и австрийские железные дороги могли теперь послужить базой для операций против Германии. Несколько недель назад генерал ф. Гальвиц в разговоре с германским канцлером указал, что такое стечение обстоятельств, тогда казавшееся невозможным, окажется «решающим».

На следующий день в Германии вспыхнула революция и быстро разлилась по всей стране.

И в эти последние дни страшного и многостороннего психологического напряжения «красный отблеск» восставшего тыла казался еще более зловещим из-за надвигавшейся на фронте в Лотарингии тучи. Здесь с 1 ноября на направлении, более чувствительном, чем другие, возобновился натиск американцев. «Если желать и дальше удерживать линию Антверпен — Маас», то никак «нельзя было позволить врагу наступать на этом направлении». Если бы натиск противника развивался, то следующую линию обороны пришлось бы организовать уже не на границе, а на Рейне.

Но революция разгоралась с каждым часом, причем масло в огонь подливало то, что кайзер неохотно шел на отречение, а это задерживало мирные переговоры. Компромисс с революционерами являлся единственным шансом, и 9 ноября принц Макс передал свои полномочия социалисту Эберту. Германия стала республикой, отвечая уговорам президента Вильсона и идя навстречу возраставшему недовольству германского народа своими вождями, приведшими народ к несчастью. В германском флоте вспыхнули восстания, когда командиры пытались послать моряков в отчаянное предприятие против британцев. 6 ноября германские делегаты выехали из Берлина, чтобы завязать переговоры о перемирии.

В дни, предшествовавшие их приезду, союзники опасливо обсуждали условия, на которых должен был быть заключен мир, но здесь голос Фоша был ясен и решающ. Президент Вильсон предложил, чтобы условия, на которых должно быть заключено перемирие, были предоставлены решению военных авторитетов. Хейг, поддержанный Мильнером, отстаивал умеренность:

«Германия в военном отношении не сломлена. В течение последних недель армии ее, геройски сражаясь, отступали в блестящем порядке. Поэтому необходимо поставить Германии такие условия, на которые она согласится пойти... Чтобы закрепить победу, достаточна эвакуация всех захваченных территорий и Эльзас-Лотарингии».

Британцы опасались также возможной партизанской войны и считали, что в качестве предупредительной меры против распространения большевизма нельзя допускать демобилизации германской армии.

Фош согласился, что «без сомнения германская армия сможет занять новую позицию и что мы не сможем этому помешать».

Но он не соглашался с условиями Хейга и настаивал не только на передаче германцами союзникам 1/3 своей артиллерии и половины своих пулеметов, но считал также, что союзники должны занять Прирейнскую область, устроив предмостные укрепления и на восточном берегу Рейна. Только удерживая Рейн, союзники будут гарантированы, что германцы не смогут несколько позднее прервать мирные переговоры. Предложение Хейга облегчит отступление германцев и организацию новой позиции сопротивления. Фош, кроме того, заявил Клемансо, что занятие этой области послужит не только залогом безопасности, но и залогом для репараций.

Першинг пошел даже дальше Фоша и возражал вообще против перемирия. Фош привел против этого следующие логические доводы.

«Война есть только средство к достижению определенных результатов. Если германцы подпишут теперь перемирие, приняв поставленоные нами условия, то результаты будут наши. А раз это будет достигнуто, то ни один человек не имеет права заставить пролить хотя бы еще несколько капель крови».

Действительные результаты, к которым стремился Фош, ставя свои условия, выходили за пределы перемирия. Если бы германская армия была сметена с пути, то Франция оказалась бы в состоянии заключить мир, руководствуясь своими условиями, а не условиями президента Вильсона. Таким образом иронический результат поступка президента, позволившего солдатам выработать условия перемирия, выразился в том, что он свел на-нет мирные условия, выраженные в 14 пунктах президента Вильсона, и позволили германцам справедливо жаловаться, хотя это ни к чему не привело, что они попались на удочку Вильсона, поверив его обещаниям, и это привело их к гибели.

Следующий пункт разногласий касался того, следует ли при обсуждении условий перемирия говорить о репарациях. Британцы возражали, французы же настаивали. Клемансо разумно говорил— против этого нечего было возразить: «Я хочу только упомянуть об этом принципе», и стоял за расплывчатую, но понятную формулу «репараций за убытки». Французский же министр финансов усиливал потенциональный эффект этого принципа, предлагая невинное на первый взгляд добавление, именно: «Любые новые требования или притязания союзников останутся в будущем без внимания». Полковник Хауз проглотил эту пилюлю, и благодаря его поддержке эта оговорка была добавлена к условиям.

Дальнейший вопрос касался морских условий, и здесь позиции отдельных наций переменились. Фош, ставивший такие жесткие военные условия, теперь старался облегчить для Германии морские условия и требовал просто сдачи подводных лодок. Он спросил с явной насмешкой:

«Что касается германского надводного флота, чего вам его бояться? В течение всей войны только отдельные суда рискнули выйти в море. Сдача и этих единиц будет просто демонстрацией, которая понравится обществу, но больше ничего».

Сэр Эрик Гедд, первый лорд адмиралтейства, напомнил Фошу, что британский флот «отгонял и страшил» германский флот, указав далее на то, что, если оставить германский флот в целости, тяготы войны будут длиться для британского флота, пока не заключат мира.

Ллойд-Джордж предложил столь же действительный, но менее унизительный для Германии компромисс. Морские условия должны говорить об интернировании, а не о сдаче германских надводных судов. Это предложение собрало большинство голосов, хотя адмиралтейство пошло на уступки с явным протестом. В конечном счете, помимо сдачи 150 подводных лодок, поставили условием интернирование «в нейтральных портах, а в случае отсутствия их — в портах союзников» 10 дредноутов и 6 крейсеров, не считая легких сил. Учитывая трудность найти соответствующий нейтральный порт, в конце концов наметили британскую базу Скапа-Флоу.

Одно из важных значений затянувшейся дискуссии заключалось в том, что условия, которые хотели поставить Германии, не были выработаны, пока не капитулировала Австрия. Значение этого в том, как это и предвидел Ллойд-Джордж, что теперь союзники «могли предъявить Германии более жесткие условия» с меньшими опасениями получить отказ.

Согласие Германии на эти суровые условия было ускорено не обстановкой на Западном фронте, а скорее разложением «внутреннего фронта» вместе с угрозой нового удара в тыл через Австрию. Наступление союзников на западе все продолжалось. В некоторых местах оно как-будто за последние дни успешно развертывалось. Но главные силы терманцев все же благополучно ушли с самого опасного сектора, а полное разрушение ими грунтовых и железных дорог не позволяло союзникам так же быстро продвигать снабжение, как наступали войска. Неизбежно должна была настать передышка, пока эти дороги удалось бы починить, таким образом, и германцы выиграли бы время, чтобы укрепить свое сопротивление. Наступление к 11 ноября достигло линии Понт-а-Муссон — Седан — Мезиер — Мон-Гент, линии начальных боев 1914 г., но в стратегическом отношении это наступление остановилось.

Правда, предвидя это, Фош сосредоточил большую группу франко-американских сил с целью развить удар ниже Меца, прямо на восток в Лотарингию. Поскольку общее наступление союзников поглотило почти все резервы противника, этот удар, если его провести достаточно глубоко и быстро, обещал обойти целиком всю эту новую линию обороны вдоль р. Маас к Антверпену и мог даже сорвать планомерное отступление противника к Рейну. Но мало вероятностей, что этот удар в Лотарингии, подготовленный на 14 ноября, смог бы разрешить до сих пор неразрешимую задачу поддержания первоначального темпа наступления, как после первого прорыва. Фош так не думал. Когда его спросили, сколько времени понадобится, чтобы отогнать германцев назад, за Рейн, если они откажутся от условий перемирия, он ответил: «Быть может три, быть может четыре или пять месяцев. Как

знать!» А его послевоенные комментарии к этому лотарингскому наступлению говорят:

«Значение этого наступления всегда преувеличивалось. На него смотрели, как на неизбежный удар, который должен был быть нанесен и вызвать нокаут немцам. Это глупость. Лотарингское наступление само по себе не было важнее, чем атака, готовившаяся в то время в Бельгии на р. Лис».

Более знаменательным было решение, принятое 4 ноября, после того как Австрия сдалась,— решение подготовить концентрическое наступление на Мюнхен тремя союзными армиями. Армии эти должны были за пять недель сосредоточиться на австро-германской границе. В дополнение отдельный авиационный отряд Тренчарда должен был забросать бомбами Берлин, причем атака эта должна была проводиться в масштабе, к которому в воздушной войне еще не прибегали. Число американских войск в Европе поднялось теперь до 2 085 000 человек, а число дивизий до 42, из коих 32 были готовы для боя. Внутренняя обстановка и очевидное развертывание внешних, ближайших, поддающихся предвидению событий были главнейшими факторами, приведшими Германию к решению капитулировать. А одинокий, еще проектируемый удар союзников по сильнейшему участку фронта германцев почти не играл здесь никакой роли.

Германским делегатам, когда дома была революция, на южной границе страны нарастала новая угроза, а на западе росло напряжение, не оставалось другого выхода. Им пришлось пойти на тяжелые условия перемирия, которые и были подписаны в вагоне Фоша, в лесу Компиен, в 5 час утра 11 ноября. А в 11 час. того же утра мировая война окончилась.

1. Первый почин

(Схема 16)

В 4 час. 30 мин. утра 21 марта 1918 г. внезапный грохот около 4 000 германских орудий возвестил о надвигавшемся урагане, который по своему масштабу, вселяемому ужасу и силе разрушения не имел себе равных и превосходил все, встречавшееся до тех пор в мировой войне.

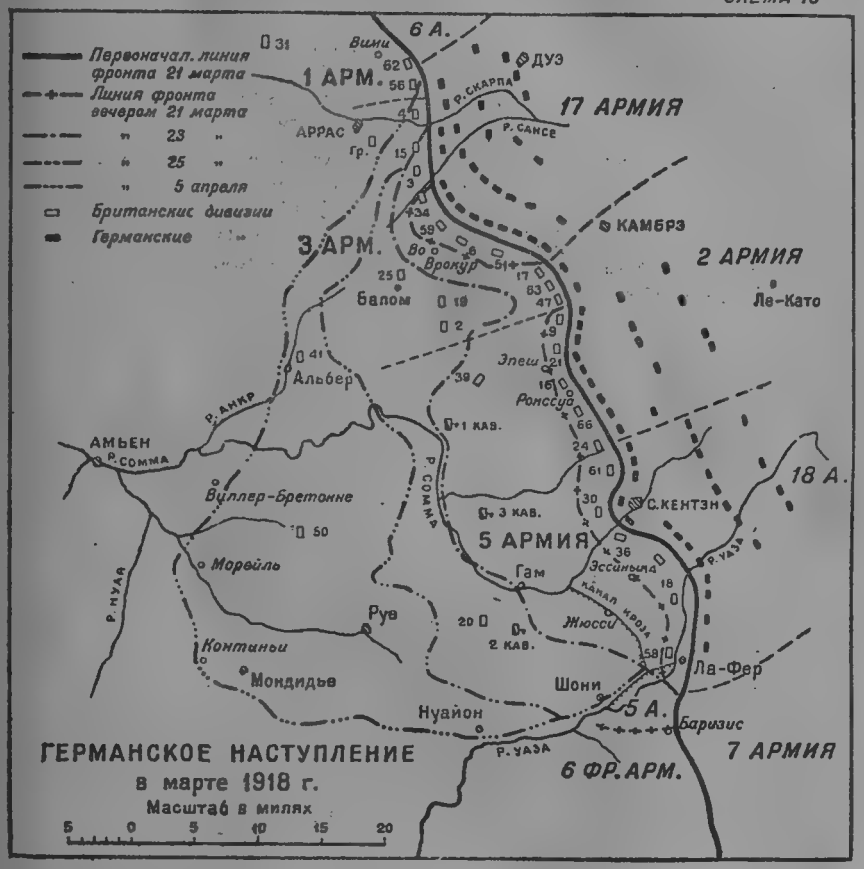
К ночи поток германцев затопил 40 миль британского фронта. Неделю спустя поток разлился и вглубь на 40 миль. Германское наступление подкатилось к Амьену и уже омывало предместья этого города, а в последующие недели союзники чуть не захлебнулись в волнах этого мощного наступления и не проиграли кампании.

Эти недели вместе с неделями Марны 1914 г. являются показателями двух величайших кризисов мировой войны. В эти недели Германия была отчаянно близка к тому, чтобы вернуть потерянный ею блестящий шанс на победу, который она упустила в начале сентября 1914 г. А британскому народу события марта 1918 г. казались даже страшнее событий 1914 г., так как опасность понималась теперь полнее, а поставленная ставка была значительно больше.

Ни один из эпизодов войны не вызвал столько вопросов, как тот, занавес над которым поднялся 21 марта 1918 г.

Почему — когда союзники в течение двух лет войны вели атаки, обладая явным превосходством сил — они внезапно очутились в таком отчаянном положении, сражаясь чуть ли не с «ножом, приставленным к горлу?». Почему — после того как общество заверили, что обеспечено взаимодействие между союзниками и не

СХЕМА 16



нужен общий главнокомандующий, — теперь такой главнокомандующий срочно понадобился и срочно был назначен? Почему — когда союзники в течение двух лет непрекращавшихся наступлений могли оказать незаметное внешнее влияние на фронт германцев — германцы смогли в течение нескольких дней прорвать широкую брешь в фронте союзников? Почему — если прорыв этот, далеко превзойдя цели по своим размерам, о которых хотя бы только могли мечтать союзники, организуя подобные же удары, — не смог все же привести к «решающим» результатам?

В попытках ответить на эти многочисленные «почему» и заключается главный интерес «21 марта» для истории.

Основную причину внезапного перехода британцев от наступления к обороне надо искать в том факте, что боевая мощь германцев на Западном фронте за время с ноября 1917 г. по 21 марта 1918 г. увеличилась на 30%, а мощь британцев по сравнению с предыдущим летом упала на 30%. Ядро этих свежих германских дивизий было переброшено с русского фронта, где Людендорф, готовя свою попытку добиться крупной победы на западе, заключил мир с большевистским правительством и с Румынией. Но если эти факты объясняют перемену, все же причины этой внезапной и чреватой своими последствиями перемены надо искать глубже. Важнейшей из причин была та, что британское командование во Франции потеряло кредит как в смысле притока свежих пополнений, так и в глазах правительства. Этот двоякий несчастливый результат обязан был стратегии, которая может быть подытожена одним единственным словом, многогранным по своей дурной славе и значению — «Пашендэйль».

Отдавая себе отчет в своей ответственности перед нацией и лично не доверяя планам Хейга, Ллойд-Джордж временно наложил твердый запрет на приток свежих пополнений во Францию, считая возможным дать их лишь для организации какого-либо другого нового наступления. Трения между этими двумя людьми были почти неизбежны из-за крайнего различия их темперамента и подготовки. Один — легкомысленный уэльсец, другой — упрямый и молчаливый шотландец. Один обладал магнетической силой притяжения, располагая к себе даже плохо к нему относящихся ,другой обладал неизменной способностью отталкивать от себя даже тех, кто был к нему хорошо расположен. Один — бесконечно доступный и восприимчивый к новым идеям, другой— непоколебимый, упрямый и настойчивый. Если у одного слово и мысли так близко были связаны друг с другом, что они были как бы сплавлены в одно целое, то у другого — как только он открывал рот, автоматически выключалась работа мысли.

Анекдотов о косноязычии Хейга, граничащем с глупостью, много. Один из лучших относится к тому случаю, когда, раздавая призы в Альдершоте команде, пришедшей первой в беге по пересеченной местности, Хейг только и сумел выдавить из себя:

«Поздравляю вас, вы хорошо бежали. Надеюсь вы также хорошо побежите, когда встретитесь с противником».

Ллойд-Джордж охотно шел навстречу свежим мыслям, но он критически относился к претензиям иерархической мудрости и постоянно старался получить большое количество мнений, не стесняясь их разноречивостью и создавая себе, таким образом, широкую базу для суждений. Хейг, как сознается даже сам восторгающийся им биограф, «не обладал критическим умом», не имел никакого понятия и не интересовался делами вне непосредственного круга своей работы. Хейг взял на себя командование, «твердо убежденный, что пост, на который он теперь был назначен, может быть достойно из всей британской армии занят толь-

ко им одним». Когда к его воззрениям и жестокости дисциплинированного военного добавилось это чувство «священности» своих прав, то между ним и премьер-министром возник почти непреодолимый барьер. Ни один из них не прилагал много усилий, чтобы попытаться его преодолеть, а возраставшее взаимное недоверие — недоверие к военным методам Хейга и недоверие к личной политике Ллойд-Джорджа — неуклонно содействовало росту этой преграды.

В течение всех месяцев, последовавших за Пашендэйлем и предшествовавших германскому наступлению, Ллойд-Джордж неутомимо пытался найти предлог, чтобы как-нибудь ограничить власть Хейга, в то же время боясь его сместить. Он стоял за высший военный совет, который распоряжался бы общим межсоюзным резервом. Но план этот был сорван Хейгом. Не доверяя «комитетским» методам руководства боевыми операциями, Хейг сорвал этот план, отказавшись выделить в резерв свою скромную долю — 7 дивизий. Хотя принципиальные возражения Хейга против «комитетского» метода и были верны, все же трудно понять и объяснить его действия. Будучи убежден, что атака германцев придется по его фронту (а он в это твердо верил), и знал прекрасно многочисленность своих резервов, по меньшей мере странно, что он не рискнул внести свою долю — 7 дивизий, чтобы затем свободно черпать из резерва в 30 дивизий. Хейг вместо этого предпочел договориться с Петеном о взаимной поддержке, чтобы в случае нужды получить помощь в 6—8 французских дивизий. Это было намного меньше того, на что мог рассчитывать Хейг, если бы образовался общий резерв. Больше того, недоверие Хейга к исполнению французами таких обещаний резко выражалось еще в предыдущие годы. Его замечания на этот счет были так язвительны, что просто удивительно, как он мог довериться маловажному и на все сто процентов чисто французскому обещанию, когда он мог получить более серьезные гарантии от межсоюзного совета, в состав которого входил и британский представитель!

Эта исключительная уверенность британского командования и задержка английским правительством подкреплений объясняется, вероятно, правильным убеждением в способности обороны противостоять германской атаке. Почему атака должна была удасться германцам, когда у британцев она так часто срывалась? Британцам намек на прорыв удался только у Камбрэ, когда в дело были введены танки, а Хейг знал, что германцы безусловно не могли за это время построить достаточного количества танков.

Но Хейг в своих оборонительных расчетах и в своих наступлениях прошлых двух лет видимо недооценивал беспредельное значение внезапности, которая на протяжении 3 000 лет существования военного искусства всегда давала мастерам этого дела ключ к победе. Действительное значение атаки у Камбрэ 20 ноября 1917 г. заключалось в том, что она возродила внезапность, найдя ее в сочетании брони и гусеницы. К несчастью, эффект внезапности был большей частью напрасно растрачен, так как Хейг, изнурив и израсходовав свои силы в грязи Пашендэйля, не имел больше

возможности полностью развить успех, другими словами, вставив «ключ в замок», он не имел достаточно сил, чтобы сделать полный оборот.

При контратаке 30 ноября германцы воспользовались подобным же по замыслу, но иным по осуществлению средством — короткой мощной бомбардировкой химическими и дымовыми снарядами, за которой последовал штурм пехоты, специально обученной новой тактике просачивания. Видимо и к марту 1918 г. опыт ничему еще не научил британцев! Высказываемые задним числом жалобы 5-й армии на свою малочисленность и растянутость фронта, в общем справедливы, но все же командующий армией убежденно говорил раньше о своей способности противостоять атакам германцев.

Но когда фронт 5-й армии был прорван, то выявилась вся недостаточность подготовки и согласования усилий, чтобы глубже в тылу преградить дорогу противнику. Командующий армией Гауф не догадался подготовить разрушения некоторых шоссе, а главное штаб не удосужился дать ему на этот счет определенных указаний. Хуже всего была путаница, вызванная тем, что взрыв наиболее важных железнодорожных мостов был поручен железнодорожным властям, а не командованию на месте; в результате оказалось, что важный железнодорожный мост у Перен попал в руки германцев неразрушенным.

Это было счастьем для германцев, хотя тщательная и искусная подготовка начального наступления вполне заслуживала успеха. Все же судьба благоприятствовала германцам. Дело в том, что эффект, достигнутый применением германцами химических снарядов, был предельно усилен самой природой. На рассвете 21 марта поднялся густой туман, скрывший просачивающуюся пехоту и стеснявший огонь пулеметов обороны. Без этой помощи можно сомневаться, насколько удалась бы германцам тактическая внезапность. В этом — основная причина худшего качества тех средств, которыми германцам приходилось достигать внезапности ,по сравнению со средствами, обеспечивавшими союзникам внезапность под Камбрэ и позднее — 8 августа 1918 г., т. е. танками.

В поисках внезапности Людендорф должен был зависеть от усилий не защищенной броней пехоты, которая должна была развить прорыв, созданный короткой, но мощной бомбардировкой с применением химических снарядов. Он не сумел понять все значение танка и во-время не позаботился о его развитии. Только в августе 1918 г., когда танки нанесли Людендорфу смертельный удар, он внес их в разряд «срочно необходимых» военных средств.

План германцев отличался более тщательным и более действительным стремлением к тактической внезапности, чем при любой из их прежних операций. Германцы многозначительно пишут, что «донесения Хейга, касавшиеся наступлений 1917 г., оказались весьма ценными, так как они учили, *как не надо* вести наступлений». К чести Людендорфа надо отнести то ,что он понял, какой помехой операции является «очевидность ее», и осознал, что

никакое численное превосходство не сможет этого компенсировать. Если же противник будет на-чеку, то в очень редких случаях удастся добиться успеха. Людендорф старался обеспечить и развить внезапность, пользуясь сложной смесью элементов, способных обмануть противника. К чести его надо отнести и то, что не в пример Фалькенгайну, который любил только офицеров-канцеляристов, он окружил себя способными помощниками. Капитан Гейер составил новые руководства для подготовки войск, а полковник Брухмюллер, неожиданно всплыв на поверхность из тихой заводи отставки, стал знаменитым артиллерийским «прорывателем фронта».

Знаменательно, что Брухмюллера окрестили «Дурхбрухмюллер», что на немецком языке означает «Прорыв-Мюллер». Под его руководством масса артиллерии подтягивалась к самой линии фронта и размещалась укрыто, открывая огонь без предварительной пристрелки «регистрации у противника», применяя методы ведения огня, им впервые предложенные. Пехота обучалась новой тактике просачивания, основной целью которой являлось нащупывание головными частями слабых точек обороны и проникновение в них, а резервы направлялись только для того, чтобы действительно поддержать успех, а не просто скрасить поражение, как это раньше практиковалось. Были выделены специальные разведывательные команды, чтобы своевременно посылать назад донесения о ходе наступления. Обычные волны атакующей пехоты предшествовались редкой цепочкой «штурмовых» групп, вооруженных автоматическими винтовками, пулеметами и легкими минометами. Эти группы должны были итти напрямик там, где им удавалось найти лазейку, оставляя расправу с «опорными пунктами» следовавшим волнам. Темпы наступлению должны были давать быстрейшие. Опять-таки не прилагалось никаких усилий, чтобы добиваться выравнивания боевого порядка наступающих. Далее «необходимо было уничтожить склонность командиров сосредоточивать свои части с целью взять их вновь в руки после достижения определенного рубежа». «Если войскам известны замыслы и указания командиров, они смогут самостоятельно продолжать наступление».

Штурмовые дивизии подошли к исходной позиции за ночь; дивизии второй линии заняли позицию только в 1 миле за первой, а дивизии третьей линии расположились в 10 милях за исходной позицией. Все резервы двинулись вперед в «Х» часов с тем, чтобы в нужную минуту оказаться под рукой.

Когда в дело вводилась дивизия второй линии, то она поступала в распоряжение командира дивизии первой линии, который чувствовал пульс боя; прежде эта дивизия поступала в распоряжение старшего командира, сидевшего в тылу.

11 ноября в Монсе (знаменательны и место и дата) германские старшие начальники собрались на тайное совещание, чтобы решить о времени и месте наступления. Конечно, применительно к германским обычаям, дело решалось не номинальными командующими, а их начальниками штабов — Людендорфом, Кулем (группа кронпринца Рупрехта), Шуленбергом (группа германского

кронпринца), совместно с личным стратегическим советником Людендорфа — майором Ветцелем. Куль и Шуленберг оба хотели, чтобы атака была развита на фронте их армий; Куль предлагал Фландрию, а Шуленберг — Верденский сектор. Ветцель склонялся скорее к поддержке Шуленберга, говоря, что атака на флангах Вердена, где фронт образует выступ, подорвет любое будущее франко-американское наступление на этом чувствительном для союзников направлении. Разгромив французов, всю мощь германских армий можно будет обрушить на британцев.

Людендорф отверг эту схему на том основании, что местность там мало благоприятна для наступления. Кроме того прорыв у Вердена вряд ли приведет к решению, так как французская армия за этот год слишком хорошо оправилась. Основным принципом Людендорф выставлял положение: «Британцы должны быть разбиты»; он полагал, что усталость, вызванная у них боями у Пашендэйля, сделает их легкой добычей.

Но Людендорф не согласился и с предложением Куля — развить удар между Ипром и Ленсом в направлении на Хазебрук, так как при этом удар пришелся бы по главным силам британцев, затем низменная местность этого района вряд ли скоро просохнет.

Взамен этого он одобрял наступление у С.-Кентен.

Ветцель доказывал, что это наступление будет тормозиться необходимостью преодолеть давно разрушенный и опустошенный район Соммы. Помимо того, направление это удобно французам, позволяя им легко подбросить сюда свои покрепления. К окончательному решению не пришли, и Рупрехт записал в своем дневнике: «Людендорф недооценивает крепость британцев».

В декабре Витцель попытался согласовать и умно сочетать эти два проекта, разделив наступление на две части: первую — широкое фронтальное наступление по обе стороны С.-Кентен, вторую — спустя две недели, прорыв во Фландрии в направлении на Газебрук. Первая часть должна была вестись только для того, чтобы отвлечь к югу британские резервы и, когда цель эта будет достигнута, сразу закончиться.

Ветцель подытоживал:

«Мы не должны, по моему мнению, настаивать на том, чтобы одной крупной атакой и в одном месте добиться поставленных себе целей, как бы тщательно эта атака ни подготавливалась.. Мы можем поколебать их фронт лишь разумным сочетанием последовательных, определенно между собой связанных, взаимно влияющих друг на друга атак, на различных участках фронта с конечным ударом в направлении на Газебрук».

На деле же оказалось, что не Людендорфу, а Фошу, хотя он и не подозревал, кому он за это должен быть благодарен, пришлось воспользоваться советами Ветцеля.

Дело в том, что после дальнейших совещаний Людендорф 27 января принял решение в пользу наступления у С.-Кентен, известного под маскировочным названием «Михэль», и высказался против Газебрукского наступления («Св. Георг»), которое вообще имелось в виду, но к которому непосредственно не готовились.

Здесь возникло новое осложнение. Фронт от бельгийского побережья до С.-Кентен находился в ведении Рупрехта, а по политическим, равно как и по личным соображениям, считалось необходимым дать германскому наследному принцу возможность загладить свои неудачи под Верденом в 1916 г., которые по существу надо было скорее отнести исключительно за счет Фальькенгайна. Поэтому ему дали возможность участвовать в наступлении, введя в дело 18-ю армию (Гутиер) на южном фланге наступления. Армия эта входила в армейскую группу кронпринца.

Спорен еще вопрос, не смог ли бы кронпринц лучше помочь, использовав свою армию для диверсии у Вердена, с целью отвлечь французские резервы от намеченного места прорыва фронта британцев, вместо того чтобы их туда как раз привлечь? Конечно, диверсия у Вердена была менее почетна и связана с меньшей славой.

В широком смысле сектор, на котором Людендорф остановил свой выбор, простиравшийся от Арраса до Ла-Фер, соответствовал новому принципу Людендорфа — выбора линии наименьшего сопротивления. Это направление было слабейшим по организации обороны, числу защитников и количеству резервов. Более того, направление это проходило в непосредственной близости от стыка французской и британской армий и, таким образом, было удобно для расчленения этих армий ударом. Но хотя в общем и правильно было суждение, что участок этот сравнительно слаб, все же он был занят неравномерно и неправильно. Северная треть этого участка была сильна и крепко удерживалась 3-й армией Бинга — 14 дивизий (из них 4 в резерве). Помимо того, ядро британских резервов стояло за этим флангом. Фланг этот мог скорее (в действительности это так и оказалось) получить подкрепления и из других британских армий, которые стояли севернее. Остальные две трети участка, по которым пришелся удар германцев, удерживались 5-й армией Гауфа. Центральная часть, приходившаяся против армии Марвица, оборонялась 7 дивизиями (2 в резерве). Южная часть участка (против армии Гутиера) удерживалась также 7 дивизиями (1 в резерве).

Людендорф дал армии Белова, наступавшей у Арраса, 19 дивизий для начальной атаки одного только левого фланга протяжением в 9½ миль. Южнее наступала армия Марвица. Поскольку выступ фронта британцев у Камбрэ не собирались атаковать в лоб, а считали, что его удастся ликвидировать охватывающим наступлением с флангов, эта полоска протяжением в 4 мили была соответственно занята двумя германскими дивизиями. Марвиц же получил 18 дивизий, причем фронт его атаки равнялся 9½ милям.

На крайнем южном фланге по обеим сторонам С.-Кентен наступала армия Гутиера. Людендорф дал ей только 24 дивизии для атаки на фронте в 20 миль. Таким образом, мы видим, что эта армия пропорционально обладала лишь половинной силой других двух армий. Вопреки своим принципам, Людендорф рассредоточил свои силы применительно к мощи обороны противника, а не искал успеха на направлении наименьшего сопротивления. Указания, данные Людендорфом в приказе, еще больше подтвер-

ждают это предположение. Главное усилие следовало развить севернее р. Соммы. Совершив прорыв, Белов и Марвиц должны были завернуть на северо-запад, свертывая фронт британцев, а река и Гутиер образовывали завесу, прикрывавшую в это время фланги этих армий.

Армия Гутиера мыслилась просто как активное фланговое охранение.

План этот при проведении его в жизнь претерпел коренные изменения и приобрел видимость преследования линии наименьшего сопротивления. Случилось это потому, что Людендорф достиг быстрого успеха там, где он меньше всего к этому стремился, и не смог достигнуть успеха там, где это ему больше всего нужно было.

Что же делали в это время британцы? В итоге военной игры, проведенной в Версале, Генри Вильсон предсказал, что противник развьет свою атаку на участке Камбрэ—Ленс, но подождет с ней до 1 июля, когда окажутся на полной высоте подготовка войск и накопление сил. Вильсон несколько ошибся в месте удара и еще больше просчитался во времени. Хейг сообразил несколько правильнее, хотя и он не учел полностью возможное распространение атаки врага к югу. По мере того, как подходило время, множились признаки, позволявшие Хейгу вернее рассчитать срок атаки.

18 марта германские пленные, захваченные у С.-Кентен, указали на 21 марта, а вечером 20 марта XVIII корпус Макса, проведя поиск, смог наверняка установить готовившуюся на утро атаку.

Таким образом правильно будет сказать, что стратегическая внезапность не была достигнута. Да и вряд ли ее вообще можно было достигнуть в условиях войны 1918 г. во Франции. Но когда противостоявшие армии столкнулись на широко раскинувшейся линии укрепления, то быстрый прорыв, за которым следует не менее быстрое развитие успеха по линии наименьшего сопротивления, могло обещать столь же значительные результаты, как и те, которые обычно удается достигнуть, лишь идя по линии наибольшей внезапности.

Ураганный артиллерийский огонь начался в 4 час. 30 мин. утра 21 марта и с неослабевавшей мощью бил в течение двух часов по британской артиллерии. Затем, будучи усилен огнем минометов, он обрушился на окопы пехоты. Почти все телефонные провода были повреждены, а радиоустановки разрушены. Туман не позволял пользоваться средствами зрительной связи. Войска оглохли, а командиры ослепли. В 9 час. 40 мин. утра (в некоторых местах и раньше) германская пехота двинулась вперед под защитой подвижного огневого вала, дополненного огнем низко летевшей авиации.

К полудню зона передового охранения британцев была почти всюду пройдена. Но это было неизбежным злом и это предвиделось. Атака германцев, развиваемая на севере, столкнулась с таким упорным сопротивлением правого фланга армии Бинга, что даже к ночи 22 марта ей не удалось глубоко проникнуть в главную полосу обороны. Несмотря на последовательное введение

в дело свежих подкреплений, предельным уровнем успеха оставался захват здесь Воль-Врокур. Фронт армии Гауфа и главная полоса обороны этой армии большей частью оказались столь же прочными, но потоку атакующих удалось найти лазейку на крайнем правом фланге у Ла-Фер и затем у Эсиньи и Ронсой.

Сопротивление 21-й дивизии у Эпен на время помешало распространению последнего прорыва к северу, но прорыв этот начинал так глубоко вгрызаться в тело обороны, что заколебались и соседние участки.

Южнее у С.-Кентен фронт поддался еще сильнее, и в ночь на 22 марта Гауф был вынужден отдать приказ об общем отступлении к р. Сомме. Подтолкнуло его принять это поспешное решение ложное донесение, что противник форсировал уже канал Крозат у Жюсси и, таким образом, обошел его правый фланг. Рано утром на следующий день 5-я армия оставила предмостное укрепление у Перонн. Несколько из подчиненных Гауфу командиров имели еще более смутное и неверное представление об обстановке. В итоге они выпустили управление войсками из своих рук. Возникли разрывы между частями. Наиболее опасный оказался на стыке между армиями Бинга и Гауфа, и германцы постарались еще более обострить здесь положение. И дальше к югу, на стыке между британцами и французами, возникла новая опасность.

Но Людендорф, продолжая пренебрегать своими новыми принципами, намеревался только питать свои атаки у Арраса, где не было никаких видов на успех. Между тем Гутиер, переправившись через канал Крозат, быстро продвигался вперед, не встречая никаких задержек, если не считать препятствий, поставленных ему его узкой задачей. 23 марта Людендорф вновь упомянул в своих приказах, что центр тяжести наступления — армия Белова. Он усилил ее еще тремя дивизиями и приказал 6-й и 4-й армиям, находившимся севернее, поддержать наступление армии Белова.

Два дня спустя, когда безнадежность наступления армии Белова выявилась сильнее, Людендорф принял меры, чтобы правый фланг Белова, до этого остававшийся пассивным, развил прямой удар на Аррас 28 марта с целью преодолеть этот опорный пункт, задерживавший и обстреливавший продольным огнем левый фланг наступления Белова. А 29 марта 6-й армии, усиленной 6 или 7 дивизиями, было приказано распространить свои атаки к северу, между Аррасом и Ленсом, причем целью наступления была поставлена Булонь! Одновременно Гутиеру было приказано временно не переходить линии Нойон — Ройе.

26 марта Людендорф начинает сомневаться в успехе армии Белова и обращает свои взоры к югу. Но вместо того чтобы обрушиться там всей своей мощью, он просто предпринимает второе крупное усилие. Но даже при этом им намечен удар армией Марвица в направлении к Амьену, а Гутиеру опять-таки отдается приказ не переходить без дальнейших указаний р. Авр.

Это означало, что армия, которой надо было пройти по трудной местности старого поля сражения Соммы 1916 г., толкалась вперед, а армия, путь наступления которой был легче, нарочито придерживалась. Повидимому, объяснения этого — как и объ-

яснение постоянной смены оперативных замыслов Людендорфа — можно найти в последней фразе приказа, которая говорит, что он имел в виду широкое веерообразное расхождение армий — маневр, при котором три армии должны были завернуть на юг к Парижу, а Белов и его соседи — завернуть к северу, чтобы раздавить британцев на побережье, прижав их к морю.

Грандиозность замысла совершенно не соответствовала резервам Людендорфа. Казалось, что он в этот момент был опьянен успехом и, как Мольтке в августе 1914 г., считал своих цыплят, прежде чем настала осень. Другая параллель с 1914 г. заключалась в том, что донесения командовавших армиями о достигнутых успехах опережали рубежи, фактически достигнутые наступлением. Но и при этом командовавшие армиями оказались меньшими футуристами, чем сам кайзер. Он, если верить Рупрехту, «еще 21 марта раструбил о полной победе».

27 марта Гутиер достиг Мондидье, пройдя в общем 40 миль. На следующий день горькая действительность охладила пыл Людендорфа: атака на Аррас, проведенная 9 дивизиями армии Белова, была сломлена ураганным огнем бдительной и ожидавшей этого удара обороны. Не было и тумана, который помог бы атакующим.

Тогда Людендорф, хотя и с опозданием, приостановил тщетные усилия Белова и отменил приказ 6-й армии о проведении атаки, назначенной на следующее утро. Главной целью устремлений был теперь сделан Амьен, и Марвицу были даны все имевшиеся в распоряжении резервы — 9 дивизий. Но Гутиеру и на этот раз было приказано остановиться на два дня, пока к нему подойдут четыре свежие дивизии. К этому времени волна наступления, подкатывавшаяся к Амьену, почти приостановилась: порыв войск выдохся не из-за встречаемого сопротивления, а скорее из-за усталости и трудностей снабжения. Дороги были забиты, транспорты разгонялись, а резервы тревожились частыми воздушными атаками авиации британцев, которая приобрела здесь большое значение.

Когда 30 марта наступление возобновилось, то оно оказалось бессильно и вперед продвигалось слабо. Впереди было сопротивление, которому дали время окрепнуть и которое, как цементом, было скреплено французскими резервами. Резервы эти теперь спешно подбрасывались к рушившемуся фронту. Этот день был первым днем, когда артиллерия противника, прибывшая позднее пехоты, смогла мощно вступить в бой. Даже при этом был критический момент, когда германцы захватили хребет Морейл-Вууд. Хребет этот являлся не только стыком между французами и британцами, но и господствовал над переправами через Авр и Люс в месте стыка. А переправы эти прикрывали основную железнодорожную магистраль Амьен — Париж.

Угроза была предотвращена быстрым контрударом канадской кавалерийской бригады, проведенным по инициативе и под руководством генерала Сиили. Бывший военный министр превратился в Мюрата! Хребет был отбит, и хотя на следующий день другие части вновь отдали его противнику, все же контрудар канадцев как-будто истощил теперь лишь слабо тлевшее пламя энер-

тии германцев. Прошло около недели, прежде чем германцы 4 апреля предприняли новое усилие, проведенное 15 дивизиями, из которых только четыре были свежими. Натолкнувшись на еще более окрепшую оборону, они имели еще меньше успеха.

Убедившись, что и новые усилия не приводят к желательным результатам, Людендорф остановил также атаки, развивавшиеся в направлении к Амьену.

Ни разу Людендорф не попытался мощно ударить по стыку британской и французской армий с целью их разъединить. Между тем 24 марта Петен намекнул Хейгу, что, если германское наступление будет развиваться и дальше, ему придется оттянуть французские резервы к югу-западу, чтобы прикрыть Париж. Как мало усилий германцам надо было, чтобы превратить трещину фронта противника в зияющий разрыв. Это убеждение является лишним свидетельством исторической правды ,что стык — наиболее чувствительное и наиболее выгодное направление для удара.

Основная отличительная черты этого великого наступления грандиозность его внешних результатов по сравнению с результатами любых предшествовавших наступлений на западе. Британские войска показали на деле чудеса героической выносливости, что подтверждает длительное сопротивление, оказанное ими в большей части главной полосы обороны. Причина последующего быстрого отлива лежит в частом отказе в действии средств связи и в потере командирами управления. За три года позиционной войны была выработана сложная и кропотливая система связи, в большей своей части зависевшая от телефона. Она казалась хорошо продуманной и отвечавшей условиям окопной войны. Но когда то, что было неподвижным и постоянным, вдруг потекло и стало неопределенным, британцам пришлось своей кровью заплатить за потерю одного из основных принципов военного искусства — гибкости.

Что касается германцев, то Аррас фактически явился камнем преткновения, о который разбилось их наступление. Дорого заплатили германцы за свой военный консерватизм. Брухмюллер поведал, что хотя армия Гутиера придерживалась его указаний и провела внезапную бомбардировку, армия Белова на севере крепко держалась за устаревшие методы действий, не желая отказаться от предварительной пристрелки. Еще раз в районе Соммы условность военного мышления Белова сделалась лучшим козырем для британской армии.

Но еще более важная причина неудачи германцев лежала в ограниченности самого Людендорфа. Он обладал достаточной восприимчивостью, чтобы признать новую истину, но ум его не был настолько гибок и не было у него нужной убежденности, чтобы полностью претворить в жизнь новые мысли.

Принцип преследования линии наименьшего сопротивления был слишком нов для того, кто с детства насыщался доктриной Клаузевица — доктриной удара по главным силам противника. Лозунгом Людендорфа было: «Британцы должны быть разбиты». Его горизонт был сужен кровожадными инстинктами в предвидении легкой победы; он не мог понять, что в стратегии кружный путь

к цели зачастую есть и кратчайший путь, а прямой — изнуряет атакующего и укрепляет, вследствие очевидности намерений, сопротивление неприятеля. Наоборот, кружный путь может ослабить стойкость противника, опрокидывая все его расчеты и выводя его из равновесия.

Изучая фактическое течение наступления германцев, можно найти еще одну причину их поражения. Причина эта обычно упускается из виду, хотя значение ее огромно. Это — физическое влияние прорыва на питаемые впроголодь войска, когда они увидели набитые доверху продовольственные склады неприятеля, и психологическое влияние прорыва, когда войска убедились, что противник гораздо лучше питается и снаряжается, чем они сами. Их кормили сказками об убийственных результатах подводной кампании, сказавшейся на экономическом положении противника. Это двойственное влияние можно проследить по многим свидетельствам очевидцев. Одно из них, наиболее яркое и правдивое, принадлежит перу германского поэта и новеллиста Рудольфа Биндинга.

27 марта он записал в своем дневнике:

«Теперь мы уже в тыловых английских районах... стране, где молочные реки текут среди кисельных берегов. Изумительный народ англичане: они хотят иметь все лучшее, что только есть на свете. Наших парней трудно стало отличить от английских солдат. Каждый напялил на себя по крайней мере кожаную куртку, а то и непромокаемое пальто, английские ботинки или какую-либо другую чудесную вещь. Коней закармливают овсом и великолепными жмыхами... не вызывает никакого сомнения, что наша армия проявляет определенный интерес к мародерству».

На следующий день последовала чрезвычайно знаменательная запись:

«Сегодня наступление нашей пехоты внезапно остановилось близ Альберта. Никто не мог понять, в чем дело. Наши войска не доносили ни о каком противнике между Альбертом и Амьеном. Дорога наша казалась совсем свободной.

Я бросился в автомобиль, получив приказ узнать, в чем дело и почему наступление впереди приостановилось. Наша дивизия только-что была брошена в наступление и не могла еще устать. Войска были абсолютно свежими...

Как только я подъехал ближе к городу, взорам моим открылось изумительное зрелище. Странные фигуры, мало напоминавшие солдат и конечно мало думавшие о наступлении, брели из города. Кто гнал корову... кто под одной мышкой нес курицу, а под другой — коробку с почтовой бумагой... Люди с бутылками вина под мышкой и откупоренной в руках... Люди шатающиеся из стороны в сторону... Люди, ползущие чуть ли не на карачках... Когда я попал в город, улицы были залиты вином...

Я поехал назад в штаб дивизии со щемящим сердцем, весь во власти тяжелых впечатлений. Наступление было остановлено, и не было никакой возможности вновь сдвинуть его с места, раньше чем не прошло много и много часов...».

Все попытки оказались безнадежными; офицеры были в этот день бессильны собрать свои войска. А последствия этого события, о которых рассказывает поэт, были следующие:

«Войска, выступившие на другой день из Альберта, возбужденные вином и проникнутые победными настроениями, были буквально скошены огнем нескольких английских пулеметов из-за железнодорожной насыпи».

Опьянение захваченной добычей сильнее и шире распространилось, чем опьянение вином. Основная причина этого — «влияние нескольких лет лишений».

Даже офицер генерального штаба, посланный со срочным поручением, останавливает в пути машину, чтобы выудить из придорожной канавы английский добротный плащ.

Из-за этого опьянения германцы не только упустили возможность достигнуть Амьена, но и хищнически разграбили источники снабжения, которые могли бы питать их собственное наступление. Даже водопроводные станции разрушались ради получения медного лома. Причина такой бессмысленной жажды разрушений зиждилась якобы в убеждении германцев, что:

«Англичане все делают из каучука или из меди, а это были материалы, в которых больше всего германцы нуждались и которых дольше всего не видели».

«Безумие, безрассудство и недисциплинированность германских войск доказывались и другими фактами. Любую бесполезную им безделушку, диковинку или мелочь они хватают и набивают ими свой ранец. Все, что полезно, но что они уже не в силах унести с собой, они уничтожают».

Тем сильнее по окончании грабежа сказалась реакция и тем резче и гнетущее был контраст собственной бедности по сравнению с изобилием у противника. По мере того как увядали надежды на крупный военный успех, а вместе с тем и надежды вновь подкормиться и всласть потешиться, моральное настроение войск понижалось, и росло разложение армии.

Всякий побывавший на войне знает, как насыщен горизонт солдата мыслями о пище и комфорте. Быстрота и внезапность, с которой падала моральная устойчивость германских войск, начиная с июля 1918 г., когда их последнее наступление быстро оборвалось, не только обязано росту голода, но и тому, что у войск открылись глаза на лучшую материальную обеспеченность противника и потому на большую его выносливость.

Пропаганда и цензура могли скрыть это различие, пока фронт представлял собой непроницаемую преграду. Но когда германцы прорвались сквозь сеть британских окопов и попали в тыловой район, германским войскам открылась правда. Если историк должен проникать глубже поверхностной военной статистики и докапываться до психологических корней, то быть может придется сказать, что разгром британцев в марте 1918 г. был большой удачей для тех, кто его потерпел.

Если же это так, то жалко, что не попытались прибегнуть к этому раньше. Вместо того чтобы окольным путем посылать в неприятельскую страну своих «агитаторов», британское командова-

ние могло бы устроить германцам посещение своих тыловых районов, этой «страны с молочными реками и кисельными берегами». По крайней мере оно могло бы намеренно освободить часть пленных, предварительно подкормив их некоторое время соответствующим образом.

Такая стратегия сразу сняла бы с командования упрек в отсутствии у него воображения и изобретательности, которых, как многие находили, так недоставало военному руководству.

2. Прорыв во Фландрии

(Схема 17).

9 апреля 1918 г., в первую годовщину недолго длившейся попытки британцев прорваться сквозь застывший фронт позиционной войны в Артуа, германцы предприняли подобную же, но более успешную попытку на противоположном направлении. Это было вторым эпизодом тигантской наступательной кампании Людендорфа, начавшейся 21 марта. Вырвавшись у Нев-Шапелль, где три года назад британцы при первой своей попытке к прорыву могли продвинуться лишь на ½ мили, узкие струйки германской атаки смыли сопротивление португальцев и еще до полудня 9-го числа проникли вглубь более чем на 3 мили. Северный фланг прорыва (к счастью, не южный) постепенно стал размываться, а когда забили свежие струи наступления и стали омывать фронт британцев, то поддались и другие участки.

На следующий день было размыто уже 24 мили фронта, а 12 апреля Дуглас Хейг отдал свой исторический приказ:

«Нам не осталось иного выхода, кроме боя. Каждую позицию удерживать до последнего... Мы прижаты спиной к стене и, полагаясь на правоту нашего дела, каждый из нас должен геройски сражаться до последней капли крови».

Для английского общества, а возможно и для английских войск, приказ этот был ударом грома среди ясного неба, раскрыв всю опасность положения и как-будто даже предупреждая, что надежд больше нет, осталась одна честь — достойно умереть лицом к врагу.

Но как ни странно, в этот самый момент и еще явственнее в последующие дни человека, меньше всего уповавшего на будущее и наиболее подавленного, надо было искать не среди англичан, а в рядах наступавшего противника. Этим человеком был сам Людендорф.

21 марта и в следующие дни Людендорф увидел, как разлетается в прах его тщательно разработанный стратегический план, который должен был привести к большой победе. Быстрота, с которой успех достигался там, где это не нужно было Людендорфу, и досадные задержки там, где именно нужен был успех, заставили Людендорфа, скрепя сердце, развивать наступление германцев в Амьенском направлении, через пустыню старых полей сражения у Соммы, вместо того чтобы завернуть к северу от Соммы. После неудачи запоздалой атаки на Аррас 28 марта Людендорфу пришлось окончательно отказаться от своего плана

обойти фланг британских армий, отрезать их от союзников и прижать к морю.

Но Амьенский удар, хотя и был на волосок от успеха, все же не достиг цели. Причины этого надо искать в запоздалой организации удара и трудностях, связанных со снабжением. Скорее в отчаянии, чем после здравого размышления, Людендорф схватился

СХЕМА 17

за отвергнутое предложение Ветцеля, решив провести атаку «Св. Георг», нацеленную на сектор Ипр—Ленс. Но он слишком долго упорствовал и продолжал атаку «Михэль» и слишком глубоко с ней зашел. Не только были израсходованы все резервы, но Людендорфу пришлось также накоплять свежие запасы огнеприпасов и других предметов снабжения войск и перебрасывать свою тяжелую артиллерию на север. На совещаниях, созванных 1 и 2 апреля, выяснилось, что подготовка к наступлению не сможет быть закончена раньше 9-го. А из 35 дополнительных дивизий

к сроку удалось доставить только 11. С некоторой долей юмора атаку эту переименовали, дав ей вместо «Георг» уменьшительное имя «Жоржик» („Georgette").

Людендорфу вначале повезло, но счастье это было обманчивым и неверным. Его счастье было в том, что начальный удар его пришелся по фронту 2-й португальской дивизии, которая вот-вот должна была быть сменена двумя британскими дивизиями и в этот промежуточный период была сильно растянута, удерживая сектор всего корпуса.

Самая неприятная сторона этого «кусочка счастья» заключалась для Людендорфа в том, что, как это ни странно, португальцы, убежав со всех ног, втянули в беду Людендорфа и спасли своих союзников. Хотя развитие и расширение этой атаки «соответствовало плану», но создавалось впечатление, что Людендорф неохотно и с тревогой развивает доставшийся ему успех. С точки зрения стратегии Людендорфа и выгод этой стратегии он то чересчур настойчиво и глубоко развивал свой натиск, то наоборот — был слишком нерешителен.

Наиболее понятное объяснение этой нерешительности и подавленного настроения дают захваченные архивы 4-й германской армии, атаковавшей на этом секторе. Эти документы являются лучшими отправными данными для понимания обстановки, лучше любых тщательно подготовленных послевоенных пояснений. Затем — интерес этих документов в том, что они попали в руки противника, прежде чем могли быть сделаны в них благоразумные подчистки и подделки для спасения репутации старшего командования. Эти документы говорят, что начальники штабов: Лоссберг — в 4-й армии, Куль — в 6-й армейской группе и Людендорф — в главном командовании, решили все дела, даже не думая спросить мнения своих начальников — Сикста-ф.-Арним, Рупрехта и Гинденбурга.

Документы эти также показывают, что Людендорф выделял дивизии чрезвычайно скупо, обычно слишком поздно и в недостаточном количестве для одержания действительного успеха. Людендорф так был убежден, что новый выступ его фронта станет опасным мешком для его же армий, что в наиболее благоприятный для развития успеха момент он остановил наступление германцев из страха контрудара.

Но все это во время операции британские командиры и войска не знали. Они чувствовали только удары германцев, но от них были скрыты сомнения и опасения противника. И если последние чувствовали, что они попадают в мешок, то британские войска чувствовали; что они уже попали в мясорубку, не говоря о неприятной перспективе для жалких уцелевших остатков быть сброшенными в море. А это—такого рода препятствие, которое ни одна армия, ведя бой, не любит иметь позади себя. Во время сражения на Сомме было по крайней мере много места для отступления. Здесь же на севере британские войска, базы и коммуникации были скучены на узкой полоске земли, в узкой горловине, упиравшейся в море, крайне чувствительной к малейшему нажиму и легко поддававшейся смертельному сдавливанию. За исключением

одной железной дороги, проходившей по побережью, единственная колея в тыл шла через С.-Поль — Виллер — Хазебрук, всего лишь в 15 милях за передовыми окопами.

Таким образом 10 миль, выигранные германским наступлением к 12 апреля (к счастью, наступление на этом замерло и дальше не продвинулось), были не менее (если не более) грозны 40 миль, выигранных германским наступлением на Сомме.

Напряжение оборонявшихся было тем большим, что удар пришелся по уже усталым и требовавшим смены войскам. За исключением португальцев только одна из шести дивизий, удерживавших фронт на участке между Ла-Бассе и каналом Ипр-Комин, — именно 55-я дивизия — сохранила еще некоторую боеспособность, прибыв сюда на смену с фронта боев, развивавшихся южнее. Остальные части не только были совершенно измотаны, но и занимали слишком большие участки фронта. Нехватка резервов у Хейга и большое значение важных высот в районе Аррас — Живенши привели к распределению сил, при котором этой горсточке дивизий пришлось удерживать фронт протяжением в 24 мили. Хуже всего было то, что большие участки пришлись именно на те части, которые меньше всего были в состоянии с этим справиться. Португальский корпус удерживал 6 миль фронта по обе стороны Нев-Шапелль. Он стоял на позициях уже довольно долго, причем возраставшее число неповиновений и прочих нарушений дисциплины предупреждало о моральном разложении войск и о падении их боеспособности. Лекарство, которое применили для оздоровления корпуса, — показательный пример того, как именно не следует «лечить» войска. Генерал Хорн, командовавший 1-й армией, перетрусив имевшиеся в его распоряжении войска, снял 5 апреля с фронта всю 1-ю португальскую дивизию, за исключением одной бригады, а 2-я дивизия также должна была быть сменена в ночь на 9 апреля британской дивизией, пока 2-й португальской дивизии поручали удерживать весь корпусной участок. С тех пор фраза «помощь 1-й армии» вошла в обиход, как насмешливое определение плохой работы «первой помощи».

Решение Хорна тем более любопытно, что его же штаб обращал его внимание на конфигурацию сети германских железных дорог, делавшую сектор Лис наиболее вероятным направлением удара противника. Больше того, это единственное направление, где вообще противником могла быть организована атака. Далее, штаб испрашивал разрешение устроить специальные запасы боеприпасов и предметов снабжения в 15 милях за линией фронта, чтобы в случае возможного прорыва не быть захваченными врасплох, но и в этом командующий наотрез отказал. К счастью, штаб тайком от Хорна все же начал подготовку. Наличие запасов облегчило решение задачи, когда грянул гром.

В 4 час. 5 мин. утра противник развил интенсивный обстрел фронта в 11 миль между каналом Ла-Бассе и Армантиер. Фланги этого участка были отравлены ипритом — указание, что германцы хотели парализовать эти фланги, но не собирались немедленно их атаковать. В 7 час. 30 мин. утра, когда бомбардировка несколько ослабела, вперед двинулись мелкие группки германской пехоты.

В 9 час. утра, после того как бомбардировка вновь усилилась и поддерживалась так в течение часа, в атаку ринулись 9 дивизий 6-й германской армии. Удар их пришелся против 3 дивизий противника.

И на этот раз, как и 21 марта, природа помогла атакующим, защитив их покровом густого тумана. На южной оконечности сектора 55-я дивизия (ланкаширская территориальная дивизия) крепко цеплялась за Живенши, оказывая такое упорное сопротивление, что атака германцев не только была отбита, но у германского командования пропала охота продолжать здесь дальнейшие усилия, чтобы развить прорыв к югу.

В центре же германцы быстро преодолели позиции португальцев. Справедлива критика, указывающая, что неправильно было оставлять эту дивизию хотя бы на несколько дней на фронте, в два раза превышавшем протяжение фронта 55-й дивизии, примыкавшей к первой. Отчаянное сопротивление 11-го самокатного батальона сломало атаку германцев и помогло вместе с резервными батальонами бригад 55-й дивизии помешать германцам полностью размыть южный фланг фронта. Вместе с тем оказанное здесь сопротивление привело к оттеснению германского наступления в определенное русло, направляя его на северо-запад, куда оно затем все больше и больше отклонялось.

На северном же фланге прорыва 40-я дивизия (фланг этой дивизии был обнажен) была натиском противника частично разгромлена. 51-я и 50-я дивизии, спешившие на помощь, чтобы заткнуть брешь, были задержаны в пути, так как дороги были забиты потоком бежавших португальцев и брошенными повозками. Прежде чем 51-й и 50-й дивизиям удалось достигнуть позиций, они были захлестнуты наступлением противника и втянуты в бой. Поэтому они не смогли помешать германцам (усиленным теперь еще новыми 7 дивизиями) достигнуть линии рек Лис и Лаве и даже форсировать эти реки. Однако на следующий день сопротивление 51-й и 50-й дивизий настолько окрепло и они так успешно противостояли натиску противника, что, исключая северную оконечность дуги, созданной первоначальным ударом, здесь почти ни пяди земли не было уступлено противнику.

Все же в это утро германское наступление несколько распространилось к северу, к каналу Ипр-Комин, против южной части сектора 2-й британской армии (командующий Плюмер). Это напоминало бокс, когда после удара левым кулаком следует удар правым, хотя этот новый удар был уже значительно слабее и наносился лишь четырьмя дивизиями 4-й германской армии. Относительная слабость этого удара была уравновешена вынужденным отвлечением части трех британских дивизий обороны к участку прорыва предыдущего дня. Германцы прорвались. Клещами охвата был отрезан Армантиер, а 34-я дивизия с трудом избегла окружения. В эту ночь ширина прорыва достигла 30 миль, а к 12-го числу глубина его удвоилась.

Это был кризис. Меньше 5 миль отделяли германцев от железнодорожного узла Хазебрук. 13-го числа с юга начали прибывать британские и австралийские резервы, а натиск германцев стал

показывать первые признаки ослабления. Одна из причин, в которой сознались и сами германцы, заключалась в «трудностях, связанных с подвозом из-за все умножавшихся атак с воздуха».

Подступы к Хазебруку, в последнюю минуту прегражденные 4-й гвардейской бригадой, теперь окончательно были закреплены 1-й австралийской дивизией. В дальнейшем германцы пытались развивать свой успех почти исключительно на северной половине прорыва.

Плюмер взял теперь на себя защиту всего района боя, за исключением южной оконечности. Для того чтобы укоротить фронт и вместе с тем предупредить новые расширения германского наступления, он начал спокойное отступление, выпрямляя выступ фронта, образовавшийся у Ипра, и отходя на рубеж непосредственно перед этим бессмертным городом. Это было разумным и дальновидным поступком, хотя при этом противнику и уступили несколько квадратных миль грязи, которые с таким трудом и такой дорогой ценой были добыты предыдущей осенью.

Несмотря на то, что противник захватил 15-го числа Байлейль и хребет Ревельсберг, он был остановлен у Метерен и перед высотой Кемель. К 18-му числу ураган стих, но за линией фронта разразились совсем другие бури.

Назначение Фоша генералиссимусом, по мнению Хейга, не принесло ему той быстрой поддержки, на которую он рассчитывал. Непрестанно с 10 числа и даже еще раньше он требовал у Фоша помощи французов и активного участия их в бою. 14-го числа в Аббевиле состоялось бурное совещание, прошедшее в резких тонах, а на следующий день Хейг пришел к выводу, «что мероприятия, проводимые генералиссимусом, недостаточны и не соответствуют создавшейся обстановке».

Фош, с другой стороны, быть может сознательно шел на риск, придерживая свои резервы для решающего наступления. По его мнению, высказанному 14 апреля, «бой на севере окончен».

Между тем большинству наблюдавших за ходом событий казалось, что скорее «покончено» с британской армией. Как всегда, Фош иллюстрировал свое мнение сравнением с кругами, расходящимися по воде от брошенного камня. Последовательные круги становятся все менее и менее заметными, пока наконец вода не успокоится совсем. У союзников, прижатых почти к морю, с приставленным к горлу ножом эти сравнения могли вызвать только раздражение. Но предсказание Жоффра оправдалось, хотя, как и под Ипром в 1914 и в 1915 гг., британские войска ценою страшных потерь и напряжения помогли доказать правоту Жоффра.

Вопреки утверждениям, уже 14-го числа 5 французских дивизий прибыли к угрожаемому направлению и находились за линией британского фронта. Но намеченная контратака, как и под Ипром в 1915 г., не сразу осуществилась. Для оправдания французов справедливо отметить (тем более, что это представляет известный тактический интерес), что контратаки, проводимые британцами за это сражение, неуклонно стоили тяжелых потерь и не приводили почти ни к каким результатам. 18-го числа одна из французских

дивизий заняла высоту Кеммель, а на следующий день в дело были введены еще 2 дивизии.

25-го числа германцы возобновили свое наступление, но уже на суженном фронте. Знаменитая высота Кеммель была отбита у французов. Британцы, расположенные севернее, также были оттеснены.

В течение нескольких часов германцам в последний раз представлялась блестящая возможность развить успех, но вмешательство Людендорфа снова спасло противника. Последняя атака 29-го числа, дорого им стоившая и быстрее предыдущих окончившаяся, заставила германцев окончательно отказаться от продолжения здесь наступления.

Верно отметил генерал Эдмонд, официальный английский историк:

«Легко понять, почему Людендорф так поддался поражению 8 августа 1918 г. Уже 29 апреля он был близок к отчаянию».

3. Прорыв к Марне

(Схема 18)

Четыре британских дивизии, истомленных боями, «отдыхали» на спокойном участке фронта, севернее р. Эн, между Реймсом и Суассоном, вдали от остальных английских войск. Дивизии эти были посланы на французский фронт после изнурительных и напряженных боев у Лис в обмен на французские подкрепления, которые перебрасывались на север, чтобы помочь британцам в последней стадии их отчаянной борьбы «с ножом у горла и припертые спиной к стене». На спокойном участке р. Эн они могли понемногу восстановить свои силы, одновременно охраняя линию фронта.

Было слишком спокойно, чтобы верить этому. Справедливому беспокойству британских командиров, отчасти разделенному и их соседями — французами, старшее французское командование легкомысленно не придавало никакого значения. 25 мая командиры получили от французского главного штаба сообщение, гласившее: «Нет никаких указаний, по нашему мнению, что противник провел подготовку, которая позволит ему завтра перейти в атаку». А на следующее утро французы захватили двух пленных, которые сообщили о неминуемой угрозе атаки. Но у старшего командования на этот случай не было выработано никакого плана действий. Мало того, оно удосужилось поставить войска в известность об опасности только к концу дня. Но было уже слишком поздно!

27 мая 1918 г. в 1 час ночи ужасающий ураган огня забушевал на франко-британском фронте между Реймсом и севернее Суассона, вдоль знаменитого Шмен-де-Дам. В 4 час. 30 мин. утра поток германцев, сметавший все на своем пути, затопил передовые позиции. К полудню он лился уже через многочисленные не взорванные союзниками мосты на р. Эн, а к 30 мая достиг Марны — места и символа великого отлива германцев в 1914 г. Примерно спустя

четыре года, опасность, которая казалось навсегда миновала, вновь грозно возникла.

К счастью, потоку противника суждено было докатиться «до сюда», но не дальше. Подобно двум предшествовавшим германским наступлениям 21 марта и 9 апреля, наступление 27 мая оказалось блестящим по количеству захваченной местности и по количеству пленных, но в итоге германцы лишь не намного приблизились к своей стратегической цели. И это наступление, в большей

СХЕМА 18

степени, чем предшествовавшие, подготовило почву для последующего поражения германцев, да и самый успех их атак содействовал их будущему поражению.

Ниже мы остановимся на причинах этого.

Но почему же месяц спустя после последней бойни на севере, когда в распоряжении был весь этот долгий период для подготовки и оценки обстановки единым теперь командованием, германцам удалась еще больше, чем когда-либо, внезапность? С исторической точки зрения это быть может — самый интересный момент данной операции.

Давно известно, что высшее французское командование, как и командование, непосредственно отвечавшее за защиту участка

фронта на р. Эн, не верило в возможность атаки. Не верило в нее и британское высшее командование, но последнее все же теснее было связано с северной частью фронта и там именно ожидало дальнейших боев. Хотя событиями это предположение и не оправдалось, но позднейшие работы германцев подтвердили, что некоторые основания для таких опасений имелись.

Разведывательный отдел другого союзника — американцев, обладавших способностью более объективного и широкого суждения, также предупреждал об атаке. Но и на это предупреждение не обратили внимания, пока, наконец, не было уже слишком поздно.

13 мая, две недели спустя после того, как замерли бои во Фландрии, британские разведывательные органы пришли к заключению, что «имеется в виду атака противника на широком фронте между Аррасом и Альберт». На следующий день это предположение обсуждалось на совещании разведывательного отдела американских экспедиционных войск, и начальник оперативного отдела, майор Хуббард, высказал противоположное мнение, утверждая, что следующая атака будет развита противником между 25—30 мая на участке Шмен-де-Дам. Среди доводов, приведенных Хуббардом, были следующие: руководящим методом действий германцев является принцип внезапности. Этот участок фронта — один из немногих, где теперь возможно достигнуть внезапности. Вероятность, что германцы остановят на нем свой выбор, повышается тем обстоятельством, что союзниками он расценивался как неопасный участок и превращен в место отдыха для уставших дивизий. Возможный фронт атаки (Шмен-де-Дам) хорошо отвечает ограниченным ресурсам германцев, имеющимся у них в данное время. Наконец, предположение это подтверждается установленным размещением германских войск, в частности, некоторых нащупанных дивизий.

Предупреждение это со всеми подробностями было отослано французскому главному штабу, но и там к нему остались глухи и слепы. Помилуйте, как можно было считаться с мнением, исходящим от такой «любительской» армии, армии — еще не получившей боевого крещения, и позволить этому мнению взять верх над мнением первоклассных разведывательных отделов других армий, закаленных в горниле войны?

Все же американцы настойчиво повторяли свое предупреждение и, наконец, склонили на свою сторону полковника Куанте Cointet), начальника французской разведывательной службы. Но теперь, как и два года назад во времена Вердена, оперативный отдел слишком долго сопротивлялся точке зрения своего же разведывательного отдела. Тем не менее на этот раз оперативный отдел заслуживает меньшего порицания, так как отдел основывался на успокаивающих заверениях генерала Дюшена, командовавшего 6-й французской армией и как раз оборонявшей сектор Шмен-де-Дам. Заверения эти укрепляли противоположную точку зрения оперативного отдела.

Генерал Дюшен безусловно несет более тяжелую ответственность, так как он упорствовал и в применении отжившей, опасной

и расточительной системы массирования пехотной обороны на передовых позициях. Помимо того, что эта система подставляла орудиям противника скученную и беспомощную цель, заранее обреченную на гибель, она обеспечивала и после превращения этого живого мяса в кровавое мессиво германской пехоты, двинувшейся в атаку, отсутствие местных резервов, могущих сопротивляться наступлению в глубине позиции. Затем при этой системе все штабы, центры связи, склады огнеприпасов и железные дороги, выгрузочные станции и т. п. оказывались выдвинутыми далеко вперед и быстро разгромлялись артиллерией противника. В итоге терялось управление войсками.

Инструкции Петена о глубокой гибкой системе обороны очевидно не произвели никакого впечатления на генерала Дюшена. Неудивительно, что протесты менее авторитетных британских командиров встречали резкий отпор и безаппеляционное: „J'ai dit!"[1].

Неудачным было то (хотя, пожалуй, этого труднее было избежать), что, когда 4 британских дивизии, образовавших IX корпус (Гамильтон-Гордон), прибыли в конце апреля с севера, в их поредевшие ряды было влито сырое, прибывшее из Англии пополнение, а затем эти дивизии отправлены были прямо на фронт, как-будто это лучшее место для сколачивания частей и усовершенствования их подготовки.

Центральный костяк обороны энского участка представлял собой исторический хребет Шмен-де-Дам, проходивший к северу от реки. Восточная часть этого хребта удерживалась британцами. На крайнем левом фланге стояла 50-я дивизия (Джэксон), рядом с ними — 8-я дивизия (Хенекер), дальше за хребтом — в долине, вдоль канала Эн-Марна, примыкая к французским частям, прикрывающим Реймс, стояла 21-я английская дивизия (Кэмпбель). Пехота 25-й дивизии (Бейндридж) оставалась в резерве.

Фронт 6-й французской армии удерживался 4 французскими и 3 британскими дивизиями, причем в резерве находились соответственно 3 и 1 дивизии. Против этих усталых или необстрелянных частей, в общей сложности 5 дивизий, на направлении главного удара от Берри-о-Бак к западу в атаку ринулось 15 германских дивизий. Из этих дивизий 14 были абсолютно свежими, причем для вспомогательного удара между Берри-о-Бак и Реймсом германцы имели еще 2 дивизии, а 7 дивизий находилось под рукой, в резерве.

Но даже и при этом соотношении сил численное превосходство германцев не было столь явным, как например при мартовском или апрельском наступлениях, когда быстрота, с которой развивался натиск, и масштаб наступления были гораздо значительнее. На этот раз тактической внезапности атаки не помогал густой туман, оказавший такие неоценимые услуги германцам в предшествовавших наступлениях, когда он, как шапкой-невидимкой, накрыл их исходные позиции. И на этот раз германцам приходилось преодолеть ряд чрезвычайно серьезных препятствий.

Вывод отсюда должен быть таким: успех операции германцев

[1] Быть по сему — «я сказал!».

27 мая обязан был, главным образом, стратегической внезапности, большой неожиданности для союзников как места, так и времени атаки, а отчасти и безумию командования союзников, подставившего свои скученные войска деморализующему и парализующему эффекту германской артиллерийской подготовки. Ведь 3 719 орудий открыли огонь на фронте протяжением менее 40 миль! Такое массирование огня безусловно явилось своего рода внезапностью, так как цель всякой внезапности — заставить противника потерять самообладание, потерять способность соображать, растеряться, а эффект этого одинаков: будет ли противник захвачен врасплох или же он сознательно позволит себя поймать в ловушку.

Успех германцев 27 мая 1918 г. заслуживает изучения и сравнения с другими их наступлениями, успех которых стоял почти в арифметической пропорции к степени достигнутой внезапности. События этого года, изучаемые в свете предыдущих лет, дают новое доказательство, что внезапность, а говоря более научным языком — нарушение морального и умственного равновесия противника, — основное условие для действительного успеха каждой операции на войне. Это — урок, который часто зубрят, но который и так же часто забывают. Суд истории вынесет обвинительный приговор всякому командиру, который рискует жизнями вверенных ему бойцов, не пытаясь прежде добиться этой необходимой предварительной гарантии.

Перейдем теперь к событиям 27 мая. В течение 3½ час. несчастные войска должны были выносить беспримерный по своей интенсивности артиллерийский обстрел. Как отзываются об этом наиболее авторитетные очевидцы, никогда не было ничего подобного. Эти часы испытаний, беспомощного терпения среди все увеличивавшегося числа носилок со страдавшими без помощи ранеными и раскрошенными на куски телами мертвых становились еще более невыносимыми из-за того, что войска, скученные и скрюченные, прижимаясь к стенкам окопов, задыхались в противогазах.

Затем в атаку двинулись серые волны пехоты врага. Наконец, какая-то перемена! Хотя бы разрядка напряжения в действии! Три четверти часа спустя волны эти достигли гребня хребта в центре у Элль. Это обнажило фланг 50-й британской дивизии, заставив ее отвести свои уцелевшие остатки назад по склону хребта. Рядом с этой дивизией 8-я дивизия также была вынуждена уступить неприятелю дорогу, хотя 2 бригады этой дивизии геройски сопротивлялись некоторое время на северном берегу р. Эн.

Здесь девонширцы заслужили неувядаемую славу и упоминание во французском приказе этого дня. Удерживая опорный пункт и позволив этим выиграть время для организации нового сопротивления в тылу, они пали до последнего.

На правом фланге британцев атака на участке 21-й дивизии развилась позднее. Эта дивизия была крайне неудобно расположена: болотистый канал Эн-Марна прорезывал центр ее боевой полосы. Несмотря на это, большинство дивизии благополучно избежало окружения и отступило к западу от канала.

К полудню 27 мая обстановка была следующей: германцы достигли везде на фронте от Берри-о-Бак до Вейлли—р. Эн, а в большинстве мест переправились через нее. Помогло им при этом и то, что генерал Дюшен запоздал с отдачей приказа о взрыве мостов. С этого времени наступление германцев развивалось равномерно, но к вечеру в центре образовался глубокий размыв фронта, и он глубоко осел. На стыке французов и британцев германцы проникли до Фисм и р. Весль. Это было вполне естественным, так как обычно германцы центр тяжести наступления преследовали в каком-либо одном направлении, а здесь наибольшая сила атаки при отношении свыше 4 : 1 пришлась на 2 французские дивизии в центре и по примыкавшему к ним левому флангу 50-й дивизии.

Углубление прорыва в центре вместе с возобновленным натиском германцев привело к откату и флангов. На восточном или британском фланге эта операция сопровождалась изумительным маневром 21-й дивизии, которая отступила ночью через холмистую и лесистую местность, причем отход проводился захождением, а осью захождения служил стык с алжирской дивизией, стоявшей на правом фланге армии.

После небольшой передышки утром 28 мая германцы форсировали р. Весль, а 29 мая сделали большой скачок вперед, достигнув в центре Фер-Эн-Тарденуа, а на западе — овладев Суассоном. Оба эти города были важными узловыми пунктами, где в руки германцев попало большое количество материалов всякого рода. Германские войска, быстро развивая свое наступление, даже опередили поставленные им цели и сделали это — несмотря на контратаки, которые Петен (правильно оценив обстановку) направлял против наиболее уязвимого и чувствительного для германцев правого фланга.

30 мая германское наступление подкатилось к Марне, но теперь оно текло лишь по суженному руслу в центре: в этот день правый фланг союзников лишь немного подался назад. На этом фланге 4 британские дивизии (из них от 8-й и 50-й оставались жалкие крохи) были усилены 19-й британской дивизией (Джеффрейс) и несколькими французскими дивизиями. На следующий день то, что осталось здесь от стоявших вначале 4 британских дивизий, было сменено французскими частями, которые взяли на себя оборону участка IX корпуса, хотя уцелевшие частицы этого корпуса оставались на фронте и сражались в передовой линии еще в течение трех недель.

Начиная с 31 мая и дальше, германцы, встретив отпор у Рейна и перед Марной, все свои усилия приложили к расширению, вернее — к углублению, большого мешка, образованного наступлением к западу, по коридору между рр. Урк и Марна по направлению к Парижу.

Раньше французские подкрепления подбрасывались в бой по мере их прибытия. Обычно это кончалось тем, что волны наступления их захлестывали и уносили с собой. Но 1 июня Петен отдал приказ, чтобы прибывшие резервы образовали кольцо в тылу, окопались, и, таким образом, прежде чем поток германцев мог их настигнуть, была бы готова широкая плотина обороны в форме

полукольца, о которую разбивались бы волны наступления, кстати понемногу уже начинавшие терять свою первоначальную ярость.

Когда в первых числах июня волны эти стали биться о плотину, прорыв их уже настолько ослаб, что не мог произвести большого впечатления, а появление и энергичные контратаки 2-й американской дивизии на важном стыке у Шато-Тьерри явились не только реальным цементом, но и драгоценной моральной поддержкой для усталых союзников.

В эти немногие дни «разлива» наступления германцы захватили около 65 000 пленных. Но эти потери вскоре с избытком были покрыты американскими подкреплениями. В стратегическом же отношении успех германцев просто втянул их в большой мешок, а это меньше чем через два месяца сказалось не в их пользу. Как и в обоих предыдущих наступлениях, тактический успех германцев 27 мая оказался стратегически для них невыгодным. Дело в том, что степень, в которой им удалось захватить врасплох противника, оказалась настолько неожиданной и для них самих, что германское командование потеряло самообладание.

Как это раскрыли писания генерала Куль, наступление 27 мая намечалось просто как диверсия, чтобы отвлечь резервы союзников и подготовить последний и решительный удар по фронту британцев, прикрывающих Хазебрук. Но изумительный начальный успех этого удара соблазнил германское командование, и оно слишком углубило и слишком затянуло это наступление. Успех манил, но это было связано с привлечением сюда и германских резервов, равно как и резервов противника.

Все же мы имеем право помечтать о том, к чему могло привести это наступление, если бы оно началось, как это было приказано 17 апреля, а не затягивалось до 27 мая, пока полностью не была закончена подготовка к нему. Германцы израсходовали бы меньше резервов для бесполезного продолжения наступлений на Сомме и Лис, а союзники все еще поджидали бы укреплявших их морально и физически американских пополнений живой силой.

Время и внезапность — два основные фактора военного искусства. Германцы упустили первый и зря растратили второй, позволив захватить себя врасплох.

4. Вторая Марна — июль 1918 г.

(Схема 19)

Как изумительно и в то же время странно историческое совпадение, благодаря которому Марна была высшей точкой прилива победоносного наступления германцев в 1914 г., а четыре года спустя ей суждено было стать последним уровнем бурного их наступления, после которого, как и в 1914 г., когда схлынули волны, начался решающий отлив.

15 июля 1918 г. изрытая снарядами пустыня вокруг Реймса стала ареной последнего германского наступления на Западном фронте. Волна германских успехов окончательно была надломлена, и три дня спустя, под нажимом крупного контрудара союз-

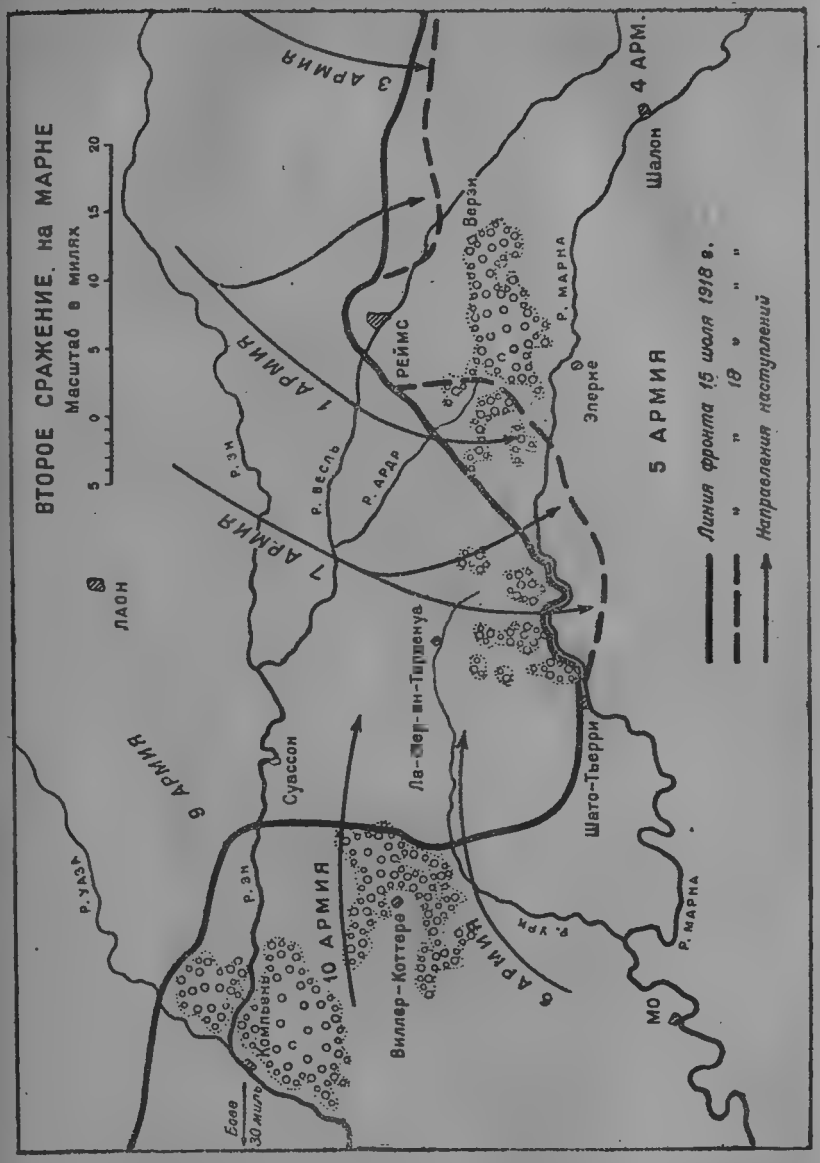


СХЕМА 19

ников, начался отлив, и хотя первый день операции был отмечен отчаянным усилием германцев вырвать победу, фактически это наступление ни в какой степени не являлось решающим усилием германцев и не преследовало тех решительных целей, которые общество ему в то время приписывало.

Вот почему Людендорф продолжал придерживаться своей руководящей идеи, что британцы, сильно потрясенные крупными сражениями марта и апреля, должны стать мишенью для его ре-

шающего удара. Именно поэтому британский фронт во Фландрии и должен был стать ареной, где должна была разыграться эта последняя драма, которая покрывала бы его неувядаемой славой.

Как мы уже говорили выше, красочное наступление 27 мая, когда германцы прорвались за Шмен-де-Дам, пересекли р. Эн и хлынули к Марне, угрожая самому Парижу, было задумано просто как диверсия, чтобы отвлечь резервы союзников от Фландрии. А быстрый успех этого наступления, поразив самого Людендорфа в той же степени, в которой разработанное им наступление поразило Фоша, сделался западней для самих германцев, привлекая сюда и их резервы, чтобы развить и удержать эту прямо с неба свалившуюся удачу.

То же было и с атакой 9 июня, правда, менее щедрой по своим результатам. Атака эта была развита у Компьен с целью ликвидировать ту часть территории союзников, которая лежала между двумя крупными выступами фронта, созданными германскими ударами в марте и в мае. Поставленной цели не удалось достигнуть, и Людендорф после незначительных выигрышей оборвал это наступление, опять-таки сильно истощив свои резервы. Тогда Людендорф пришел к заключению, что «противник во Фландрии все еще так силен, что германская армия в данное время не может перейти там в атаку». Поэтому он наметил еще одну диверсию. Ее должны были произвести 47 дивизий, атакуя по обе стороны Реймса. Главный удар должны были нанести 1-я и 3-я армии (Мудра и Эйнем), развивая натиск в сторону Шалон, а 7-я армия должна была попытаться форсировать р. Марну у Дорман и затем наступать в Эперне, чтобы сойтись с направлением главного удара.

Но время для германцев истекало. Американские подкрепления начинали в большом числе вливаться в боевой фронт союзников, цементируя сильно пошатнувшиеся стены этого фронта.

Взвесив все это, Людендорф наметил свое наступление во Фландрии, опять-таки нацеленное по узловому пункту Хазебрук на 20 июля, всего лишь через пять дней после диверсии у Реймса. 16 июля, когда реймская атака была уже находу, на фронт во Фландрию стали перебрасываться по железной дороге артиллерия и авиация, а сам Людендорф со штабом отправился в Турней, чтобы наблюдать за постановкой и развитием решающей драмы.

Но занавесу вообще не суждено было подняться. Реймская диверсия не имела даже блестящего начального успеха предшествовавших наступлений, а 18 июля контрудар союзников сильно изменил к худшему положение германцев, и Людендорф понял, что он вынужден, если не совсем отказаться, то отложить исполнение своих мечтаний.

Причина неудачи германского наступления 15 июля заключалась в том, что восточнее Реймса оно было разыграно при пустом «зрительном зале».

Одна из общераспространенных историй войны — это история об «эластичной обороне», перед лицом которой порыв германцев выдохся прежде, чем их наступлению удалось достигнуть глав-

ной позиции сопротивления французов. Государственные мужи и генералы соперничали друг с другом, восхваляя изумительный «маневр Гуро». Увы! История эта, вместе со многими другими историями, должна быть поставлена на свое место — в музей легенд войны.

Маневр — всецело заслуга Петена, этого хладнокровного, спокойного директора треста в современной войне, расходовавшего человеческие жизни.

Петен, назначенный главнокомандующим после провала Нивеля в 1917 г., систематически работал над сколачиванием французской армии и над восстановлением устойчивости ее как в отношении живой силы, так и в моральном отношении. Оба эти качества были так подорваны экстравагантной наступательной политикой Жоффра и Нивеля с 1914 по 1917 гг., что французская армия была близка к полному разложению.

Не довольствуясь просто реорганизацией армии, Петен решил обезопасить себя от рецедива болезни армии новой тактикой, которая одновременно давала бы экономию сил и экономию нервов бойцов. К этой цели могла привести только одна система — эластичная оборона, основанная на построении в глубину и позволяющая поглотить первый натиск и порыв атаки редко занятой передовой позицией, ожидая его затем на сильной позиции глубже в тылу, когда войска противника окажутся вне дистанции огня основного ядра поддерживающей их артиллерии.

Этот метод действий Петен пытался применить против германской атаки еще 9 июня. Частично он имел успех, но возможный полный эффект эластичной обороны был сорван противодействием местного командования, крепко цеплявшегося за свои старые наступательные догмы и не желавшего примириться с добровольной отдачей противнику нескольких квадратных миль ничего не стоившей земли.

Перед 15 июля, когда окончательно было установлено, что грозит близкое наступление германцев, Петену пришлось целую неделю убеждать ретивого Гуро, отчаянного вояку, командовавшего 4-й французской армией, стоявшей восточнее Реймса, прежде чем он согласился пойти на эту новую гибкую систему обороны.

Но даже выявив истинный источник этого маневра, мы еще полностью не выправили всех исторических заблуждений вокруг этой операции. Дело в том, что система эта не была, как ее называли, «революционным» нововведением. Действительно, германцы применили ее 25 сентября 1915 г., т. е. почти на три года раньше, чтобы сломить большое французское осеннее наступление в Шампани. Но ведь основную идею этой системы можно проследить и две тысячи лет тому назад — у Канн, когда Ганнибал воспользовался ею против римлян, действуя явно хитрее, искуснее и решительнее.

Однако, даже малосовершенной формы новой обороны 1918 г. было достаточно, чтобы сломать германские атаки восточнее Реймса, где эффект этой новой системы обороны несоизмеримо повысился неудачей германцев обеспечить внезапность своих

действий в той степени, какой были отмечены предыдущие их наступления 1918 г.

Даже точный час начала атаки был раскрыт боевой разведкой, проведенной вечером 14 июля. Таким образом, прежде чем германская пехота вышла из окопов, она была уже накрыта огнем французской артиллерии и беспощадно молотилась своевременно начатой артиллерийской контрподготовкой. Дрогнувшие и поредевшие волны наступления окончательно растаяли и увяли перед пулеметами обороны передового охранения французов, а жалкие остатки, сумевшие все же пробиться за эту линию, не имели сил вызвать хотя бы трещину в главной позиции.

Трагический характер этой неудачи германцев восточнее Реймса затемнен тем фактом, что этим еще не решался весь бой. Западнее Реймса фронт организовывался только в течение одного месяца со времени последнего удара германцев, причем недавно сооруженная позиция мешала проведению эластичной системы обороны, тем более при командирах, которые медленно и с трудом ее воспринимали. Таким образом здесь атака германцев углубила угол большого выступа фронта, сделанного еще в мае, и противнику не только удалось форсировать Марну, но и продвинуться за Реймс, угрожая сломать этот оплот (хребет) сопротивления союзников. Хотя угроза эта и имела серьезное влияние на план французов организовать контрудар, все же ее физический успех заглох уже 16 июля. Германское наступление выродилось в местные атаки, проводимые разрозненно, и потому бесполезные. А французская артиллерия и авиация, бомбардируя переправы через Марну, затрудняли приток пополнений к германцам.

На следующий день на обширном поле боя неожиданно потянуло свежим ветерком. Сцена была готова для великого «реванша».

При изучении события, имеющего такое большое значение для истории, основной интерес заключается в установлении приведших к нему причин. Основную из них мы найдем, прибегая не к анализу военного искусства, а применяя процесс, больше отвечающий характеру мировой войны, именно путем сопоставления приходо-расходного итога действий обеих сторон за предыдущие шесть месяцев.

Когда Людендорф начал свою кампанию, на его приходе значилось 207 дивизий на фронте и 82 — в резерве. Теперь он имел всего лишь 66 дивизий в резерве, но большинство из них было настолько обескровлено, что вряд ли их можно было считать за здоровые подкрепления.

Хотя операции этого года вызвали серьезное опустошение и во франко-британском балансе живой силы, но союзники по крайней мере избегали решающего поражения, а теперь, в июле, на их текущий счет стали поступать обильные и все возраставшие американские пополнения. Помощь американцев, прежде чем она могла действительно пополнить потери союзников, явилась для них бесценной, так как восстанавливала их кредит, подымала дух войск и рождала в них уверенность. Петен — военный экономист — давным давно оценил этот основной фактор; он еще раньше сказал:

«Если мы сможем продержаться до конца июня, положение наше будет блестящим. В июле мы сможем возобновить наступление. После этого победа будет нашей».

Этот простой расчет времени и числа, пожалуй, способен умалить эффект широко распространенного представления о вдохновенном «контрударе Фоша», вырвавшем победу из когтей поражений. Как ни жалко, но это так!..

Мистическая вера Фоша во всесилие «воли к победе» при наступлении выявилась еще давно — в дни Марны в 1914 г., когда день за днем он отдавал приказы атаковать, видимо не понимая всей очевидности того, что в действительности его истощенные войска не могли ничего сделать и, фактически, несмотря на все его громкие фразы, ничего и не делали, судорожно цепляясь за уже захваченное ими.

Затем в тот же год под Ипром он пришпоривал Джона Френча, подстрекая его отдать приказы о честолюбивых по своим целям наступлениях, когда на деле британские войска еле-еле выдерживали натиск превосходящих сил противника. В обоих этих случаях результаты оправдали дух, если не букву его приказов. Но когда германское наступление с применением ОВ сделало брешь во фронте союзников (Ипр, апрель 1915 г.), то постоянный припев Фоша „Attaquez" [1] и неисполнение им своих обещаний о переходе в наступление французов заставили Джона Френча тайно отказаться от уже принятого решения — отступить и выпрямить свой фронт, как на этом ни настаивал Смит-Дорриен с самого начала операции. Когда же в конце концов вернулись к этому здравому и разумному решению, то британцы потеряли не только Смит-Дорриена, но и совершенно зря поплатились жизнями многих других.

В 1917 г. Фош был реабилитирован, но этот «наступательный дух» все еще владел им, а когда кризис марта 1918 г. вызвал назначение его главнокомандующим, то он, едва-едва успев справиться со своей первоочередной задачей — укреплением сильно потрепанного фронта союзников, опять стал мечтать о наступлениях. Еще до нового разгрома фронта союзников на р. Эн в мае 1918 г. Фош отдал «директиву» Хейгу и Петену провести ряд атак с целью овладеть рокадными железными дорогами близ Амьена и Хазебрук.

Если проект этот говорит о проведении Фошем и на практике своей теории о свободе действий, то он вместе с тем явно указывает, что у Фоша и мысли не было глубоко заманить германцев и затем ударами по флангам образовавшихся в итоге их наступления дуг отрезать их. Между тем такова именно концепция контр-удара, приписываемая будто бы оперативному замыслу Фоша и воспеваемая на все лады общеизвестными пропагандистами.

Правда о великом контрударе июля 1918 г., во-первых, заключается в том, что операция эта не мыслилась (по крайней мере самим Фошем) как контрудар. Но припев «Attaquez!» так неотвяз-

[1] «Атакуйте».

но повторялся, что рано или поздно он должен был совпасть с «психологическим моментом», как это и было 18 июля.

Между тем страстность Людендорфа в преследовании такой же наступательной политики и осторожность Петена и Хейга предупредили опасность серьезного вовлечения сил союзников в преждевременное наступление, организованное раньше, чем соотношение сил не изменилось в их пользу.

Петен (а вовсе не Фош), этот неоднократно осмеянный экономист, этот «осторожный» человек, разработал план оборонительно-наступательной операции, как фактически она и была разыграна. Вначале — парирование удара противника, а затем — выпад, когда неприятель уже будет выведен из равновесия.

4 июня Петен просил Фоша сосредоточить две группы резерва соответственно у Бове и Эпернэ с целью развить контрудар против фланга любого нового наступления германцев. Первая группа под начальством Манжена была использована, чтобы сломить атаку германцев 9 июня, а затем была переброшена несколько восточнее на позицию против западного фланга выступа германского фронта между Суассоном и Реймсом, выпятившегося к Марне.

Но Фош все же намечал использование группы Манжена исключительно для наступательных целей, именно — для удара по железнодорожному узлу Суассона. В то время как удар этот готовился, разведывательный отдел выяснил, что германцы вот-вот готовы перейти в новую атаку близ Реймса. Фош на основании этого доклада решил предупредить, а не отбить эту будущую атаку и самому перейти в наступление 12 июля. Петен, несмотря на это, придерживался противоположной точки зрения, именно — вначале остановить атаку противника, а затем уже бить по нем, когда он запутается в сетях обороны. И — любопытная случайность — к 12 июля французские войска не были готовы. Поэтому операция была проведена скорее по оперативным замыслам Петена, чем Фоша. Но только «скорее», а не целиком.

Дело в том, что план Петена предвидел три фазы: во-первых, сломить германскую атаку, во-вторых — развить контрудары против флангов новых мешков, которые вероятно создаст наступление германцев по обеим сторонам Реймса; в-третьих, и только в-третьих, когда германские резервы полностью будут подтянуты к этим мешкам, бросить армию Манжена для организации крупного контрудара в восточном направлении, по тылам противника, вдоль хорды большого выступа фронта, отрезая таким образом все войска противника, находившееся в обширном мешке южнее р. Эн.

События и Фош объединились, чтобы изменить оперативный замысел Петена. Как уже говорилось, германская атака западнее Реймса привела к образованию глубокого мешка, выдававшегося далеко за Марну и создавшего угрозу удара в тыл естественному бастиону, образованному реймскими высотами. Чтобы предупредить опасность, Петен был вынужден использовать большую часть тех резервов, которые он намечал для второй фазы своего контрудара. А чтобы заменить эти резервы, он решил извлечь часть

войск из армии Манжена и несколько отложить контрнаступление последней, уже назначенное приказом Фоша на 18 июля.

Когда Фош, полный пыла и весь во власти жизнерадостного настроения, усиленного (если вообще его можно было усилить!) обещаниями Хейга послать британские резервы, услыхал о действиях Петена, он срочно их отменил.

В итоге 18 июля левый фланг французов [1] был брошен в контратаку. Одновременно в центре и на правом фланге оборонительные бои были в полном разгаре. Это означало выпадение второй фазы плана Петена, вследствие чего взамен использования правого фланга для привлечения германских резервов с целью позволить левому флангу неожиданно нанести удар в спину германцам наступление левого фланга просто ослабило натиск противника на правый фланг.

Чтобы компенсировать, поскольку это было еще возможно, первоначальную пассивность правого фланга [2], британские резервы (51-я и 62-я дивизии) «находу» сменили войска обороны, непосредственно переходя в атаку. В центре [3] таким же образом были использованы подброшенные туда американские резервы. В итоге начался общий натиск союзников вдоль всего фронта большого выступа.

Но это сходившееся в одну точку наступление началось только 20 июля. К этому времени внезапность успешной атаки левого фланга (здесь неожиданно, без предварительной артиллерийской подготовки, в атаку было брошено большое число танков) уже прошла, и порыв наступления начал выдыхаться. В итоге германцы, ожесточенно сражаясь за каждую пядь земли, чтобы выиграть время, получили нужную им передышку и смогли извлечь «из мешка» большую часть своих сил. Но и при этом они оставили в руках союзников 30 000 пленных и много военного имущества.

Когда германцы сравнительно благополучно отойдя, оказались на выпрямленной и значительно укороченной линии фронта вдоль р. Весль, то Людендорф счел возможным отдать 2 августа приказы о подготовке новых атак, во Фландрии и восточнее Мондидье.

---

[1] Основное ядро этого фланга составляла 10-я армия Манжена, насчитывавшая 10 дивизий в первой линии, включая американские 1-ю и 2-ю дивизии, 6 дивизий во второй линии (вместе с кавалерийским корпусом Роберлота) и в резерве 15-ю и 34-ю британские дивизии.

Манжен развил удар в 4 час. 35 мин. утра, использовав массу своих танков по методу действия под Камбрэ, т. е. отказавшись от предварительной артиллерийской подготовки. Левое крыло 6-й армии Дегутта, стоявшее на стыке с внутренним флангом армии Манжена, перешло в свою очередь в наступление на 1½ часа позднее, развив предварительно артиллерийскую подготовку. Вспомогательная роль Дегутта отмечалась тем, что он имел только 7 дивизий (среди них 4-ю и 26-ю американские) в первой линии, и одну во второй. Позднее он был усилен американскими 42-й, 32-й и 28-й дивизиями, которые на своих плечах вынесли весь гнет последнего периода наступления на р. Весль.

[2] 6-я армия Бертелло включала 9 дивизий.

[3] 9-я армия де-Митри включала 6 дивизий (в том числе 3 американские); в резерве 1 французская дивизия и 1 американская.

6 дней спустя с его наступательными мечтами окончательно было покончено, но с точки зрения истории чрезвычайно важно уяснить, что не второе Марнское сражение — «великий контрудар Фоша» — помогло развеять эти мечты Людендорфа.

Контрудар 18 июля, задуманный именно как контрудар Петеном, но искаженный Фошем, никоим образом по своим результатам не был решающим. Возможно, что поспешность Фоша лишила этот контрудар таких результатов. Возможно также, что часто критикуемая осторожность Петена оказалась бы более плодотворной и собрала бы более обильный «урожай».

Как бы то ни было, но хотя это сражение и не было сопряжено с явно решающим материальным или хотя бы моральным эффектом, сказавшимся на противнике, оно все же было первым «глотком» победы после таких больших и горьких поражений. Вкус этой победы оказал неоценимое морально возбуждающее впечатление на усталую психику союзников.

Быть может и угнетающее влияние этой победы на психологию германских войск было глубже и вреднее, чем это сразу могло показаться.

В итоге Фош, всегда считавшийся только с моральными факторами, не поддающимися точному учету, мог быть доволен. Он выиграл инициативу и удержал ее — этого было достаточно, так как остальные результаты почти не имели значения. Стратегия Фоша была проста. Она никогда не производила впечатления сложного произведения искусства, да и не была им, хотя легенды ему это приписывают. Лучше всего это высказано самим Фошем:

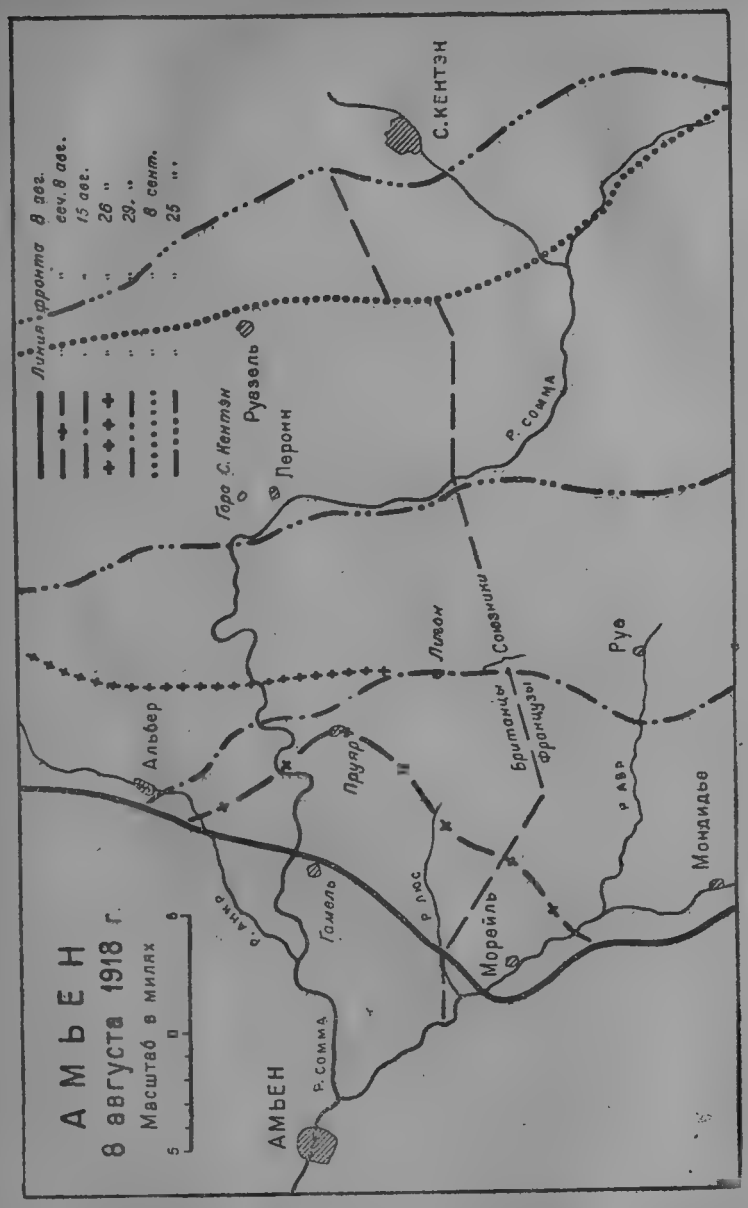
«Война похожа вот на это. Возьмите наклонную плоскость. Атака подобна шару, скатывающемуся по ней. В движении он приобретает стремительность и катится все скорее и скорее при условии, конечно, что вы его не задержите. Если вы умышленно его остановите, вы теряете темп и все преимущество и должны начинать все сначала».

5. «Черный день» германской армии — 8 августа

(Схема 20)

8 августа 1918 г. — день, все резче выступающий на горизонте истории. Если какое-либо событие кампании на западе может считаться решающим, то честь эту надо приписать внезапности, проявившейся в этот день восточнее Амьен. А решающее значение этого события помимо всего является лишним доказательством того, что на первом месте в военном искусстве стоит все-таки моральный элемент.

Хотя 8 августа являлось «славной победой» — наиболее блестящей победой, одержанной британской армией в мировой войне и, что еще значительнее, победой, наиболее экономной, ни тактический, ни видимый стратегический эффект ее не был достаточен, чтобы объяснить все моральное впечатление, произведенное этим ударом на противника. 16 000 пленных, захваченных в первый день, и 21 000 — в последний, были хорошей добычей



по сравнению с добычей любого из предшествовавших британских наступлений, но ничтожных по сравнению с громадным количеством войск, развернутых тогда на западе, и по сравнению с такими выдающимися победами прошлого, как Ворчестер, Бленгейм, Россбах, Аустерлиц или Седан.

Продвижение этой атаки в первый день на 6—8 миль и в окончательном счете — на 12 миль опять-таки было великолепным до-

стижением по сравнению с нормами, установившимися в 1915—1917 гг., но в марте германцы прошли, наступая, 38 миль, и все же это не привело к решающим результатам. Изучая эту атаку на карте, мы видим, что наступление 8—21 августа просто «приплюснуло нос» глубокого выступа фронта германцев у Аррас—Мондидье—Нуайон и высекло на нем зазубрину.

И все же атака эта свела с ума германское главное командование и в моральном отношении вывела его из равновесия. Она заставила кайзера сказать: «Я вижу, что мы должны подвести итоги. Мы исчерпали почти все наши ресурсы. Война должна быть окончена». Она вынудила и Людендорфа, павшего духом, притти к подобному решению: «Войну придется окончить!»

Сравнивая впечатления, произведенные на Людендорфа эффектным контрударом 18 июля на Марне, с впечатлением, произведенным на него 8 августа, мы видим разительный контраст между ними. И в этом контрасте лежит ответ на вопрос, какой же из двух этих контрударов был наиболее решающим. После 18 июля Людендорф совершенно не утратил своих надежд. Видимо, он расценивал полученный отпор недостаточно серьезно, считая это несчастным стечением обстоятельств, и не позже как 2 августа отдал приказ о подготовке четырех свежих наступлений, среди которых был и его так долго лелеемый удар во Фландрии, правда, теперь в несколько уменьшенном масштабе по сравнению с первоначальным замыслом.

Но после 8 августа все эти мечты развеялись, как дым. Мы видим полный отказ даже от мысли вернуться к какому-либо наступлению и, что еще значительнее, полное отсутствие взамен наступательной какой-либо иной стратегии. Германское командование просто пассивно сопротивляется щелчкам неприятеля; этого никак нельзя ни принимать, ни выдавать за стратегический план. И лишь когда время было упущено, Людендорф выразил намерение заранее эвакуироваться из Франции, рассматривая это как подготовительный шаг к новой кампании уже за границей. Но к этому времени моральное потрясение германского командования передалось и германскому народу.

После войны Людендорф, имея много времени для раздумья, все же написал: «8 августа было черным днем германской армии в истории войны». Прилагательное «черным» особенно удачно выбрано, так как когда из-за неожиданного потрясения теряешь сознание, то потемнение в глазах является первым симптомом, предшествующим потере сознания и соответственно параличу всех способностей.

Основной интерес истории 8 августа заключается в том, чтобы проследить, как именно дело дошло до такого потрясения.

12 июля Фош, горевший непреклонным желанием претворить в жизнь столь дорогое его сердцу, но столь долго откладываемое решение перейти в наступление, предложил Хейгу:

«Первое наступление, организуемое на британском фронте, должно быть наступлением, развитым с участка фронта Фестюберт—Ребек, с целью освободить копи Бриэ и овладеть железнодорожным узлом Эстер...».

Пять дней спустя Хейг ответил, что он не видит «выгод в наступлении по ровной и болотистой местности между Ребек и Фестюберт», взамен этого он предложил:

«По моему мнению, операция, которая имеет величайшее значение и которая, как я вам предлагал еще раньше, должна быть развита как можно скорее, заключается в том, чтобы протолкнуть вперед фронт союзников к востоку и юго-востоку от Амьена, с целью освободить этот город и железную дорогу. Наилучший путь, чтобы достигнуть этой цели, — комбинированный франко-британский удар: французы атакуют к югу от Морейль, а британцы — к северу от Люс.

Чтобы осуществить этот проект, я секретно разрабатываю план наступления севернее Люс в восточном направлении... В соответствии с этим проектом французские силы должны, по моему мнению, провести операцию между Морейль и Мондидье»...

Это письмо, взятое из архивов, проливает свет на некоторые многозначащие противоречия, возникшие уже в послевоенное время.

Во-первых, вопрос происхождения наступления. Письмо показывает, что это наступление являлось не только чисто британским замыслом и что вначале в основу его были поставлены «ограниченные цели» — короткий удар на узком фронте, чтобы обеспечить Амьену и железным дорогам в этом районе большую безопасность.

Часто раздумывают над вопросом, кто первый пришел к этому замыслу — главнокомандующий Хейг или командующий 4-й армией Раулинсон. Здесь опять-таки слова письма: «как я вам предлагал еще раньше» говорят за то, что первенство остается за Хейгом. Дело в том, что только блестяще удавшаяся небольшая внезапная операция, проведенная 4 июля у Гамель, раскрыла падение моральной устойчивости германских войск и вдохновила Раулинсона на более широкое наступление.

Но вопрос первенства не так важен. Значение для обороны укрепления своих позиций у Амьена было само собой очевидно. Однако, тот факт, что вдохновение Раулинсона пришло лишь после Гамеля, говорит о более глубокой оценке им морального элемента. Использование морального разложения войск противника в основном достигается наступлением.

Что касается плана наступления, то письмо явно противоречит претензиям, распространяемым штабом самого Хейга и другими, будто бы Фош вынудил британцев позволить участвовать в наступлении и французам, тем самым неизбежно увеличивая при проведении операции то, что Клаузевиц называл «трениями» войны. Раулинсон определенно и справедливо возражал против этого как попытки, несовместимой со внезапностью, которой он добивался.

Но письмо показывает, что предложение об участии французов является предложением самого Хейга. Правда, он предлагал оставить небольшой промежуток фронта, протяжением в несколько миль, между участками наступлений французов и британцев, который оставался бы спокойным. Но оба наступления, как французов, так и британцев, были чисто фронтальными и стратегически

проводились плечом к плечу. Большие виды на успех быть может обещало наступление, сходящееся в одну точку против обоих флангов выступа фронта — севернее Альберт и прямо к югу от Мондидье. Но для первой атаки препятствие представлял собой изрезанный окопами пояс старого поля сражения Соммы, а последующие события не оправдывают того мнения, что другая армия смогла бы одержать такой же успех, как это удалось сделать 4-й армии, наступавшей южнее Соммы.

Расширением первоначального проекта операции обязаны Фошу. Он указал 5 августа, что, если первоначальная атака увенчается успехом, ее следует продолжать, развивая натиск в юго-восточном направлении к Хам. Если бы атака против южного фланга выступа фронта была начата армиями Гумберта и Манжена 10 и 17 августа, то они могли бы совпасть с атакой британцев и привести к большим результатам. Как было на деле, тесное взаимодействие армии Дебеней, немедленно же присоединившейся к атаке британцев, мало помогло, чтобы компенсировать неминуемые невыгоды, связанные со срывом скрытности операции. Поскольку армия не имела танков, она не могла обойтись без предварительной артиллерийской подготовки, а подготовка эта не могла начаться (если не хотели лишиться внезапности) раньше выступления британцев.

Но вряд ли и более значительный материальный успех мог бы увеличить моральное впечатление, произведенное 8 августа на германское командование. И впечатление это произошло от потрясения, вызванного внезапностью, быть может наиболее полной за все время войны. Вопрос, как была достигнута эта внезапность, составляет предмет изучения для будущих полководцев; как все признанные в военной истории мастерские примеры способов выведения противника в моральном отношении из равновесия, это было искусным сочетанием многих факторов, ведущих к обману.

Основное в данном случае заключалось во внезапном пуске в атаку целого роя танков (456 штук), взамен всякой предварительной артиллерийской бомбардировки. Этот метод, испробованный под Камбрэ в предыдущем ноябре, был повторен французами 18 июля.

В данной операции 8 августа метод этот был усилен целым рядом разнообразных затей. Добивались тайны, устраивая предварительные совещания всегда в различных местах, маскируя проводимую разведку и поставив в известность участников операции о намеченной атаке в самый последний момент, допускающий своевременность их изготовки. Командиры дивизий до 31 июля ничего не знали о готовившейся атаке, а частям было сообщено о ней лишь за 36 часов до их выступления. Операцию скрывали даже от военного министерства в Лондоне. На заседании в августе мистер Юдж, австралийский премьер, держал речь, горячо отстаивая требование, чтобы австралийцы были сняты с фронта, когда в это время пришла телеграмма, сообщавшая никем не подозреваемые вести, что австралийцы действуют совершенно на другом участке фронта.

В это же утро 8 августа один из генералов соседней армии случайно заехал по пути домой в отпуск в штаб Раулинсона и в разговоре недоуменно спросил, почему слышна такая сильная орудийная перестрелка на фронте.

Обмана добивались, проводя все передвижения ночью, причем самолеты охраняли район этих передвижений, исключая всякую возможность наблюдения противника. Работы на тыловых британских укреплениях продолжались вплоть до последнего вечера. Время и скорость стрельбы артиллерии регулировались так, чтобы по мере установки на скрытых позициях все большего и большего количества орудий противник не смог бы заметить явного увеличения артиллерийского огня, по сравнению с нормальной ежедневно подаваемой его порцией.

Прибегая к таким приемам, удалось за время с 1 по 8 августа почти удвоить силы 4-й армии, подбросив незаметно для противника в район предполагаемого удара 6 свежих пехотных дивизий, 2 кавалерийских, 9 танковых батальонов и 1 000 новых орудий. Это потребовало 290 специальных поездов (60 — для огнеприпасов, остальные — для войск), налицо же были только две железнодорожные колеи.

8 августа к «Х» часам (4 час. 20 мин. утра) силы 4-й армии были доведены до 13 дивизий, 2 кавдивизий, 17 эскадрилий, 10 батальонов тяжелых танков, 2 батальонов танков Уиппет (всего 360 тяжелых и 96 танков Уиппет) и более 2 000 орудий и гаубиц, в том числе 672 тяжелых орудия. Две трети тяжелой артиллерии было предназначено для контрбатарейной стрельбы, и она действительно парализовала артиллерию противника.

Отвлечение внимания противника также является одной из основных составных частей внезапности. В данном случае такую роль сыграло введение в дело канадского корпуса. Противник считал этот корпус штурмовым соединением, и появление его на каком-либо участке фронта расценивал как предвестник грядущей атаки. В данное время канадский корпус был близ Арраса, но умело отобранная частица его — 2 батальона, 2 перевязочных пункта и радиостанция — была отправлена на север, к Кеммелю во Фландрию. В этом районе пытались создать у противника видимость возможной атаки и другими признаками, сооружая добавочные аэродромы и устанавливая новые радиостанции, преимущественно кавалерийских частей. Между тем основное ядро канадского корпуса втихомолку было переброшено вниз к Сомме, где среди британских войск распускались многочисленные ложные слухи, чтобы оправдать здесь появление этого корпуса.

Расположение 4-й армии было таким, что главный удар предполагалось развить южнее Соммы: канадским корпусом (Кюрри) справа, а австралийским корпусом (Монаш) — слева, близ реки. Одновременно III корпус (Вютлер) должен был наступать севернее реки, чтобы прикрыть фланг обоих корпусов главного удара. Но канадцы заняли линию фронта только за несколько часов до начала штурма, а австралийцы между тем растянули свой фронт даже южнее дороги Амьен—Ройэ, сменив здесь французов и создав у германцев обманчивое чувство безопасности. Действитель-

но, какой противник мог ожидать атаки, когда войска, стоящие перед ним, занимают оборонительное положение, причем фронт их слабо занят?!

Весь фронт атаки занимал около 14 миль. На германской стороне здесь стояло около 6 неполноценных дивизий (в среднем не более 3 000 бойцов в каждой) 2-й армии генерала Марвица. Численная слабость этих дивизий увеличивалась еще слабостью их оборонительных сооружений. В грубо оборудованной передовой линии германцев не было даже обычных глубоких блиндажей и убежищ, которые способствуют поддержанию морального духа войск, пока не пробил для них час испытаний.

За пять дней до атаки противник во время поиска захватил сторожевой пост австралийцев, а три дня спустя местной атакой несколько прощупал фронт III корпуса, взяв 200 пленных. Но данные, которые противник при этом получил, еще больше ввели его в заблуждение.

Таким образом за час до рассвета 8 августа, когда вперед поплыли британские танки и когда одновременно двинулся вперед огневой вал, а за ним сразу же пошла пехота, удар этот привел к предельной внезапности. Атаковавшие, прикрытые густым, стелившимся по земле туманом, обрушились на противника, который ничего не сделал, чтобы фортификационными работами укрепить свои позиции.

Канадцы и австралийцы — превосходные ударные части — мощной неудержимой волной прокатились по передовым дивизиям противника. Только севернее р. Соммы, где танков было мало, произошла небольшая заминка. Чтобы увеличить наступательный порыв, все резервы выступили также в 10 час., подражая примеру германцев 21 марта. Вскоре и бронемашины ринулись по дорогам, чтобы вызвать смятение в тылу германского фронта. Им даже удалось обстрелять штаб одного из корпусов противника, мирно завтракавшего в Пройарте.

Конечная цель, поставленная для этого дня наступления (в 6—8 милях от исходной позиции) ,была достигнута на всем фронте, за исключением крайних точек правого и левого флангов. Но на следующий день наступление развивалось уже медленнее и какими-то судорожными толчками. После этого атака выдохлась так же быстро, как и вспыхнула.

В чем причина такого странного контраста? Почему этот изумительный прорыв не дополнился драматическим для противника финалом? Частично это случилось видимо потому, что наступление к этому времени докатилось до старого поля сражения Соммы 1916 г.— пустыни, изрытой снарядами, опутанной ржавой проволокой и брошенными окопами. Она являлась тормозом для движений, притока подкреплений и подвоза снабжения. Полезно к случаю вспомнить, что задача поддержания равномерного темпа наступления ни разу не была удачно разрешена в мировой войне. Опять-таки первоначальный фронт атаки не был широк, и знаменательно, что почти все успешные наступления мировой войны развивались по одной пропорции, казавшейся законом: глубина прорыва в среднем равняется половине протяжения фронта атаки.

Следующей причиной затухания наступления явилась, как и у Камбрэ, нехватка резервов. Местные резервы 4-й армии были во-время введены в бой, но, когда в пламя боя уже втянулись 13 дивизий этой армии, все, что оставалось, представляло собой только 3 дивизии. Они и были Хейгом здесь сосредоточены.

Германцы же сумели к 11 августа свои первоначальные 6 дивизий довести до 18 резервных дивизий — на 10 дивизий больше, чем это имели в виду союзники.

Четвертая причина задержки лежит в самой форме, в которой проводилась атака. Она была чисто фронтальной; поэтому, чем сильнее противник отбрасывался назад, тем больше укреплялось его сопротивление. Это всегда является недостатком фронтального удара, если только не удастся быстро протолкнуть часть наступающих войск и пустить их по тылам противника. Коннице, как всегда, было поставлено задание — развить успех. На этот раз она сослужила полезную службу, захватывая и удерживая некоторые селения, пока не подходила пехота. Но помощь эта была каплей в море, по сравнению с истинной ролью конницы в войнах прошлого.

Большие результаты могли бы быть достигнуты, если бы 96 танков Уиппет не были привязаны к коннице, а использовались самостоятельно. Они могли бы быстро пройти в брешь, созданную прорывом, и мощно и сосредоточенно ударить в юго-восточном направлении по тылам германской армии, обращенной против французов. Так это и намечалось танковым корпусом.

Но с широкой стратегической точки зрения в приостановке наступления на этот раз, помимо нехватки резервов, сыграла роль и определенная оперативная целесообразность. 10 августа Хейг посетил фронт наступления и непосредственно ознакомился с обстановкой. После этого, когда Фош настаивал на продолжении фронтального натиска 4-й армии, Хейг возражал, считая это бесцельной тратой жизней. В письме от 14 августа он писал Фошу, что им приостановлены дальнейшие атаки, намеченные на следующий день, и что он подготавливает переход в наступление 3-й армии севернее Альберт. Фош протестовал против связанной с этим задержки, но на совещании с Саркюс, состоявшемся на следующий день, Хейг упорно отстаивал свою точку зрения и добился своего. В результате 3-я армия перешла в наступление 21 августа; 1-я армия (несколько севернее) — 28 августа, а 4-я армия, воспользовавшись отвлечением внимания противника, возобновила тогда свое наступление. Австралийцы 31 августа овладели Монт—С.-Кент и Перонн и тем самым преградили противнику доступ к верхнему течению реки Соммы.

Эти операции выражали новую стратегию последовательных атак по различным, но тесно связанным друг с другом пунктам, причем каждая атака, как только первоначальный порыв атаки выдыхался, обрывалась и переходила к новому удару в другой точке.

Несправедливо было бы вторить некоторым британским военным историкам, отстаивая во что бы то ни стало, что Хейг является инициатором этой стратегии. Стратегию эту вполне отчетливо можно проследить в последовательных атаках, прово-

дившихся южнее французами еще раньше, а именно: левым флангом армии Дебеней — 8 августа; правым флангом этой армии — 9 августа; армией Гюмберта — 10 августа и армией Манжена — 21 августа.

Но Хейг как-будто первый оценил значение этой стратегии для экономии сил. В то время как Фош всецело был пропитан стремлением только продолжать натиск, Хейг старался наседать на противника, возможно меньше расходуя людской материал.

Добыча 4-й армии, выразившаяся за дни 8—12 августа в 21 000 пленных, обошлась ей всего лишь в 20 000 жизней!

Успеху этой новой стратегии значительно помогли внезапность 8 августа и влияние ее на германское командование. Инстинктивный ответ германцев на потрясение выразился в стягивании к месту удара всех своих подкреплений. Этим они истощили свои резервные фонды и привели их в состояние почти полного банкротства. Резервы армейской группы принца Рупрехта, удерживавшей фронт от моря до района р. Соммы, упали к 16 августа с 36 до 9 дивизий. Решение, самостоятельно принятое Рупрехтом, много помогло приостановке наступления британцев. Он предупредил откат армий, как это в минуты первой паники собирались сделать командующие армиями, отдав приказы об отходе войск за верхнее течение р. Соммы.

Но это же самое решение впоследствии обошлось германцам может быть слишком дорого.

В общем, основное значение 8 августа заключается в том, что германское командование на всех ступенях было ударом союзников выведено из равновесия: оно или теряло способность соображать, либо действовать. Нередко случалось и то и другое.

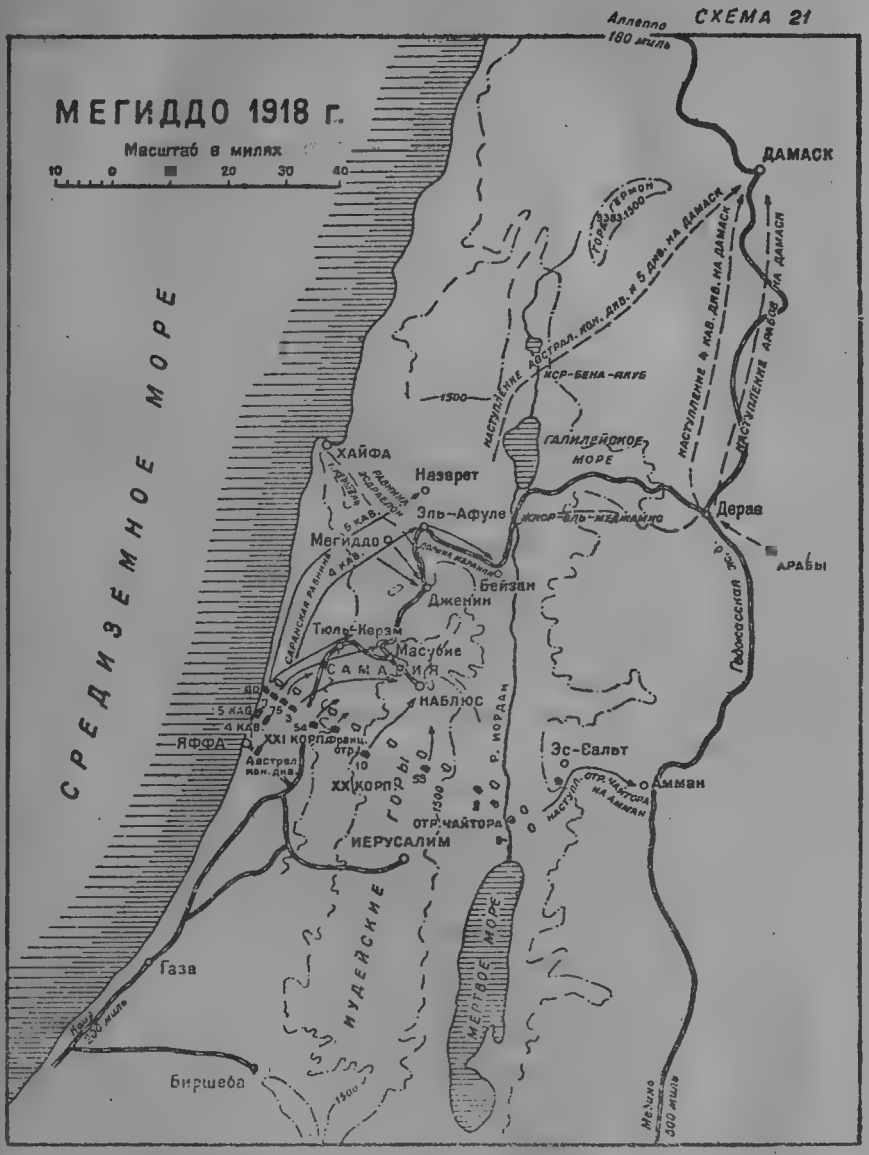
История 1914—1918 гг. повторяет опыт всей истории: за исключением действий против выбившегося из сил или уже деморализованного противника решающий успех в бою может быть достигнут только внезапностью. Последняя же должна слагаться из многих искусно и хитро подобранных элементов.

6. Разгром турецкой армии — Мегиддо

(Схема 21)

19 сентября 1918 г. началась операция, которая одновременно была одной из наиболее быстрых решающих кампаний и представляла собой наиболее совершенное решающее сражение во всей истории мировой войны. В течение нескольких дней турецкие армии в Палестине фактически перестали существовать.

Споры вызывают вопрос, следует ли смотреть на эту операцию преимущественно как на кампанию или же как на сражение, дополненное преследованием? Дело в том, что операция эта началась в то время, когда соприкосновение между сторонами имелось; поэтому она как-будто попадает в категорию сражений. Но операция эта была осуществлена, главным образом, стратегическими путями, причем непосредственно боевые столкновения играли в ней наименьшую роль. Факт этот привел к недооценке этой операции теми, кто признает лишь догмат Клаузевица, по



которому победа расценивается пролитой за нее кровью, и твердо придерживается той точки зрения, что победе, которая не освящена и не омыта потоками крови, нельзя уделять внимания.

Но величайшие победы Цезаря под Илердой, Сципиона близ Утики, Кромвеля у Престон и Мольтке у Седана (хотя последняя победа являлась скорее случайной, чем преднамеренной) окрашены все той же самой бледнорозовой окраской, так как крови во всех этих случаях было пролито не так уже много. Каждый раз

стратегия оказывалась настолько действительной, что сами бои скорее являлись случайным дополнением. Все же вряд ли найдется теперь кто-нибудь, кто станет отрицать решающее значение этих побед и то влияние, которое они оказали на ход истории.

Более серьезное «понижение» качества победы этой финальной кампании в Палестине заключается в том, что Алленби располагал более чем двойным перевесом сил по сравнению с противником и еще большим перевесом в отношении оружия. К тому же моральное состояние турецких войск настолько понизилось, что, как часто говорили, Алленби оставалось просто протянуть руки за турецкой армией, чтобы она, как перезрелый плод, сама упала к его ногам.

В этих доводах есть известная доля правды.

Но большинство «венчающих» побед современной истории, от Ворчестера до Седана, видело почти то же несоответствие между соотношениями сил и моральным состоянием армии победителя и побежденного. А в 1918 г. Алленби к тому же пришлось иметь дело с такими талантливыми полководцами, как Лиман-ф.-Сандерс и Мустафа Кемаль, — далеко не чета тем людям, которые сами всунули свои головы в мешок под Седаном.

Учтя все выгодные условия обстановки сентября 1918 г., мы все же остаемся при том выводе, что победа у Мегиддо является одной из мастерских операций всей истории войн по широте своего замысла и по проведению, хотя обстановка, в которой проводилась эта операция, не выдвигала слишком больших трудностей, но развертывание и ход ее являют собой почти непревзойденную картину блестящего выполнения не менее блестящего оперативного замысла.

Часто задается вопрос, кому принадлежит оперативный замысел? Задумал ли его сам главнокомандующий в Палестине, или же это плод мысли какого-либо талантливого подчиненного? Когда говорят о победах Гинденбурга на русском фронте, каждый встречный и поперечный вспомнит о стратегии Людендорфа, а люди, изучающие военную историю, идут глубже и останавливаются на непрестанном влиянии на германское командование гениальной головы Гофмана.

Однако, в вопросе о Мегиддо можно развеять все сомнения, так как удается бесспорно и точно установить всех, принимавших непосредственное участие в разработке этой операции.

Широкий замысел — целиком продукт ума Алленби [1]. Заслуга его помощников заключается в проработке деталей и в проведении этого замысла в жизнь.

У Алленби оперативный замысел скорее «вырос», чем «вытек», ибо первоначальная его концепция была скромнее: прорвать фронт турок у побережья, а затем, зайдя внутрь, обойти фланг турецких сил в равнине Израиля. Но, вернувшись однажды

[1] Боевые силы Алленби достигали 12 000 сабель, 57 000 штыков и 540 орудий. Алленби оценивал силы турок в 2 000 сабель, 32 000 штыков и 402 орудия. Эти числа почти вдвое выше тех, которые в своих расчетах приводит Лиман ф.-Сандерс, но подсчеты его видимо базировались скорее на смутных данных, чем на точной статистике.

после поездки верхом, во время которой Алленби думал над этой проблемой, он внезапно набросал план в таком виде, как операция и была проведена в жизнь, во всей его буквально захватывающей широте. План этот целиком и полностью отвечал принципу Наполеона: «Весь секрет военного искусства заключается в том, чтобы выиграть господство над коммуникациями врага». Поскольку в распоряжении Алленби был большой перевес сил, он решил использовать его, чтобы выиграть господство не над одной, а над всеми коммуникациями турок. Успех этой его попытки многим был обязан тому, что Алленби дополнительно тщательно продуманными мерами обеспечил свое господство и над своими собственными коммуникациями, т. е. обеспечил бесперебойную их работу.

Три так называемых турецких «армии» — каждая немногим больше одной дивизии — питались соками, притекавшими по одному единственному стеблю основной железнодорожной магистрали, проходящей южнее Дамаска. У Дераа одна ветка отходила к западу, пересекая р. Иордан у Жиср-эль-Межами; непосредственно севернее Бейзана она раздваивалась у Эль-Афуле в долине Эздраэлон: одна ветка отходила к морю, к Хайфе, а другая вновь поворачивала к югу, проходя через холмы Самарии к узловому пункту у Мессудиэ. Эта дорога питала 7-ю армию (Мустафа Кемаль) и 8-ю армию (Джевада) — армии, удерживавшие фронт между р. Иорданом и Средиземным морем. 4-я армия (Джемаля) восточнее Иордана питалась основной магистралью.

Перерезать армейские коммуникации означает, как известно, нарушить все кровообращение армии. Преградить ей пути отступления — значит убить ее к тому же и морально. А разрушить ее внутренние коммуникации, по которым текут приказы и донесения,— значит лишить ее разума, так как этим ломается основная связь между «умом» и «телом» армии. Алленби разработал свой план так, чтобы достигнуть не одной, а всех этих трех целей, причем третья являлась далеко не последней в деле обеспечения успеха задуманной операции.

Конфигурация грунтовых и железных дорог делала Дераа, Эль-Афуле и в меньшей степени Бейзан жизненными центрами турок. Если бы удалось наложить руку на Эль-Афуле и Бейзан, то этим были бы перерезаны коммуникации 7-й и 8-й армий и были бы преграждены естественные пути отступления этих армий. Оставалась бы свободной крайне трудная лазейка через пустынный район и р. Иордан к востоку. Захват же Дераа отрезал коммуникации всех трех армий и преграждал лучший путь отступления 4-й армии, но Дераа значительно больше был удален от фронта британцев.

Эль-Афуле и Бейзан лежали в удалении 60 миль и потому были досягаемы для стратегического «прыжка» конницы, при условии, конечно, что ей удастся достигнуть этих пунктов без остановок или задержек. Задача заключалась, во-первых, в том, чтобы найти удобный подступ, не загроможденный естественными препятствиями, и, во-вторых, обеспечить себя от попыток противника силой преградить дорогу коннице.

Как же была решена эта задача? Ровная прибрежная Саронская равнина представляла собой коридор, ведущий к равнине Эсдраэлон и к долине Израиля, в которой и были Эль-Афуле и Бейзан. Этот коридор преграждался лишь одной единственной дверью, расположенной так далеко в конце его, что она не охранялась турками. Дверь эту образовал узкий пояс гор, отделявший прибрежную долину Сарона от долины Эсдраэлон, лежащей глубже внутри страны. Но вход в этот коридор был крепко на-крепко закрыт и прегражден окопами турецкого фронта.

Алленби предназначил свою пехоту, чтобы сломать замок этой «калитки» и с силой отбросить ее на северо-восток, открыв таким образом дорогу коннице. Но раз коннице удастся пройти таким образом сквозь «калитку» в начале коридора, ей все же придется еще открыть и дверь «на черном ходу», чтобы из него выйти. Турки легко могли замкнуть эту дверь, если дать на это время и они были бы предупреждены об угрозе. Поэтому основное в действиях конницы была быстрота. Но одного этого еще было недостаточно. Надо было отвлечь внимание и резервы турок. Однако, и при этом все еще приходилось рисковать. Опыт войны показал, как легко может быть остановлена конница: горсточки людей и пулеметов было бы достаточно, чтобы преградить оба перевала через промежуточный пояс гор. Чтобы обезопасить себя от этого риска, надо было сделать турецкое командование глухим, немым и слепым. Основное значение и историческая ценность победы, одержанной у Мегиддо, как раз и заключаются в полном параличе турецкого главного командования, который Алленби удалось вызвать.

Проследим, как это было достигнуто. Алленби имел два сравнительно новых средства: авиацию и арабов. Арабы Фейзаля, руководимые полковником Лоуренсом, давно уже терзали, сковывали и деморализовали турок на всем протяжении их основной железнодорожной магистрали. Теперь арабам пришлось принять более непосредственное участие в операции, проводимой британскими силами. Появившись 16 и 17 сентября, как привидения из пустыни, арабы взорвали железную дорогу севернее, южнее и западнее Дераа. Это на время выключило приток к туркам подкреплений и снабжения, и «на время» — было все, что в данном случае требовалось. Действия арабов имели еще и моральный эффект, заставив турецкое командование часть своих скудных резервов послать к Дераа.

Участие авиации в операции проявилось двояко. Во-первых, в итоге длительной и напряженной кампании она овладела безусловным господством в воздухе и совершенно изгнала авиацию противника. Кампания эта была доведена так далеко, что в конечном итоге английские истребители просто нависли над турецким аэродромом в Дженине и препятствовали даже вылету самолетов противника. Таким образом удалось на время подготовки операции ослепить противника.

Затем, когда настал час проведения в жизнь плана Алленби, авиация сделала командование противника глухим и немым, действительнейшим образом обстреляв турецкие главные телеграф-

ные и телефонные передаточные пункты в Эль-Афуле. В дополнение оба штаба армий противника в Наблюсе и Тюль-Кераме были забросаны бомбами, а во втором штабе, игравшем наиболее серьезную роль, все провода были настолько серьезно повреждены, что штаб оказался на целый день отрезанным от Назарета и от своих дивизий, находившихся в прибрежной долине.

Другой и более ранней формой деятельности авиации — деятельности менее боевой, но быть может стратегической еще более действительной, было сбрасывание вместо бомб целых тонн иллюстрированных листовок. В них рисовался исключительный комфорт, которым пользовались турецкие солдаты-военнопленные. Эта агитация хотя и была невесомой, тем не менее должна была произвести громадное впечатление на полуумиравших от голода и совершенно износившихся турецких солдат.

Но если авиация и арабы были серьезными факторами, мешавшими подготовке противника к предстоящему удару, план самой операции отличался целым рядом остроумных и целесообразных уловок, характерных для всех выдающихся операций военной истории. Этими уловками Алленби пытался отвлечь внимание противника от побережья(приковав внимание турок к флангу фронта у р. Иордан. В этом ему сильно помогла неудача двух попыток наступлений восточнее р. Иордана, в направлении на Амман и Эс-Сальт, предпринятых еще весной. С целью все время держать в напряжении внимание противника Алленби, несмотря на неудачу, держал в течение всей зимы в долине р. Иордан конницу, периодически сменяя ее из-за подавляющей нездоровой жары. Когда же затем конница тайком была переброшена на другой фланг, то ее бывшие стоянки не только были сохранены и поддерживались в полном порядке, но к ним добавлялись даже новые и было сделано до 15 000 макетов коней, изображавших конницу, якобы занимавшую здесь линию фронта. Мулы, волоча сани, поднимали облака пыли. Днем батальоны походным порядком подходили к долине, а ночью отвозились тайком назад на грузовиках, чтобы вновь инсценировать днем подход сюда войск. В Иерусалиме была нанята гостиница, которая тщательно готовилась для мифического приема главного штаба. Усиленные мостовые работы и установка радиостанций поддерживали эту иллюзию. Наконец, Луренс послал агентов, чтобы закупить в районе Аммана большое количество фуража.

А в течение всего этого времени тайно ночными маршами все больше и больше войск перебрасывалось вниз на другой фланг, к морю, и там укрывалось в апельсинных рощах или в уже имевшихся лагерях. Таким путем Алленби на всем фронте удвоил свои силы, а на основном участке удара довел их до отношения 5 : 1, проделав все это совершенно незаметно для противника. Одно время Лиман ф.-Сандерс несомненно предвидел крупную атаку и, конечно, думал о том, чтобы сорвать ее добровольным отходом на рубеж, расположенный глубже в тылу и проходящий близ Галиллейского моря.

«Я отказался от этой мысли, так как нам пришлось бы тогда лишиться железной дороги, а также и потому, что тогда мы не могли бы больше сдер-

живать развитие арабской инсуррекции в тылу нашей армии. Учитывая ограниченные маршевые способности турецких солдат и очень низкие возможности всех тяговых животных, я пришел к убеждению, что перспективы удержания нашей позиции до последнего лучше, чем отступление с турецкими войсками, крайне ненадежными в моральном отношении».

Хотя Лиман ф.-Сандерс боялся атаки близ побережья, но еще больше он боялся эффекта атаки англичан восточнее р. Иордан, и даже предупреждение о первой атаке, поступившее 17 сентября в последнюю минуту от дезертира-индуса, было затушевано более правдоподобными новостями о нападениях арабов на жизненно необходимую железную дорогу близ Дераа. Являясь жертвой своего собственного предвзятого мнения, Лиман-ф.-Сандерс охотно готов был верить, что дезертир — агент британской разведки, а история, рассказанная им, — ложь, маскирующая истинные намерения Алленби.

Далее Лиман ф.-Сандерс отклонил просьбу Рефет-бея, командующего прибрежным сектором, который хотел оттянуть свои войска на милю, чтобы в случае атаки артиллерийская бомбардировка британцев разразилась над пустыми окопами. Запретив Рефету отступить даже на шаг, он обеспечил отскок его на сотни миль к Тиру с армией, растерянной в пути убитыми или ранеными.

В ночь на 18 сентября началось то, что одновременно являлось последним шагом в «инсценировке», вводившей турок в заблуждение, и первым шагом в действительной операции.

53-я дивизия, образовавшая крайний правый фланг войск Алленби, сделала демонстративный прыжок вперед в холмах долины р. Иордана. Этим самым она сделала первый шаг на пути к перерезыванию единственного выхода, оставшегося открытым для турок через р. Иордан на восток, когда основной маневр британцев привел бы к их окружению.

Далеко отсюда, на западе, у моря все оставалось спокойным. Но в 4 час. 30 мин. утра 385 орудий открыли огонь по намеченному участку фронта. Орудия вели ураганный огонь лишь в течение четверти часа. Затем вперед двинулась пехота под прикрытием быстро переносимого огневого вала. Не встречая почти никакого сопротивления, пехота смяла потрясенных оборонявшихся и прорвалась сквозь двойную систему окопов, мелких по сравнению с нормами Западного фронта и со слабыми проволочными заграждениями. Затем атакующая пехота совершила захождение, как громадная дверь, поворачивающаяся на своих петлях. В этой «двери» французский отряд и 54-я дивизия образовывали внутренний край, затем с интервалом в 5 миль шла 3-я индийская дивизия; 75-я и 7-я индийские дивизии образовали среднюю створку, а 60-я дивизия, находившаяся ближе к морю, — наружную створку. 60-я дивизия к ночи достигла Тюль-Керам. Но то, что уцелело от 8-й турецкой армии, давным-давно уже мчалось назад через дефиле к Мессудиэ, представляя собой беспорядочную массу войск и обозов. А над этим беспомощным сбродом реяла британская авиация, сбрасывая бомбы и осыпая бегущих градом пуль.

Между тем через открытую «дверь» прошла 3-я кавдивизия конного корпуса пустыни (Шовель). К вечеру конница достигла Кармель-Ренж — «промежуточной двери», выслав вперед отряды с броневиками, чтобы обеспечить себе оба перевала. К утру дивизии перевалили и через перевалы. Одна бригада спустилась к Назарету, где стоял главный штаб противника, абсолютно не имевший представления о разыгравшихся за последние 24 часа событиях. Связь штаба с его боевыми частями была совершенно прервана. Лиману ф.-Сандерс все же удалось ускользнуть, так как бригада не сумела своевременно преградить северный выход из города. После ожесточенного уличного боя конница вынуждена была отступить.

Но основную стратегическую цель наступления конницы представляли собой не Назарет, а Эль-Афуле и Бейзан. Эти пункты соответственно были достигнуты в 8 час. утра и в 4 час. 30 мин. дня. Чтобы достигнуть Бейзана, 4-я кавдивизия в 34 часа покрыла 70 миль. Пройдя через Кармель-Ренж, австралийская конная дивизия повернула к югу к Дженин, чтобы прочно преградить путь отступления турок.

Единственная оставшаяся для противника лазейка вела к востоку через р. Иордан. Течение этой реки очень быстро; протекает она в глубокой долине у Мертвого моря на 1 300 футов ниже уровня моря. Если бы не авиация, противнику быть может и удалось бы добраться до этой лазейки, так как из-за холмистого характера местности и геройского сопротивления турецких арьергардов британская пехота медленно и с трудом продвигалась вперед. Рано утром 21 сентября британская авиация нащупала крупную колонну войск противника, т. е. фактически все, что оставалось от обеих турецких армий, отступавшую в узкой долине от Наблюса к р. Иордану. Четыре часа непрерывной бомбардировки и пулеметного огня превратили эту колонну в беспорядочное нагромождение орудий и обозов. Те, кто выжили, представляли собой жалких, потерянных беглецов. С этого часа можно считать что 7-я и 8-я турецкие армии перестали существовать. Затем последовала охота конницы за беспомощной «дичью», ничем не напоминавшей войска.

Оставалась лишь 4-я армия (восточнее р. Иордана), которая слишком долго откладывала свое отступление. Она начала свой отход 22 сентября.

Разрушенная железная дорога и арабы лежали на пути отступления этой армии к Дамаску. А четыре дня спустя и 4-я кавдивизия двинулась от Бейзана к востоку, чтобы перерезать этот путь. Две же другие дивизии отправились непосредственно к Дамаску — цели отхода противника.

Здесь выхода туркам больше не было, но судьба их отличалась от судьбы других турецких армий. Это было скорее быстрое изматывание под непрекращавшимися «уколами», чем поражение в итоге решительного столкновения.

При этом преследовании конный корпус пустыни действовал совместно с арабами, своими помощниками из пустыни, и в первый раз реально с ними столкнулся. До этого они оставались

невидимыми и неуловимыми. Их присутствие обнаружилось, когда один из разведчиков донес: «На вершине холма, впереди нас, араб в Рольс-Ройсе. В совершенстве владеет английским языком, взбешен и чертовски ругается». Дело в том, что никакой темп преследования не мог удовлетворить горячего Лоуренса, из всех сил подгонявшего своих арабов к цели всех устремлений — Дамаску.

Британскому кавалерийскому офицеру, наблюдавшему марш арабов, он показался какой-то странной восточной версией состязаний в день Дерби, но... арабы все же опередили 4 кавдивизии.

Жалкие остатки 4-й турецкой армии были окончательно окружены и пленены у Дамаска, который был занят 1 октября.

Накануне гарнизон города был перехвачен австралийской конной дивизией, когда он пытался ускользнуть через ущелье Барада. Поливая с окружавших высот голову потока беглецов пулеметным огнем, австралийцы отогнали их назад в Дамаску. Тем самым число пленных возросло до 20 000 человек.

Следующий маневр был достойной концовкой этой исторической операции. 5-я кавдивизия была направлена в наступление на Аллепо, находящееся в 2 000 милях. Во взаимодействии с дивизией наступали и арабы. Броневики арабов прокладывали им дорогу и рассеивали встречаемое слабое сопротивление. Окрестности Аллепо были достигнуты арабами к 23 октября.

Два дня спустя подошла и головная кавалерийская бригада. На следующее утро уговорились о совместной атаке города, но ночью арабы проникли в город и самостоятельно его захватили. Британские войска, слишком слабые, чтобы насесть на отступивший гарнизон, поджидали подкреплений из Дамаска, но капитуляция турок 31 октября положила конец этой кампании. В течение короткого промежутка (38 дней) британцы прошли, наступая, 350 миль и захватили 75 000 пленных, потеряв менее 5 000 человек.

В войне 1914—1918 гг., лишенной внезапности и широкого маневра, этих краеугольных камней военного искусства, — хоть на одном из театров войны сказалась полностью вся их ценность. Внезапность и подвижность привели фактически без боя к победе. Интересно отметить, что турки были в состоянии противостоять пехотным атакам британцев до тех пор, пока не стало известно о «стратегическом барьере», отрезавшем их от тыла. Это произвело на противника сильнейшее моральное впечатление.

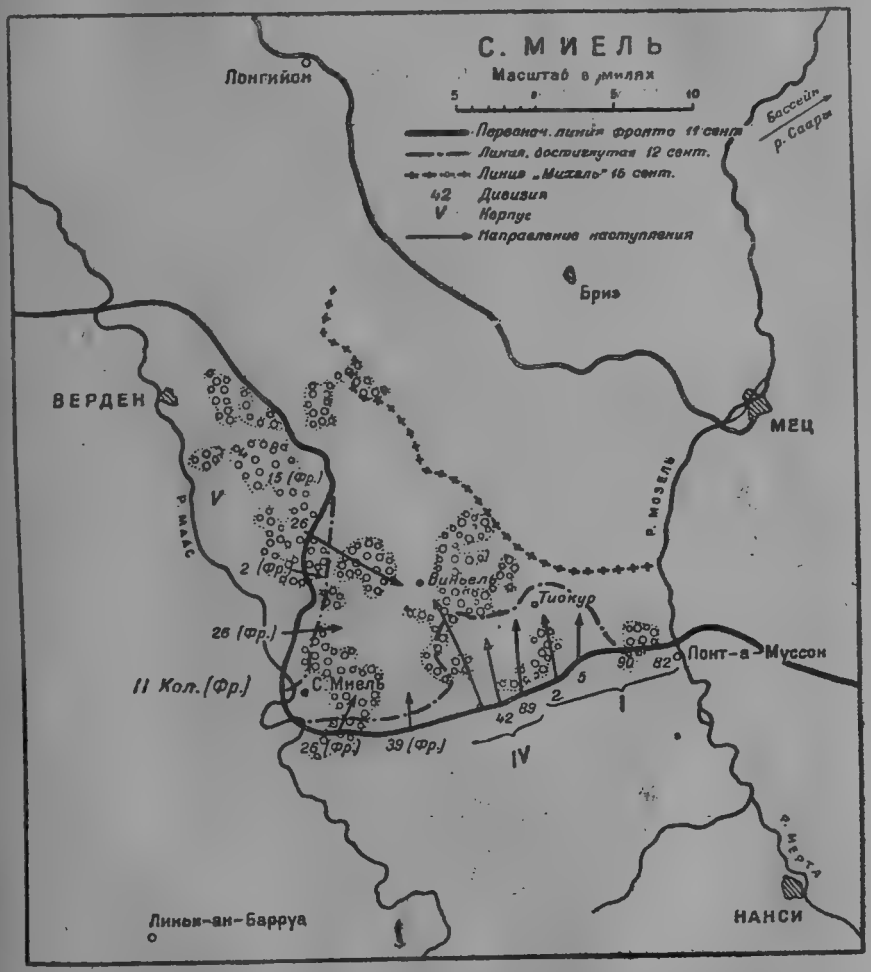
Необходимой предпосылкой для прорыва в условиях позиционной войны является наличие пехоты и тяжелой артиллерии. Но раз таким образом здесь вернулись к нормальным условиям ведения войны — войне маневренной, победа была достигнута подвижными, маневроспособными элементами — конницей, авиацией, танками и арабами. А элементы эти представляли собой лишь незначительную частицу всех сил Алленби. Победа эта была достигнута не физической силой, а деморализующим использованием подвижности и маневра. Это еще раз подтвердило старую истину Наполеона: соотношение моральных сил к физическим равно 3 : 1.

7. Претворенная мечта — С.-Миель

(Схема 22)

В течение четырех лет клин глубиной в 16 миль был вбит во фланг главной линии фронта Антанты на западе. Это было наиболее заметной и наиболее безобразной отличительной чертой всего изломанного фронта, тянувшегося от границы Швейцарии

СХЕМА 22



до бельгийского побережья. Вдоль этой длинной волнистой линии фронта встречалось бесчисленное количество выступов всяких размеров, но ни один из них не был так глубок и остр, как выступ, спускавшийся с высот Вевра к р. Маас у С.-Миель, где фронт в этом месте выдавался даже за реку. В течение всех этих лет клин этот досаждал Франции физически и морально, так как хотя сам по себе он не был удобен для нового германского насту-

пления и не играл роль трамплина, все же легко мог стать опасным, если бы германцам удалось забить новый клин по другую сторону Вердена. Еще хуже было то, что угроза эта подрывала любые будущие французские наступления в Лотарингию. Такое наступление — безразлично, развиваемое ли от Вердена или от Нанси, — не только подвергалось опасности удара в тыл от С.-Миель, но его трудно было бы питать, так как выступ у С.-Миель угрожал железным дорогам от Парижа к Нанси и от Вердена к Нанси. Эти помехи выявились со всей очевидностью еще в 1916 г., когда армия, защищавшая Верден, всегда была под угрозой перерыва противником железной дороги. Еще два томительных года защитники Вердена должны были терпеливо выносить удушье, вызванное этим зажимом. Наконец, на рассвете 12 сентября 1918 г. 3 000 орудий возвестили своим грохотом о скором облегчении.

Через четыре часа 1-я американская армия, оглушенная, но возбужденная огнем своей артиллерии, выступила из окопов и двинулась через разрытую и распыленную землю, которая представляла собой передовые окопы противника. Еще через 24 часа два острых конца американских клещей, врезываясь каждый со своей стороны, встретились на полпути, и безобразный «клык» был вырван.

1-я американская армия провела свой первый бой и одержала свою первую победу как самостоятельная армия. Достижение это являлось не только хорошим предвестником, но и реабилитацией, главным образом, самого Першинга. Победа эта являлась бесценным поощрением как для армии, которая ее одержала, так и для нации, которая стояла за спиной армии. Вместе с тем она разочаровала германцев, которые даже сильнее, чем союзники США, сомневались в способности Америки создать боеспособную армию.

Внешне извлечение С.-Миельского клыка было одной из наиболее цельных операций стратегической хирургии мировой войны. Но по существу операция была проведена не вполне удовлетворительно; остались корни, которые позднее дали себя знать.

Недоведение операции до конца было частично обязано неправильному действию щипцов, а отчасти виноват в этом был и сам зубной врач. Больше всего здесь помешало долго скрываемое обстоятельство, что руку врача в момент операции подтолкнули и щипцы сорвались, но при этом все еще спорен вопрос, могла ли операция быть более успешной, если бы врачу вовсе не мешали в его работе?

Познакомимся с течением этой операции, которая являлась заветной мечтой американской армии с момента вступления США в войну. Когда в июне 1917 г. в Европу прибыли Першинг и его штаб, то взоры их устремились на С.-Миель, а все мысли были поглощены находящимся за ним Мецом. Они знали, что британцы всецело заняты операциями во Фландрии и в северной Франции, в районе, который несмотря на все его недостатки (главным образом, грязь), был ближе всего к их базе и давал им кратчайшие сообщения с портами канала. Все наступательные операции французов проводились на участке к северу от Парижа, и вполне есте-

ственно, что французы все свои усилия сосредоточивали для прикрытия своей столицы.

Поэтому выбор этого восточного сектора, обращенного к Мецу и фланкировавшего Мец, являлся вполне естественным для американцев: он меньше всего совпадал с коммуникационными линиями союзников и лучше всего был связан с базами американцев, расположенных в Бискайском заливе. Более того, сектор этот явно представлял собой наиболее уязвимое место для германцев, так как достаточно было проникнуть в этом направлении на небольшую глубину, чтобы поколебать устойчивость всего фронта германцев во Франции, образовавшего широкую, выдававшуюся к югу дугу между Верденом и Ипром. Перерезка восточного конца важной рокадной железной дороги Мец—Мобеж означала не только ограничение свободного передвижения резервов и работы снабжения, но также, что еще важнее, угрожала бы флангу всех последующих позиций германцев, на которые армии их смогли бы отступать вплоть до самой границы. Далее, такой удар обещал и важный экономический результат, именно освобождение металлургического района Бриэ и угрозу Саарскому бассейну, от которого главным образом зависели германцы в отношении производства огнеприпасов. Таким образом ликвидация выступа фронта у С.-Миель являлась не только необходимой предпосылкой для успешного наступления, но и удобной для первой боевой пробы новой армии частной операцией.

Американские экспедиционные войска были больше, чем британцы, склонны беречь свои силы, пока они вполне не созреют для боя. Прошел год, пока американская армия стала готова; за это время германцы вели наступления на других участках фронта. Только в августе 1918 г., когда прилив германцев стал спадать, Першинг получил возможность собрать свои распыленные дивизии (которые как раз и помогли сломать наступление германцев) и образовать из них первую целиком американскую армию. Но и при этом армии приходилось в отношении большинства своей артиллерии зависеть от французов, а в отношении части своей авиации — от французов и британцев.

24 июля командующие союзными армиями собрались в Бомбоне, чтобы обсудить свои предстоящие действия. Результаты этого совещания были очень скромны. Фош не хотел заглядывать далеко вперед и просто предложил серию местных атак с целью лучше обезопасить свои рокадные железные дороги. Первая из них была проведена 8 августа перед Амьеном. Выявившееся при этом со всей трагической очевидностью распространение среди германских войск морального разложения изменило всю картину. 11 августа новый, только-что сформированный штаб 1-й американской армии отправился в район С.-Миель и там набросал план, преследовавший значительно более честолюбивые цели, чем те, о которых говорили в Бомбоне: от освобождения рокадных железных дорог перешли к непосредственной угрозе германцам. Собирались не просто выпрямлять дугу, но прорвать ее основание, где проходила позиция «Михэль» — внутренняя пгерада, устроенная германцами против всякого внезапного прорыва фронта. План,

разработанный генералом Хуг Друм — начальником штаба армии, предвидел использование 15 американских дивизий, каждая в два раза сильнее французской или британской дивизии, и 4 французских. Першинг одобрил план 15 августа, а Фош — два дня спустя. При этом Фош не только добавил еще 6 французских дивизий, но и расширил фронт атаки, предложив «нанести самый мощный удар и обеспечить наибольшие результаты».

Но 30 августа Фош приехал в главный штаб американцев в Линьи-ан-Барруа с совершенно иным планом. Изменение было вызвано вмешательством Хейга. Атака 8 августа и последовавшие удары дали ему твердую уверенность в падении боеспособности германцев; поэтому, не считаясь с осторожными советами английского правительства, Хейг теперь рвался проверять на деле правильность своих суждений и готов был поставить на карту свою репутацию, пытаясь организовать штурм позиции Гинденбурга, сильнейшей на всем германском фронте. Но Хейг все же хотел уменьшить риск поражения и увеличить шансы на успех. Поэтому он уговаривал Фоша изменить направление удара американцев с тем, чтобы атака их быстрее и сильнее сказалась на германских армиях, стоявших против британцев, вызвала среди них замешательство и облегчила бы его задачу. Наступление британцев также помогло бы американцам.

Фош охотно позволил себя уговорить и убедить доводами Хейга, так как в этом случае расширялся бы и его горизонт. Фош чувствовал теперь, что вместо 1919 г. можно будет окончить войну в 1918 г. И это оптимистическое убеждение заставило его сменить свою новую систему последовательных атак на различных направлениях на одновременное общее наступление: «Tout le monde à la bataille». [1]

Этим наступлением он, видимо, надеялся не только надломить сопротивление германцев, но даже уничтожить германские армии, охватив их смыкавшимися зубцами клещей атаки: британцами, с одной стороны, и американцами — с другой. Когда спросили мнение Петена, последний вполне благоприятно отозвался о новом плане, так как он обещал привлечь к каждому из флангов атаки германские резервы и в центре оставить дорогу свободной. Итак, когда Фош приехал в Линьи-ан-Барруа, он предложил план операции у С.-Миель ограничить просто ликвидацией выступа фронта. Эта операция должна была быть подготовительной и обеспечить тыл главного удара американцев, который развивался бы теперь к северо-западу в направлении на Мезиер, взамен предполагавшегося ранее удара к северо-востоку на Мец. Фош далее предложил, чтобы армия Першинга действовала на более легкой местности к западу от Аргонн, а другая франко-американская армия, возглавляемая французским командующим, повела атаку на более трудном секторе между Аргонским лесом и р. Маас. Затем он предложил прикомандировать к генералу Першингу в качестве помощника и руководителя его тактических решений генерала Дегутта.

[1] «Все в бой». — Прим. пер.

Перемена плана явилась для Першинга ударом, а остальные предложения Фоша — оскорблением. Беседа протекала в весьма оживленных тонах, и атмосфера раскалялась. Фош намекнул, что он обратится за поддержкой к президенту Вильсону. Угроза эта произвела на Першинга слабое впечатление. Фош обвинял Першинга. что он пытается улизнуть от участия в предполагаемом бою, а Першинг возражал, что он готов исполнить свой долг и сражаться «как американская армия». Фош иронически заметил, что даже для операции у С.-Миеля Першинг не мог собрать целиком американской армии и должен зависеть от своих союзников в отношении артиллерии, танков и авиации. Першинг парировал этот удар напоминанием, что, именно повинуясь настояниям союзников, американцы в течение весеннего кризиса грузили лишь пехоту и пулеметы.

Фош разумно сложил на этом оружие и уехал, оставив Першинга «переваривать» все эти предложения. Подумав, Першинг на следующий день написал письмо Фошу. Он признавал потенциальную ценность наступления, сходящегося в одну точку, но останавливался на трудностях, связанных с участием в нем американцев.

«Со времени нашего прибытия во Францию наши планы... базировались на организации американской армии на фронте С.-Миель — Бельфор. Все наши склады, госпитали, учебные пункты и другие учреждения размещены с учетом именно этого фронта и теперь не легко менять планы».

Затем он останавливался на втором предложении Фоша, утверждая, что:

«Союзникам гораздо удобнее в данный момент временно снабдить американскую армию необходимыми ей службами и вспомогательными средствами, чем итти на дальнейшие задержки, выжидая организации целиком американской армии».

Першинг не старался скрывать своего недовольства относительно сужения атаки С.-Миель и утверждал, что вместо переброски своих сил сразу же на участок Маас — Аргонны лучше полностью развить атаку С.-Миель, а позднее, если понадобится, организовать новую атаку в районе Бельфора или Линевилля. Не учитывая еще возможной победы Антанты этой осенью, он писал:

«Эти атаки совпадают с намерением американцев взять на себя в «январе и феврале» оборону сектора от С.-Миель до Швейцарии». «Все же,— говорилось дальше,— ваше дело решать о стратегической целесообразности операций, и я полагаюсь на ваше решение».

В одном вопросе Першинг оставался непреклонен.

«Я не могу больше согласиться ни на один план, который повлечет за собой дробление наших соединений». «Короче говоря, ни наши офицеры, ни бойцы не согласны больше, после одного опыта, итти на включение в состав других армий»... «Слишком велика опасность подорвать таким распылением частей отличный дух американских солдат». «Если вы решите исполь-

зовать американские войска для наступления на Мезиер, я иду на это решение, хотя оно и усложнит работу моего тыла и обеспечение моих больных и раненых, но я категорически настаиваю на том, чтобы американская армия была использована как одно целое».

Результатом этого письма явилось 2 сентября совещание между Фошем, Петеном и Першингом, на котором Першинг отказался от своего плана и согласился на участие в плане Фоша, а Фош уступил настоянием Першинга, согласившись на единство американцев. Уступка у него была вырвана собственным признанием, что без американцев правая половина его клещей будет слаба и недостаточно энергична. А так как Першинг предпочитал атаковать восточнее Аргонн ,где ему легче было наладить работу снабжения, хотя местность и представляла там больше трудностей, пошли и на это его требование.

Единственный вопрос, который оставалось разрешить,— это о С.-Миель. Фош хотел, чтобы общее наступление началось не позднее 20 сентября, а это требовало отказа от атаки у С.-Миель. Першинг и его штаб напротив решили, что они должны прежде всего отрезать клин у С.-Миель, чтобы обезопасить тыл своего наступления на фронте Маас — Аргонны. Опять уступили их требованиям. Но это означало, что они не смогут во-время перебросить свои дивизии с одного сектора боя на другой и что придется при Маас-Аргонском наступлении использовать часть сырых дивизий. В результате атака у С.-Миель опоздала против плана на 2 дня, а наступление Маас — Аргонны — на 6 дней.

Каждое из этих наступлений мешало другому, причем последствия этого были не простыми, а сложными. Во-первых, это отразилось на построении фронта атаки американцев: взамен имевшихся в распоряжении 15 двойных американских дивизий в атаке было использовано только 7 дивизий. Хотя это было более чем достаточно для выполнения поставленной задачи, обеспечивая американцам численное превосходство 8 : 1, но силы их были распределены чрезвычайно любопытно. Дело в том, что наряду с 6 дивизиями (в том числе 2 регулярных), образовавшими правую половину клещей, левая половина состояла всего лишь из одной национальной гвардейской дивизии. В результате, взамен охвата всего расположения германцев, левый фланг оказался сильно потрепанным, вследствие чего пришлось резко ограничить поставленные ему цели. Фош, конечно, предлагал совсем отказаться от атаки левым флангом.

Подробно план американцев заключается в следующем: I корпус Лиджета на крайнем правом фланге близ основания дуги и IV корпус Дикмана должны были в 5 час. утра атаковать восточную часть дуги. Лиджет должен был 82-й дивизией провести у основания дуги демонстрацию, а на его левом фланге 90-я, 5-я и 2-я дивизии должны были броситься вперед, чтобы быстро достигнуть основания дуги. Слева рядом с корпусом Лиджета в атаку шли 89-я, 42-я и 2-я дивизии Дикмана. В 8 час. утра 26-я дивизия IV корпуса Камерона должна была развить удар против западной части дуги, чтобы протянуть руку 1-й дивизии. Между тем фран-

цузы соответственно должны были нажимать на центр дуги, чтобы сковать здесь оборонявшихся, пока наступлением с флангов не будет отрезан путь отхода.

Но германцы неделями обдумывали такую возможность и готовились преждевременным отходом сорвать наступление американцев. И когда 12 сентября американцы двинулись в атаку, то германцы фактически еще ночью начали свое отступление. Этот факт привел к язвительным разговорам о С.-Миель как о «секторе, где американцы сменили германцев». Хотя в этом определении и есть некоторая доля правды, но это отступление германцев не в пример более крупным, проведенным в 1917 г. стратегическим отступлениям на позицию Гинденбурга, оказалось невыгодным для тех, кто его задумал. Хотя германское командование хорошо знало о неминуемом ударе, причем германцы не вводились в этом случае в заблуждение намеками на атаки в других местах, оно слишком долго раздумывало, прежде чем принять решение, а, приняв его, не спеша проводило к нему подготовку. Поэтому удар американцев захватил их в тот момент, когда часть германской артиллерии была уже оттянута назад, и хотя большая часть американской артиллерии (2 971 орудие, преимущественно французских) била впустую, поражая брошенные противником окопы, часть дальнобойных орудий все же на некоторых дорогах накрыла отступавших германцев. Более того, сравнительная краткость бомбардировки, обязанная, главным образом, настояниям Лиджета, стремившегося во что бы то стало обеспечить внезапность, помешала германцам, отступая, выиграть большую дистанцию. А быстрая атака 2-й и, главным образом, 42-й американских дивизий сорвала планомерный отход германцев.

Но план Першинга был недостаточно гибким. До полудня дивизии Лиджета уже прошли поставленные им конечные цели данного дня, а несколько позднее достигли и целей второго дня атаки — высот севернее Тиокура.

Быстрота наступления этих дивизий увеличивалась указаниями, данными Лиджетом о том, чтобы соединения развивали свой натиск, пока это представляется возможным, не задерживаясь равнением на соседей. Германцы, потрясенные быстрой атакой и лишенные поддержки своей артиллерии, фактически не оказывали американцам никакого сопротивления. Но Першинг чувствовал себя связанным инструкциями Фоша и не удовлетворил просьбу Лиджета о дальнейшем скачке вперед, которой мог бы прорвать позицию «Михэль». Корпуса Дикмана и Камерона, наступая по сходившимся направлениям, достигли поставленных им целей с той же легкостью. Но затем, слишком крепко держась за юбку «няни» Першинга, они остановились и стали ждать дальнейших его приказов.

Когда было уже слишком поздно, Першинг попытался развить представившиеся возможности. Но если пути отступления германцев, ведшие от фронта в тыл, были забиты, то не меньше были забиты и дороги американцев внутри выступа. Приказы Першинга корпусам Дикмана и Камерона о продолжении наступления настигли войска лишь к ночи. И пока мешок окружения был стянут

встречей обоих американских корпусов, происшедшей на следующее утро в Виньелле, из 40 000 — 50 000 отступивших германцев из мешка окружения выскользнули почти все.

Но Лиджет захватил более 5 000 пленных, а два остальные корпуса вместе с французами взяли примерно столько же при первоначальной атаке. Общий же итог достигал 15 000 пленных и что еще замечательнее 433 орудий.

Атаковавшие заплатили за это около 8 000 бойцов. Хотя этот результат и не мог полностью удовлетворить американцев, но они могли утешить себя тем, что их первая самостоятельная попытка не отстала от прошлых наступлений их союзников в неумении пожать плоды первоначального успеха.

В течение 13-го и 14-го числа Дикман и Камерон, чтобы выйти на один уровень с армией Лиджета, заходили, имея между собой французский и 2-й колониальный корпуса, фронтом к позиции «Михэль». Затем бой оборвался. Единственное значительное столкновение имел корпус Лиджета, который нарвался на контратаку противника из-за слишком опасного направления своего наступления. Противник был согласен эвакуировать дугу, но он не собирался позволить пройти за ее основание.

Но что же случилось, если бы Першингу не помешали выполнить первоначально задуманный им план? Без сомнения громадным облегчением для германцев явилось то, что Першинг не стал развивать достигнутого успеха. Опять-таки бесспорно, что дальнейшее наступление Першинга в этом же направлении было германцам страшнее направления Маас-Аргонского наступления.

Личное мнение Першинга на этот счет достаточно выразительно:

«Без сомнения немедленное продолжение наступления вывело бы нас далеко за позицию Гинденбурга (позиция «Михэль» была довеском к главной Гинденбургской позиции, и возможно привело бы в Мец».

Дикман высказался еще резче:

«Отказ от удара к северу от С.-Миель при нашем подавляющем превосходстве сил всегда будет расцениваться мной как грубейшая стратегическая ошибка, вину за которую всецело несет маршал Фош и его штаб.

Это — яркий пример ошибочности политики ограниченных целей»...

С другой стороны, Лиджет, быть может наиболее здраво и реально мысливший человек во всей американской армии, заявил:

«По моему мнению возможность захвата Меца и все остальное, если бы бой проводился по первоначальному плану, имели бы место лишь при той предпосылке, что наша армия представляет собой хорошо смазанную и вполне слаженную машину. На самом же деле это было далеко не так».

Лиджет также указывал, что хотя атака между р. Маас и Аргоннами явилась для германцев большой неожиданностью, но они смогли настолько быстро подбросить сюда свои резервы, что уже на третий день закрыли первоначальный прорыв. И даже если бы

удалось овладеть позицией «Михэль», то наступление с этой позиции натолкнулось бы, особенно на правом фланге, на новые препятствия, которые представляли собой укрепления Меца.

Знаменательно также зрелое суждение генерала ф.-Гальвица, командовавшего германской армейской группой, по которой пришелся удар американцев:

«Я считаю, что не могло быть и речи о захвате противником позиции «Михэль». Чтобы захватить эту позицию, понадобилась бы новая операция, проводимая в крупном масштабе».

Необходимо учесть, что Першингу для достижения действительных результатов пришлось бы по крайней мере дойти до отрезка железной дороги Лонгюйон — Тионвиль, проходившего в 20 милях за позицией «Михэль», а затем пройти достаточно глубоко за эту железную дорогу, чтобы прервать и железную дорогу от Лонгюйон в тыл через Люксембург.

Это потребовало бы наступления, которое развивалось быстрее и проникало бы глубже, чем это удалось любому из наступлений союзников на Западном фронте. С неопытной и необстрелянной армией это, конечно, являлось тщетной надеждой.

Имеется все же один фактор, на который критика не обратила должного внимания и который давал первоначальному плану Першинга особое преимущество. Почти каждая попытка к прорыву в мировой войне основывалась на идее проникновения на одном направлении. Среди немногих исключений можно указать на одновременные атаки в Артуа и Шампани 25 сентября 1915 г. Но хотя по форме это и был двойной прорыв, все же на деле эффект его выражался в двух отдельных ударах, так как участки атак были слишком удалены друг от друга, чтобы вызвать быстрое оседание и размыв промежуточного участка фронта. Согласно новому плану Фоша сходившиеся в одну точку атаки, у Аргонн и Камбрэ, имели ту же самую видимость двойственности, но пространственно были еще больше разделены.

Двойственность ударов является самой сущностью военного искусства, хотя, как это ни странно, об этом часто забывают.

Каждый признает преимущества, которые имеет боксер легкого веса, пользующийся в борьбе двумя своими кулаками против однорукого, хотя и более сильного противника. Так и на войне. Способность пользоваться двумя кулаками является бесценным преимуществом. Защищаться одной рукой и бить другой — выгодно, но еще выгоднее уметь менять руки и превратить защиту в убийственный выпад, если противник случайно откроется для удара с этой руки. Опять-таки нельзя двойственность ограничивать лишь применением сил для удара. Должна быть двойственность и в целях нападения (блестящим выразителем такой тактики являлся Шерман). Только тогда удается все внимание противника приковать к разрешению одной дилеммы и, пользуясь этим, схватить его за горло. Надо ввести противника в заблуждение и затем поразить его внезапностью. Например, если противник сосредоточит все свои усилия на защите одного объекта, то атакующий сможет овладеть другим объектом.

Только при этой гибкости в постановке себе целей мы сможем верно приспособиться и наилучшим образом использовать в своих интересах изменчивую обстановку войны.

Переходя от общего к частному, мы должны признать, что выступ фронта у С.-Миель давал возможность почти в идеальных условиях испробовать новый метод двойного прорыва. Если бы два мощных удара прорвали фланги дуги и, что еще лучше, прорвали бы также фронт справа и слева от этой дуги, то оборона в центре раскололась бы, возникли бы паника и хаос и защитники были бы легко захвачены.

Сквозь рухнувший центр были бы брошены свежие силы, и дорога вперед была бы им открыта, а фланги надежно защищены. То, что мы знаем о несовершенстве германских укреплений на хорде этой дуги и о времени, потребовавшемся германцам, чтобы полностью укрепить и занять эти позиции, позволяет нам притти к заключению, что 12 или, наконец, 13 сентября атакующим удался бы прорыв этих позиций на широком фронте.

В меньшем масштабе атака, поскольку она продвигалась вперед, фактически осуществила это, но затем фланги наступления задержались, а в распоряжении не было свежих сил, чтобы бросить их сквозь центр.

Как далеко сумели бы американцы вообще пройти вперед? Основное здесь — не германская оборона или обороняющиеся, а работа снабжения атакующего, работа его тылов. Заторы на дорогах и транспортные затруднения, сильно сказавшиеся уже при этом ограниченном наступлении, не воодушевляют на благоприятный ответ. Скорее результаты должны были оправдать мнение Лиджета и слова Наполеона, что с новой армией можно захватить крепкую позицию, но нельзя провести оперативный план или замысел. А последние недели войны показали, что даже закаленные армии не смогли разрешить задачу бесперебойной работы снабжения, которая обеспечивала бы длительное наступление, даже в условиях почти полного отсутствия сопротивления врага. Когда на сцену выступает «количество», обычно теряется «качество».

8. Маас-Аргонский кошмар

(Схема 23)

Хотя Маас-Аргонская операция по масштабу крупнее атаки у С.-Миель, но значение ее меньше. Стратегически и исторически эту операцию можно расценивать как приложение к незаконченной и частично ненаписанной истории С.-Миеля.

Во-первых, цель, на которой было построено это сражение, была скорее идеалистической, чем реалистической. Она основывалась на мысли, что Арденны образуют непроницаемую стену, подпиравшую фронт германцев во Франции, и что если союзникам удастся достигнуть Арденн и преградить выходы из них к востоку и западу, то на этом участке они отрежут германские армии. Но непроходимость Арденн слишком преувеличивалась, причем особенно сильный упор на это делал Хейг в своих донесениях.

Фактически Аргонны прорезывались бесчисленными путями и несколькими железными дорогами. Поэтому преграждение выходов на востоке и западе могло затруднить отступление германцев, но угроза этому отступлению создавалась лишь в том случае, если бы наступавшим удалось быстро достигнуть поставленных себе целей. Как всегда на войне, все зависело от важнейшего фактора — времени.

Чтобы достигнуть рокадной железной дороги на секторе Маас—Аргонны, американцы должны были пройти 30 миль. А чтобы на-

СХЕМА 23

ступление это оказалось действительным, им пришлось бы двигаться быстрее, чем на секторе С.-Миель, так как удар здесь имел целью отрезать главные силы германцев вместо того, чтобы, как это намечалось при ударе у С.-Миель, отбросить их к границе.

Попытка и расчеты были в корне нереальны. Чтобы пройти эти 30 миль трудной местности, войскам надо было вначале прорвать фронт германцев, но затем в 8 милях за этим фронтом их встретили бы нетронутые укрепления части позиции Гинденбурга — оборонительная полоса «Кримгильда». Першинг мог полагаться на качество своей необстрелянной армии, но надеждам его, как и надеждам французов в 1914 и 1915 гг., суждено было разбиться о неприступность пулеметов обороны. Петен, хотя и переоценивал

эффект других факторов, в этом случае был ближе к действительности, предсказав, что американцы, пожалуй, к зиме пройдут треть намеченной ими дистанции. Это примерно было столько, сколько фактически американцы и прошли. Затем они застряли, пока другие факторы, не учтенные Петеном, не помогли им сдвинуться с места.

Во-вторых, Маас-Аргонское наступление не привело к цели, намеченной Хейгом, ради которой Першинг пожертвовал своим собственным планом. Дело в том, что атака левого фланга прорвала часть позиции Гинденбурга на участке Камбрэ—С.-Кентен (кстати, это была наиболее сильно укрепленная часть позиции), прежде чем наступление американцев успело отвлечь с фронта британцев хотя бы одну германскую дивизию. Таким образом результаты оправдали уверенность Хейга, но не его осторожность, доказав, что британские войска оказались в состоянии совершить прорыв и без косвенной помощи американцев, чтобы расчистить дорогу их наступлению. Сила германской обороны была сведена к нулю моральной неустойчивостью оборонявшихся.

Ирония увеличивалась еще и тем, что на левом фланге 57 германских дивизий противостояли атаке 40 британских и 2 американских дивизий, тогда как на правом фланге имелось лишь 20 германских дивизий, и эти дивизии выдерживали натиск 13 американских и 31 французской дивизии, что в общем равнялось по меньшей мере обычным 60 дивизиям!

Разница в результате атак левого и правого флангов частично может быть объяснена различной степенью опытности войск, а отчасти и различием в условиях проведения атак. Атака левого фланга началась, когда британцы находились почти вплотную у позиции Гинденбурга. На правом же фланге американцы должны были сначала овладеть целым рядом укреплений, эшелонированных в глубину; лишь после этого они могли бы перейти к атаке позиции Гинденбурга. Но прежде чем они ее достигли, атака их выдохлась.

Поэтому, хотя упорные штурмы американцев, за которые они расплачивались дорогой ценой, и заставили германцев снять еще 16 дивизий с французского фронта и перебросить их сюда, но стратегический эффект атак американцев был невелик.

Французы, находившиеся в центре, острым стратегическим чутьем правильно оценили, что решающие результаты зависят от быстрого проникновения и смыкания клещей охвата, а потому не ускоряли отступления стоявших перед ними германцев. Искусно наступая, французы обычно на несколько шагов держались позади уровня наступления своих союзников на флангах, продвигаясь вперед последовательными скачками, когда надо было несколько оттеснить противника.

В течение первых двух лет войны французы на своих плечах выносили всю тяжесть боев. Хотя французские командиры медленно и с трудом выучились экономить жизни, но зато теперь они (в еще большей степени—сами бойцы) хорошо усвоили этот урок.

Быть может даже слишком хорошо! Но не дело было тем, кто пришел на войну к ее закату, жаловаться на чрезмерную осторож-

ность и самосохранение французов, которые с самого начала войны страдали под ее палящим зноем.

С другой стороны, критика неожиданно быстрой остановки Маас-Аргонского наступления склонна была недооценивать все невыгоды, связанные с исключительной «свежестью» участвовавших в ней войск. Неприятность была не в том, что войска были слишком свежи. Хуже было то, что вся подготовка к операции была слишком «свежа».

Американцы фактически имели на подготовку даже меньше недели, что представляло собой разительный контраст с месяцами подготовки предшествовавших французских и британских наступлений 1915, 1916 и даже 1917 гг. Даже теперь, когда боевая мощь германцев и их «дух» значительно упали, такая поспешность требовала сверхчеловеческого напряжения от любых войск. В данном случае эти требования предъявлялись к новым войскам и к новой, сырой, несработавшейся организации. Общественное мнение может жаловаться на частоту, с которой американская военная машина застопоривалась.

На самом же деле удивительно, как вообще она не развивалась и как американцам удавалось сравнительно быстро ее чинить и вновь пускать в ход!

К чести главного командования надо отнести и то, что начальной атаке в достаточной степени была обеспечена внезапность. Этот успех обязан в значительной мере искусству разведывательного отдела американской армии, создавшего дальше к востоку, близ Вогез, прямо художественный мираж наступления.

Когда было развито настоящее наступление, то весь фронт атаки (протяжением в 40 миль) удерживался только 5 германскими дивизиями далеко не полного боевого состава, составленными, за исключением одной, из низкосортных войск. Против них были брошены 9 американских дивизий, а еще 3 дивизии находились в ближнем резерве. Это давало численное соотношение сил более 8 : 1. В армейском резерве было еще 3 дивизии. Учитывая трудности, связанные с отступлением и переброской войск с С.-Миельского сектора, вначале из этих дивизий могла быть использована только 1 регулярная, а из всех участвовавших в операции соединений только 3 дивизии имели предварительный боевой опыт.

Атака была предварена 3-часовой интенсивной бомбардировкой, в которой участвовало 2 700 орудий; сопровождалась атака 189 малыми танками. Знаменательно отметить, что здесь пропорция этих танков значительно больше, чем в прежних наступлениях союзников 15 июля и 8 августа. Интересно также указать, учитывая намек Першинга перед С.-Миельским наступлением, сделанным им Фошу, что вся артиллерия была французская и наполовину обслуживалась французами. На 47 танках также были французские экипажи.

План Першинга был самонадеян и бил по далеким целям. План этот, конечно, нельзя упрекнуть в ограниченности или близорукости, так как ожидалось, что атакующие части достигнут и прорвутся сквозь позицию «Кримгильда» в первый же день, пройдя свыше 8 миль, и ночью же разовьют свой успех, чтобы следую-

щее утро встретило их уже на открытой, незащищенной местности, примерно на полпути к Седану и рокадной железной дороге. К несчастью, приказы Першинга никак нельзя было считать ясно и точно сформулированными.

Фош в личной записке намекнул, что американская армия не должна позволить связать себя скоростью продвижения своего соседа — 4-й французской армии Гуро, и добавил:

«Не может быть и речи о том, чтобы для перехода определенных рубежей ожидались соответствующие приказы. Такие стесняющие указания мешают полному использованию представляющихся возможностей...».

Но приказы Першинга его корпусам как раз и отличались этой тенденцией, как бы далеки ни были поставленные им цели. III корпус Булларда справа и I корпус Лиджета слева должны были вклиниться на обоих флангах командующей высоты Монфокон, помогая этим наступлению V корпуса Камерона в центре, который должен был преодолеть Монфокон и наступать дальше к Кримгильдской позиции, «не ожидая наступления III и I корпусов».

Это указание было разумным, но менее удачно было то, что наступление III и I корпусов должно было «базироваться по наступлению V корпуса». В этом и был зародыш паралича наступления.

Когда атака развилась в 5 час. 30 мин. утра 26 сентября, V корпус наступал значительно медленнее своих соседей, лишь левофланговая дивизия корпуса (91-я) являлась здесь счастливым исключением. Справа V корпуса 4-я (резервная) дивизия корпуса Булларда проникла далеко вглубь за высоту Монфокон. Хорошо наступали вдоль р. Маас и 80-я и 33-я дивизии. На левом фланге армии, где местность представляла наибольшие трудности, а задача, поставленная войскам, была наиболее сложной, приказы Лиджета подготовили почву для удачного начала. Так, 35-я дивизия охватывающим наступлением овладела значительным препятствием — Вокуа, а затем с 28-й дивизией, наступавшей левее, проникла вглубь почти на 4 мили в долину Эр — восточнее Аргонского леса. Через самый лес шла 77-я дивизия, имевшая сложную задачу: держать связь с французами, наступавшими западнее леса.

Но затем распоряжения Першинга об остановке, по достижении поставленных корпусам целей, сыграли роль тормоза, задержавшего наступление, а после 6-часового отдыха трудно было восстановить прежний темп наступления.

Указания Першинга, целесообразные в условиях чисто позиционной войны, были, как это правильно понял Лиджет, ошибкой, когда приходилось иметь дело со слабым и временно деморализованным противником.

Американцы не имели ни соответствующей подготовки, ни организации для методических «осадных» действий. Лучшие виды на решающий успех могло дать затопление обороны потоком людей, пользуясь первым впечатлением внезапности на противника, пока он не успеет еще подтянуть свои резервы. Когда преждевременно затормозили наступление и тем искусственно приглу-

шили порыв и энтузиазм атакующих, то инерция потерялась, наступление выдохлось и после этого оно продвигалось вперед только судорожными толчками. Не удалось выдвинуть вперед орудий для поддержки наступавшей пехоты, управление потерялось, а снабжение зачастую вовсе отсутствовало, так как неопытность американцев усугублялась в этом отношении естественными трудностями местности.

Все эти факторы помогли успеху применявшейся обычно германцами тактики, имевшей целью вырвать жало атак противника. Германцы повторили свою систему эластичной обороны, организовав действительное сопротивление в нескольких милях за передовыми позициями. Беспечные американцы, ничего не подозревая, попали в искусно сплетенный германцами пояс огня, когда их первоначальный порыв уже несколько выдохся и когда атакующие соединения уже пришли в некоторый беспорядок.

Хотя на второй день операции 79-й дивизии и удалось овладеть Монфокон, V корпус смог выйти лишь на один уровень с корпусами, действовавшими на флангах, так что в этот день все 3 корпуса лишь незначительно продвинулась вперед.

Грандиозное наступление фактически израсходовало уже весь свой «пыл», а в последующие дни прибытие свежих германских дивизий позволило противнику перейти в контратаку и в некоторых местах отбросить разрозненно атаковавшие части, потерявшие взаимодействие.

Возобновленное 4 октября общее наступление дало, за исключением левого фланга, небольшой успех и вновь подтвердило безумие попыток бороться с пулеметами обороны одним голым весом живого мяса, без соответствующей огневой поддержки или защиты, даваемой внезапностью. Качество подготовки американских войск выявилось в действиях 1-й регулярной дивизии корпуса Лиджета. Атакуя, она глубоко вклинилась, правда, на узком фронте, по восточному берегу р. Эн.

Это позволило Лиджету попытаться 7 октября провести оригинальный и смелый маневр: подтянув 82-ю дивизию непосредственно к 1-й, он бросил ее против фланга противника к западу от р. Эн и затем повернул ее на север. Хотя проведение этого маневра в жизнь оказалось намного ниже самого замысла (только десятая часть дивизии участвовала в нем) и потому была потеряна возможность отрезать противника в Аргонском лесу, но угроза этого все же убедила германцев очистить, пока не поздно, лес. К 10 октября фронт американцев продвинулся за лес, и это препятствие перестало, наконец, им мешать!

Между тем очевидная для всех неудача американцев провести свой план вызвала в тылу широкую реакцию. Клемансо посетил Фоша и горько заметил:

«Эти американцы провалят наш шанс на крупную победу еще до зимы. Они помешаны на самих себе. Вы пытались убедить Першинга .Теперь, давайте, обратимся к самому президенту Вильсону».

Нельзя сказать, что упреки эти были красивы, тем более, если принять во внимание, что французская армия Гуро наступала зна-

чительно медленнее американцев. Но Фош оказался добрее, или он лучше отдавал себе отчет в неприступности позиций Першинга. Он ответил:

«Надо же когда-нибудь американцам поучиться, а теперь они быстро осваиваются».

Петен пришел к стратегически здравому решению — поручить сектор Аргонского леса отдельной армии,— наполовину французской, наполовину американской,— поставив во главе ее генерала Гиршауера. Но Першинг увидел в этом новый политический маневр и твердо его отклонил.

Першинг занялся ремонтом своей армии и пересмотром своего командного состава.

Бездействовавшие части восточнее р. Маас были сведены во 2-ю американскую армию. Во главе ее был поставлен Буллард. Лиджету же поручили 1-ю армию и проведение Маас-Аргонского наступления. Сам Першинг оставил за собой общее руководство обеими армиями, а Хуго-Друма дал в качестве начальника штаба Лиджету. Дикман сменил Лиджета в командовании I корпусом. Булларда сменил Гин, а Камерон был заменен Суммераллем. Остальные командиры падали под карающим мечом Першинга почти с такой же быстротой, как бойцы их соединений падали под косой германских пулеметов.

В течение некоторого времени все эти перемены производили мало впечатлений на германцев. И следующее наступление 14 октября почти ни к чему не привело, хотя обошлось дорого: на поле боя осталось много не только бойцов, но и генеральских репутаций.

После этой неудачи даже главное командование поняло, что наступлению пришел конец. Попытка продолжать натиск с измотанными частями и приведенными в полный беспорядок коммуникациями не могла обеспечить достаточной мощи удару, чтобы он явился реальным облегчением для действий других союзных армий. Тем более, что британский левый фланг наступления союзников, в котором принимали участие 27-я и 30-я американские дивизии, уже прорвался сквозь последние укрепления позиции Гинденбурга и к 5 октября вышел на открытую, свободную местность. В дальнейшем его наступлению могли мешать лишь естественные препятствия, расстояние и опустошенная местность.

Лиджет, получив руководство американской армией, оказался достаточно умен, чтобы сообразить, что в данной обстановке лучше остановиться и привести в порядок свои войска и лишь затем, как только это окажется возможным, наверняка двинуться вперед, а не жертвовать, как сейчас, бесцельно жизнями в попытках достигнуть явно невозможного.

Используя эту передышку не только, чтобы пополнить свои ряды и наладить работу снабжения, но и для того, чтобы улучшить свои коммуникации и пересмотреть свою организацию, Лиджет одновременно провел ряд местных операций, обеспечивших ему хорошую исходную позицию для следующего броска вперед.

Затем он пересмотрел не только тактику, но и план операции.

Першинг предлагал вначале развить удар левым флангом американцев, за которым последовал бы в свою очередь удар остальных корпусов, находившихся правее. Это означало завязку боя на сильной по своему естественному характеру и перерезанной крупными лесами местности Буа-де-Бургонь, к северу от Аргонн, где и численно противник был сильнее всего. Лиджет предпочел забить широкий клин в центре и, таким образом, охватить фланг леса Буа-де-Бургонь, угрожая окружить его и сочетая этот маневр с наступлением французской 4-й армии к западу.

Маневр этот был хорошо задуман, и когда 1 ноября Лиджет бросил в наступление свои войска, только один этот участок и оказывал сопротивление. А на следующий день арьергарды противника исчезли и оттуда, отступая с той же быстротой, как и другие германские части на остальных участках наступления американцев. Хотя германцы оказывали слабое сопротивление, но быстрота, с которой велось преследование, обгонявшее наступление французов на фланге, вызывала у войск большое напряжение. Военная машина 1-й армии работала значительно ровнее прежнего. Этому она всецело была обязана реорганизации, проведенной Лиджетом. Это было действительно так, несмотря на проведение армией чрезвычайно сложного маневра, при котором вся она постепенно должна была при преследовании зайти вправо и изготовиться к наступлению в северо-восточном направлении на сильную позицию между реками Маас и Шьер, на которую отошли германцы. Это захождение являлось введением к наступлению на Мец, но перемирие опустило над ним занавес.

В стратегическом отношении это наступление было бы важнее, так как германцы были особенно чувствительны к этому направлению. Оно было бы значительно серьезнее, чем теперешний случайный подход левого фланга союзников к кусочку рокадной железной дороги Кариньян — Седан, которая уже 3 ноября обстреливалась артиллерийским огнем, а 4 дня спустя ее достигла и пехота; но германцы уже ускользнули отсюда. Наступление вплоть до Седана являлось, конечно, волнующим и радостным финишем, но оно было показательно и с точки зрения выявления тех «вольностей», которые имели место при розыгрыше этого финиша.

Грубо и не считаясь с чувством французов, Першинг прислал директиву, что он желает, чтобы «честь вступления в Седан» выпала на долю американской армии, хотя Седан лежал теперь в полосе наступления французов. Першинг добавил следующее поощрение, вернее побуждение: «Разграничительные линии не должны являться препятствием». Эта директива была передана корпусам, даже без уведомления о ней Лиджета. В итоге 42-я дивизия со всех ног пустилась на левом фланге армии к Седану. Но обычная для Першинга неясность терминологии привела к еще менее уместным, просто комичным результатам. 1-я дивизия, любимица Першинга (в составе корпуса, наступавшего в центре) так же наперегонки бросилась к Седану, выступив ночью. Попав в полосу наступления дивизий I корпуса и стремительно буйно пройдя сквозь них, она внесла смятение и беспорядок. Венец всей этой

комедии заключался в захвате в плен этой дивизией командира 42-й дивизии. Вмешался Лиджет, который решительными действиями и энергичными словами навел порядок. Он сдержал обе дивизии и галантно позволил французам первыми вступить в Седан, загладив, таким образом, горькую память 1870 г.

Историк, обозревающий весь горизонт мировой войны, должен признать, что это последнее наступление, начавшееся 1 ноября, не сыграло решающей роли. Оно оказало лишь дополнительное влияние. Дело в том, что Людендорф потерял авторитет и власть (просьба его о новом сопротивлении германских армий на границе была отклонена), а германцы искали мира еще до удара, развитого Лиджетом. Все же было хорошо, что перемирие задержалось настолько, чтобы позволить союзникам организовать свое наступление 1 ноября. Это явилось противоядием горьким воспоминаниям о первой фазе, вернее первом бое Маас-Аргонской операции и доказательством того, что американская армия, очищенная в горниле боя и отточенная опытом, могла показать образцы командной и штабной работы, достойные геройских жертв ее войск.

ЭПИЛОГ

Ежегодно в день перемирия всплывают такие чувства и воспоминания, которые не появляются ни в один другой день года. Для тех, кто на себе испытал опыт этих 4½ лет борьбы, воспоминания не располагают к повторению. Настроения же, при которых этот день вспоминается, подверглись за истекшее время значительным изменениям. В день самого перемирия вздох облегчения вырвался из всех грудей, и это было отличительной его чертой. В первые годовщины верх брали два противоположных чувства: с одной стороны, сожаление, когда буря миновала, о тех, кого из наших рядов вырвала война; с другой стороны, торжество, правда, и тогда редко восторженное, но все же повышенное чувство победы, что противник разбит. И эти настроения прошли.

Теперь день перемирия стал скорее днем воспоминаний, чем чествований. Война стала историей и может рассматриваться в исторической перспективе. Хорошая сторона войны в том, что она углубила чувство товарищества и общности интересов как внутри наций, так и между нациями. Хорошо или плохо, но она подорвала наше «идолопоклонство», наше убеждение, культивирующее «героев», будто великие люди сделаны из другой глины, чем простые смертные. Полезно было и для истории и для будущих поколений, что последнее десятилетие увидело такой поток откровений и показаний очевидцев, документов и мемуаров. То, что большинство участников войны еще живо, является громадным преимуществом, мешая подмене и подтасовке фактов. А сами историки так близко соприкасались с войной, так пропитаны ее атмосферой, что у них получился некоторый иммунитет, не позволяющий им заражаться отвлеченными рассуждениями, которым так легко поддается историк в уединенном кабинете спустя 50 лет после войны.

Мы знаем теперь почти все, что вообще можно знать. Единственной помехой является то, что поток литературы о войне так

обилен, что лишь специально интересующийся военным делом может пуститься на его проработку и изучение.

Что же вызвало изумительный внезапный паралич боевой мощи Германии в 1918 г. и ее сдачу? Что, как чудом (по крайней мере тогда так казалось), сняло чудовищный гнет войны с Европы?

Чтобы притти к удовлетворительному ответу, недостаточно проанализировать лихорадочные недели переговоров и военных успехов, предшествовавших 11 ноября. Даже в чисто военной сфере нам надо вернуться назад к 8 августа — дню, приведшему германское командование к убеждению в неминуемом поражении, и к 18 июля — дню, когда явно почувствовался поворот прилива германских наступлений. Если мы захотим заглянуть еще дальше, то нам придется вернуться к 21 марта, так как нельзя объяснить падение военной мощи Германии, не упомянув об истощении всех ее усилий и о перегорании всех ее военных ресурсов в великой серии наступлений, начавшихся весной 1918 г.

И все же нам придется пойти еще дальше. Несомненно, если историку будущего захочется отметить какой-либо день, который оказал решающее влияние на исход мировой войны, то ему придется остановиться на 2 августа 1914 г., так как Англия фактически начала войну, когда мистер Уинстон Черчилль отдал в этот день в 1 час 25 мин. утра приказ о мобилизации британского флота.

Этому флоту не суждено было выиграть новый Трафальгар, но ему было суждено сделать больше кого-либо и чего-либо для завершения войны в пользу Антанты.

Флот был инструментом блокады. С тех пор как туман войны все более рассеивается под ярким светом послевоенных лет, блокада все резче и резче выявляется на горизонте истории, становясь одним из решающих факторов прошлой борьбы. Блокада была подобна тем «смирительным» рубашкам, которые применяются в американских тюрьмах к непокорным заключенным. Рубашка постепенно стягивается все туже и туже; вначале ограничиваются лишь движения заключенного, затем стесняется его дыхание. Чем туже стягивается рубашка и чем дольше это продолжается, тем сильнее падает способность заключенного сопротивляться и тем больше страдает он от томительного чувства сдавливания.

Беспомощность как правило влечет за собой отчаяние, а история подтверждает, что исход войны решается потерей надежды (но не потерей жизней)! Ни один историк не сможет не оценить прямого влияния полуголодного существования германского народа на последующий взрыв «внутреннего фронта». Но, оставляя в стороне вопрос, насколько революция способствовала военному поражению Германии, посмотрим, как блокада — неизменный фактор борьбы — влияет на все рассуждения о военной обстановке.

Последний год мировой войны усеян бесчисленными «если». Если бы Германия вместо того, чтобы бросить все свои силы и средства в ряд честолюбивых наступлений 1918 г., закрепила свои успехи на востоке, придерживаясь на западе обороны, могла ли она таким образом избегнуть поражения? С военной точки зре-

ция это не вызывает почти никаких сомнений. В свете опыта 1915 г., когда союзники имели на западе 145 дивизий против 100 германских и когда система германских окопов представляла собой хрупкий, мало совершенный бастион, по сравнению с их позициями 1918 г., трудно предположить, что союзникам удалось бы прорвать германские позиции. Пожалуй, это было бы так, даже если бы союзники выждали, пока мощный поток свежих подкреплений, вливаемых Америкой, не вернул бы им то сравнительно численное превосходство, которым они пользовались в 1915 г.

А если это так, то, учитывая все накоплявшуюся цену тщетных атак, не пошли ли союзники случайно на компромиссный мир? Например на мир, который взамен освобождения Бельгии и северной Франции мог уступить Германии часть или все ее завоевания на востоке?

Когда мы задаем этот вопрос и с военной точки зрения затрудняемся ответить на него благоприятно, то нам надо вспомнить о блокаде. Именно мертвая хватка британского флота при отсутствии всяких серьезных шагов к миру со стороны Антанты заставила германцев пойти на эти «самоубийственные» наступления 1918 г.

Германию подогнал призрак медленного истощения, кончающегося полным параличом. Быть может, если бы Германия пошла на такую политику войны, как оборона на западе и наступление на востоке, перейдя к этой политике после Марны в 1914 г. или даже после 1915 г. и продолжая оборону, на которую временно в этом году она перешла, виды ее на будущее были бы более радостными и история сложилась бы иначе. С одной стороны, Германия могла бы тогда несомненно осуществить свою мечту о «Центральной (серединной) Европе», с другой стороны, действие блокады было бы тогда слабее и вряд ли кольцо блокады могло быть стянуто уже, пока Америка не вмешивалась бы в войну. Но к 1918 г. лучшие шансы уже миновали.

Другое важное «если», часто ставящееся на обсуждение, заключается в вопросе: могла ли Германия еще осенью 1918 г. избежать капитуляции? Рухнул ли бы германский фронт, если бы война продолжалась и после 11 ноября? Была ли капитуляция неизбежной или же германцам удалось бы отступить и прочно остановиться на своей границе?

Германцы прямо отвечают на последний вопрос «да» и корят дрогнувший «внутренний фронт». Разумные и чистосердечные люди на стороне Антанты склонны признать, что с военной точки зрения это также было возможно. Но опять-таки вмешивается флот. Даже если бы германские армии и германский народ, поднявшись в сверхчеловеческом усилии на защиту своей земли, остановили на своей границе союзников, конец Германии был бы этим лишь несколько отсрочен. Большее, на что может пойти история, это признать, что если бы германцы туже подтянули свои пояса и держались достаточно долго, то союзникам, уже уставшим от войны, надоели бы новые тщетные усилия и они

пошли бы на более благоприятный для Германии мир, чем тот, который был подписан в Версале.

Рассмотрев все эти «если» и учтя влияние основного фактора, приведшего к миру,— морское могущество Британии, перейдем к изучению непосредственных причин, приведших к миру.

Как была одержана победа?

Большую роль здесь сыграли, конечно, военные действия. Но мы не должны недооценивать и невольную дань, уплаченную германцами за успехи пропаганды союзников, в частности британской пропаганды. В последние периоды войны она умело руководилась и интенсивно развертывалась.

Тем не менее, если мы признаем ценность пропаганды, то действие ее, как это часто подтверждают и германцы, скорее дополняло и завершало военный успех, чем прокладывало ему дорогу. Поэтому все же успех оружия союзников является одной из прямых причин, приведших к капитуляции Германии 11 ноября.

Это заключение, однако, не влечет за собой необходимого или естественного следствия, что к моменту перемирия германские армии были на волоcок от развала. Точно так же отсюда не следует, что заключение перемирия являлось для Антанты ошибкой, как это кое-кто говорил на стороне союзников. Громче других об этом кричали как раз те, кто предпочитал оставаться в тылу, сражаясь лишь языком.

События последних «100 дней» войны, при тщательном их изучении, подтверждают бессмертный урок истории, что основной целью действий на войне является решающее влияние на психику командования и правительства противника, а не на пушечное мясо его армий. Равновесие между победой и поражением зависит от психических и моральных впечатлений и только косвенно— от физических поражений. На войне, как сказал Наполеон и как это повторял Фош, «имеет значение человек, а не люди».

Подтверждение этой великой истины мы находим в последней фазе войны. Как ни велик был воодушевлявший и внешний крупный успех июльского Марнского сражения, остановившего прилив германских армий, Людендорф неуклонно продолжал намечать новые планы и подготавливать свежие наступления. Хотя он и был несколько опечален, однако, он не был в таком отчаянии, как после своих внешне блестящих атак на р. Лис в апреле 1918 г.

Внезапная атака 4 армий у Амьена 8 августа явилась моральным ударом, выведшим германское командование из равновесия. Принц Макс правильно указывает в своих мемуарах на психологическое значение 8 августа, когда он этот день называет «поворотным» пунктом для Германии.

Но даже при этом понадобилось нечто большее, чтобы уверенность в поражении превратить в сознание своей беспомощности, приведшее к капитуляции. Это большее пришло не с Западного фронта, а с побочного, долго пренебрегаемого театра военных действий — Салоник, над которым союзное военное командование давно уже поставило крест и который ядовито был прозван германцами своим «самым крупным лагерем интернированных».

Когда Болгария вышла из строя, оказался раскрытым настежь «черный ход» в Австрию и в Турцию, а через Австрию — и в Германию.

Неминуемый исход войны был решен 29 сентября 1918 г. и решен в сознании германского командования. В этот день «лопнула» уверенность Людендорфа и его помощников, и эхо покатилось в тыл, прозвучав по всей Германии. Ничто не могло больше помешать или остановить его. Командование могло взять себя в руки, военная обстановка могла улучшиться, но моральное впечатление, как и всегда на войне, восторжествовало.

Необходимо, однако, оговориться, что ни одна из причин, взятая в отдельности, не могла быть и не расценивается нами как решающая. Западный фронт, балканский фронт, танк, блокада, пропаганда — все сыграло свою роль в деле достижения победы. Притязания каждого из этих факторов справедливы, ни один из них полностью не прав, хотя блокаде заслуженно следует отвести первое место. В этой борьбе народов победа являлась совокупностью многих факторов, где свое дело сделало оружие всякого рода — военное, экономическое и психологическое. Победа дается и может даться лишь умелым использованием и сочетанием всех возможностей и средств, существующих у какого-либо современного народа для борьбы и вкладываемых им в войну! Дивиденд, выплачиваемый в виде успеха, будет зависеть от методов, которыми будет обеспечено взаимодействие этих разнообразных сил.

Еще бессмысленнее спрашивать, какая страна выиграла войну. Франция не выиграла войны, но если бы она не держалась, пока Британия готовила свои силы, когда вмешательство Америки было еще в проекте, победа союзников вообще была бы невозможной. Британия не выиграла войны, но без господства ее флота на море, ее финансовой поддержки и ее армии, взвалившей на свои плечи главную тяжесть борьбы с 1916 г., поражение Антанты было бы неминуемым. Соединенные штаты не выиграли войны, но без их экономической помощи, ослаблявшей гнет войны, без их войск, своим прибытием изменивших соотношение сил на Западном фронте в пользу союзников и, что ценнее всего, вдохнувших новые надежды и свежий пыл в измученные союзные армии,— победоносное окончание войны было бы невозможно.

Не надо также забывать, как часто Россия жертвовала собой, спасая своих союзников и подготавливая тем самым путь к их конечной победе.

Наконец, должную дань уважения надо отдать той выносливости, с которой Германия в течение четырех лет войны выдерживала борьбу с превосходившим ее врагом, сама к тому же нанося ему удары. История ее борьбы — это новая Одиссея, рисующая картины изумительных военных и человеческих достижений.

Оглавление

Предисловие к переводу V
Из предисловия автора 1

Глава I

ИСТОКИ ВОЙНЫ 3

Глава II

СИЛЫ И ПЛАНЫ СТОРОН 23

Глава III

1914 г. — СХВАТКА 49
1. Марна — сражение, которого не было, но которое остановило прилив 71
2. Легендарное сражение „Танненберг" 87

Глава IV

1915 г. — ЗАСТОЙ 97
1. Дарданеллы 119
2. Десант в Галлиполи 25 апреля 1915 г. 132
3. Газовое облако над Ипром 145
4. Нежеланное сражение — Лоос, 15 сентября 1915 г. 154

Глава V

1916 г. — МЕРТВАЯ ХВАТКА 165
1. Верденская мясорубка 177
2. Брусиловское наступление 185
3. Наступление на Сомме 187
4. Тяжелое детство танка 205
5. Поглощенная Румыния 214
6. Захват Багдада 219
7. Игра в жмурки — Ютландский бой 223

Глава VI

1917 г. — НАПРЯЖЕНИЕ УСИЛИЙ 248
1. Аррас, апрель 1917 г. 268
2. Шедевр осадной войны 275
3. Драма „Пашендэйля" 280
4. Танковый сюрприз под Камбрэ 286
5. „Капоретто" 297

Глава VII

1918 г. — ПРОЛОМ 303
1. Первый почин 322
2. Прорыв во Фландрии 336
3. Прорыв к Марне 342
4. Вторая Марна — июль 1918 г. 348
5. „Черный день" германской армии — 8 августа 356
6. Разгром турецкой армии — Меггидо 364
7. Претворенная мечта — С.-Миель 373
8. Маас-Аргонский [illegible] 382

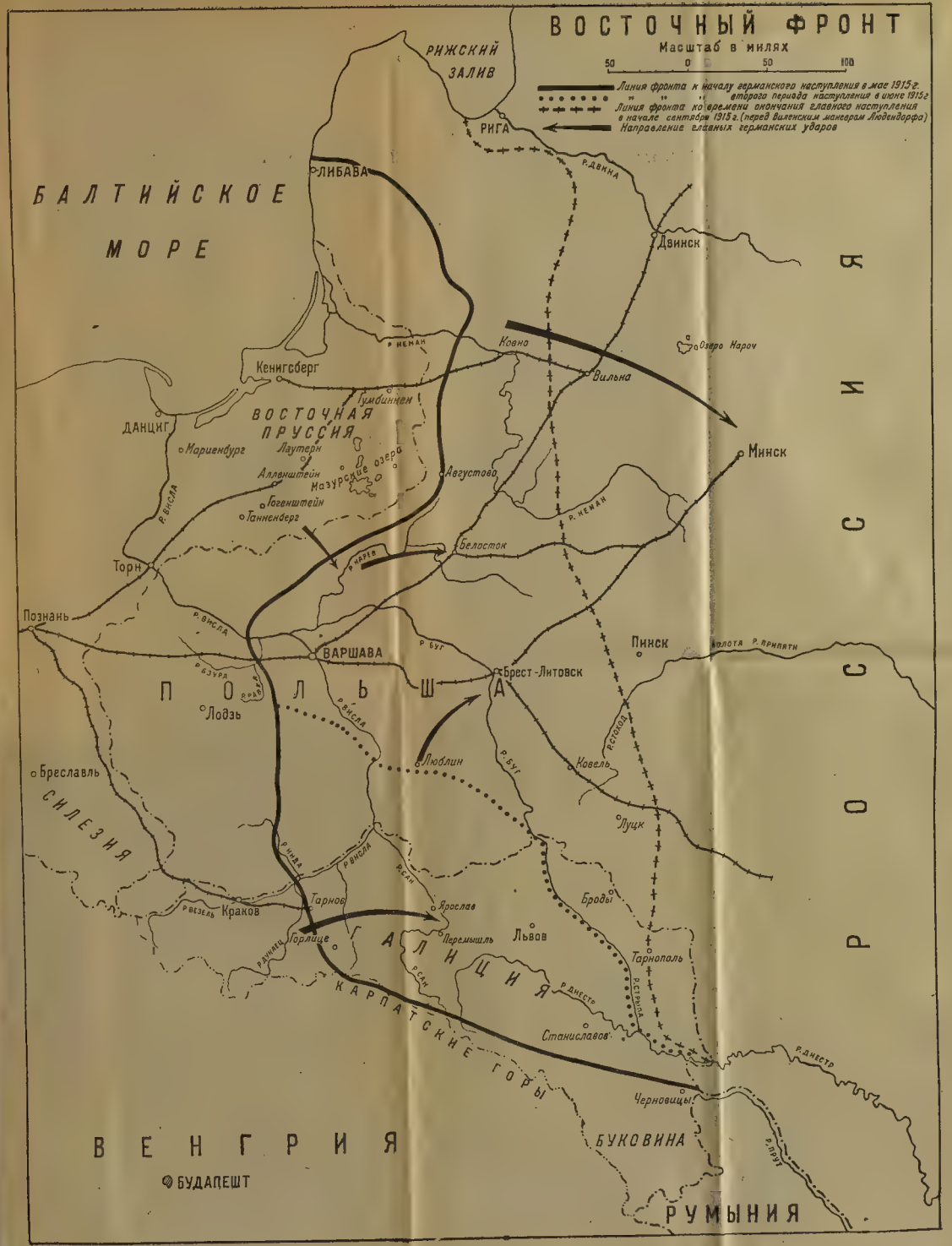
Эпилог 391

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК КПСС

СХЕМА 24

ЛОНДОН
Дувр
Фолькстон
ГОЛЛАНДИЯ
Зеебрюгге
Остенде
Антверпен
Гент
Р. ШЕЛЬДА
Р. ДИЛЕ
БРЮССЕЛЬ
Р. ГЕТТЕ
Аахен
(Экс-ля-Шаппель)
Кельн
Р. РЕЙН
Кобленц
Дюнкерк
Р. ИЗЕР
Кале
Пашендэйль
Июль 1917
Хуг
Ипр
Шелювель
Июнь 1917
Мессин
Менин
Р. ЛИС
С.-Омир
Булонь
Хозебрук
Байель
Лилль
БЕЛЬГИЯ
Льеж
Намюр
Гюи
Шарлеруа
Монс
Р. САМБРА
Мобеж
Лиллер
Март 1917
Обер
Бетюн
Нев-Шапель
Сент. 1915
Лоос
Ленс
Гребень Вими
Апр. 1917
С.-Поль
Аррас
Дуэ
Валенсьен
АРТУА
Р. ШЕЛЬДА
Камбрэ
Дуллен
Аббевиль
Бапом
Ле-Като
Июль 1917
Альбер
Р. СОММА
Перонн
Амьен
Р. УАЗА
Живе
АРДЕННЫ
Гиз
С.-Кентэн
Гам
ПИКАРДИЯ
Невшато
Мондидье
Лассиньи
Ла-Фер
Седан
Виртон
Люксембург
Трир
Р. МОЗЕЛЬ
Саарбург
ГЕРМАНИЯ
Нуайон
Лаон
Руан
Бове
Р. ЭН
Суассон
Лонгийон
Р. МААС
Февр. 1916
Компьень
Апр. 1917
Р. САР
Тионвиль
Бриэ
ЛОТАРИНГИЯ
Р. УАЗА
Санлис
Шантильи
Р. УРК
Реймс
Аргонский лес
Верден
Р. СЕНА
Шато-Тьерри
Р. МАРНА
Эперне
Шалон
ШАМПАНЬ
С.-Миель
Моранж
ПАРИЖ
Р. ПЕТИ-МОРЕН
Р. ГРАН-МОРЕН
Болота С.-Гонда
Р. ОРНЭН
Бар ле-Дюк
Гран Куронне
Туль
Нанси
Р. МОЗЕЛЬ
Р. МЕРТА
Р. МАРНА
Страсбург
Р. СЕНА
Шармский проход
Шарм
Эпиналь
ВОГЕЗЫ
ЭЛЬЗАС
Бельфор
Базель
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
Масштаб в милях
10 5 0 10 20 30 40 50 100
Приблизительное направление линий фронта в конце 1914 г
Линия фронта в конце отступления Гинденбурга в феврале 1915 г.
Линия фронта 11 ноября 1918 г

СХЕМА 25


ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
Масштаб в милях
50 0 50 100
Линия фронта к началу германского наступления в мае 1915 г.
Линия фронта ко второго периода наступления в июне 1915 г.
Линия фронта ко времени окончания главного наступления в начале сентября 1915 г. (перед Виленским маневром Людендорфа)
Направление главных германских ударов
РИЖСКИЙ ЗАЛИВ
РИГА
Р. ДВИНА
ЛИБАВА
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Двинск
Р. НЕМАН
Ковно
Озеро Нарочь
Кенигсберг
Вильна
Гумбиннен
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
ДАНЦИГ
Мариенбург
Лаутерн
Алленштейн
Мазурские озера
Августово
Минск
Р. ВИСЛА
Гогенштейн
Танненберг
Р. НЕМАН
Белосток
Р. НАРЕВ
Торн
Познань
Р. ВИСЛА
ВАРШАВА
Р. БУГ
Пинск
Брест-Литовск
Р. БЗУРА
Р. РАВКА
П О Л Ь Ш А
Лодзь
Р. ВИСЛА
Р. ПРИПЯТЬ
Бреславль
Люблин
Р. БУГ
Ковель
Р. СТОХОД
СИЛЕЗИЯ
Луцк
Р. ПИЛИЦА
Р. ВИСЛА
Р. ВИСЛА
Броды
Р. ВЕЗЕЛЬ
Краков
Тарнов
Ярослав
Горлице
Перемышль
Львов
Тарнополь
Р. ДНЕСТР
Р. СТРЫПА
Р. САН
Р. ДУНАЕЦ
ГАЛИЦИЯ
КАРПАТСКИЕ ГОРЫ
Станиславов
Р. ДНЕСТР
Черновицы
БУКОВИНА
Р. ПРУТ
ВЕНГРИЯ
БУДАПЕШТ
РУМЫНИЯ
РОССИЯ

БИБЛИОТЕКА